

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

2

« НАУКА »

2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

2 (237)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 Г.

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
д. филол. н. *В.И. Абаев*, член-корр. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
акад. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
д.и.н. *Ю.К. Колосовская*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. АН Украины *С.Д. Кръжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, акад. АН Грузии *Г.А. Меликишвили*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, к.и.н. *В.М. Смирин*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

Е.В. Антонова, *А.Н. Бадер*, *Л.С. Баюн*, *А.А. Вигасин*,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *И.С. Клочков*, *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Ю.Н. Литвиненко*, *Е.В. Ляпустина*, *Л.П. Маринович*, *А.Б. Никитин*,
А.И. Павловская, *А.В. Подосинов*, *Д.С. Раевский*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

Ye. Antonova, *A. Bader*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *M. Dandamayeva*,
E. Frolov, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpyuk*, *I. Klochkov*, *G. Koshelenko*,
V. Kuzishchin, *Ye. Lyapustina*, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*, *A. Nikitin*, *A. Pavlovskaya*,
A. Podosinov, *D. Raevsky*, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *S. Shkunayev*, *A. Smyshlyaev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigasin*, *Yu. Vinogradov*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

© Российская академия наук,
Отделение истории РАН,
Институт всеобщей истории РАН, 2001 г.

М.А. Дандамаев

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ ИДДИН-НАБУ ИЗ ВАВИЛОНА

(570–485 гг. до н.э.)¹

Как известно, экономическая жизнь Месопотамии нововавилонского и ахеменидского времени богато представлена в документах повседневной жизни. Однако, взятые сами по себе, изолированно от других подобных же текстов, эти документы часто не представляют большого интереса. Лишь составляя из отдельных документов целые архивы, относящиеся к жизни одного и того же человека или одних и тех же семей, можно проследить судьбы этих людей на протяжении нескольких поколений и составить представление об их имущественном положении во всей динамике. В этой статье делается попытка анализа документов семейного архива жителя Вавилона Иддин-Набу (иногда встречается и сокращенное написание этого имени в форме Иддина), сына Набу-бан-зера, потомка Кузнеца (Nappāhu). Он и члены его семьи упоминаются приблизительно в 250 уже опубликованных текстах, составленных в Вавилоне и его окрестностях в VI – первой четверти V в. до н.э.²

Таблички этого архива происходят из подпольных раскопок и были куплены различными музеями Европы и Америки у торговцев антикварными вещами начиная с 80-х годов прошлого века. При этом обломки одной и той же таблички иногда попадали в совершенно различные коллекции. Например, в музее Монтсерратского монастыря близ Барселоны находится верхняя часть таблички, одна треть которой попала в Переднеазиатский музей в Берлине, а дубликат этого же документа хранится в Британском музее (AuOr 15. S. 148).

¹ Данная работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00019.

² Большинство пока опубликованных текстов издано в серии *Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königl. Museen zu Berlin*. Bd III–VI. В., 1907–1908 (далее – VS; ниже при ссылках на эти тексты римскими цифрами обозначены тома, а арабскими – номера документов). Перевод этих текстов и комментарий к ним см. *San Nicolò M., Ungnad A. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungsurkunden*. Bd I: Rechts- und Wirtschaftsurkunden der Berliner Museen aus vorhellenistischer Zeit. Lpz., 1929–1937 (далее – NRV). При ссылках на остальные документы этого и других архивов использованы следующие сокращения: AfO 36–37 – *Roth M.T. The Material Composition of the Neo-Babylonian Dowry* // AfO. 1989–1990. 36–37. P. 1–55; AfO 38–39 – *MacGinnis J. Neo-Babylonian Prebend Texts from the British Museum* // AfO. 1991–1992. 38–39. P. 74–100; AoF 24 – *Wunsch C. Die Jugendsünden eines Babyloniers aus gutem Hause* // AoF. 1997. 24. S. 231–241; AuOr 15 – *Wunsch C. Neu- und spätbabylonische Urkunden aus dem Museum von Montserrat* // AuOr. 1997. 15. S. 148–154; BRM I – *Babylonian Records in the Library of J.P. Morgan*. V. I. N.Y., 1912; BV – *Peiser F.E. Babylonische Verträge des Berliner Museum*. В., 1890; Camb – *Strassmaier J.N. Inschriften von Cambyses, König von Babylon*. Lpz., 1890; Cyr – *Strassmaier J.N. Inschriften von Cyrus, König von Babylon*. Lpz., 1890; Dar – *Strassmaier J.N. Inschriften von Darius, König von Babylon*. Lpz., 1897; Nbn – *Strassmaier J.N. Inschriften von Nabonidus, König von Babylon*. Lpz., 1889. Автору данной статьи известно также содержание ряда неопубликованных документов этого архива, хранящихся в Метрополитен-музее, но они не использованы здесь (их издание подготовлено Ita Spar и W.G. Lambert). О неопубликованных табличках того же архива в Британском музее см. AuOr 15. P. 148.

В своем ценном, хотя и кратком обзоре текстов этого архива и соответствующей библиографии К. Вунш отметила, что он до сих пор в целом остается не изученным с точки зрения содержащейся в нем информации об экономике Вавилонии (AoF 24. S. 231–233. Anm. 4). Настоящая статья имеет своей целью хотя бы частично восполнить этот пробел.

В отличие от обычных людей у Иддин-Набу было два отца: родной и приемный. Его родной отец Набу-бан-зер, сын Набу-кацира, потомка Кузнеца, упоминается в одном документе, составленном в 570 г. в Вавилоне. Согласно этому тексту, некий Бел-аххе-иддин взял в долговой залог дом Набу-шум-лишира и передал его своему кредитору, а именно упомянутому выше Набу-бан-зеру на два года в антихрезу (как поясняется в документе, «нет арендной платы за дом и нет процентов на серебро»). Сумма долга в обоих случаях составляла 1 мину 20 сиклей серебра. Далее в тексте отмечается, что как только Набу-шум-лишир погасит свою ссуду, Бел-аххе-иддин передаст указанную сумму Набу-бан-зеру, который в свою очередь должен освободить заложенный дом и вернуть его первоначальному владельцу. Как отмечается в тексте, эти деньги составляли приданое Зуннайи, дочери Адад-зер-ибни, и были отданы ее мужем Набу-бан-зером в рост³. Нет никаких сомнений в том, что Набу-бан-зер, сын Набу-кацира, был отцом интересующего нас Иддин-Набу, поскольку Зуннайя была женой первого и матерью последнего (см. ниже документ Nbn 990). Однако в одном контракте, составленном в Вавилоне в 565 г., упоминается Набу-бан-зер, сын Бел-кацира, потомка Кузнеца, в связи с тем, что он купил овцу за 1 1/4 сикля серебра. Среди свидетелей этой сделки были и Гимиллу, сын Мардук-шум-ибни, потомка Кузнеца, который позднее усыновил своего дальнего родственника Иддин-Набу (VS VI, 49). Сан-Николо и Унгнад отождествляют этого Набу-бан-зера с лицом того же имени в рассмотренном выше VS IV, 25 (см. NRV. S. 239, 278). Такое предположение представляется вполне правдоподобным. Однако следует отметить, что в первом из этих текстов Набу-бан-зер назван сыном Бел-кацира, а во втором – Набу-кацира, что указанные авторы никак не комментируют.

Набу-бан-зер, по-видимому, умер в 12 г. правления Набонида (544 г.), когда состоялся раздел доходов от храмовой пребенды (isqu) между двумя его сыновьями. Пребенда эта заключалась в приготовлении в определенные дни трапезы для богини Ишхары и бога Карибу в святилище Мардука в Вавилоне. Старший брат Мардук-шум-иддин получал 4 л⁴ хлеба и 4 л пива, а Иддин-Набу – по 3 л хлеба и пива в определенные дни каждого месяца, на которые приходилось их дежурство в храме. Как видно из текста, они также поделили рабов, которые принадлежали их отцу (BV № 91⁵ AfO 38–39, № 9). Очевидно, разделу подлежало и другое семейное имущество, но соответствующий документ не сохранился или еще не опубликован. Впервые Мардук-шум-иддин упоминается в качестве контрагента в 555 г. в Бит-таби-Бел, близ Вавилона, где он вместе с одним из своих родственников купил две рабыни за 50 сиклей серебра (Nbn 40).

Кроме вышеназванных сыновей у Набу-бан-зера была еще дочь по имени Цирайя. В одном документе в качестве поручителя за уплату долга третьим лицом упоминается некая Шидату, которая названа дочерью Набу-бан-зера (VS V, 123). Однако, проследив генеалогию семьи последнего и связи с другими родственниками, Унгнад пришел к заключению, что Шидату было вторым именем Цирайи⁶.

Сохранился документ, согласно которому в 540 г. братья выдали Цирайю замуж за Набу-надин-шума, сына Мушезиб-Мардука, обещав дать за нею следующее приданое:

³ VS IV, 25; см. комментарий к этому тексту М. Сан-Николо и А. Унгнада в NRV. S. 278.

⁴ Исходя из того, что один qa равнялся 1 л и соответственно 1 kurru – 180 л. Ниже упоминаются также следующие меры веса: сикль (8,4 г), мина (500 г) и талант (30 кг). Kurru как мера площади составлял 13500 м².

⁵ Знаком / отмечены переиздания текстов, = указывает на дубликаты, а + обозначает составление единого документа из фрагментов.

⁶ Ungnad A. Babylonische Familiennamen // AnOr. 1935. 12. S. 321–322.

1 курру поля, расположенного на берегу канала близ Вавилона, 1 рабыню кроме рабыни по имени Шепитайя, которая уже принадлежала ей, а также кровать, стол и стул, 3 верхних платья, 3 куба и еще какие-то предметы домашней обстановки, названия которых разбиты⁷. При этом в тексте отмечается, что предназначенное для Цирайи поле принадлежало Зуннае, матери ее самой и ее братьев. Хотя в контракте содержится оговорка «пусть бог Мардук и богиня Царпаниту изрекут гибель того, кто нарушит это соглашение», братья не спешили в полной мере выполнить его, поскольку обещанную рабыню Цирайя получила от Иддин-Набу только в 532 г., т.е. через восемь лет после заключения контракта⁸. Цирайя упоминается также в одном весьма интересном документе, составленном в 530 г. В присутствии нескольких полноправных граждан (*mâr banê*) Вавилона она и ее муж заявили, что много лет назад Цирайя подобрала на улице бездомную девочку по имени Шепитайя и вырастила ее (VS VI, 116). Как полагает Ф. Жоаннес, это заявление было сделано для того, чтобы официально узаконить статус найденшша в качестве рабыни, принадлежащей указанной супружеской паре⁹.

Сохранился весьма незаурядный документ, составленный в 12-м году царствования Набонида (544 г.), т.е. вскоре после смерти отца Иддин-Набу, когда последний был еще молодым человеком, только начинавшим свою карьеру предпринимателя, и еще не был усыновлен Гимиллу. Этот документ содержит судебное решение относительно возмещения за телесное повреждение, нанесенное Иддин-Набу некоему Икише. Иддин-Набу обязан был уплатить последнему 30 сиклей серебра за то, что «битьем бил» его, нанес ему рану и причинил увечье лицу его. За этим приговором в табличке следуют имена шести судей и оттиски их печатей (AoF 24. S. 235). Указанная денежная сумма составляла плату взрослого наемного работника за два с лишним года или за нее можно было купить приблизительно 5400 л ячменя или фиников, которые обычно стоили одинаково (180 л за сикль). Таким образом, за свой горячий темперамент Иддин-Набу пришлось дорого заплатить.

Как отмечалось выше, Иддин-Набу был усыновлен своим родственником Гимиллу. Дата усыновления нам не известна (см. NRV. S. 12). Имущественные операции Гимиллу и его жены прослеживаются почти на протяжении четверти века, с 546 до 522 г.¹⁰ В частности, он присутствовал при скреплении печатью документа о приданом Ина-Эсагил-рамат, дочери Балагу из семьи Эгиби, которая вышла замуж за Иддин-Набу (BV № 121; дата разрушена). В ряде текстов Гимиллу выступает контрагентом. Например, в 528 г. он выдал в долг одному лицу мину серебра под залог дома. Ссуда была процентной, исходя из расчета один сикль на мину в месяц, т.е. 20% в годовом исчислении, что было нормой для Месопотамии на протяжении всей древности (VS IV, 73). Два документа, составленные в 16-м году Набонида (540 г.), являются соответственно квитанцией о взыскании процентов с одного должника и долговой распиской о выдаче ему же в ссуду 30 сиклей серебра (VS IV, 53, 54). В последнем документе среди свидетелей упомянут и Иддин-Набу. По-видимому, ко времени Набонида относится и купчая о приобретении Гимиллу раба за 40 сиклей серебра¹¹.

Контракт об усыновлении Иддин-Набу пока не известен, но во всяком случае нет сомнений в том, что оно состоялось после смерти родного отца, когда усыновленный был взрослым человеком, уже занимавшимся различными деловыми операциями¹².

Не имея наследника и оставшись на старости лет без помощи, Гимиллу и его жена решили усыновить своего родственника. О факте усыновления мы узнаем из до-

⁷ NbN 990. См. переиздание: Roth M.T. *Babylonian Marriage Agreements*. Kevelaer, 1989. № 18.

⁸ VS V, 40. Ср. также Roth. *Babylonian Marriage Agreements*. P. 12; *idem*. *The Dowries of the Women of the Itti-Marduk-balātu Family* // JAOS. 1991. 111. P. 37.

⁹ Joannès F. *Šēpī ina ʔiʔti šakānu* // NABU. 1989. 4. P. 81–82.

¹⁰ См. Roth M.T. *The Neo-Babylonian Widow* // JCS. 1991–1993. 43–45. P. 11 (там же приведены ссылки на тексты).

¹¹ VS V, 150. См. также плохо сохранившийся документ VS III, 87, где Гимиллу выступает контрагентом.

¹² Roth. *The Dowries...* P. 13. Not. 62.

кумента, составленного в 527 г. (VS V, 47). В этом тексте Гимиллу передает своему приемному сыну следующие семь долговых расписок на общую сумму в 3 мины 35 сиклей серебра: 70 сиклей составляли долг за неким Бел-апла-иддином, дом которого был взят в залог-антихрезу, т.е. без уплаты арендной платы кредитором и процентов на ссуду дебитором; 15 сиклей – долг за одним ткачом; 35 сиклей, которые находились в обороте, были имуществом, выделенным Гимиллу своей жене Таппашар, а также еще несколько долговых расписок. В свою очередь Иддин-Набу обязался «за свое усыновление» ежегодно доставлять приемному отцу 360 (?) л ячменя, 4 чана «отменного» пива и 1 верхнюю одежду. Далее в тексте отмечается, что пока Гимиллу жив, проценты с денег, отданных в рост, будут принадлежать ему. Оба контрагента «получили по одному экземпляру» данного документа. Гимиллу передал Иддин-Набу и другое свое имущество (VS V, 57 = 58, см. ниже). Но вскоре усыновитель умер, и в 525 г., приблизительно через два с половиной года после рассмотренного выше контракта VS V, 47, Иддин-Набу вступил в переговоры со своей приемной матерью Таппашар, чтобы уладить имущественные разногласия с нею (ср. NR.V. S. 34). Марта Рот проследила ее безрадостную судьбу после смерти мужа¹³. По-видимому, последний при своей жизни назначил Иддин-Набу своим единственным наследником и не позаботился об обеспечении жены, вероятно, полагаясь на порядочность приемного сына или, может быть, надеясь на свое долголетие. Став вдовой, Таппашар клятвенно заверила Иддин-Набу в том, что с нее ему причитается лишь 30 сиклей серебра: «Воистину я ничего не взяла себе кроме домашней утвари». Она также обязалась не требовать от него содержания (VS IV, 78). Как видно из следующего документа, составленного в тот же день, Таппашар продолжала жить в доме, взятом еще при жизни мужа в залог за ссуду в 70 сиклей. После погашения ссуды 30 сиклей предполагалось отдать вдове покойного на ее пропитание, а остальная часть предназначалась их приемному сыну. При этом оба они договорились о том, что до уплаты долга дебитором Таппашар будет жить в части дома, а его остальной частью будет распоряжаться Иддин-Набу. Очевидно, он подозревал Таппашар в утаивании какой-то части имущества или долговых расписок, и она вынуждена была поклясться Иштар Урукской: «Воистину нет ничего в моем владении из домашней обстановки, принадлежавшей моему мужу Гимиллу, кроме одного бронзового котла, кровати, стола и стула» (VS IV, 79; ср. NR.V. S. 44). Таким образом, кроме нескольких предметов домашней обстановки, очевидно, входивших в состав ее приданого, Таппашар досталось всего 30 сиклей серебра. К тому же она жила в чужом доме, откуда она должна была выехать после погашения ссуды его владельцем¹⁴.

Выше упоминался документ BV 121, где говорится о приданом Эсагил-рапат (ее полное имя было Ина-Эсагил-рапат, как это видно из ряда других текстов), жены Иддин-Набу, которая происходила из боковой линии знаменитого рода Эгиби. Согласно этому тексту, ее отец Балату выделил ей приданое, состоявшее из финиковой рощи в 4 пан (10800 м²), расположенной в местности Кар-Гашмету близ Вавилона, одного раба, стула, лампы и 2 чаш¹⁵. Среди свидетелей упомянут, в частности, Мардук-шумидин, старший брат Иддин-Набу. Дата этого документа не сохранилась. Вероятно, он был составлен до 530 г., от которого также сохранился документ, в котором Кашша, мать Эсагил-рапат, распоряжается своим имуществом. Из своей финиковой рощи в один курру (т.е. 13500 м²), расположенной в местности Набату, 3 пан 2 сут (9000 м²) она завещала «старшей дочери» Эсагил-рапат вместе с одним рабом по имени Силим-Бел, а 1 пан 4 сут (4500 м²) – другой дочери (Амат-Нинлиль). В тексте содержится

¹³ Roth. The Neo-Babylonian Window. P. 11–13.

¹⁴ Ibid. P. 13.

¹⁵ О приданом Ина-Эсагил-рапат, ее матери и дочерей см. Roth. The Dowries... P. 36–37. О ее имущественных сделках см. Weszeli M. Frauen im Wirtschaftsleben Mesopotamiens (7.–5. Jh. v. Chr.) // Frauenreichtum: Die Frau als Wirtschaftsfactor im Altertum / E. Specht. Wien, 1994. S. 132–137. Она выступает контрагентом в сорока двух документах, составленных между 537–497 гг.

оговорка о том, что пока Кашша жива, она сама будет пользоваться указанным имуществом. Можно было бы предположить, что здесь и в BV 121 речь идет об одной и той же земле, но места их расположения не совпадают (VS V, 43/44). Роща в Набату упоминается также в одном более раннем документе (время Набонида, год разрушен), согласно которому Балату, муж Кашши, взял из ее денег 4 мины серебра, предоставив в ее пожизненное распоряжение землю в один курру (VS VI, 90/91). Однако несколько позднее завещание Кашши было изменено. Так, в 529 г. она передала раба Силим-Бела одному из своих сыновей, сделав в документе оговорку о том, что дочери не имеют на него права (VS V, 45/46; ср. NRV. S. 32).

Перейдем к рассмотрению имущественных сделок Иддин-Набу.

ДОКУМЕНТЫ О КУПЛЕ-ПРОДАЖЕ РАБОВ

В 521 г. Иддин-Набу продал раба за 2 мины 15 сиклей серебра некоему Хабациру. Последний передал этого раба «в дом» какого-то «перса» (Parsaja), но тот бежал оттуда ночью. Дело рассматривалось в суде, по решению которого Иддин-Набу должен был вернуть Хабациру цену раба вместе с процентами на эту сумму. В свою очередь Хабациру передал Иддин-Набу контракт о продаже раба (VS IV, 87 = 88). Поскольку в рассматриваемый период раб стоил в среднем немногим больше одной мины, проданный Иддин-Набу раб, вероятно, был квалифицированным ремесленником. Решение суда объясняется тем, что продавец раба давал гарантию, в частности, в том, что последний в течение определенного периода (обычно первых ста дней после заключения контракта) не совершит побега от своего нового хозяина.

Иддин-Набу купил раба по имени Аткал-ана-Бел за 1 мину 20 сиклей (VS V, 149; дата разрушена). За такую же цену в 502 г. он купил еще одного раба (Иттил-Белгузу). Последний принадлежал жене продавца (она присутствовала при составлении документа) (VS V, 93). Это был заложенный раб, проданный позднее из-за непогашенного долга в 65 сиклей. Через девять дней после заключения контракта о продаже хозяева выкупили обратно своего раба и потребовали, чтобы Иддин-Набу вернул им долговую расписку на 65 сиклей (VS IV, 155; ср. NRV. S. 120).

В 537 г. Иддин-Набу судился с одним своим тезкой, сыном Шулы, из-за раба, за которого было уплачено 72 сикля серебра и 180 л ячменя. Детали этой виндикации нам не известны, поскольку в тексте только отмечается, что два поименно названных лица должны были привести к определенному времени Иддин-Набу, сына Шулы, в суд, а в противном случае уплатить указанную выше цену раба (VS VI, 97).

Несколько документов свидетельствует о приобретении рабов Эсагил-рапат, женой Иддин-Набу. В 538 г. она купила у Нупты, дочери На'ид-Мардука, рабыню Нана-белуцур и ее месячного сына за 1 мину 12 сиклей (VS V, 35). Позднее, в 533 г., в одном документе указывается, что при продаже этой рабыни присутствовал старший сын Нупты (VS VI, 101 = 102). В 512 г. Эсагил-рапат купила еще одну рабыню (Ша-Ниниль-уддэ) за 2 мины 52 сикля (VS V, 73). Хотя в документе отмечается, что цена была полностью уплачена, через два месяца был составлен другой документ, согласно которому Иддин-Набу, муж Эсагил-рапат, должен был отдать бывшему хозяину этой рабыни 32 сикля серебра, остаток ее цены, который необходимо было уплатить в течение двух недель (VS IV, 133). Десять лет спустя эта рабыня была отдана Иддин-Набу в приданое за своей дочерью Таблуту (Dar 522; ср. NRV. S. 116). В 503 г. последняя купила рабыню за 2 мины 30 сиклей (VS V, 90). В одном случае Иддин-Набу получил ссуду (сумма не сохранилась) под залог выше упомянутой рабыни Нана-белуцур (VS IV, 207).

ДОКУМЕНТЫ О ПРЕБЕНДЕ

Как мы выяснили выше, Иддин-Набу унаследовал часть пребенды своего родного отца в храме Эсагила в Вавилоне с соответствующими доходами ячменем и пивом. Обязанностью пребендаря в данном случае было приготовление трапезы для богов.

Но для этого можно было нанять других лиц (даже рабов), однако ответственность за пребенду нес сам ее владелец. Иддин-Набу досталась также пребенда своего приемного отца, доход с которой состоял из 1/2 л хлеба и такого же количества пива, а также куска говядины за каждый день дежурства в храме. Об этом говорится в двух документах, составленных в период кратковременного царствования Бардии (522 г.). В первом из этих текстов отмечается, что если Иддин-Набу решит продать эту пребенду или отдать ее в аренду, он должен пригласить в свидетели некоего Шакин-шума, сына Надная, потомка Кузнеца. Вероятно, он состоял в каком-то родстве с Гимиллу и намеревался оспаривать принадлежность данной пребенды Иддин-Набу (VS V, 57 = 58; см. также VS VI, 117; ср. NRV. S. 39). Насколько можно понять из одного недатированного текста, Иддин-Набу нанял вместо себя двух человек для охраны храма, однако не уплатил им. Этот факт был зафиксирован в присутствии ряда лиц из сословия полноправных, очевидно, для дальнейшего рассмотрения в судебном порядке (VS VI, 247).

В ряде случаев Иддин-Набу нанимал других лиц для несения обязанностей, связанных с пребендой. Например, в 537 г. он нанял за 480 л ячменя одного раба для обеспечения в течение двух лет жертвенных обедов для богини Ишхары. Арендатор был ответствен за своевременную доставку в храм Эсагила хлеба и первостепенного пива. Каждый из контрагентов получил по одному документу (VS VI, 96).

В двух контрактах отмечается, что сданная в аренду пребенда принадлежала Иддин-Набу и его «старшему брату» Мардук-шум-иддину. Ее арендодателем выступает Иддин-Набу. Согласно первому тексту, арендатор обязан был обеспечивать для «стола» бога Карибу по пять сладких лепешек ежемесячно в течение семнадцати дней, с 1-го по 17-й день. Документ был составлен в 510 г. (VS VI, 129). В 503 г. Иддин-Набу снова сдал эту же пребенду в аренду (VS V, 87 = 88). Но иногда он сам нанимался для выполнения обязанностей по пребendam других лиц. Например, некий Набу-убаллит передал ему свою пребенду на хлебопечение и пивоварение. Арендатор обязан был ежемесячно в течение трех дней, от 21-го по 23-й день, доставлять в храм «безупречный» хлеб, «отменное» пиво, уголь, а также нес ответственность за чистоту чанов. Его вознаграждение составляло 120 л «отборных» фиников и 12 талантов (360 кг) дров в год. Контракт был заключен в 531 г. на три года и в случае его нарушения виновный обязан был уплатить 10 сиклей серебра (VS VI, 104; см. также VS VI, 324). В 520 г. Иддин-Набу продал одну из своих пребэнд. Ее цена не известна, но покупатель оставался должен еще 15 сиклей, которые он обещал уплатить через шесть недель (VS IV, 92 = 93; см. также ниже в разделе о налогах).

СДАЧА ЗЕМЛИ В АРЕНДУ

Иддин-Набу и его жена владели земельными участками (главным образом финиковыми рощами), расположенными близ Вавилона в Кар-Ташмету, Набату и Кар-Набу, и сдавали их в аренду. В ряде текстов отмечается, что земли в Кар-Ташмету и Кар-Набу находились в общей собственности Эсагил-рапат, ее брата Набу-табни-уцур или сестры Гигиту (ее еще звали Апат-Нинлиль, см. NRV S. 431).

Среди арендаторов в Кар-Ташмету несколько раз упоминается Арад-Нергал, сын Набу-мукки-элипа. В 531 г. он должен был доставить 3636 л фиников меркой в 1 пан (36 л). При этом 2/3 земли принадлежала Эсагил-рапат, а 1/3 ее сестре Гигиту (VS III, 67; см. также AuOg 15,4). В 530 г. арендная плата, полученная ими, составила 1584 л фиников (не считая пальмовых субпродуктов). Из них 1/3 была долей Гигиту, а 2/3 предназначались для Иддин-Набу (VS III, 69). Писцом этого документа был Набу-табни-уцур, сын Балату, потомка Эгиби, т.е. брат Эсагил-рапат и Гигиту (см. NRV. S. 432). В одном случае Арад-Нергал поклялся доставить к определенному сроку 90 л, остаток арендной платы за прошлый год (VS VI, 126; ср. NRV. S. 583). Судя по другому тексту, после уплаты различных налогов и сборов арендная плата с одного курру рощи составила 2880 л фиников (VS III, 223). Наибольшая сумма, уплаченная с участ-

ка в Кар-Ташмету, равнялась 5400 л, не считая определенного количества полузрелых фиников, различных субпродуктов и 15 талантов дров, т.е. сухих веток пальм (VS III, 75; о том же арендаторе см. еще VS III, 78). В 532 г. арендная плата с рощи Эсагил-рамат составила 3060 л фиников. В тексте арендатор назван «садовником». Часть платы по поручению Эсагил-рамат была уплачена ее кредитором¹⁶. Среди арендаторов был также Хабациру, сын Бел-ремани из семьи Эгиби, которому в 517 г. Иддин-Набу сдал один курру земли, приданое своей жены, на 10 лет. Годовая плата составляла 1530 л фиников, 10 талантов дров и пр., ее необходимо было доставлять в месяце *арахсамна* (октябрь – ноябрь). По условиям контракта его нарушитель обязан был уплатить 20 сиклей штрафа (VS V, 66). Одним из арендаторов рощи в Кар-Ташмету был Иддин-Набу, сын Забаба-иддина. В 512 г. он уплатил 900 л фиников (VS III, 108), а в 498 г. – 1080 л того же продукта¹⁷.

В следующих документах арендатором выступает Балату, сын Набу-балти-или. Два текста относятся к 509 г., и в первом из них он обязуется отдать Иддин-Набу 396 л фиников и 10 талантов дров – остаток арендной платы за 511 г. (VS VI, 130). Владельцем финиковой рощи, расположенной в Кар-Набу, во втором тексте названа Эсагил-рамат, но арендная плата была вручена ее мужу¹⁸.

Арад-Бел, сын Римута, и Либлут, сын Арад-Гулы, в 520 г. обязались доставить 360 л фиников – остаток арендной платы с рощи в Кар-Набу (VS III, 90; см. также VS III, 175). В 519 г. арендатором той же рощи был Эриб-Мардук, сын Римута, который обязался доставить 1440 л фиников и ряд субпродуктов (VS III, 94 = 95). Несколько раз, начиная с 500 г., среди арендаторов в Кар-Набу упоминается еще одно лицо (Никуд)¹⁹.

СДАЧА ДОМОВ В АРЕНДУ

Самый ранний документ о сдаче домов Иддин-Набу в аренду относится к 521 г. Арендный период равнялся трем месяцам, а плата немногим превышала 1/2 сикля серебра в месяц, и ее надо было вносить ежемесячно равными долями. Арендатор, как и в других аналогичных контрактах, брал на себя обязанность заботиться о капитальных стенах и крыше и, в дополнение к арендной плате, отдать также «подарок». Документ составлен за три дня до начала арендного срока (VS V, 59).

В следующем году был сдан дом, расположенный рядом с домом известного предпринимателя Таб-цилли-Мардука, за 15 сиклей в год. Половину платы надо было вручить в начале, а остальную часть в середине года. Кроме того, арендатор должен был в течение года доставить три подарка. Контракт был записан через две недели после фактической сдачи дома в аренду (VS V, 61). Этот же дом упоминается и в 506 г., когда он был отдан в аренду за 13 сиклей еще одному арендатору (VS V, 81; см. также AuOr 15, 5). В 518 (?) г. дом, расположенный у дороги, по которой проходила процессия, посвященная празднику почитания бога Набу и богини Инанна, был сдан в 18 сиклей ежегодной платы (наряду с подарками) сроком на 5 лет некоему Бел-этир-Набу. Нарушитель контракта должен был уплатить 1 мину серебра (VS V, 64). В 509 г. тот же дом, будучи сданным на три года некоему Мурану, приносил хозяину 18 сиклей в год (VS V, 78). В 506 г. арендная плата за этот дом стала 20 сиклей (VS V, 82). В одном случае арендатором этого дома был раб третьего лица. Сумма арендной платы в тексте не сохранилась, но она равнялась 20 сиклям, поскольку Иддин-Набу уже при заключении контракта получил 10 сиклей серебра – «за первую половину года»²⁰.

¹⁶ VS III, 66; ср. NRV. S. 431. О двух арендаторах того же участка см. VS III, 110, 122 + 123.

¹⁷ VS III, 134 а; см. также VS III, 137, 173, 215.

¹⁸ VS III, 134; см. также: VS III, 170, 207, 230.

¹⁹ VS III, 131 = 132, 171, 211, 231. Об арендаторах в Кар-Набу см. также VS III, 83, 86, 112, 114, 169, 200, 205, 226, 227, 230; в Набату – VS III, 76, 170, 172. Ср. еще фрагментированные VS III, 82; VS VI, 321, 330.

²⁰ VS V, 84. Об аренде этого же дома см. также VS V, 131, 151; VS VI, 201.

В 517 г. Иддин-Набу сдал один из своих домов за 25 сиклей Бел-суп-мухуру (VS V, 68). Самая высокая годовая арендная плата, полученная Иддин-Набу за один дом, составила 30 1/4 сикля²¹.

ПОКУПКА НЕДВИЖИМОСТИ

В дополнение к тем нескольким домам, которыми уже владел, Иддин-Набу покупал новые. Сохранилась долговая расписка на 1 мину 52 1/2 сикля серебра, которую Иддин-Набу выдал в 529 г. Икише, сыну Шум-иддина. Эта сумма являлась «остатком цены за дом». Должник обязался уплатить ее через три месяца. Примечательно, что продавец был братом Кашши, матери Эсагил-раamat, и, следовательно, тещи Иддин-Набу (VS IV, 71; ср. NR.V. S. 207). В 520 г. он приобрел два дома. Один из них был ранее заложен в обеспечение ссуды в 30 сиклей. Кредитором был некий Набу-шумлишир. Очевидно, должник оказался не в состоянии погасить ссуду, и Иддин-Набу купил дом, в то время как кредитор присутствовал при заключении контракта (VS IV, 197; см. также VS IV, 72, 106).

Второй дом (или, возможно, это был участок для застройки) был расположен недалеко от одних из городских ворот Вавилона и имел площадь 61,25 м². Его владельцами были три сына Бел-балассу-икби, одного из должников Гимиллу, приемного отца Иддин-Набу. Тем временем Гимиллу умер, а долг все еще не был уплачен и поэтому пришлось продать дом за 70 сиклей. Если кто-нибудь из контрагентов нарушит эту сделку, он обязан был уплатить указанную сумму в 12-кратном размере. Кроме того, контракт содержит оговорку, что «если локтей (т.е. площади) будет больше или меньше, они (контрагенты) в соответствии с ценой уравнивают счет между собою» (Dag 37). Этот контракт был заключен в 520 г. и имеет интересное продолжение в документе, составленном в следующем году или позднее (дата не полностью сохранилась). Здесь проданное помещение названо «рыночной палатой» и отмечается, что ее площадь оказалась больше, чем предполагалось, и поэтому один из продавцов получил с Иддин-Набу разницу в цене (VS V, 113; ср. NR.V. S. 39–40).

Дата следующего документа не сохранилась. В нем зафиксирована покупка Иддин-Набу еще одного дома площадью 63,75 м², также расположенного в Вавилоне, в районе, носившем название Шуанна. За него было уплачено 3 мины 11 сиклей. Нарушитель контракта обязан был уплатить эту сумму в 12-кратном размере (BV 117). В одном документе от 520 г. зафиксировано обязательство продавца в течение месяца передать Иддин-Набу контракт об обмене какого-то дома на участок земли, принадлежавшей третьему лицу, или же дать клятвенное объяснение относительно этого документа (VS VI, 120; ср. NR.V. S. 150).

РОСТОВЩИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

Значительная часть документов архива семьи Иддин-Набу относится к характерным для нововавилонского времени абстрактным долговым распискам. Они обычно были документами о выдаче ссуды, но нередко оформляли арендную плату за землю или дома, неоплаченный остаток за различные товары или услуги, кредит для торговли, для открытия ремесленных мастерских и т.д. Например, в ряде случаев отмечается, что определенные лица должны были Иддин-Набу какое-то количество фиников, но в таких случаях в действительности речь идет о недоимках по арендной плате и, как известно из других текстов, эти должники были арендаторами. Поэтому здесь будут рассмотрены только ростовщические операции Иддин-Набу, а также полученные им ссуды. Иногда в документах отмечается, что выдаваемые в ссуду деньги принадлежали его жене Эсагил-раamat. Нередко в документах говорится, что все имущество должника, находившееся «в городе и степи», является залогом кредитора (см., например, VS VI, 328).

²¹ VS IV, 138; См. также VS IV, 110, 129, 146, 182.

В 531 г. Эсагила-рамаат ссудила 1 мину 20 сиклей серебра трем братьям, и их дом был передан в антихрезу на два года. Среди свидетелей выступает Гимиллу, приемный отец Иддин-Набу (VS IV, 66). В 502 г. она ссудила одному из этих братьев 24 сикля под залог земли (VS IV, 90). В 529 г. Иддин-Набу ссудил 50 сиклей серебра одному своему тезке и его матери под залог пребенды в храме Эсагила. В тексте отмечается, что прежние долговые расписки были погашены. Среди свидетелей первым упоминается тот же Гимиллу (VS IV, 69). В 504 г. Иддин-Набу дал в ссуду некоему Шакин-шуму 32 1/2 сикля серебра. Как и в других случаях, проценты исчислялись исходя из пропорции один сикль на мину в месяц, т.е. 20% в год (VS IV, 147). В одном случае ссуда составила всего 5 сиклей серебра, но в расписке отмечается, что тот же должник ранее получил 10 сиклей²². В документе времени Камбиза (год разрушен) отмечается, что 15 сиклей было выдано Гимиллу, приемным отцом Иддин-Набу, в ссуду некоему Набу-ушаллиму. Тем временем должник умер и два его сына обязались возместить указанную сумму Иддин-Набу (VS IV, 84).

В ряде случаев Иддин-Набу по поручению своей сестры Цирайи собирал долги и проценты на них (см., например, VS IV, 61). Кроме того, он выступал поручителем в долговых сделках третьих лиц (см., например, VS IV, 155) или свидетелем (VS IV, 96; VS V, 38, 134). Но иногда и сам Иддин-Набу упоминается в качестве должника. Так, например, в 533 г. он взял в ссуду сроком на семь месяцев 18 сиклей (VS IV, 63). В одном документе от 512 г. отмечается, что Иддин-Набу уплатил 12 1/2 сикля из общей ссуды в 44 1/2 сикля²³. В частности, кредитором Иддин-Набу был и его старший брат Мардук-шум-иддин. Ссуда составляла 22 сикля и была выдана в 537 г. (VS IV, 59). В одном документе от 501 г. говорится, что третье лицо выдало Иддин-Набу в долг 1800 л фиников из «имущества бога Бела» сроком на месяц. Среди свидетелей упомянут Шеллиби, сын должника (VS III, 127). Суть дела в тексте не объясняется. Еще менее понятен документ, составленный в 517 г. и фиксирующий уплату Иддин-Набу 2 мин серебра одному своему тезке, чтобы уладить расчеты с третьим лицом. Возможно, что здесь имеется в виду кредит для каких-то торговых сделок (VS IV, 108).

ЗАКАЗ РЕМЕСЛЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ

Согласно одному документу от 529 г., Иддин-Набу должен был своему брату Мардук-шум-иддину 1 мину 12 сиклей серебра, которые необходимо было уплатить в течение 9 месяцев в капитале, т.е. без процентов. В тексте содержится оговорка о том, что когда Иддин-Набу уплатит указанную сумму, он может взять у своего брата «золотые петли и колечки», т.е. определенные ювелирные изделия (Camb 45). По всей вероятности, они были заказаны у какого-то ювелира для Иддин-Набу, а оплату произвел его брат.

Иддин-Набу заказал одному рабу третьего лица 110 кирпичей, которые надо было доставить ему в течение месяца с небольшим (VS VI, 122). В 527 г. он также заказал одно верхнее платье у какого-то ткача. Если оно не будет готово через 6 дней, последний должен был уплатить 8 сиклей серебра (VS VI, 110). По-видимому, сюда включена не только цена одежды, но и штраф за невыполнение контракта в оговоренный срок (ср. NRV, S. 248). В другом случае Иддин-Набу оплатил стоимость одного бронзового сосуда весом около 2 кг (VS VI, 112).

НАЛОГИ

Значительный интерес представляет документ, по свидетельству которого ячмень, хлеб, пиво, мясо и финики, полученные Иддин-Набу в качестве дохода с его пребенд, были обложены налогом в пользу «дворца». Обложению подлежали доходы, получен-

²² VS IV, 62. Далее о выдаче денежных ссуд или получении процентов с них см. VS IV, 61, 80, 81, 86, 102, 119, 128, 132, 186, 316.

²³ VS IV, 131. См. также VS IV, 82, 117, 120, 190 и 207.

ные за период от месяца *сману* 4-го года Дария I (518 г.) до *кислиму* 6-го года (516 г.), хотя соответствующая квитанция была написана в месяце *сману* 9-го года того же царя, т.е. через три года после уплаты налогов с соответствующих доходов (VS V, 72).

В нескольких других документах времени Дария I также фиксируется уплата налога (*ilku*) Иддин-Набу, но интерпретация этих текстов связана со значительными трудностями ввиду их плохой сохранности. Сумма налога колебалась от 5 до 30 сиклей в зависимости от периода обложения²⁴. В одном случае Иддин-Набу платит налог совместно «со своим поваром», который готовил жертвенные обеды для богов в соответствии с обязанностями по пребенде. Оба они вместе уплатили 3 сикля (VS IV, 122).

ДОКУМЕНТЫ О ПРИДАНОМ

Кроме двух сыновей у Иддин-Набу была еще и дочь по имени Таблуту, и он выделил ей весьма щедрое приданое. Оно состояло из 9 мин серебра, 1 рабыни и домашней утвари. Если верить документу, составленному в 5-й день месяца *сману* 21-го года Дария I (501 г.), это приданое было уже отдано Нидинту-Мардуку, мужу Таблуту, и при этом присутствовала ее мать Эсагила-рагат (Dag 522). Однако, как это часто случалось, передача приданого в указанный срок не состоялась и для окончательного расчета потребовалось еще 8 месяцев и 5 дней. 10 *улулу* того же года, т.е. через 3 месяца и 5 дней, Нидинту-Мардук дал расписку в том, что он получил из рук Иддин-Набу 5 мин 50 сиклей «из 9 мин приданого Таблуту». Среди свидетелей на первом месте упомянут один из братьев Эсагила-рагат. В тексте отмечается, что «по одному документу они (т.е. отец и муж Таблуту) получили» (BV 100). Ровно через пять месяцев после этого был составлен еще один документ, сохранившийся в двух экземплярах. В нем указывается, что Нидинту-Мардук получил от Иддин-Набу 9 мин серебра, 2 рабов (раньше речь шла только об одном рабе), стол, стул, 3 бронзовых кубка, подставку для кувшина, скамеечку для ног и ряд других предметов²⁵. Трудно установить, когда Иддин-Набу умер, но к 23 г. царствования Дария I (497 г.) его, по-видимому, уже не было в живых, поскольку его сын Шеллиби получил плату с рощи в Кар-Ташмету, сданной в аренду его отцом (VS III, 137). В следующем году Шеллиби взыскал с одного должника своего отца 1 1/2 мины серебра (BV 102).

Много документов интересующего нас архива освещают предпринимательскую деятельность Шеллиби, сына Иддин-Набу (см. BV. S. XLVI–XLVIII). Остановимся на них лишь выборочно. Они, подобно рассмотренным выше текстам, являются документами о пребенде²⁶, уплате арендной платы с земли²⁷ и за дом (VS IV, 151), ростовщических операциях (обычно выдача ссуд под проценты и залог земли, пребенд и рабов)²⁸. В двух текстах Шеллиби выступает поручителем за разных должников²⁹.

Самое раннее упоминание о нем относится к 522 г., когда его отец Иддин-Набу передал гонцу одного храмового чиновника (вероятно Эсагилы) серебро (сумма не указана) – вотивное приношение своего сына (VS IV, 85). Вероятно, в то время Шеллиби был еще несовершеннолетним (ср. NRV. S. 37). В 511 г. один вавилонянин заявил Иддин-Набу в присутствии ряда полноправных следующее: «У меня нет долга за Шеллиби, твоим сыном, и я не имею к нему иска» (VS VI, 127). В 501 г. Шеллиби упоминается среди свидетелей расписки, в которой его отец фигурирует как должник (VS III, 127).

²⁴ VS IV, 109, 115 = (116), 123, 125, 127.

²⁵ Dag 530 = BV 101 + 122. Текст переиздан М. Пот, см. AfO 36–37. P. 52, 8; см. также Roth. The Dowries... P. 36; Marx V. Die Stellung der Frauen in Babylonia // BA. 1902. 4. S. 24.

²⁶ BV 154; VS V, 136; VS VI, 152 = (153), 168, 179.

²⁷ VS III, 125, 135, 147, 176.

²⁸ Он выступает кредитором также в BV 116, 120, 124; VS IV, 151, 159, 165, 166, 175; VS VI, 154, 323 и должником в AuOr 15. 6; BV 104, 105, 106, 109, 110, 114; Dag 399, 407; VS IV, 142, 143, 164, 169, 171, 172.

²⁹ BV III; VS IV, 188. Ср. VS VI, 165 – фрагмент с клятвой, где Шеллиби выступает свидетелем.

Шеллиби, естественно, унаследовал пребенду своего отца в храме Эсагила. По свидетельству одного документа, управляющий этим храмом заявил, что Шеллиби должен нести дежурство с 1-го по 5-й день каждого месяца, доставляя для трапезы богини Ишхары по 18 л пива и хлеба (VS VI, 273). Кроме того, он купил еще одну пребенду, уплатив за нее весьма высокую цену. Об этом свидетельствует ряд связанных между собой текстов. Первый из них относится к 496 г. и фиксирует приобретение Шеллиби у Ана-Бел-эреша, сына Набу-апла-иддина, пребенды мясника быков и овец в храме Ишхары для праздничных и вечерних трапез. Она была приобретена за «полную цену» – 3 мины серебра (BV 107 / AfO 38–39, 7). Затем женщина по имени Кабтая уведомила Шеллиби о том, что проданная ему пребенда была заложена для обеспечения ссуды в 3 мины серебра, предоставленной ею в распоряжение Ана-Бел-эреша. Предъявив долговую расписку, она также заявила, что собирается оспаривать законность продажи этой пребенды. В конечном итоге ей удалось стать совладелицей данной пребенды совместно с Шеллиби (BV 108 / AfO 38–39, 8). Однако еще один кредитор (некий Бел-иддин) предъявил претензию на эту пребенду, и в 494 г. Кабтайи пришлось уплатить ему мину серебра, а он обязался не судиться с нею³⁰.

В 504 г. Шеллиби купил у Мардук-ремани, сына Кидинну, «пребенду певчего перед богиней Ишхара на восьмой день месяца нисанну», дававшую право на одну голову быка, голову барана и «посредственный» кусок мяса. В контракте не указана цена этой пребенды, но отмечается, что сверх «полной цены» Шеллиби уплатил дополнительно еще 2 сикля серебра (AfO 38–39, 5). Но, как видно из другого документа от того же года, эта цена равнялась 16 сиклям (BV 97 = Dar 463). Однако окончательный расчет был произведен лишь в следующем году (Dar 487)³¹. В 494 г. Шеллиби заложил одну из своих пребенд за ссуду в 63 сикля (AuOr 15, 6 = BV 112). Станным может показаться контракт, согласно которому Шеллиби взялся отремонтировать дом, принадлежавший некоему Эриба-Мардуку. Но впоследствии оба контрагента согласились аннулировать эту сделку и предоставить владельцу дома возможность передать заказ другому лицу (VS V, 99). Очевидно, Шеллиби не был строителем, и в данном случае он собирался стать лишь подрядчиком, но в конечном итоге ему пришлось отказаться от заказа.

В одном тексте Шеллиби вместе с неким Арад-Бау выступает арендатором земли Багасара, заведующего сокровищницей персидского царя Дария I (Dar 296). Площадь арендованного поля не указана, но его владелец должен был получить 30 600 л ячменя. Обычно владельцу земли платили 1/3 урожая. Очевидно, Шеллиби не сам обрабатывал арендованное поле, а прибегал к наемному труду (см. также AuOr 15, 7). Судя по одному недатированному тексту, в течение определенного времени Шеллиби выполнял какую-то работу для «дома царевича» (вероятно, имеется в виду будущий царь Ксеркс) и доставил туда 1800 л ячменя (VS III, 210).

Среди ростовщических операций Шеллиби можно отметить выдачу им одной мины серебра под залог рабыни должника и поручительство третьего лица (VS IV, 170). В ряде случаев Шеллиби прибегал к услугам различных ремесленников. Так, в 499 г. он заказал «новую превосходную» одежду у некоего Аплы, уплатив за нее 1 сикль серебра (VS IV, 141). В 495 г. он договорился с одним из своих контрагентов, что тот доставит ему в Кар-Ташмету три «безупречные» балки. При этом Шеллиби обязался уплатить контрагенту 36 л ячменя. По всей вероятности, здесь речь идет об остатке цены за балки (см. NRV. S. 259). Из одного документа от 496 г. видно, что Шеллиби владел судном, которое находилось в распоряжении нанятого им корабельщика, но было отдано последнее в аренду за 1 сикль серебра в день. Эта плата вручалась непосредственно Шеллиби (VS V, 98).

В нескольких документах нашли отражение взаимоотношения между Шеллиби и его женой, которую звали Хибтая. Из документа от 513 г. видно, что по крайней мере

³⁰ BV 113 = 118 / AfO 38–39, 8; см. также BV 119. Ср. BV. S. 289–291; AfO 38–39. P. 78.

³¹ Шеллиби выступает пребендарием в храме Ишхары и по VS VI, 143.

за пять лет до этого они были разведены или жили отдельно друг от друга. В тексте отмечается, что она не получала от Шеллиби одежды в течение пяти лет и накопившаяся за ним сумма денег уже равнялась 2 минам серебра, которые он обязался уплатить ей (BV 95). Однако в документе от 498 г. снова упоминается долговая расписка на 2 мины – «цену одежды Хибтайи» (BRM I, 80). По-видимому, здесь речь идет о вновь накопившемся долге. Сохранилась также расписка Хибтайи в получении от Шеллиби 90 л ячменя в качестве продовольствия за три месяца 33-го года правления Дария I (489 г.) (VS VI, 161). Приблизительно за четыре месяца до этого Хибтая дала расписку в получении от Шеллиби 630 л ячменя, продовольствия за 21 месяц, от *шабату* 31-го до конца *ташриту* 33-го года Дария, т.е. по 1 л в день. По-видимому, отношения между (бывшими?) супругами были напряженные, поскольку алименты выплачивались через третье лицо и каждая сторона получала по экземпляру документа (BV 115).

У Шеллиби был также брат, которого звали Эриба. Вероятно, он был младшим в семье и получил только 1/3 имущества (без учета приданого сестры). Его имя встречается лишь в трех документах, составленных соответственно в 500 и 498 гг. Возможно, он рано умер, но также не исключено, что свои документы держал отдельно от семейного архива. Отношения этих людей друг к другу не покажутся нам братскими в свете расписки, по свидетельству которой в 500 г. Шеллиби дал в долг Эрибе 40 сиклей серебра сроком на три месяца. Ссуда, правда, была беспроцентной, однако для ее обеспечения Эрибе пришлось заложить дом (VS IV, 158). В то время как Шеллиби сдавал земли в аренду, судя по одному документу, Эриба сам становился арендатором у других лиц (VS III, 136). Он упоминается также среди свидетелей документа, в котором некий Бел-иддин обязуется внести арендную плату для Шеллиби (VS III, 135).

Приведенные выше документальные свидетельства можно подытожить следующим образом. Иддин-Набу, по-видимому, происходил из семьи с довольно скромным достатком. Кроме родителей она состояла из двух сыновей и дочери. Нам точно не известно, какое имущество имела эта семья, но размер его можно представить себе, исходя из следующих данных. После смерти Набу-бан-зера в 544 г., его сыновья выдали свою сестру Цирайю замуж, выделив для нее такое приданое: курру (13500 м²) земли, 1 раба, 3 платья, кровать, стол и стул. Храмовая пребенда приносила лишь незначительный доход – по 7 л хлеба и пива в определенные дни в году. Все имущество семьи включая приданое, вероятно, состояло приблизительно из 3 га земли, нескольких рабов, указанной пребенды и домашней обстановки. Поскольку Иддин-Набу был младшим сыном, доля его наследства, по-видимому, была меньше доли его брата, которому полагалось отдать 2/3 всего имущества, не считая приданого сестры. Раздел имущества состоялся в 544 г. В том же году Иддин-Набу пришлось по приговору суда выплатить огромную компенсацию (30 сиклей серебра) некоему Икише, которого он зверски избил.

О старшем брате Иддин-Набу, которого звали Мардук-шум-иддин, нам мало что известно. В двух случаях он выступает как кредитор Иддин-Набу. Их сестра Цирайя редко упоминается в документах. По-видимому, она жила в достатке, располагая приличным приданым и будучи замужем за состоятельным человеком.

Дата брачного контракта Иддин-Набу и Эсагил-рапат не сохранилась. По всей вероятности, его женитьба на ней состоялась в 537 г., когда Эсагил-рапат купила рабыню с месячным ребенком за 1 мину 12 сиклей или еще до этого. Представляется невероятным, что она могла заниматься крупными имущественными сделками еще до замужества, пока не получила приданого. Эсагил-рапат принадлежала к одной из боковых линий влиятельного рода Эгиби. Женившись на ней, Иддин-Набу значительно улучшил свое имущественное положение. Ее приданое состояло из финиковой рощи площадью в 10800 м², расположенной близ Вавилона в Кар-Ташмету, 1 раба и разных предметов домашней обстановки. Позднее, после смерти своей матери, она получила еще одну рощу площадью в 9000 м², расположенную в Набату.

Весьма существенным источником обогащения Иддин-Набу стало усыновление его бездетным родственником, состоятельным ростовщиком Гимиллу. В результате этого усыновления, которое состоялось до 527 г., Иддин-Набу получил долговые расписки на общую сумму 3 мины 35 сиклей, а также пребенду, приносящую некоторый доход хлебом, пивом и мясом. Когда к 525 г. Гимиллу умер, все остальное имущество его тоже перешло к приемному сыну. В то же время последний освободился от необходимости доставлять определенное количество продуктов и одежды своему усыновителю. Кроме того, Иддин-Набу не захотел поддерживать в старости свою приемную мать, муж которой не предусмотрел, что он может умереть раньше жены, и поэтому не позаботился о ее обеспечении. Иддин-Набу позволил ей оставить себе, кроме ранее выделенных ей мужем 30 сиклей серебра, лишь несколько предметов скудной домашней обстановки, которые, очевидно, составляли часть ее приданого, а также разрешил ей временно, до погашения ссуды, жить во взятом в антихрезу доме.

Пытаясь определить имущество Иддин-Набу к концу его жизни, следует иметь в виду прежде всего приданое его дочери Таблуту, которая, наряду с предметами домашней обстановки, получила 9 мин серебра и 2 рабов. Такую большую денежную сумму, на которую можно было купить 3 хороших дома, получали лишь немногие вавилонские невесты. Максимальная денежная сумма приданого, выделявшегося в рассматриваемое время, насколько нам известно, равнялась 24 минам серебра. Это было приданое Нупты, дочери известного богача Иддин-Мардука из рода Нур-Сина, которая вышла замуж за Итти-Мардук-балату, старшего сына главы дома Эгиби Набу-аххе-иддина (Суг 129 = 130).

Как отмечалось, выше, Иддин-Набу владел несколькими домами и сдавал их в аренду. Определить точное их количество трудно. Среди них по топографическим данным можно выделить, по меньшей мере, два дома площадью соответственно 61 и 63 м². Один из них граничил с домом известного предпринимателя Таб-цилли-Мардука, а другой был расположен у дороги, по которой проходила процессия к одному из вавилонских храмов. Кроме них Иддин-Набу сдавал в аренду и другие дома (см. NRV. S. 158). Сохранились также контракты о приобретении Иддин-Набу еще двух домов. Один из них стоил 3 мины 11 сиклей. Весьма примечательно, что, имея столько домов, сам Иддин-Набу жил в доме, который был взят его приемным отцом в антихрезу. Обычно дома сдавались в аренду на один год, но иногда на три года или даже пять лет. Арендная плата за год колебалась от 15 до 20 сиклей, но иногда доходила до 25–30 сиклей.

Иддин-Набу и его жена Эсагил-рамаг владели финиковыми рощами, расположенными в Кар-Ташмету, Кар-Набу и Набату, и сдавали их в аренду примерно за 2800–5400 л фиников в год, не считая разных субпродуктов финиковых пальм, с 1 курру земли. Установить общую сумму годовой арендной платы трудно, так как архив пока опубликован не полностью. Земля обычно сдавалась им в аренду на год, но в одном случае – на 10 лет. Нам известны по именам восемь арендаторов этих рощ за разные годы. Примечательно также, что Иддин-Набу часто нанимал других лиц (иногда и рабов) для выполнения обязанностей, связанных с его храмовыми пребендами. Он и его жена занимались также куплей-продажей рабов. Например, он продал раба за 2 мины и 15 сиклей и купил, по меньшей мере, трех рабов. Кроме того, его жена купила трех рабынь. Эти рабы и рабыни стоили от 1 мины 12 сиклей до 2 мин 52 сиклей за одного человека.

Ростовщическая деятельность занимала существенное место в жизни Иддин-Набу и Эсагил-рамаг. Они ссужали деньги (обычно от 30 до 80 сиклей) под 20% годовых и под залог полей, пребенд и т.д., а также под антихрезу домов и рабов. В тех случаях, когда семья Иддин-Набу нуждалась в ремесленных изделиях, он заключал контракты с соответствующими мастерами на их изготовление.

Сохранилось также несколько документов об уплате государственных налогов Иддин-Набу. Последнее упоминание о нем в пока опубликованных текстах относится к 500 г. до н.э. (Dag 530). Он, по-видимому, умер к 497 г., поскольку начиная с этого

года плату с арендаторов финиковых рощ и проценты с должников своих родителей собирал уже его старший сын, Шеллиби. Учитывая, что Иддин-Набу упоминается в документах как взрослый и правоспособный человек начиная с 544 г., он, вероятно, прожил более 70 лет.

После смерти Иддин-Набу большая часть его состояния перешла к Шеллиби. Самое раннее упоминание о нем относится к 522 г., когда его отец внес за него votivный дар в храм. В 501 г. он выступает свидетелем документа, в котором его отец упомянут в качестве должника. Деятельность Шеллиби мало чем отличалась от таковой его отца. В 499 г. он заказал себе у одного ткача «превосходную» одежду. Он также купил пребенды певчего и мясника, хотя, очевидно, сам не мог выполнять функции ни того, ни другого. Кроме того, он владел судном, и на службе у него состоял наемный корабельщик. В одном случае это судно было сдано в аренду за сикль серебра в день. Вероятно, Шеллиби развелся с женой, так как обязан был доставлять ей одежду, цена которой в течение пяти лет составила 2 мины серебра, а также содержание исходя из расчета 1 л ячменя в день. Одно из последних упоминаний о Шеллиби относится к 35-му году правления Дария I (487 г.), когда он купил пребенду (VS VI, 165). После 1-го года Ксеркса (485 г., см. VS, VI, 179) нам ничего о нем не известно. Таким образом, его предпринимательская деятельность прослеживается с 522 по 485 г.

Доля наследства Эрибы, младшего брата Шеллиби, вероятно, составила 1/3 семейного имущества без учета приданого сестры. В одном случае Шеллиби ссудил ему 40 сиклей серебра под залог дома. В отличие от своего брата, сдававшего землю в аренду, Эриби сам выступал как арендатор.

В период правления Ксеркса (486–465) и последующих ахеменидских царей количество текстов из Вавилона резко уменьшается, и поэтому трудно проследить дальнейшую судьбу семьи Иддин-Набу. Возможно, она сильно пострадала в ходе подавления вспыхнувших в Вавилоне в 484 и 482 гг. восстаний против персидского господства.

THE FAMILY ARCHIVE OF IDDIN-NABŪ FROM BABYLON

(570–485 BC)

M.A. Dandamayev

This study examines economic and legal documents of the archive of Iddin-Nabu, son of Nabû-bānī-zēri, descendant of Nappā, and his family. Three generations of this family are mentioned in approximately 250 documents written during the period between 570 and 485 BC in Babylon and its suburbs. These records are promissory notes, transactions concerning the sale or lease of land, houses and other property, marriage contracts, documents concerning the division of family estate etc. All these documents enable the scholars to trace the dynamics of property status of this family and the lives of its members. At first, this was a family of rather modest income, but Iddin-Nabu was lucky to marry a girl who brought him a substantial dowry. Besides, he was adopted by a childless usurer who left him his property. Iddin-Nabū and his wife owned at least four houses and three date palm groves, which they used to let for rent, as well as several temple prebends and a number of slaves.

В.Н. Ярхо

Памяти Энцо Дегани

КАКУЮ РЕЧЬ ПРОИЗНЕС БЫ ГЕСИОД...¹

*(Оксиринхский папирус 3537 в его соотношении с античной
риторической традицией)*

Опубликованное более 15 лет тому назад позднеантичное стихотворение в гексаметрах (Р. Оху. 50. 1983. № 3537)², не вызвало, насколько мне известно, отклика среди отечественных исследователей античности. Между тем оно представляет несомненный интерес для историков древнегреческой литературы, занимающихся как ее архаическим периодом, так и поздней риторикой, поскольку по содержанию затрагивает оценку творчества и личности знаменитого греческого поэта, а по форме принадлежит к жанру так называемой этопеи (ἠθοποιία), сочинение которой составляло почти обязательный элемент первоначального риторического образования (προϋμνάσματα).

Считать новый текст еще одним образцом этопеи заставляет заголовок, обозначающий в произведении такого рода заданную тему: что сказал бы (τίνας ἂν εἶποι λόγους или τί ἂν εἶποι) такой-то, обращаясь к себе самому или к кому-то другому в некоей ситуации, заимствованной из известного мифологического сюжета: что сказал бы Ахилл, увидев в Аиде Одиссея? Что сказала бы Филомела своей сестре Прокне? Упражнения этого типа были широко распространены в риторическом образовании по меньшей мере с начала новой эры и до последних столетий Византийской империи³ и известны нам в двух видах: в прозе⁴ и стихотворной форме, как правило, – в гекса-

¹ Пользуюсь случаем выразить мою сердечную благодарность д-ру М. Хойсу и Т. Шмидту (Бельгия), проф. П. Парсонсу (Великобритания), проф. В. Люппе и Х. Меллеру (Германия), снабдившим меня необходимыми ксерокопиями и справками.

² Ed. pr.: Parsons in P. Oxy. P. 59–64 (далее – P.); West M.L. A New Poem about Hesiod // ZPE. 1984. 57. S. 33–36 (далее – W.); Barigazzi A. Una dialexis in versi su Esiodo // Prometheus. 1985. 11. P. 1–10 (далее – B.); Bona G. Esiodo e le Muse in P. Oxy. 3357r, 3–28 // Studia classica Iohanni Tarditi oblata. Milano, 1995. P. 111–126; Agosti G. P. Oxy. 3537r: etopea acrostica su Esiodo // ZPE. 1997. 119. S. 1–5; Livrea E. Callimaco: tre nuovi frammenti? // ZPE. 1998. 120. S. 28–34 (далее – L.).

³ См. перечень теоретиков риторического образования, писавших об этопее и отчасти давших ее прозаические образцы, вплоть до византийца Георгия Пахимера (XIII в.): Fournet J.L. Une éthopée de Caïn dans la Codex des Visions de la Fondation Bodmer // ZPE. 1992. 92. S. 253–266. Anm. 8–9.

⁴ Самое обширное собрание прозаических этопей в античности (27 образцов) содержится в разд. XI «Прогимнасмат» Либания: Libanii opera rec. R. Foerster. V. VIII. Lpz, 1915. P. 372–437, причем наряду с мифологическими персонажами там встречаются и облагоражившаяся блудница и полюбивший евнух (гл. 15 и 26). В византийское время к ним прибавились более благородные личности; так, в «Прогимнасматах» Никифора Василякиса (середина XII в.), выдержанных в полном согласии с эллинистической традицией, к речам

метрах. Стихотворные этопеи сохранились как на папирусах⁵, так и – в большей части – в комплексе декламационных эпиграмм, вошедших в IX книгу Палатинской антологии. Мы скажем о них подробнее, когда ознакомимся с обсуждаемым ниже текстом, который содержится на лицевой стороне папируса в записи конца III – начала IV в.

Он складывается из двух полосок, сохранившихся во всю высоту колонки в 16 см и представляющих собой ее левую и правую половины: не хватает средней полосы, т.е. примерно 8–10 букв. Две первые строчки являются концом какой-то поэмы, за ними следует заголовок и наш текст в гексаметрах, с воспроизведения которого мы и начнем, пользуясь теми дополнениями в несохранившейся его части, которые представляются наиболее близкими к смыслу этого небольшого сочинения.

- Τίνας ἀν λόγουίς Ἡσίόδου εἶποι ὑπὸ
τῶν Μουσῶν εἵθεος γενόμενος.
Τίς με θεῶν ἐτίναξε; τίς ἔνθεον ἤγαγεν ἄσθμα
Οὔρεά τε προλιπόντι καὶ ἄλσα καὶ βοτὰ μήλων;
5 Νυκτὶ μῆ<ι> τίς ἐπίσ<ι>ατὶ ἀπὶ ἐνδόξου Ἑλικῶνος
Δάφνης εὐπετάλοιο φέρειν ἐριθηλέας ὄζους;
Αὐτῇ μοι γένος εἶπε θεῶν πτολέμους τε γιγάντων
Πάντων θ' ἠρώων γενεῆν φύλλον τε γυναικῶν,
Αὐτῇ κόσμον ἐνισπίε τὸν οὐδέποτ' ἔδρακον ὄσσοις.
10 Μάνδρην ἐμῇ τριτάλαινα καὶ αὐλλίης αἰ πάρος αἰγῶν,
Ἔρχομαι ἐς πτόλεμόν τε καὶ εὐρέα κύκλον ἀγώνων.
Ἰερὸς οὐκέτι κιττός ἐπαρκέσει] οὐδ' ἔτι ποίμνη.
Βαιῆ ἐμοί] σύμπασα λυγροῖς σὺν] δώμασιν Ἄσκη
Οὐδαυτῆς Κύμης [ἀλεγίζω. χαίρετε πάντες
15 Μηλονόμοι. Μοῦσαι [θείην μὲ] ἐδίδαξαν αἰοιδῆν,
Ἐκ δ' ἐλόμην πολὺ [χεῦμα θεοπιλεύστου Ἀγαυίπης.
Νῦν μοι, Δίε πάτερ [πολὺ φίλτατε], νῦν Πυκιμήδη,
Ὀλβίστη μήτειρα, κάσι μέγα νήπιε] Πέρση,
Στήσεται εἰ.αλλοιο [.....ο]ν γὰρ αἰοιδῆν
20 Παύρην βουκολικῆν ἀναβάλλομαι, οὐδ' ὅς' ἀφαιροῖ
Ῥηιδίως μέλπουσι [αἰδρεες ἀγρολιῶται,
Οὐδέ μοι αἰπολικῆ [γ' ἔτ' ἐν οὔρεσιν] εὐα<δ>ε σῦριγξ,
Σὺν δ' αὐτοῖς καλάμοισιν ἀπέσττυγον ἄγριον ἠχῆν.
Ἐκ Διὸς ἐκ Μουσέων [.....]ξ οὐράμοι μοι
25 Φαίνονται πυλεῶνες, ὄρω δ' εἰς θεῖα μέλαθρα,
Ἦδη δ' αἰεῖδεν ἐθέλω βῆναί τε κλέοσδε.

2 ἔνθεος B. 3 ἔνθεον Gigli ap. B., Diggle ap. P. 4 προλιπόντι W. 7 εἶπε B. πτολέμους B., W. 9 suppl. W. 10, suppl. Diggle ap. P. 11 suppl. B. 12 κιττός D'Angour ap. P., ἐπαρκέσει W. 14 suppl. W. 15 θείην W., L. 17 [πολὺ φίλτατε] W. 18 suppl. B. 22 ἔτ' ἐν οὔρεσιν L. εὐα<δ>ε corr. Di Benedetto ap. P. et B. 25 suppl. W. Omnia alia suppl. aut proposuit ed. pr.

Атланты, Данаи и других персонажей присоединились монологи Самсона, ослепленного филистимлянами, или матери Христа, увидевшей, как он превратил во время свадьбы в Канне воду в вино и т.п. (Rhet. Graeci. I. 480, 499. 517, 566 sq.).

⁵ Из прозаических этопей, сохранившихся на папирусе, известен до сих пор только один образец – верхняя половина листа из кодекса конца III – начала IV в., представлявшего собою, по-видимому, сборник примеров для составления прогимнасма. Дошли в разной степени сохранности остатки двух этопей: конец одной, в которой неизвестное лицо (Пелей, узнавший о гибели Ахилла?) призывает смерть как избавление от бед, и начало второй, в которой Клитемистра обращается к Оресту, угрожающему ей мечом. См. Gerstinger H. Bruchstücke einer antiken Progymnasmata-Sammlung im Pap. gr. Vindob. 29789 // Mitteilungen. Verein klassischer Philologen in Wien. 1927. 4. S. 35–42.

1. Τίνας ... λόγους – прозаическое заглавие этопеи, параллель которому дают заглавия риторического упражнения, дошедшего на папирусах № I и VII (по нашей нумерации в дальнейшем тексте), и тринадцати декламационных эпитафий из IX кн. Палатинской антологии (126, 449, 451, 455, 461, 462, 465–468, 471, 473, 475).

2. В принятом нами чтении параллель к [γενο]μενος составит Luc. Rhet. праес. 4: κάτοχος ἐκ Μουσῶν γεόμενος. Возможны также предложенные Ди Бенедетто ἐμ[πεπνευμ]ένος или ἐκ[διδασκόμε]νος (ср. ниже, 15, и Theog. 22, 31). В понимании текста любое из трех предложений ничего не меняет.

3. К анафоре в риторическом вопросе см.: пап. № V; Anth. Pal. IX. 449, 670; XVI. 159; Месомед. 7. 1–2; 8. 1–3 Heitsch⁶; Nonn, Dion. XVIII. 342–346; XL. 423–427. Ἐτίναξε Глагол τινάσσω переживает на протяжении VIII–III вв. существенную эволюцию. В поэзии архаической эпохи (Hom. II. XII. 298; XIII. 243 etc.; Od. VI. 43; XXII. 88; Hes. Th. 680; Tyrt., fr. 11. 25), в драме V в. (Aesch. Pr. 917; Soph. Tr. 512; Agist. Ran. 340) он имеет вполне конкретное значение физического действия «трясти», «сотрясать». Однако уже у Сапфо (фр. 47) он получает значение «потрясать», «волновать» в переносном смысле, сохраняет его у Аполлония Родосского (IV. 641), и в таком виде попадает в уста Гесиода в нашей этопее.

4. К дат. п. проλιπόντ[ι] ср. αὐταί μοι μέλπον[τι] в P. Оху. 37. 1971. 2816, подражание призыву Гесиода к Музам. Καὶ ἄλσα. W.: ἄλσα («долы»), В.: ὕδατα («воды», «ручьи»). Чтения Парсонса и Уэста представляются более близкими к горному пейзажу.

5. Νυκτὶ μῆ<ι>. Баригацци, ссылаясь на Verg. EcI. VI. 65 (una sorogum), предлагает μῆτη, относимое им к одной из Муз. Этому, однако, противоречат два обстоятельства: 1) отсутствие в тексте gen. partitivus Μουσῶν, который Баригацци вводит в ст. 3 вместо принятого всеми τίς ἐνθεος; 2) явление Муз обычно приурочивается к ночи; так у самого Гесиода (Теог. 9 сл.) (ἐννύχια), так и в надписи Мнесиепа, повествующей о явлении Муз Архилоху (πρώτερον τῆς νυκτὸς σελήνης λαμπύουσης). Ср. также у Леонида Тарент. (Anth. Pal. VI. 262. 3): ἐπινύκτια μῆλα νομεύων; у Фронтоне (Er. ad M. Caes. I. 4. 6 по изд.: Opere di M. Cornelio Frontone a cura di F. Portalupi. 1974): Hesiodum... dormientem poetam ais factum. Ἄπ' ἐνδόξου. L.: ἀπ' εὐδόμου, считая прилагательное εὐδομος более уместным в стихотворном тексте, чем прозаическое ἔνδοξος.

6. Вместо φέρειν Диггль предложил дрέπειν (ср. Hes. Th. 30–30), Баригацци – ἔδωκ' ἐρι] (ср. Anth. Pal. IX. 64. 5: δῶκαν), при котором, однако, не хватает одного знака для заполнения лакуны. Δάφνης – ср. там же, ст. 4; ἐριθηλέος ὄζον Theog. 30; множ. ч.: II. X. 467, так же в конце стиха.

7. Большинство комментаторов предлагает императив εἰπέ, что дает другой смысл: «Она мне: "Вещай..."».

8. Γενεήν В.: γενεάς πασῶν. К обоим чтениям могут быть предложены параллели. Для ед. ч.: Th. 33, Op. 159; Anth. Pal. IX. 64. 7; для множ. ч.: Op. 160; Luc. Praes. rhet. 4 (ἡρώων γένη). Φύλον. – См. Th. 1021 = Catal. gyn., fr. 1.1.

9. Τὸν οὐδέποτε! ἔδρακον. В.: ὄλον, τόγυ' ἔδρακον, что несколько меняет смысл: «Она сама поведала (открыла мне) весь мир, который я узрел». Чтение Уэста носит более торжественный характер, передавая восторг, охвативший поэта.

10. Μάνδρη и αὔλιες, согласно Гесихию (μ 228), синонимы, хотя различие между ними можно извлечь из Каллимаха, hymn. Dem., 105: χῆραι μὲν μάνδραι, κενεαὶ δὲ μοι αὔλιες ἤδη «пусты у меня загоны, пусты и стойла четвероногих».

11. К ἐς πτολί уже Парсонс допустил возможность двух дополнений: πτόλεμον

⁶ Heitsch E. Die griechischen Dichterfragmente der römischen Kaiserzeit. Göttingen, 1963.

μελέων и πτολιέτρον, имея в виду Халкиду, где Гесиод принял участие в состязании в честь погибшего на войне Амфидаманта (Op. 654–659). L. поддержал первое предложение в его начальной части, В. – второе, видоизменив его в πτολιέτρα τὸ νῦν καὶ κ]. Обстоятельство времени νῦν здесь не слишком понятно – какие еще города может посещать поэт, кроме существующих в его время? Κύκλον – ср.: Od. IV. 792; Soph. Ai. 749; Eur. Or. 919.

12. Κιττός (или κισσός) – ср. Verg. Ecl. VII. 25: hederā...ornate poetam; VIII. 13: sine – hederam tibi serpere.

13. Ἀσκη. – Op. 640; Nicandr. Alexiph. 11; Verg. Ecl. VI. 70; Georg. II. 176; Cul. 96; Anth. Pal. VII. 52. 2; 54. 1; Hesiodi vitae ap. Sudam et Tzetz.

14. Κύμη – Op. 636; Hes. vitae Χαίρετε πάντες hymn. Hom. Apoll. 166: χαίρετε ... πᾶσαι P. и В. ставят точку в конце стиха, W. переносит ее после μηλονόμοι в следующем стихе, справедливо указывая, что μηλονόμοι относится к пастухам, а не к Музам, которые здесь являются вовсе не «пастушескими», а вдохновительницами эпической поэзии.

15. Θείην. P. – καλήν (по аналогии с Theog. 22: καλήν ... αἰοιδήν), которые W. считает менее подходящим к нашему тексту как более прозаическое. В., полагая, что восемь знаков не заполняют лакуны, предложил на выбор три определения: τερτιήν, λιγυρήν, γλυκερήν, из которых предпочел первое. Однако «божественная» песня скорее отвечает противопоставлению «высокого» поэтического дара, внушенного Музами, неприхотливой пастушеской песне, которая тоже может быть в своем роде «прекрасной» и «сладостной».

16. Χεῦμα Ср. Callim., hymn Juv. 32: ἐκ δ' ἔχεεν μέγα χεῦμα. В. предлагает ῥεῦμα отчего мало что меняется. Аганиппа – см. комментарий к Каллимаху, P. Oxy. 20. 1952. 2262, fr. 2, col. 1, 16–24: κρήνη ἐν Ἐλικῶνι, ἥ δ' αὐτὴ καὶ Πηγαίσις καλεῖται καὶ Ἰπποκρήνη. ... Περμησὸς ποταμὸς ... ἐξ οὗ ἔχειν τὰς πηγὰς λέγεται ἡ προειρημένη Ἰαγανίππη.

17. Πολὺ φιλτάτε Предложение L. [πανυértате] представляется слишком возвышенным для смертного, даже очень почитаемого. В. предложил полуδάκρυε исходя из Op. 633–640; однако там речь идет о давно прошедшей жизни в Киме, а в Аскре отец сумел все же оставить сыновьям неплохое наследство, коль скоро из-за него между братьями возникла тяжба. К тому же определение «многослезный» плохо согласуется с обращением того же Гесиода к «почтенной» матери. Ὀλβίστη – может быть, и некотороe преувеличение, поскольку семья Гесиода едва ли обладала таким достатком, который позволил бы ее членам наслаждаться ὄλβος в солоновом понимании этого слова, но тем не менее любая мать считается почтенной, πότνια, даже мать нищего Ира; см. Od. XVIII. 5. Μήτειρα – редкая форма, ср. Suppl. Hellen. № 303. Μέγα νήπιε II. – Ср. Op. 286, 693, так же в конце стиха.

19. W.: στήσεται αἰεὶθάλλοιο «вы установите вечноцветущего (что?)...»; от дальнейшего заполнения лакуны он воздерживается. В.: στήσεται εἰν οὔρει κἀλὸν γέρας ο] «на горе будет стоять прекрасная награда» – мысль Баригацци, по-видимому, такова, что эту награду Гесиод заслужит исполнением новых песен, так как (γάρ) они будут значительно выше прежних. Однако прочтение им знаков, предшествующих лакуне, сильно отличается от того, на что дает право сохранившийся папирус. L.: στήσεται εἰς ἄλλοιο [δῶμον βίος ο] – мысль, как видно, та, что Гесиод начнет новую жизнь. Смущает, однако, сочетание στήσεται с указанием на цель движения: «возникнет в дом»? Аналогия с Од. IV, 581 сл. (εἰς Αἰγύπτιο ... ποταμοῦ // Στήσα νέας только отчасти достигает цели, поскольку здесь указывается, куда, а не где Менелай причалил корабли. Люппе (в письме) предлагает ex.gr.: στήσεται εἰς ἄλλοιοῖν ἐμὸν μέσσι.

20. Παύρην – ср.: Pind. Ol. XIII. 98; Hor. Ep. II. 1. 257: parvum...carmen. Ἀναβάλλομαι – ср. ἀναβάλλετο μολπήν: Colluth. 115; δίστιχον ἄρμονίην ἀναβάλλετο: Nonn. Dion. XIX. 102. Ἀφαιροί – собственно, «слабосильные»: II. VII.

235, 457; XV. 11; Od. XX. 110; Op. 586. В нашем тексте – «мало способные», «мало одаренные».

21. Ἄιδρεες. Диггль предложил *δυσηχέες* «жалкие», L. – ἀναιδέες (едва ли умещается в лакуну) «бесстыдные». Предложение Парсонса представляется предпочтительным: пусть деревенские певцы недостаточно сведущи в поэтическом искусстве, но достойна ли их сельская песня жалости и является ли она признаком бесстыдства?

22. Σύριγξ как постоянный атрибут пастушеской песни см.: Theocr. Ecl. 1. 128; IV. 28; V. 4, 5, 6, 19, 135; VI. 43; VIII. 18 = 21. 84; IX. 8 (σ. βουκόλος); XX. 28; Ep. II. 1; συρικτάς: VII. 27; VIII. 9. 34; Anth. Pal. XII. 128. 1: αἰπολικαὶ σύριγγες, ἐν οὔρεσι... Соответственно у Вергилия *fistula*: Ecl. II. 38; III. 22, 25; VII. 24; VIII. 33; X. 34.

23. Κάλαμος – см. Theocr. VIII. 24; *calamus* – Verg. Ecl. I. 10; II. 32, 34; V. 2, 48; VI. 69; VIII. 24; Cul. 72; ср. *harundo*: Verg. Ecl. VI. 8; Cul. 100. Ἄγρην Verg. Ecl. VI. 8: *agrestem... musam*.

24. Ἐκ Διὸς ἐκ Μουσέων «по воле» – ср. Theog. 94–96: ἐκ γὰρ τοι Μουσέων ... ἄνδρες ἄοιδοι ἔασιν ... ἐκ δὲ Διὸς βασιλῆες: в том же значении в эпосе и лирике ἔκρητι: Od. XV. 319; XIX. 86; XX. 42; Arch., fr. 266 Lass.; Alc., fr. 59 a PLG. Удовлетворительного восполнения следующей за тем лакуны до сих пор нет. Предлагаемое Дигглем в ed. gr. με μένος πλήξι «меня поразила отвага» плохо согласуется здесь с πλήττω («ударять») в его обычном негативном значении и к тому же требует знака преинания, редкого после четвертой стопы. L.: Χαρίτων ἔξ слишком слабо после Зевса и Муз. В.: θεοὶ ἀλλάξ, соединяемое с οὐράνιοι φαίνονται «мне являются по очереди небесные боги», оставляет без сказуемого *πυλεῶνες* в следующем стихе, которые предпочтительнее соединить с φαίνονται «являются (открываются) небесные врата» (ср. II. V. 749 = 8. 393).

25. Ὀρῶ δ' εἰς – ср.: II. 1. 350; Od. V. 439; XVIII. 320, 344; 20. 373. L.: ἔβην δ' εἰς, в противоположность предыдущему его предложению, слишком сильно для Гесиода. Позволить себе нечто подобное мог разве только Парменид, предводительствуемый Дикой.

26. Κλέοσδε – соединение δε с отвлеченным понятием несколько неожиданно, как и употребление вместе с ним конкретного *βαίνειν* с дополнением. По первому поводу P. напоминает о гомеровском *φύβονδε* II. V. 252; VIII. 139; XV. 666; XVII. 579), по второму – II. II. 339; VIII. 229, однако в обоих случаях формы *βαίνω* стоят при подлежащем и в сопровождении обстоятельства места πῆι. Может быть, более подходящая параллель – Soph. OT 125, 172; OCol. 217 («дойти до крайнего предела»).

Принимая предложенный выше текст и комментарии, дадим его рабочий перевод.

«Какую речь произнес бы Гесиод, вдохновленный Музами. Кто из богов потяря меня? Какое божественное вдохновение побудило меня оставить горы, и рощи, и овечьи пастбища? 5. Кто однажды ночью сумел принести со славного Геликона роскошно цветущие побеги прекраснolistвенного лавра? Сама (Муза) поведала мне о роде богов и сражениях с гигантами, о происхождении героев и о потомстве жен, сама открыла мне мир, коего еще не зрел я очами. 10. Злополучный мой хлев и закуты, где некогда были козы! Я ухожу на бой и вступаю в широкий круг для состязаний. Не будет мне больше нужен ни священный плющ, ни пойдет (вслед) за мной пастбище, ни вся Аскра с ее убогими домами, не говорю уж о самой Киме. Прощайте, все (15) пастухи: Музы научили меня божественной песне, я же избрал широкое течение боговдохновенной Аганиппы. Теперь, любезный отец Дий, теперь, почтеннейшая мать Пикимеда, (и ты,) весьма неразумный Перс!... (20) ибо завожу я не жалкую пастушескую песню, не то, что без труда дают малоодаренные несведущие поселяне; разонравилась мне пастушеская свирель в горах, и я возненавидел деревенскую песню с ее дудками. По воле Зевса, по воле Муз... небесные мне (25) открываются врата, и я гляжу на божественные чертоги. И уже (их) я хочу петь и достигнуть славы».

Прежде чем приступить к более подробному анализу приведенного выше текста, остановимся вкратце на характеристике того типа «предварительных упражнений» –

этопей⁷, к которому обычно относят фиктивную речь Гесиода («Что бы сказал...»).

Термин «этопея» появляется в известных нами риторических руководствах эпохи Империи далеко не сразу⁸. Его еще не употребляет Феон (Теон) Александрийский, время жизни которого сейчас со все большей уверенностью относят к I в. н.э.⁹ Феон пользуется понятием просопопеи (προσωποποιία) – «изображение личностей», придавая ему достаточно широкое общеобразовательное значение. Уже в самом начале своего труда он называет составление просопопеи занятием, полезным не только в области истории, но и в повседневной жизни, и в общении с другими, и при обращении к книгам. Лучшими примерами просопопеи он считает поэмы Гомера, диалоги Платона и пьесы Менандра, особенно хваля первого из названных авторов за то, что он дал каждому из выводимых лиц подходящие речи¹⁰.

Затем, в специальной главе, посвященной просопопее, Феон дает ее определение как «выведение лица, произносящего речь, которая соответствует ему и предлагаемым обстоятельствам... как, например, что сказал бы муж жене, собирающейся в путь, или полководец, поднимая воинов на опасное сражение»¹¹. Из дальнейшего видно, что в понятие просопопеи Феон вкладывает восходящее к Аристотелю требование «подобного» (τὸ τρέπον): в разное время и в разном месте различные речи подобают (πρέπουσι) в зависимости от возраста молодому человеку и старику, и по природным свойствам – женщине и мужчине, и по положению – рабу и свободному, и по состоянию – воину и земледельцу¹².

Последующие авторы трактатов по риторике (Гермоген или кто бы ни скрывался в III в. под этим именем в качестве автора «Прогимнасма»; Афтоний – IV в., Николай – вторая половина V в.), заменив понятие просопопеи термином этопея¹³, ничего при этом не выиграли. Первое понятие, включавшее в себя и нрав говорящего, и ситуацию, в которой ему пришлось бы высказываться, обрисовывало задачу ратора достаточно широко. Термин же «этопея», по самому составу слова ограниченный изображением *нрава* персонажа, потребовал дополнительных дефиниций. Так появились этопея этическая («что сказал бы крестьянин, увидев в первый раз корабль»), патетическая («что сказала бы Андромаха над телом Гектора») и смешанная («что сказал бы Ахилл над телом Патрокла») – классификация достаточно приблизительная, так как впечатление земледельца при виде корабля следует отнести скорее к ситуации, чем к его нраву, а в реакции Ахилла на гибель Патрокла следует видеть в первую очередь пафос, понимаемый как «страсть», без примеси других нравственных категорий. Похожие примеры приводят Афтоний и Николай, пытаясь при этом достаточно искусственно определить отличие этопеи от просопопеи¹⁵.

⁷ В единственной работе, посвященной в XX в. этопее (*Hagen H.M. Νόησις. Zur Geschichte eines rhetorischen Begriffs. Diss. Erlangen-Nürnberg, 1966*), это понятие рассматривается с точки зрения его этического содержания (о чем см. ниже, прим. 8), уделяя незначительную часть гл. IV этопее как одному из типов прогимнасма. Стихотворных этопей автор указанной работы вообще не касается.

⁸ Речь не идет, разумеется, об этопее как о высоком искусстве изображения характера, присущем Лисию, о чем писал Дионисий Галикарнасский в своем известном сочинении о нем (гл. 8 и 19): для каждого своего клиента Лисий находил слова, соответствующие его нраву, а когда их нельзя было извлечь из сути дела, он сам создавал характер, верный обстоятельствам.

⁹ *Aelius Théon. Progyrnasmata / Texte établi... par M. Patillon. P., 1997. P. VII–VIII, XVI.*

¹⁰ *Theon*, p. 60. 22–31; 68. 22–25 (Spengel. *Rhet. Graeci*) = p. 2 sq., 12 Patillon. Греческие теоретики обычно не обращались к примерам из римской литературы; иначе в качестве прямого предшественника риторических просопопей Феон мог бы назвать речи, которые Цицерон вкладывал в уста «бородатых» предков современных ему римлян (например, Аппия Клавдия Цека в речи за Целия – XIV. 33), или «Геронды» Овидия.

¹¹ 115. 11–17 Sp. = 70. Pat.

¹² 115. 28–116. 4 Sp. = 70 sq. Pat.

¹³ «Подражание нраву предложенного лица, а именно, какую речь могла бы обратиться Андромаха к Гектору» (*Hermogenes / Ed. Rabe. Lpz, 1913. P. 20. 7–9*).

¹⁴ *Hermogenes. P. 21. 10–18.*

¹⁵ *Nicolai Progyrnasmata / Ed. I. Felten. Lpz, 1913. P. 65. 1–7.*

Таким образом, понятие этопеи, появившееся после Феона, не отличалось достаточной определенностью, и под него можно было подвести любую прямую речь, произнесенную неким лицом в заданных обстоятельствах. При всем том подробно разработанная у трех независимых выше авторов теория этопеи давала учащимся достаточно указаний для составления подходящих случаю речей. Как пример такого руководства можно сослаться на того же Николая. Отвечая на вопрос, что сказал бы Пелей, услышав о смерти Ахилла, не следует строить речь таким образом, чтобы он тотчас начал вспоминать о прошлом счастье, но сначала оплакал то, что произошло, противопоставляя этому прежде благополучие (брак с богиней; почет, оказанный богами; множество совершенных им подвигов), а уже затем оплакал свое нынешнее состояние, прибавив к этому, что с ним случилось, и как бы предсказал ожидающие его беды из-за отсутствия защитника (66. 1–8).

Как мы уже говорили, наряду с составлением прозаических этопей в практике риторических школ имели место упражнения, выразившиеся в сочинении этопей в гексаметрах. Ясно, что практического значения как образец для предполагаемой речи эти «этопеи» иметь не могли: во времена Римской империи никто не произносил в стихах совещательных или судебных речей, где как раз требовалась обрисовка характера¹⁶. В то же время стихотворные этопеи могли помогать развитию риторических навыков, приучать к эффективному использованию речевых фигур, – словом, служить выработке находчивости и стиля будущего ратора.

К числу подобных упражнений принадлежит по формальному признаку и обсуждаемая здесь «речь Гесиода». Вполне ли она согласуется с требованиями этого жанра, станет ясно из ее сравнения с другими дошедшими до нас образцами стихотворной этопеи. Начнем с папирусных фрагментов, поскольку они более непосредственно отражают практику риторических школ, чем стилизованные эпиграммы.

Не считая Р. Оху. 3537, известно восемь папирусов, содержащих в той или иной сохранности остатки более чем 20 упражнений и эпиграмм, представляющих собой этопеи в гексаметрах¹⁷.

I. Р. Оху. IV (1904). № 671. Вероятно, вторая половина III в. н.э., т.е. самый ранний из папирусов этого типа. Текст очень испорчен. Сохранилась только часть заголовка (τίνας ἄν εἴποι [...] τὸν υἱὸν τοῦ Δε[...] и отдельные слова, из которых ясно, что текст был составлен в гексаметрах, занимал, вероятно, 21 или 22 стиха (с учетом лакуны после ст. 14) и имел дело с мифологической тематикой (ἀτρεκὲς αἰγυλήσσα, 3; βασιλεύς, 4; θεσπέσιον, 10; [σκέ]πτρον, 15; χρύσειον ἄθηρσαν, 16; ἀλλὰ κλύοις, 17).

II. Р. Ryl. III. 487 (Heitsch¹⁸, XXI). Конец III – начало IV в. 1. Из ст. 1–18 относительно прилично сохранились 4–9, из которых ясно, что вспоминали Эльпенора, погибшего во время пребывания у Кирки, подобно тому как другие спутники Одиссея погибли от рук царя лестригонов Антифата и Полифема (переве ст. 199 сл. из кн. 10 «Одиссеи»). Затем встречаются имена Амалфеи, эгидодержавного Зевса как подателя попутного ветра (οὐρίος), но в то же время упоминается и его «заступ» (μάκελλα), т.е. молния, свидетельствующая о начале бури, и «вода». Все это – приметы известной из «Одиссеи» ситуации (хотя и без явственных лексических совпадений), когда ясная погода неожиданно сменяется бурей (например, 12. 399–406). Перед нами – рассказ Одиссея о его последних приключениях: о пребывании у Кирки и посещении Тринакии. После жалких остатков ст. 18 папирус обрывается, и дальнейший текст читается на обороте, после такого же обрыва.

¹⁶ Да и в архаической Греции был, кажется, один-единственный пример – элегия Солона, побудившая афинян объявить войну Мегаре за Саламин.

¹⁷ В это число не включается еще не опубликованный папирус из собрания Бодмера, от которого известно только начало: «Что сказал бы Каин, убив Авеля». См. *Fournet*. Op. cit. Каково бы ни было содержание этого памятника, оно едва ли будет допускать слишком обширные сопоставления с этопеями на темы греческой мифологии.

¹⁸ См. прим. 6; наиболее связную часть текста см. также в GLP, № 137, причем Пэйдж принимал эти стихи за произведение вполне серьезного поэта, писавшего в традиции Квинта Смирнского.

2. Ст. 19 сл. – отдельные буквы, в ст. 20 упоминается «труд Пенелопы», т.е. ее работа над саваном для Лаэрта. Ст. 22–31 – вполне связный текст: речь Одиссея, обращенная к Филойтию и не названному по имени Евмею. Чтобы у них не было сомнения в его возвращении, Одиссей показывает им шрам на ноге и просит содействия в расправе с женихами, обещая за это отпустить их на волю. Впрочем, он уверен в их помощи, так как они, подобно Телемаху и Пенелопе, достаточно натерпелись от зловредности (какóτης) женихов. Это опять легко узнаваемый пересказ «Одиссеи», XXI. 193–200. Составляли ли оба отрывка одно упражнение или два, при лакуне между ними сказать трудно, но поскольку описываемые в них события отстоят в «Одиссее» далеко друг от друга также по содержанию, более вероятным представляется, что это были ответы на два задания.

3. Ст. 32 отделен от ст. 31 параграфом, после чего следовало новое упражнение или, скорее, повторение предыдущего, так как в остатках дошедших ст. 33–37 встречаем гомеровское наречие μαψιδίως и все ту же «зловредность женихов»¹⁹.

III. *Hermathena* 5 (1885). 237–257 (Heitsch, XXVI). Два листа из папирусного кодекса IV в.

На листе *1 recto* – остатки двух упражнений. 1. В первом (ст. 1–8) упомянуты Афродита; «всесильные Эринии»; Гермес, вестник Зевса; «несущая смерть мойра», от чего смысл нисколько не проясняется. Принадлежность же к жанру этопеи выявляется из обращений ἔχε, ἀποχάζεο, λέϊπε, но кто кого и от чего призывает отстраниться, остается не известным. 2. Зато к следующему упражнению дается заголовок: «Каллиопа, утешающая Фетиду», и, хотя текст сохранился плохо, характер утешения в ст. 10–17 очевиден: сужденного не избежать, судьба неустранима и не поддается убеждению, и, следовательно, «не оплакивай замысел Зевса», который выявляется также на примере Мемнона и Орфея.

На листе *1 verso* остатки 11 стихов. 3. Заголовок не сохранился, речь шла об Елене, «некоей, цветущей жене», с которой неизменно связывается κλήπτης и κόττη. Она причинила заботу своей родительнице, произведшей на свет также Кастора и неборца Полидевка. Сама Елена – «строящая козни», и ее должна настичь кара, коль скоро она по воле Афродиты оказалась «заботницей» (τιθήνη) о доме Приама. Последний эпитет надо воспринимать, очевидно, иронически.

На листе *2 recto*, начало которого оборвано, были три упражнения. 4. Сохранились последние два стиха: некто «стремится сражаться с небожителями». Поскольку это – конец упражнения, то ясно, что в предыдущих стихах приводился какой-то пример подобного опасного стремления (ср. II. V. 440–444). 5. «[Одиссей,] когда Менелай приказал [не хоронить Аякса]». Убеждение занимало две строчки: отлучив Аякса от сонма умерших, Менелай разгневает царя богов (ст. 3–5). По содержанию очень близко к речи Одиссея в «Аяксе» Софокла, 1332 сл., 1343 сл., где она обращена, правда, к Агамемнону. Лексических заимствований нет. 6. «[Триоп,] когда Эрисихфон истреблял [все его] имущество и не достигал насыщения». Далее, в соответствии с версией, известной из «Гимна к Деметре» Каллимаха, излагалась просьба отца к богине «отвратить злую эринию (т.е. мечь)» от его сына, который все «еще не достиг насыщения пищей» (ст. 6–12). У Каллимаха есть речь Триопа (98–110), но она обращена не к Деметре, а к Посидону, и в ней не упоминается эриния.

Лист *2 verso*. 7. Начало оборвано, содержание непонятно, несмотря на упоминание «могучего Патрокла» и Ипполита (ст. 1–7), никак в мифе между собой не связанных. В ст. 8 Рейтценштейн предложил чтение: [Ἀπόλλων μετὰ τὴν ἄνα[ρ]σειν τῶν παιδῶν τῆς Νιόβης – стало быть, это начало следующего упражнения (8), что вполне согласуется в ст. 9–12 с остатками речи Аполлона после убийства детей Ниобы: «прихожу... ряд этих мертвых... и узнай силу богов». В № 5, 6 и 8 перед заголовками предполагается формула «Что бы сказал...».

¹⁹ Наречие μαψιδίως применительно к женихам – Od. II. 58 = 17. 53; какóτης – вообще об итакийцах, но в первую очередь – опять о женихах: Od. XXIV. 455.

IV. P. Оху. XLII (1974). № 3002. IV в. Речь Афины объемом в 26 гексаметров, в которых она успокаивает Ахилла. Прототипом служат распространенные в три раза ст. 207–214 из кн. I «Илиады», хотя лексических совпадений именно с этими стихами не много. Без конца повторяется одна и та же мысль, что Ахиллу следует обратить свой гнев против троянцев, а не против своих союзников данайцев (1–2, 4, 11–13, 14–16), – не для этого его воспитали Пелей и Хирон (8–9, 23); пять раз Афина призывает Ахилла обуздать его гнев (5, 6 bis, 13, 21).

V. H. Weil ap. Jouguet-Lefèvre. BCH. 1904. 28. P. 208 suiv. (Heitsch, XXXVIII). Прекрасно сохранившаяся надпись на деревянном диптихе V–VI вв. Заголовок нет, но ясно, что это – обращение к ахейцам Ахилла, восставшего над своей могилой:

Что вы пустились в лазурные воды вспененного моря
И на суда погрузили тюки виссоновых платьев?
Что корабли вы торопите плыть к отеческим стенам,
Доли почетной тому не уделив, кто трудился
Сколько для вас? И каких я не вынес трудов вам во славу?
Мужа какого в сраженье к земле не склонил я, отправив
В недра Плутона, в жертву в спор вступающей мойре?

По содержанию близко к «Гекубе» Еврипида, 109–115, где, впрочем, речь Ахилла занимает всего два последних стиха²⁰.

VI. P. Heidelberg inv. G 1271 verso (Mélanges Nicole. Genève, 1905. II. P. 615–624). Лист из папирусного кодекса VI в. Шесть эпиграмм объемом в 6, 7, 2, 10, 3 и 11 гексаметров. Каждой предшествует заголовок, предполагающий опущенную формулу: «Что сказал бы...».

1. «Феник, обращающийся во время посольства к Ахиллу (с просьбой) отказаться от гнева». Для того ли Хирон обучал Ахилла победам в боях, чтобы он гневался из-за женщины (т.е. отобранной у него Брисеиды)? Уклоняясь от участия в сражениях ради Афродиты, Ахилл позорит род Эакидов. Пусть он покинет свой шатер и поможет погибающим ахейцам. 2. «Одна из гречанок, встретившаяся с Еленой в Элладе». Зачем она пришла? Неужели она хочет погубить еще и детей аргивян, умерших ради нее? Убив с помощью Ареса столько ахейского люда, не хочет ли она своим взглядом искоренить и оставшихся на родине? 3. «Один из греков после того как Гектор убил Патрокла и надел его доспехи». Заголовок едва ли не длиннее следующего за ним двустихия:

Гектор, в бою победив, не кичись, ибо завтра на поле
Выйдет сражаться Ахилл, ненасытный в желании битвы.

4. «Зевс, когда к нему пришла Афродита, (жалуясь) на Диомеда, что ранил ее в руку» Ст. 1–4 повторяют его аргументацию в Ил. V. 428–430: война – дело Афины, царство Киприды – брачные покои. Со ст. 5. появляется мотив, совершенно неизвестный «Илиаде», но достаточно частый в поздних памятниках²¹: неблагоприятное поведение в отсутствие Диомеда его жены Эгиалей. Соответственно Зевс советует Киприде не стенать из-за раны, нанесенной ей Диомедом: в ее власти – нанести своими стрелами неисцелимую рану в сердце его супруги (ст. 5–8). 5. «Афродита, когда Диомед был изгнан Эгиалеей». Текст плохо сохранился, однако ясно, что развивается

²⁰ В лексическом плане совпадает в обоих текстах только λαίψη, и известное сходство можно усмотреть в τίσιβον... ἀγέραςτον ἀφίντες (Hes. 114 sq.) и μηδὲ γέρας νείμαντες в № V. У Квинта Смирнского (XIV. 179–222) две строчки Еврипида распространены, по его обыкновению, на 40 с лишним стихов, среди которых больше половины занимает наставление умершего Ахилла Неоптолему (185–209). О самом жертвоприношении Поликсены – достаточно кратко: 209–212 и 221 сл.

²¹ Ant. Lib. 37. По другой версии, жен ахейских героев склонял к измене мужьям Навплий, мстя за казненного под Троей Паламеда: *Apollod.* Epit. VI. 9; *Dict.* Cret. VI. 2.

мотив предыдущей эпиграммы. б. «[Призрак] Агамемнона, когда Менелай не оказал помощи Оресту». Текст поврежден, и смысл его восстанавливается с использованием предложений в ed. princ.: Менелай позабыл о трудах, перенесенных братом ради его опозоренного ложа, и Агамемнону (уже убитому) пришлось выйти на свет, чтобы сказать это горькое слово... Как решился ты, Менелай, совершить такое, о чем и потомкам будет страшно услышать? После моей смерти ты не помог ни Оресту, ни Электре и не вспомнил об Ифигении умершей ради Тиндариды! Ситуация напоминает монолог Ореста в одноименной трагедии Еврипида (650–663, 674–677). Прямых лексических совпадений нет.

VII. P. Cairo Cat. III. 67316 verso (Heitsch. XLII. 26). Этот текст и следующий найдены среди папирусов Диоскора из Антинуполя, занимавшего в VI в. весьма заметное место в общественной жизни кома Афродиты²². Заголовок: «Что сказал бы Ахилл, умерший из-за Поликсены». «Как раз теперь, милое дитя, возникла во мне жажда смерти, самое милое из желаний и самое горькое. Конечно, это Аид побуждает троянских жен, как из-за красоты Поликсены похоронить Эакида (т.е. Ахилла). Страсть к прекраснокудрым (девам) обернулась посредством копья Ареса...» (ст. 1–5). В двух последних, окончательно испорченных стихах читаем про «троянцев, даже умерших», – может быть, мысль была та, что они найдут удовлетворение в гибели Ахилла? Как видим, и здесь используется не гомеровская, а более поздняя версия, связывавшая смерть Ахилла с романтической историей его любви к Поликсене²³.

VIII. P. Cairo Cat II. 67188 verso (Heitsch. XLII. 27). VI в. Заголовок: «Аполлон, когда Гиакинф и Дафна превращались в растения». «Горячий привет вам, Гиакинф, и ты, владычица Дафна, надежда моего сердца. И поскольку Аполлон стоит между вами, возвысившись, как растение, я и сам мог бы быть рядом, не причиняя вам вреда. Чего другого мог бы я больше желать, о чем желал бы помыслить, (как не о том), чтобы справа от меня стоял Гиакинф, а слева – Дафна?» Стихи эти скорее принадлежат к типу экфрасы, чем этопеи: вероятно, Диоскор описывает рельеф на какой-нибудь пластинке из слоновой кости или на кубке, где Аполлон был изображен стоящим между своими любимцами. Притязание же самого Диоскора на подобное место может объясняться именем его отца Аполлона²⁴.

Из настоящего обзора можно сделать некоторые выводы о характере приведенных текстов.

Прежде всего, по форме, в которой они до нас дошли, их можно поделить на школьные упражнения (№ I, II, IV, V, написанные на листах из папирусных свитков или на деревянном диптихе) и на продукты творчества поэтов-любителей или на образцы, составленные для учащихся наставниками-риторами, – они сохранились для потомства в кодексах (№ III, VI). Промежуточное положение занимают № VII и VIII, которые являются рукописями самого Диоскора. Это, конечно, не школьные упражнения, но и на публикацию они едва ли были рассчитаны. Впрочем, по своим качествам вторые не слишком отличаются от первых. Так, в № II и IV ученики плохо поняли стоявшую перед ними задачу: вместо того, чтобы составить речи, которые *могли бы* сказать Одиссей или Афина, они пересказали речи, которые те и в самом деле говорят у Гомера. Но и в «поэтических» № III. 5 и VI. 1, 4, 6 тоже пересказываются доводы из Софокла, Гомера и Еврипида. И тем, и другим присущи ненужные повторения. Наиболее показателен, конечно, № IV, но и в № V гречанка дважды осуждает Елену за то, что ее взоры погубили столько мужей (2, ст. 3 сл. и 6 сл.), Зевс дважды указывает на возможность Афродиты отомстить Диомеду (4, ст. 4–8 и 9 сл.), Агамемнон

²² *Maspero J.* Un dernière poète grec d'Egypte: Dioscore, fils d'Apollon // REG. 1911. XXIV. P. 426–481; *Mac Coull L.S.* B. Dioscorus of Aphroditon. His Work and his World. Univ. Calif. Press. [1988].

²³ Эта версия возникла едва ли раньше эллинистического времени. Нам она известна только по поздним источникам: *Philostr.* Heroic. XX. 16 sq.; *Hug.* Fab. 110; *Dict. Cret.* IV. 10 sq.; *Daret.* 27. Для Диоскора источниками могли послужить уже упоминавшаяся кн. 14 Квинта Смирнского (213–215, 240 сл., 257–328) и «Взятие Илиона» Трифиодора (403 сл., 686 сл.), – кстати сказать, соотечественника Диоскора.

²⁴ *Mac Coull.* Op. cit. P. 129.

дословно повторяет свой упрек Менелаю (6 ст. 1 и 4). Вместе с тем и учащиеся, и поэты-дилетанты способны на составление по-настоящему фиктивных речей, которым нет прямого прототипа в сохранившихся литературных памятниках, – № III. 1, 3; V; VI. 2, 3, 5; VII; VIII.

Затем, обращает на себя внимание (насколько можно судить на материале поврежденных папирусов) небольшой размер этих этопей. Самая обширная из них – наш № IV, объем которого обусловлен ненужными повторениями.

Далее. Действующими лицами являются только мифологические персонажи. Если они и не заимствованы из области героической мифологии, как Эрисихфон или Гиакинф и Дафна, они все равно связаны с богами, Деметрой или Аполлоном. Один раз гомеровская версия распространена за счет более поздней (VI. 4), в другой раз принята более поздняя безотносительно к Гомеру (см. № VII и прим.).

С этим связано и употребление эпической лексики, не везде, впрочем, равномерное. В одних этопеях ее можно черпать обеими руками (например, в № IV: множество неслитных форм, дат. п. мн.ч. на – εσσι; VI.1: δεδάηκας, δηθύων, ἀπάνευθε, τέο μέχρως), в других встречаются только отдельные слова (например, ἱπποχάρμης III. 1 verso, 6; βλοσυρός, V. 1) или формы (например, ἐξεφάνθη, VII. 1; φαανθεῖσ', VI. 2, 3; βελέεσσι ἀναλήτοισιν, VI. 4, 7; γένεο, II. 31; ἀτείρεα, V. 50), в третьих пересказывается эпическая ситуация «своими словами», с вкраплением отдельных гомеровских цитат и слов (см. № II). Не всегда гомеровская лексика употребляется к месту. Так, эпитет Амфитриты κυανῶπις (II. XII. 60) переделывается в κυανῶπός и прилагается к морской воде (V. 1), которая едва ли может быть названа «лазурноокой» (в переводе эта неловкость античного ученика исправлена).

Наконец, столь же неравномерно представлены риторические приемы. Среди школьных упражнений отметим № V (4 риторических вопроса в анафоре, из них два вводятся с помощью τί, еще два с помощью ποῖον; поиски ассонансов: κολῳῶσαντες ἐφ' ὀλκάσι χίλια λαίφῃ; ταχεῖς ... τείχῃ. Среди эпиграмм – № VI. 1 (μόθους – μόθων, 1–4; τέκος – τέκνον 3–5), VII, 3 (ἀλόχοισι – λοχεύει).

Другую группу стихотворных этопей составляют, как уже говорилось, 31 эпиграмма²⁵ из IX книги Палатинской антологии. Объединение их в некий комплекс носит отчасти условный характер, поскольку основывается на общности заголовков (типа «так сказал бы...» или указания на говорящего), данных этим эпиграммам не автором и даже не составителем, а редактором рукописи в X в., который, определяя содержание эпиграмм, в ряде случаев мог и допустить ошибку. Так № 126, 454, 455 вполне могли быть составлены как подписи к памятникам изобразительного искусства²⁶.

В целом, однако, эта группа эпиграмм²⁷ вполне соответствует тому, что мы привыкли называть этопеей, хотя они и уступают в объеме большинству обсужденных выше папирусных текстов²⁸. Как давно было замечено, все они вышли, по-видимому, из какой-то местной поэтической школы в Египте²⁹ и в большинстве своем написаны одним человеком³⁰, в котором по стилю и приемам можно предполагать достаточное знакомство с системой риторического образования. Время их создания – не ранее

²⁵ Сюда входят № 449–480 за вычетом случайно попавших между ними № 450 и 453, а также оказавшаяся «на отлете» № 126.

²⁶ См. Anthologie Grecque. T. VII / Texte établi... par P. Waltz. P., 1957. P. XXVIII suiv. XXXV; T. VIII. 1974. Ad ep. 454. Ср. сказанное выше о пап. VIII и прим. 59.

²⁷ Их прототипом можно считать № 117 из той же IX книги, поскольку она отличается только тем, что написана гораздо раньше (она вошла в «Венок» Филиппа Фессалоникского, т.е. составлена между началом I в. до н.э. и серединой I в. н.э.), и тем, что прямой речи Гекубы предпосылает описание ситуации, чего этопеи избегают.

²⁸ Из 31 рассматриваемых ниже эпиграмм 20 не превышают двух-трех стихов, чего, конечно, мало для сколько-нибудь развернутой характеристики говорящего. К минимальному («необходимому и достаточному») размеру этопей в 6–7 стихов приближаются только 6 эпиграмм.

²⁹ См. Crusius O. Aus antiken Schulbüchern // Philologus. 1905. 64 S. 146.

³⁰ См. Cameron A. Two Notes on the Greek Anthology // BICS. 1967. № 14. P. 60. См., однако, прим. 60.

второй половины V в., так как в построении гексаметра они целиком подчиняются влиянию Нонна: в них никогда не бывает двух спондеев подряд в 1-й и 2-й стопах³¹ и не представлен какой-либо другой тип гексаметра кроме тех девяти, которыми пользовался Нонн³². Поскольку перевод приводится в приложении к статье, здесь достаточно дать их общую характеристику, в которой обращают на себя внимание следующие моменты.

1. Все без исключения речи приписаны мифологическим лицам: Гере, Аполлону, персонажам Троянского цикла и т.д., при том, что ни одна из них не содержит пересказа известного источника. Так, речь Эйдофеи в № 474, воспроизводящая в целом обстановку первой половины «Елены» Еврипида, вмещает ее в шесть стихов. В других случаях ситуация напоминает гомеровскую, но не повторяет ее: Одиссей встречается в Аиде тень Аякса, но Ахилл вовсе не пытается мирить их, как в № 470. Номера 461 и 462 совсем не находят соответствия ни в «Илиаде», ни в известном нам содержании киклических поэм. Гектор не мог видеть, как вооружается Ахилл (№ 463), Парис не торжествовал над поверженным Менелаем (№ 464) и Елена во время их единоборства отнюдь не опасалась нового брака (№ 475). № 477 вовсе предполагает в слушателе знание не слишком распространенной истории о том, как Телеф, преследуемый Ахиллом, запутался среди виноградных кустов³³, что дает Фетиде, никогда этого не видевшей, повод оплакивать грядущую смерть Ахилла. Наконец, совсем невероятная ситуация, противоречащая традиционному изложению мифа, представлена в № 479 и 480 (во втором из них Пелоп вообще говорит так, как будто он уже прочитал знаменитую эпиграмму Каллимаха. Anth. Pal. XII. 102). См. также ниже примечания к переводу эпитаграмм № 457–460, 465–467, 476. Словом, речи в этопеях из IX книги являются на самом деле совершенно фиктивными и отвечающими на вопрос, что *мог бы* сказать персонаж, который этого не говорил.

2. Из 32 этопей собственно «этическими» можно назвать только 7 (№ 457, 460, 461, 465, 470, 471, 476), при том что «нрав» Ахилла, призывающего в Аиде Аякса к примирению с Одиссеем, меньше всего согласуется с темпераментом Пелида, как он выведен в «Илиаде». В остальных либо изображен «пафос», т.е. непосредственная реакция на некое происшествие (№ 126, 449, 451, 452, 456, 458, 462–465, 467, 475, 477, 479, 480, 495), иногда с примесью «этоса» (№ 459, 468, 469, 474), либо просто констатируется наличная ситуация, безотносительно к «нраву» вовлеченных в нее лиц (№ 454, 455, 466, 473, 478). Из этого ясно, что (оставляя в стороне стихотворную форму) только ограниченное число эпитаграмм могут служить примером этопеи, действительно сочиненной для нужд образования. Основную же часть рассматриваемых эпитаграмм можно считать не более чем литературной забавой.

3. Для их языка характерно пристрастие к гомеризмам. Особенно отличаются этим № 470 (ἐν φθιμένοισιν, καλλείψας, ἤλιτεν, ἔπεφινεν, ἄλγεα, βένθηα, τεύχεα, ἡεροφοῖτις 'Ερινύς) и № 474 (Τρωσί, Δαναοῖσι, αἰγίοχοιο, τεοῦ, ἔρχεο, ἐπὶ νῶτα θαλάσσης), но и в других эпитаграммах достаточно форм родительного пад. на –οιο, дательного множ. на –οισι и –εοσι (πελάγεοσι), неслитных форм мн.ч. средн. р. типа πένθηα, примеров прошедших времен без приращения (φάνη, πέτρωσεν), форм от ἄλλυμι без префикса, сложных прилагательных (πολύτλας, ἀγχέμαχος) и т.п. явлений, которые должны были показать, что сочинитель вполне овладел гомеровским словарем.

³¹ Единственное исключение (IX. 474. 1) легко устраняется заменой σόν в тексте Палатинской антологии на σέο в чтении Плануда. См. *ibid.* P. 58 f.

³² Эти девять типов (в отличие от 32-х, употребляемых в гомеровском эпосе) были установлены в самом начале нашего века Ля Рошем: *La Roche J. Zur Verstechnik des Nonnos // WSt. 1900. 22. S. 194–211*, и использованы для датировки этопей из Гейдельбергского папируса (наш № VI) Колларом (*Collart P. A propos d'un papyrus de Heidelberg // REG. 1936. 49. P. 429–439*).

³³ История эта излагается у Аполлодора (Erit. III. 17) и в схолиях к II. I. 59, причем Телеф, естественно, остается в живых, хотя и получает рану, за исцелением которой он потом явится к Ахиллу.

4. В области стиля отметим достаточно частое употребление риторических фигур, которые, разумеется, не всегда могут быть переданы в переводе. Сюда относятся: анафоры (тройное τίς – № 449; ἔγνωσ – № 457. 1–2; μετ' – № 458.1; тройное καί – № 461.4. 6, 7, ср. там же обрамляющее μοχθος в ст. 1 и 7); удвоения (γαστέρος – γαστήρ, μαζῶν – μαζοί, – № 126; πυρὶ – πῦρ, νευρῆς – νευρήν, "Ἐρως κατ' ἔρωτος № 449; χαῖρε – εἰ χαίρειν – № 452; ἐδίδαξας – δίδαξον – № 456); figura etymologica (πολυπήμουι – πῆμα – № 457). Добавим к этому нередкую аллитерацию: Σδς πόσις κακοεργὸς ἐνὶ σπήλυγγι ... γλώσσαυ ἐθέρισσε ... ἔσβεσεν – № 451.1 и 4, где обилие свистящих в начальном и конечном стихе передает бессловесный голос оставшейся без языка Филомелы. "Ἠεῖδον μὲν ἐγών – № 455. "Ἀεθλα – ἄλγεα № 458.1. Πελάγεσσι, νεκύεσσι, Ὀδυσεεύς – № 459.6. Τρώεσσι ... πάντεσσι ... κορύσσων ... ὀλέσαι ... ἀνύσσει – № 461. Если мы сравним теперь новый оксиринхский папирус с рассмотренными выше образцами эпопей, то заметим в нем целый ряд особенностей, отличающих его от других произведений подобного жанра. Прежде всего, фиктивная речь Гесиода – одна из наиболее обширных среди всех эпопей, сохранившихся на папирусах, не говоря уже об эпиграммах из IX книги Палатинской антологии. По своему объему она уступает только речи Афины из нашего папируса № IV, величина которой, как уже говорилось, объясняется бесконечными повторениями на одну и ту же тему. Затем, в то время как во всех остальных эпопеях речи принадлежат мифическим персонажам, Гесиод – лицо историческое, и если в его судьбу и вторглись некие высшие силы, с античной точки зрения это не противоречит его реальному существованию. Самый образ поэта строится на его собственных высказываниях с привлечением сведений, почерпнутых из достаточно традиционных источников о его жизни и творчестве.

Явление Гесиоду, пасшему стадо близ Геликона, Музы, которая научила его искусству песнопения (ст. 3–6, 15 сл., 24)³⁴, основано на вступлении к «Теогонии», 22–23. Со временем эту версию повторит Каллимах во вступлении к своим «Причинам» (фр. 2. 1 сл)³⁵, а еще через несколько столетий ее целиком применит к себе Квинт Смирнский (XII. 308–313)³⁶. Характеру творчества Гесиода вполне соответствует в приписываемой ему речи (ст. 7–9) объем знаний, внушенных Музой: она поведала ему о сражении богов с гигантами, что составляет содержание большого раздела «Теогонии», 629–725; о происхождении героев и породивших их женах, – вспоминаются опять же заключительные 86 стихов «Теогонии» и еще в большей степени – известный на протяжении всей античности под именем Гесиода «Каталог жен», который становится нам все более доступным благодаря папирусным находкам последнего столетия³⁷. Готовность Гесиода отправиться на поэтическое состязание (ст. 11) естественно связать с его же собственным воспоминанием об участии в погребальных играх в Халкиде в честь погибшего в Лелантской войне Амфидаманта (Op. 651–659).

Имена родных Гесиода (ст. 17 сл.) тоже восходят к достаточно древней традиции: имя его отца Δῖος («божественный»), придуманное на основании Op. 299 (δῖον γένος), знал уже Ферекид, FGtH 3 F 167; имена отца и матери (Πικιμῆδη «очень разумная»,

³⁴ Завершающие эпопею ст. 25 сл. отличаются несколько более возвышенным характером, чем вся остальная речь, что дало основание ряду исследователей (особенно – Агости) для сопоставления ее с «Видением Дороефа». Мне представляется, однако, что для обоих произведений Гесиод является скорее общим первоисточником (см. ниже).

³⁵ Сказание такого же рода связывается, вероятно, уже с V в. с именем Архилоха. См. Müller C.W. Die Legende von der Erwählung des Dichters Archilochos // Fabula. 1992. 33. S. 102–107.

³⁶ Дошло это сказание и до XIX в. в форме небольшой поэмы французского поэта Ш.Ю. Мильвуа (1782–1816) «Сражение Гомера и Гесиода», известной у нас в вольном переводе К. Батюшкова «Гезиод и Омир, соперники» (1816). Речь там идет о столь же легендарном состязании Гесиода с Гомером, которое начинается с воспоминания Гесиода о том, как он бродил со стадами «близ чистой Ипокрены». «Там пастыря нашли прелестные Камени, // И я в обитель их священную вступил», – говорит Гесиод.

³⁷ См. West M.L. The Hesiodic Catalog of Women. Oxf., 1985.

эпитет Евриклей в Od. 1. 438, Триптолема – в гом. гимне Деметре, 153) сообщал Эфор, FGrH 70 F1. Оба имени названы в самом начале «Спора Гомера с Гесиодом», восходящего к ритору IV в. до н.э. Алкидаманту, который, по всей видимости, использовал еще более ранний источник. См. также Жизнеописание Гесиода в Суде и у Цеца. Характеристика «весьма неразумного» брата Перса заимствуется из «Трудов и Дней», оттуда же – упоминание Аскры, в которой поселилась семья Гесиода, покинув эолийскую Киму (ст. 13 сл.).

Таким образом, можно сказать, что наш автор резюмирует содержание поэм Гесиода его же собственными словами, не задаваясь целью ставить поэта в какую-нибудь фиктивную обстановку (если, конечно, не считать ею само явление Музы).

При этом, явно не востребованной остается тематика «Трудов и дней». Правда, некоторые исследователи³⁸ хотят видеть ее отражение в понятии κόσμος в ст. 9, поскольку оно якобы включает в себя также землю и ее обитателей со всеми их трудами и заботами. Между тем космос в философском понимании слова, какое оно приобретает впервые у Пифагора (или Парменида³⁹), а затем у Гераклита, едва ли вмещал в себя повседневный быт землевладельцев, и надо придать автору нашей эпопеи исключительную склонность к ассоциативному мышлению, чтобы заподозрить в нем способность к такому расширительному пониманию космоса. Да и для самого Гесиода, хотя понятие космоса как мироздания в целом в его поэмах не встречается, мир, который он «узрел очами», это, конечно, не хорошо известная ему **ОБСТАНОВКА** земледельческого быта, а именно вселенная, возникновение которой он описывает, начиная от Хаоса, в той же «Теогонии», 116–153⁴⁰. Чтобы открыть для себя мир «трудов и дней», ему не требовалась помощь Муз. Возможно, наш автор именно потому избегает намек на «Труды и Дни», что ему надо изобразить Гесиода как эпического поэта, противостоящего в своем творчестве наивным песням поселян.

Здесь мы подходим к той стороне «речи Гесиода», которая до сих пор не обращала на себя слишком пристального внимания исследователей, – почему примерно половина стихов в обсуждаемом тексте посвящена расставанию поэта со своим пастушеским прошлым и с опостылевшей ему буколической песней?

Как известно, ни в его собственных поэмах, ни в более поздних источниках, не считая Вергилия, нет ни слова о том, что Гесиод до явления ему Муз отличался поэтическими способностями и проявлял их, находясь среди пастухов. Музы посетили его, когда он пас своих овец (Theog. 23), но в то время он не был поэтом, и свирель, этот символ буколической поэзии, ни разу не упоминается ни у Гесиода⁴¹, ни в посвященных ему свидетельствах.

Каллимах называет Гесиода всего лишь один раз как образец для «Феноменов» Арата (т.е. опять же как эпического поэта) и восхищается «медовой сладостью» его слов (Anth. Pal. IX. 507). Мосх убежден, что в Аскре оплакивают смерть Биона сильнее, чем кончину Гесиода (III. 87). В более поздних источниках подчеркивается, что с явлением Муз на будущего поэта *мгновенно* нашло вдохновение⁴². Образ Гесиода, оглашавшего звуками свирели окрестные горы, – изобретение Вергилия (Ecl. VI. 69–71), не говоря уже о том, что существование литературно оформившейся буколической поэзии за 400 лет до Феокрита – очевидный нонсенс. Зачем на рубеже III–IV вв. понадобилось возвращаться к этому образу, для того чтобы тут же его отвергнуть?

По мнению автора раздела о литературе эпохи Империи, в «Кэмбриджской истории

³⁸ Barigazzi. Una dialexis... P. 4–5; Agosti. P. Oxy. 3537r... S. 4.

³⁹ Diog. Laert. VIII. 48.

⁴⁰ См. в уже упоминавшейся космогонии (P. Oxy. 2816), составленной по Гесиоду, κόσμος в таком же «космическом» значении.

⁴¹ Здесь, разумеется, не принимается в расчет упоминание свирели в «Щите», 278, который датируется примерно VI в. Впрочем, и там свирель сопровождает не пастушескую песню, а свадебный хор.

⁴² Ср.: εὐθὺς ἄδειν, γειόμενοι ποιητῆν ἐκ πομπέως (Max. Tug. 38.2); αὐτίκα μάλ᾽ ἀποιητῆς ἐκ πομπέως κατέστη (Luc. Rhet. praec. 4).

классической литературы» это было время «малых форм», оттеснивших на задний план все остальные поэтические жанры⁴³. Едва ли это вполне верно.

Эпическая поэзия во всех ее видах занимала достаточно заметное место в литературе Римской империи во II–IV вв., и притом – именно в ее восточной части.

Еще ко времени Марка Аврелия относится «Halieutica» (ок. 176–180 гг.) Оппиана из Киликии, равно как приписываемая ему «Cunegetica». Современником Септимия Севера (193–211 гг.) словарь Суда называет Нестора из Ларанды в Ликаонии, автора не дошедших до нас «Метаморфоз», «Александриады», чудовищной «Илиады» *λεῖπτοῦράμματος*⁴⁴ и дидактических поэм о всяких средствах исцеления. Сын Нестора Писандр, относимый ко времени Александра Севера (222–236 гг.), сочинил самую большую в истории древнегреческой литературы эпическую поэму, также не сохранившуюся, – " *Ἠρωικά θεοῦράματα* " всего-навсего в 60 книгах. Известно, что речь шла в ней, среди прочего, о войне богов с гигантами, о связях Зевса и Ио, о Кадме, Геракле и аргонавтах. Если для Нестора образцом являлся Никандр, впрочем, продолжавший традицию Гесиода, то Писандр никак не мог избежать непосредственного влияния ни гесиодовской «Теогонии», ни «Каталога жен». В III в. сочиняет свою поэму «После Гомера» Квинт Смирнский⁴⁵, за ним следует происходивший из Египта и многим Квинту обязанный Трифиодор со «Взятием Илиона»⁴⁶, подражавший также и Нестору в сочинении не дошедшей до нас, но, вероятно, столь же нелепой «Одиссеи».

К рубежу III–IV вв., т.е. примерно к тому же периоду, когда была сочинена этопоэя Гесиода, относится, согласно Суде, эпический поэт Сотерих из Оасиса в Ливии, автор поэм о Дионисе (в 4-х книгах), о вавилонянке Панфее, об Ариадне и, возможно, о сражении с Калидонским вепрем⁴⁷. Был ли Сотерих также автором поэмы о войне Диоклетиана и Галерия с персами, остается только предположением, но в дошедшем папирусном отрывке этого «историко-героического» эпоса самого начала IV в. на два десятка гексаметров хватает мифологических реминисценций⁴⁸.

В это же время некий, более ничем не известный Дионисий сочинил поэмы «Basarica» и «Gigantias», от которых дошло некоторое количество фрагментов⁴⁹.

Наконец, к тому рубежу III–IV вв. принадлежит опубликованное в 1984 г. «Видение Дорофея» (Papyrus Bodmer XXIX) – поэма объемом в 343 стиха, в которой автор повествует о своем обращении в христианство в результате посетившего его во сне видения. В этой поэме, помимо сходства с «Теогонией» в ситуации (явление во сне некоей высшей силы), очень близки к Гесиоду ст. 170–177, своего рода «проемий», помещенный между двумя частями поэмы, но обращенный не к Музам, а к архангелу Гавриилу⁵⁰.

Прочная эпическая традиция существовала в Египте и в последующие два столетия, когда во всей Империи восторжествовало христианство, принципиально враждебное греческой мифологии с ее языческими богами⁵¹. Подтверждением этому может

⁴³ The Cambridge History of Classical Literature. V. I. Pt 4. Camb., 1989. P. 89 f.

⁴⁴ Текст «Илиады» был препарирован в ней таким образом, чтобы в каждой книге ни разу не встретилась соответствующая буква греческого алфавита: кн. первая – без *альфы*, вторая – без *беты* и т.д.

⁴⁵ См. Quintus de Smyrne. La Suite d'Homère / Texte établi... par F. Vian. V. 1. P., 1963. P. VII–XIII, XIX–XXIV.

⁴⁶ См. ВДИ. 1983. № 3. С. 135; *Triphiodore. La Prise d'Ilion / Texte établi... par B. Gerlaud. P., 1982. P. 6–9.* Только по библиографии известно мне новейшее изд.: *Dubielzig U. Triphiodor: Die Einnahme Iliens. Mit Einf., Übers. und krit.-exeget. Noten.* Tübingen, 1996.

⁴⁷ См. *Livrea E. Chi e'l'autore di P. Oxy. 4352? // ZPE. 1999. 125. S. 69. Anm. 5.*

⁴⁸ Heitsch. № XXII; GLP № 135.

⁴⁹ Heitsch. № XIX, fr. 1–8, 15 – из Стефана Византийского, fr. 9–14, 16–26 обнаружены на папирусе; наиболее крупный отрывок из первой поэмы см. GLP № 134. См. также: *Dionysii Bassaricon et Gigantiadis fragmenta / Ed. H. Livrea. Romae, 1973.*

⁵⁰ Ср. *χαρίεσσαν ἀοιδῆν (173) – ἱερβέσσαν ἀοιδῆν (Th. 104) αὐδῆν θεσπιν...πρὸ τ'ἔοντα (176 sq.)* – прямое заимствование из Th. 31 sq.

⁵¹ См. *Cameron A. Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egypt // Historia. 1965. XIV. S. 470–509, особенно 471–485.*

служить еще один папирусный текст, который раньше датировался началом IV в., а теперь в результате нового палеографического исследования, может быть с достаточной надежностью отнесен к V в. Содержание его составляет основание Универсума: Зевс решает создать космос, положив тем конец вражде элементов, и поручает эту задачу Гермесу, которого он производит из себя самого. Гермес сотворяет Небо с планетами и созвездиями, Землю с реками и Жизнь, которую помещает в созданном для этой цели городе, – разумеется, в Гермуполисе, в Египте⁵². Как видим, эта эллинизированная египетская космогония, хоть и сильно отличается от гесиодовской, все же может считать последней своей прародительницей.

Из сказанного очевиден непреходящий интерес к эпосу во II–V вв. в восточной части Римской империи и в том числе – в Египте, откуда происходит интересующая нас здесь этопея. Об этом же свидетельствуют и папирусные источники.

Гомеровский эпос пользовался в провинциальных культурных центрах птоломеевского, а затем и римского Египта особым предпочтением: около 1000 папирусов с текстом гомеровских поэм составляют одну пятую часть всех опубликованных до сих пор литературных папирусов, при том, что на II в. н.э. приходится их примечательная концентрация. Гесиод, конечно, не может соперничать с Гомером по числу дошедших папирусов (рукописей из трех поэм, включая «Щит Геракла», насчитывается чуть меньше 40), но и среди них на II–III вв. приходится 23. Что же касается буколических авторов, то к концу 1998 г. было известно 26 папирусов с текстами Феокрита, из которых только три относятся ко II–III вв. и столько же – к IV в., включая один, еще не опубликованный⁵³. Как видно, в III–IV вв. буколической поэзией в Египте не слишком интересовались.

Таким образом, автор нашей этопеи присоединяется к существовавшей в его время оценке эпоса. Менее понятно, какой смысл имело в этих условиях отвержение им «буколического» прошлого Гесиода.

Разве только он сам принадлежал к числу особенно рьяных поклонников дидактического эпоса и постарался объяснить свое пристрастие к нему и неприятие «легкомысленной» буколической поэзии примером Гесиода? Во всяком случае, включение в этопею собственного взгляда на взаимоотношение литературных жанров является единственным примером во всех доступных нам ее образцах и выводит наш текст за пределы обычных школьных упражнений в этом роде.

Что касается стилистического плана, то мы отметим в разбираемом стихотворении достаточную сдержанность автора в использовании гомеризмов и различных риторических фигур.

Из первых в надежно читаемом тексте можно обнаружить только тмесис (ἐκ δ'ἔλοιπῃ, 16), родит. пад. ед. ч. на – ою (6), три неслитные формы (4, 24) и диалектное πτολ– (11), а из вторых – несколько случаев не слишком навязчивых анафор: τίς (3), αὐτή (7, 9), νῦν (17), οὐδ(έ) (20, 22, 24). По-видимому, автор не хотел отвлекаться в сторону формальных приемов; для него важнее было содержание сочиняемого стихотворения.

Кроме того, очевидно стремление придать стихотворению некую смысловую законченность, построив его по кольцевому принципу, хоть и не выраженному лексически. В начальных стихах сообщается о явлении Музы, которая вдохновила будущего поэта, открыв его взору космос во всем его величии (5–9), – в конце автор возвращается к стремлению Гесиода, которому по воле Зевса и Муз открылись божественные чертоги, воспеть увиденное им. В середине размещается расставание поэта с его буколическим прошлым.

Наконец, вся речь Гесиода построена как акростих таким образом, что из начальных букв 24 строк складывается формульный эпический стих: τὸν δ'ἄπομειβόμενος

⁵² Heitsch № XXIV; GLP № 136; Gigli Piccardi D. La «Cosmogonia di Strasburgo». Firenze, 1990; Agosti G. La Cosmogonia di Strasburgo // Atene e Roma. 1994. 39. P. 26–46.

⁵³ Эти сведения сообщил мне Т. Шмидт из Католического университета в Льеувене, за что приношу ему искреннюю благодарность.

ξφη. С давних времен формула эта не раз встречала ироническое к себе отношение⁵⁴, и тот факт, что неведомый нам автор берет ее в качестве исходной для своей этопеи, подтверждает его архаистические симпатии. Заметим также, что акростих может преследовать чисто формальную цель, не соотносимую с его содержанием, как, например, все в той же кн. IX Палатинской антологии № 385, 524 и 525, где алфавитный порядок стихов никак не отражает ни содержания «Илиады», ни сущности эпитетов Диониса или Аполлона⁵⁵. Но акростих может и вступать в переключку с содержанием охваченных им стихов, как в «Феноменах» Арата, 783–787 (ΑΕΠΤΗ), 803–806 (ΠΑΣΑ) или у Никандра, Theg. 345–353 (ΝΙΚΑΝΔΡΟΣ)⁵⁶. Наш автор идет по второму пути, поскольку то, о чем говорится в стихотворении, и есть речь его героя («отвечая, сказал»). Стало быть, его и в этом отношении привлекает не только формальный прием. Поскольку же построение стихотворения в форме *такого* акростиха требовало более высокого уровня версификации, чем тот, которого можно было требовать от учащихся при выполнении прогимнасма, наш текст надо считать произведением не ученика, а наставника, от которого вполне можно ожидать собственного отношения к поэтическим средствам.

Подводя итог, мы должны сказать, что новая этопея занимает совершенно особое положение среди других примеров этого жанра. Своим героем она делает реальное лицо и вкладывает в его уста целую эстетическую программу, содержащую оценку поэта-классика. Она представляет собой не заурядное упражнение на искусственно придуманную тему, требующее использования некой суммы риторических приемов, а отражает вполне определенные литературные вкусы ее автора, который стремится поставить характер творчества Гесиода в связь (пускай и с легендарными!) обстоятельствами его жизни⁵⁷.

Предложим в заключение перевод нового текста в гексаметрах, не претендуя, однако, на сохранение принципа акростиха: автор настоящих строк, подобно выполняющим прогимнасматы, считает это испытание для себя непосильным.

- Кто из богов мне всю душу потряс вдохновением свыше,
Горы принудив оставить, и роци, и стадо овечье?
5 Кто, появившись ночью с преславной горы Геликона,
Поросль принес мне роскошную пышноцветущего лава?
Муза мне род возвестила богов и с гигантами битвы,
Происхожденье героев и женщин, их породивших.
Мир мне явила она, что раньше не зрел я очами.
10 Стоило мое злополучное, клевы, где коз содержал я!
Я отправлюсь в сраженье – средь круга широкого спорить.
Плющ мне священный не нужен, ни луг, где стадо пасется,
Аскру не стану я тешить, собрание хижин убогих,
Киму же вовсе в расчет не беру я. Прощайте, овечьих

⁵⁴ См. Agosti. P. Oxy. 3537r... № 3.

⁵⁵ Перевод № 385 см. в кн.: Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. СПб., 1997. С. 296.

⁵⁶ Courtney E. Greek and Latin Acrostichs // Philologus. 1990. 134. S. 1–13. На акростих о Гесиоде автор в перечне «literary acrostichs» (см. с. 13) не ссылается, хотя и относит к их числу достаточно беспомощные эпиталамии и энкомии уже известного нам Диоскора (№ 7, 12, 19, 20, 23, 24 Heich = 68 sq., 81, 103, 105, 107, 111 Mac Coull). См. также Rebuffat E. Acrostici nel Lithica Pseudo-orfici // Eikasmos. 1996. VI. P. 215–219; Agosti. P. Oxy. 3537r... № 9–11.

⁵⁷ Эта работа была уже отослана в редакцию, когда мне удалось ознакомиться со статьей: Bernsdorf H. Hesiod – ein zweiter Vergil? Zur poetischen Ethopoia. P. Oxy. 3537 // Antike Rhetorik und ihre Rezeption. Stuttgart, 1999. S. 63–83 (за присланную мне ксерокопию я сердечно благодарен Хорсту Мёллеру, Лейпциг). Главная мысль Бернсдорфа состоит в том, что в ст. 12–14 Гесиод прощается со своим прошлым как буколический поэт («наш автор создал "своего" Гесиода по образцу биографии Вергилия»), для чего приводятся весьма ценные параллели из римской поэзии, в конце III в. н.э. в Оксирихе едва ли известные. Как видит читатель, я придерживаюсь прямо противоположной точки зрения.

- 15 Стад пастухи! Научили нас песне божественной Музы,
И для себя я избрал Аганиппы поток вдохновенной.
Ныне, любимый отец мой, Дий, ныне ты, Пикимеда,
Матерь достойнее всех, и ты, брат Перс неразумный,
Станет другой моя жизнь: начинаю я звонкую песню,
- 20 Будет не жалкой пастушеской, – их без труда поселяне
Дара лишенные, сложат...
Больше в горах мне не нравятся звуки свирели пастушьей,
Также наскучил теперь мне скрип деревенских дуделок.
Ныне по Зевсовой воле, по воле муз мне отверзлись
- 25 Сводов небесных врата, и богов я вижу чертоги, –
Их воспевать я хочу, чтоб славой навек увенчаться.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод эпиграмм из IX книги Палатинской антологии

117. Статилия Флакка⁵⁸

В час, когда горестный брак отца совершал с Поликсеной
Пирр на высоком холме, в жертву ее принося,
Горько рыдала Гекуба, главу беспощадно терзая,
И говорила в слезах, смерть проклиная детей:
«Ты волочил уж однажды труп Гектора за колесницей;
Ныне, хоть мертв ты и сам, требуешь крови другой,
О ненасытный Ахилл, так рожденных ты мной ненавидишь,
Что и в могиле своей их не жалеешь совсем?»

126. Что сказала бы Клитемestra, когда ее хотел убить Орест⁵⁹.

Меч свой куда ты отправишь, – в грудь ли мою или в чрево?
Чрево родило тебя, и грудью ты вскормлен моею⁶⁰.

449. Что сказал бы, полюбив, Эрот.

Пламенем кто загасил мое пламя, лампадой – лампаду?
Кто натянул тетиву и моей тетиве угрожает?
Новый с Эротом Эрот всей силой моею сравнялся.

451. Что сказала бы Филомела своей сестре Прокне

Твой насильник-супруг, в глубину завлекши пещеры,
Сделал несчастный меня, девичество дерзко похитив;
В память о браке зловещем принес он мне дар ненавистный:
Вырезал мой он язык, загасив звуки эллинской речи.

452. На тот же случай

Здравствуй, сестра моя Прокна, привет тебе шлет Филомела,
Хоть и не благ мой привет. Но пусть возвестит это платье
Боль оскорбленной души, – как, в овечьем хлеву заточивши,
Сделал несчастной меня твой супруг несказанно жестокий,
Девство сначала похитив, а после лишив меня речи.

454. Что сказала бы Каллиопа, указывая на Георгия⁶¹

Истинный вот мой отец, вовсе не сын Крона Зевс.

⁵⁸ К этой эпиграмме в рукописи есть лемма: «На могиле Ахилла, когда Пирр заколол Поликсену и несчастная Гекуба приняла на собственную грудь кровь дочери».

⁵⁹ Имена составителей этой и всех следующих эпиграмм неизвестны.

⁶⁰ Клитемestra, обнажающая перед Орестом вскормившую его грудь, – мотив, впервые засвидетельствованный у Эскила (Хоч. 896–898) и трижды повторенный Еврипидом (El. 1206 sq.; Or. 526–529, 566–570), затем часто использовался в изобразительном искусстве. См. LIMC. 1992. VI. 1. P. 80.

⁶¹ По-видимому, одна из самых поздних среди рассматриваемых здесь эпиграмм, поскольку в ней имеется в виду Георгий Писидя – византийский сановник, занимавший важные должности в Константинополе в 30-е годы VII в., и поэт, неумеренно прославленный его современниками; отсюда и не слыханная до того генеалогия Каллиопы!

455. Что сказал бы Аполлон о Гомере
Я эту песнь пропел, записал же Гомер богоравный.

456. Пасифая Эроту
Ты научил меня страсти к быку, с гор далеких пришельцу,
Так научи и мычанию, чтоб звать дорогого супруга.

457. Что сказал бы Ахилл, когда был ранен Агамемнон
Понял ныне, Атрид, что за гнев разрушительный вызвал?
Понял, с силой какой бьется Гектор в боях рукопашных?
Ныне жертвой все стали твоей погубительной брани,
И тебе она вышла бедою, что смерти ужасней.
Ввергнут безумьем своим ты в невыносимое горе,
Кто средь всех почитался данайцев оплотом могучим⁶².

458. Что сказал бы Одиссей, ступив на Итаку
Здравствуй, Итака! Труды завершив и по морю скитанья,
В землю твою прихожу, полный радости. Видеть хочу я
Снова Лаэрта-отца, супругу и славного сына.
В сердце тобою я был зачарован; ведь знаю и сам я:
«Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших»⁶³.

459. Что сказал бы Ахилл, видя в Аиде Одиссея
Вправду средь всех на земле Одиссей самый хитрый и ловкий.
С жизнью еще не расставшись, увидел, что видеть не должно, –
Недра подземные, также горькие муки умерших.
Как же посмел он оставить сиянье святое? Нуждою
Он приведен ли сюда против воли? Как видно, в обмане
Нет пресыщенья ему на земле, на морях и средь мертвых⁶⁴.

460. Что сказал бы Ахилл, видя лежащие перед ним доспехи
Матерь, приносишь ты мне, своему отважному сыну,
Дар, драгоценный – доспехи; никто таких раньше не видел.
Я понимаю теперь, что Паллада на Гектора руку
Грозно подымлет мою и гибель троянцам готовит⁶⁵.

461. Что сказал бы Пирр, вступив в Трою
Ратный твой труд не закончил мой безупречный родитель,
Я же пришел, чтоб оружием троянцам всем смерть уготовить,
Ибо повсюду отвагой своею я славлюсь не меньше.
Доблесть сумеет моя и Приама царя, и всех вместе,
Кто уцелел от Ахилла, в бою погубить беспощадном.
Трою, воинственный город, я впрах разорю, и данайцев
Труд многолетний закончит мое копье боевое.

462. Что сказала бы Деидамия, когда Пирр разорил Трою
Сердце мое навсегда ты избавил от тяжелой печали,
Что принесла мне кончина отца твоего Ахиллеса,
Павшего жертвою Трои злосчастной. Но ты этот город
Весь разорил для ахейцев, победы над ним вожделевших,
Славы нетленной добыв, которую в десятилетний
Срок не сумели снискать все данайцы, хоть храбро сражались.

463. Что сказал бы Гектор, видя Ахилла в доспехах
В гневе Афина опять облекла доспехом Пелида
Грозным, что бог изготовил. Тягчайшее горе постигнет,

⁶² Развивается мотив, намеченный в II. XVI. 72–73: если бы Агамемнон не был несправедлив в отношении Ахилла, троянцам бы не поздоровилось.

⁶³ К ст. 3 ср. Od. IX. 505; ст. 5, цитата из Od. IX 346, дана здесь в переводе Жуковского.

⁶⁴ В Od. II. 467–476 Ахилл удивляется, как Одиссей проник при жизни в Аид (πῶς ἐτλησ... κατ'ἄδμεν, 475), но не делает вывода о его «ненасытности в обмане».

⁶⁵ Ст. 1–2 перекликаются с II. XIX. 21 sq., но там Ахилл далее заботится о теле Патрокла.

Верно, троянцев несчастных, и Гектора, с ним и Приама,
Ежели этому мужу богиня доспехи вручила.

464. Что сказал бы Парис, когда был ранен Менелай
Прочь отойдите вы все, презренные эгиалейцы!
Умер уже Менелай, мне доставив великую славу.

465. Что сказала бы Алфея, призывая Мелеагра
Сын мой, забыл ты свой род, и тебя не заботит отчизна;
Гибнет она на глазах. Ты же, меч свой огромный забросив,
Этим позоришь отца, Калидон и весь люд калидонский⁶⁶.

466. Что сказала бы Алкестида, когда Адмет запряг в свою повозку льва и вепря
Мужеством славных трудов ты свою увенчал колесницу,
Славят невесту твою в прекрасносложенных гимнах⁶⁷.

467. Что сказал бы Пелей, слыша, что Ахилл уклоняется от битвы
Вы, Пелиона вершины, вскормившие в детстве Ахилла, –
Он же научен Хироном быть первым героем в сраженьях, –
Гнев ненавистный к ахейцам отбросить ему прикажите⁶⁸.

468. Что сказала бы Гера на обожествление Геракла
Доблесть, добытую потом, отец оценил твой высоко:
Неодолимою славой венчаются те среди смертных,
Кто беспредельных трудов сумел одолеть вереницу.

469. На тот же случай
Труд в несказанных усилиях принес тебе милость, которой
Не был никто одарен, – в местах пребывать благодатных.

470. Что сказал бы Ахилл, чтобы примирить Аякса (с Одиссеем)
Гнев не храни среди мертвых. Забыв все печали земные,
Друга своего возлюби: Одиссей не по собственной воле
Тяжко тебя оскорбил, а сгубила десница Афины,
Мойра и Зевс, наш отец, и бродящая в мраке эринья.
О, если б эти доспехи в глубины соленого моря
Бросила тотчас Фетида, вражду загасив в твоих мыслях!

471. Что сказал бы Нестор, услышав о возвращении Одиссея
Муж благородный избегнул неверного моря. В отчизну,
Множество бед претерпев, он вернулся. Пусть будет счастливей
Ныне, чем я, изучив города и обычаи смертных.

472. На того же Одиссея
Множество бед претерпев, Одиссей вернулся страдалец,
Славу, однако, навеки обрел на земле и на море
Средь поколений грядущих герой – городов разоритель.

473. Что сказал бы Агамемнон, когда Ахилл надел доспехи
Вот и погиб Илион холмистый, и в жертву данайцам
Бог его тотчас назначил, коль скоро, от гнева отрехшись,
Длань свою, мужеубийцу, доспехом Ахилл облекает.

474. Что сказала бы Эйдоея, увидев Елену на Фаросе
Хоть ты и Зевсова дочь, о красе я твоей сожалею.
Вижу я образ божественный, – вправду, ты стала троянцам,
Также и грекам причиной войны этой десятилетней.
Где ж от эгидодержавного Зевса-родителя помощь?

⁶⁶ Мотив заимствован из II. IX. 591–594, но там Мелеагра побуждает к отказу от гнева жена, описывая ужасы завоеванного города.

⁶⁷ Эта подробность из обряда сватовства Адмета указана у Аполлодора (I. 9. 15) и Гигина (фаб. 50 и 51), но там названы и оба зверя.

⁶⁸ Ср. II. IX. 252–259, где Феник вспоминает, как Пелей завещал сыну обуздывать гнев и избегать распрей.

Впрочем, скорей отправляйся: желаньем благим Эйдофеи
В дом без тревог возвратись по хребту коварного моря.

475. Что сказала бы Елена, глядя на единоборство Менелая с Парисом
Вы, копьеносцы-цари из Европы и Азии, ныне,
Как на ножа острие, вы все вместе – и те, и другие:
Кто, пострадавши в войне, возьмет, меня, жалкую, в жены?
Пусть же о том судит Зевс, наш отец, без участия Киприды,
Чтоб кто другой не украл меня снова, позор для ахейцев.

476. Что сказал бы Гектор, когда Патрокл не смог поднять копьё Ахилла
Своим бессильем повредил ты Гектору:
Доспехи мне негодные достанутся⁶⁹.

477. Что сказала бы Фетида, когда Телеф запутался в виноградном кусте
Куст виноградный, что делать я буду, когда мою поросль
Бог Аполлон всемогущий уложит стрелю Париса?

«WHAT ORATION HESIOD WOULD HAVE DELIVERED...»

(*P. Oxy. 50.3537 in Its Relation to the Ancient Rhetoric Tradition*)

V.N. Yarkho

Published in 1983, the short poem of an unknown poet is usually considered by scholars (see note 2) as a specimen of rhetorical *ethopoiia*, a fictitious oration that would have been delivered by a certain mythological character in certain circumstances. The author of this article reconsiders this formal genre attribution, based only upon the type of its title (Τίνας ἄν εἴποι λόγους...). He compares the stylistics and topics of this papyrus text with other extant specimen of *ethopoiia* (papyrus fragments and a group of epigrams in Ant. Pal. X), revealing substantial difference between the latter and the former. First, the person speaking in the new-found fragment is not a mythological character (as in the rest of versified *ethopoiias*), but a real person, Hesiod, speaking out his poetical creed and defending the epic as opposed to bucolic poetry. The reason of this opposition is not clear, for we can see no attack made upon the epic genre in the 2nd-4th cc. BC: Oppian, Quintus of Smyrna and Triphiodoros resorted to it in this period, as well as the poets whose work is preserved in fragments only (Dionysios) or whom we know only by names (Nestor of Laranda, his son Pisander, Soterichos of Libya). It appears that the author of the *ethopoiia* just expresses his view on literary preferences.

Second, the poet, unlike other authors of the genre used Homerisms and rhetorical technique only modestly, while conventional *ethopoiia* had been conceived as a rhetorical exercise. The poet in question, as it seems, considered his task too serious to have scruples about the rules of school rhetoric.

Thus, the *ethopoiia* seems quite unique. The person speaking here is a real person, and his oration contains the poet's aesthetic programme and his appreciation for the classic. This is not a trivial exercise in artificial topics and rhetorical devices, this is a reflection of literary tastes of the poet who tries to connect Hesiod's literary work with the circumstances of his life (legendary as they are).

The appendix presents a translation of the *ethopoiias* from Ant. Pal. X.

⁶⁹ Имеются в виду, конечно, II. XVI. 140–142, но Гектор этого видеть не мог.

Е.В. Сильвестрова

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ

Изучение системы Кодекса Феодосия не относится к числу приоритетов современной романистики. Специальная литература, посвященная данной проблеме, ограничивается всего несколькими работами, из которых прежде всего необходимо назвать исследования известных итальянских ученых Г. Скерилло¹ и Дж.Г. Арки². Скерилло провел тщательный анализ структуры титулов Кодекса, сопоставил полученные данные с реконструированной О. Ленелем системой Вечного Эдикта³ и пришел к выводу, что система Кодекса воспроизводит – с некоторыми отклонениями – систему Эдикта, а точнее, систему таких произведений, как *Responsa*, *Digesta*, *Quaestiones*, которые, в свою очередь, следуют системе Вечного Эдикта Юлиана. Впрочем, в порядке расположения титулов Кодекса Скерилло обнаружил некоторые отклонения от данной системы. К их числу он отнес и расположение XII–XV книг Кодекса, в которых воспроизводились императорские конституции, устанавливающие нормы так называемого «муниципального» права. Скерилло утверждал – и с ним трудно не согласиться, что в первом титуле Вечного Эдикта и, в особенности, в комментариях к нему, а также в классических произведениях, созданных по системе Эдикта, в первой книге всегда рассматривался вопрос о так называемом «муниципальном» праве. В Кодексе же Феодосия этот материал был размещен в книгах XII–XV. Такое отступление от традиционного порядка в системе Кодекса – в противоположность общей тенденции следовать классической традиции в систематизировании нормативного материала – Скерилло относил не на счет творчества составителей Кодекса Феодосия, а на счет создателя Грегорианова Кодекса, которому, по мнению исследователя, должны были подражать компиляторы в соответствии с программными указаниями, содержащимися в императорском постановлении *СTh. I. 1. 5* (429 г.). Арки полностью воспринял данную Скерилло трактовку системы Кодекса Феодосия, но обнаруженное последним отступление от системы Вечного Эдикта в порядке следования материалов Кодекса счел собственной заслугой его составителей⁴. Первая книга Кодекса Феодосия также рассматривалась Арки как свидетельство мощного творческого потенциала компиляторов, которые, следуя классической традиции написания специальных трудов, посвященных изучению должностных обязанностей официальных лиц, создали введение в Кодекс Феодосия, озаглавленное Арки «*De dignitatibus*»⁵.

¹ *Scherillo G.* Il sistema del Codice Teodosiano // *Studi in memoria di Aldo Albertoni.* I. Padova, 1935. P. 516–517, 533–535; *idem.* Teodosiano, Gregoriano, Ermogeniano // *Studi in memoria di Umberto Ratti.* Milano, 1934. P. 249–323.

² *Archi G.G.* Teodosio II e la sua codificazione. Napoli, 1976; *idem.* Nuove prospettive nello studio del Codice Teodosiano // *Istituzioni giuridiche e realtà politiche nel Tardo Impero (III–V sec. d.C.).* Milano, 1976. P. 281–313; *idem.* I principi generali del diritto: *Compilazione teodosiana e legislazione giustiniana* // *SDHI.* 57. P. 124–157.

³ *Lenel O.* *Das Edictum perpetuum.* 3 Aufl. Lpz, 1927.

⁴ *Archi.* Teodosio II... P. 120–138.

⁵ По аналогии с *Notitia dignitatum* – расписанием должностей (*ibid.*, p. 131).

Основные элементы концепции Арки – а через него в некоторой мере и теории Скерилло – были полностью усвоены итальянской историографией. Однако отдельные тезисы этой теории и прежде всего оценка изменений, внесенных компиляторами в первый титул Вечного Эдикта, несомненно, подлежат пересмотру. Если мы обратимся к реконструированному Ленелем названию первой рубрики Эдикта, то увидим, что речь здесь идет вовсе не о муниципальном праве, а «о тех, кто председательствует в суде муниципия, колонии или города» [de his qui municipio foro coloniaque iure dicundo praesunt]⁶. Несомненно, классические юристы, комментируя указанную рубрику Эдикта, разбирали в данном контексте судебные правомочия городских магистратов. Это и позволило позднейшим исследователям расценивать подобные комментарии к первой рубрике Эдикта как сочинения по муниципальному праву. Однако составители Кодекса Феодосия, строго следуя первоначальному значению первой рубрики Эдикта, могли рассматривать в первой книге Кодекса Феодосия судебные правомочия высших чинов империи. Поэтому приоритетным является вопрос исключения городских магистратов из числа лиц, отправляющих правосудие, функции которых и тракуются в конституциях первой книги Кодекса, а не проблема так называемого «перемещения» законодательного материала из традиционной первой книги в книгу двенадцатую.

Таким образом, если наше предположение верно и составители Кодекса Феодосия действительно рассматривали первую книгу Кодекса в полном соответствии с названием первой рубрики Вечного Эдикта как материал о высших чинах империи, наделенных судебными функциями, то книги XII–XV следует оценивать как нововведение составителей Кодекса в систематику римского права, хотя данное новшество, несомненно, имело корни в предшествующих сочинениях классических юристов, если не с точки зрения систематизации материала, то в плане подхода к трактовке проблемы (проблема *origo*, *tunega*, etc.). Однако если рассматривать первую книгу Кодекса Феодосия с точки зрения наделения различных высших чинов империи судебными правомочиями, следует подробно разобрать титул CTh.I. 29: De defensoribus civitatum. Заметим, что в контексте изучаемой проблемы вполне уместным было бы рассмотреть и титул CTh. I. 30: De curatoribus [rei publicae], но, к сожалению, с достаточной степенью достоверности Т. Моммзену удалось установить только наличие подобной рубрики в первой книге Кодекса; императорские постановления, включенные в этот титул, не сохранились, а реконструкция возможного содержания титула в задачи настоящей работы не входит. Таким образом, приходится ограничиться исследованием императорских постановлений, содержащихся в титуле, посвященном должности городских дефенсоров. Необходимость обращения к изучению данных титулов связана с особенностями функций городских дефенсоров и кураторов, поскольку именно они представляют город в иерархии государственного управления, выстраиваемой составителями Кодекса Феодосия.

Институт городских дефенсоров неоднократно привлекал внимание исследователей: число работ, посвященных изучению должности городского дефенсора, достаточно велико⁷. В настоящей статье мы не будем разбирать проблемы, связанные непосредственно с историей данной должности, а ограничимся анализом императорских постановлений титула De defensoribus civitatum, поскольку объектом настоящего исследования является изучение не должности, а структуры первой книги Кодекса. Итак, рассмотрим императорские постановления интересующего нас титула.

⁶ Lenel. Op. cit. S. 51.

⁷ Rees B. The defensor civitatis in Egypt // JJP. 1952. 6. P. 73–102; Partsch J. Der Defensor civitatis: zur Frühgeschichte des Defensorenamtes // Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie. 1916. 10. S. 45 ff.; Hoepffner A. Un aspect de la lutte de Valentinien Ier contre le Sénat: La création du «Defensor plebis» // RH. 1938. 182. P. 225–237; Chénon E. Etude historique sur le defensor civitatis // RHD. 1889. 13. P. 312–362, 515–561; Новицкая К.И. Defensor civitatis // ВДИ. 1965. № 2. С. 113–122; Mannino V. Ricerche sul «Defensor civitatis». Milano, 1984; Krause J.-U. Spätantike Patronatsformen im Westen des römischen Reiches. München, 1987. S. 289–293; Frakes R.M. Some hidden Defensores civitatum in the Res Gestae of Ammianus Marcellinus // ZSS. 1992. 109. P. 526–532; Контев А.В. От прав гражданства к праву колоната. Вологда, 1995. С. 119–132.

Должность *defensor civitatis* была создана в правление Валентиниана I, который издал несколько постановлений, помещенных компиляторами в титул *De defensoribus civitatum* первой книги Кодекса:

СTh. I. 29.1 (368 г.)⁸: «Императоры Валентиниан и Валент Августы к Пробу, префекту претория. Мы издаем имеющее законную силу постановление, чтобы простой народ всего Иллирика был защищен должностью покровителей от несправедливостей могущественных. Пусть твоя Искренность по всем городам вышеупомянутого диоцеза позаботится избрать для этой должности лиц подобающих нравов, ведших похвальный образ жизни, которые или стояли во главе провинций, или занимались адвокатской деятельностью, или занимали должности провинциальных чиновников по особым поручениям, или служили при императорском дворе. Пусть эта должность не вверяется декурионам; тем же, кто будет служить когда-либо в канцелярии твоего Высочества или у каких-либо наместников провинций, пусть не поручается эта обязанность; и пусть до нашего сведения будет доведено, кто и в каком городе будет назначен. Выпущено в 5-й день до майских календ в консульство божественного Иовиана и Варрониана»⁹.

Конституция адресована Пробу, префекту претория Италии, Иллирика, Африки и Галлий¹⁰, но область ее первоначального применения ограничивалась Иллириком. Впрочем, было высказано предположение, что до Валентиниана дефенсоры городов существовали в Египте, Месопотамии и Сирии¹¹. Поэтому можно допустить, что Валентиниан I при создании новой должности использовал уже существовавшую в некоторых провинциях практику¹². В приведенном фрагменте императорского постановления речь идет о создании должности *patronus plebis*¹³ для защиты плебса от «оскорблений» могущественных лиц. Обязанность подбора кандидатов на эту должность по отдельным городам возлагается на префекта претория Проба. Круг лиц, которым позволено избираться на эту должность, весьма ограничен, и из него исключены декурионы, а также чиновники канцелярий префекта претория и наместников провинций, но могут избираться бывшие наместники провинций, лица, занимавшиеся адвокатской деятельностью, бывшие служащие при императорском дворе, а также бывшие чиновники по особым поручениям (*agentes in rebus*).

⁸ Традиционная датировка этого постановления, предложенная О. Зееком, относит его к 364 г., но уже Моммзен (*ad* СTh. I. 29. 1) указывал, что оно адресовано префекту претория Пробу, который занимал эту должность не ранее 368 г., поэтому 368 г. датируют постановление: *Hoepffner. Op. cit. P. 230 suiv.; Palanque J.-R. De nouveau sur la préfecture d'Illyricum au IVe siècle // Hommages à M. Rénard. II. Bruxelles, 1969. P. 600–606.*

⁹ [Imp]p. Val(entini)anus et Val(ens) AA. ad Probum p(raefectum) p(raetori)o. Admodum utiliter edimus, ut plebs omnis Inlyrici officii patronorum contra potentium defendatur iniurias. Super singulas quasque praedictae dioeceseos civitates aliquos idoneis moribus quorumque vita antea laudatur tua sinceritas ad hoc eligere curet officium, qui aut provinciis praefuerunt aut forensium stipendiorum egere militiam aut inter agentes in rebus palatinosque meruerunt. Decurionibus ista non credat; his etiam, qui officio tui culminis vel ordinariis quibuscumque rectoribus aliquando paruerint, non committat hoc munus; referatur vero ad scientiam nostram, qui in quo oppido fuerint ordinati. Dat. V K. Mai. Divo Ioviano et Varroniano cons.

¹⁰ *Mommsen Th. Prolegomena in Theodosianum // Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis / Ed. Th. Mommsen, P. Meyer. B., 1905. I. 1. P. CLXVIII.*

¹¹ *Frakes. Op. cit. P. 531–532.*

¹² *Krause. Op. cit. S. 290.*

¹³ Некоторые исследователи видят тесную связь законодательства о сельских патрониях с законодательством о дефенсорах (*Новицкая. Ук.соч. С. 116; Krause. Op. cit. S. 289. Ann. 28*). Коптев полагает, что в число обязанностей дефенсора входит борьба с патрониями могущественных лиц и защита сельчан и посессоров от чрезмерного незаконного отягощения сборщиками налогов, и «дефенсор городской общины» выступал как бы официально признанным патроном всего сельского плебса на городских землях, выполнял ту функцию, которую пытались узурпировать применительно к отдельным имениям патроны из должностных лиц, с которыми государство вело борьбу; вероятно, именно поэтому, полагает исследователь, в первых конституциях о дефенсорах термин *patronus* употребляется чаще, чем *defensor* (*Коптев. Ук. соч. С. 120*).

Дальнейшее уточнение распоряжений, касающихся этой должности, сделано в конституциях CTh. I. 29. 3; 4, также адресованных префекту претория Пробу. Возможно, эти тексты представляют собой части одного императорского постановления, в которое входили два указанных фрагмента, а также первая конституция рассматриваемого титула¹⁴.

CTh. I. 29.3 = C. I. 55. 2 (368? 370? 373? г.): «Те же Августы Пробу, префекту претория. Хотя нами ревностно принимались постановления в защиту простого народа, мы полагали бы, что ни о чем не позаботились, если бы только не предоставили пригодных защитников. Итак, пусть на эту должность назначаются не из сообщества декурионов, но из другого, а именно из лиц, занятых в государственном управлении, которые по должности были или консулярами, или президами, или из служивших при дворе императора, или из чиновников по особым поручениям, или из тех, кто занимал должность начальника канцелярии у Вашего Высочества или у викариев, или из правоверов. Выпущено в 3-й день до ноябрьских нон в консульство Валентиниана и Валента Августов»¹⁵.

CTh. I. 29. 4 (368 г.): «Императоры Валентиниан, Валент и Грациан Августы к Пробу, префекту претория. Пусть те из корпорации чиновников по особым поручениям, кто будет некоторым образом от нашего имени занимать пост начальника канцелярии при должности Вашего Высочества, среди прочих, занимавших почетную должность, на основании нашего приказа становятся защитниками плебса различных городов, так, чтобы, если кого-либо из них Твое Достоинство сочтет необходимым избрать, они предоставили такое же попечение этим обязанностям, от первоначальных же были свободны. Выпущено в 8-й день до ноябрьских ид в городе Тревириов второе консульство Валентиниана и Валента Августов»¹⁶.

Первый приведенный фрагмент конституции, в случае его несовпадения с CTh. I. 29. 1 как части одного императорского постановления, следует определить как «западную» конституцию, поскольку адресат этого постановления – Проб, занимавший должность префекта претория Иллирика, Италии и Африки до 375 г.¹⁷ В этом постановлении получает дальнейшие уточнения концепция должности *patronus plebis*, которая обозначена термином «*defensor*»¹⁸, но доступ к ней декурионам по-прежнему закрыт. Следует обратить особое внимание на употребляемый законодателем термин. Возможно, данное императорское постановление относится ко времени более позднему, чем 368 год; кроме того, речь здесь ведется не о «дефенсорах городов», а просто о «дефенсорах», возможно, о «*defensores plebis*».

Уточняется круг лиц, которые могут занять должность дефенсора. В их число входят консуляры, президы, лица из числа служащих при дворе, из *agentes in rebus*, а также – *ex scholasticis*. В постановлении CTh. I. 29. 4 специально разбирается вопрос о возможности занимать должности «патронов плебса различных городов» для *agentes in rebus*, служащих в канцелярии префекта претория: они могут занять эту должность только в том случае, если оставят прежнюю. В данном постановлении речь идет именно о патронах плебса, а не о защитниках-дефенсорах, как в предыдущем фраг-

¹⁴ Там же. С. 122.

¹⁵ Id AA. Probo p(raefecto) p(raetori)o. Cum multa pro plebe a nobis studiose statuta sint, nihil providisse nos credimus, nisi defensores idoneos dederimus. Igitur non ex decurionum corpore, sed ex alio, videlicet ex administratoribus, qui vel consulares fuerint administratione vel praesides, aut ex palatinis vel agentibus in rebus vel his, qui principatus culminis vestri vicariorumque gesserunt, vel ex scholasticis huic officio deputentur. Dat. (III) Non. Nov. Val(entini)ano et Valente AA. cons.

¹⁶ Imp. Val(entini)anus, Val(ens) et Gra(tianus) AAA. ad Probum p(raefectum) p(raetori)o. Qui ex schola agentum in rebus sedi culminis vestri munere principatus nostro quodammodo nomine paruerint, inter ceteros honoratos iussione nostra diversarum urbium plebibus constituentur patroni, ita ut, si quos ex his auctoritas tua putaverit eligendos, eadem his tutela mandetur, ab his autem eos representet innumes. Dat. VIII Id. Nov. Trevis Val(entini)ano et Valente II AA. cons.

¹⁷ PLRE. I. P. 373 ff.

¹⁸ А в сокращенном варианте постановления, приводимом в Кодексе Юстиниана (I. 55. 2), фигурирует *defensor civitatis*, – впрочем, возможно, что в данную конституцию изменения были внесены уже юстиниановскими компиляторами.

менте, поэтому именно постановление CTh. I. 29. 4 с большими основаниями может рассматриваться как часть конституции, фрагмент которой приведен в CTh. I. 29. 1.

Учрежденная должность дефенсора или патрона плебса имела государственно-чиновнический характер, а область ее распространения ограничивалась Иллириком, а затем, возможно, всей западной частью империи¹⁹.

При определении круга лиц, которые могли претендовать на должность, центральная власть руководствовалась, вероятно, следующими критериями: претендент должен был обладать определенным достоинством – быть *honoratus*, быть компетентным в вопросах управления провинциями и городами, и, кроме того, не входить в число лиц, прямо заинтересованных в сборе налогов, – таким образом, в первую очередь не принадлежать к сословию декурионов.

Наряду с очевидной направленностью императорских постановлений, определяющих функции нового государственного чиновника, защищающего плебс от могущественных лиц (*potentes*), необходимо учитывать тот факт, что из числа возможных претендентов на должность исключались декурионы. В данном контексте следует предположить, что императорские постановления были обнародованы в рамках борьбы центральной власти не только против *potentes* как крупных земельных собственников²⁰, но и против куриалов как основных сборщиков налогов²¹; под плебсом, о котором проявляет заботу император, следует понимать «простой народ» городов, но в первую очередь *possessores* – арендаторов императорской и государственной земли: центральная власть, таким образом, заботится об упрочении положения налогоплательщиков²².

Тем не менее, какими бы ни были причины создания должности дефенсора или патрона плебса, дальнейшее ее развитие привело к появлению института, явно отличающегося от первоначального замысла законодателя. Последующие постановления в титуле *De defensoribus civitatum* отражают эволюцию должности и представлений центральной власти о ней:

CTh. I. 29. 6 (387 г.): «Императоры Валентиниан, Феодосий и Аркадий Августы Евсигнию, префекту претория. Пусть вводятся в должность именно те дефенсоры, которых избрали города на основании постановлений. В случае, если кто-либо достиг должности дефенсора благодаря протекции, пусть Твоя Искренность принудит его, после немедленного отстранения от должности, внести 5 фунтов золота в пользу фиска. Выпущено в 8-й день до февральских календ в год после консульства знатнейшего Гонория и Еводия, мужа светлейшего»²³.

Постановление адресовано префекту претория Италии²⁴ и также может считаться «западным» по своему первоначальному применению. В этой конституции речь идет уже непосредственно о дефенсорах, а не о *patroni plebis*. В толковании к этой конституции должность указана более развернуто: *defensor civitatis*. Кроме того, хотя назначения на должность контролируются префектом претория, однако избрание проводится на основании постановлений (*decreta*) городов. На основании анализа терминов, употребленных анонимным автором толкования (*interpretatio*) к вышеуказанному императорскому постановлению (*decreta = consensus civium et subscriptio universorum*), ряд исследователей сделали вывод о существовании процедуры избрания дефенсора на

¹⁹ *Mannino*. Op. cit. P. 74 ss.

²⁰ *Ausbüttel F.M.* Die Verwaltung der Städte und Provinzen im spätantiken Italien. Frankfurt am Main, 1988. S. 34.

²¹ *Lepellet C.* Quot curiales, tot tyranni. L'image du décurion oppresseur au Bas-Empire // Crise et redressement dans les provinces européennes de l'Empire. Strasbourg, 1983. P. 143–156.

²² Cp. C. I. 55. 5: *Ausbüttel*. Op. cit. S. 35–36.

²³ *Impp. Valent(inianus), Theod(osius) et Arcad(ius) AAA.* Eusignio p(raefecto) p(raetori)o. Hi potissimum constituuntur defensores, quos decretis elegerint civitates. Quod si quis ad locum defensionis ambitione pervenerit, constentium eum sinceritas tua reiectum quinque libras auri fisci utilitatibus cogat inferre. Dat. VIII Kal. Feb. p.c. Honorii n.p. et Evodii v.c.

²⁴ *Mommsen*. Op. cit. P. CLXIX.

народном собрании²⁵; впрочем, эта гипотеза вызвала серьезные возражения в литературе. Противники подобных построений полагают, что речь здесь идет об избрании на должность дефенсора только от курии²⁶. В любом случае необходимость избрания городами кандидатуры дефенсора на основании декретов – какое бы значение мы ни придавали данному термину – свидетельствует о коренных изменениях, происшедших с должностью дефенсора, приобретшей смешанный государственно-муниципальный и утратившей государственно-чиновничий характер²⁷.

Завершив анализ «западных» императорских постановлений титула и установив характер эволюции должности городского дефенсора, обратимся к анализу конституций «восточных». Еще раз отметим, что в нашу задачу не входит реконструкция всего института городских дефенсоров, мы должны ограничиться исследованием только конституций титула, который представляет собой не сборник отрывочных фрагментов разновременных указов, а единую юридическую норму. Итак, первый фрагмент «восточной» конституции воспроизводится в CTh. I. 29. 2²⁸:

CTh. I. 29. 2 (365 г.²⁹) = C. I. 55. 1: «Те же Августы Сенеке. Если кто-либо сочтет возможным обратиться к тебе для проведения разбирательства по делам ничтожным и мельчайшим, составляй протоколы в отношении незначительных дел: как в том случае, если кто-либо будет справедливо требовать должное, или беглого раба, или то, что он дал сверх требования по делегации, или что-либо из этого, реши дело собственным судом; прочие же дела, которые окажутся достойными более значительной судебной инстанции, передай наместнику провинции. И так далее. Выпущено в 5-й день до июльских календ в Тире в консульство Августов Валентиниана и Валента»³⁰.

Постановление адресовано некоему Сенеке, которого юстиниановские компиляторы определяют как дефенсора (C. I. 55. 1: *Impp. Valentinianus et Valens AA. Senecae defensori*). Сенека по этому постановлению получает юрисдикцию в незначительных гражданских делах – в C. I. 55.1 содержится уточнение: судебные правомочия Сенеки ограничиваются исками на сумму не выше 50 солидов (*id est usque ad quinquaginta solidorum summam*). Маннино рассматривает данное постановление как утверждение авторитетом императора практики, существовавшей в восточных провинциях империи³¹.

Следующее императорское постановление представляет особый интерес с точки зрения восприятия центральной властью дальнейшей эволюции должности городского дефенсора.

CTh. I. 29. 7 (392 г.) = C. I. 55.5: «Те же Августы Потамию, императорскому префекту. Пусть дефенсоры, не требуя для себя ничего незаконного и недолжного, исполняют только обязанности своей должности: пусть не налагают никаких штрафов, не проводят никакого судебного следствия. Пусть защищают только плебс и декурионов от любого беззакония и произвола негодных, так, чтобы они не переставали быть только теми, кем называются. Выпущено в 3-й день до мартовских нон в Константинополе во второе консульство Аркадия Августа и в консульство Руфина, мужа светлейшего»³².

²⁵ *Ganghoffer R. L'évolution des institutions municipales en Occident et en Orient au Bas-Empire. P., 1963. P. 164; Chénon. Op. cit. P. 332 suiv.*

²⁶ *De Martino F. Storia della Costituzione Romana. V. Napoli, 1972–1975. P. 504; Mannino. Op. cit. P. 81–82. Not. 18.*

²⁷ *Mannino. Op. cit. P. 82–83.*

²⁸ Постановление, несомненно, следует отнести к «восточным» (см. *ibid.*, p. 35–36).

²⁹ Хепфнер датирует это постановление 368 годом (*op. cit.*, p. 225).

³⁰ *Id. AA. Senecae. Si quis de tenuioribus ac minusculariis interpellandum te esse crederit, in minoribus causis acta conficias: scilicet ut, si quando quis vel debitum iustum vel servum qui per fugam fuerit elapsus vel quod ultra delegationem dederit postulaverit vel quodlibet horum tua disceptatione restituas; ceteras vero, quae dignae forensi magnitudine videbuntur, ordinario insinuato rectori. Et cetera. Dat. V K. Iul. Tyr. Valentiniano et Valente AA. cons.*

³¹ *Mannino. Op. cit. P. 37.*

³² *Idem AAA. Potamio p(r)ae(f)ecto Aug(ustali). Defensores nihil sibi insolenter, nihil indebitum vindicantes*

Это императорское постановление также следует отнести к «восточным»: оно было выпущено в Константинополе. Сфера его первоначального действия ограничивалась Египтом. Феодосий I в данном постановлении устанавливает, что в компетенцию дефенсоров не входит наложение штрафов и проведение расследований (*quaestiones*) – их обязанностью является защита плебса и декурионов. Таким образом, должность дефенсора претерпела дальнейшие изменения: теперь в его обязанности входит защита не только городского плебса, но и декурионов, т.е. наблюдается отступление от первоначального замысла составителей конституций 368 г. Возможно, объяснение следует искать в изменении положения декурионов к началу V в., когда с точки зрения центральной власти они перестали представлять угрозу для мелких землевладельцев и сами стали нуждаться в защите от могущественных лиц. Возможно и другое объяснение: курия ассимилировала должность дефенсора, и последняя превратилась из должности «защитника плебса» от декурионов в городскую квази-магистратуру. Кроме того, со стороны центральной власти предпринимается попытка вернуть дефенсоров в определенные императорским постановлением CTh. I. 29.2 рамки ограниченной юрисдикции в незначительных гражданских делах. По всей видимости, в процессе эволюции должности лица, исполняющие обязанности городских дефенсоров, присвоили себе не предусмотренные в императорских постановлениях полномочия, которые центральная власть и пытается ограничить³³.

На основании анализа императорских постановлений титула CTh. I. 29: *De defensoribus civitatum* можно сделать некоторые выводы о должности городского дефенсора, который постепенно ассимилируется городской средой и становится городским квази-магистратом с экстраординарными полномочиями.

Полученные нами данные следует рассмотреть в контексте анализа проблемы систематизации законодательного материала Кодекса. С одной стороны, факт размещения составителями Кодекса Феодосия титулов «*De curatoribus civitatum*» и «*De defensoribus civitatum*» в первой книге Кодекса, вместе с титулами, содержащими императорские конституции об обязанностях государственных чиновников, может отражать объективную необходимость осмысления со стороны представителей центральной власти сложившейся ситуации в сфере городского самоуправления, когда для адекватного функционирования органов муниципальной власти необходимо создание новых структур, способных заменить те элементы городского самоуправления, которые уже не способны адекватно выполнять возложенные на них центральной властью функции.

С другой стороны, упоминание в первом титуле Кодекса Феодосия представителей городского самоуправления в лице его новых магистратов, должность которых носила смешанный государственно-муниципальный характер, свидетельствует о попытке центральной власти включить город в иерархическую лестницу государственного управления, зафиксировав за городскими структурами определенные функции как элемента системы управления государством. Город, таким образом, становится носителем определенных функций в государственной структуре управления империей.

---

nominis sui tantum fungantur officio: nullas infligant multas, nullas exercent quaestiones. Plebem tantum vel decuriones ab omni inprobatorum insolentia et temeritate tueantur, ut id tantum, quod esse dicuntur, esse non desinant. Dat. III Non. Mart. Constant(ino)p(oli) Arcad(io) A. II et Rufino v.c. cons.

³³ Коттев на основании анализа данной конституции полагает, что обычно дефенсоры выходили за рамки отведенных им полномочий и «зачастую подменяли собой провинциальных судей» (ук. соч., с. 125). Ссылается он при этом не на текст конституции, приведенный в Кодексе Феодосия, а на его редакцию в Кодексе Юстиниана. В императорском постановлении Кодекса Феодосия указывается, что дефенсоры не должны проводить расследований (*nullas exercent quaestiones*), тогда как в Кодексе Юстиниана дефенсорам запрещено заниматься более значительными расследованиями (чем те, которые находились в их компетенции) – *severiores non exercent quaestiones*. Данное разночтение свидетельствует о расширении компетенции дефенсоров в проведении судебных расследований в период юстиниановской кодификации по сравнению с 392 годом (*Mannino. Op. cit. P. 118*).

Составители Кодекса Феодосия следуют классической схеме организации нормативного материала и помещают в первую книгу Кодекса конституции, определяющие, прежде всего, судебные правомочия высших чиновников империи. Диктат традиции определяет также необходимость сохранения в первой книге норм так называемого «муниципального» права, что обеспечивается помещением в первую книгу титула «О городских дефенсорах». Последние, с точки зрения представителей центральной власти, олицетворяют собой структуры городского самоуправления. Компиляторы не ограничиваются слепым следованием традиции, но «вливают молодое вино в старые мехи». В первой книге Кодекса представлена строго иерархическая структура управления империей, в которую город, представленный дефенсором, включен в качестве структурного элемента. Собственно же раздел «муниципального» права, хоть и имеющий корни в сочинениях классических юристов, но тем не менее являющийся новшеством составителей Кодекса, отнесен в раздел публичного права – в так называемое «приложение» к основным рубрикам Вечного Эдикта по терминологии Скерилло³⁴.

MUNICIPAL LAW IN THE SYSTEM OF THE THEODOSIAN CODE

Ye.V. Silvestrova

The author of the article tackles the problem of the system of the Theodosian Code, and, more particularly, makes an effort to interpret the question of the so-called «municipal law» in the system of the Code. According to the generally accepted point of view, the compilers followed the order of the *edictum perpetuum*, though with some deviations from this principle. The most important of them is deemed to be the «municipal law» – though discussed in the first title of the *edictum*, it was replaced by the compilers to the XII–XV books of the Code. The first book of the Code should be regarded as the «*Notitia dignitatum*», the description of the whole range of imperial administrative services. But municipal law nevertheless has left visible traces in the first book of the Code also, as exactly here is discussed the office of the *defensor civitatis*, originally an imperial officer, but in the course of the development becoming, by the twist of the history, a municipal magistrate, though some of the original features of this institution were preserved. So it would be reasonable to assume that compilers while inserting the title mentioned above in the first book of the Code were trying to consider the city, *civitas*, as an element in the elaborated hierarchy of imperial administration.

---

³⁴ *Scherillo*. Op. cit. P. 533–535.

© 2001 г.

Д.Е. Афиногенов

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД ЖИТИЯ СВ. ПОРФИРИЯ ГАЗСКОГО МАРКА ДИАКОНА И ЕГО ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Житие Порфирия, епископа города Газы в Палестине, написанное Марком Диаконом, относится к числу жемчужин позднеантичной литературы. Несмотря на серьезные проблемы, которые ставят перед учеными упоминаемые там реалии конца IV – начала V в., никто не подвергает сомнению живость и непосредственность самого повествования, описывающего многолетнюю борьбу газских христиан во главе с Порфирием против языческих святилищ в городе. Житие сохранилось целиком в трех рукописях, из которых одна (Hierosolymitanus I, сигл Н) датируется X в., другая (Baroccianus 238, сигл В) XI в., а третья (Vindobonensis historicus graecus 3, сигл V) – XI–XII вв. Рукописи В и V составляют одну ветвь традиции, а Н – другую. Как правило, если греческий текст представлен, как в данном случае, тремя достаточно ранними рукописями (не считая фрагментов и косвенных свидетельств), то обращаться к переводам на другие языки при реконструкции текста никому просто не приходит в голову. Однако проведенный мною анализ церковнославянского перевода дал совершенно неожиданные и весьма интересные результаты.

Церковнославянское житие св. Порфирия содержится в рукописи Московской Духовной академии № 92.1 (так называемой Троицкой минее), хранящейся в Российской Государственной библиотеке и надежно датируемой второй четвертью XV в. Исследование состава данной рукописи, которая представляет собой минею четью за февраль, показало, что ее греческий оригинал происходит из Студийского монастыря в Константинополе и может быть датирован с наибольшей вероятностью 912–920 гг., но никак не позже 940 г.¹ В рукописи 37 текстов агиографического и гомилетического характера, из которых лишь четыре относятся к IX–X вв., а остальные – к II–VI вв. С весьма высокой долей вероятности можно предположить, что составители греческого прототипа Троицкой минее воспользовались уже готовым сборником конца VI или VII в. Как бы то ни было, по древности стоящий за церковнославянским переводом греческий текст не уступает лучшей и старейшей рукописи Жития Порфирия – кодексу Н. Именно это обстоятельство и явилось побудительным мотивом для того, чтобы произвести текстологическую оценку церковнославянского текста.

Первоначальная проверка была сделана по списку наиболее показательных различий, которыми издатели этого Жития, А. Грегуар и М.-А. Кугенер, иллюстрируют, с одной стороны, превосходство кодекса Н, а с другой – наличие в нем пропусков, глосс и неверных чтений². При попытке определить, к какой ветви принадлежал гре-

---

¹ См. *Afinogenov D.* The Church Slavic Life of St. Thaddaios, the martyr of the Second Iconoclasm // *Analecta Bollandiana.* 118. 2000 (in print).

² *Marc le Diacre.* Vie de Porphyre, évêque de Gaza / Ed. H. Grégoire et M.-A. Kugener. P., 1930. P. XCII–XCIII.

Глава	HSI	BV
1,9	πειθει	πειδει V ἐπειδή B
5,8	ἐν μιᾷ δὲ	ἐν μιᾷ οὖν
6,1	αὐτὸν	αὐ̄
6,23	κινήσαι	νικήσαι
7,11	ἀνεκλίθην	ἀνεκλίθη
8,11	ἀπορούμενα	διαπορευόμενα
8,17	ἀλλ' ἀληθεία	ἀλλ' ἐν πίστει καὶ ἀληθεία
9,8	διὰ	καὶ
9,24	πρῶτον ἔργον	πρῶτον
11,17	καὶ ἐν τοῖς λαϊκοῖς	опущено
12,2	οὗτος	αὐτὸς
13,15	τοῦτο	σὺ
14,20–21	διὰ τὸν ἄμεμπτον αὐτοῦ βίον, πολλῶ μᾶλλον	опущено
14,22	ἦν γὰρ ἑσπέρα	опущено
26,13	ἰσχύοντα	ἰχνεύοντα
26,21	εἰδωλεῖα	εἶδωλα
34,10	Γορπιαίου – εἰκάδι	опущено
36,11	ὑμῖν	ἡμῖν
41,3	τὰ ἱερὰ τῶν εἰδώλων	опущено
42,11	δέσποινα	опущено
45,8	Χριστοῦ	σταυροῦ
46,12	καταστραφῆναι τὰ ἱερὰ τῶν εἰδώλων	τὴν καταστροφὴν τῶν εἰδώλων
51,14	εἰδωλεῖα	εἶδωλα
54,1–2	καὶ μνησθέντες εἰσῆλθον	опущено
57,7–8	καὶ καθολικὴν	опущено
61,6	φοβερὸν	φερόμενον
65,3	εἰδωλεῖα	εἶδωλα
73,5–6	αὐτὸν	опущено
75,13	καυθέντος	опущено
78,13	θεμελίων	опущено
83,2	εἰς τὸ φρέαρ	опущено
100,1	ἀναμνησθεῖς	ἀνεμνήσθη
100,15	δραχμὰς ὀγδοήκοντα	μυριάσια τέσσαρα

ческий оригинал перевода, выяснилось, что во всех поддающихся верификации по церковнославянскому тексту случаях последний содержал верные чтения (см. ниже по главам, номера которых выделены жирным шрифтом). Обнаружилось лишь одно исключение, о котором речь подробнее пойдет ниже. Это означает, что переводчик располагал рукописью, качество текста в которой было существенно выше, чем во всех сохранившихся греческих кодексах. Дальнейший сквозной анализ подтвердил это предположение. К примеру, чтение 26,13: ἰσχύοντα HSI (сиглом SI обозначен греческий текст, восстановленный по церковнославянскому переводу) вне всякого сомнения предпочтительнее ἰχνεύοντα BV, так же как и 61,6: φοβερὸν HSI явно лучше, чем

Глава	BVSI	H
6,6	τούτῃ αἰτέι με	τούτοις τῷ ἐμῆ
8,13	ἀπίστους καὶ κακοπίστους	ἀπίστους
16,7	κόρος	καιρὸς
20,9	Ἄσκληπιανὸν τὸν ἐπίσκοπον	Ἄσκληπιανὸν
21,6	Χριστοῦ	σταυροῦ
37,5	ἀρχιεπισκόπῳ	ἐπισκόπῳ
40,5	ποιούσιν	ποιούσιν τὰ ἀθέμιτα
40,7–8	αὐτῶν	опущено
44,5–6	ἔθεν καὶ ἀπὸ λοχείας βασιλεὺς ἀνηγορεύθη	опущено
47,14	αὐτῶν	αὐτοῦ
50,12	ἄλλα πολλά	ἄλλα
52,9	ἀπολῦσαι αὐτὸν ἵνα	опущено
53,8	δὲ καὶ	δὲ αὐτοῖς
64,3–4	εἰδωλεῖα	εἶδωλα
65,8–9	αὐτῶν, ἐκεῖ ἔκρυψαν καὶ διὰ αὐτῶν	αὐτῶν τῶν
65,12	εἶδωλα	εἰδωλεῖα
67,11	γυνή	опущено
77,1	ὀργάνων	ἀρειανῶν
77,7–8	τιμίου	σημείου
78,2	Ῥουφίνον τινα	Ῥουφίνον τὸν
78,6	αὐγούστης Εὐδοξίας (переставлено в SI)	Εὐδοξίας
84,10	στύλον	ξύλον
84,12	ἕως οὗ ὄλους διεκόμιζον	опущено
85,2	Ἰωλία	Ἰουλία
86,1	δὲ καὶ Χριστὸν, δοκῆσει γὰρ αὐτὸν λέγουσιν	опущено
90,10	ἀπελθοῦσα εἰς ὅπερ ἐτίμησεν σκότος	ἀπελθοῦσης εἰς ὃ προητοίμασεν σκότος
92,13	μετὰ τὸ πόμα	μετὰ τὸ ὄνομα
92,15	ξένοι	ξένον
93,7	οἶκον τοῦτου	αὐτοῦ
101,8	κύριέ μου	κύριε

φερόμενον BV. С другой стороны, с такой же уверенностью можно предпочесть чтение BVSI в следующих случаях, помимо указанных издателями: 16,7: κόρος BVSI – καιρὸς H и 92,15: ξένοι BVSI – ξένον H. И лишь один-единственный раз перевод отражает очевидно неверное чтение: 85,2: Ἰωλία BVSI – Ἰουλία H. Естественный вывод из этого состоит в том, что варианты, которые дает церковнославянский текст, имеют преимущество даже в тех случаях, когда они не фиксируются ни одной из греческих рукописей, при условии, что греческий оригинал может быть реконструирован по переводу с достаточной степенью надежности.

Наилучшим подтверждением только что высказанного тезиса может служить то обстоятельство, что в целом ряде мест церковнославянский перевод помогает разре-

Таблица 3. SI против HBV

Глава	SI	HBV
4,23	οικονομίαν τοῦ θεοῦ (εἰκόη)	οἰκονομίαν
6,6–7	ἤδη γὰρ ἤμην αὐτοῦ συνήθης (οἰγε βο βλαχτ̄ εμογ̄ οβυченгъ)	ἤδη συνήθη αὐτοῦ δυνα
6,12	ἀνήχθην ἐν αὐτῶ/εις αὐτόν (вънндохъ в онъ)	ἀνήχθην
6,16	τριάκοντα (трьдесатъ)	τρισχιλίω
9,3	σκεύη τῆς ἐκκλησίας (сѣсоуды цр̄кв̄ныыа)	σκεύη
9,20	κόσμον φανερώς (в̄ мнр̄τ̄ ав̄т̄)	κόσμον
10,3	Πραύλιος τοῦνομα (праυлїи именеь)	Πραύλιος
12,1	ἦν δὲ τότε κοσμῶν τοὺς θρόνους τῶν Ἱεροσολύμων (власше же тогда оукрашаа прс̄т̄лы ерсаннѣды)	ἦν δὲ ὁ τὴν ἀρχιερωσύνην τὸ τηρικαῦτα ἐγκεχειρισμένους
<u>13,17</u>	παροργίσας (разгнѣвавъ)	παρόργισας Η παρόργησας BV παροργίσεις Haurt
17,9	οὐ τινα (никомоγже)	οὐ τινας (οὐ τινα кон̄тектура Боннского издания)
19,20	τοῦ μακαρίου τὴν ἀνομβρίαν ἡμῖν γενέσθαι (в̄лженаго вез̄д̄жд̄іе нам̄ вс̄т̄)	τοῦ μακαρίου
22,9	καὶ πάντες ἀρχονται (и вси начаша)	καὶ ἀρχονται
<u>23,16</u>	μὴ μαίνεσθε (не гнѣвантеса)	μεῖναι Η νῆ θναι Β μῖναι V (μυῆναι предположение издателей)
23,17	ὁμοιοπαθές. καὶ εὐθὺς (т̄чног̄ себе. на внѣ)	ὁμοιοπαθές.
<u>28,3</u>	οἶδεν, διὰ ποίων προφάσεων ἐπιστρέφειν (в̄с̄т̄ь к̄ннми в̄ннами в̄вращаѣтн)	διὰ προφάσεων ἐπιστρέφει Η οἶδεν διὰ προφάσεων ἐπιστρέφειν BV
29,6	ἐπηρώτα αὐτὴν οἰκτεῖρων/ἐλεῶν (в̄т̄праше еа мнл̄в̄а)	ἐπηρώτα αὐτὴν
34,5	τὰς ἐπιστολάς ἀνέγνων (епистолю̄о поч̄т̄оух̄т̄)	τὰς ἐπιστολάς
35,15–16	τὴν αἰτίαν, τίνος χάριν μέχρι δεῦρο ἐσκύλητε (в̄нн̄т̄ы γ̄со ради дос̄вдеса т̄роγднста) ³	τὴν αἰτίαν τοῦ σκυλμοῦ
38,1	τὸν δοιον Ἰωάννην (пр̄двнномоγ н̄ваноγ)	τὸν δοιον
<u>38,5</u>	ἐλάλησεν (г̄ла)	ἐλάλησαν (ἐλάλησεν исправление Гаупта вслед за Эрве)
38,22	οὗτοι δὲ (сн̄а же)	ἡμεῖς δὲ
<u>42,7</u>	σκοπόν (мысль)	σποπόν BV κόπον Η
44,11	τῷ θεῷ (в̄α)	τῷ Χριστῷ
44,14	τοῦ θεοῦ (в̄с̄γ)	τοῦ Χριστοῦ
<u>45,21</u>	σύ δὲ (т̄ы же)	σύ (δὲ дополняет Эберхардт)
47,1	τῶν δὲ ὀλίγων ἡμερῶν (мало дн̄и)	τῶν δὲ ἡμερῶν

Таблица 3. SI против HBV (окончание)

Глава	SI	HBV
48,11	τὸ κράτος ὑμῶν (дръжава ваши)	τὸ κράτος αὐτῶν
48,17	τῷ κυρίῳ (γᾶ)	τῷ θεῷ
52,17	συντάξασθαι καὶ ἰδεῖν τὸ κράτος ὑμῶν (повѣдати се и видѣти ваши дръжавоу)	συντάξασθαι τῷ κράτει ὑμῶν
55,8	ὁ δὲ ναύκληρος μάλλον/ἐπὶ πλεον ἐσκληρύνετο (кораблю же старѣишнина паче жестокаше)	ὁ δὲ ναύκληρος ἐσκληρύνετο
55,10	τοιούτου ἀνδρὸς συντυχίας (такого μοужа бесѣды)	τοιούτης συντυχίας
65,7	ἄδυτα ὑπόγαια (темная мѣста подъ землю)	ἄδυτα
65,21	ἡμέρας πέντε (днѣи пать)	ἡμέρας δέκα
66,18	δυνατὸν καῖναι (моцно сѣгорѣти)	δυνατὸν
70,6	στρατιωτῶν, τῇ διανοίᾳ (ῶ βοηθ. вѣ оу.мѣ)	στρατιωτῶν,
73,26	μακρὸς χρόνος (длго врѣмя)	χρόνος
76,4–5	συνιδῶν... ἐκέλευσε (видѣвъ... повелѣ)	οὖν ἐκέλευσε Η συνείδεν BV
77,11	ἔλεγον (γῆλαχοу)	ἔλεγεν (ἔλεγον исправление Гаупта)
80,8	τοῦ ξύλου. πάντες (дрѣвоу. вси)	τοῦ ξύλου
81,5	ζῶσι γὰρ πάντες (живи сѣтъ все)	ζῶσι γὰρ
83,5	χαρὰ μεγάλη (радость велиа)	χαρὰ
84,2	θαυμαστοὺς λαυ/πάνυ (чюдныи зѣло)	θαυμαστοὺς
88,2	γυναῖκας, πάντες (женѣ вси)	γυναῖκας
88,11	τοῦ Χριστοῦ (χῆο)	τοῦ σταυροῦ
91,3	ἄνδρες καὶ δύο (μοужа и двѣ)	ἄνδρες καὶ
93,12	ἐν ἄλλῳ τόπῳ (по ина мѣста)	ἐν ἐκάστῳ τόπῳ
100,17	τοῦ Χριστοῦ (χῆομь)	τοῦ σταυροῦ
102,14	ἐν δὲ τῇ μεγάλῃ τεσσαρακοστῇ (вѣ масопоуцию же великоую)	ἐν δὲ τῇ τεσσαρακοστῇ τῶν νηστειῶν

³ Ср. ниже 37,8.

шить текстологические проблемы, заставлявшие издателей греческого Жития прибегать к конъектурам. Таковы разночтения в главах 13,7; 23,16; 38,5; 45,21; 77,11 (см. таблицу 3). Кроме того, некоторые варианты, восстанавливаемые по переводу, безусловно предпочтительнее тех, которые обнаруживаются в греческих рукописях. Такие случаи выделены в таблице 3 подчеркнутыми номерами глав. Опять-таки, явно неверное чтение церковнославянский текст дает лишь в одном случае: 6,16; триάκοντα (трѣдесать)SI – τρισχιλίων HBV. В вышеприведенные таблицы сведены разночтения, надежно реконструируемые по переводу. В таблицы не включены варианты только одного типа – слова и выражения, пропущенные в церковнославянском, кроме явных глосс, отмеченных издателями. Дело в том, что пропуски отдельных фрагментов текста весьма часто встречаются в церковнославянских переводах вообще и в нашем

Житии в частности. Поэтому в подавляющем большинстве случаев невозможно установить, присутствовал данный фрагмент в оригинале или нет.

На одном разночтении необходимо остановиться несколько подробнее. Грегуар и Кугенер посчитали, что вариант 100,15 : μιλιάρησια τέσσαρα BV восходит к первоначальному тексту, тогда как δραχμῶς ὀδοῦκοῦτα Н является глоссой. Однако глосса, как правило, объясняет нечто менее понятное через что-то более понятное. Но вряд ли жителю Римской империи V в., а тем паче византийцу последующих столетий, архаизирующее слово «драхма» было понятнее, чем «милиарисий», название весьма ходовой серебряной монеты, чеканившейся с IV по XI в. Между тем среди монет, бывших в обращении в V в., ни одна не носила официальное или общепринятое наименование «драхмы». Более того, четыре милиарисия в день дают годовой доход в 120 золотых солидов – сумма, совершенно невыносимая для описываемой в Житии ситуации (ежедневное пособие в 80 драхм / 4 милиарисия св. Порфирий назначил бедной служанке и ее бабушке, укрывшим его во время языческого мятежа). Таким образом, глоссой нужно считать как раз чтение рукописей BV, а церковнославянский перевод и рукопись Н, по-видимому, сохранили то, что написал сам Марк Диакон.

Вывод из всего вышеизложенного, как мне кажется, очевиден. Всякое новое издание Жития Порфирия Газского обязано учитывать церковнославянский перевод как восходящий к рукописи, существенно более исправной, чем все сохранившиеся греческие. Это еще один довод в пользу того, что привлечение церковнославянских версий для текстологической реконструкции памятников раннехристианской и византийской литературы должно из исключения стать повсеместной практикой.

CHURCH SLAVONIC TRANSLATION OF THE LIFE OF ST. PORPHYRIUS OF GAZA BY MARCUS DIACONUS AND ITS VALUE FOR TEXTUAL CRITICISM

D.Ye. Afinogenov

The author collates the Church Slavonic translation of the famous Life of Porphyrius of Gaza with the three existing Greek codices containing the full text of the Greek original, *Hierosolymitanus* 1 (H), of the 10th c., *Baroccianus* 238 (B), of the 11th c., and *Vindobonensis historicus graecus* 3 (V), of the 11–12th c. It turns out that virtually on every single count when the reading of H is right, it is followed by the Slavonic, and when B and V preserve correct variants (as opposed to H), those are reflected in the translation. Moreover, the Slavonic text in many cases contains better readings than all the Greek manuscripts. Therefore it is clear that the translator worked with a Greek manuscript that was much better than all the surviving Greek codices. This conclusion is corroborated by the fact that the Greek original of the Slavonic translation was copied at the monastery of Stoudiou in Constantinople in the first quarter of the 10th. century.

С.В. Серегин

ОРИГЕН И СТОИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
«ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ»

(по De princ. 2.3.4 и С. Cels. 4. 67–68; 5.20–21)

Полемика Оригена со стоической теорией космического циклизма представляет интерес не только как один из аспектов столкновения христианской и античной мысли. Она имеет конкретное значение для разрешения спорных моментов в учении самого Оригена, так как косвенно может пролить свет на его собственные космологические построения. Дело в том, что позднейшая христианская традиция, зачастую настроенная крайне враждебно к Оригену, прочно связывает его имя с оригинальной и вполне «еретической» космологической концепцией, согласно которой нынешний мир есть лишь одно звено в цепочке сменяющих друг друга миров или «эонов». В частности, об этом прямо заявляют такие важные антиоригенистские источники, как письма Иеронима Стридонского (в том числе известное письмо Авиту) и послание императора Юстиниана патриарху Мине¹. Такого рода утверждения возникли не на пустом месте. В своих сочинениях Ориген действительно неоднократно обращается к проблеме множественности миров². Нельзя сказать, что его рассуждения на данную тему носили характер категорически утверждаемого учения, как это представляли антиоригенисты. Но все же сам факт частого обсуждения подобной доктрины, пускай даже в гипотетическом плане, свидетельствует о неслучайности и важности этого вопроса для мысли Оригена. Традиционная точка зрения, высказываемая на этот счет в научной литературе³, как правило сводится к тому, что Ориген так или иначе допускает идею множественности миров как составную часть собственной космологии. Эта позиция, однако, подвергается серьезной критике в трудах крупнейшего оригеноведа современности Анри Крузеля. Крузель особенно настаивает на сугубо гипотетическом характере оригеновских высказываний, предполагающих космологический циклизм⁴, а в некоторых случаях считает возможным интерпретировать их таким образом, что вместо хронологически следующих друг за другом и численно неопределенных миров, структурно однотипных с нынешним миром, предлагается мыслить интеллигибельный мир идей в Божественном Логосе, мир духовных существ, предшествующий творению материального космоса, сам материальный космос и будущий мир блаженства⁵, т.е. существенно различные понятия, которые лишь терминологически могут быть объединены общим наименованием (κόσμος, αἰών).

Так что в целом вопрос о том, в какой степени правомерно приписывать Оригену концепцию космических циклов, на сегодняшний день остается дискуссионным. Несомненно, однако, что для того чтобы продвинуться к его решению, важно не только

¹ Hier. Ep. 59.2; ср. Ep. 124.3; 10; Just. ad Menam // ACO. Т. 3. P. 190.

² Например. De princ. 1.6.3; 2.3.5; 3.5.3; De orat. 27.

³ См., к примеру: De Faye E. Origène: sa vie, son oeuvre, sa pensée. V. 3. P., 1928. P. 104–105; Bardy G. Origène // Dictionnaire de théologie catholique. Т. 11(2). P., 1932. Col. 1530–1531; Daniélou J. Origène. P., 1948. P. 279–281. Из русских авторов вполне типично изложение вопроса у Л.П. Карсавина (Святые отцы и учителя церкви. М., 1994. С. 67, 69), не говоря уже о В.В. Болотове (Лекции по истории древней церкви. Т. 2. М., 1994. С. 346–347).

⁴ Crouzel H. L'Apocatastase chez Origène // Origeniana Quarta. Die Referate des 4. Internationalen Origeneskongresses. Innsbruck – Wien. 1987. P. 286.

⁵ См. Crouzel H. L'Apocatastase...; а также Crouzel H. Origène. P., 1985. P. 268; ср. Origène. Traité des principes / Ed. H. Crouzel, M. Simonetti. Т. VI. P., 1978–84. P. 106, n. 13, где делается попытка интерпретировать в указанном смысле De princ. 3.5.3.

проанализировать все нюансы космологии самого Оригена, но и учесть его отношение к широко распространенным в античной философской традиции представлениям о периодичности космического процесса. Такой подход особенно целесообразен в тех случаях, когда эти представления подразумевают не просто циклический повтор аналогичных фаз космического развития в рамках *одного* универсума, но периодическую полную смену одного космоса другим. Именно в этом варианте античные концепции космологического циклизма обладают наибольшим типологическим сходством с той гипотезой множественности миров, которая так или иначе нашла свое отражение в оригеновских текстах. Естественно, одной из первых напрашивается аналогия со стоицизмом. К ней, в частности, не преминул прибегнуть такой видный участник оригенистских споров, как Феofil Александрийский. Разбирая некоторые частные следствия приписываемой Оригену доктрины о множестве мировых циклов, он прямо указывает, что ее источником было «нечестивейшее учение стоиков»⁶. Для Феофила речь идет, собственно, уже не об абстрактно допустимой аналогии, а о прямом влиянии.

Сам по себе этот выпад несправедлив и его нужно отнести на счет тенденциозной настроенности его автора. В этом легко убедиться, обратившись к оригинальным текстам самого Оригена. Хотя он и не принадлежал к столь ярким противникам античной философии, как, к примеру, Тертуллиан, его позиция была далека и от другой крайности⁷ – от характерного для христиан-интеллектуалов той эпохи (таких как Юстин Мученик или Климент Александрийский) стремления максимально ассимилировать наследие античной философской мысли, рассматривая ее как своего рода предшественницу христианства, а языческих философов – как «христиан до Христа»⁸. Ориген, будучи признанным и в кругах языческой интеллигенции знатоком философской традиции⁹, изучал последнюю, по его собственному свидетельству¹⁰, преимущественно в апологетических и полемических целях. Конечно, его сознательно сдержанный взгляд на языческую философию несколько не противоречит тому факту, что она все же оказала на него существенное влияние как на мыслителя и просто образованного человека, принадлежащего своему времени и неизбежно мыслящего в рамках определенной культурной парадигмы, заданной эпохой. Но и с этой точки зрения нельзя говорить о каком бы то ни было глубоком воздействии *именно* стоицизма на Оригена, подобном тому, которого, как известно, не избежал, несмотря на все антифилософские тенденции, тот же Тертуллиан. Известно, впрочем, что Ориген часто использует терминологию, восходящую к стоической «психологии», т.е. учению о душе, но ставшую к его времени уже общепринятой¹¹. Кроме того, среди источников его учения об аллегорическом методе толкования Св. Писания может быть названа и стоическая аллегореза¹². Но в целом Ориген не относится к числу христианских писателей, либо существенно зависимых от стоических доктрин, либо выражающих сильную симпатию к стоицизму. Общий характер его мысли определяется влиянием платонической традиции, особенно в такой ее форме, как средний платонизм. По отношению же к стоицизму Ориген скорее становится в оппозицию, гораздо более заметную у него, чем у его предшественников, в том числе у Климента¹³. В частности, он постоянно

⁶ В пасхальном послании египетским епископам, датированном 401 г., которое сохранилось в латинском переводе Иеронима Стридонского – *Hier. Ep. 96.9*: *Nec quisquam hominum crebrius moritur, quod Origenes ausus est scribere, Stoicorum impiissimum dogma divinarum cupiens scripturarum auctoritate firmare* («И из людей никто не умирает более [одного раза], что дерзнул написать Ориген, стремясь обосновать нечестивейшее учение стоиков авторитетом божественных писаний»); ср. *SVF II. 631*.

⁷ См. *Daniélou. Op. cit. P. 85–86*.

⁸ Ср., например, *Just Mart. 1 Apol. 46.3*.

⁹ Согласно сообщению Евсевия Кесарийского в *Hist. Eccl. 6.18. 2–3*.

¹⁰ В письме, цитируемом опять же у Евсевия (*Hist. Eccl. 6.19.12*).

¹¹ *Daniélou. Op. cit. P. 88, 94; De Faye. Op. cit. V. 3. P. 173; cp. Cadiou R. Introduction au système d'Origène. P., 1932. P. 5*.

¹² *Daniélou. Op. cit. P. 94*.

¹³ Ср. *Rist J.M. Eros and Psyche. Studies in Plato, Plotinus and Origen. Toronto, 1964. P. 197*.

полемизирует со стоическим материализмом, лежащим в основе стоической космологии и распространяющимся на учение о Боге (например, С. Cels. 1. 21; 3.75; 4.14; 6.54). Общее неприятие материалистической космологии стоиков легко можно конкретизировать в применении к нашей основной теме. Обратившись к тем местам из сочинений Оригена, в которых он касается стоической теории космического циклизма, мы увидим, что и в данном случае он настроен резко полемически и подвергает эту теорию весьма суровой критике.

Места, которые здесь прежде всего необходимо иметь в виду, – это De princ. 2.3.4, а также С. Cels. 4. 67–68 и 5. 20–21 (ср. SVF II. 626; 629). Несмотря на то что они принадлежат к двум разным произведениям Оригена, написанным в разное время¹⁴, целесообразно рассматривать их параллельно. Сопоставление между упомянутыми текстами оправдано уже потому, что они обнаруживают как структурное, так и содержательное сходство. В изложении чужих теорий циклизма Ориген обращается к одним и тем же деталям, а в полемике с ними к одним и тем же аргументам. Тем интереснее, при наличии общего сходства, сосредоточить внимание на конкретных различиях. Кроме того, нужно учитывать то известное обстоятельство, что большая часть трактата «О началах», к которой относится и первый упомянутый параграф, сохранилась лишь в латинском переводе Руфина Аквилейского, что сообщает всему этому тексту гораздо меньшую степень достоверности, чем греческим оригиналам других сочинений Оригена. Поэтому, если существует возможность сопоставить латинский текст из трактата «О началах» с некоторыми местами из греческого текста трактата «Против Цельса», ее непременно нужно использовать.

Два замечания можно сделать уже предварительно. Во-первых, непосредственным объектом оригеновской критики во всех упомянутых местах является не столько сама идея множественности следующих друг за другом миров, сколько идея идентичности этих миров друг другу, т.е. та концепция, которую в современной культуре, особенно после Ницше, принято обозначать словосочетанием «вечное возвращение»¹⁵. В самом деле, констатация циклизма в широком смысле, даже если при этом имеется в виду не повторение одинаковых фаз развития одного мира, но смена многих миров, может сводиться к утверждению *общего, родового* сходства периодически повторяющихся явлений, сравнимого, к примеру, со сменой времен года. Лишь когда речь идет о *буквальной одинаковости* повторяющихся циклов, распространяющейся на мельчайшие детали, стоит говорить о «вечном возвращении» в строгом смысле. Именно с этой идеей и полемизирует Ориген в указанных местах. Во-вторых, стоическая принадлежность этой идеи эксплицитно заявлена только в С. Cels. (4.68 и 5.20), причем в обоих случаях стоической вариант «вечного возвращения» соотнесен с другими вариантами той же концепции, первый из которых приписывается Цельсу (4.67), а второй – платоникам и пифагорейцам (5.21). Соотношение этих различных вариантов само по себе ставит ряд вопросов, в частности – определенные детали стоического варианта, можно сказать, оттеняются, формулируются отчетливее в противопоставлении с другими разновидностями идеи «вечного возвращения».

A. De princ. 2.3.4 как возможный источник по стоической космологии. Что же касается De princ. 2.3.4, то это место традиционно рассматривается как изложение именно стоической позиции¹⁶. Между тем, в нем нет конкретных упоминаний какой-то

¹⁴ Трактаты «О началах» и «Против Цельса» относятся к разным периодам жизни Оригена: первый был написан скорее всего уже к 229 году и во всяком случае до отъезда из Александрии, т.е. 231–232 гг., а второй – около 249 года (см. Nautin P. Origène: sa vie et son oeuvre. P., 1977. P. 372, 409). Но даже если предполагать возможную эволюцию взглядов автора за этот промежуток времени, она не внесла существенных различий в данную полемику. Кроме того, речь идет не только о собственных взглядах Оригена, но прежде всего о том, как именно он излагает теорию «вечного возвращения» в ее уже вполне традиционных к тому времени вариантах.

¹⁵ Конечно, нужно учитывать серьезную разницу, существующую между ницшеанским ewige Wiederkunft и стоическим циклизмом. См., например, Bréhier E. Chryssippe. P., 1910. P. 158.

¹⁶ SVF II. 629; Ср. De Faye. Op. cit. V. 3. P. 104, а также Origène. Traité des principes. T. II. P. 147, n. 19.

определенной философской школы¹⁷. Обращение же к указанным местам из С. Cels. показывает, что, критикуя «вечное возвращение», Ориген далеко не обязательно мог иметь в виду один стоицизм. Поэтому говорить об однозначно стоическом характере излагаемой в De princ. 2.3.4 доктрины, можно было бы лишь в том случае, если бы Ориген упоминал здесь особенно характерные черты стоической концепции циклизма, которые никак не могут быть приписаны другим философским школам или, во всяком случае, в восприятии самого Оригена прочно связаны именно со стоицизмом. В С. Cels., где Ориген вообще гораздо подробнее рассуждает на эту тему, он приводит следующие детали стоической концепции: а) идея *экиросиса* или «мирового пожара», в результате которого осуществляется смена космических циклов (С. Cels. 4.68; 5.20); б) подверженность богов *экиросису*, которая специально отмечается как признак именно стоической доктрины в С. Cels. 4.68, отличающий ее от выдержанной в платоническом духе доктрины Цельса (см. ниже с. 63–64); в) возможность незначительных различий между космическими периодами (С. Cels. 5.20). Ни одна из этих деталей не упомянута в De princ. 2.3.4. Здесь Ориген формулирует свое возражение на концепцию «вечного возвращения» самым общим образом: *Non enim cursu aliquo in eosdem se circulos post multa saecula revolvente aguntur animae, ut hoc aut illud vel agant vel cupiant, sed quocumque proprii ingenii libertas intenderit, illo gestorum suorum dirigunt cursum.* («Ведь души не управляются в своих действиях и побуждениях неким движением, после многих веков возвращающимся на круги своя, но куда бы их ни устремила свобода собственного разума, туда они и направляют ход своих поступков»). «Некое движение, после многих веков возвращающееся на круги своя» или – буквально – «на те же самые круги», – довольно расплывчатое выражение, непосредственно указывающее лишь на цикличность мирового развития в целом. Возможно, здесь все же имеется в виду нечто более конкретное, а именно астрологический детерминизм земных событий¹⁸: то, что «души руководятся» или «управляются» (*animae aguntur*) неким круговым движением, означает тогда не просто, что они так или иначе включены в цикличность космического процесса, но что их действия или стремления (*vel agant vel cupiant*) причинно детерминированы циклическим движением небесных светил. Понимать упомянутое выражение (*cursu aliquo in eosdem se circulos post multa saecula revolvente*) именно в таком смысле побуждает, между прочим, финал приведенной фразы. Тот факт, что выдвинутая в нем идея свободной воли (*proprii ingenii libertas*) полемически противопоставлена (*Non enim... sed*) первой части предложения, содержащей в себе оспариваемый Оригеном тезис, можно объяснить только в том случае, если этот тезис несет в себе детерминистский смысл. Но детерминизм вообще и астрологический детерминизм в частности никоим образом не может рассматриваться как достояние одной лишь стоической школы¹⁹. В этом отношении особенно важно учитывать, что в С. Cels. 5.21 Ориген связывает астрологический детерминизм лишь с платонической и пифагорейской традицией, причем как раз в контексте сопоставления, даже в известной степени противопоставления платоников и пифагорейцев с одной стороны и стоиков (5.20) с другой. Он во всяком случае не упоминает тут концепцию астрологического детерминизма среди характерных признаков стоического варианта идеи «вечного возвращения», наряду с тем же *экиросисом*, хотя и имел для этого удобный случай. Кроме того, в С. Cels. 4.67 Ориген воспроизводит тот же аргумент против

¹⁷ В первой фразе данного параграфа находим следующую расплывчатую атрибуцию идеи «вечного возвращения»: *Iam vero qui indissimiles sibi mundos ac per omnia pares aliquando evenire confirmant...* («Те же, кто утверждает, что время от времени возникают неотличимые друг от друга и во всем одинаковые миры...»). И далее в тексте параграфа сторонники этой идеи единственный раз обозначаются просто как *isti*: *Tale autem est quod ab istis dicitur...* («То, что говорится ими, таково...»). Никакого прямого упоминания стоической школы здесь нет. (Здесь и далее переводы автора.)

¹⁸ Ср. *Origène. Traité des principes*. Т. II. Р. 147, н. 19. Другими словами, под *cursus* здесь может подразумеваться *cursus stellarum* (ср. De princ., Praef. 5; Hom. Jos. 5.6; 7.4, где это выражение используется полностью и как раз в контексте, касающемся астрологического детерминизма).

¹⁹ См. ниже, с. 65–67.

«вечного возвращения», что и в приведенной цитате из *De princ.* 2.3.4: несовместимость циклического детерминизма и свободы воли. Сам по себе этот аргумент, конечно, вполне применим и к стоическому варианту циклизма, но в *C. Cels.* 4.67 он возникает все же в контексте полемики с тем вариантом, который Ориген приписывает Цельсу, а не стоикам (4.68). Поэтому, если уж стремиться к определенной атрибуции идей, изложенных в *De princ.* 2.3.4, какой-нибудь одной философской школе, то данные, которые можно почерпнуть для этого из упомянутых мест в *C. Cels.*, никак не свидетельствуют в пользу именно стоиков. Это, конечно, не означает, что в *De princ.* 2.3.4 Ориген имеет в виду только платоников и пифагорейцев, но ни в коем случае не стоиков. Просто он описывает здесь теорию «вечного возвращения» в столь общих выражениях, что она в принципе не противоречит ни стоическому варианту, ни какому-либо еще из упоминаемых им в *C. Cels.* Следовательно, это место, конечно, должно учитываться при рассмотрении оригеновской полемики со стоицизмом, но не потому, что имеет в виду именно стоические идеи в строгом смысле, а потому, что описывает некий тип космологической концепции, под которую подходит в том числе и стоицизм.

Этот общий вывод подтверждается и анализом тех примеров, которые Ориген всякий раз находит необходимым привести, чтобы проиллюстрировать концепцию «вечного возвращения». В *De princ.* 2.3.4 мы читаем: *Si enim per omnia similis mundo mundus dicitur, erit ut iterum Adam vel Eva eadem faciant, quae fecerunt, idem iterum diluvium atque idem Moyses rursus populum sexcenta milia numero educet ex Aegypto; Iudas quoque bis dominum tradet, Paulus secundo lapidantium vestimenta servabit, et omnia, quae in hac vita sunt, iterum gerenda dicentur.* («Если говорят, что [один] мир во всем подобен [другому] миру, значит Адам и Ева снова совершат то, что уже совершили, снова [будет] тот же потоп и тот же Моисей опять выведет из Египта народ числом шестьсот тысяч; Иуда также во второй раз предаст Господа, Павел во второй раз сохранит одежды побивающих камнями [Стефана], и обо всем, что есть в этой жизни, нужно будет сказать, что это произойдет вновь»). Мы имеем здесь дело с примерами из иудео-христианской традиции, которые, очевидно, не заимствованы Оригеном у его языческих оппонентов, но придуманы им самим и не проливают никакого света на то, с какой же именно философской школой полемизирует здесь Ориген. В *C. Cels.* Ориген приводит примеры из иудео-христианской традиции лишь один раз (4.67), в полемике с Цельсом, причем уже не как иллюстрацию позиции своего оппонента, а как прямое возражение против нее: *λελέξεται δὲ πρὸς τοιαύτην ὑπόθεσιν τῷ Κέλσῳ ὅτι, εἴπερ ὁμοία ἐστὶν ἀπ' ἀρχῆς εἰς τέλος ἢ τῶν θνητῶν αἰεὶ περίοδος..., ἀνάγκη αἰεὶ κατὰ τὰς τεταγμένας περιόδους Μωϋσέα μὲν μετὰ τοῦ λαοῦ τῶν Ἰουδαίων ἐξελεῖν ἐκ τῆς Ἀγύπτου, Ἰησοῦν δὲ πάλιν ἐπιδημῆσαι τῷ βίῳ τὰ αὐτὰ ποιήσουσα, ἄπερ οὐχ ἄπαξ ἀλλ' ἀπειράκις κατὰ περιόδους πεποίηκεν.* («В ответ на такое положение Цельсу будет сказано, что, если период [бытия] смертных существ всегда одинаков от начала и до конца... из этого с необходимостью следует, что Моисей всегда через установленные периоды [времен] вместе с народом выходит из Египта и Иисус снова вернется к этой жизни, чтобы сделать то же самое, что он уже делал не однажды, а периодически и бесконечное число раз».) Здесь воспроизводится один из примеров, приводившихся и в *De princ.*, а именно – исход иудейского народа во главе с Моисеем из египетского плена; что же касается Христа, то, если в *De princ.* он упоминался лишь косвенно в связи с Иудой (*Iudas quoque bis dominum tradet*), в *C. Cels.* этот пример приобретает самостоятельное значение²⁰.

²⁰ Как раз в этом пункте особенно явной становилась несовместимость античного циклизма и христианской философии истории, и даже если Ориген отдавал известную дань циклическим концепциям, он чувствовал необходимость отстоять уникальность такого события, как явление Христа. Ср. *De princ.* 2.3.5, т.е. параграф непосредственно следующий за анализируемым *De princ.* 2.3.4: *Docet autem sanctus apostolus, quod Christus in eo saeculo, quod ante hoc fuit, non est passus, sed ne in illo quidem, quod ante ipsum fuit, et nescio si enumerare sufficiam, quanta fuerint saecula, in quibus passus non est.* («Святой апостол учит, что Христос не страдал ни в предшествующем веке, ни в том, который был до него, и я не знаю, смогу ли перечислить,

Однако гораздо чаще, чем примеры из иудео-христианской традиции, в С. Cels. для иллюстрации «вечного возвращения» используется собственно античный материал. Так, в той же главе, где упоминаются Моисей и Иисус (4.67), речь идет также о Сократе, Аните и Мелете, Фалариде и Александре Ферейском, а в следующей (4.68), полемизируя уже не с Цельсом, но со стоиками, Ориген не ленится опять упомянуть Сократа, Анита и Мелета и еще добавляет к ним Ксантиппу. В С. Cels 5.20 снова вспоминаются Сократ, Анит и Мелет, а также родители Сократа, Софрониск и Фенарета; вновь вспоминается и Фаларид. Наконец, Сократ, Анит и Мелет фигурируют и в описании платонико-пифагорейского варианта циклизма (5.21). Стандартность и однообразие приводимых примеров объясняется тем, что на сей раз Ориген, судя по всему, пользовался готовыми стереотипами, заимствованными из обихода философских школ. В содержательном отношении все приведенные примеры можно поделить на два типа – в первом речь идет о Сократе, во втором о тиранах. Сам выбор именно таких персонажей, вероятно, не случаен. Можно предположить, что и здесь «шедший рука об руку интерес к жизни философов и к жизни тиранов»²¹, вообще типичный для эллинистического сознания, нашел свое очередное отражение. Помимо Оригена, еще два христианских автора, Татиан (Or. adv. Graec. 3) и Немесий Эмесский (De nat. hom. 38), приводят схожие примеры (ср. SVF I. 109), иллюстрирующие учение о «вечном возвращении». В частности – Татиан тоже упоминает Анита, Мелета и Сократа, а в качестве своего рода параллели к фигурирующим у Оригена Фалариду и Александру Ферейскому у него встречается Бусириис. Немесий со своей стороны довольствуется упоминанием Сократа и Платона²². Все это лишний раз свидетельствует о стандартности используемого Оригеном античного материала. Но если Татиан прямо приписывает приведенные им примеры Зенону, а Немесий приводит их в контексте изложения именно стоического учения, то для Оригена, как можно видеть, конкретная атрибуция не имеет особенного значения. Одни и те же персонажи приходят ему на ум, независимо от того, полемизирует ли он со стоиками, Цельсом или платонико-пифагорейской позицией.

Собственно, основная часть оригеновского текста, в которой излагается учение о «вечном возвращении», и состоит из детального описания перечисленных примеров. И здесь можно заметить одно не сразу бросающееся в глаза различие между таким описанием в De princ., приведенным выше, и соответствующими местами в С. Cels. Стоическая теория циклизма, как известно, предполагает не только то, что космические циклы идентичны, но и то, что их смена осуществляется бесконечно, а число циклов, таким образом, беспредельно. При этом бесконечность циклического процесса в стоической космологии распространяется и на прошлое, и на будущее. Все это подтверждается большим количеством источников (например, Nem. De nat. hom. 38; Eus. Graec. evang. 15.15; 21. 18–19; Philon. De aet. Mundi. 3.8–10). Но текст De princ. 2.3.4 к ним явно не принадлежит. Если вчитаться в него с буквалистской строгостью, то и будущее время некоторых глаголов (tradet, servabit), и наречия iterum, либо даже bis и secundo ясно указывают, что в данном случае обсуждается проблема тождества не всех вообще космических циклов, но только двух – этого мира и будущего. Различие становится очевидно, если сопоставить это место с С. Cels. 4.68, где стоическая концепция циклизма сформулирована в этом отношении отчетливо: Μετὰ γὰρ τῆν τοῦ παντὸς ἐκπύρωσιν ἀπειράκις γενομένην καὶ ἀπειράκις ἐσομένην ἢ αὐτὴ τάξις ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τέλους πάντων γέγονέ τε καὶ ἔσται. («После возгорания мира, которое происходило и будет происходить бесконечно, порядок всех [вещей] от начала

сколько было веков, в которых он не страдал.») Тот же мотив встречается в критике «вечного возвращения» у Августина (De civ. Dei. XII. 13.2: *Semel enim Christus mortuus est pro peccatis nostris* – «...Христос единожды умер за грехи наши») и у Феофила в антиоригенистской полемике (*Hier. Ep. 96. 9: Qui enim semel pro nobis mortuus est...* – «Тот, кто единожды умер за нас...»).

²¹ Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973. С. 166.

²² В контексте обсуждения идеи «вечного возвращения» пример с Платоном приводит и Августин (De civ. Dei. 13), но он не делает прямых ссылок на стоиков.

и до конца и был, и будет один и тот же»). Здесь как раз совершенно ясно передана и беспредельность циклического развития, и его обращенность как в прошлое, так и в будущее²³. Разумеется, в том, что Ориген обсуждает в одном случае только идентичность двух «смежных» миров, а в другом – идентичность беспредельно (ἀπειράκις) повторяющихся циклов, нет необходимости усматривать какое-то существенное различие или противоречие. Если смотреть с точки зрения стоической космологии, тождество настоящего и будущего миров есть не взаимоисключающая альтернатива, а вариант тождества многих мировых циклов, так что речь идет просто о некотором сужении вопроса, сведении его к одному частному примеру. Вероятно, можно попытаться объяснить такое сужение общей эсхатологической проблематики всей той главы De princ., к которой относится данный параграф. Например, в предшествующем параграфе (2.3.3) речь шла о том, должна ли материя в конце мира исчезнуть совершенно или нет, в следующем параграфе речь пойдет об эсхатологической концепции restitutio omnium (2. 3. 5), а в последнем параграфе той же главы, как итог всего содержащегося в ней рассуждения, приводятся три варианта того, каков будет конец мира (2. 3. 7). Довольно естественно, что в контексте обсуждения проблем христианской эсхатологии Ориген, привлекая для рассмотрения учение о «вечном возвращении», сосредоточивается лишь на той его стороне, которая кажется непосредственно имеющей отношение к эсхатологической проблеме конца именно этого мира и начала следующего, но не упоминает бесконечной смены циклов, имевшей место и в прошлом. И, может быть, именно поэтому он говорит здесь, что повтор определенных событий будет осуществляться bis или secundo²⁴, а не ἀπειράκις или ἀεί, как в С. Cels. 4. 67–68. Это, стало быть, нисколько не противоречит возможному стоическому характеру обсуждаемой им концепции, но во всяком случае и не делает его более отчетливым.

Б. С. Cels. 5. 20: *стоическая идея «вечного возвращения» и христианская концепция воскресения*. Любопытный схожий пример влияния христианской проблематики оригеновского дискурса на изложение им античных космологических концепций и, в частности, как раз на использование им стереотипных школьных примеров, уже упоминавшихся выше, можно найти в С. Cels. 5. 20. В этом параграфе, имея в виду именно стоические воззрения (φασὶ δὲ οἱ ἀπὸ τῆς Στοῆς...), Ориген также делает акцент на рассмотрении идентичности двух непосредственно следующих друг за другом миров (альтернатива ἢ πρὸτέρα διακόσμῆσις ἢ ἕξῃς περίοδος). Это особенно понятно, если учесть, что тут же упоминается еще один возможный нюанс стоической доктрины. Некоторые стоики, по выражению Оригена, "устыдившись" своего учения ("Ὅσοι δὲ αὐτῶν ἠδέσθησαν τὸ δόγμα), все же допускают, что следующий мир может иметь крайне незначительные и несущественные различия по сравнению с предыдущим: ὀλίγην εἰρήκασι παραλλαγὴν καὶ σφόδρα βραχεῖαν γίνεσθαι κατὰ περίοδον τοῖς ἐπὶ τῆς πρὸ αὐτῆς περιόδου («...говорили, что есть небольшое, совершенно незначительное различие по сравнению с тем, что было в предыдущем периоде»)²⁵.

²³ Столь же отчетливо выражена эта идея и в предыдущем параграфе С. Cels. (4.67), но там она вложена в уста Цельса. Ему принадлежит цитируемый там Оригеном тезис: ...κατὰ τὰς τεταυμέναν ἀνακυκλήσεις ἀνάγκη τὰ αὐτὰ ἀεὶ καὶ γεγονέαι καὶ εἶναι καὶ ἕσσεσθαι («согласно установленным циклам одно и то же с необходимостью всегда было, есть и будет»). Это ἀεὶ применяется затем ко всем приводимым в данном параграфе примерам, в том числе к Моисею (ср. уже цитированный выше отрывок на с. 56).

²⁴ Разумеется, остается под вопросом, насколько точен руфиновский перевод в этом случае, были ли в оригинальном греческом тексте точные соответствия руфиновским bis и secundo. Но мы обсуждаем тут, в какой степени уже сам сохранившийся латинский текст может служить источником именно по стоической теории циклизма.

²⁵ Издатель трактата в серии Sources Chrétiennes Марсель Боррэ (Borret) полагает, что под учением, которого «устыдились» некоторые стоики, имеется в виду концепция экиприсиса (упоминаемая в предыдущей фразе), и приводит ссылки на многочисленные примеры из стоической традиции, свидетельствующие о такого рода настроениях (*Origène. Contre Celse. T. 3. P. 64, n. 1*). Известно, в частности, что экиприсис

Значит уже и собственно стоический контекст позволял Оригену сосредоточиться на идентичности двух «смежных» миров, ничего не говоря обо всей их бесконечной цепочке. Но все же нельзя не учитывать, что в данном случае конкретным поводом для обсуждения идеи «вечного возвращения» была для Оригена возможная параллель с христианским учением о воскресении. Еще в С. Cels. 5. 14 приводился обширный отрывок из Цельса, в котором содержалась критика этого учения с позиций позднеантичного спиритуализма и отношения к телесности. Поэтому в С. Cels. 5. 20 Ориген с самого начала стремится показать, что если будущее телесное воскресение кажется его языческим критикам нелепостью, то и у самих языческих мудрецов встречались идеи, как раз в этом отношении ничуть не менее нелепые (σφόδρα ἀπεμφάινοντα). Чтобы подтвердить этот свой тезис, он и использует стоическую идею «вечного возвращения». Прямое сопоставление этой идеи с христианской концепцией воскресения (ἀνάστασις) вторгается на сей раз в уже упоминавшийся стандартный школьный пример с «вечно возвращающимся» в очередном космическом цикле Сократом: φασὶ τῇ ἐξῆς περιόδῳ ταῦτά ἔσθαι καὶ Σωκράτην μὲν πάλιν Σωφρονίσκου υἱὸν καὶ Αθηναίου ἔσθαι, καὶ τὴν Φαιναρέτην γημαμένην Σωφρονίσκῳ πάλιν αὐτὸν γεννήσειν. Καὶ μὴ ονομάζωσιν οὖν τὸ τῆς ἀναστάσεως ὄνομα, τὸ πρᾶγμά γε δηλοῦσιν, ὅτι Σωκράτης ἀπὸ σπερμάτων ἀρξάμενος ἀναστήσεται τῶν Σωφρονίσκου καὶ ἐν τῇ ὑστέρᾳ Φαιναρέτης διαπλασθήσεται («[стоики] говорят, что в следующем периоде будет то же самое: Сократ снова будет сыном Софрониска и афинянином и вновь его родит Фенарета, выйдя замуж за Софрониска. Пусть они и не используют само слово "воскресение", на деле же ясно утверждают, что Сократ воскреснет, получив начало от семени Софрониска, и сформируется во чреве Фенареты») и т.п. Резонно предположить, что детальность, с которой Ориген описывает будущее рождение Сократа в этом примере (ἀπὸ σπερμάτων, ἐν τῇ ὑστέρᾳ), мотивирована не только тем, что он в очередной раз стремится проиллюстрировать в несколько ироническом аспекте²⁶ стоическое положение о полной и распространяющейся на все возможные мелочи тождественности космических циклов. Физиологический характер упоминаемых подробностей скорее всего полемически направлен против Цельса, который в христианском учении о телесном воскресении усматривал недостойную с его однозначно спиритуалистической точки зрения привязанность к низменной плоти (5. 14). Видимо, именно поэтому Ориген разрабатывает традиционный школьный пример на концепцию «вечного возвращения», имея в виду, что упреки Цельса по отношению к христианам оказываются вполне применимы и к стоикам²⁷. Более того, в С. Cels. 5. 23, подводя итоги всей этой дискуссии с Цельсом, Ориген прямо формулирует тезис, из которого следует, что в собственном смысле выпады Цельса только к стоикам и применимы, но никак не к христианам, ведь христиане не учат о воскресении в том же самом, уже однажды сгнившем теле. Христианская доктрина предполагает воскресение в преображенном теле²⁸, тогда как стоический пафос идентичности космических циклов как раз и приводит к выводу, что в будущем

отвергали Панетий и Боэт Сидонский (Diog. Laert. 7. 142; Philon. De aet. Mundi. 76). Но Ориген явно имеет в виду не тех стоиков, которые не разделяли учение об экпирисе, а тех, которые, принимая в целом циклическую космологию, утверждали, что идентичность космических циклов, также упоминаемая в предыдущей фразе у Оригена, не абсолютна. См. об этом SVF II. 624, ср. SVF II. 627.

²⁶ Так он поступает чуть ниже, когда, приводя другой пример подобной детализации, говорит: Τὸ δὲ τοῦτων γελοϊότερον τὰ ἀπαράλλακτα ἱμάτια... Σωκράτης ἐνδύσεται («А еще смешнее этого, что Сократ будет носить точно такую же одежду»). Как видим, само изложение учения о «вечном возвращении» превращается у Оригена в *возражение* против него. Для сторонника этого учения подобная конкретная детализация «вечного возвращения» была бы вполне естественным выводом, не заключающим в себе никакой проблемы, но Оригену она кажется сама по себе настолько очевидно нелепой, что воспринимается им как один из аргументов против самого этого учения.

²⁷ Если вспомнить, что в С. Cels. 4. 67 идея «вечного возвращения» вложена в уста самого Цельса, то тогда эти упреки в принципе можно отнести и к нему самому.

²⁸ Об особенностях оригеновского понимания воскресения см., например, Dorival G. Origène et la résurrection de la chair // *Origeniana Quarta*. P., 1998. P. 291–319.

мире вновь возникнет такое же тленное тело, как и распавшееся в этом мире: Οἱ μέντοι ἀπὸ τῆς Στοᾶς τὸ πάντῃ διαφθαρέν σῶμά φασι ἐπανέρχεται εἰς τὴν ἐξ ἀρχῆς φύσιν... καὶ αὐτὴν ἐκείνην, ἐξ ἧς ἐλύθη, τὴν πρώτην σύστασιν πάλιν φασι συστήσασθαι. («Стоики говорят, что совершенно разложившееся тело снова вернется к своей изначальной природе... и вновь образуется тот же самый, первоначальный состав, из которого оно распалось»). Ориген переносит здесь на стоиков все те аргументы, которые были выдвинуты Цельсом против христиан, причем для большей наглядности делает это, используя выражения самого же Цельса²⁹.

Таким образом, изложение стоической теории «вечного возвращения» в данном отрывке можно отчетливее понять, если учитывать, что оно вставлено в широкий полемический контекст, связанный с таким аспектом христианской эсхатологии, как учение о телесном воскресении. Причем Ориген был не единственным, кто находил возможным – пускай и в полемическом тоне – проводить параллели между христианским воскресением и стоическим «восстановлением» в будущем мире. Что вообще эти две идеи могли соотноситься и смешиваться в синкретической атмосфере поздне-эллинистической культуры, – об этом свидетельствует и Немесий в своем рассказе о взглядах стоиков (De nat. hom.38): Καὶ διὰ ταύτην τὴν ἀποκατάστασιν, φασι τινες, τοὺς Χριστιανοὺς τὴν ἀνάστασιν φαντάζεσθαι... («На основании этого восстановления, говорят некоторые, христиане представляют себе воскресение»). В отличие от Оригена, который делает акцент на том, что, согласно христианскому учению, воскресает преображенное, а вовсе не такое же или то же самое тело, что было в предыдущем мире, Немесий говорит о невозможности проводить знак равенства между периодическими восстановлениями в стоицизме и однократностью воскресения в христианстве (εἰς ἅπαξ γὰρ τὰ τῆς ἀναστάσεως, καὶ οὐ κατὰ περίουρον ἔσσεσθαι – «ведь воскресение будет однократным, а не периодическим»), т.е. лишний раз демонстрирует несовместимость принципа уникальности и неповторимости, лежащего в основе христианской космологии и историософии, с античным принципом циклизма, в данном случае – в его стоическом варианте. Таким образом, Ориген и в этом пункте прямо критикует прежде всего стоическую идею идентичности циклов, а Немесий как раз саму идею их множественности³⁰.

В. *Стоический вариант циклизма в сопоставлении с вариантом Цельса, а также платоников и пифагорейцев (по С. Cels. 4. 67–68; 5. 20–21).*

Выше предлагалось при интерпретации текста из De princ. 2. 3. 4 учитывать, что, говоря о «вечном возвращении», Ориген мог иметь в виду не только стоическое учение, но и платонико-пифагорейскую традицию, как это явствует из привлекаемых для рассмотрения мест трактата «Против Цельса». Поэтому категорически утверждать, что в этом отрывке из De princ. имелась в виду именно стоическая концепция, можно было бы лишь в том случае, если бы в нем упоминались те ее специфические особенности, которые никак не могут иметь платонико-пифагорейское происхождение. Но в чем же, согласно Оригену, заключаются эти особенности? В чем конкретно он видит различие между стоическим и платонико-пифагорейским вариантами космического циклизма?

Обратимся для начала к тем двум главам четвертой книги. С. Cels., где стоический циклизм (4. 68) разбирается в сопоставлении с космологической концепцией Цельса (4. 67). Последняя очень близка к платонико-пифагорейским учением, как оно сформулировано в С. Cels. 5. 21³¹. Общее и у Цельса и у стоиков, согласно изложению Ори-

²⁹ Так, в цитированном Оригеном отрывке (С. Cels. 5. 14) Цельс говорит: «Какая, однако, человеческая душа стоскуется по разложившемуся телу?.. В самом деле, какое тело, будучи совершенно разложившимся, способно вернуться в первоначальное состояние, притом к тому первому составу, из которого оно распалось?» (Ποῖον γὰρ σῶμα πάντῃ διαφθαρέν οἶόν τε ἐπανελεῖν εἰς τὴν ἐξ ἀρχῆς φύσιν καὶ αὐτὴν ἐκείνην, ἐξ ἧς ἐλύθη, τὴν πρώτην σύστασιν) (пер. А.Б. Рановича).

³⁰ Ср. также Tat. Or. adv. Graec. 6 и менее полемичное сопоставление воскресения и «восстановления» у Лактанция в Div. inst. 7. 23.

³¹ См. ниже, с. 63–65.

гена, можно свести к двум пунктам, без которых «вечное возвращение» как таковое вообще немислимо. Во-первых, это его «вечность», т.е. бесконечность циклического процесса. Во-вторых, тавтологичность или содержательная идентичность всех космических циклов. Так, и когда Цельс в приводимой Оригеном цитате утверждает, что «согласно установленным циклам одно и то же с необходимостью всегда было, есть и будет» (κατὰ τὰς τεταγμένας ἀνακυκλήσεις ἀνάγκη τὰ αὐτὰ αἰεὶ καὶ γεγόνεσθαι καὶ εἶναι καὶ ἔσσεσθαι), и когда далее говорится, что, по стоической доктрине, «после возгорания мира, которое происходило и будет происходить бесконечно, порядок всех [вещей] от начала и до конца и был, и будет один и тот же» (μετὰ γὰρ τὴν τοῦ παντὸς ἐκπύρωσιν ἀπειράκις γενομένην καὶ ἀπειράκις ἔσομένην ἢ αὐτῆ τάξις ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τέλους πάντων γέγονέ τε καὶ ἔσται), мы и в том, и в другом случае встречаем выражение обеих упомянутых идей (бесконечность циклизма – αἰεὶ καὶ γεγόνεσθαι καὶ εἶναι καὶ ἔσσεσθαι и ἀπειράκις γενομένην καὶ ἀπειράκις ἔσομένην; идентичность циклов – τὰ αὐτὰ ἢ αὐτῆ τάξις). Здесь можно усмотреть лишь один очень существенный момент стоической доктрины, относительно которого Цельс вроде бы ничего не говорит, а именно – учение об экпиросисе или мировом пожаре как конкретном механизме смены космических циклов. Однако, цитата, приводимая Оригеном в С. Cels. 4. 79, свидетельствует, что в определенном смысле сама идея экпиросиса не была абсолютно чужда Цельсу³². Другое дело, что, если судить по этой цитате, функция экпиросиса представлялась ему весьма ограниченной, имеющей отношение не ко всему космическому целому, а только к тому, что происходит на земле (ἐπὶ γῆς). Насколько это отличается от стоического понимания экпиросиса и чем именно мотивировано такое отличие, будет можно понять, только если мы обратимся к тому положению, в котором для Оригена заключено основное различие между стоической космологией и точкой зрения Цельса: Ὁ μὲν οὖν Κέλσος μόνην τὴν θνητῶν περίοδον κατὰ τὰς τεταγμένας ἀνακυκλήσεις ἐξ ἀνάγκης φησὶν αἰεὶ καὶ γεγόνεσθαι καὶ εἶναι καὶ ἔσσεσθαι· τῶν δὲ Στωϊκῶν οἱ πλείους οὐ μόνον τὴν τῶν θνητῶν περίοδον τοιαύτην εἶναι φασιν ἀλλὰ καὶ τὴν τῶν ἀθανάτων καὶ τῶν κατ' αὐτοὺς θεῶν. («Цельс говорит, что только период [бытия] смертных существ всегда с необходимостью был, есть и будет [одним и тем же] согласно установленным циклам, большинство же стоиков утверждают, что таков и период [бытия] бессмертных существ и тех, кого они считают богами, а не только смертных.»)

Итак, согласно Цельсу, «вечное возвращение» имеет отношение только к тому, что обозначается им как ἡ τῶν θνητῶν περίοδος. Это выражение, конкретный смысл которого не столь уж прозрачен с первого взгляда, встречается сперва в цитате из Цельса, приводимой Оригеном в С. Cels. 4. 65: ἐκ θεοῦ μὲν οὐκ ἔστι κακὰ, ὕλη δὲ πρόσκειται καὶ τῶν θνητῶν ἐμπολιτεύεται· ὁμοία δ' ἀπ' ἀρχῆς εἰς τέλος ἡ τῶν θνητῶν περίοδος... Таким образом, в С. Cels. 4. 67 Ориген формулирует различие между стоиками и Цельсом не своими словами, а отталкиваясь от заимствованной у Цельса терминологии. Генетив τῶν θνητῶν предполагает возможность двоякого перевода. Имеются в виду либо τὰ θνητά, либо οἱ θνητοί, т.е. либо «смертное» как общее понятие, либо «смертные» люди или вообще «смертные» существа³³. Каков бы

³² С. Cels. 4. 79: ἀγεϊήτου ὄντος τοῦ κόσμου καὶ ἀφάρτου, καὶ μόνων ἐπὶ γῆς κατακλισμοὺς καὶ ἐκπύρωσεις πασχόντων, καὶ οὐ πάντων ἅμα τούτοις περιπτόντων («Мир безначален и нетленен и только то, что на земле, претерпевает потоны и пожары, да и то не все сразу подвергается их воздействию»).

³³ Эта двойственность дала о себе знать в существующих русских переводах этого места. У Л. Писарева ἡ τῶν θνητῶν περίοδος передается как «круговращение смертных существ» в 4. 65 и «поступательная смена смертных (природ)» в 4. 67 (см. *Ориген. Против Цельса* / Пер. Л. Писарева. М., 1996. С. 329, 330). Второй вариант не вполне отчетлив, первый же ясно предполагает, что переводчик увидел в τῶν θνητῶν форму мужского рода. А.Б. Ранович, напротив, усматривает в τῶν θνητῶν форму среднего рода и, соответственно, переводит фрагмент Цельса из 4. 65 следующим образом: «Зло не от бога... оно прилагается к материи и внедряется в смертное; цикл (всего) преходящего одинаков от начала до конца» (*Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 295*).

ни был изначальный смысл формулировки самого Цельса, в оригеновском тексте она скорее всего воспринята во втором варианте. Это видно из того дополнения, которое делает Ориген, чтобы указать на отличительный признак стоического циклизма. К τῶν θιητῶν Цельса Ориген добавляет τῶν ἀθανάτων καὶ τῶν κατ'αὐτοὺς θεῶν. Причем тут важно, что τῶν ἀθανάτων разъясняется через τῶν κατ'αὐτοὺς θεῶν. Ориген явно говорит о «бессмертных» существах, которые, с точки зрения стоиков (κατ'αὐτοὺς), являются «богами», и, тем самым, не может подразумевать под τῶν ἀθανάτων форму среднего рода, т.е. «бессмертное» как общее понятие (τὰ ἀθάνατα). Поэтому и оппозиция τῶν θιητῶν – τῶν ἀθανάτων выглядит более сбалансированно, если «бессмертным» существам из оригеновской формулировки соответствуют смертные существа или смертные люди, а не «смертное» как общая категория. Соответственно ἡ τῶν θιητῶν περίοδος в С. Cels. 4. 67 следует переводить как «цикл» или «период [бытия] смертных существ».

Однако, все эти выражения в оригеновском тексте невозможно понимать в их узком, буквальном смысле. Ориген вовсе не хочет сказать, что, с точки зрения стоиков, циклический процесс имеет отношение *только* к одушевленным существам, будь они смертны или бессмертны. Напротив, «смертные» и – с другой стороны – «бессмертные и боги» репрезентируют здесь соответствующие части космической структуры, т.е. землю и небо. Тут будет уместно вспомнить одно из стандартных стоических определений космоса – σύστημα ἐκ θεῶν καὶ ἀνθρώπων καὶ τῶν ἕνεκα τούτων γέγονότων (Diog. Laert. VII. 138; ср. SVF II. 526–528), «совокупность богов, людей и того, что возникло ради них». Оно всегда приводится в паре с другой не менее популярной дефиницией – σύστημα ἐξ οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ τῶν ἐν τούτοις φύσεων (Ibid.; ср. SVF II. 526–529), «совокупность неба, земли и [обитающих] в них тварей». Параллелизм между двумя определениями космоса очевиден и весьма показателен. Оба они рассматривают мир как структуру, основанную на оппозиции верхнего и нижнего, неба и земли, богов и людей. Разница же в том, что в одном случае эта структура преподносится в собственно космологическом аспекте, тогда как в другом – значению слова «космос» придается, так сказать, «социологический» оттенок³⁴.

Если Цельс, по словам Оригена, утверждает, что «вечное возвращение» имеет отношение только к «смертным», а стоики распространяют его и на «богов», то за этим стоит не просто какое-то частное разногласие, действительно касающееся лишь богов и людей, но не затрагивающее космос в целом. Боги и люди и *составляют* космос как таковой, поэтому различие, сформулированное здесь, ведет к принципиальным разногласиям между стоицизмом и позицией Цельса. Согласно стоикам, имеется в виду периодическая смена всей космической структуры (т.е. и земли, и неба, и «смертных», и «богов»), которая затем снова восстанавливается в том же самом

³⁴ Переход от сугубо космологического значения слова κόσμος к значению «обитаемый мир» и просто «человечество» хорошо засвидетельствован как для античной, так и для христианской традиции. См. Sasse H. Κόσμος // Theological Dictionary of the New Testament / Ed. G. Kittel. Transl. G.W. Bromiley. V. 3. Michigan, 1989. P. 880–882, 888–890. Схема такого развития значения, как его изображает Зассе, в целом может быть сведена к следующему ряду: мир (как вся космическая структура) – земля (как существенная часть космической структуры) – населенная часть земного пространства – те, кто ее населяет. Если же учитывать, что слово κόσμος зачастую могло обозначать не только одну землю отдельно от неба, но и, наоборот, небо отдельно от земли (Ibid. P. 869, 871–872), и сопоставить это с приведенными стоическими дефинициями космоса, то устойчивый параллелизм космологического и «социологического» значений слова κόσμος можно распространить не только на землю как нижнюю часть космической структуры, но и на небо. Для нашей темы особенно важно, что Ориген часто использовал стоическое определение космоса как совокупности земли и неба (С. Cels. 6. 59; Comm. in Matth. 13. 20; De princ. 2. 3. 6) наряду с другим – определением его как «земного пространства» (ὁ περίγειος τόπος – С. Cels. 6. 59; Comm. in Matth. 13. 20; ср. De princ. 1. 5. 5.), иногда понимаемого как раз в смысле «обитаемого мира», οἰκουμένη (Comm. in Matth. 13. 20). Специфический пример семантического сдвига от космологического к «социологическому» значению, мотивированного на сей раз экзегетическими задачами, находим в De orat. 26, но уже в применении не к самому слову «космос», а к «земле» и «небу», которые обозначают здесь соответственно грешников и праведников.

виде, что и прежде. Цельс же ограничивается утверждением о цикличности только земных событий в пределах одного и того же, стабильного космоса, т.е. тезис из С. Cels. 4. 68 (Ὁ μὲν οὖν Κέλσος μόνην τὴν θνητῶν περίοδον... φησὶν ἀεὶ καὶ γεγυμέναι καὶ εἶναι καὶ ἔσεσθαι) предвосхищает цитату из Цельса, приводимую Оригеном в С. Cels. 4. 79 (μόνων ἐπὶ γῆς κατακλισμοὺς καὶ ἐκπυρώσεις πασχόντων). Θνητῶν в первом случае подразумевает то же самое ограничение, что и ἐπὶ γῆς во втором: если повтор идентичных циклов распространяется только на жизнь смертных, то и катастрофы, отделяющие один цикл от другого, тоже относятся лишь к той части космоса, где эти смертные обитают, т.е. к земле, но не затрагивают космоса в целом.

Дополнительным аргументом в пользу такого вывода является то, что под «богами» в данном тексте могут иметься в виду небесные светила. Уточнение кат'αὐτοῦς, предполагающее перевод «те, кого они (т.е. стоики) считают богами», понадобилось Оригену скорее всего не просто потому, что он, как христианин, дистанцировался от языческого многобожия. Весьма вероятно, что оно намекает на любопытный и вызывавший сильную полемику аспект стоического учения о богах, имеющий непосредственное отношение к космологической проблематике и, кроме того, оказывающийся весьма уместным, когда речь заходит о сопоставлении стоической и платонической космологии. Разделяя широко распространенное в античности представление о божественной природе небесных светил (например, SVF II. 613; 1076–1077), стоики считали этих «богов» тленными (φθαρτοί – мнение Хрисиппа, приводимое Плутархом, De St. ger. 1052a)³⁵. Это означало, что небесные светила так же подвержены разрушению и гибели во время финальной космической катастрофы, т.е. экипиросиса, как и все другие части миропорядка. Для платонической космологии такая концепция была неприемлемой. В этом отношении показательна критика стоицизма Филоном в трактате "О вечности мира" (9. 46–47). Для него подверженность экипиросису неба и небесных светил немислима между прочим и потому, что это заставило бы предполагать, будто боги тленны (θεοὺς φθειρομένους ὑπονοεῖν). Поэтому, в изображении Филона (15. 76), отказ некоторых представителей Средней Стои, например, Панеттия и Боэта Сидонского, от идеи экипиросиса предстает как боговдохновенная акция (ἀτε θεόληπτοι, τὰς ἐκπυρώσεις καὶ παλιγγενεσίας καταλιπόντες), как обращение к более благочестивому учению, предполагающему стабильность мировой структуры в целом (πρὸς ὁσιώτερον δόγμα τὸ τῆς ἀφθαρσίας τοῦ κόσμου παυτός). Таким образом, мы видим, что учение стоиков о богах оказывается несовместимым с центральной для платонической космологии идеей нетленности мира. Так что, если усмотреть в словах τῶν кат'αὐτοῦς θεῶν намек на небесные светила, это позволит лишний раз подтвердить сделанный выше вывод: согласно Оригену, стоики учат о циклической смене всей космической структуры, состоящей из неба и земли, а не только о циклизме земных событий, как Цельс.

Понимаемое только в смысле земного циклизма, учение Цельса прекрасно согласуется с тем вариантом доктрины «вечного возвращения», который в С. Cels. 5. 21 обозначается как платонико-пифагорейский. Здесь Ориген прежде всего отмечает, что в отличие от стоиков платоники и пифагорейцы отстаивают тезис о вечном существовании мира в будущем (οἱ ἀπὸ τοῦ Πυθαγόρου καὶ Πλάτωνος... δοκοῦσιν ἀφθαρτον τηρεῖν τὸν κόσμον). Это соответствует одной из частей того высказывания Цельса, которое цитируется Оригеном в С. Cels. 4. 79: ἀγενήτου ὄντος τοῦ κόσμου καὶ ἀφθάρτου («мир безначален и нетленен»). Далее Ориген формулирует еще одно положение платонико-пифагорейской космологии, находящее параллели у Цельса: Τῶν γὰρ ἀστέρων κατὰ τινὰς περιόδους τεταγμένας τοὺς αὐτοὺς σχηματισμοὺς καὶ σχέσεις πρὸς ἀλλήλους λαμβανόντων, πάντα ἐπὶ γῆς ὁμοίως ἔχειν φασὶ τοῖς ὅτε τὸ αὐτὸ σχῆμα τῆς σχέσεως τῶν ἀστέρων περιεῖχεν ὁ κόσμος. («Из-за того, что через некоторые установленные периоды звезды находятся в одинаковом положении

³⁵ Ср. SVF II. 613, 1064.

и соотношении друг с другом, на земле все происходит подобно тому, как было, когда мир содержал в себе то же самое взаимное расположение звезд»). Во-первых, отсюда явствует, что и в данном случае смена идентичных циклов касается лишь земных событий, но не охватывает космос в целом³⁶, т.е. πάντα ἐπὶ γῆς ὁμοίως ἔχειν является еще одной параллелью к μόνην τὴν θηητῶν περίουδον в С. Cels. 4. 68 и μόνων ἐπὶ γῆς κατακλυσμοὺς καὶ ἐκπυρώσεις πασχόντων в С. Cels. 4. 79. Во-вторых, здесь вводится новый момент, а именно – учение об астрологическом детерминизме, который и определяет циклический повтор земной жизни: поскольку звезды периодически занимают одинаковые положения друг относительно друга, периодически воспроизводятся и все события, уже имевшие место при аналогичном расположении звезд в прошлом. В разбираемом нами отрывке из С. Cels. 4. 68 ничего не сказано об отношении Цельса к вопросу о влиянии звезд на циклический процесс. Зато это влияние упоминается в цитате из Цельса, приводимой Оригеном в С. Cels. 4. 11: «Они (т.е. христиане. – А.С.) слышали... что в течение продолжительных циклов времени, по мере сближения и расхождения звезд, случаются мировые пожары и потопа (κατὰ χρόνων μακρῶν κύκλους καὶ ἐπανόδους τε καὶ συνόδους ἐκπυρώσεις καὶ ἐπικλύσεις συμβαίνουσι)... Это побудило их на основании ложного понимания утверждать, что Бог сойдет, неся с собою очистительный огонь возмездия»³⁷. Здесь Цельс только упоминает эту концепцию, приводя ее не от своего имени, но представляя как общее достояние эллинской и варварской культурной традиции, которое было ложно истолковано христианами. Тем самым общий контекст этого упоминания предполагает скорее позитивное отношение к самой идее периодических пожаров и потоков, мотивированных астрологическим циклизмом, ведь здесь ложному христианскому пониманию мировых катастроф противопоставляется правильное эллинское (или даже варварское, но нехристианское). Важно также, что Цельс упоминает здесь не только мировые пожары, но и потопа (ἐπικλύσεις), как он это делает и в С. Cels. 4. 79 (κατακλυσμοὺς καὶ ἐκπυρώσεις πασχόντων). Идея периодического потопа, который был бы столь же масштабен по своим последствиям, как и экпирисис, изначально чужда стоической космологии³⁸, что и неудивительно, если речь идет не только о земных катастрофах, но о разрушении всего миропорядка, включая небо и небесные светила. Зато концепция Великого Года, имеющая восточные корни и воспринятая, к примеру, Сенекой из сочинений халдея Бероза (Quaest. nat. III. 28–29)³⁹, но в то же время находившая параллели в самой античной традиции (начиная с известного места в «Тимее», 39d), предполагала равноправное чередование потока и пожара именно потому, что речь шла о земных катастрофах, не распространяющихся на такую часть космоса, как небо, но зато причины детерминированных как раз движением небесных светил.

В целом, существенных противоречий между «вечным возвращением» по Цельсу (4.67) и платонико-пифагорейским вариантом той же идеи (5.21) в изложении Оригена найти нельзя. Но они имеют ряд одинаковых признаков, а в тех случаях, когда соответствия между идеями Цельса и платонико-пифагорейским вариантом не выражены в тексте столь уж явно и отчетливо, эти идеи все же достаточно удачно взаимодополняют друг друга и складываются в непротиворечивую картину. Поэтому вряд ли стоит искать в космологических построениях Цельса какого-то своеобразия. В том что касается идеи «вечного возвращения» он, как и во многих других отношениях, на-

³⁶ Можно сказать, что циклизм распространяется и на небо, поскольку небесные светила совершают циклическое вращение, но смены космических циклов, подразумевающей разрушение всей космической структуры и ее последующее восстановление, здесь найти нельзя. Речь фактически идет о двух параллельных циклических процессах в одной и той же, несменяемой космической структуре, причем один из этих процессов (астрономический циклизм) детерминирует другой (циклизм земных событий).

³⁷ Перевод А.Б. Рановича. См., Ранович. Ук. соч. С. 291.

³⁸ Ср. Pohlenz M. Die Stoa. Bd 2. Göttingen, 1972. S. 47: Eine allgemeine, der Ekpyrosis parallele Sintflut, die ganze Welt vernichtet, hat die alte Stoa nicht gelehrt.

³⁹ Ср. Pohlenz M. Op. cit.; Duhem P. Le système du monde. T. 1. P., 1914. P. 67, 72–73.

ходится в русле платонической традиции. Общее содержание космологической концепции, вкладываемой Оригеном то в уста Цельса, то в уста платоников и пифагорейцев, можно подытожить следующим образом: 1) мир вечен, т.е. представляет собой стабильную несменяемую структуру; 2) циклическая смена событий распространяется только на земную жизнь; 3) следовательно, и космические катастрофы, всемирные потопа и пожары, имеют отношение только к земному пространству; 4) причина циклического повтора земных событий – астрологическая детерминированность.

Стоики же, если судить по С. Cels. 4.67–68 и С. Cels. 5. 20–21, напротив, учили о том, что 1) мир не вечен, а подвержен гибели; 2) циклическая смена идентичных космических периодов распространяется на весь мир в целом, а не только на земное пространство; 3) то же самое относится к экипирисису. Особо нужно подчеркнуть, что в стоической доктрине, как она представлена в этих местах у Оригена, 4) говорится только о мировом пожаре, но не упоминается о потопах, а кроме того, 5) никак не упоминается и астрологический детерминизм.

Были ли у Оригена действительно серьезные основания, чтобы проводить четкое различие между стоическим и платонико-пифагорейским циклизмом – такие основания, которые коренились бы в общем контексте стоической космологии? Так ли на самом деле несовместимы эти два космологических учения? Против такого предположения есть один существенный аргумент. Свидетельство Немесия (De nat. hom. 38 = SVF II. 625) никак не согласуется с предполагаемым нами у Оригена пониманием стоической доктрины. Согласно Немесию, «стоики говорят, что по восстановлению планет (ἀποκαθίσταμένους τοὺς πλανήτας...) в тот же знак по долготе и ширине, в котором каждая из них была в начале, как только произошел мир, они в определенные периоды времени произведут сожжение и разрушение всего существующего (ἐν ῥηταῖς χρόνῳ περιόδοις ἐκπύρωσιν καὶ φθορὰν ἀπεργάζεσθαι) и опять сначала восстановят мир в то же самое состояние; и поскольку звезды снова будут двигаться подобным образом, то неизменно произойдет все, что было в предшествующий период»⁴⁰. Здесь стоикам совершенно отчетливо приписывается концепция астрологического детерминизма, причем касающегося не только событий совершающихся в пределах одного космического цикла, но и экипирисиса, отделяющего один цикл от другого: планеты производят (ἀπεργάζεσθαι) экипирисис. Этот тезис никак нельзя согласовать с только что предложенной версией стоической космологии. Если небесные светила с точки зрения стоиков сами подвержены экипирисису, то они не могут его детерминировать. Изображаемая Немесием картина выглядит логично только тогда, когда речь идет об экипирисисе, затрагивающем лишь земное пространство, но не охватывающем небо и небесные светила, а это, как мы видели, есть элемент платонико-пифагорейской, а не стоической концепции циклизма. Замечательно, что несколько ниже по тексту своего описания стоической доктрины Немесий однозначно говорит о неподверженности «богов» гибели в мировом пожаре (τοὺς δὲ θεοὺς τοὺς μὴ ὑποκειμένους τῇ φθορᾷ ταύτῃ), что прямо противоречит уже упоминавшемуся хорошо засвидетельствованному учению Хрисиппа, но зато согласуется с платоническим благочестием в духе Филона.

Думается, что к свидетельству Немесия нужно относиться весьма осторожно. Во-первых, оно вступает в противоречие не только с предложенной нами интерпретацией текста Оригена, но и с тем фактом, что весь механизм экипирисиса, если верить описанию подавляющего большинства стоических источников, объясняется отнюдь не астрологическим детерминизмом, а стоической теорией стихий (SVF I. 98, 102). Общая суть этого механизма сводится к нарушению равновесия между четырьмя основными элементами (SVF II. 505, 598, 616), которое царит в промежутках между космическими катастрофами, и возобладанию одного элемента – стихии огня, поглощающей в себя все мировое целое (например, SVF I. 107; II. 598, 600, 601, 616 и др.). Цицерон (De nat. deor. II. 46) хотя и связывает нарушение равновесия элементов с деятельностью звезд,

⁴⁰ Перевод Ф.С. Владимирского. См. Немесий Эмесский. О природе человека. М., 1996. С. 165.

имеет в виду вовсе не периодичность их вращения, а постепенное поглощение ими влажных испарений⁴¹: когда вся влага поглощена (*umore consumpto*), весь мир возгорается (*omnis mundus ignesceret*). На этом фоне свидетельство Немесия выглядит как странное исключение. Поэтому трудно согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые выделяют этот фрагмент как важную характеристику астрологического аспекта стоической теории циклизма⁴². Скорее можно присоединиться к мнению М. Поленца, усматривавшего в нем платоническое влияние⁴³. Последнее предположение кажется весьма уместным, если вспомнить, что экскурс в стоическую космологию предпринимается Немесием в контексте обсуждения платонического понимания фатума. Кроме того, нельзя не видеть, как хорошо согласуются многочисленные детали излагаемой Немесием доктрины именно с той концепцией, которую Ориген приписывает платоникам и пифагорейцам. Все эти аргументы свидетельствуют, что Немесий скорее всего воспринимал стоическую идею «вечного возвращения» сквозь призму похожих, но далеко не идентичных идей платонического происхождения.

Вероятно, для этого были некоторые объективные основания в эволюции самой стоической доктрины. Если экипирисис с аутентично стоической точки зрения и не может быть детерминирован положением светил, так как уничтожает сами эти светила, то это не означает, что всякое применение идеи астрологического детерминизма к стоической космологии должно быть отвергнуто. Стоики, как известно, в целом разделяли мнение, согласно которому небесные светила не только обозначают (*σημαίνειν*) будущие события, но и производят (*ποιεῖν*) их⁴⁴. Впрочем, изначально это противопоставление звезд как причин и звезд как знаков использовалось в астрометеорологическом смысле и лишь позже стало применяться к астрологии как таковой⁴⁵. С другой стороны, тенденция к отрицанию тотального экипирисиса, проявившаяся, как мы видели, у некоторых представителей Средней Стои, также могла способствовать тому, что элементы других циклических теорий, а именно платонико-пифагорейской и халдейской, проникали в стоическую традицию. Результат этого процесса отчетливо запечатлен у Сенеки, который, принимая астрологический детерминизм (*De cons. ad Marc. 18; De prov. 5. 7*), сочувственно излагает уже упоминавшуюся теорию Бероза, предполагавшую, что и экипирисис, приобретающий в этом случае частичный характер, детерминирован как раз положением светил (*Quaest. nat. III. 28–29*)⁴⁶.

Та версия стоической космологии, которую предлагает Немесий, не лишена, как видим, всякого основания. Но она представляет как главный и единственный тот вариант стоической доктрины, который на самом деле был вторичен и восходил не к аутентично стоическим истокам, а к влиянию, которому стоицизм подвергался со стороны других доктрин. В аутентичном же стоицизме астрологический детерминизм

⁴¹ Ср. мнение Хрисиппа у Плутарха (*De Stoic. repugn. 1052b – c = SVF II. 1068*).

⁴² *Goldschmidt V. Le système stoïcien et l'idée de temps. P., 1953. P. 188.*

⁴³ *Pohlentz M. Op. cit. Bd 2. S. 44: Das grosse Weltjahr durch Rückkehr derselben Gestirnstellung ist freilich wohl erst durch Erinnerung an Plato, Tim. 39d hereingekommen.*

⁴⁴ См. *Pfeiffer E. Studien zum antiken Sternnglauben. Lpz, 1916. S. 69–70; Amand D. Fatalisme et liberté dans l'antiquité grecque. Louvain, 1945. P. 160, n. 3. Самое яркое исключение представляет собой Панетий (Ibid.; ср. также *Rist J.M. The Stoic philosophy. Camb., 1969. P. 177*), однозначно склонявшийся в пользу *σημαίνειν*.*

⁴⁵ *Amand. Op. cit.*

⁴⁶ Вероятно, такого рода внедрением платонико-пифагорейских и халдейских концепций в стоическую космологию можно объяснить и *SVF II. 608*, где стоикам приписывается учение о чередовании пожаров и потоков. Ср. также фрагмент *SVF II. 1174*, на основании которого Поленц полагал, что уже Хрисипп отличал земные пожары и потоки как частичные катастрофы от тотального экипирисиса, принимая, тем самым, и то, и другое (*Pohlentz M. Op. cit. Bd 2. S. 47*). Этот фрагмент, впрочем, представляет собой отрывок как раз из Оригена, причем из места, близкого к разбираемому (*C. Cels. 4. 64*). Прямой атрибуции учения о пожарах и потоках именно Хрисиппу, да и стоикам вообще в нем нет. То же следует сказать и о полемическом упоминании Оригеном взаимосвязи пожаров и потоков с астральными периодами в *C. Cels. 4. 12 (SVF II. 628)*. С другой стороны, ср. *SVF II. 598*, где говорится, что одни стоики утверждают тотальный экипирисис, а другие – частичный.

хотя и допустим в качестве составного элемента учения, но никак не может претендовать на роль основной причины цикличности мирового процесса⁴⁷, как раз потому, что смена циклов осуществляется посредством тотального эмпирозиса, а последний в свою очередь объясняется через теорию стихий. Ориген, проводя различие между $\mu\acute{o}\nu\eta\ \eta\ \tau\acute{\omega}\nu\ \tau\acute{\omega}\nu\ \theta\eta\eta\tau\acute{\omega}\nu\ \text{per}\acute{i}\omicron\delta\omicron\varsigma$ и $\kappa\alpha\iota\ \eta\ \tau\acute{\omega}\nu\ \acute{\alpha}\theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \kappa\alpha\tau'\acute{\alpha}\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \theta\epsilon\acute{\omega}\nu$, в отличие от Немесия формулирует изначальный вариант стоического циклизма, незамутненный платонико-пифагорейскими вкраплениями.

Предложенное истолкование сути различия между двумя разновидностями концепции «вечного возвращения», которые представлены в тексте тракта С. Cels, косвенно подтверждается замечанием Августина, в двенадцатой книге *De civ. Dei* тоже обращавшегося в критике циклической космологии: *Philosophi mundi huius... circuitus temporum inducerent, quibus eadem semper fuisse renovata atque repetita in rerum natura, atque ita deinceps fore sine cessatione asseverarent volumina venientium praetereuntiumque saeculorum: sive in mundo permanente isti circuitus fierent, sive certis intervallis oriens et occidens mundus cadem semper quasi nova, quae transacta et quae ventura sunt, exhiberet* (XII. 13.1 – «Философы этого мира... вводили круговороты времен, в течение которых, по их утверждению, в природе вещей всегда возобновлялось и повторялось одно и то же, да и в дальнейшем круговращения наступающих и проходящих веков не будут иметь конца: происходят ли эти круговороты в *пребывающем мире*, либо *мир, возникая и уничтожаясь* через установленные промежутки, всегда воспроизводит, словно нечто новое, то же, что уже прошло и еще наступит») ⁴⁸. К сожалению, Августин ничего не говорит о том, какой именно философской школе принадлежит каждый из упоминаемых им вариантов циклизма. При этом оба этих варианта явно подразумевают «вечное возвращение» в строгом смысле, т.е. бесконечность циклов (*semper, sine cessatione*) и их идентичность (*eadem*). Но в одном случае это «вечное возвращение» осуществляется *in mundo permanente*, т.е. в стабильном, несменяемом миропорядке, а в другом случае происходит периодическая замена одной космической структуры на другую, весь мир в целом то возникает, то гибнет (*oriens et occidens mundus*). В свете всего вышесказанного первую формулировку Августина естественно соотнести с той концепцией циклизма, которая у Оригена приписывается платоникам, пифагорейцам и Цельсу ($\mu\acute{o}\nu\eta\ \eta\ \tau\acute{\omega}\nu\ \theta\eta\eta\tau\acute{\omega}\nu\ \text{per}\acute{i}\omicron\delta\omicron\varsigma$), а вторая явно очень удачно соответствует стоическому варианту ($\eta\ \tau\acute{\omega}\nu\ \theta\eta\eta\tau\acute{\omega}\nu\ \text{per}\acute{i}\omicron\delta\omicron\varsigma\ +\ \eta\ \tau\acute{\omega}\nu\ \acute{\alpha}\theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \kappa\alpha\tau'\acute{\alpha}\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \theta\epsilon\acute{\omega}\nu\ \langle\text{per}\acute{i}\omicron\delta\omicron\varsigma\rangle$). Августин совершенно отчетливо и осознанно формулирует то самое различие между циклизмом в пределах одного миропорядка и циклизмом, заменяющим один миропорядок на другой, которое в тексте Оригена нужно еще расшифровывать, опираясь при этом как на контекст самого трактата С. Cels., так и на общий контекст стоической космологии.

Критика Оригеном идеи «вечного возвращения».

Выше уже упоминался основной мотив оригеновской критики этой идеи – ее несовместимость со свободой воли. В *De princ.* 2.3.4, проиллюстрировав концепцию «вечного возвращения» примерами из иудео-христианской традиции (см. выше с. 56),

⁴⁷ К такому выводу приходит, например, Моро, см. *Moreau M.J. L'Ame du monde de Platon aux Stoiciens*. P., 1939; *La périodicité astronomique... ne saurait, à notre avis, constituer le fondement du fatalisme stoïcien* (цит. по *Goldschmidt V. Op. cit.*). Да и сам Гольдшмидт признает, наряду с астрологическим детерминизмом, во всяком случае не меньшую роль такого фактора как «органическая жизнь» вселенной: *Le grand mouvement périodique... se defenit tout autant que par les révolutions astrales, par la vie organique de se Vivant, qu'est l'Univers* (*Goldschmidt V. Op. cit.* P. 187).

⁴⁸ Ср. XII. 17. 1: *Necesse est, inquit, eadem semper repeti, eademque semper repetenda transcurrere: vel manente mundo mutabiliter, qui licet nunquam non fuerit et sine initio temporis tamen factus est; vel eius quoque ortu et occasu semper lillis circuitibus repetio semperque repetendo.* («Необходимо, говорят они, чтобы одно и то же всегда повторялось и всегда проходило, чтобы повториться вновь: либо посредством изменения в *пребывающем мире*, который, хотя был всегда и не имел начала во времени, все же был создан, либо посредством также и его [т.е. мира] *возникновения и гибели*, которые всегда повторялись и всегда будут повторяться через известные периоды»).

Ориген оценивает ее следующим образом: *Quod non puto ratione aliqua posse firmari, si arbitrii libertate aguntur animae et vel profectus suos vel decessus pro voluntations suae sustinent potestate.* («Я не думаю, что это может быть как-либо разумно обосновано, если души управляются свободой произволения и претерпевают как совершенствование, так и падение в соответствии с силой своей воли»). И далее следует уже приводившаяся (с. 55) фраза, прямо противопоставляющая циклический детерминизм принципу свободной воли: *Non enim cursu aliquo in eosdem se circulos post multa saecula revolvente aguntur animae, ut hoc aut illud vel agant vel cupiant, sed quocumque proprii ingenii libertas intenderit, illo gestorum suorum dirigunt cursum.* В С. Cels. 4.67 формулируется схожая позиция. Приведа мнение Цельса, в соответствии с которым «согласно установленным циклам одно и то же с необходимостью всегда было, есть и будет» (κατὰ τὰς τεταγμένας ἀνακυκλήσεις ἀνάγκη τὰ αὐτὰ αἰεὶ καὶ γεγονέναι καὶ εἶναι καὶ ἔσεσθαι), Ориген заявляет: если бы это было правдой, не было бы свободы воли (ὅπερ ἔάν ἡ ἀληθὲς τὸ ἐφ' ἡμῖν ἀνῆρηται). И несколько ниже, после очередных примеров повторяющихся событий, вновь воспроизводит тот же тезис в более развернутом виде: ἄπερ ἔάν δοθῆ, οὐκ οἶδ' ὅπως τὸ ἐφ' ἡμῖν σωθήσεται καὶ ἔπαινοι καὶ ψόγοι εὐλόγως ἔσονται. («Если бы это было так, я не знаю, каким образом была бы сохранена свобода и разумные основания для похвал и порицаний»). Наконец, в С. Cels. 5.21, платонико-пифагорейской концепции астрологического детерминизма, согласно которой периодический повтор земных событий обусловлен снова и снова повторяющимся взаимным расположением небесных светил (τῆς σχέσεως τῶν ἀστέρων), Ориген противопоставляет расположение множества индивидуальных свободных волей (τῆς σχέσεως τῶν ἐφ' ἡμῖν ἐκάστου), учитываемое Богом при управлении универсумом. Как можно видеть, аргументация, сохранившаяся в латинском переводе De princ., в этой своей части прекрасно подтверждается данными греческого текста С. Cels. В одном случае заметна и схожая мотивация, исходя из которой Ориген отстаивает свободу воли.

В самом деле, если приглядеться, то становится очевидным, что никаких содержательных аргументов в пользу свободы воли Ориген не приводит. Он не считает нужным *доказывать* объективную истинность человеческой свободы как таковую. Скорее свобода воли выступает у него в роли заведомо принятой предпосылки, простое несоответствие которой означает в его глазах самоочевидную ложность любой детерминистской концепции. Мотивы, которые заставляют Оригена быть сторонником свободы воли, носят характер не столько объективных философских доводов, сколько ценностного предпочтения. Только свобода воли делает возможной адекватную моральную оценку, как положительную (ἔπαινοι), так и отрицательную (ψόγοι), а иначе для нее не было бы никаких разумных (εὐλόγως) оснований⁴⁹. Точно так же и в De princ. 2.3.4 смысл утверждения о том, что «души управляются свободой произволения» (arbitrii libertate aguntur animae), конкретизируется указанием на зависимость и положительного, и отрицательного развития их судьбы, т.е. и совершенствования (profectus), и падения (decessus), от силы их собственной воли. Таким образом, свобода воли важна для Оригена не сама по себе, а как необходимое условие, делающее возможной объективную моральную оценку и упорядоченное в соответствии с такой оценкой иерархическое соотношение духовных существ в управляемом Богом мире.

Однако, в De princ. 2.3.4 есть еще один момент, который не находит себе прямых аналогий в тексте С. Cels. Здесь не просто отрицается идея множественности идентичных мировых циклов, но и предлагается альтернативная концепция: *Mihi impossibile videtur eodem ordine... quid secundo posse reparari; sed inmutationibus non minimis diversos posse mundos existere, ita ut pro manifestis quibusque causis melior status sit alterius*

⁴⁹ Так называемый «моральный аргумент», ко времени Оригена ставший уже вполне стандартным. Практически в тех же выражениях полемизирует с детерминистскими теориями Климент Александрийский (Clem. Strom. 1.83.5; 4.153. 1–2). Такая аргументация восходит еще к антистоической полемике Карнеада, оказавшей влияние на всю позднейшую традицию (см. *Amand. Op. cit.* P. 41, 62–63; об Оригене – p. 275–325, об использовании им «морального аргумента» особенно p. 318–325).

mundi et pro aliis inferior et pro aliis medius quidam status. («Мне кажется невероятным, чтобы что-нибудь могло возникнуть во второй раз в том же порядке... но могут существовать различные миры со значительными изменениями, так что, по каким-либо [одним] ясным причинам, состояние одного мира бывает лучше, чем другого, по другим [причинам] – хуже, по третьим [причинам бывает] некое среднее состояние».) Эта фраза может служить особенно наглядным подтверждением уже высказывавшегося выше (с. 54 и 60) тезиса: напрямую Ориген оспаривает только «вечное возвращение» в строгом смысле, т.е. идею идентичности космических циклов, но не саму идею их множественности. Если эта гипотеза была бы так уж чужда ему, он имел неоднократно возможность высказаться против нее, как в данном параграфе De princ., так и в аналогичных по тематике параграфах из С. Cels. Но он этого не делает, а в De princ. 2.3.4 сам допускает возможность существования множественности сменяющих друг друга, но различных миров (*diversos posse mundos existere*). Причем на этом примере как раз хорошо видно, как трудно втиснуть в конкретный отрывок оригеновского текста вышеизложенное (с. 52) альтернативное понимание множественности миров, предлагаемое Крузелем. Невозможно предположить, что под «различными мирами» в данном случае имеются в виду мир архетипов творения в Логосе, мир предсуществующих духовных существ, мир актуального творения и будущий мир блаженства. Оригеновский текст, хотя и говорит о различиях между мирами, предполагает в то же время, что речь идет не о столь принципиально разных понятиях. Наоборот, он скорее подразумевает явления одного порядка, благодаря чему и оказывается возможным сравнивать status одного мира с другим. Наконец, решающее обстоятельство, делающее альтернативу Крузеля в данном месте невысказанной, скрыто во фразе, непосредственно следующей за процитированной и замыкающей собой рассматриваемый параграф: *Qui autem vel numerus vel modus hic sit, ego me nescire fateor. Si qui autem posset ostendere, libentius discerem.* («Каково же число или способ [существования миров], мне, признаюсь, неизвестно. Если бы кто-нибудь мог это [мне] открыть, я бы охотно поучился».) Здесь Ориген прямо утверждает численную неопределенность множества допустимых с его точки зрения «различных миров». Если бы он имел в виду тот вариант, который предлагает Крузель, то должен был бы ограничиться четырьмя «мирами». Стало быть, остается задать еще один вопрос: имеем ли мы здесь дело «всего лишь» с гипотезой, а не с категорически выраженным убеждением Оригена? Разумеется, да. В последней приведенной цитате Ориген сам свидетельствует, что в концепции множественности мировых циклов для него остается много неясностей. Уже поэтому она не могла преподноситься им как истина в последней инстанции. Кстати говоря, как раз личностный тон последней фразы De princ. 2.3.4 (*libentius discerem*), к тому же служащий прекрасной иллюстрацией к тезису Крузеля об оригеновском богословии как «теологии в поиске»⁵⁰, сообщает большую степень достоверности латинскому переводу Руфина в данном месте. Скорее всего Руфин весьма точно передал интеллектуальный азарт Оригена в вопросе о множественности миров. А стало быть, и конкретный повод для этого азарта – численная неопределенность мировых циклов – должен был иметь место в оригинальном греческом тексте.

Таким образом, общий вывод, который можно сделать из оригеновской критики как стоической, так и платонико-пифагорейской доктрины «вечного возвращения», заключается в том, что сам факт этой полемики как таковой несколько не противоречит возможному наличию гипотезы космологического циклизма в текстах Оригена. Напротив, весьма показательно то обстоятельство, что нигде в указанных местах Ориген не высказывается против множественности миров *sensu stricto*, а отрицает лишь их идентичность. Это доказывает, что идея цикличности сама по себе не вызвала у него непосредственного протеста. С другой стороны, из этого же становится видно, что античные циклические теории несколько не могли повлиять на космологию

⁵⁰ *Origène. Traité des principes. T. I. Introduction. P. 48.*

Оригена. Если он и допускал гипотезу множественности миров, то в любом случае делал это, исходя из совершенно других мотивов. Моральный аргумент, выдвигаемый им против связанного с «вечным возвращением» детерминизма, приобретает здесь, несмотря на свою стандартность, особое значение. Понятие свободы воли не ограничивается для Оригена рамками этики или психологии, но превращается в фундаментальный космологический принцип. Именно свобода разумных духовных существ обуславливает их падение из первоначального, чисто духовного состояния, в результате чего и возникает материальный космос. Именно свобода, по мысли Оригена, обеспечивает возможность апокатастасиса, понимаемого как восстановление падших душ. Наконец, именно неотъемлемость их свободы позволяет задать вопрос: не произойдет ли после этого восстановления нового падения?⁵¹ Следовательно, именно решительное утверждение свободы воли, выдвигаемое Оригеном как основной аргумент против античных концепций космологического циклизма, стало одной из главных логических предпосылок, заставлявших его в рамках собственной космологии неоднократно возвращаться к обсуждению гипотезы множественности миров.

ORIGEN AND THE STOIC CONCEPT OF ETERNAL RECURRENCE

(De princ. 2.3.4 u C. Cels. 4. 67–68; 5. 20–21)

A.V. Seryogin

The article is devoted to Origen's polemics with the Stoic concept of eternal recurrence. Analysing the relevant passages from *Contra Celsum* and *De principiis* the author evaluates the importance of this controversy for the understanding of Origen's own hypothesis of successive worlds. He also demonstrates first-rate importance of Origen's texts as sources for the study of Stoic cosmology, whose general context proves, as the author believes, the authenticity of the difference Origen sees between Stoic and Platonic-Pythagorean cyclism concepts.

---

⁵¹ Cp. Daniélou. Op. cit. P. 281.

© 2001 г.

В.А. Гаибов, Г.А. Кошеленко

БУЛЛЫ ИЗ РАСКОПОК ГЕБЕКЛЫ-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН)

Городище Гебеклы-депе расположено в северо-западной части Мервского оазиса, примерно в 35 км к северо-востоку от центра Марыйского велаята Туркменистана – города Мары – и примерно на таком же расстоянии к северо-западу от города Байрам-Али. Оно исследуется (с небольшими перерывами) с 1981 г. совместной экспедицией Института археологии РАН и Туркменского государственного университета им. Махтумкули. В первые годы в этих работах принимали участие также сотрудники и студенты МГУ им. М.В. Ломоносова¹.

В настоящее время установлено, что памятник пережил три периода своего существования. Поселение возникло в период Яз II. В это время оно, видимо, представляло собой небольшую укрепленную усадьбу рядом с центром оазиса того времени – городищем Яз-депе. Жизнь здесь прекращается вскоре после походов Александра Македонского².

Возрождение поселения приходится на I век до н.э., после того как Мервский оазис (Маргиана) входит в состав Парфянского царства. В этот период происходит значительное расширение освоенной человеком территории региона, особенно в северной части. При парфиянах вновь осваивается значительная часть тех земель, которые были покинуты в начале эллинистической эпохи. Освоение этих земель идет путем создания новых ирригационных систем и строительства укрепленных населенных пунктов³. Гебеклы-депе, видимо, можно считать одним из типичных результатов этой новой политики государства. Именно тогда Гебеклы-депе приобрело те особенности планировки, которые видны и сегодня, – оно представляет собой квадрат (100 × 100 м), ориентированный примерно по сторонам света, выполненный из мощных сырцовых стен с проходом в середине южной стороны. Внутри стен на высокой платформе (забутованных остатках «язовской» усадьбы) расположен центральный комплекс (своего рода арк), возвышающийся над стенами.

Значительные изменения происходят здесь в раннесасанидское время: полностью перестраиваются укрепления, центральное здание забутовывается и на созданной таким образом платформе строится новое здание совершенно уникального плана – в центре его располагалась монолитная шестиугольная платформа, окруженная узким обводным коридором, за которым находились жилые и хозяйственные помещения.

Жизнь на городище прекращается (в результате сильного пожара) в конце IV в. н.э.

¹ Подробнее о раскопках Гебеклы-депе в предшествующее время см. *Губаев А., Кошеленко Г., Новиков С.* Археологические исследования в Мервском оазисе // ВДИ. 1990. № 3; *Gubaev A., Koshelenko G., Novikov S.* Archaeological Exploration of the Merv Oasis // Mesopotamia. 1990. XXV. Firenze, 1991. P. 51–60.

² *Новиков С.В., Новикова О.Г., Кошеленко Г.А.* Слои эпохи Яз III на Гебеклы-депе // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 6. С. 69–76.

³ *Кошеленко Г.А., Губаев А.Г., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Мервский оазис: динамика систем расселения и ирригация // ВДИ. 1994. № 4. С. 78–91; *они же.* Системы расселения и ирригации в Мервском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья. М., 1995.

Об этом свидетельствуют как обнаруженные здесь монеты⁴, так и тот факт, что построенная в конце сасанидского периода стена, окружавшая оазис и сохранившаяся в настоящее время почти на всем ее протяжении (за исключением южной части), проходит южнее руин данного поселения. При этом район Гебеклы, включая сам памятник, остается за пределами пространства, окруженного стеной⁵.

Все последние годы экспедиция постепенно вскрывает большое по размерам здание парфянского времени. Оно представляет собой примерно квадрат размерами около 45 × 45 м (рис. 1)⁶. Ядром его является жилая часть, состоящая из пяти комнат с коридором, разделяющим их на два блока. Жилая часть отделяется обводным коридором, за которым по периметру располагаются помещения, имеющие и жилое и хозяйственное назначение. В настоящее время осталась не вскрытой раскопками только самая южная часть этого периметра.

В ходе раскопок было получено значительное количество находок: керамика, монеты, терракотовые статуэтки (некоторые из них уникальны), изделия из резной кости и др. Особый интерес вызывает бронзовая курильница (фимиатерий), аналогии которой (4 экземпляра) на сегодняшний день известны на таких памятниках, как Сурх-Котал, Беграм и Таксила⁷.

В данной работе (с соответствии с темой дискуссии) предметом рассмотрения будет другая уникальная категория находок с Гебеклы-депе – буллы парфянского времени⁸. Буллы представляют собой комья глины различных размеров, на которые с помощью печатей наносились оттиски. Термин «буллы» мы применяем, следуя расширительному его толкованию, использованному для данной категории находок Р. Геблем⁹.

Необходимо указать, что в Центральноеазиатском регионе до сего времени буллы являются достаточно редкой категорией находок. Можно указать только на находки булл античного и раннесредневекового времени на Старой Нисе¹⁰, в Канке¹¹, Еркургане¹², Ак-депе¹³, Пайкенде¹⁴, Джига-тепе¹⁵, Пянджикенте¹⁶. Кроме того,

⁴ Кошеленко Г.А., Никитин А.Б. Монетные находки и проблемы стратиграфии Гебеклы-депе // Бюлл. МАИКЦА. Вып. 18. М., 1991. С. 5–18.

⁵ Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Walls of Margiana // In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / Ed. A. Invernizzi. Torino, 1995. P. 39–50.

⁶ Рисунки выполнены А.А. Наумовым.

⁷ Подробнее об этой находке см. Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Фимиатерий из раскопок Гебеклы-депе // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. Москва – Магнитогорск, 1999. С. 383–388.

⁸ Предварительные сообщения см. Кошеленко Г., Бадер А., Гаибов В. Парфянские буллы из раскопок Гебеклы-депе // Бюлл. МАИКЦА. Вып. 18. М., 1991. С. 5–18; Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. New Evidence on Parthian Sphragistics. Bullae from the Excavations of Göbekly-depe in Margiana // Mesopotamia. 1990. XXV. Firenze, 1991. P. 61–78.

⁹ Göbl R. Die Tonbullen vom Takht-i Suleiman. Ein Beitrag zur spätsasanidischen Sphragistik. В., 1976. S. 9–10. Иное мнение (четкое различие между bullae и sealing) см. Frye R.N. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seals, Sealings and Coins. Camb. Mass., 1973; *idem*. Sasanian and Central Asian Sealings // Archives et sceaux du monde hellénistique // Ed. M.-F. Boussac et A. Invernizzi (ВСН. Suppl. 29). P., 1997. P. 409–412.

¹⁰ Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Оттиски печатей из Нисы // ВДИ. 1954. № 4; Дьяконов М.М. Надписи на парфянских печатях из древней Нисы // ВДИ. 1954. № 4; Никитин А.Б. Парфянские надписи на буллах из Старой Нисы // Археологические вести. СПб., 1993. С. 103–106; Bader A. Little Known Materials of Parthian Sphragistics and Epigraphy. Sealing from Old Nisa, Turkmenistan // Archives et sceaux... P. 395–404.

¹¹ Bogomolov G.I., Burjakov Ju.F. Sealings from Kanka // In the Land of Gryphons... P. 217–239.

¹² Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984. С. 69. Рис. 30.

¹³ Губаев А., Лелеков Л. Буллы сасанидского периода из Ак-депе // Каракумские древности. Вып. 3. Ашхабад, 1970; Губаев А. Сасанидские буллы из замка Ак-депе // Эпиграфика Востока. 1971. 20; Лукоцин В.Г. По поводу булл из Ак-депе // Там же.

¹⁴ Семенов Г.Л. Сокровищница в Пайкенде // Древние геммы и камни Востока. Тез. докл. конф. М., 1999. С. 21–22.

¹⁵ Кругликова И.Т. Буллы из Джига-тепе // Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984.

¹⁶ Насколько нам известно, еще не опубликованы.

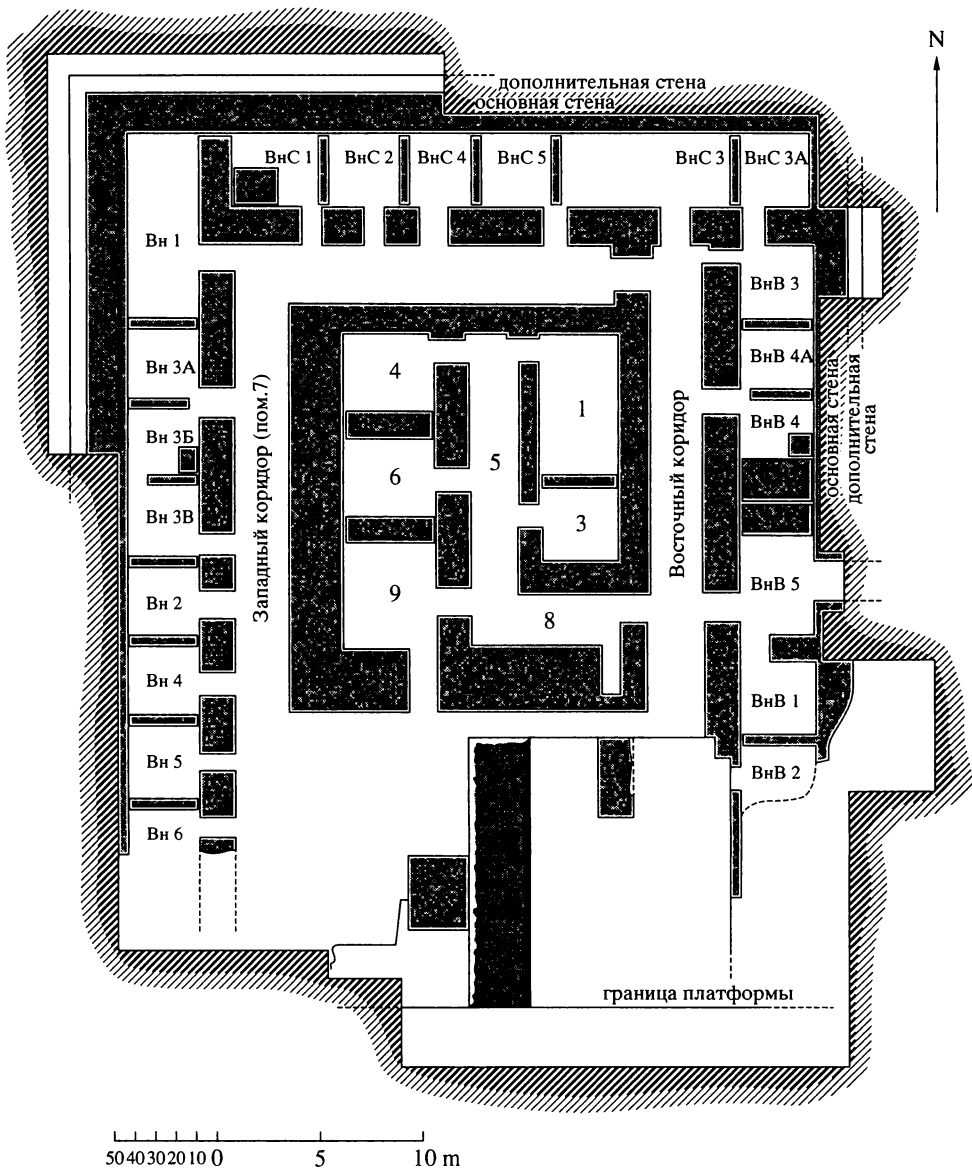

Рис. 1. Гебеклы-депе. Раскоп I. Генеральный план

ни один из упомянутых памятников не дает такого количества булл, как Гебеклы-депе.

Всего на сегодняшний день на Гебеклы-депе обнаружено свыше 3000 фрагментированных и целых экземпляров булл. Основная часть их найдена в северном и западном обводных коридорах, некоторое количество – и в других периферийных помещениях здания (особенно много в помещении Вн1). Обращает на себя особое внимание тот факт, что в центральном – жилом – комплексе не было обнаружено ни одной буллы.

Эти находки представляют собой такую категорию источников, значение которой трудно переоценить. Буллы могут дать значительную информацию по целому кругу

вопросов. Не претендуя на полноту, постараемся наметить этот круг вопросов и высказать некоторые соображения.

Прежде всего необходимо указать, что буллы имеют различные размеры и различные формы, но подавляющее большинство их предназначалось для того, чтобы воспрепятствовать несанкционированному доступу к запечатанной таре. Имеются, в частности, буллы, служившие пробками для достаточно больших кувшинов и очень миниатюрных сосудов, буллы со следами веревок, которыми перевязывались тюки или горловины больших сосудов – хумов, наконец, буллы, которыми запечатывали какие-то деревянные коробки или ящики. На буллах встречается различное количество оттисков: от одного до семи. В связи с этим, необходимо указать: естественным представляется вывод о том, что основная часть булл «сопровождала» на Гебеклы-депе различные товары, служа доказательством того, что они поступили в целости и сохранности. Важным для нас кажется и такое обстоятельство: глина для булл обычно была плохого качества, только для небольшого количества фиксируется наличие специально приготовленной глиняной массы темного цвета, плотной и прочной. Можно полагать, что товары, перевозимые в таре, запечатанной этими буллами, транспортировались в основном на небольшое расстояние – транспортировки на большие расстояния буллы не выдержали бы. Естественно предположить, что центром, из которого поступали товары, мог быть только Мерв. Гебеклы-депе же, очевидно, было конечным пунктом, где тара вскрывалась. Вероятно, данные буллы представляют собой отражение какой-то системы централизованного распределения продуктов, идущих из центра оазиса в пограничный пункт¹⁷. В рамках этой системы возможен и второй вариант: Гебеклы-депе служило и транзитным пунктом, где товары перепаковывались в иную тару.

Интересно, что на Гебеклы-депе найдены не только оттиски печатей на различного рода контейнерах. В одном случае удалось зафиксировать два оттиска *in situ*, на углу дверного прохода, ведущего из внутреннего северного коридора (пом. 2) в пом. Вн С5. Этот факт свидетельствует о распространении практики опечатывания буллами не только мобильных, но и стационарных объектов, а это сближает этот памятник со столичным поселением региона – городищем Старая Ниса, где практика опечатывания дверных проемов была обычной. Не случайно, видимо, именно в этом помещении была обнаружена уникальная для всего Центральноазиатского региона находка: бронзовый фимиатерий. Возможно, опечатывались не все помещения, а лишь помещения с особым предназначением.

Помимо своего значения как источника по истории экономических отношений в Маргиане парфянского времени буллы Гебеклы-депе позволяют исследовать целый ряд других вопросов. Важнейшими для этих исследований являются данные иконографии.

Предварительный иконографический анализ позволил выделить несколько десятков сюжетов, использовавшихся при изготовлении печатей для «клеяния» булл. Сюжеты на печатях весьма разнообразны. Особую группу представляют печати с геометрическими рисунками, очень похожими на изображения на каменных и металлических печатях, которые в большом количестве встречаются на памятниках оазиса эпохи бронзы¹⁸ (рис. 2, 1–3). В последнее время нами были найдены буллы, позволившие подтвердить этот вывод, – теперь в нашем распоряжении имеется большая группа булл, на которых имеются изображения чудовищ, нападающих на животных, – они очень близки подобным сюжетам, представленным на печатях бронзового века из Мервского оазиса (рис. 2, 12).

¹⁷ *Koshelenko G. Bullae from Göbekly-depe. General Problems and Main Subjects // Archives et sceaux...* P. 377–383.

¹⁸ См., в частности: *Gaibov V. Bullae from Göbekly-depe (Margiana). Bronze Age Traditions in Parthian Sphragistics // Ibid. P. 385–394.*

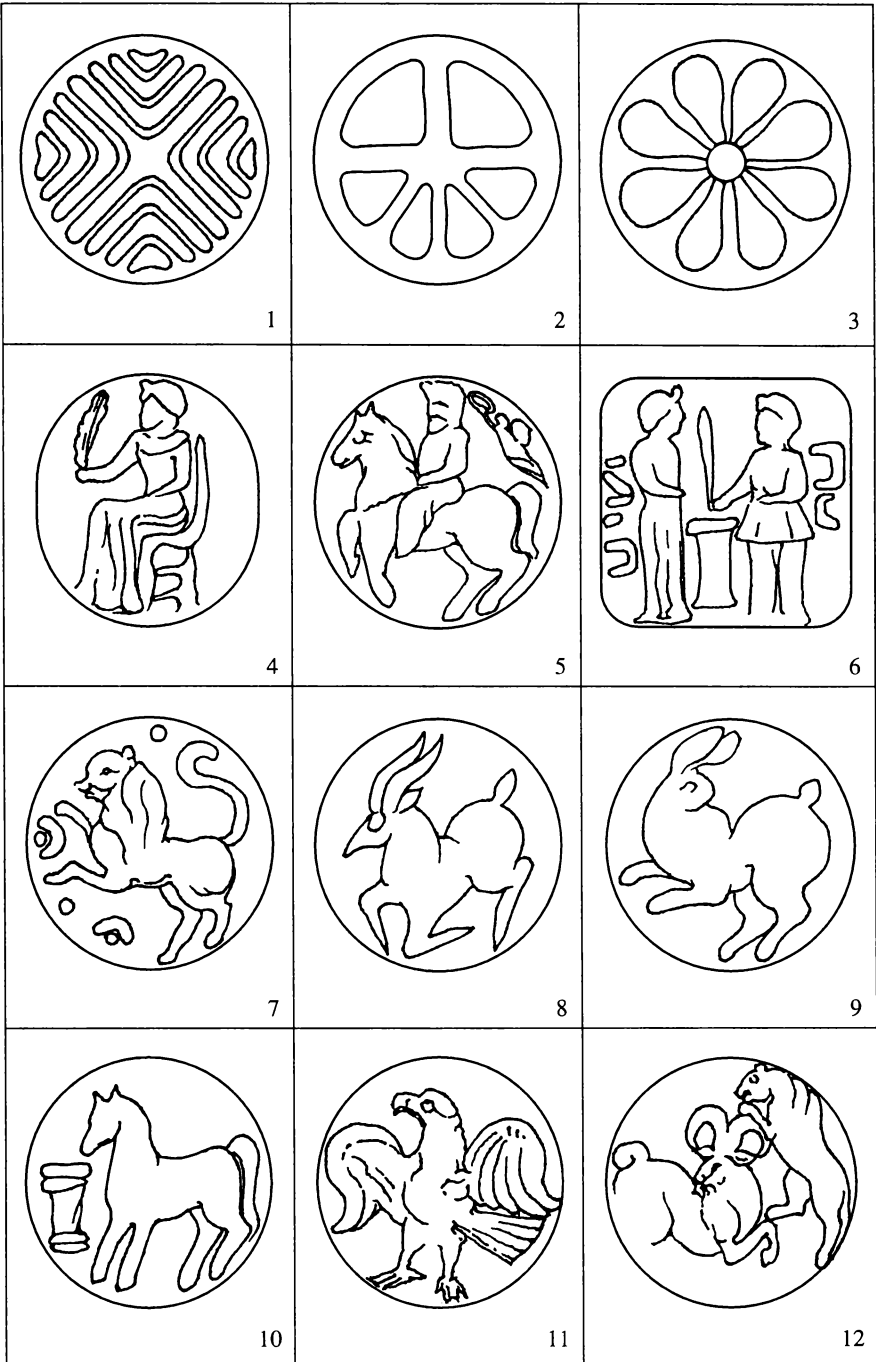

Рис. 2. Сюжеты, представленные на буллах Гебеклы-депе

Следует отметить тот факт, что до недавнего времени мы могли проследить традицию, идущую с эпохи бронзы, лишь на основе сходства сюжетов печатей эпохи бронзы и булл парфянского времени. Но сравнительно недавно В.И. Сарияниди опубликовал буллу из раскопок Гонура¹⁹. Эта находка позволяет говорить о существовании аналогичной или близкой практики, которая началась еще в эпоху бронзы и существовала в Мервском оазисе вплоть (по меньшей мере) до конца парфянского времени. Этот вывод выглядит тем более обоснованным, что итальянские археологи недавно нашли (в ходе совместных работ по составлению археологической карты Мервского оазиса) буллу ахеменидского времени – связующее звено между буллами (и печатями) эпохи бронзы и буллами парфянского времени²⁰.

Сюжеты, представленные на буллах, во многих случаях могут служить источником для понимания религиозных представлений населения Маргианы парфянского времени. Совершенно ясно, что многие сюжеты имеют религиозный характер. Не рассматривая сейчас этот вопрос в деталях, мы отметим единственный пример – одним из самых распространенных сюжетов является изображение богини, сидящей на троне (или табурете) и держащей в вытянутой руке пальмовую (?) ветвь (рис. 2, 4). Известно несколько вариантов этого сюжета. Интересно, что этот образ отсутствует в коропластике Маргианы, но зафиксирован в нумизматике – редких монетах кушано-сасанидских правителей, чеканенных в Мерве²¹.

Связана с религиозной тематикой и довольно значительная по количеству экземпляров группа изображений, в которых присутствует тема прославления царя. Наиболее яркими образцами являются буллы, где царь представлен как всадник, над которым летит Ника с венком в руке²² (рис. 2, 5).

Очень много печатей с зооморфными изображениями: оленя, козы, зайца, льва, коня (рис. 2, 7–9) и фантастических животных. Часто конь (без всадника и без сбруи) изображен стоящим перед алтарем, с полумесяцем над крупом (рис. 2, 10). Из пяти птиц чрезвычайно популярен орел с распахнутыми крыльями (рис. 2, 11), часто он представлен с длинными развевающимися лентами в клюве. Еще одну весьма интересную группу булл представляют сцены борьбы человека и животного.

Некоторые из этих сюжетов изображены в глиптике и сфрагистике предшествующих – ахеменидского и эллинистического – периодов, другие последующего – сасанидского. В связи с этим встают три вопроса, которые еще нуждаются в специальной разработке: 1) в какой степени ахеменидская глиптика (в частности, греко-персидские резные камни) повлияла на сложение парфянской глиптики? 2) в какой мере в сфрагистике Маргианы ощущается влияние эллинистического искусства? 3) в какой степени парфянская глиптика повлияла на сложение и развитие сасанидской глиптики?

Отметим в связи с этим, что буллы Гебеклы-депе в настоящее время – важнейший источник для понимания искусства Маргианы парфянского времени. До этого единственным, в сущности, источником являлась коропластика.

В одной из наших публикаций, посвященных буллам Гебеклы-депе²³, мы сетовали на отсутствие в коллекции булл Гебеклы-депе экземпляров булл с надписями, что существенно затрудняло их исследование. Но в последние годы ситуация изменилась к лучшему. Недавно была обнаружена булла с изображением верблюда, и в верхней ее части имеются неясные значки, которые вполне могут быть надписью. Кроме того, в результате исследований, проведенных на городище в сезоне 1999 г., была обна-

¹⁹ Sarianidi V. New Discoveries at Ancient Gonur // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1995. V. 2. № 3. P. 306–307. Fig. 13.

²⁰ Collon D. A Clay Sealing from Site 237 // *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Report 1990–1995* / Ed. A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi. Roma, 1998. P. 137–139.

²¹ Кошеленко Г.А., Гаилов В.А., Бадер А.Н. Две богини? // ВДИ. 1995. № 2. С. 194–203.

²² Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Monarchic Ideas in Parthian Margiana as Shown of Seals // *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. L.-N. Y., 1998. P. 24–37.

²³ Кошеленко, Бадер, Гаилов. Парфянские буллы... С. 11.

Рис. 3. Глиняная печать с Гебеклы-депе

ружена серия (4 экземпляра) булл, оттиснутых одной печатью, с изображением сцены инвеституры (?) царя женским божеством (рис. 2, 6). Оба персонажа стоят перед находящимся между ними алтарем огня, а позади каждого из них имеется надпись, представляющая собой, вероятно (это выяснится после прочтения надписи), имена участников церемонии.

Еще одним отрядным результатом полевого сезона 1999 г. следует несомненно признать первую на городище Гебеклы-депе находку печати (рис. 3). Печать выполнена из глины, имеет форму, несколько напоминающую гантель. Один из утолщенных концов имеет форму, приспособленную для захвата рукой, а на другом конце есть углубленный оттиск печати с изображением всадника на крылатом грифоне (?) влево. Всадник сидит в необычной позе – подогнув под себя ноги. Прическа его характерна для парфянской иконографии – в виде двух буклей, а головной убор представляет собой коническую островерхую шапку. После создания этого оттиска вся печать была обожжена в печи. Оттиск хороший, ровный, глина приобрела розовый цвет. Вся поверхность, включая изображение и его поле, покрыта светлым ангобом.

Таким образом, на буллах, которые опечатывались бы с помощью данной печати, изображение имело бы барельефный характер. Нельзя сказать, что подобных изображений нет среди булл Гебеклы-депе. Они имеются, но их очень незначительное количество.

Интересен и стратиграфический контекст находки: печать была обнаружена в заполнении западного фаса крепостных ворот. Логично было бы предположить, что эта печать использовалась при опечатывании крепостных ворот. Не исключено, впрочем, и другое назначение печати – ею могли опечатываться товары, отправляемые из Гебеклы-депе.

Исследование коллекции булл с Гебеклы-депе еще далеко от завершения. В своем выступлении на конференции «Древние геммы и камни Востока» в апреле 1999 г. авторы доклада отмечали тот факт, что в 1998 г. они не обнаружили булл при раскопках и посчитали формирование коллекции в целом законченной. Однако в результате раскопок полевого сезона 1999 г. выявлено 130 новых экземпляров булл между полами одного из помещений на южном фасе центрального комплекса, и, вероятно, они не последние. Так что завершение формирования коллекции несколько откладывается, хотя уже сейчас ясно, что она может дать значительную информацию о различных сторонах жизни восточнопарфянского общества.

BULLAE FROM THE EXCAVATIONS AT GÖBEKLY-DEPE

(TURKMENISTAN)

V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko

The article analyses a unique collection of bullae (seal imprints on clay) discovered at the excavations of the frontier fortress of Göbekly-depe in the north-western part of the Oasis of Merv (Turkmenistan). The collection includes more than 3000 bullae dated back to the Parthian times with zoomorphic, anthropomorphic and geometric figures, classified and presented in the article.

This so far the largest collection of bullae from the Parthian times gives essential material to study the history of economic relations in Margiana of that period, to trace back the continuity of the iconographical tradition up to the Bronze Age and to understand the religious ideas of Margiana's population of the period.

© 2001 г.

СТАРОЕГИПЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ «ПРАВИТЕЛЯ НАГОРЬЯ» И ПИСЬМО СИНУХЕТА ЦАРЮ

Каменная цилиндрическая печать из Библа, о которой здесь пойдет речь, была опубликована П. Монте в 1923 г.¹ (рис. 1). Однако лишь сорок лет спустя Г. Гедике удалось распознать необычный титул ее владельца – $\text{ḥ} \text{q} \text{ḥ} \text{s} \text{w} \text{t} \text{ m} \text{k} \text{b} \text{n}$, буквально «правитель нагорья в Библе»². Исчерпывающим же прочтением печати мы теперь обязаны О.Д. Берлеву, установившему, что смысл этой сложнейшей надписи передавался не только словесно-письменными, но и композиционно-графическими средствами, в частности, особым расположением иероглифов³.

Согласно толкованию О.Д. Берлева, местный градоначальник, «правитель нагорья в Библе», должен был владеть печатью как «чтимый (чиновник)» египетского царя VI династии Пепи II. Сам государь при этом назван «Солнцем нагорья Божественным воссиянием ($\text{n} \text{t} \text{r} \text{j} \text{ḥ} \text{j} \text{w}$ – «хорово» имя Пепи II. – А.Д.), любимцем Немти-льва и Нут, (любимцем) сына и дочери (этой) Львиной четы, (любимцем) Хатхор, которому дана жизнь навечно». Эпитеты, следующие за «хоровым» именем, как уже отметил О.Д. Берлев, означают, что египетскому монарху покровительствуют боги, ведающие Библом и морскими путями к нему⁴. Очень примечательно и утверждение о том, что царь есть Солнце, тем более что оно специально разъясняется на печати еще и композиционно-графически. Для этого в надпись включен знак «богиня», являющийся здесь, как указывает О.Д. Берлев, древнейшим египетским примером персонифицированного изображения неба в образе женщины⁵. Расположен знак ($\text{n} \text{w} \text{t}$) таким образом, что на оттиске печати государево имя оказывается как бы у vulva богини и вместе с тем у восточного края неба. В имени же $\text{n} \text{t} \text{r} \text{j} \text{ḥ} \text{j} \text{w}$ иероглиф $\text{G} \text{G}_4$ ($\text{n} \text{t} \text{r}(\text{j})$) написан особым, «перевернутым», способом, соответствующим положению младенца при родах⁶. «Божественный воссиянием» Пепи II, таким образом, показан рождающимся на востоке неба из чресел богини Нут. Царь, стало быть, есть Солнце, или, как уточняет надпись, «Солнце» всей окружающей Египет земной суши – «нагорья».

О.Д. Берлев превосходно подметил сходство композиции печати с персонифицированными изображениями суточного круговорота солнца в заупокойных «книгах» царей XIX династии и более позднего времени⁷. Существенное различие между ними состоит, однако, в том, что печать провозглашает Солнцем не усопшего, а здравствующего монарха. И в этой связи, с учетом многих других наблюдений О.Д. Берлева, можно добавить, что при всей своей необычности интересующая нас композиция

¹ См. *Montet P.* Byblos et l'Égypte. P., 1928. P. 68. Fig. 20. Pl. 39.

² *Goedicke H.* A Cylinder Seal of a Ruler of Biblos of the Third Millenium // MDAI(K). 1963. 19. S. 3.

³ См. *Berlev O.* The Title to a Kingdom // GM. 1995. 149. P. 33–40.

⁴ *Ibid.* P. 35–36.

⁵ *Ibid.* P. 35.

⁶ *Ibid.* P. 35–37.

⁷ *Ibid.* P. 40. № 10. К перечисленной там литературе теперь можно добавить: *Roulin G.* Le Livre de la Nuit. V. 1–2. Freiburg–Göttingen, 1996.

Рис. 1. Цилиндрическая печать из Библа (Прорисовка. См. *Montet P. Byblos et l'Égypte. Texte. P., 1928. P. 62. Fig. 20*)

выражает самую суть староегипетских представлений о царе и его власти над чужеземными странами.

Выразительнейшим образом, хоть и очень лаконично, постулат «царь – Солнце» всегда был запечатлен в царской титулатуре. Не вдаваясь в рассмотрение всех ее составляющих, можно вспомнить, что уже древнейшее, «хорово» имя называло «двойником» государя бога Хора, который есть Солнце⁸. Графически это единство представлено уже на гробне Хора-Змеи (I династия): бог-сокол плывет в ладье по небу, изображенному в виде распростертых крыльев, и он же восседает меж опорами небосвода на прямоугольнике-*srj* с царским именем и дворцовой стеной (рис. 2), «Крылатое небо» с плывущим соколом здесь, по-видимому, – прообраз появляющихся при III династии изображений крылатого солнечного диска⁹. С XVIII династии над соколом в короне на прямоугольнике *srj* с царским именем выписывали еще знак солнца с перекинутым по окружности аспидом¹⁰, тем самым подчеркивая, что «сокол-царь есть солнце» и что само «солнце есть сокол»¹¹.

Еще определеннее указывало на единство царя с Солнцем имя, следовавшее за титулом *n(j)-swt-bjtj*, которое О.Д. Берлев называл «солнцем» или именем «младшего солнца»¹². Справедливость такого истолкования подтверждается выдержанными в догматическом духе сообщениями о кончине государя в «Рассказе Синухета» и в более поздних текстах¹³. В подобных случаях провозглашалось, что после смерти царь

⁸ Например, см. *Gardiner A.H. The Egyptian Grammar. L., 1950. P. 72; Берлев О.Д. «Золотое имя» египетского царя // Ж.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1979. С. 54, 58–59. Прим. 88; ср. Barta W. Falke des Palastes als älteste Königstitel // MDAI(K). 24. S. 51–57; Большаков А.О. Древнеегипетская скульптура и «хорово» имя // ВДИ. 2000. № 2. С. 73–87. О египетской концепции «двойника» теперь см. *Bolshakov A.O. Man and his Double in Egyptian Ideology of the Old Kingdom. Wiesbaden, 1996; о царском «двойнике» см. Берлев О.Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978. С. 277, 278; Тахия М.Ш. Автобиография в древнем Египте в эпоху IV–VIII династий; Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 8–10.**

⁹ LÄ. II. S. 277.

¹⁰ См. *Gardiner. The Egyptian Grammar... P. 60.*

¹¹ Берлев. «Золотое имя»... С. 58–59. Прим. 88. На интересующей нас печати «хорово» имя Пепи II следует за эпитетом «Солнце нагорья», да и само это имя по смыслу вполне «солнечное» – «Божественный Воссиянием».

¹² Он же. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972. С. 38.

¹³ *Blackman A.M. Middle-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932. (далее – Син.). P. 3; Zabkar L.V. A Study of the Ba Concept in Ancient Egyptian Texts. Chicago, 1968. P. 73–74. № 125–128.*

«поднимается / вступает в» чертог Солнца, который есть «его (т.е. государя)» чертог, и «соединяется с солнечным диском (jtn)», причем «плоть (h'w)» царя «сливается с создавшим его (т.е. с Солнцем)». Таким образом, кончина правителя, звавшегося при жизни «богом молодым», объявлялась не чем иным, как восстановлением его изначального единства с Солнцем, «богом великим»¹⁴. И в высшей степени примечательно, что эта изначальное единая и воссоединявшаяся с Солнцем «часть» царской природы называлась, как правило, именем n(j)-swt-bjtj. Кроме того, как уже отмечали египтологи, несомненно сходство подобных текстов с упоминаниями о смерти священных животных¹⁵. В последних также провозглашалось, что пребывавшая в животных «сила» – b; бога «вышла/полетела/поспешила к небу» и «соединилась с солнечным диском (jtn)». Данное сходство как будто подсказывает, что именем n(j)-swt-bjtj обозначалось b; «великого бога», временно соединявшееся с особой монарха.

В пользу последнего предположения говорят и то, что годы жизни священных животных и годы царя исчислялись одинаково – с момента вступления в сакральную «должность»¹⁶. Учитывался, собственно, тот срок, когда животное было богом¹⁷, т.е. когда в нем проявлялось b; божества¹⁸. А из надписи в Вади-Хаммамат от 16-го года Сенеферта I теперь понятно, что счет лет египетского правителя ассоциировался, в первую очередь, с именем n(j)-swt-bjtj¹⁹.

Догадка о связи последнего с солнечным b; могла бы объяснить нам и сам обычай соединять «солнечное» имя с титулом n(j)-swt-bjtj. В отличие от первых трех канонических титулов, указывавших на единство государя с богом Хором («Хор», «Обеладычицы» – имя царских венцов, «Хор в золоте»), n(j)-swt-bjtj был прежде всего титулом правителя. Так его обычно и переводят: «царь Верховного и Нижнего Египта». С точки же зрения строго догматической, правителем Египта всегда было Солнце²⁰.

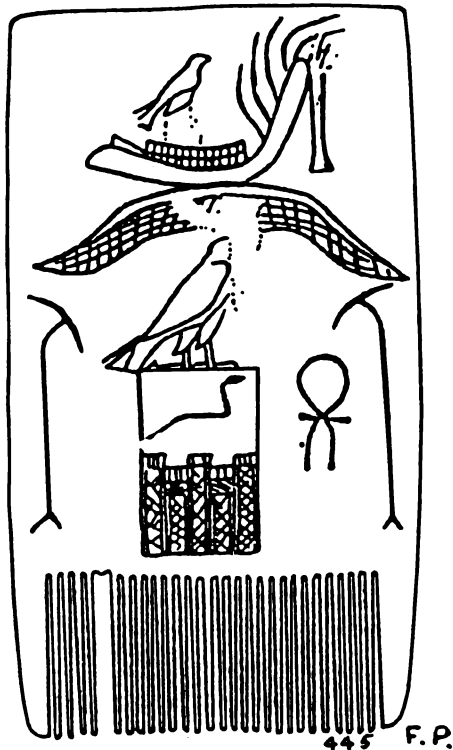

Рис. 2. Костяной гребень царя I династии Хоразмея (Прорисовка. См. *Kees H. Der Gotterglaube im alten Ägypten 2 Auf. B., 1956. Abb. 4. S. 4*)

¹⁴ О значении обозначений ntr nfr и ntr см. *Hodjash S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow – Leningrad, 1982. P. 36.* Скончавшийся царь даже мог вместе с собственным отцом, «великим богом», считаться «отцом» всех последующих государей – «сыновей Солнца»; см. *Berlev O.D. The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Studies Presented to H.J. Polotsky. Beacon Hill, 1981. P. 363, 375. № 11.*

¹⁵ Например, см. *Zabkar. Op. cit. P. 73. № 125; Hodjash, Berlev. Op. cit. № 147.*

¹⁶ *Hodjash, Berlev. Op. cit. № 147.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *P. Harris I, 449.9 (Erichsen W. Papyrus Harris I. Hierogliphische Transcription. Bruxelles, 1933).*

¹⁹ См. *Couyat J., Montet P. Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Quadi Hammamat. Cairo, 1912. P. 85–86; Goyon G. Nouvelles inscriptions du Wadi Hammamat. P., 1957. P. 86–88. Pl. 21, с важным уточнением в ст.: Galán J.M. Royal Comissioners and Royal Inscriptions // Proceed. of the Seventh Intern. Congress of Egyptologists. Cambridge, 3–9 September 1995. Leuven, 1998. P. 421–422. Fig. 4.*

²⁰ См. *Berlev. The Eleventh Dynasty... P. 362.*

Следующее за $n(j)\text{-swt-bjtj}$ имя как раз и называет $b\text{;}$ Солнца, присутствующее в настоящий момент на земле в особе государя. Данный член царской титулатуры, таким образом, снимает противоречие между реальностью – существованием земного царя – и догматическим постулатом о вечном царствовании Солнца. Даже при фактическом наличии двух правителей, «бога великого» и «бога младшего», солнечный $b\text{;}$, а значит, и само Солнце, присутствовало в особе монарха. Поскольку же при этом титул $n(j)\text{-swt-bjtj}$ оказывался в конечном счете титулом Солнца, с XIX династии его привычные написания часто заменяли изображениями крылатого диска, крылатого диска с двумя аспидами или крылатого диска с двумя аспидами в верхне- и нижеегипетских коронах²¹ – все это обозначения Солнца, равно как и сам картуш, обрамлявший солнечное имя. Примечательно также, что почти неизменной частью имени $n(j)\text{-swt-bjtj}$ являлся теофорный компонент $-r\text{;}$, имя Солнца. Иначе, собственно, и не могло быть, если «солнечное» имя называло проявлявшееся в государе $b\text{;}$ этого бога²².

«Механизм» соединения царя с солнечным $b\text{;}$ можно понять из 312-го заклинания Текстов саркофагов, озаглавленного «Превращение в божественного сокола»²³. Чтобы утратить врагов своего отца, Осириса, бог Хор отправляет к последнему некое существо, наделенное «силой»- $b\text{;}$ самого Хора. Но неизменным условием того, что $b\text{;}$ Хора действительно снизойдет на посланца, является его внешнее сходство с богом. Поэтому Хор объявляет: «Я сотворил его образ- jrw в качестве моего образа- jrw , его (манеру) хождения в качестве моей (манеры) хождения, чтобы он шел в Джеду, будучи пожалован моим $b\text{;}$ »²⁴. Позже эти слова повторяет и сам посланец Хора, настаивающий на том, что данное «богоподобие» позволило ему обрести также и «силу»- $b\text{;}$ бога²⁵. Интересующее нас существо выступает, таким образом, как «живая статуя» Хора, а его воссоединение с $b\text{;}$ Хора сопоставимо с тем, как $b\text{;}.w$ богов нисходят на культовые изображения последних²⁶. Природа $b\text{;}$ такова, что оно всегда стремится воссоединиться со своим «двойником», а потому устремляется также и ко всему, что на этого «двойника» похоже – к живым существам или предметам²⁷.

Суть египетского ритуала коронации, по-видимому, также состояла в уподоблении царя Хору. Поскольку же Хор есть Солнце, солнечный $b\text{;}$ не мог не соединиться с государем. Участвовавшие в коронационном ритуале царские чашники поэтому утвер-

²¹ Wb. II. 331. 13–332.7

²² Поскольку в известной сказке на Р. Westcar два первых царя V династии нарекаются при рождении именами $n\text{;swt-bjtj}$, недавно предложено было считать таковые не обозначениями солнечной силы, а «личными», «природными» именами государевой особы (*Bolshakov A. Princes Who Became Kings: Where are their Tombs? // GM. 1995. 146. P. 27, 28*). Но причина необычного употребления «солнечных» имен состоит здесь, видимо, в том, что «личные» имена упомянутых правителей, неизвестные еще и сегодня, были неведомы уже создателям сказки, жившим шестью веками позже и вдалеке от столиц Старого царства (ср. *Четверухин А.С. Два подхода к изучению египетского предложения // История и филология древнего и средневекового Востока. М., 1987. С. 81. Прим. 1*). Поскольку «личное» имя относилось к наиболее уязвимой части царского естества, его «иногда... скрывали, используя его лишь в текстах пирамид, т.е. в местах, недоступных для чужого глаза» (*Тахия. Ук. соч. С. 6–7*). Пример же с третьим царем вполне показателен (Р. Westcar X, 24; *Erman A. Die Märchen des Papyrus Westcar. B., 1980; Blackman A.M. The Story of King Kheops and the Magicians. L., 1998*).

²³ СТ IV, 68a. На важность данного текста недавно еще раз указал А.О. Большаков (Древнеегипетская скульптура... С. 86).

²⁴ СТ IV, 74a, b. D1C.

²⁵ СТ IV, 77d, 82b–k.

²⁶ Ср. *Zabkar. Op. cit. P. 39–41*.

²⁷ Ср. разъяснения Ю.Я. Перепелкина, цит. по кн.: *Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока. СПб., 1998. С. 174–178*.

ждали, что они прислуживают самому Солнцу²⁸, а о публичных появлениях царя с этого момента говорилось как о «воссияниях»²⁹. В данной связи можно вспомнить, что в Старом царстве покой государя рассматривались как «своего рода "святая святых" божества»³⁰, а в Новом царстве Аменхотеп III с грандиозным размахом заменял традиционные солнечные идолы – громадные обелиски – исполинскими изображениями собственной особы, которым воздавались божественные почести³¹. Результатом развития подобных представлений, вероятно, стало и составлявшее «самое существо фараоновской солнечной веры» Аменхотепа IV «солнцепоклонничество и царепоклонничество», «переходящее одно в другое, пронизывающее одно другое, неотделимое одно от другого»³².

Возвращаясь к печати из Библа, отметим, что оба царских имени, «хорово» и «солнечное», подчас выписывались в словесно-графических композициях, в общем-то сходных с той, что запечатлена в интересующей нас надписи. На упоминавшемся гребне Хора-Змеи «хорово» имя обрамлено «картиной мироздания»³³ со знаком неба наверху и опорами неба по бокам (см. рис. 1). Позже это написание стало особенно привычным в начале царских указов³⁴. Оно означало, что сказанное следом есть воля самого «двойника» государя, который есть владыка всего поднебесного мира «живых». В полном виде такая «картина мироздания» предполагала еще знак земли, в качестве которого обычно использовался детерминатив слова *ḏt* «вечный», «(на)вечно» в пожеланиях вечной жизни³⁵. Подобное написание в указе одного из преемников Пепи II³⁶ особенно сходно с интересующей нас композицией, где «хорово» имя «солнца нагорья» выписано у знака неба (*nwt*) и сопровождается благопожеланием, завершающимся словом *ḏt* «(на)вечно».

Несомненно, как символ Солнца выписывалось в обрамлении картины мироздания «солнечное имя». Сходство его со светилом в таких случаях особенно очевидно благодаря присутствию картуша, который и сам по себе был символом Солнца. А верхним знаком внутри картуша, как правило, являлся опять же солнечный круг, соответствовавший в имени теофорному компоненту *ḡ*. Таким образом, вписанное в «картину мироздания» «солнечное имя» выражало, по-видимому, ту же идею, что и композиция на печати «правителя нагорья в Библе».

Близость их смысла подтверждается, кроме того, словесным контекстом «картины мироздания» в жизнеописании Уни³⁷. Подобно тому как печать утверждает власть

²⁸ Берлев. Общественные отношения... С. 278.

²⁹ Wb. III. 239.4–242.2.

³⁰ Тахия. Ук. соч. С. 10.

³¹ Ср. Перепелкин Ю.Я. Древний Египет // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. II. М., 1988. С. 373, 450. Этот же царь, называвший себя «блистательным солнечным диском», почитался еще в особом свойстве «Небмаатра в (солнечной) ладье». Печати производств с энигматическими написаниями данных эпитетов в некотором смысле составляют параллель интересующей нас композиции времен Пепи II. Сидящий в солнечной ладье Аменхотеп III изображался не только с солнечным диском на челе, но и внутри солнечного диска. Разъяснивший подобные написания Ю.Я. Перепелкин подчеркивал, что, «объявляя фараона плывущим в солнечной ладье, его приравнивали к солнцу в небе и тем самым к солнцу как предмету почитания в его доме на земле. Фараон в ладье, т.е. образ небесного солнца, разделял с ним почитание в самом его храме» (Перепелкин Ю.Я. Жрец царя во главе государства // Древние цивилизации: от Египта до Китая. М., 1997. С. 280–281, 284; в этой связи ср. *Ockinga B. Die Gottebenbildlichkeit im Alten Ägypten und im Alten Testament. Wiesbaden, 1984. S. 77 (80)*).

³² Перепелкин. Жрец царя... С. 284.

³³ Тахия. Ук. соч. С. 9.

³⁴ См. *Goedicke H. Königliche-Dokumente aus dem Alten Reich. Wiesbaden, 1967. Abb. 8, 14, 15, 17, 19, 25, 26, 28.*

³⁵ Ср. Тахия. Ук. соч. С. 9.

³⁶ *Goedicke. Königliche Dokumente... Abb. 15.*

³⁷ Urk. I. 105.12. Жизнеописание Уни, кстати, показывает, что в «картину мироздания» могло вписываться только имя правящего царя.

египетского царя над заморским Библом, чиновник указывает на покорность монарху нубийских вождей³⁸. И подобно тому как в надписи из Библа названо «хорово» имя, в жизнеописании речь идет о царском «двойнике». Слова Уни можно рассматривать поэтому как своего рода письменный комментарий к интересующей нас композиции с той лишь разницей, что упоминается не Пепи II, а его предшественник: «могущество pjswt-bjtj Меренра – который да будет жив вечно! – величаво... и внушительно больше, чем всех богов, ибо возникает всякая вещь сообразно (божественной) воле, выраженной его двойником»³⁹. «Солнечное» имя самого Пепи II, впрочем, тоже заключалось в «картину мироздания», в том числе в известном письме возвращающемуся из Нубии чиновнику⁴⁰. Последний пример, кстати, показывает, что высказывание Уни – вовсе не выражение чрезмерного раболепия. Перед нами основополагающий постулат внешнеполитической доктрины Египта, возможно, подчеркивавшийся графически в документах, направлявшихся царской канцелярией за рубеж⁴¹. Не удивительно, что эти же представления запечатлены и на печати «правителя нагорья в Библе».

Утверждение Уни о том, что «возникает всякая вещь сообразно воле» государева «двойника», тоже весьма примечательно. Оно не может не предполагать единственность последнего с Солнцем, богом-творцом. Воля «двойника» при этом названа ꜥw, т.е. «особым божеством, свойственным Солнцу, из капли крови которого оно появилось, и ...свойственным земному солнцу – царю Египта. У обоих солнц любое желание, т.е. воля, не может не осуществиться, потому что она божественна, опирается на огромную мощь бога»⁴². Графическим вариантом столь выразительного указания на единственность царя с «великим богом» является одна из двух «картин мироздания» в упоминавшемся письме Пепи II⁴³. К слову «вечно» там добавлен «термин "вековечно"» и это второе обозначение вечности оказывается, таким образом, под землей. Такое написание заставляет думать, что эта вторая «вечность» или «вековечность» есть вечность потусторонняя, связанная с жизнью за гробом. Таким образом, царь – Солнце и владыка всего мира»⁴⁴.

Данное обрамление государева имени нельзя не сопоставить с известными староегипетскими наскальными композициями на Синайском полуострове. Со времени Джосера (III династия) египетские экспедиции в Вади-Магара оставляли там изображения царя, поражающего чужеземца⁴⁵. С основателя IV династии Снофру эти изображения подписывались обозначением Солнца ꜥw ꜥ «великий бог»⁴⁶. Причем в композиции Ниусерра (V династия) единственность монарха с Солнцем подчеркивается еще тем, что парящий над ним крылатый диск сопровождается привычными обозначениями государя ꜥw ꜥ ꜥw ꜥ ꜥw ꜥ ꜥw ꜥ «красивый бог, владыка Обеих земель» (рис. 3). Иными словами, солнце, изображенное над царем, – сам царь⁴⁷.

Вообще создается впечатление, что там, где речь шла о власти над чужеземными территориями, обычные, принятые в титулатуре ссылки на единственность правителя

³⁸ Urk. I. 108. 13–109.6.

³⁹ Urk. I. 109. 8–11. К начертанию «картины мироздания» ср. *Goedicke. Königliche Dokumente...* Abb. 14, 17; к переводу см. Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980. С. 24; *Тахия. Ук. соч.* С. 9.

⁴⁰ Urk. I. 128. 13, 130. 5.

⁴¹ Ср. Urk. I. 94, 95. № 13, 14. Однако естественно предполагать, что такие документы выполнялись иератическим письмом.

⁴² *Тахия. Ук. соч.* С. 9.

⁴³ Urk. I. 128.13.

⁴⁴ *Тахия. Ук. соч.* С. 9.

⁴⁵ Перечень литературы см. *Stadnikow S. Cottkönig und Fremdländer. Universalistische Ausdrücke der Könige des Alten Reichs in Ägypten nach offiziellen Texten // Mitteilungen für Anthropologie und Religionsgeschichte. Ht 9. Münster, 1994. S. 291–310.*

⁴⁶ Urk. I. 8.1.7; 32, 17; 54.1.4; 56.16; 91.12.

⁴⁷ Ср. *Gardiner A.H. Horus the Behdetite // JEA. 1944. 30.*

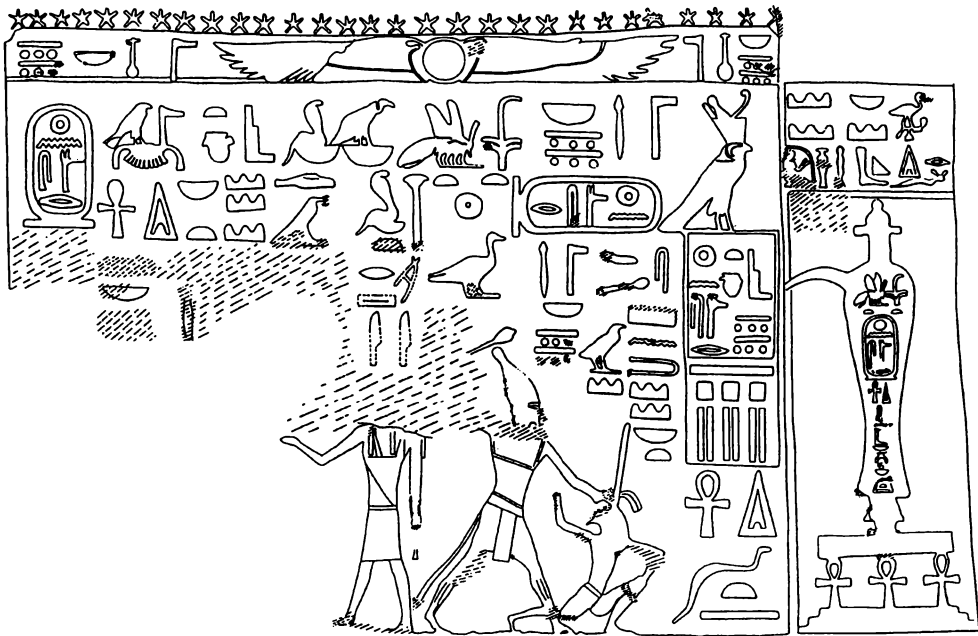

Рис. 3. Синайская надпись царя Ниусерра (V династия) (Прорисовка. См. Gardiner A.H., Peet E.T. The Inscriptions of Sinai. Pt. I. Introduction and Plates. 2nd ed. L., 1952. Pl. VI)

Солнцу в Старом царстве казались как будто недостаточными. В подобных случаях применялись еще специальные, «подчеркнутые» указания вплоть до изображения монарха в образе Солнца. Причем синайские наскальные композиции, даже если они связаны с конкретными событиями, провозглашают принцип: царь является «великим богом» и солнцем для обитателей «всех чужеземных стран (нагорий)». На печати из Библа, а равно и в надписи на обнаруженном там же сосуде⁴⁸, Пепи II назван «солнцем нагорья», т.е. всей окружающей Египет земной суши. Поскольку же имя градоправителя на печати не указано, надо думать, что последняя выражает истину, актуальную для всех властителей Библа во все времена⁴⁹.

⁴⁸ См. Montet. Op. cit. № 57; Goedicke. A Cylinder Seal... P. 3.

⁴⁹ Помимо всего прочего такие «специальные» указания на единственность царя с Солнцем могли быть связаны с желанием подчеркнуть абсолютное превосходство египетского монарха над чужеземными правителями. Ведь титул «сын Ра» хотя и выражал божественность властелина, предполагал все же его «младшее», подчиненное положение относительно верховного бога. Чужеземцам же, не искушенным в тонкостях египетской царской теологии, могло показаться, что государь Обеих земель при всем его могуществе занимает в иерархии мироздания место, в общем-то сходное с правителями других стран, также приближенными к своим местным богам. Напращивался бы тогда и нежелательный вывод о том, что при всем почтении к царю египетскому зарубежные вожди и государи должны прежде всего главным божествам своих земель и что именно от последних получают они право на власть. Указания на царя как на «Солнце нагорья» должны были исключить подобные недоразумения. В славословии Амуну, избраншему Хатшепсут на царство, боги восклицают: «Принадлежат ей долины, принадлежат ей нагорья, принадлежит ей все, что внутри (пространства) укрытого небом и все (внутри) обрамленного Великой зеленью, ведь ты создал ее в качестве твоего образа-znnt» (*Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie. Lpz., 1906–1909. S. 244–245; o znp см. Демидчик А.Е. Древнеегипетская космология в 132 стк. «Поучения царю Мерикара» // Древность: историческое знание и специфика источника. М., 2000. С. 53–55*). Кстати, еще и в Новом царстве фараоны всего настойчивее подчеркивали свою единственность Солнцу именно за пределами Египта и на его границах.

При втором правителе XII династии об этом принципе Старого царства вспомнил эмигрант Синухет, в письме с чужбины назвавший Сенусерта I «великим богом, подобием Ра»⁵⁰. Как раз синайская композиция Ниусерра и разъясняет графически данное высказывание: государь там величается «великим богом» и, кроме того, изображен в образе крылатого солнечного диска. Во Втором Переходном периоде о Себекхоте IV, тоже звавшемся «подобием Ра», говорили, что он – «владыка сияния в лицо, светящийся, точно Атум»⁵¹. Применительно к монарху эпитеты «великий бог, подобие Ра» в Среднем царстве, конечно, уже редкость. Но в близком по времени тексте, именуемом в зарубежной литературе «Лоялистским поучением», о государе сказано: «он – Ра, благодаря сиянию которого могут видеть, и он (сам) осветил Обе земли ярче, чем солнечный диск (jtn)»⁵². В «Почуении Аменемхета I» Сенусерт I назван nb-tꜣw «владыкой вселенной»⁵³, т.е. самим «великим богом». Но главное – в письме с чужбины эмигрант верноподданнически следует духу «Старого царства, столь дорогого сердцу этого царя»⁵⁴. По этой причине и все послание Синухета (Син. В 204–238) можно до некоторой степени рассматривать как письменный комментарий к интересующей нас печати.

Внешнеполитическая доктрина Старого царства не предполагала существование за пределами Обеих земель неподвластных Солнцу богов и, стало быть, суверенных государств. Деление на плодородную Нильскую долину, собственно Египет (qmt, tꜣw, jdb.wj), и «нагорье (ḥꜣst)» было основополагающим, но чужеземные страны также были сотворены Солнцем и находились под его властью. Еще и полтора тысячелетия спустя Рамсес II только из уважения к хеттскому обычаю согласился включить в известный мирный договор упоминание о «тысяче» божеств царства Хатти⁵⁵. Вообще же чужеземные божества считались местными проявлениями извечных египетских богов или включались в египетский пантеон как подвластные Солнцу. Даже прибыв в Пунт, на самую окраину земли, посланцы Хатшепсут полагали, что богиня этой страны есть в конечном счете Хатхор⁵⁶. И точно так же во времена Пепи II утверждали, что богатства, доставленные из нубийского края Имаау, даны «двойнику» царя местным проявлением Хатхор⁵⁷.

Представления о подчиненности всех богов Солнцу собственно и были основополагающими в староегипетской доктрине власти царя над человечеством. Как раз вспоминая о покорности нубийских вождей, уже упоминавшийся Уни утверждал, что могущество Меренра «величаво... и внушительно больше, чем всех богов». И еще в эллинистическое время титул n(j)-swt-bjtj и эпитет nb tꜣw «владыка Обеих земель» переводили в том смысле, что египетский царь есть владыка всей ойкумены⁵⁸.

Точно так же и Синухет, проведший долгие годы на чужбине, убедился в том, что страх пред Солнцем объят «все нагорья» (Син. В 231–232). Правда, из почтения к правящей династии при этом еще подчеркивается могущество богов ее исконного города, «Монту, владыки Фив и Амона, владыки престола Обеих земель» – они властвуют над ойкуменой вместе с Солнцем (Син. В 206–207). Даже в далекой стране

⁵⁰ Син. В 216. О «Рассказе Синухета» теперь см. Демидчик А.Е. «Дал я дорогу своим ногам...». Рассказ Синухе – древнейшие воспоминания эмигранта // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Восточного Средиземноморья. М., 1999. С. 239–251.

⁵¹ Helck W. Eine Stele Sebekhoteps IV. aus Karnak // MDAI(K). 1969. 24. Taf. XVII. S. 194–200. Z. 1–2; ср. Wb. III. 239.15; 240; 241.14–16; ср. эпитет «освещающий Обе земли» (Meeks D. // Année lexicographique. II. 1979. P., 1981. 79. 2704).

⁵² Posener G. L'Enseignement loyaliste, sagesse égyptienne du Moyen Empire. Genève, 1976. § 2.9–10.

⁵³ Helck W. Der Text der «Lehre Amenemhets I. für seinen Sohn». Wiesbaden, 1969. 1 a–d.

⁵⁴ Берлев. Трудовое население... С. 245.

⁵⁵ Ср. Перепелкин. Древний Египет... С. 548.

⁵⁶ См. Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie... S. 315–351.

⁵⁷ Urk. I. 128. 12.

⁵⁸ Stadnikoff. Op. cit. S. 301. Anm. 24.

Речену мощь Монту восторжествовала над силой, покровительствовавшей местному богатырю (Син. В 142)⁵⁹.

Синухет, впрочем, уверен, что все влиятельные божества ойкумены есть по сути своей боги египетские, хоть порой они и предстают в чужеземных облициях⁶⁰. В начале письма Сенусерту I эмигрант поэтому утверждает, что царю-избраннику Ра, «чтимому» фиванскими богами, должны радеть все боги, ведающие путями на восток вплоть до пределов мироздания (Син. В 205–212)⁶¹. Эта часть послания вполне сопоставима с эпитетами, следующими за именем «Божественный воссиянием» на печати из Библа. Ведь и там покровителями заморского города называются боги египетского пантеона. Разница лишь в том, что лаконичные, но чрезвычайно выразительные графические указания на вселенскую власть Пепи II не могли быть применены в иероглифическом тексте письма. Поэтому пришлось максимально расширить список связанных с Востоком богов. В конечном счете он означает, что Сенусерт I является «владыкой вселенной (nb-r-dr)», Египта и чужеземных стран вплоть до безбрежного океана. Об этом же прямо говорится и в конце данного благопожелания: страх пред государем «во всех долинах и нагорьях», ему покорно все «обрамленное (круговоротом) солнечного диска (jtn)» (Син. В 213). Последняя формула, не раз повторявшаяся в правление Сенусерта I, выражает, по-видимому, ту же идею, что и древняя эмблема с царским именем в «картине мироздания».

В письме, кроме того, разъясняются три важнейших аспекта царского всемогущества. Во-первых, даже оставаясь во дворце, государь способен распознавать смысл действий своих подданных, как бы далеко они ни находились (Син. В 214–215)⁶². Во-вторых, Сенусерту I по силам призвать к себе для ответа любого из чужеземных правителей (Син. В 218–223). В-третьих, и это главное, даже самые необходимые для жизни чужеземцев блага – солнечный свет, вода и воздух – оказываются доступными лишь благодаря царскому снисхождению (Син. В 223–234). В связи с последним утверждением можно вспомнить, что с глубокой древности единственным плодородным (т.е. подходящим для человеческого обитания) местом на Земле считалась Нильская долина. «Нагорье» же было непригодно для жизни, и только ради египетского царя боги приоткрывали там богатства земных недр, давали необходимую полям и садам воду⁶³. В этом отношении государь действительно казался «(живым) Ра для подданных (rhjtt)», где бы они ни проживали⁶⁴. Еще и в I тыс. до н.э. египтяне поэтому считали, что чужеземцам следует начинать обращения к властелину со слов благодарности: «Хвала тебе, солнце 9 луков (т.е. всех чужеземцев)! Истинно, живы мы благодаря тебе»⁶⁵.

Даже владея обширным чужеземным краем Иаа, Синухет считал себя по отношению к Сенусерту I «только номархом, управляющим подвластной фараону об-

⁵⁹ К переводу см. Берлев. Трудовое население... С. 139. На 20-м году Сенусерта I на стеле в Вади эль-Худи также говорилось, что «все нагорья отдают находящееся в них в качестве того, что приказали (отдать) Монту владыка (букв. "находящийся в сердце") Арманта, и Амон, владыка престолов Обейх земель; и пребудет так вечно» (См. Galán. Op. cit. P. 426. Fig. 9).

⁶⁰ «В прическе mntj.w любого нагорья» (Barns J.W.B. The Ashmolean Ostrakon of Sinuhe. L., 1952. Verso, 24).

⁶¹ О перечне богов см. Yoyotte J. À propos du pantheon de Sinuhe (В 205–212) // Kêmi. 1964. 17. P. 69–73.

⁶² Сенусерт I назван nb sj rhjtt «владыкой (божественного) знания, знающим подданных». Эпитет «владыка (божественного) знания» был изначально присущ верховному богу; применительно к людям знание царя единственно со всеведением Солнца (ср. Blumenthal E. Untersuchungen zur ägyptischen Königum des Mittleren Reichs. I. Die Phraseologie. В., 1970. S. 101–102).

⁶³ Ср. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М., 1984. С. 86, 87; Берлев. Наследство Геба... С. 12, 24. Прим. 20. Данный постулат, казавшийся очевидным в Старом царстве, в начале Среднего царства настойчиво подчеркивали; ср. Couyat, Montet. Op. cit. № 113.12–15, 191.2–9; Galán. Op. cit.; idem. The Stela of Ḥor in Context // SÄK. 1994. 24. P. 66. Fig. 1. L. 7–10.

⁶⁴ Meeks. Op. cit. 79. 1724.

⁶⁵ «Степа Бентреш», стк. 7 (Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. II. Oxf., 1969. P. 285.7).

ластью, и свою титулатуру, разумеется, совершенно фиктивную он оформил во вкусе Старого царства»⁶⁶. Но Синухет – урожденный египтянин и, подобно египетским чиновникам, исполнял свою «должность» временно. Собственно же иноземные государи, будто «псы» преданные царю-Солнцу (Син. В 222–223), упоминаются в «Рассказе» как «правители нагорья» (Син. В 97–98). В Среднем царстве такое обозначение – редкость⁶⁷, и в начале правления XII династии оно, по-видимому, имело тот же смысл, что и в памятниках Старого царства. А последние показывают, что первоначально словосочетание это не было связано исключительно с азиатскими правителями, народами или территориями. Данное обозначение встречается в «Текстах проклятий» времени Пепи II, направленных главным образом против нубийцев⁶⁸. Очень похоже названы нубийские вожди, служившие Меренра Немтемсафу, и в жизнеописании Уни⁶⁹. Наконец, надпись от 24-го дня 2-го летнего месяца 5-го года того же царя, помещенная у элефантинского святилища Сатис, сообщает о личном прибытии государя, «чтобы совершил он убивание правителей нагорья»⁷⁰. Причем и здесь речь идет, несомненно, о нубийских вождях.

По-видимому, любой заметный чужеземный правитель мог быть назван в Старом царстве $\text{ḥq} \text{ ḥ}^{\text{3}}\text{st}$, и стало быть, словосочетанию был присущ тогда смысл прежде всего религиозно-политический. Налицо противопоставление: $n(j)\text{-swt-bjtj}$, царь-Солнце и священный правитель всей ойкумены с одной стороны, и $\text{ḥq} \text{.w ḥ}^{\text{3}}\text{s.wt}$, чужеземные правители-люди, обязанные повиноваться Солнцу – с другой. Последние, как показывает печать из Библа, в конечном счете должны были считаться всего лишь представителями египетского царя на окружающих Египет «нагорьях».

А.Е. Демидчик

THE OLD KINGDOM SEAL OF THE «RULER OF DESERT» AND SINUHE'S LETTER TO THE KING

A.Ye. Demidchik

The paper is devoted to one of «historical» gems of the Near East: a cylinder seal of the VIth Dynasty period. Explained exhaustively by O.D. Berlev (GM. Ht. 149), the seal «of the ruler of the desert in Byblos» calls Pepi II «the Sun» of the land surrounding Egypt, «desert». The composition of the seal expresses the central postulate of Old Kingdom foreign-policy doctrine. King's identity with the supreme deity of the Sun was indicated by the very set of royal titles, especially the name $n(j)\text{-swt-bjtj}$, indicating the power of the Sun (b^{3}) joining the person of a ruler during his coronation. The idea of King-Sun's universal power was graphically represented by the way his name was written in a cartouche framed by the sky-sign above, sky supports on each side and the earth-sign determining the word «(for)ever» in the wishes of eternal life. King's identity with the Sun was emphasized where his power over foreign lands was mentioned. In the rock compositions of the Sinai the kings of the IVth–VIth dynasties were celebrated as «Great God», and Njusera is even represented as a winged sun. A written expression of this idea is the way the emigrant Sinuhe addresses the king: «Great God, equal to Re» (B 216). The seal from Byblos, life-story of Uni and Sinuhe's letter make it clear that the King-Sun's will is implemented by all the gods in charge of the oikumene. As for foreign leaders and sovereigns, they were called «rulers of desert».

⁶⁶ Берлев. Трудовое население... С. 245.

⁶⁷ Ср. Newberry P.E. Beni Hasan. I. L., 1892. Pl. 30.

⁶⁸ См. Abu Bakr A.M., Osing J. Achtungstexte aus Alten Reich // MDAI(K). 1973. 29. S. 112–113. № 191, 199. Tf. I. II, III; Osing J. Achtungstexte aus dem Alten Reich // MDAI(K). 1976. 32. S. 133–186.

⁶⁹ Urk. I. S. 109.2.

⁷⁰ Kaiser W. Stadt und Tempel von Elephantine. Sechster Grabungsbericht // MDAI(K). 1976. 32. S. 78–80. К интерпретации надписи см. Демидчик А.Е. Печать М 42 из Библа и поездка Меренра Немтемсафа на южную границу // Древние геммы и камни Востока. Тез. конф. М., 1999. С. 9–11.

ПРОБЛЕМА КАНОНА ПРОПОРЦИЙ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОМ НАСТЕННОМ РЕЛЬЕФЕ СТАРОГО ЦАРСТВА

Проблема канона пропорций в изображении человеческой фигуры в древнеегипетском изобразительном искусстве занимает особое место в современной египтологии. Несмотря на признание большинством исследователей существования особых правил, служивших египетскому художнику в качестве руководства для построения пропорциональной фигуры, сам механизм этого построения и общую закономерность метрического соотношения частей изображений до сих пор найти не удастся. Складывается во многом парадоксальная ситуация: все тематические справочники, специальная и научно-популярная литература говорят о существовании канона пропорций, дают ему историческую оценку, но сам канон обнаружить не удастся, и каждый исследователь предлагает свое понимание его сущности.

Понятие «канон» энциклопедиями и справочниками общего характера однозначно трактуется как руководство, служащее для соблюдения определенных правил¹, «твердо установленное, традиционное, общепринятое»². Канон в изобразительности – это «совокупность твердо установленных правил, определяющих в художественных произведениях нормы композиции и колорита, систему пропорций либо иконографию данного типа»³, «совокупность законов и правил, которые являются нормой и образцом для всех художественных произведений данного рода»⁴. Условно канон можно разделить на первичный, структурный, понимаемый как определенное соотношение частей изображаемой человеческой фигуры, являющийся средством построения изображения и потому непосредственно связанный с процессом его создания, и вторичный, атрибутивный, либо иконографический, являющийся содержанием готового уже изображения. В предлагаемой работе рассматривается проблема первичного канона.

Проблема первичного канона пропорций в древнеегипетском изобразительном искусстве возникла во второй половине XIX в. на волне начавшейся систематизации широкого круга источников. В это время в руки европейских ученых попадает обширный материал, полученный в ходе исследований древнеегипетских некрополей экспедициями Р. Лепсиуса, О. Мариетта, Г. Масперо. Особое внимание египтологов привлекло изобразительное оформление гробниц, давшее уникальную возможность своими глазами увидеть жизнь людей, живших более чем четыре тысячи лет назад. Скоро было замечено, что изображенные на рельефах сцены тематически повторяются даже в пределах одного погребения, а все многочисленные изображения человеческой фигуры (преимущественно – хозяина гробницы на стенах его часовни) можно свести к нескольким иконографическим типам. Эта особенность египетского настенного рельефа породила среди ряда ученых уверенность в использовании египетскими художниками ограниченного числа приемов их построения, которые, якобы, позволяли сохранять в различных памятниках определенные пропорциональные соотношения между частями фигуры, т.е. первичного канона пропорций. Взгляды эти, казалось, находили подтверждение в сохранившихся на некоторых рельефах вертикальных разметках и квадратных сетках, рассматриваемых сторонниками канона обычно в качестве основного инструмента мастера при построении пропорциональной фигуры. Профессиональный рисовальщик, отмечал британский исследователь С. Эдгар, определял высоту и ширину различных частей обычной фигуры во все времена количеством клеток, он видел основные точки и обводил по ним контур изображения почти

¹ Encyclopaedia Britannica. V. 4. Chicago, 1947. P. 754.

² Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 418.

³ Мюллер Т.Ф. Канон // БСЭ. Т. 2. М., 1973. С. 332.

⁴ Философская энциклопедия. Т. 2. С. 418.

механически⁵. Давно уже известно, вторит американский египтолог Г. Робинс, что со времени Старого царства древнеегипетские художники для получения правильных пропорций человеческой фигуры привлекали квадратную сетку⁶. Разметочные линии и сетки, в которых линии пересекаются в квадраты, способствовали утверждению пропорциональности изображения человека, считает немецкий исследователь Х. Зенк⁷. Соблюдение канонов обусловило технические особенности работы египетских мастеров, применявших сетку для точного перенесения на стену нужного образца, причем на каждую часть тела отводилось определенное количество клеток⁸. В настоящее время известно более сотни случаев использования системы клеток и вертикальных разметок, многие из которых опубликованы еще немецким египтологом Р. Лепсиусом⁹. Мы найдем их в публикациях С. Эдгара и французского историка культуры Присс д'Авенн¹⁰. Вертикальная разметка представляет собой отвесную прямую, пересекающую изображение от макушки до линии земли с нанесенными на ней точками и проведенными через них горизонталями, опираясь на которые мастер мог строить изображение в нужной ему системе пропорций. Точки и линии на вертикальной разметке обычно отмечают уровень колен, запястья опущенной руки, локтей, подмышек, плеча и линии парика на лбу¹¹ (рис. 1). Квадратная сетка (рис. 2) позволяла не только соотносить отдельные элементы фигуры по вертикали, но и в соответствии с вертикальными показателями строить ее горизонтальную пропорцию. Впрочем, французский исследователь Перро приводит примеры, когда квадратная сетка наносилась поверх уже *готового* изображения, а значит в этом случае, несомненно, не могла служить инструментом при его построении. По-видимому, полагает он, с помощью квадратной сетки мастер просто увеличивал или уменьшал масштаб фигуры¹². Расположение точек на вертикальной разметке, как и правила построения фигуры по квадратной сетке (а следовательно, структура изображения) определялись, как считают сторонники существования канона, особой системой метрологии, в основе которой лежала некая универсальная единица измерения. В качестве универсальной единицы меры для всех изображений Р. Лепсиусом была предложена длина ступни ног¹³. Британский исследователь Г. Вилкинсон предпочел расстояние от подошвы до щиколотки¹⁴.

Присс д'Авенн, ориентируясь на египетскую метрологию, выбрал в свое время средний палец руки¹⁵, а М. Меррей – высоту головы¹⁶. Зенк вообще отказывается от мысли найти единую для всех изображений меру, допуская, что таковой может быть и квадрат сетки, и несколько квадратов сразу, и часть вертикальной разметки. Полученные пропорции при этом автор, как ни странно, также считает каноническими¹⁷.

Не меньше споров вызывает и проблема двух канонов пропорций, впервые выделенных еще Р. Лепсиусом. Согласно первому канону, высота фигуры стоящего мужчины до линии парика составляла 18 квадратов сетки, расстояние от линии парика до макушки определялось весьма свободно, но в большинстве случаев включалось в еще один, девятнадцатый квадрат. На уровне высоты шести квадратов располагались колени, девяти – талия, шестнадцати – плечи, а семнадцати – кончик носа. Время

⁵ *Edgar C. Remarks on Egyptian «Sculptors Models» // RT. 1905. XXVII. P. 146.*

⁶ *Robins G. Composition and the Artist's Squared Grid // JARCE. 1991. XXVIII. P. 51.*

⁷ *Senk H. Die Proportionskanon in der ägyptischen Rundbilderei // AOF. 1933. 9. S. 301–325.*

⁸ *Матве М.Э. Искусство древнего Египта. М., 1970. С. 9.*

⁹ *Lepsius R. Die Langenmasse der Alten. В., 1884.*

¹⁰ *Prisse d'Avennes. Histoire de l'art égyptien. P., 1879.*

¹¹ *Feucht E. Hilfslinien // LÄ. S. 1201.*

¹² *Perrot G. Histoire de l'Art. I. L'art égyptien. P., 1879. P. 770.*

¹³ *Lepsius R. Denkmäler. Bd I. 232 ff.*

¹⁴ *Op. cit. S. 301.*

¹⁵ *Prisse d'Avennes. Histoire... P., 1879. P. 770.*

¹⁶ *Senk H. Die Proportionskanon... S. 301.*

¹⁷ *Ibid.*

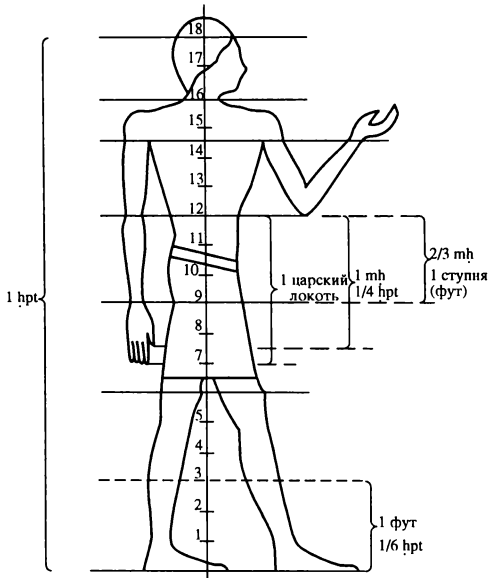

Рис. 1

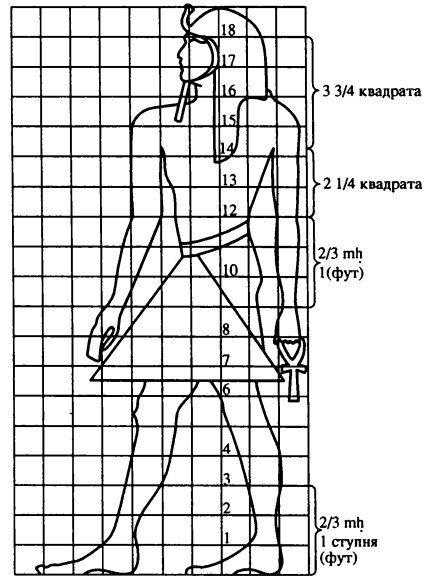

Рис. 2

появления первого канона Р. Лепсиус относит к правлению XII династии (Среднее царство), а его исчезновение – XXV династии. Присс д'Авенн раздвигает эти рамки с V до XXVI династии соответственно¹⁸. Фрагменты квадратной сетки мы находим в сцене доставки продуктов и вещей в гробнице Нисутнефер периода V династии Старого царства¹⁹. Э. Фехт, одна из авторов «Лексикона египтологии», полагает, что уже в палатке Нармера мастером используется квадратная сетка²⁰. Во время правления XXVI династии первый канон выходит из употребления и на смену ему приходит второй канон. Робинс считает, что древнеегипетскими мастерами долгое время использовались два канона одновременно²¹. Общая высота фигуры, согласно Лепсиусу, теперь составляет 22 квадрата сетки, до линии парика – 21 квадрат, до рта – 20, до плеча – 19, до колена – 7 квадратов. Робинс полагает, что высота сетки в 21 квадрат для стоящей и 17 квадратов для сидящей мужской фигуры отмечала не линию парика, а уровень верхнего века. Как считал Присс д'Авенн, пропорции изображения остаются почти неизменными, однако туловище слегка вытягивается, голова удлиняется, а члены тела слегка утолщаются²².

Особое место в ряду работ по проблеме канона пропорций занимает монография английского исследователя Э. Иверсена. Объем работы (автор счел нужным выйти за рамки статьи, обычные для этой тематики) и разработанность системы взглядов позволяют рассматривать ее как основную в ряду подобных²³. Не случайно именно теория Иверсена стала базовой основой определения канона в «Лексиконе египтологии»²⁴. Вслед за Лепсиусом, Эдгаром и др. Иверсен утверждает, что определенные соотношения между различными частями изображения стоящей мужской фигуры достигались благодаря использованию двух канонов пропорций, каждый из которых

¹⁸ *Prisse d'Avannes. Histoire...* P. 123.

¹⁹ *Junker H. Giza III. Wien-Lpz, 1938. Abb. 27.*

²⁰ *Feucht. Op. cit. S. 1202.*

²¹ *Robins. Op. cit. P. 51.*

²² *Prisse d'Avannes. Histoire...* P. 123.

²³ *Iversen E. Canon and Proportions in Egyptian Art. L., 1955.*

²⁴ *Feucht. Op. cit. S. 1201–1206.*

базировался на присущей ему системе линейного измерения. Используя идею Лепсиуса о двух канонах, Иверсен преобразовал ее, выдвинув в качестве метрической единицы первого канона так называемый «малый локоть» и «царский локоть» – для второго канона. В основу *первого канона* была положена метрология, берущая начало в естественных пропорциях человеческого тела и закрепляющая эти пропорции в изображениях. «Малый локоть» (mh) – расстояние от предплечья у локтя до кончика большого пальца вытянутой руки. В переводе в современные единицы он был равен 0,45 м. Кроме «малого локтя» в метрологию первого канона входили šzp – ширина сжатой кисти руки (на уровне суставов пальцев), đsr – расстояние от локтя до запястья руки, hf^c (кулак) и db^c (палец), который делился на 2, 3, 4, 8, 16 частей. Все единицы системы находились в тесной взаимосвязи между собой: 4 пальца составляли 1 šzp, 5 1/3 пальца равнялись ширине кулака, который, в свою очередь, составлял 1/3 от đsr. Расстояние от локтя до запястья, по утверждению Иверсена, как правило, было равно длине ступни и включало в себя 4šzp и составляло 2/3 «малого локтя». Подобно Лепсиусу, Иверсен переносит греческую систему мер на египетскую почву: греческая «морская сажень» – расстояние между средними пальцами вытянутых в сторону рук – находит свой аналог в hpt и включается в египетскую метрологию. В нашем случае hpt равняется расстоянию от подошвы ног изображенной стоящей мужской фигуры до точки на лбу, где проходит линия парика. Существует строгая зависимость hpt от mh и đsr: 1/4 hpt = mh и 1/6 hpt = đsr. В соответствии с первым канонам Иверсена изображение мужчины от подошвы ног до линии парика (hpt) вписывалось в сетку из 18 равных квадратов. Сторона одного квадрата равнялась ширине кулака, три квадрата служили основой для длины ступни и đsr. Первая линия вертикальной разметки пересекает середину икр ног и, согласно первому канону Иверсена, проходит на высоте трех квадратов сетки, вторая линия отмечает уровень середины колена и поднята на 6 квадратов, третья линия разметки – линия запястья опущенной руки соответствует девяти квадратам сетки и делит фигуру от линии парика до ступни ног на две равные части, четвертая – линия локтей проходит на уровне 12 квадратов, линия подмышки – 14,5 квадратов, линия плеч – 16 квадратов. Последняя, седьмая линия проводится на уровне парика и заключает фигуру в 1 hpt. В годы правления XXVI династии в египетской изобразительности происходят глубокие изменения, в результате чего появляется так называемый *второй канон*. Изображение человека теряет естественную пропорциональность, верхняя часть туловища вытягивается за счет включения в систему трех дополнительных квадратов и использования новой метрологии. Квадратная сетка, согласно Иверсену, состоит теперь из 21 квадрата по вертикали, а единицей меры становится так называемый «царский локоть» – расстояние от предплечья у локтя до среднего пальца вытянутой ладони. Это и не удивительно: несмотря на архаизацию культуры в Саисское время, ориентацию на памятники Старого царства, рельефы на стенах гробниц меняют свое внутреннее содержание²⁵. В результате естественного развития религиозных взглядов или же смещения акцента происходит переход от изображения реального действия как такового к его символу²⁶. Наряду с этим теряет былую естественность пропорций и первичный канон.

Безусловно, выделение двух канонических пропорций и соответствующих им универсальных единиц мер придает теории Иверсена определенную гибкость, однако присущая ей и распространенная среди других исследователей канона иллюстративная система доказательств, построенная, как правило, на привлечении нескольких произвольно выбранных примеров, вызывает невольную настороженность и снижает, в конечном итоге, ценность исследования. Подобные теории легко разрушаются даже при начальной попытке привлечь дополнительные, не оговоренные автором источники. Использование иллюстративного метода доказательства в какой-то мере объясняется

²⁵ Пищикова Е.В. «Бытовые сцены» в саисских гробницах некрополя в Асасифе // ВДИ. 1992. № 4. С. 74–98.

²⁶ Там же. С. 98.

традиционной трактовкой категории «канон», восприятием его как «твердо установленного, общепринятого». Она нацеливает ученых на поиск универсальных правил, определяющих систему пропорций всех изображений. Предполагается, что все рельефы в камерах и часовнях гробниц в своей внутренней структуре повторяют один или два общепринятых образца, а работа художника заключалась в «тиражировании» с помощью вертикальной разметки или квадратной сетки одного либо двух вариантов соотношения пропорций, по-видимому, для того, чтобы уменьшить вероятность полного уничтожения образа умершего. Однако часто на публикациях заметно разнятся своими пропорциями (и, значит, не являются слепком с какого-либо оригинала), а высота, к примеру, подмышек, локтей или колен у какой-либо фигуры различна. Между тем как они, отмечаемые одной линией разметки либо равным числом квадратов сетки (как пишут об этом исследователи канона), должны бы иметь *одинаковый* уровень. На первый взгляд все эти неточности легко объясняются сложностью работы с разметкой: очерчивая контур изображения, мастер ориентировался на расположенные по центру фигуры разметочные точки. Расстояние между локтями, подмышками и коленями рельефа, зависящее от его высоты, было часто достаточно велико, а значит разместить, к примеру, локти на одном уровне представляло определенную трудность. Если художник не задавался такой целью, подобный разброс уровней покажется естественным. Однако выборочные примеры показали, что в гробницах Чи²⁷ и Кар²⁸ на отдельных изображениях разница положения локтей составляет 4% от высоты фигуры в *hrt*, Иду²⁹, Нефри³⁰ и Птаххетеп³¹ – 5%, а у Нихетепптах³² – 8% и даже 9%³³ и т.д. Процент таких изображений столь высок, а различия столь разительны, что невозможно, объяснив их просчетами художника, отнести в разряд исключений. Все это наводит на мысль о необходимости более последовательного и более тщательного анализа источникового материала.

Из огромной массы изображений Старого царства автору удалось выбрать около *ста пятидесяти* фигур хозяина гробницы, достаточно хорошо сохранившихся и адекватно представленных в публикациях. Выбор этого периода не случаен. Старое царство, к которому традиционно относят время правления царей III–VIII династий, считается временем становления и утверждения экономических, социально-политических и идеологических основ государства. Характерные для этого периода черты сохраняются на протяжении развития всей последующей истории, то выдвигаясь на первый план, то уходя в тень, теряя свою былую значимость, чтобы опять однажды заявить о себе, но не исчезают бесследно. В это время стены камер и часовен покрываются рельефами.

К концу VI династии они заполняют все свободные места, составляя сложную систему из множества взаимосвязанных компонентов. Считается, что иконографический канон окончательно закрепляется в изображениях во времена I–II династии³⁴, а квадратная сетка, по мнению некоторых специалистов, используется уже в палатке Нармера³⁵. К тому же памятники этого периода отличаются той особой тщательностью исполнения, какую мы уже не часто увидим в последующие периоды. Здесь мы находим гробницы Птаххетепа, Чи, Анхмахора и др., на стенах которых мастерски изготовленные рельефы, кажется, не оставляют места малейшей небрежности

²⁷ Wild H. *Le Tombeau de Ti*. Fasc. 2. L., 1953. Pl. XI.

²⁸ Simpson W. *The Mastaba of Qar and Idu*. Boston, 1976 (Giza Mastabas. 2). Fig. 21.

²⁹ Ibid. Fig. 34.

³⁰ Abu-Bakr A. *Excavations at Giza 1949–1950*. Cairo, 1953. Fig. 41.

³¹ Quibell I.E. *The Tomb of Ptah-Hetep*. L., 1898. Pl. XXXI.

³² Badawy A. *The Tomb of Nyhetep-Ptah at Giza and the Tomb of Ankhm'ahor at Saqqara*. Los-Angeles, L., 1978.

Fig. 2.

³³ Ibid. Fig. 11.

³⁴ Матъе М.Э. *Искусство древнего Египта*. М.–Л., 1961. С. 43.

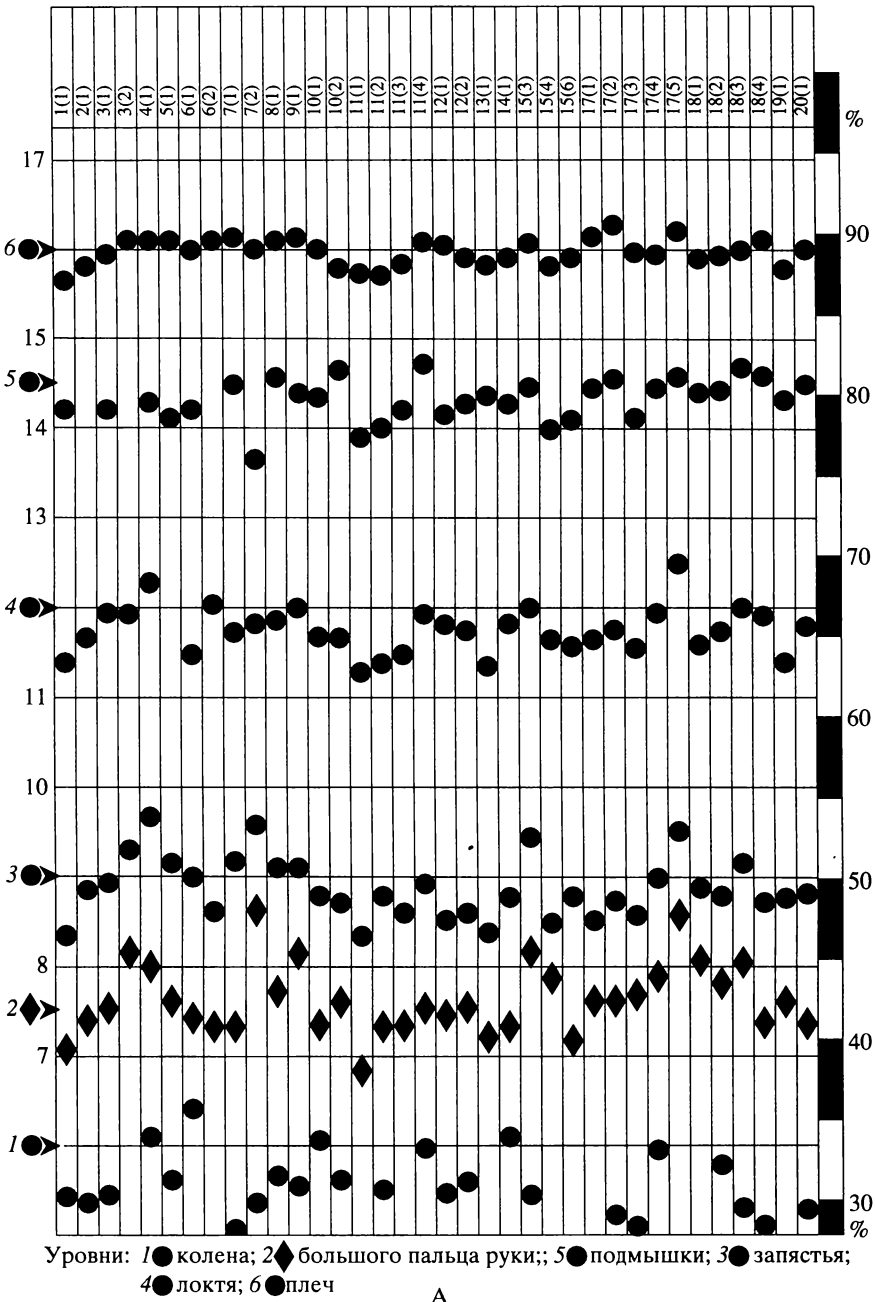
³⁵ Feucht. *Op. cit.* S. 1201.

и, следовательно, художник должен был особо тщательно придерживаться рамок канона.

Памятники более позднего Среднего царства не так многочисленны и дошли до нас в несравненно более худшем состоянии. Разметочными линиями и точками египетские мастера обычно отмечали общую высоту изображения (уровень макушки), уровень линии парика, верхнего века, плеч, подмышек, локтей, запястья, большого и среднего пальца опущенной руки с жезлом, уровень середины колена. На рельефах, содержащих вертикальную разметку, как правило, не отмечались все без исключения перечисленные уровни. Обычно из этого перечня мастером без видимой последовательности выбирались несколько показателей, но при промере фигур нами были учтены все возможные варианты. Данные, полученные в результате измерения пропорций изображений, были подвергнуты математической обработке и переведены в графическую форму, дающую возможность наглядно представить закономерность варьирования количественных значений признака в исследуемых совокупностях, сравнить их, выявить наличие и форму связи между признаками. Высота от подошвы ног до линии парика всех промеренных нами изображений принимается за 100%, что позволяет сопоставить их внутреннюю структуру, обычно скрадываемую различием в размерах.

Если бы наше понимание древнеегипетского канона соответствовало действительному положению вещей и художник придерживался в работе твердо установленных правил, привлекая для верности вертикальную разметку или квадратную сетку, то получаемое в результате определенное соотношение пропорций с известной точностью должно было бы повторяться во всех изображениях, а значит уровни плеч, подмышек, локтей, запястья, большого пальца и колен должны были бы быть постоянны для всех фигур. Эти уровни, соответствующие, по мнению сторонников канона точкам вертикальной разметки или определенным клеткам квадратной сетки, отмечены на графиках. Шкала процентов с нанесенными делениями, а также горизонтальные линии квадратной сетки, делящей в соответствии с первым канонам фигуру от линии парика до ступни ног на восемнадцать частей, позволяет соотнести между собой различные уровни каждого из представленного на графиках изображения. Идеальный вариант должен предусматривать нулевой разброс и наложение всех без исключения точек на соответствующий канонический уровень. Мы могли бы увидеть некую закономерность даже в том случае, если бы вариационный размах был бы велик, но полученный «узор» перепадает повторяясь на двух или нескольких уровнях. Это означало бы, что мастер, не обращая особого внимания, к примеру, на уровень плеча и локтя, стремился поставить в пропорциональную зависимость от высоты фигуры расстояние от плеча до локтя и т.д.

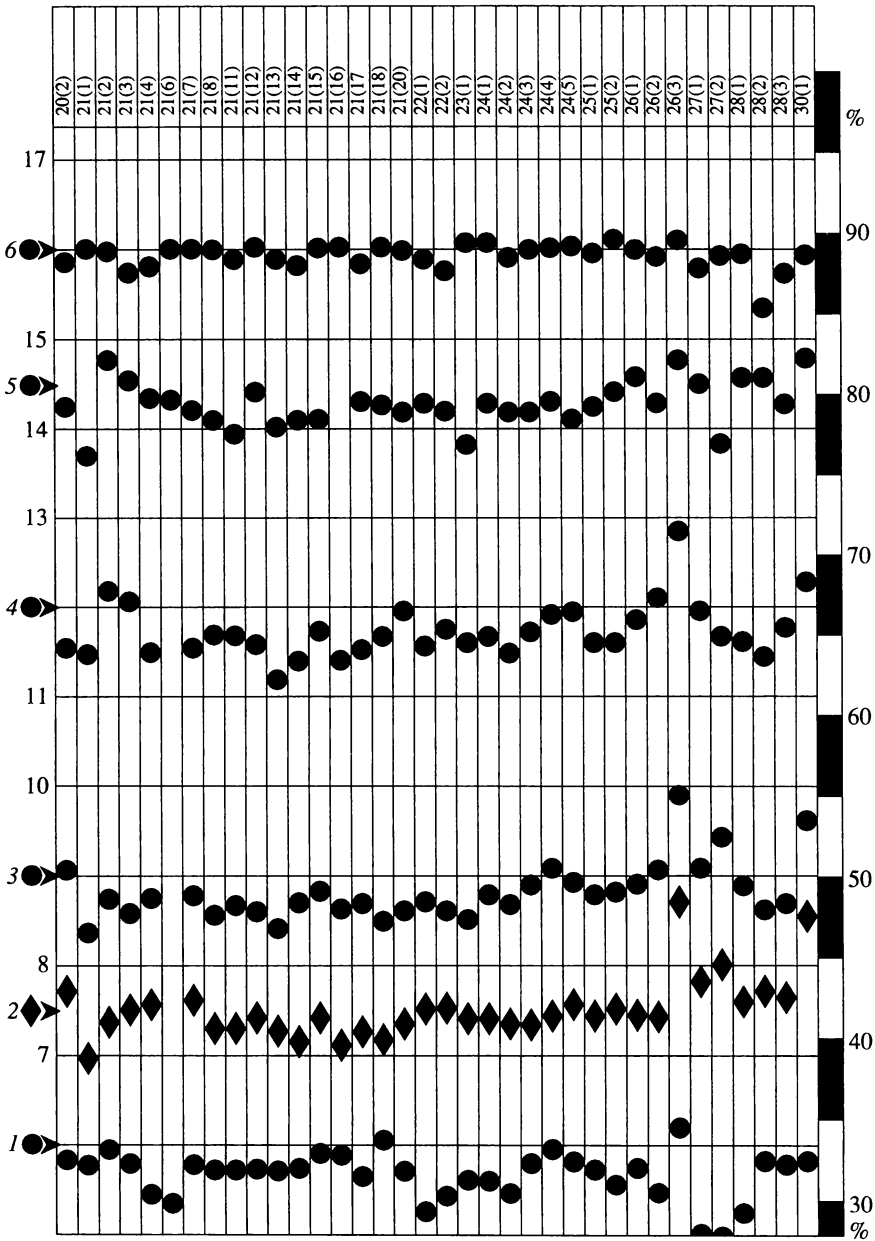
Использованные автором изображения приведены в конце статьи в хронологическом порядке, т.е. в той же последовательности, что и на графиках. Цифрами в списке обозначены гробницы, а также (в скобках) изображения внутри них, что позволяет легко найти требуемый рельеф на графике и связать отдельные графические показатели с нужным рельефом. Затем следует имя хозяина гробницы, время ее строительства, по египтологической традиции определяемое временем правления той или иной династии (в некоторых случаях указывается правление царя, уточняющее хронологические рамки), сноска на издание, по которому была определена датировка. Подстрочная сноска указывает издание, по которому были сделаны промеры и номер рисунка или листа с воспроизведением. В том случае, если необходимо уточнить, какая именно гробница имеется в виду (к примеру, на графиках представлены рельефы из трех разных мастаб, принадлежащих трем разным людям, но с одним и тем же именем Нефер), после имени хозяина ставится название некрополя либо номер гробницы. Если на одном листе находится несколько изображений, но каждое из них особо не отмечено в публикации, в нашем списке фигуры слева направо отмечаются буквами русского алфавита. На графике 1 (1А, 1Б, 1В, 1Г) наглядно показано соотношение различных частей фигуры по вертикали в изображениях периода Старого царства. Промерялись только мужские изображения стоящего хозяина гробницы.

А

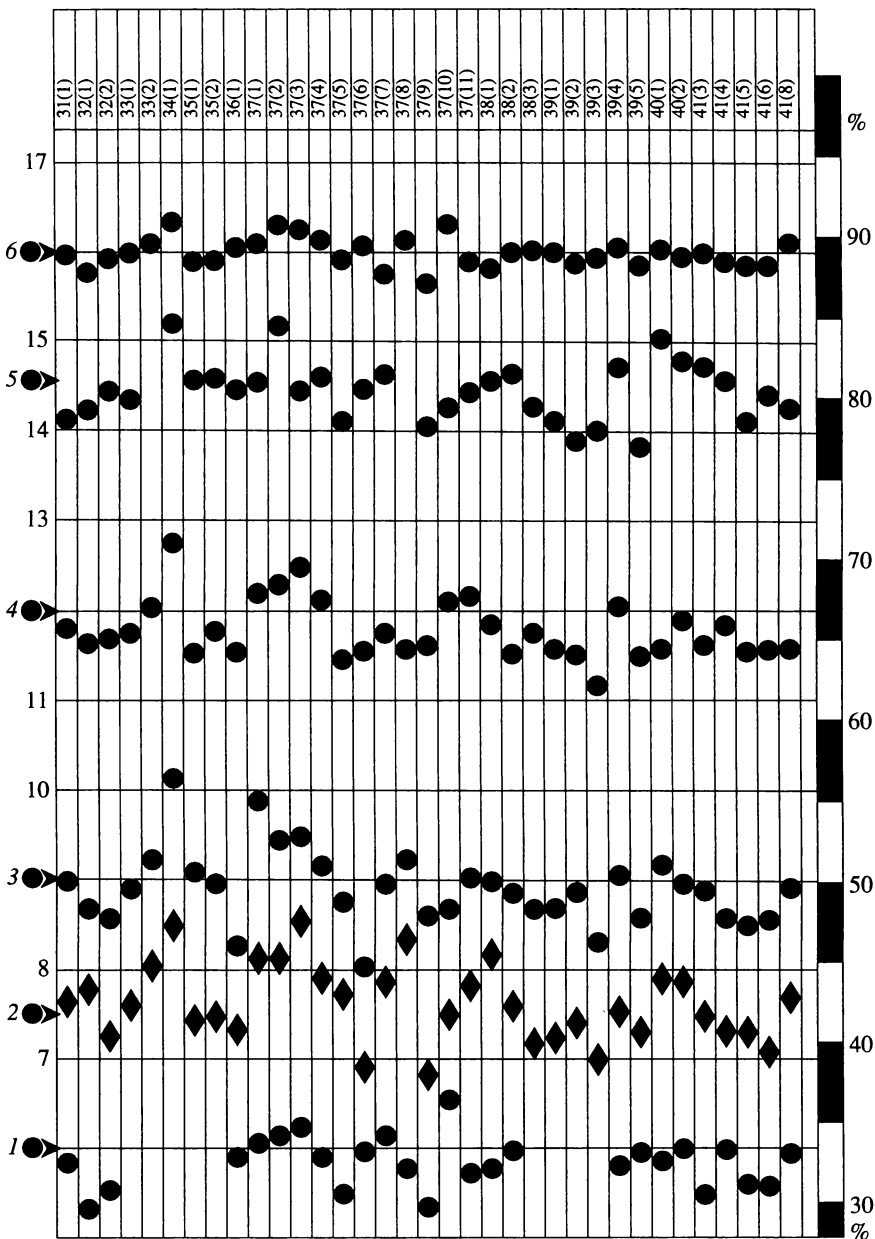
График 1 А-Г

Вариационный размах уровня положения плеч всех изображений, являющийся на нашем графике разностью между наибольшим показателем в рельефе 34 (1) Нефер и наименьшим 28 (2) Шепсескафанх, составляет 6% от высоты фигуры до линии парика, что несколько больше стороны квадрата разметочной сетки (квадрат разметочной сетки, согласно первому канону, равен 1/18 высоты фигуры до линии парика, взятой у нас за 100%, т.е. около 5,5%). У основной массы изображений разброс точек по этому

Б

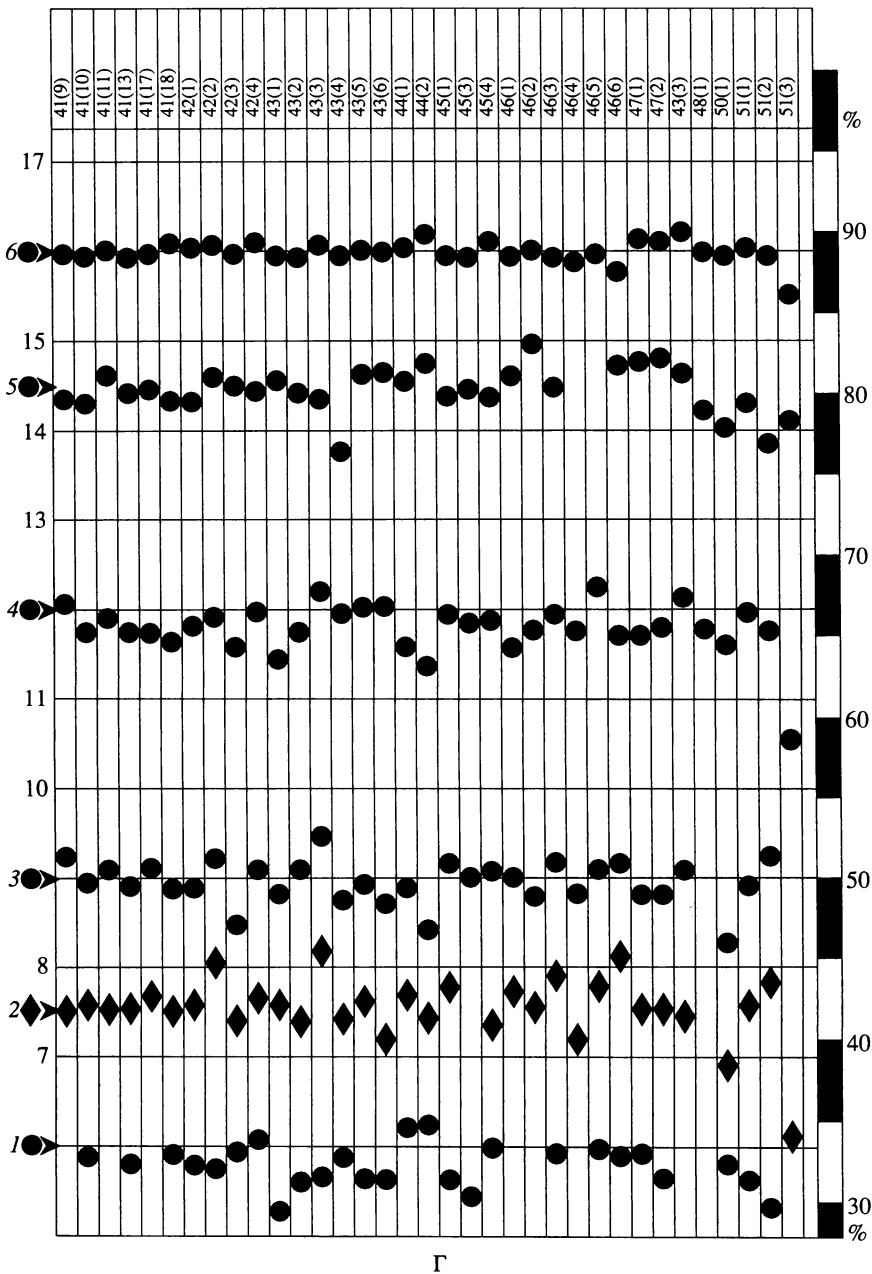
показателю достигает 3%. Вариационный размах уровня положения подмышек опущенной правой руки составляет более 8% – разницу между 34 (1) Нефер, 37 (2) Нихетептах и 7 (2) Камени, у основной массы – 5-6%; положения локтя опущенной руки соответственно 13% (более двух квадратов сетки), 26 (3) Нефри и 51 (3) Кахиф и 5-6%; уровня запястья – 11% (34) (1) Нефер и 37 (6) Нихетептах, 4-5% в большинстве рельефов; уровня большого пальца опущенной руки – 10,5 (26) (3) Нефри и 11 (1) Ахтихетеп и 4-5% в большей части изображений; колена – 9% (37) (10) Нихетептах и 27 (2) Мерисуанху и 4-5% у большинства изображений. Даже работая над рельефами,

В

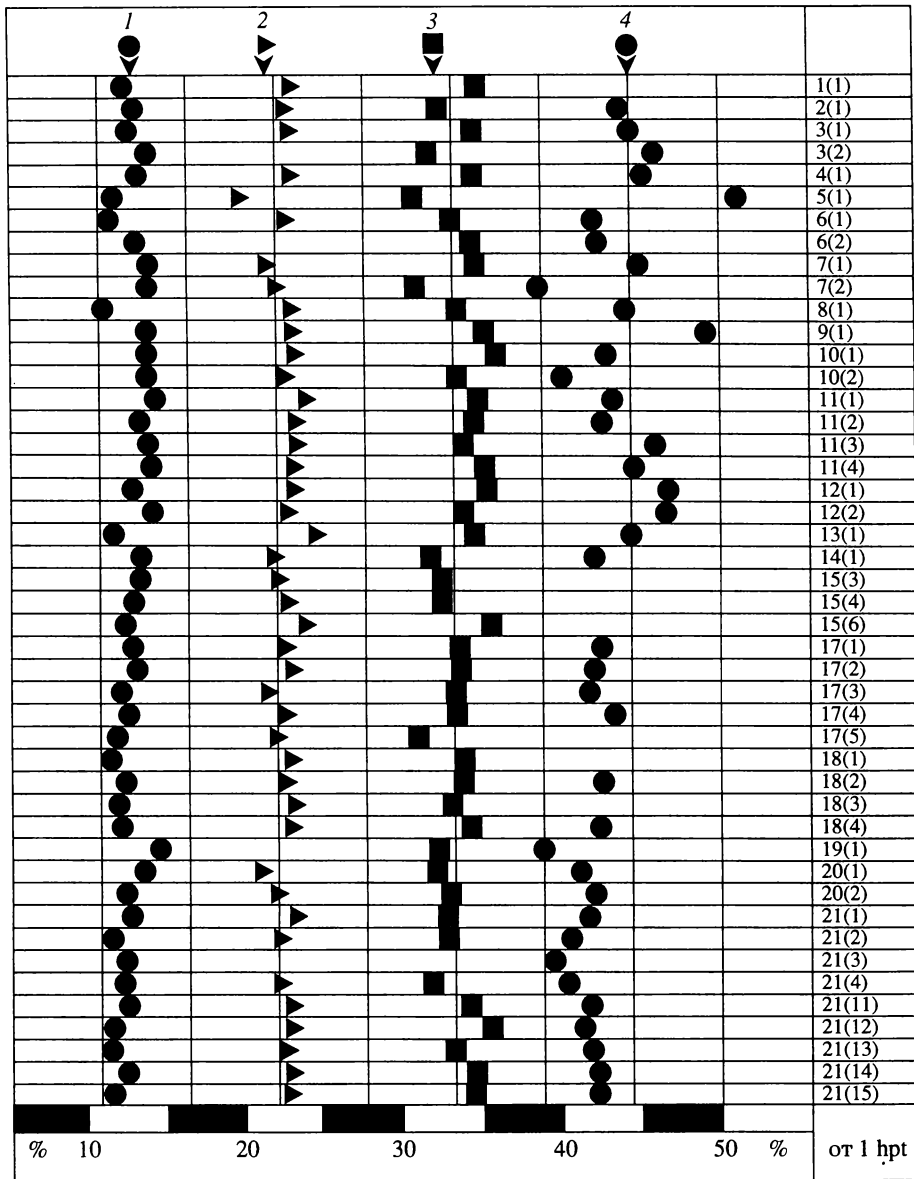
объединенными стенами одной гробницы, художник не стремился сохранить постоянство вертикальных пропорций. К примеру, как видно на графике 1, разница в уровне положения подмышек в гробнице Чи достигает 6% (21) (2) – 21 (1), у Мерерука – 4% (41 (3–5)), Нихетептах – 7% (37 (2–9)), Иазен – 5% (43 (5, 6) – 43(4)), Нефер – 3% (17 (5) – 17 (3)), уровней локтя опущенной руки у Чи – 6% (21 (2) – 21 (13)), Мерерука – 3% (41 (9) – 41 (5)), Нихетептах – 6% (37 (3) – 37 (5)), Иазен – 4% (43 (3) – 43 (1)), Нефер – 5% (17 (5) – 17 (3)), запястья опущенной руки: 3% (21 (15) – 21 (1)), 4% (12 (9) – 12(5)), 8% (37 (3) – 37 (6)), 4% (43 (3) – 43 (6)),

6% (17 (5) – 17 (1)), большого пальца этой же руки – 4% (21 (7) – 21 (1)), 4% (41 (8, 17) – 41 (6)), 10% (37 (3) – 37 (9)), 6% (43 (3) – 43 (6)), 6% (17 (5) – 17 (1)), колена правой ноги (левая нога всегда выдвинута вперед): 4% (21 (18) – 21 (6)), 3% (41 (4) – 41 (3)), 7% (37 (10) – 37 (9)), 4% (43 (4) – 43 (1)), 5% (17 (4) – 17 (3)), соответственно.

Рассмотрим горизонтальные пропорции изображений хозяина гробницы. Автором были промерены ширина шага, плеч, талии и расстояние между подмышками – параметры, по которым и создается зримое представление о ширине фигуры. Соотношение пропорций стоящих мужских фигур по горизонтали показано на графике 2 (2А, 2Б,

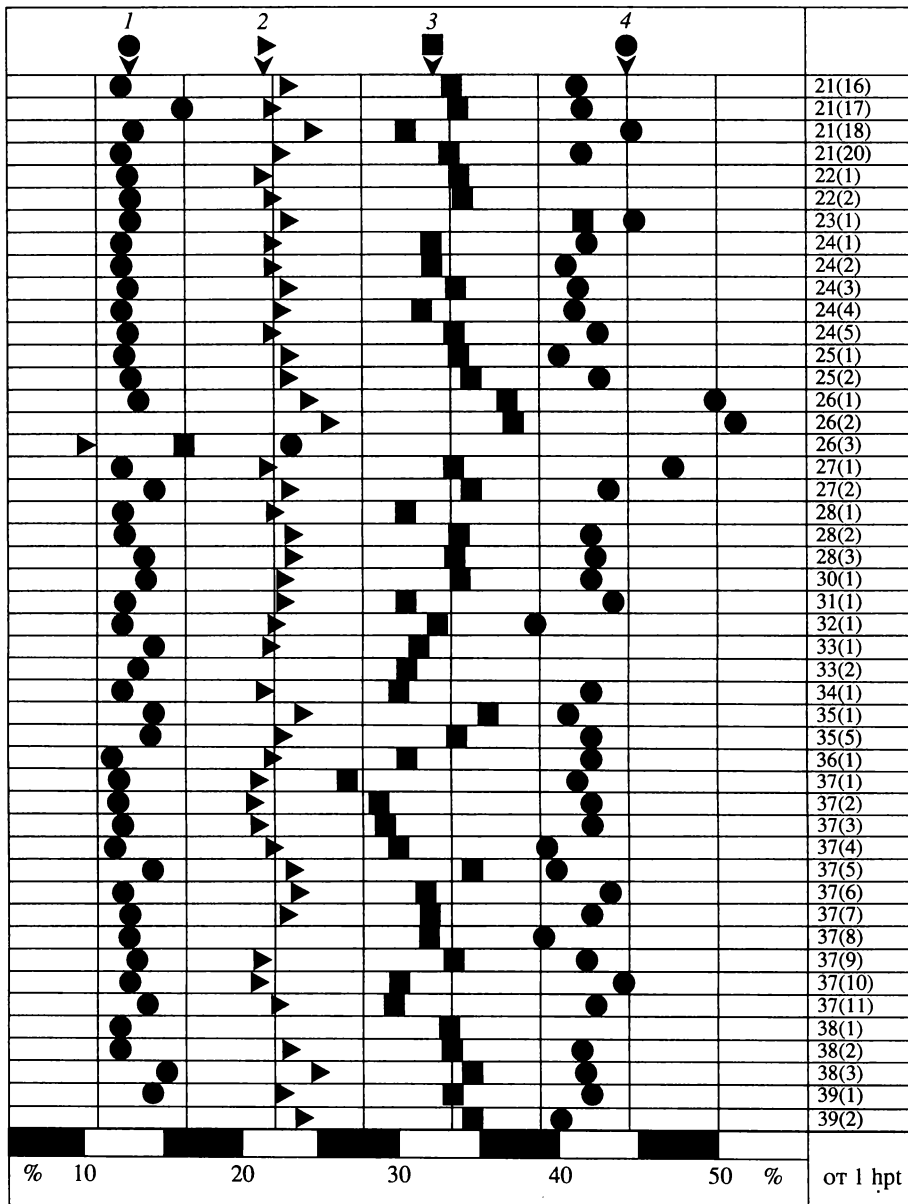

1 ● ширина талии; 2 ► расстояние между подмышками; 2 ■ ширина плеч;
4 ● ширина шага

А

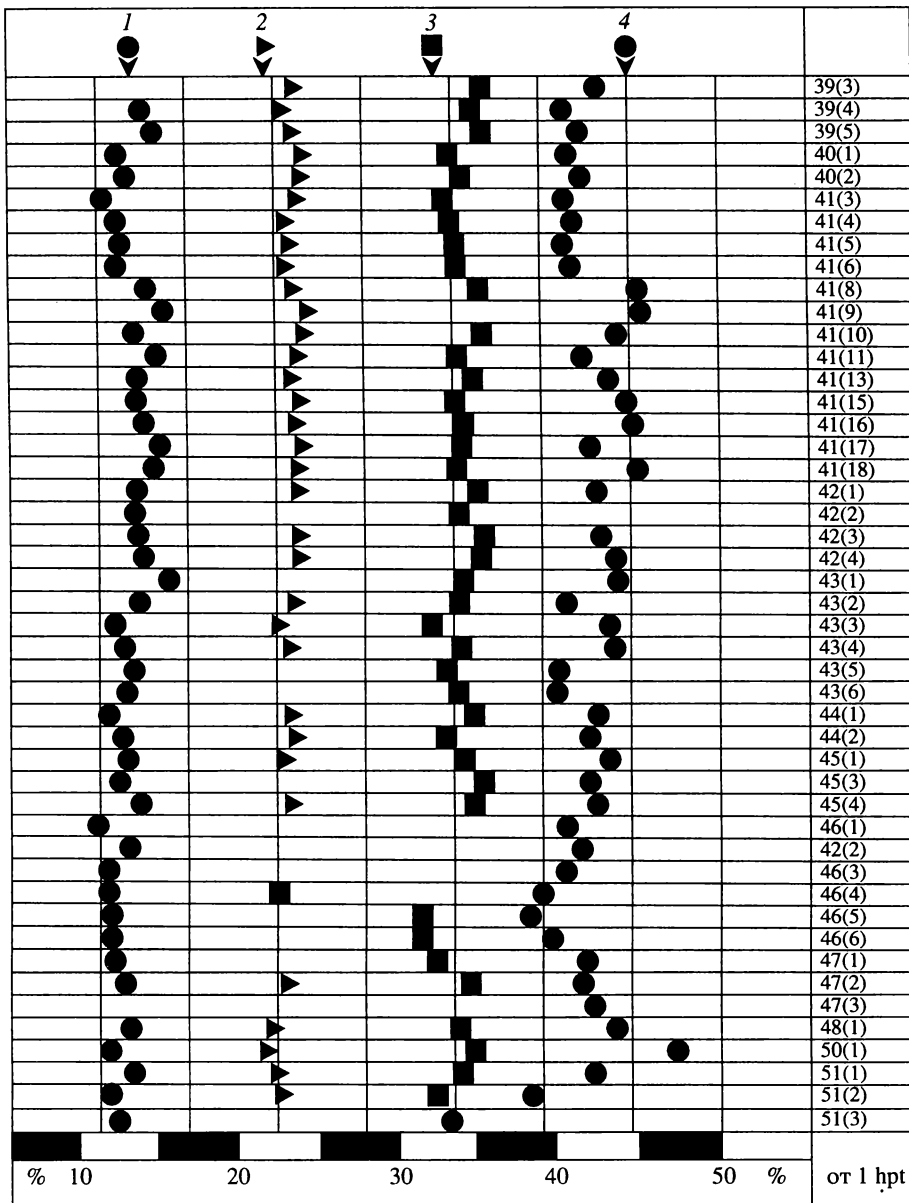
График 2 А-В

2В). Здесь, как и на графике 1 за 100% берется высота каждого рельефа до линии парика (1 ħрт). Горизонтальные величины сопоставлялись с ħрт и после математического вычисления наносились на график, наглядно демонстрируя их соотношение с высотой фигуры, с показателями однородного характера и показателями другого порядка. Величину показателя можно определить процентным отношением к высоте фигуры (шкала процентов находится на графике внизу), либо условно по квадратам сетки. Два рельефа – 26 (3) Нефри и 46 (4) Мериранефер/Кар с явно смещенными пропорциями

Б

отнесем в разряд исключений. Ширина шага не связана с размерами фигуры жесткой зависимостью, и поэтому мы вправе ожидать большого различия размеров этого порядка. И действительно, вариационный размах показателей ширины шага составляет 19% от высоты фигуры в 1 ħрт, т.е. более трех квадратов разметочной сетки 5 (1) Чени, 26 (2) Нефри, 51 (3) Кахифа). В пределах отдельных гробниц разница показателей составляет у Чи – 7%, у Мерерука – 6%, у Нихетептах – 5%, у Иазен – 5%, у Нефер – 3%, т.е., в среднем, квадрат сетки. Процентное соотношение ширины плеч к высоте фигуры до линии парика в отдельных случаях (17 (1) – 17 (4) Нефер, 51 (4) – 51 (6) Мерерука, 51 (15) – 51 (18) Мерерука) можно считать почти идеально

В

равным, с учетом конечно же тех неточностей, которые могли вкратиться в наши расчеты из-за слишком мелкого масштаба воспроизведения рельефов. Однако и в этом случае вариационный размах показателей достаточно высок и составляет около 15% (23 (1) Итети – 37 (10) Нихетептах), т.е. более двух квадратов сетки. Между тем ширина плеч накладывает сильный отпечаток на наше восприятие абриса в целом: даже небольшой просчет, несмотря на то, что остальные размеры подобраны безукоризненно точно, делает фигуру вытянутой либо приземистой и, следовательно, если бы мастер стремился создать определенное число изображений с однотипным внутренним соотношением пропорций, он, безусловно, особое внимание уделит бы этому пока-

зателю. В пределах отдельных гробниц разница ширины плеч в пропорциональном отношении к высоте фигуры также велика: у Чи и Нихетептах она составляет 7%, т.е., более квадрата сетки, у Мерерука – 4%, у Иазен и Нефер – 3%. Расстояние между подмышками является, пожалуй, той величиной, которая в большей степени, чем другие показатели, связана с высотой фигуры. Хотя наибольшая вариабельность здесь составляет 7% (26 (2) Нефри – 5 (1) Чени), у основной массы изображений она не превышает 3–4%. В гробнице Чи разброс показателей этого порядка составляет 4%, Мерерука – 3%, Нихетептах – 4%, Нефер – 2%. Вариационный размах показателей ширины талии на графике составляет 6% (21 (17) Чи – 46 (1) Мериранефер/Кар). В гробнице Чи он достигает 6%, Мерерука и Иазен – 5%, Нихетептах и Нефер – 3%.

В монографиях Иверсена, Лепсиуса и других работах, посвященных изучению проблемы канона пропорций, мы можем увидеть изображение мужской фигуры, вписанной в квадратную сетку, с «идеальным» соотношением размеров. Длина шага у нее составляет 8,2 квадрата, ширина плеч – почти 6 квадратов, расстояние между подмышками – 4 квадрата, ширина талии – 2,5 квадрата. Столь мелкая сетка могла служить древнеегипетскому художнику превосходным инструментом, с помощью которого можно было буквально копировать какой-либо оригинал, а различия между рельефами по какому-либо параметру, исчисляемые даже четвертью квадрата (1,4%), должны считаться грубой ошибкой художника. Стоит только вспомнить, что высота изображения, как правило, была более одного метра, а значит длина стороны квадрата никак не должна быть менее пяти сантиметров. Между тем, вариабельность показателей длины шага составила у нас на графике более трех квадратов, плеч – более двух, а подмышек и талии – около одного квадрата. Чем же можно объяснить все это? Используя сетку, мастер не подчинялся правилам с рабской последовательностью, он работал непринужденно, полагал Эдгар, не представлявший, по-видимому, истинных масштабов этих отклонений³⁶.

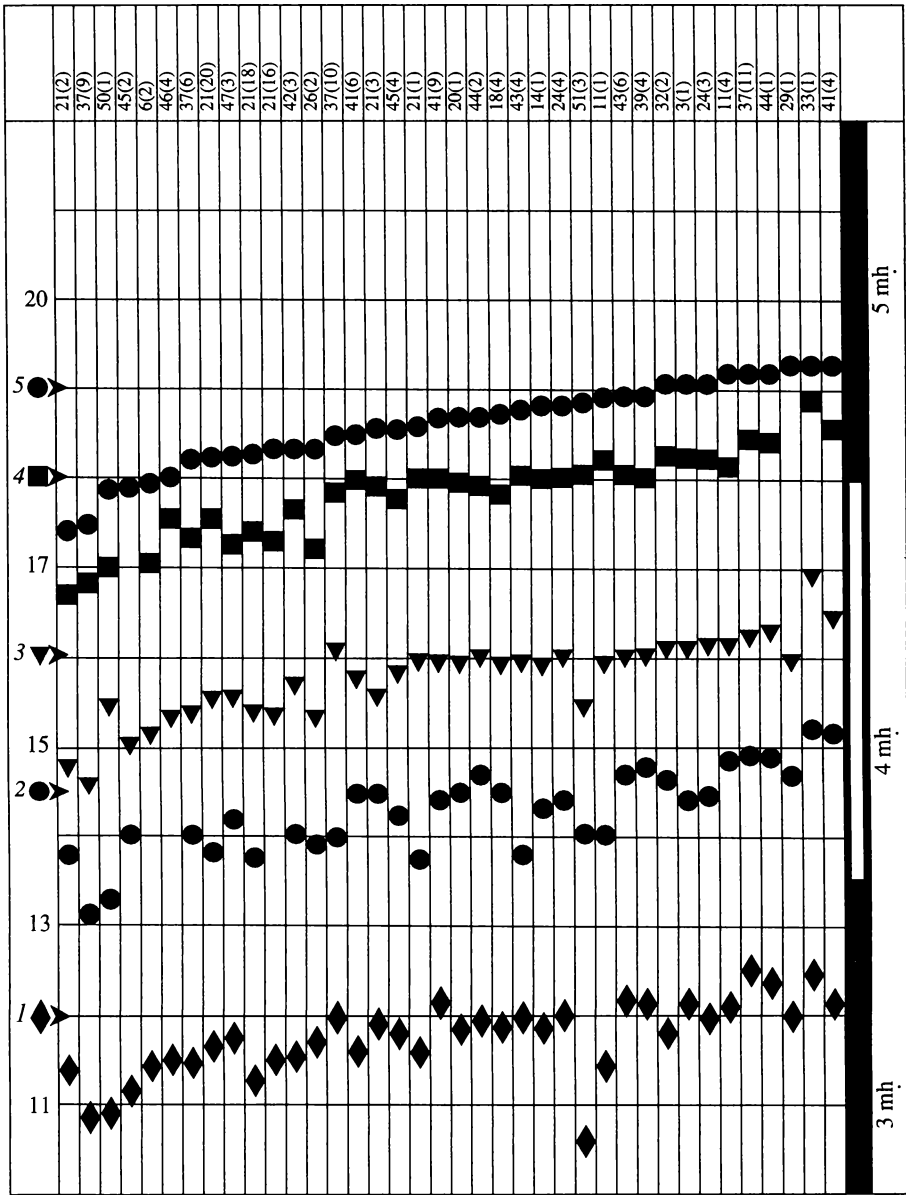
Чтобы чувствовать себя свободным в своем творчестве, художнику не нужно было вначале расчерчивать на стене квадратную сетку, состоящую из сотен квадратов, позволяющую строить множество изображений, с исключительной точностью повторяя первоначальный образец, чтобы затем попросту проигнорировать ее. Можно было бы удовлетвориться простой вертикальной разметкой. Некоторые исследователи полагают, что частое отклонение от заданного образца случается из-за несовершенного способа нанесения разметки: линии отмечались погрешенным в черную или красную краску шнуром³⁷. Удивительно, что египетские мастера, виртуозно пользующиеся различными приспособлениями при строительстве огромных архитектурных комплексов, становились совершенно беспомощными, когда необходимо было наметить на стене несколько параллельных прямых.

Большинство защитников канона относят все не охваченные рамками их теории изображения в разряд исключений. На примере теории Иверсена рассмотрим, насколько велик может быть процент подобных исключений. Результаты даже предварительного анализа широкого круга источников приходят в противоречие с ее базовыми положениями: длина ступни далеко не всегда равняется расстоянию от локтя до запястья, а линия запястья почти никогда не делит изображение на две равные части.

На графике 3 (3А, 3Б, 3В, 3Г) показано пропорциональное соотношение между «малым локтем», являющимся, как полагает Иверсен, универсальной для всех изображений единицей измерения первого канона, и основными вертикальными членениями фигуры. Расположение разметочных точек определяется у Иверсена длиной «малого локтя» ($m\eta$) фигуры и отмеченными уже выше соотношениями, в соответствии с которыми $4 m\eta$ должны быть равны высоте фигуры от стопы до линии парика на лбу, $2/3 m\eta$ составлять расстояние от локтя до запястья и длину ступни. Положение других частей изображения стоящей мужской фигуры определяется по квадратам. На гра-

³⁶ *Edgar*. Op. cit. P. 146.

³⁷ *Feucht*. Op. cit. S. 1202.

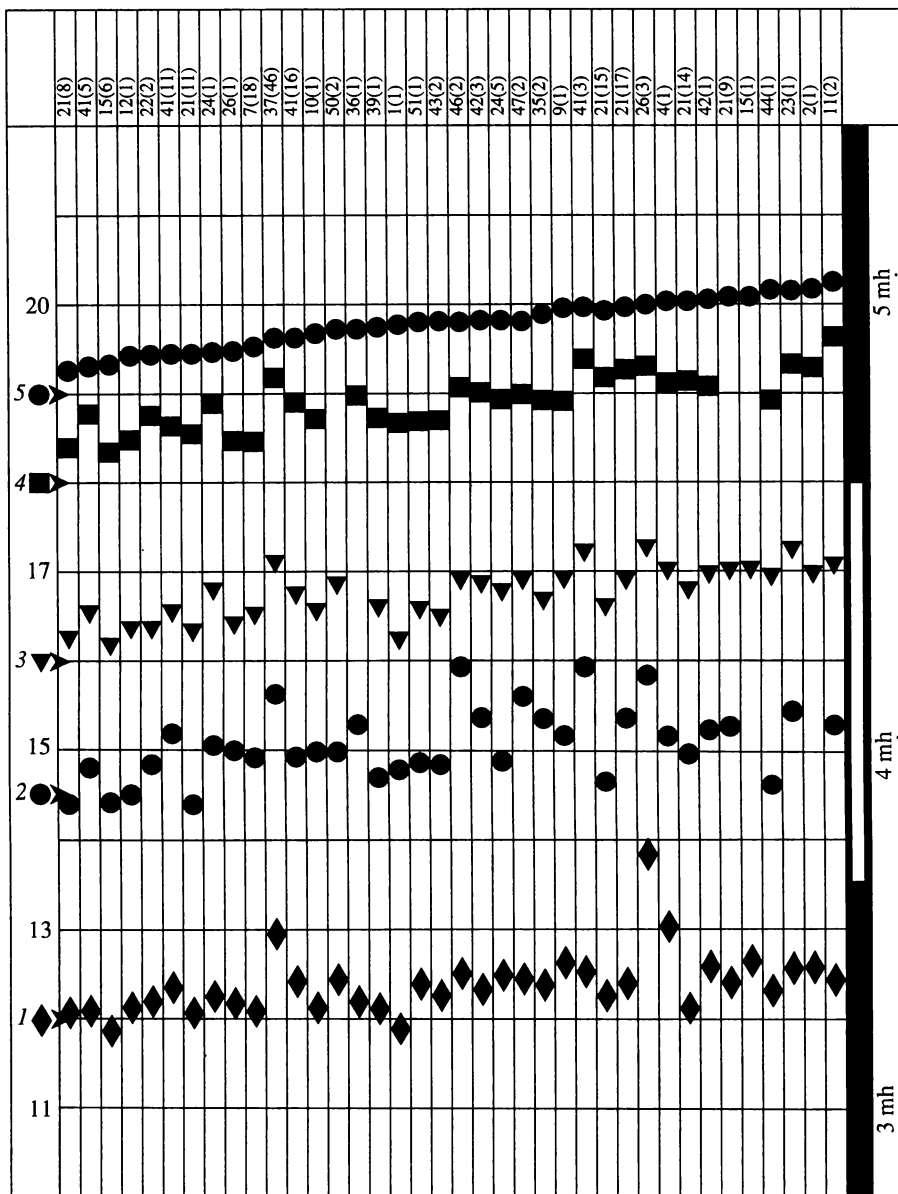

1 ◆ уровень локтя; 2 ● уровень подмышки;
 3 ▼ уровень плеч; 4 ■ уровень линии парика; 5 ● уровень макушки

А

График 3 А-Г

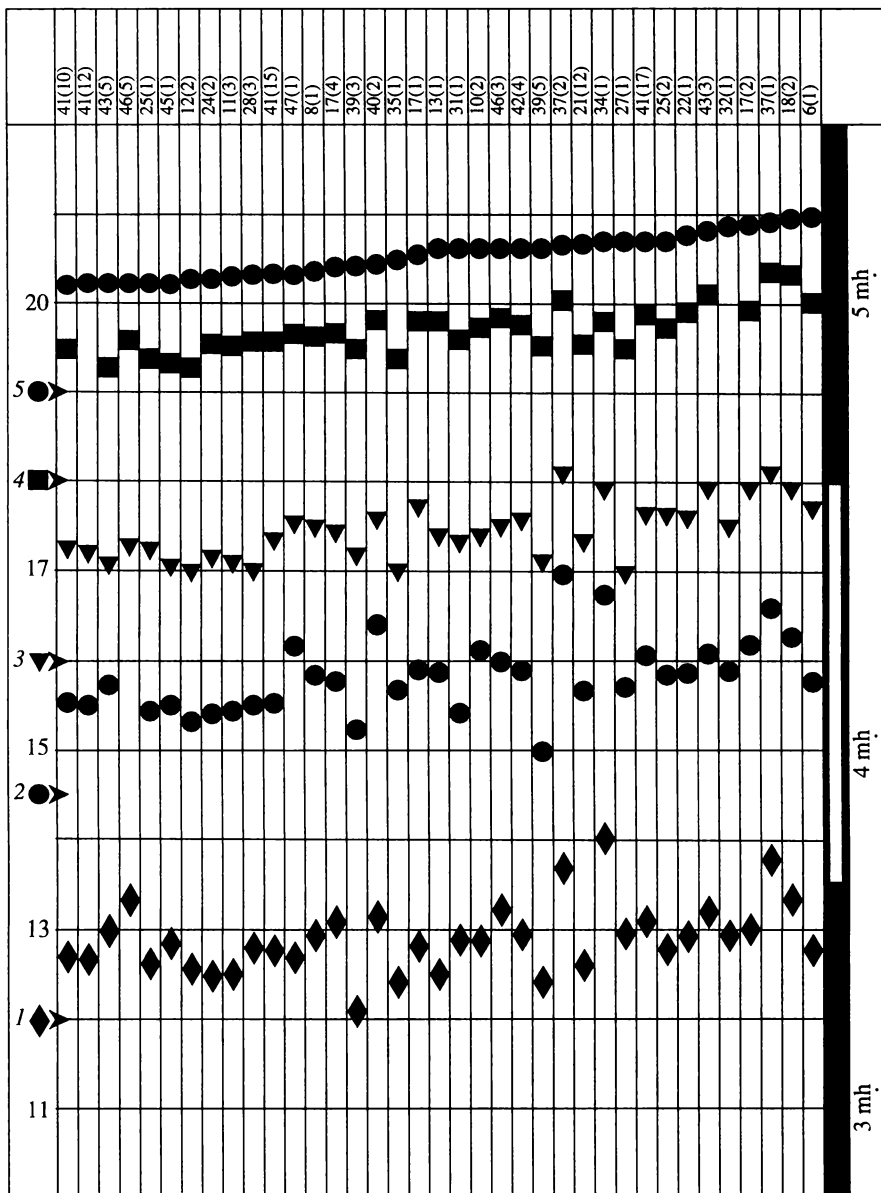
фиге 3 за 100% принимается длина «малого локтя» опущенной правой руки всех промеренных фигур. Путем несложных математических вычислений автором было выяснено, сколько мт включат в себя высота фигуры от подошвы ног до макушки, линии парика на лбу, плеча, подмышки опущенной руки, локтя. Следовательно, если между «малым локтем» и остальными частями изображения действительно существует какая-либо зависимость, то уровни плеч, подмышек и др. должны быть одинаковы на

Б

графике у всех исследуемых объектов. Чтобы наглядно представить степень соответствия полученного результата заданному Иверсену каноническому, на графике нанесены горизонтальные линии квадратной сетки и размещена шкала отношений, предназначенная для установления количественных соотношений измеряемых величин.

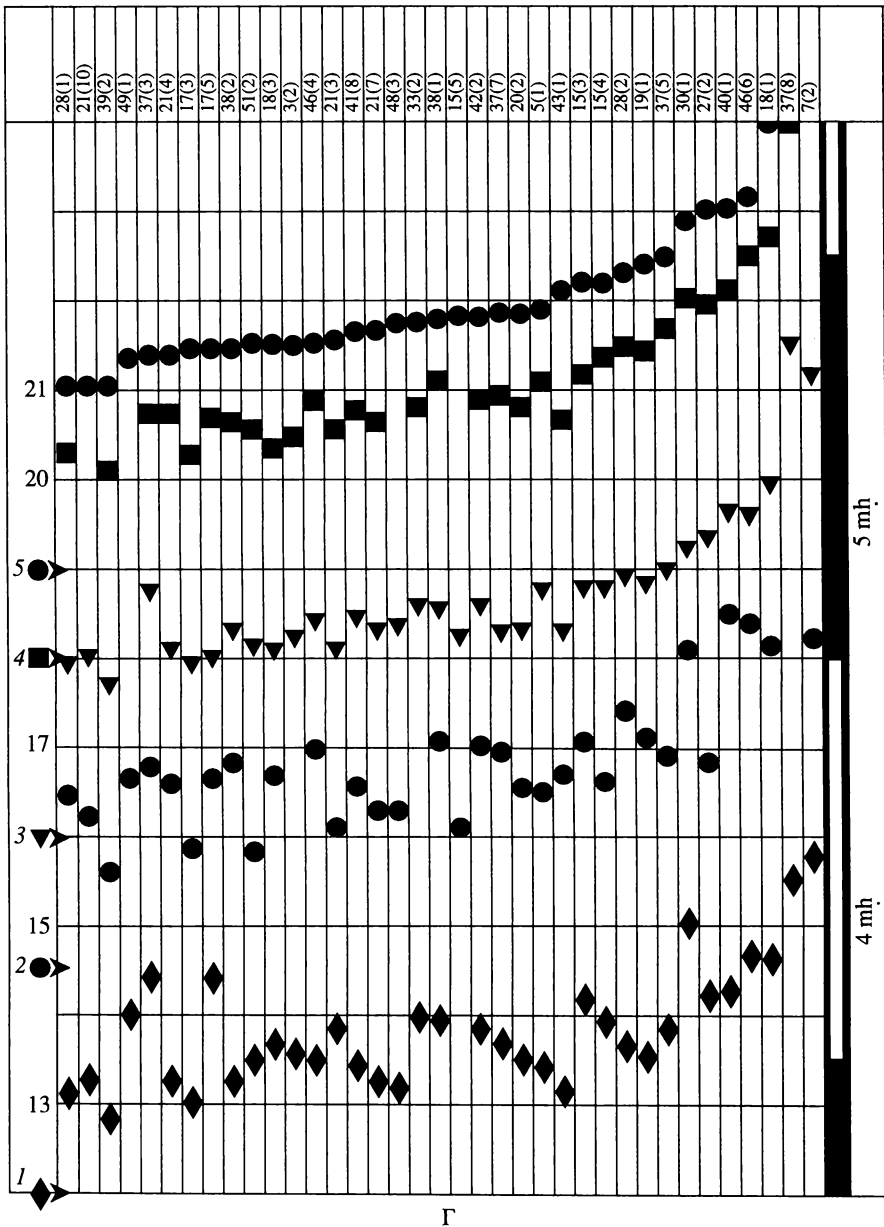
Уже первые вычисления дали столь красноречивые результаты, что автор счел нужным отказаться от обычного хронологического порядка расположения гробниц на графике и, отдав предпочтение наглядности, разместил их методом ранжирования по мере уменьшения процентного соотношения «малого локтя» к высоте фигуры от ступни до макушки. Таким образом, рельеф 7 (2) Камени, представленный на нашем графике крайним правым вертикальным рядом точек, имеет самый короткий по отно-

В

шению к общей высоте рельефа локоть. Вариационный размах (максимальная амплитуда колебаний вариантов в рамках исследуемой совокупности) по показателю уровня макушки и линии парика составляет 7 клеток сетки, уровня плеча – 6,5 клеток, уровня подмышки – 5,5 клеток, уровня локтя – 5 клеток. Было обнаружено всего лишь семь рельефов, структура которых соответствует требованиям первого канона Иверсена по всем показателям: 18 (4) Итусен, 14 (1) Седжефаптах. 25 (4) Сехеманхптах, 43 (6) Иазен, 3 (1) Хафхуфу I, 24(3) Сехеманхптах, 15 (6) Хафхуфу II. Три изображения на графике – 15 (4) Хафхуфу II, 19 (1) Упемнефрет, 37 (5) Нихетепптах можно было бы отнести ко второму канону, если бы не утверждение Иверсена, что такового в Старом царстве еще не было. Очевидно, «малый локоть» не мог служить

Г

базовой единицей при построении канонической фигуры, поскольку, если подходить с мерками Иверсена, к неудавшимся можно отнести не менее 70% промеренных нами рельефов. Конечно же, правило не может состоять сплошь из исключений, скорее всего в этом случае исключается само правило. Графики 1, 2, 3, демонстрируя огромное разнообразие сочетаний пропорций, позволяют нам предположить, что древнеегипетский художник не задавался целью свести все фигуры к некоему единому эталону. Следовательно, какая-либо унификация их внутренней структуры вряд ли допустима и единый, для множества рельефов способ построения отыскать, по-видимому, невозможно. Поскольку мы не обнаружили реальных результатов использования разметочной сетки – этого весьма высокоточного инструмента в руках даже начи-

нающего художника, можно утверждать, что она *не предназначалась* для построения канонического изображения в *общепринятом* понимании этой категории.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ.
ВЕЛЬМОЖЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ IV ДИНАСТИИ

1. Ири. IV дин. (*James T.G. British Museum Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae etc. Pt 1. L., 1961.*)
1(I)³⁸.
2. Чечи. IV дин. (*James. Op. cit.*).
2(I)³⁹.
3. Хафхуфу I. Конец правления Хуфу – Хафра (*Reisner G.A. History of the Giza Necropolis I. Cambr. Mass., 1942. P. 115.*)
3(I)⁴⁰; 3(2)⁴¹.
4. Каунисут. Конец IV–V дин. (PM III. 274; Шепскаф – Усеркаф (?) (*Harpur Y. Decoration in Egyptian Tombs of the Old Kingdom. Studies in Orientation and Scene Content. L. – N. Y., 1987. P. 270. № 274.*)
4(I)⁴².

ВЕЛЬМОЖЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАЧАЛА V ДИНАСТИИ

5. Чени. V дин. (*James. Op. cit.*).
5(I)⁴³.
6. G. 2353. V дин. (PM. III. 84).
6(I)⁴⁴; 6(2)⁴⁵.
7. Камени. V дин. (PM. III. 282. *Harpur. Op. cit. P. 270. № 257.*)
7(I)⁴⁶; 7(2)⁴⁷.
8. Канисут I. Начало V дин. (Giza II. 136–137. Giza III. 15).
8(I)⁴⁸.
9. Мериуб. Начало V дин. (Giza II. 135).
9(I)⁴⁹.
10. Раур. Нефериркара (PM. III. 265. *Harpur. Op. cit. P. 268. № 150.*)
10(I)⁵⁰; 10(2)⁵¹.
11. Ахтихетеп. Начало V – начало VI дин. (PM. III². 284). Правление Усеркафа – Сахура или Тети (*Harpur. Op. cit. P. 265. № 11.*)
11(I)⁵²; 11(2)⁵³; 11(3)⁵⁴; 11(4)⁵⁵.

³⁸ *James T.G. British Museum Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae etc. Pt 1. L., 1961. Pl. III.*

³⁹ *Ibid. Pl. VI.*

⁴⁰ *Simpson W.K. The Mastabas of Kawab. Khafkhufu I and II. G 7130-70 and 7150 and Subsidiary Mastabas of Street 7100. Boston, 1978 (Giza Mastabas. 3). Fig. 33.*

⁴¹ *Ibid. Fig. 34.*

⁴² *Hassan S. Excavations at Giza. I–IX. V. II. Oxford – Kairo, 1929. Fig. 85.*

⁴³ *James. Op. cit. Pl. XXXV.*

⁴⁴ *Simpson W.K. Mastabas of the Western Cemetery. Boston, 1980 (Giza Mastabas. 4). Fig. 48.*

⁴⁵ *Ibid. Fig. 49.*

⁴⁶ *Hassan. Excavations... V. III. Fig. 89.*

⁴⁷ *Ibid. Fig. 91.*

⁴⁸ *Junker H. Giza II. Wien – Leipzig, 1934. Abb 19.*

⁴⁹ *Ibid. Abb. 13.*

⁵⁰ *Hassan. Excavation... V. I. Fig. 25.*

⁵¹ *Ibid. Pl. XXVIII.*

⁵² *Ibid. Fig. 137.*

⁵³ *Ibid. Fig. 138.*

⁵⁴ *Ibid. Fig. 139.*

⁵⁵ *Ibid. Fig. 140.*

ВЕЛЬМОЖЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ СЕРЕДИНЫ V ДИНАСТИИ

12. Нисутнефер. Начало – середина V дин. (РМ. III. 143).
12(1)⁵⁶; 12(2)⁵⁷.
13. Каинисутпу / Каи. Начало – середина V дин. (РМ. III. 135).
13(1)⁵⁸.
14. Седжефалтах / Фефи. Середина V дин. (РМ. III. 285).
14(1)⁵⁹.
15. Хафхуфу II. Правление Ниусерра (РМ. III 190. *Harpur. Op. cit.* P. 269. № 184).
15(1)⁶⁰; 15(2)⁶¹; 15(3)⁶²; 15(4)⁶³; 15(5)⁶⁴; 15(6)⁶⁵.
16. Каемнефрет. Середина V дин. или позднее (РМ. III². 263); правление Ниусерра – Исеси (*Harpur. Op. cit.* P. 270. № 261). 16(1)⁶⁶.
17. Нефер (Саккара). Правление Ниусерра – Исеси (*Moussa A., Altenmüller H. The Tomb of Nefer and Kahay. Mainz, 1971. P. 18.*)
17(1)⁶⁷; 17(2)⁶⁸; 17(3)⁶⁹; 17(4)⁷⁰; 17(5)⁷¹.
18. Итусен. Правление Ниусерра – Исеси (*Harpur. Op. cit.* P. 265. № 35).
18(1)⁷²; 18(2)⁷³; 18(3)⁷⁴; 18(4)⁷⁵.
19. Упемнефрет. Середина – конец V дин. (РМ. III². 281). 19(1)⁷⁶.
20. Нихетепхенму. Середина V дин. или позднее (РМ. III². 50).
20(1)⁷⁷; 20(2)⁷⁸.

ВЕЛЬМОЖЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОНЦА V ДИНАСТИИ

21. Чи. Ниусерра или несколько позднее (РМ. III². 468).
21(1)⁷⁹; 21(2)⁸⁰; 21(3)⁸¹; 21(4)⁸²; 21(5)⁸³; 21(6)⁸⁴; 21(7)⁸⁵; 21(8)⁸⁶; 21(9)⁸⁷; 21(10)⁸⁸;

⁵⁶ *Junker H. Giza III. Wien – Leipzig, 1948. Abb. 27.*

⁵⁷ *Ibid. Abb. 28.*

⁵⁸ *Ibid. Abb. 16.*

⁵⁹ *Hassan. Excavations... V. 1. Fig. 169.*

⁶⁰ *Simpson. The Mastabas of Kawab... Fig. 43 a.*

⁶¹ *Ibid. Fig. 43 b.*

⁶² *Ibid. Fig. 44.*

⁶³ *Ibid. Fig. 45.*

⁶⁴ *Ibid. Fig. 46 a.*

⁶⁵ *Ibid. Fig. 46 b.*

⁶⁶ *Hassan. Excavations... V. II. Fig. 118.*

⁶⁷ *Moussa, Altenmüller. Op .cit. Pl. 2.*

⁶⁸ *Ibid. Pl. 7.*

⁶⁹ *Ibid. Pl. 8.*

⁷⁰ *Ibid. Pl. 30.*

⁷¹ *Ibid. Pl. 37.*

⁷² *Hassan. Excavations... V. V. Fig. 121 a.*

⁷³ *Ibid. Fig. 121 b.*

⁷⁴ *Ibid. Fig. 126 a.*

⁷⁵ *Ibid. Fig. 126 b.*

⁷⁶ *Ibid. V. 1. Fig. 219.*

⁷⁷ *Abu-Bakr A. Excavations at Giza. 1949–1950. Cairo, 1953. Fig. 10 a.*

⁷⁸ *Ibid. Fig. 10 b.*

⁷⁹ *Wild. Op. cit. Pl. III a.*

⁸⁰ *Ibid. Pl. III. b.*

⁸¹ *Ibid. Pl. XI.*

⁸² *Ibid. Pl. XII.*

⁸³ *Ibid. Pl. XIII.*

⁸⁴ *Ibid. Pl. XX.*

⁸⁵ *Ibid. Pl. XXb.*

⁸⁶ *Ibid. Pl. XX c.*

⁸⁷ *Ibid. Pl. XXI.*

⁸⁸ *Ibid. Pl. XXVII.*

21(11)⁸⁹; 21(12)⁹⁰; 21(13)⁹¹; 21(14)⁹²; 21(15)⁹³; 21(16)⁹⁴; 21(17)⁹⁵; 21(18)⁹⁶; 21(19)⁹⁷; 21(20)⁹⁸.

22. Нефер (LG 99). Правление Ниусерра – Униса (*Harpur*. Op. cit. P. 267. № 127).
22(1)⁹⁹; 22(2)¹⁰⁰.

23. Итети. Правление Менкаухора – Исеси (*Harpur*. Op. cit. P. 265. № 36).
23(1)¹⁰¹.

24. Сехеманхптах. Правление Униса – Тети (*Harpur*. Op. cit. P. 269. № 223).
24(1)¹⁰²; 24(2)¹⁰³; 24(3)¹⁰⁴; 24(4)¹⁰⁵; 24(5)¹⁰⁶.

25. Птаххетеп. Правление Исеси – Униса (PM. III². 600); середина – конец царствования Униса (*Harpur*. Op. cit. P. 274. № 400).

25(1)¹⁰⁷; 25(2)¹⁰⁸.

26. Нефри. Середина V дин. или позднее (PM. III². 50). Конец правления Исеси – начало Униса (*Harpur*. Op. cit. P. 267. № 128).

26(1)¹⁰⁹; 26(2)¹¹⁰; 26(3)¹¹¹.

27. Мерисуанху. Конец V династии (PM. III². 269).

27(1)¹¹²; 27(2)¹¹³.

28. Шепескафанх. Середина – конец V дин. (PM. III. 272); правление Униса – середина правления Пепи II. (*Harpur*. Op. cit. P. 270. № 243).

28(1)¹¹⁴; 28(2)¹¹⁵; 28(3)¹¹⁶.

29. Нимаатра. Конец V дин. (PM. III². 282; *Harpur*. Op. cit. P. 267. № 110).

29(1)¹¹⁷.

30. Сешемнфер III. Конец V дин. (Giza III. 14); правление Исеси (PM. III². 153).

---

⁸⁹ Ibid. Pl. XXXVI a.

⁹⁰ Ibid. Pl. XXXVI b.

⁹¹ Ibid. Pl. XXXVI c.

⁹² Ibid. Pl. XXXV a.

⁹³ Ibid. Pl. XXXVII b.

⁹⁴ Ibid. Pl. XXXVII c.

⁹⁵ Ibid. Pl. LX.

⁹⁶ Ibid. Pl. LXIII.

⁹⁷ Ibid. Pl. CXVII.

⁹⁸ Ibid. Pl. CXVIII.

⁹⁹ *Hassan*. Excavations... V. III. Fig. 170.

¹⁰⁰ Ibid. Fig. 171.

¹⁰¹ *Badawy A.* The Tombs of Iteti, Sekhem'ankh-Ptah and Kaemnofert at Giza. Los-Angeles – London, 1976.

Fig. 13.

¹⁰² *Simpson W.K.* The Offering Chapel of Sekhem-Ankh-Ptah in the Museum of Fine Arts, Boston. Boston, 1976.

Pl. 13 a.

¹⁰³ Ibid. Pl. 13 b.

¹⁰⁴ Ibid. Pl. 13 c.

¹⁰⁵ Ibid. Pl. 13 d.

¹⁰⁶ Ibid. Pl. D.

¹⁰⁷ *Qubell I.E.* Ramesseum. The Tomb of Ptahhetep and Akhetetep. L., 1898. Pl. XXXI.

¹⁰⁸ Ibid. Pl. XXXII.

¹⁰⁹ *Abu-Bakr*. Op. cit. V. I. Fig. 180.

¹¹⁰ Ibid. Fig. 37.

¹¹¹ Ibid. Fig. 41.

¹¹² *Hassan*. Excavations... V. I. Fig. 180.

¹¹³ Ibid. Fig. 181.

¹¹⁴ Ibid. V. II. Fig. 19.

¹¹⁵ Ibid. Fig. 20.

¹¹⁶ Ibid. Fig. 23.

¹¹⁷ Ibid. Fig. 232.

30(1)¹¹⁸.

31. Раур II. Конец V дин. (Giza III. 15).

31(1)¹¹⁹.

ВЕЛЬМОЖЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАЧАЛА VI ДИН.

32. Сешеманхптах. Правление Униса – Тети (*Harpur*. Op. cit. P. 269. № 223).

32(1)¹²⁰; 32(2)¹²¹.

33. Каемнефрет. V–VI дин. (*Harpur*. Op. cit. P. 270. № 258).

33(1)¹²²; 33(2)¹²³.

34. Нефер (G. 4761). Конец V – первая половина VI дин. (*Junker*. Giza VI. 26–29).

34(1)¹²⁴.

35. Ниуджаптах. V дин. или позднее (PM. III² 62; *Harpur*. Op. cit. P. 267. № 109).

35(1)¹²⁵; 35(2)¹²⁶.

36. Нимести. Вероятно, VI дин. (PM. III². 85).

36(1)¹²⁷.

37. Нихетептах. Начало VI дин. (PM. III². 94).

37(1)¹²⁸; 37(2)¹²⁹; 37(3)¹³⁰; 37(4)¹³¹; 37(5)¹³²; 37(6)¹³³; 37(7)¹³⁴; 37(8)¹³⁵; 37(9)¹³⁶;
37(10)¹³⁷; 37(11)¹³⁸.

38. Чечу. VI дин. (*Harpur*. Op. cit. P. 271. № 292).

38(1)¹³⁹; 38(2)¹⁴⁰; 38(3)¹⁴¹.

39. Абду. VI дин. (PM. III² 51; *Harpur*. Op. cit. P. 265. № 5).

39(1)¹⁴²; 39(2)¹⁴³; 39(3)¹⁴⁴; 39(4)¹⁴⁵; 39(5)¹⁴⁶.

40. Анхмахор. Правление Тети (*Kanawati N. Governmental Reforms in Old Kingdom Egypt*. Warminster, 1980. P. 24–27).

---

¹¹⁸ *Brunner-Traut E.* Die altägyptische Grabkammer Seschemnofers III aus Giza. Bd. III. Mainz-am-Rhein, 1977.

¹¹⁹ *Junker*. Giza III. Abb. 46.

¹²⁰ *Hassan*. Excavations... V. II. Fig. 32.

¹²¹ *Ibid.* Fig. 33.

¹²² *Badawy*. The Tombs of Iteti... Fig. 29.

¹²³ *Ibid.* Fig. 30.

¹²⁴ *Junker*. Giza VI. Abb. 15.

¹²⁵ *Abu-Bakr*. Excavations at Giza... Fig. 91.

¹²⁶ *Ibid.* Fig. 94.

¹²⁷ *Simpson*. Mastabas of the Western Cemetery. Fig. 43.

¹²⁸ *Badawy A.* The Tomb of Nyhetep-Ptah... Fig. 2 a.

¹²⁹ *Ibid.* Fig. 2 b.

¹³⁰ *Ibid.* Fig. 3 a.

¹³¹ *Ibid.* Fig. 3 b.

¹³² *Ibid.* Fig. 4.

¹³³ *Ibid.* Fig. 9.

¹³⁴ *Ibid.* Fig. 10.

¹³⁵ *Ibid.* Fig. 11.

¹³⁶ *Ibid.* Fig. 12.

¹³⁷ *Ibid.* Fig. 13.

¹³⁸ *Ibid.* Fig. 14.

¹³⁹ *Simpson*. Mastabas of the Western Cemetery... Fig. 11 a.

¹⁴⁰ *Ibid.* Fig. II b.

¹⁴¹ *Ibid.* Fig. 20.

¹⁴² *Abu-Bakr*. Excavations at Giza... Fig. 50.

¹⁴³ *Ibid.* Fig. 51.

¹⁴⁴ *Ibid.* Fig. 52.

¹⁴⁵ *Ibid.* Fig. 53.

¹⁴⁶ *Ibid.* Fig. 57.

40(1)¹⁴⁷; 40(2)¹⁴⁸.

41. Мерерука. Правление Тети (*Kanawati*. Op. cit. P. 24–26).

41(1)¹⁴⁹; 41(2)¹⁵⁰; 41(3)¹⁵¹; 41(4)¹⁵²; 41(5)¹⁵³; 41(6)¹⁵⁴; 41(7)¹⁵⁵; 41(8)¹⁵⁶; 41(9)¹⁵⁷; 41(10)¹⁵⁸; 41(11)¹⁵⁹; 41(12)¹⁶⁰; 41(13)¹⁶¹; 41(14)¹⁶²; 41(15)¹⁶³; 41(16)¹⁶⁴; 41(17)¹⁶⁵; 41(18)¹⁶⁶; 41(19)¹⁶⁷.

42. Кагемни. Правление Тети (PM. III². 521) – середина его правления (*Harpur*. Op. cit. P. 276. № 534).

42(1)¹⁶⁸; 42(2)¹⁶⁹; 42(3)¹⁷⁰; 42(4)¹⁷¹.

43. Иазен. Середина – конец правления Тети (*Harpur*. Op. cit. P. 265. № 13).

43(1)¹⁷²; 43(2)¹⁷³; 43(3)¹⁷⁴; 43(4)¹⁷⁵; 43(5)¹⁷⁶; 43(6)¹⁷⁷.

ВЕЛЬМОЖЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ СЕРЕДИНЫ – КОНЦА VI ДИНАСТИИ

44. Урну. Середина VI дин. или позднее (PM. III². 519).

44(1)¹⁷⁸; 44(2)¹⁷⁹

45. Мерери. Середина VI дин. (PM. III². 519); начало правления Пепи I(?) (*Harpur*. Op. cit. P. 274. № 419).

45(1)¹⁸⁰; 45(2)¹⁸¹; 45(3)¹⁸²; 45(4)¹⁸³.

---

¹⁴⁷ *Badawy*. The Tomb of Nyhetep-Ptah... Fig. 18.

¹⁴⁸ *Ibid.* Fig. 19.

¹⁴⁹ *Duell P.* The Mastaba of Mereruka. Pt 1–2. Chicago, 1938. Pl. 46.

¹⁵⁰ *Ibid.* Pl. 83.

¹⁵¹ *Ibid.* Pl. 101 A.

¹⁵² *Ibid.* Pl. 101 B.

¹⁵³ *Ibid.* Pl. 103 A.

¹⁵⁴ *Ibid.* Pl. 103 B.

¹⁵⁵ *Ibid.* Pl. 149.

¹⁵⁶ *Ibid.* Pl. 150.

¹⁵⁷ *Ibid.* Pl. 154.

¹⁵⁸ *Ibid.* Pl. 159.

¹⁵⁹ *Ibid.* Pl. 175.

¹⁶⁰ *Ibid.* Pl. 176.

¹⁶¹ *Ibid.* Pl. 177.

¹⁶² *Ibid.* Pl. 178.

¹⁶³ *Ibid.* Pl. 179.

¹⁶⁴ *Ibid.* Pl. 180.

¹⁶⁵ *Ibid.* Pl. 181.

¹⁶⁶ *Ibid.* Pl. 183.

¹⁶⁷ *Ibid.* Pl. 279.

¹⁶⁸ *Bollacher M., Weigall A.* Die Mastaba des Gem-ni-kai. Lpz., 1911. Pl. XV–XVI.

¹⁶⁹ *Ibid.* Pl. XX a.

¹⁷⁰ *Ibid.* Pl. XX b.

¹⁷¹ *Ibid.* Pl. XXXVII.

¹⁷² *Simpson.* Mastabas of the Western Cemetery. Fig. 30.

¹⁷³ *Ibid.* Fig. 31.

¹⁷⁴ *Ibid.* Fig. 36 a.

¹⁷⁵ *Ibid.* Fig. 36 b.

¹⁷⁶ *Ibid.* Fig. 36 c.

¹⁷⁷ *Ibid.* Fig. 36 d.

¹⁷⁸ *Davies W.* Saqqara Tombs I. L., 1984. Pl. 26 a.

¹⁷⁹ *Ibid.* Pl. 26 b.

¹⁸⁰ *Ibid.* Pl. 4 a.

¹⁸¹ *Ibid.* Pl. 4 b.

¹⁸² *Ibid.* Pl. 6.

¹⁸³ *Ibid.* Pl. 8.

46. Мериранефер Кар. Правление Пепи I или позднее (РМ. III². 84); начало правления Пепи II (*Harpur*. Op. cit. P. 267. № 90).
46(1)¹⁸⁴, 46(2)¹⁸⁵, 46(3)¹⁸⁶, 46(4)¹⁸⁷, 46(5)¹⁸⁸, 46(6)¹⁸⁹.
47. Иду. Правление Меренра – начало Пепи II (*Harpur*. Op. cit. P. 265. № 38).
47(1)¹⁹⁰, 47(2)¹⁹¹, 47(3)¹⁹².
48. Инти. (Дешаше). Правление Меренра – начало правления Пепи II (*Harpur*. Op. cit. P. 279. № 622).
48(1)¹⁹³, 48(2)¹⁹⁴, 48(3)¹⁹⁵.
49. Шеду (Дешаше). Первая треть правления Пепи II (*Harpur*. Op. cit. P. 279. № 683).
49(1)¹⁹⁶, 49(2)¹⁹⁷.
50. Меранхер. VI дин. (РМ. III². 278).
50(1)¹⁹⁸, 50(2)¹⁹⁹.
51. Кахиф. Вторая половина VI дин. (*Junker*. Giza VI. 94–95).
51(1)²⁰⁰, 51(2)²⁰¹, 51(3)²⁰².

Ф.И. Куликов

THE CANON OF PROPORTIONS, IN EGYPTIAN
OLD KINGDOM WALL RELIEFS

F.I. Kulikov

Presenting a thorough study of about 150 reliefs featuring the owners of Old Kingdom tombs, the author comes to a convincing conclusion that there was no universal standard for depicting a human figure in the epoch of the Old Kingdom.

¹⁸⁴ *Simpson*. The Mastaba of Qar and Idu. (Giza Mastabas 2). Boston, 1976. Pl. 21 *a*.

¹⁸⁵ *Ibid.* Fig. 21 *b*.

¹⁸⁶ *Ibid.* Fig. 21 *c*.

¹⁸⁷ *Ibid.* Fig. 21 *d*.

¹⁸⁸ *Ibid.* Fig. 28 *a*.

¹⁸⁹ *Ibid.* Fig. 28 *b*.

¹⁹⁰ *Ibid.* Fig. 33.

¹⁹¹ *Ibid.* Fig. 34 *a*.

¹⁹² *Ibid.* Fig. 34 *b*.

¹⁹³ *Petrie Fl. Deshasheh*. L., 1898. Pl. IX.

¹⁹⁴ *Ibid.* Pl. X.

¹⁹⁵ *Ibid.* Pl. XII.

¹⁹⁶ *Ibid.* Pl. XVI.

¹⁹⁷ *Ibid.* Pl. XVII.

¹⁹⁸ *Hassan*. Excavations... V. III. Fig. 16.

¹⁹⁹ *Ibid.* Fig. 17.

²⁰⁰ *Junker*. Giza VI. Abb. 29 *a*.

²⁰¹ *Ibid.* Abb. 29 *b*.

²⁰² *Ibid.* Abb. 40.

ФУКИДИДОВСКИЙ «НЕКРОЛОГ» НИКИЯ (7.86.5) И ГРЕЧЕСКИЕ ЭПИТАФИИ

Использование надписей греческими историками неоднократно исследовалось и продолжает широко рассматриваться в научной литературе¹. Установлено, в частности, что надписи служат не только одним из источников сведений о различных событиях (наряду с устными рассказами), но и своего рода образцом документальной прозы, из которой заимствуются как отдельные термины и стандартные формулы, так и целые отрывки в качестве готовой языковой и понятийной формы для того или иного фактического сообщения. А.И. Доватур, проанализировав соотношение отдельных частей «Истории» Геродота и разных видов надписей (посвятительных, инвентаризационных, законов, декретов), приходит к выводу, что отличительные особенности стиля ионийской исторической прозы (единообразие, простота синтаксических конструкций) выработались первоначально в прозе документальной².

Если надписи официального содержания активно используются как материал для сравнения с сообщениями историков, то надписи надгробные, эпитафии, обращают на себя внимание гораздо реже. Однако можно предположить, что влияние эпитафий на содержание и стиль исторических сочинений было аналогичным влиянию надписей других типов, поэтому было бы закономерным привлечение их в качестве материала для сопоставления с некоторыми частями исторических сочинений. Такой подход наметен в монографии А.Дж. Помроя, посвященной исследованию кратких «некрологов» в античных исторических сочинениях, в основном римских³. Автор называет эпитафии в числе возможных образцов для подобных замечаний историков, наряду с эпосом и надгробными речами, на основании сходства их тематики и стиля⁴. Показательно, что связь некрологов в исторических сочинениях и надгробных речей была замечена еще в древности. Так, Сенека Старший пишет, что «историки, рассказав о смерти того или иного великого мужа, почти всегда подводят краткий итог всей его жизни и предлагают как бы надгробное похвальное слово»⁵. Этот прием особенно характерен для Тита Ливия⁶. Что касается Фукидида, то он, по словам Сенеки, помещает подобные «некрологи» «один или два раза» (*semel aut iterum*)⁷. Фукидид, в отличие от более поздних историков, не дает собственных комментариев по поводу смерти даже выдающихся личностей, за исключением Фемистокла (1. 138. 3), Перикла (2. 65), а также Никия. В данной работе предпринимается попытка интерпретации оценки, которую Фукидид дает афинскому полководцу Никию после его смерти (7. 86. 5), посредством сравнения с греческими эпитафиями VI–V вв. до н.э. Возможность такого сопоставления обусловлена тем очевидным фактом, что Фукидиду были известны, наряду с надписями других типов, эпитафии, а также надгробные речи. Об этом свидетельствует неоднократное упоминание о различных памятниках (*μνημεῖον* – Фемистоклу в Магнесии, 1. 138. 5; Брасиду в Амфиполе, 5. 11.1; *ὁ τάφος ἐπισημότατος* – могила афинян, 2. 43. 2; речь Перикла, и надпись на этой могиле – *στῆλῶν ... ἐπιγραφή*, 2. 43. 3), процитированная в его «Истории» эпитафия Архедики, дочери афинского тирана Гиппия (6. 59. 3), а также составленная самим историком речь Перикла при погребении

¹ См., например: Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 10–45; Gomte A.W., Andrews A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. V. 1–5. Oxf., 1945–1981 (далее – НСТh); Hornblower S. Thucydides. L., 1987. P. 89–91.

² Доватур. Ук. соч. С. 45.

³ Poteroy A.J. The Appropriate Comment: Death Notices in the Ancient Historians. Frankfurt, 1991.

⁴ Ibid. P. 14, 18.

⁵ Quotiens magni alicuius viri mors ab historicis narrata est, totiens fere consummatio totius vitae et quasi funebris laudatio redditur (Sen. Suas. 6. 21).

⁶ См. Кузнецова Т.И. Историография и риторика. Речи в «Истории от основания Рима» Тита Ливия // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., 1989. С. 222.

⁷ Sen. Suas. 6. 21.

афинских воинов, павших в первый год Пелопоннесской войны (2. 35–46). Таким образом, сопоставление с эпитафиями оказывается вполне органичным.

Завершая рассказ о Сицилийской экспедиции афинян (415–413 гг. до н.э.), Фукидид сопровождает сообщение о гибели полководца Никия следующим замечанием: καὶ ὁ μὲν τοιαύτη ἢ ὅτι ἐγγύτατα τούτων αἰτία ἐτεθίηκει, ἥκιστα δὲ ἄξιος ὦν τῶν γε ἐπ' ἐμοῦ Ἑλλήνων ἐς τοῦτο δυστυχίας ἀφικέσθαι διὰ τὴν πᾶσαν ἐς ἀρετὴν νεομισμέτην ἐπιτήδευσιν – «По этой или примерно по этой причине он и был убит, будучи меньше всех из эллинов моего времени достойным столь несчастной участи, так как он во всем своем поведении следовал общепринятым представлениям о доблести» (7.86.5). Хотя это предложение не лишено двусмысленности, понимание его с точки зрения грамматики в настоящее время разногласий не вызывает: синтаксическая структура подробно разбирается в комментариях Й. Классена и А. Гомма⁸. Однако при этом возможно по-разному понимать значение слова ἀρετή в данном контексте, что объясняется как несоответствием данного пассажа предшествующему повествованию, так и семантикой самого этого слова. Известно, что греческое слово ἀρετή имеет сложную семантику; его значение в самом общем виде определяется как «полное соответствие реальной жизни вещей их принципиальному назначению»⁹, на основании лексического окружения выясняются различные семантические варианты. Это семантическое разнообразие ἀρετή проявляется и в «Истории» Фукидида¹⁰. Слово встречается 43 раза, причем один раз употребляется по отношению к неодушевленным предметам (о почве – ‘плодородие’, 1. 2. 4). Характерно, что подавляющее большинство случаев (36) приходится на речи. Значение ἀρετή не остается неизменным, что можно проследить и по тексту Фукидида. Так, ἀρετή обозначает ‘воинскую доблесть, храбрость’ (2. 87. 9; 4. 126. 2 и др.), ‘проявление доблести, замечательные поступки’ (только в форме множественного числа, 2. 35. 1, 42. 2 и др., в том числе и одной из речей Никия – 7.69.2 – αἱ πατρικὰ ἀρεταί), ‘благодеение’ (2. 40. 4; 3. 58. 1; 4. 19. 3). Ἀρετή спартанского полководца Брасида заключается в справедливом отношении к жителям завоеванных им фракийских городов (4. 81. 2), Писистратидов – в их умеренном правлении и следовании законам (6. 54. 5)¹¹. Таким образом, можно заключить, что ἀρετή состоит в честном исполнении человеком своих обязанностей, которые предписаны ему общественными установлениями, и проявляется в его поступках, заслуживающих самой высокой оценки.

Что же касается Никия, то его ἀρετή подразумевает верность принципам, стойкость и постоянство в следовании образцам поведения политиков эпохи Перикла. Обращает на себя внимание слово ἐπιτήδευσις ‘деятельность’, которое встречается в «Истории» Фукидида всего два раза. Кроме «некролога» Никия, оно используется еще только в надгробной речи Перикла (2. 36. 4), когда речь идет об общих принципах, которыми руководствовались в своей деятельности афиняне и благодаря которым Афины достигли могущества¹². Таким образом, у Фукидида прослеживается связь фигуры Никия с идеалом афинского гражданина, а оценка жизни Никия дается в контрасте к частной жизни Алкивиада (τὴν ... ἐς τὰ ἐπιτηδεύματα οὐ δημοτικὴν παρανομίαν – 6.28.2)¹³. Можно сказать, что значение слова ἀρετή в данном случае приобретает моральный оттенок¹⁴. Этот же семантический оттенок ἀρετή имеет, по мнению исследователей, и в Мелосском диалоге, когда дается оценка спартанской

⁸ НСТh. V. 4. P. 463; *Thucydides / Erklart von J. Classen*. Bd 7. V., 1908. S. 227, 280–282. Оба определена – и πᾶσαν, и νεομισμέτην – согласованы с ἐπιτήδευσιν, от которого зависит ἐς ἀρετὴν.

⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. М., 1994. С. 289.

¹⁰ О значении ἀρετή у Фукидида см. *Lange E.* Die Bedeutung von ἀρετή in Thucydides // *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*. 1892. 145. S. 827–840; *Huani P.* Le vocabulaire de l'analyse psychologique dans l'oeuvre de Thucydide. P., 1968. P. 447–451; *Hooker J.T.* Χάρης and ἀρετή in Thucydides // *Hermes*. 1974. 102. 2. S. 165–169.

¹¹ См. *Hooker*. Op. cit. S. 165; *Карпюк С.Г.* Никий: доблесть политика // ВДИ. 1994. № 3. С. 54.

¹² См. *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. V. 1. Oxf., 1997. P. 298.

¹³ См., например: *Westlake H.D.* Individuals in Thucydides. Camb., 1968. P. 209.

¹⁴ См. *Hooker*. Op. cit. S. 165.

политике (5. 105. 4). Хотя Фукидид не умалчивает о недостатках Никия, его излишней медлительности и осторожности, и слова, подводющие итог жизни Никия, на первый взгляд, не соотносятся со всем предшествующим повествованием, однако историк относится к нему с симпатией и вряд ли говорит о нем с иронией¹⁵. Фукидид отдает должное выдающемуся государственному деятелю периода могущества Афин, который пытался в своей деятельности следовать образцам поведения политиков эпохи Перикла, но в изменившихся условиях это привело его к гибели¹⁶.

С этим замечанием Фукидида можно сопоставить слова, которые историк вкладывает в уста Никия, прежде всего, довод в пользу мира в V книге «Истории» (события 421 г. до н.э.: 5. 16. 1). Никий стремится заключить мир, желая, в частности, чтобы в будущем осталось его имя как человека, прожившего жизнь, ни в чем не причинив вреда родному городу – *βουλόμενος ... καὶ τῷ μέλλοντι χρόνῳ καταλιπέιν ὄνομα ὡς οὐδὲν σφήλας τῇ πόλιν διεγένητο*. Нельзя не заметить, что здесь присутствуют те же мотивы, что и в эпитафиях, представляющих умершего идеальным гражданином (*ἀγαθὸς πολίτης*), своими поступками оставившим после себя добрую память. Таким образом, Никий, возможно, пишет себе эпитафию еще при жизни. Это, на первый взгляд, случайное совпадение подтверждается, если сравнить речи Никия (6. 9–14, 20–23, 68; 7, 48, 77) и замечание о нем Фукидида (7. 86. 5) с надгробной речью Перикла, где имеются параллели как содержательные, так и чисто лексические, – это уже не раз отмечалось в научной литературе¹⁷. Очевидно, что надгробные речи выполняются те же функции, что и эпитафии, поэтому вполне закономерным оказывается присутствие в них сходных мотивов. В речи Перикла это мотив вечной, бессмертной славы в противоположность краткой, полной опасностей жизни и смерти в бою¹⁸. Сочетание *ἀγαθὸς πολίτης* встречается и в речах самого Никия (6. 9. 2; 6. 14 – речь в афинском народном собрании по поводу сицилийского похода). Очевидно, возможно будет найти параллели также между речами Никия, замечанием Фукидида и эпитафиями¹⁹.

Известно, что для эпитафии, как, впрочем, и для надписи любого другого типа, характерна предельная насыщенность информацией, стремление вместить максимум содержания в ограниченный объем текста. Поэтому их форма и содержание строго регламентированы наличием определенного набора мотивов и ряда стандартных формул для их выражения²⁰. Уместно вспомнить еще раз, что на стиль эпитафий оказали влияние, с одной стороны, эпос, с другой – элегия²¹. Наиболее ранние прозаические эпитафии VII в. содержат лишь имя умершего, но уже в VI в. появляются поэтические эпитафии, в задачу которых входит не только увековечить имя умершего, но и дать ему характеристику²². Мотивы, присутствующие в античных эпитафиях, подробно рассмотрены в диссертации Р. Лэттимора²³.

¹⁵ Westlake. Op. cit. P. 209.

¹⁶ НСTh. V. 4. P. 463–464; Карнюк. Ук. соч. С. 52, 54, 57.

¹⁷ См., например: НСTh. ad loc.

¹⁸ Loraux N. The Invention of Athens. Camb. Mass., 1986. P. 55.

¹⁹ А. Гомм отмечает, что сочетание *πάσα ἀρετή* становится формулой в эпитафиях IV в. (НСTh. V. 4. P. 463).

²⁰ Чистякова Н.А. Греческая эпитафия. СПб., 1993. С. 328; Day J.W. Rituals in Stone: Early Greek Epigrams and Monuments // JHS. 1989. 109. P. 16. Эта же сжатость, как известно, является особенностью стиля Фукидида.

²¹ О стиле эпитафий см. Чистякова. Ук. соч. С. 330, 337–338; Friedländer P., Hoffheit H.B. Epigrammata. Greek Inscriptions in Verse. From the Beginning to the Persians Wars. Berkeley–Los Angeles. 1948. P. 7, 66. Гомеровские формулы, использующиеся в эпитафиях и посвячительных надписях, см. в издании: Kaibel G. Epigrammata ex lapidibus collecta. B., 1878. S. 694–700.

²² Day. Op. cit. P. 17; Skiadas A.D. Ein Beitrag zur Interpretation der griechischen metrischen Grabinschriften // Inschriften der Griechen. Grab-, Weih- und Ehreninschriften / Hrsg. von G. Pfohl. Darmstadt, 1972. S. 67, 71. Первую эпитафию исследователи находят у Гомера (II. 8. 89–90) – см. Шебалин Н.В. О «гомеровской» формуле в эпитафиях // Вопросы античной литературы и классической филологии. Л., 1966. С. 60–69; Skiadas. Op. cit. S. 63–64.

²³ Lattimore R. Themes in Greek and Latin Epitaphs. Urbana, 1942.

Как уже говорилось, основной тенденцией эпитафий является представление умершего с наилучшей стороны, что достигается перечислением его положительных качеств без указания на конкретные факты биографии²⁴. Обращает на себя внимание частое использование существительного ἀρετή и соответствующего ему прилагательного ἀγαθός. В ряде случаев значение ἀρετή можно определить как ‘воинская доблесть, храбрость’: ἀρετῆς κλέος (2 = IG I².763 = IG I³.503, 476/475 г., Аттика)²⁵, ἀθάνατον μῆμ’ ἀρετῆς (6 = IG I². 943 = IG I³. 1162, 447 г., Аттика), μῆμ’ ἀρετῆς (155, 476/475 г., Парос). Эта ἀρετή представляет собой воплощение идеалов аристократического общества, умершие уподобляются героям гомеровского эпоса. Когда же говорится об обстоятельствах смерти, то это смерть воина, сражавшегося в первых рядах (ἐν προμάχοις, см. 10 = IG I². 945 = IG I³. 1179, 432 г.; 27 = IG I³. 1240, 540–530 г., Аттика; 112 = IG VII. 2247, Беотия) за свободу своей родины (4 = IG I². 946 = IG I³. 1181, 458/457 г., Аттика). Смерть в бою – достойное завершение жизни для того, кто проявил себя как ἀγαθός, поэтому его смерть вызывает скорее чувство гордости, чем сочувствия²⁶. Перикл говорит, что именно в смерти проявляется ἀρετή (2. 42. 2). Никий также умирает на войне, однако не в бою, а в плену, когда его князят сиракузяне (7. 86. 2,5), поэтому Фукидид считает, что его гибель в плену способна вызвать лишь жалость. В качестве антитезы можно привести эпитафию, рисующую образ славнейшего из граждан (δοκιμώτατος ἀστῶν – ср. ἥκιστα δὴ ἀξιός ὢν τῶν γε ἐπ’ ἐμοῦ Ἑλλήνων), смерть которого явилась завершением его безупречной (ἀμώμητον) жизни (172, 490 г.). Понятие, обозначаемое словом ἀρετή, часто фигурирует и в посвяtitельных надписях. В этом случае ἀρετή проявляется в отношениях между людьми и целыми государствами, выражается в разного рода услугах и благодеяниях, о которых упоминается (ἀρετῆς ἔνεκα – 272 = IG I². 530 = IG I³. 850, 470–460 г., Аттика; 416 = IG XII. Suppl. p. 163. 412, 525–500 г., Фасос и др.). Эта формула встречается и у Фукидида, в речи платейцев, где они вспоминают об услугах, оказанных Греции лакедемонянами (3. 58. 1)²⁷. Для обозначения других качеств используется слово σώφρων (σωφροσύνη), семантика которого уже ближе к умственной сфере, часто в сочетании с ἀγαθός или ἀρετή: ἀγαθοῦ καὶ σώφρονος ἀνδρός (36 = IG I².988 = IG I³.1269, 530 г., Аттика; 16 = IG I². 974 = IG I³. 1197, Аттика и др.), ἀντ’ ἀρετῆς ἠδὲ σωφροσύνης (41 = IG I². 986 = IG I³. 1211, Аттика), σωφροσύνης ἔνεκεν ἠδ’ ἀρετῆς (58 = IG I³. 1357, 510–500 г., Аттика). Это сочетание можно рассматривать не только как выражение двух различных понятий, указание на разные качества человека, но и как выражение одного понятия через объединение двух слов (существительных или прилагательных), часто синонимов, что является не только одной из особенностей языка надписей²⁸, но и характерно для греческого языка вообще²⁹. Можно даже проследить то же направление развития семантики ἀρετή в языке надписей, что и в тексте Фукидида³⁰.

Если ἀρετή воинов – это прежде всего храбрость, проявленная в сражении, то для Никия – это качества, которые сопровождают его в течение всей жизни. В его последней речи, произнесенной после решающего сражения, когда афинское войско было окончательно разгромлено, и перед отступлением из Сицилии (7.77), дается более развернутое объяснение того, что обозначено в его «некрологе» как ἡ ἐς ἀρετὴν νεομωμένῃ ἐπιτήρῆσις – «осуществление общепринятых представлений об ἀρετῆ»: πολλὰ μὲν ἐς θεοὺς νόμιμα δεδιήτημαι, πολλὰ δὲ ἐς ἀνθρώπους δίκαια

²⁴ Ibid. P. 285.

²⁵ Нумерация и текст приводятся по изданию: Carmina epigraphica Graeca saec. VII–V / Ed. P.A. Hansen. B., 1983.

²⁶ Lattimore. Op. cit. P. 238.

²⁷ См. Hornblower. A Commentary... P. 452.

²⁸ Использование двух слов для выражения одного понятия в греческих посвяtitельных надписях IV в. и, в частности, словосочетание ἀρετή καὶ εὐνοία, рассматривается в ст.: Nachmanson E. Zu den Motivformeln der griechischen Ehreninschriften // Inschriften der Griechen ... Darmstadt, 1972. S. 153–172.

²⁹ См. Лосев. Ук. соч. С. 389 (о термине «калокагатия»).

³⁰ См. Friedländer. Op. cit. P. 15; Skiadas. Op. cit. S. 81.

καὶ ἀνεπίφθονα – «по отношению к богам я вел себя согласно установлениям, по отношению к людям совершил много справедливых и безупречных поступков» (7. 77. 2). Смерть Никия представляется незаслуженной, и Фукидид употребляет по отношению к ней слово δυστυχία – несчастье, неожиданный резкий поворот судьбы, предвидеть который невозможно. Известно, что в «Истории» Фукидида Никий изображается сначала любимцем τύχη, а затем ее жертвой. При упоминании о Никии используются слова εὐτυχής (5. 16. 1; 6. 17. 1 – речь Алкивиада), εὐτυχία (7. 77.2 – речь самого Никия), однако в его речах содержатся призывы не доверять τύχη (6. 11.6, 23. 3). В эпитафиях, особенно начиная с IV в. τύχη предстает как божество смерти, из зависти губящее доблестных людей (ἀγαθός)³¹. Удалось найти лишь одну эпитафию V в., где используются слова с этим корнем – εὐτυχία и συντυχία (93 = IG I³. 1320, 410–400 гг., Аттика).

Итак, смерть Никия вызывает не гордость, а сожаление. Мотив жалости (οἶκτος) также присутствует в эпитафиях, где сожаление выражают либо сами близкие, либо обращаются с такой просьбой к проходящим мимо (στῆθι καὶ οἴκτιρον – 27 = IG I³. 1240, 28 = IG I². 971 = IG I³. 1204 и др.)³². Никий, обращаясь к воинам, говорит, что они больше достойны жалости богов, чем их зависти (οἶκτου ... ἀξιώτεροι ... ἢ φθόνου – 7. 77.4), поскольку их несчастья обрушились на них незаслуженно (παρὰ τὴν ἀξίαν ὑἱν κακοπαθίαις; οὐ κατ' ἀξίαν – 7.77.1; 77.3). Фукидид также считает Никия «менее всего заслуживающим» (ἥκιστα δὲ ἀξίος – 7. 86. 5) такой смерти.

Однако, как уже говорилось, задачей эпитафии является увековечивание памяти об умершем, поэтому очевидно, что еще одним характерным мотивом будет мотив бессмертной славы, заимствованный из эпоса и присутствующий не только в эпитафиях, но и в посвяительных надписях: δόξαν ἀγαθῶν (396 = IG XIV. 652, Метапонт, 522–500 гг.), ἴνα κλέος εἶη (459 = IG XII. 1. 137, Родос, VI в.), ἔσται κλέος ἀφθίτου αἰεὶ (2), μνήμα ἀθάνατον (103 = IG II/III². 3. 2. 11429a, 400 г., Аттика). О том, что Никий руководствуется в своих действиях заботой в том числе и о собственной репутации, уже сказано выше. Известно, что полисы часто изображаются у античных историков как живые организмы, как обобщенный образ их жителей, поэтому, подобно отдельному человеку, рождаются, достигают своего расцвета и умирают. А.Дж. Помрой приводит примеры «некрологов» городам из произведений римских историков³³, однако в качестве эпитафии городу можно рассматривать и последнюю речь Перикла (Thuc. 2. 60–64). Г.Р. Иммервар отмечает, что в этой речи Перикл противопоставляет непостоянную, способную измениться в зависимости от обстоятельств блестящую репутацию (λαμπρότης) и вечную, неизменную славу Афин как великого города, которая останется в будущем (ἐς τὸ ἔπειτα δόξα αἰεμίησος καταλείπεται) (2. 64. 5)³⁴. Слова, вложенные Фукидидом в уста Перикла, можно сопоставить с уже приведенными выше словами Никия об отношении к нему будущих поколений (καὶ τῷ μέλλοντι χρόνῳ καταλιπεῖν ὄνομα – 5. 16. 1). Таким образом, просматривается параллель в трактовке образов Афин и Никия в «Истории» Фукидида: перемена счастья приводит Никия к смерти, но репутация лучшего гражданина остается за ним. Никакие несчастья не могут изменить отношение к Никию как к идеальному гражданину, что нашло отражение в замечаниях Фукидида и более поздних авторов³⁵.

Итак, в комментарии, которым Фукидид сопровождает свой рассказ о смерти Никия, присутствуют мотивы, характерные для содержания и стиля эпитафий современной и предшествующей Фукидиду эпохи. Историк выступает в данном случае как восприимчив традициям, устоявшихся норм поведения и форм их обозначения. Как можно заметить, эпитафия рисует некий идеал, которому Никий пытался следовать в течение всей своей жизни.

О.В. Осипова

³¹ Lattimore. Op. cit. P. 149–150.

³² См. Sourvinou-Inwood C. «Reading» Greek Death: To the End of Classical Period. Oxf., 1996. P. 175–179.

³³ Pomeroy. Op. cit. P. 255–257.

³⁴ Immerwahr H.R. «Ergon»: History as a Monument in Herodotus and Thucydides // AJPh. 1960. 81. 3. P. 289.

³⁵ Так, в «Афинской политике» (28.5) Аристотеля Никий назван одним из βέλτιστων.

NIKIAS' «EULOGY» IN THUCYDIDES (7. 86. 5)
AND GREEK EPITAPHS

O.V. Ossipova

The author undertakes an interpretation of the characteristic given by Thucydides to the Athenian general Nicias after his death (7. 86. 5) comparing this «eulogy» with Greek epitaphs of the 6th–5th c. BC. This comparison seems appropriate because Thucydides was acquainted with epitaphs as well as with inscriptions of other types. It is well known that for ancient Greek historians inscriptions were not only sources of information, but also of terms, formulas and patterns of describing an event or characterizing a person. The paper shows that the comments given by Thucydides in his account of Nicias' death have much in common with topic and style of the epitaphs contemporary with Thucydides as well as the earlier ones. In this particular case the historian appears to have adopted both the traditional norms and values and the way to express them.

© 2001 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В АФИНАХ
В НАЧАЛЕ V в. до н.э.
И ПЕРВЫЕ ОСТРАКОФОРИИ*

Первые десятилетия V в. до н.э. – один из наиболее важных и интересных и в то же время наиболее загадочных периодов истории политической жизни Афин. После реформ, проведенных в конце предыдущего столетия Клисфеном, делала свои первые шаги афинская демократия. Сам «политический климат» стремительно менялся¹, претерпевали радикальную ломку условия политической деятельности, механизмы политической борьбы. Такого рода переломные моменты истории не могут не привлекать внимания исследователей, особенно если скудные и противоречивые свидетельства источников оставляют свободу для множества самых различных интерпретаций.

Автору данной статьи уже доводилось затрагивать один из аспектов политической борьбы в раннеклассических Афинах, а именно – роль Ареопага в событиях начала V в.² Ниже будет рассмотрен еще один вопрос, связанный с политическими перипетиями этого времени, – первые остракофории (480-е годы до н.э.) в контексте современной им борьбы группировок. Специфика данной проблемы заключается в том, что для ее решения, помимо свидетельств нарративной традиции, могут быть привлечены уникальные вещественные и эпиграфические памятники – острака, т.е. глиняные черепки, на которых в день остракофории афинские граждане писали имя того или иного неугодного им политика с целью добиться его изгнания.

Анализ острака в настоящая время становится, без преувеличения, одним из наиболее перспективных направлений в изучении афинской истории³. За последние десятилетия раскопок в распоряжении ученых оказался колоссальный материал⁴. Первый

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код проекта 00-01-00208а).

¹ *Frost F.J.* Tribal Politics and the Civic State // *American Journal of Ancient History*. 1976. 1. 2. P. 66–75. Ср. *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P. 18–22; *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 84–86; *Littman R.J.* Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990. P. 165–191; *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

² *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 32–35.

³ См. *он же.* Острака как источник по истории раннеклассических Афин // *Античный вестник*. Вып. 3. Омск, 1995. С. 107–114; *он же.* По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146.

⁴ Исчерпывающая сводка зарубежных исследований об острака и остракизме дана в обзоре: *Martin A.* L'ostacisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // *REG*. 1989. 102. P. 124–145. Из более

остракон был опубликован в 1870 г.⁵, и с тех пор количество этих памятников постоянно возрастало. Острака исчислялись сначала единицами, затем десятками и сотнями. К середине 1960-х годов общее число найденных острака составляло 1658 (основными местами находок были Агора и Керамик), а в 1966 г. произошел настоящий переворот: в ходе раскопок в высохшем русле реки Эридан на внешнем Керамике немецкими археологами было обнаружено более 8,5 тысяч острака.

Таким образом, общее число найденных острака приближается на сегодняшний день к 11 тысячам. К сожалению, публикация новых экземпляров затянулась и продвигается крайне медленно. Даже теперь, 35 лет спустя после находки, общее количество опубликованных острака (в том числе найденных и до 1966 г.) не превышает двух тысяч⁶.

Для исследователя истории классических Афин информация, содержащаяся на острака, поистине неоценима. Она в значительной мере уточняет и корректирует краткие сведения Аристотеля, Плутарха и других античных авторов⁷ об остракизмах 480-х годов. В этот период едва ли не ежегодно проводились остракофории, почти всегда оканчивавшиеся изгнанием того или иного политика.

Помимо острака, называющих ранее известных лиц (Мегакла, сына Гиппократа, Ксантиппа – отца Перикла, Алкивида Старшего, Аристида, Фемистокла и др.) и уточняющих датировку их остракизов, есть и группа других, на которых значатся имена прежде неизвестных политиков, бывших, как минимум, «кандидатами» на изгнание. Характерно, что среди них чрезвычайно большую долю составляют представители знаменитого афинского рода Алкмеонидов. Наиболее заметны по числу найденных острака Калликсен, сын Аристонима (280 экземпляров), и особенно Каллий,

---

новых работ следует назвать: *Phillips D.J. Observations on Some Ostraka from the Athenian Agora // ZPE. 1990. 83. S. 123–148; Willemssen F. Ostraka einer Meisterschale // MDAI(A). 1991. 106. S. 137–145; Siewert P. Accuse contro i «candidati» all'ostracismo per la loro condotta politica e morale // Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano). 1991. 17. P. 3–14; Kinzl K.H. AP 22. 4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // Klio. 1991. 73. 1. S. 28–45; Mattingly H.B. The Practice of Ostracism at Athens // Antichthon. 1991. 25. P. 1–26; Christ M.R. Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos // CQ. 1992. 42. 2. P. 336–346; Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // MDAI(A). 1991. 107. S. 161–185; idem. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 13–24; Musti D. La chronologie du chapitre 22 de l' 'Αθηναίων Πολιτεία sur l'ostracisme // Aristote et Athènes. P., 1993. P. 251–259; Keane J.J. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // Ibid. P. 261–278; Doenges N.A. Ostracism and the Boulai of Kleisthenes // Historia. 1996. 45. 4. S. 387–404; Stanton G.R. A Graffito on a Megakles Ostrakon // ZPE. 1996. 111. S. 69–73; Mirhady D.C. The Ritual Background to Athenian Ostracism // Ancient History Bulletin. 1997. 11. 1. P. 13–19; Culasso Gastaldi E. Il doppio ostracismo di Megakles Hippokratous // Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1997. 8. 2. P. 253–271; Де Либери Л. 'Εκτός или ἐντός? Назначение места изгнания (Arist. Ath. pol. 22,8) и остракон против Мегакла // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. 5. С. 89–95. В отечественной историографии вопрос почти не затрагивался. См. Гинзбург С.И. О дате издания закона об остракизме в Афинах // Город и государство в античном мире. Л., 1987. С. 44–55; он же. Остракизм как орудие политической борьбы в Афинах V в. до н.э. // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 32–42. Разумеется, отдельные замечания об остракизме можно встретить в работах общего характера (С.Я. Лурье, Л.М. Глускиной, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролова, В.М. Строгоцкого, С.Г. Карпюка и др.).*

⁵ Это остракон с именем Мегакла (IG I².908.1), найденный в 1867 г. на Акрополе. Граффито с именем Менестрата (IG I².915), обнаруженное еще в 1853 г., вряд ли является остраконом (Thomsen R. The Origin of Ostracism. Copenhagen, 1972. P. 70).

⁶ Сравнительно недавно осуществлена полная научная публикация острака с Агоры: *Lang M. Ostraka (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990* (впрочем, со времени этой публикации уже были новые находки; см. в частности: *Camp J.M. Excavations in the Athenian Agora, 1996 and 1997 // Hesperia. 1999. 68. 3. P. 268–274*). Старые публикации острака с Керамика: *Peek W. Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln (Kerameikos. Bd 3). В., 1941. S. 51–87; Willemssen F. Ostraka // MDAI(A). 1965. 80. S. 100–126*. Для огромного количества находок 1966 г. пока существует лишь перечень (*Willemssen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // MDAI(A). 1991. 106. S. 147–156*) и разрозненные публикации отдельных интересных экземпляров.

⁷ *Arist. Ath. pol. 22; Plut. Aristid. 7; Them. 22; Nic. 11; ср. [Andoc.] IV. 34–35; Androtion. FGnH 324 F 6; Philoch. FGnH 328 F 30; Diod. XI. 55. 1–3.*

сын Кратия (763 экземпляра)⁸; последний ныне не без основания отождествляется с не названным по имени в «Афинской политике» Аристотеля (22.6) политиком, изгнанным в 485 г. до н.э.⁹ Изгнание же Калликсена, если оно имело место (а этого нельзя утверждать с уверенностью), состоялось в 483 г.¹⁰ Калликсен безусловно был Алкмеонидом; с немалой долей уверенности это можно сказать и о Каллии¹¹. Абсолютным «рекордсменом» по числу упоминаний на острака является также Алкмеонид – Мегакл, сын Гиппократ, изгнанный в 486 г. (4662 экземпляра).

На многих острака, помимо имени, присутствуют разного рода приписки. Приписки эти весьма важны как современные и безусловно аутентичные свидетельства борьбы в афинском общественном мнении, пропагандистских приемов, применявшихся в политической жизни¹². Так, Калликсен назван на острака «предателем» (προδοτής) и «бесчестным» (ἀτίμος), Каллий – «мидянином» (ὁ Μῆδος или ἐκ Μῆδων; на одном его остраконе изображена карикатура – человек в персидском платье), Аристид – «братом Датиса», персидского полководца (τὸν Δάτιδος ἀδελφόν), и «прогнавшим молящих о защите» (ὅς τοὺς ἰκέτας ἀπέωσεν), Мегакл – «развратником» (μοιχός), Фемистокл обвинен в гомосексуализме (καταπύγων), Кимона попрекают сестрой (Κίμων Μιλτιάδου Ἑλληνίκτην λαβῶν ἴτω)... Наконец, один из острака, направленный против Ксантиппа, содержит целую эпиграмму (элегический дистих):

Более всех преступен из оскверненных пританов –
Сей черепок гласит – сын Аррифрона Ксантипп¹³.

Остракизм был введен в ходе преобразований Клисфена¹⁴, хотя сам этот способ изгнания, скорее всего, не является изобретением реформатора. Античная традиция (правда, достаточно поздняя, но восходящая по меньшей мере к Феофрасту) называет первым лицом, подвергшимся остракизму, Тесея¹⁵, и вряд ли совершенно бесосновательно. Высказывалось предположение, что остракизмом пользовались еще во времена Писистратидов¹⁶, но процедура была иной, – например, прерогатива в этом

⁸ Цифры приводятся по кн.: Lang. Op. cit. P. 65–66.

⁹ Bicknell P.J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 64–76; Thomsen. Op. cit. P. 99; Schreiner J.H. The Origin of Ostracism Again // *Classica et mediaevalia*. 1976. 31. P. 88; Williams G.M.E. The Kerameikos Ostraka // *ZPE*. 1978. 31. S. 103–113; Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf., 1981. P. 274; Mattingly. Op. cit. P. 2; Murray O. Early Greece. 2nd ed. L., 1993. P. 285–286.

¹⁰ Vanderpool E. Ostracism at Athens. Cincinnati, 1970. P. 9 ff.; Bicknell P.J. Agora Ostrakon P7103 // *L'Antiquité Classique*. 1974. 43. P. 334–337; Seibert J. Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. S. 35; Phillips D.J. Athenian Ostracism // *Hellenika: Essays on Greek Politics and History*. North Ryde, 1982. P. 28; Stein-Hölkeskamp E. *Adelskultur und Polisgesellschaft*. Stuttgart, 1989. S. 193–205; Brenne. «Portraits»... S. 162.

¹¹ О них см. Stamires G.A., Vanderpool E. Kallixenos the Alkmeonid // *Hesperia*. 1950. 19. 4. P. 376–390; Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // *Hesperia*. 1982. 51. 1. P. 69–73.

¹² Об этих приемах см. Siewert. Op. cit.; Brenne. Ostraka...

¹³ Греческий текст см. Суриков. По поводу новой публикации острака. С. 144. Интерпретации этой надписи посвящена немалая литература. Последние работы: Merkelbach R. Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // *ZPE*. 1986. 62. S. 57–62; Figueira T.J. Xanthippos, Father of Perikles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia*. 1986. 35. 3. S. 257–279. Надписи на ряде острака приведены в издании: Meiggs R., Lewis D. *A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C.* Revised ed. Oxf., 1989. № 21. P. 40–47.

¹⁴ Наиболее подробно вопрос о введении остракизма рассмотрен в монографии: Thomsen. Op. cit.

¹⁵ Schol. Aristoph. *Plut.* 627; Euseb. *Chron.* II. 50 Schoene; Suid. s.v. ἀρχὴ Σκυρῶν (со ссылкой на Феофраста); s.v. Θηρολοισιν; Eustath. ad *Hom.* II. IX. 666 (со ссылкой на Феофраста). Для более подробной трактовки вопроса о «предыстории» остракизма см. Hall L.G.H. Remarks on the Law of Ostracism // *Tyche*. 1989. 4. S. 91–100; Mirhady. Op. cit.; Молчанов А.А., Суриков И.Е. У истоков остракизма // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997. С. 252–260.

¹⁶ На Агоре найден остракон (черепок сосуда геометрического стиля конца VIII в. до н.э.) с именем Писистрата, пока не получивший удовлетворительной интерпретации. О нем см. Meritt B.D. An Early Archaic List // *Hesperia*. 1939. 8. 1. P. 59–65; Hands A.R. Ostraka and the Law of Ostracism // *JHS*. 1959. 79. P. 69–78;

вопросе могла принадлежать Совету четырехсот. На это, кажется, указывает один текст византийского времени (XV в.): согласно его свидетельству, вначале вопрос об остракизме решал Совет (Βουλή), а для изгнания требовалось набрать более 200 голосов (ὄτω δὲ ἄν ὑπὲρ διακόσια γένηται τὰ ὄστρακα φεύγειν ἕτη δέκα)¹⁷, т.е. простое большинство. Возможно, Клисфен передал остракизм в ведение народного собрания и придал его применению систематический характер¹⁸.

Если верить Аристотелю (Ath. pol. 22. 4), чье сообщение восходит к Андротиону (FGhN 324 F 6), закон об остракизме был направлен Клисфеном против Гиппарха, сына Харма. Это кажется странным: вряд ли Гиппарх уже в последние годы VI в. до н.э. мог представлять для реформатора серьезную опасность, а закон об остракизме должен был быть одним из первых в числе клисфеновских нововведений. После злополучного посольства в Сарды (507/6 г.) «отец-основатель» афинской демократии уже не имел достаточной популярности для проведения столь серьезной меры¹⁹. А. Раубичек высказывал, правда, предположение, что престарелый Клисфен возвратился из политического «небытия» после Марафонской битвы именно с тем, чтобы ввести закон об остракизме²⁰. Но эта экзотическая гипотеза, в сущности ни на чем не основанная, не была поддержана, кажется, больше никем из исследователей²¹.

Весьма убедительной представляется, напротив, гипотеза, согласно которой закон об остракизме был направлен Клисфеном против Исагора²². Однако в то время закон не пригодился, поскольку Исагор пал и без применения остракизма, скомпрометировав себя призыванием в Афины спартанского царя Клеомена. Необходимо согласиться и с замечанием С.Г. Карпюка, что процедура остракизма была в определенном отношении внесением «правил игры» в политическую борьбу: изгнание остракизмом не сопровождалось конфискацией имущества и преследованием семьи, не вело оно и к поражению в правах²³.

Сообщение Элиана (Var. hist. XIII. 24) об изгнании остракизмом самого Клисфена представляется совершенно невероятным, противореча всей остальной нарративной традиции и не находя себе подтверждения в материале острака. Но в любом случае встает серьезный вопрос: почему остракизм был впервые успешно применен лишь в 487 г. до н.э.? Возможны два варианта ответа: либо до того он вообще не применялся, либо применялся безуспешно. Соответствующий пассаж Аристотеля (τότε πρῶτον ἐχρήσατο τῷ νόμῳ περὶ τὸν ὄστρακισμόν – Ath. pol. 22. 3) в принципе допускает и ту, и другую интерпретацию. Для того, чтобы попытаться ответить на вопрос с достаточной долей вероятности, необходимо проанализировать внутривнутриполитическую ситуацию в Афинах начала V в. до н.э.

Harvey F.D. Literacy in the Athenian Democracy // REG. 1966. 79. P. 591; Jeffery L.H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1969. P. 70; Develin R. Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // Antichthon. 1977. 11. P. 10–21; idem. Bouleutic Ostracism Again // Antichthon. 1985. 19. P. 7–15; Arnush M.F. The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1995. 64. 2. P. 135–162.

¹⁷ Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^v. Полный текст свидетельства см. Keaney J.J., Raubitschek A.E. A Late Byzantine Account of Ostracism // AJPh. 1972. 93. 1. P. 87–91; Pecorella Longo Ch. La bulé e la procedura dell' ostracismo; considerazioni su Vat. Gr. 1144 // Historia. 1980. 29. 3. S. 257–281.

¹⁸ Недавно выдвинутая гипотеза, согласно которой остракизм был передан в ведение народного собрания лишь в 480-х годах. (Doenges. Op. cit.), основывается на ряде неверифицируемых натяжек.

¹⁹ Cp. Hands. Op. cit. P. 69 f.

²⁰ Raubitschek A.E. The Origin of Ostracism // AJA. 1951. 55. 3. P. 221–229.

²¹ Аргументированную критику гипотезы Раубичека см. Robinson C.A. Cleisthenes and Ostracism // AJA. 1952. 56. P. 23–26; Thomsen. Op. cit. P. 26 ff.

²² Stanton G.R. The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // JHS. 1970. 90. P. 180–183; Knight D.W. Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B.C. Wiesbaden, 1970. P. 13–32; Thomsen. Op. cit. P. 141; Littman. Op. cit. P. 151.

²³ Карпюк С.Г. Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах // ВДИ. 1986. № 1. С. 24. О позитивных чертах института остракизма см. также Kagan D. The Origin and Purposes of Ostracism // Hesperia. 1961. 30. 4. P. 401; Thomsen. Op. cit. P. 141–142.

Но предварительно должна быть решена чрезвычайно сложная проблема: что представляет собой число 6000, фигурирующее в источниках в связи с остракизмом, – кворум для признания процедуры состоявшейся или минимальное количество голосов для изгнания? В историографии наличествуют обе точки зрения²⁴. В пользу первого предположения (о кворуме) свидетельствует Плутарх (Aristid. 7)²⁵. Однако не менее, если не более авторитетный писатель – аттидограф Филохор (FGrH 328 F 30) – дает противоположное толкование этой цифры²⁶. Аналогичное Филохору свидетельство содержит цитировавшийся выше византийский текст, опирающийся, судя по всему, на ранний и аутентичный источник, скорее всего на Феофраста²⁷. Следует добавить, что в сообщении этого источника присутствует внутренняя логика, исключающая какую-либо путаницу. Действительно, если в связи с остракофориями в Совете фигурирует число 200, то это никак не может быть кворум: кворум для Совета должен составлять значительно большее число. Коль скоро 200 черепков не являются кворумом, то, следовательно, кворумом не могут быть и 6000 для более поздней эпохи²⁸.

Если, доверяя Плутарху, признать, что кворум для остракизма все-таки существовал, то он мог выражаться в какой-то другой, значительно большей цифре, что обусловлено важностью самого мероприятия. На остракофорию, в отличие от обычных народных собраний, собирались отнюдь не только горожане. Сходились в Афины в эти дни даже полуграмотные крестьяне из дальних демов; об этом свидетельствуют и Плутарх (Aristid. 7), и тексты на самих острака, написанные зачастую совершенно неумелой рукой, зачастую, – возможно, профессиональными писцами, присутствовавшими на Агоре специально для такого рода надобностей²⁹. В подобных условиях, несомненно, количество присутствующих должно было намного превосходить 6000³⁰.

Впрочем, не ясно, существовало ли вообще в Афинах начала V в. до н.э. представление о кворуме для народного собрания (в нашем понимании). Согласно убедитель-

²⁴ Например: Brenne. Ostraka... P. 22; Карпюк С.Г. Гипербол, «человек негодный» // ВДИ. 1998. № 4. С. 150 (кворум); Hands. Op. cit. P. 74; Гинзбург С.И. Малоизвестный византийский источник об остракизме // Античное общество и государство. Л., 1989. С. 41–51 (минимальное число голосов для изгнания).

²⁵ «Сначала архонты подсчитывали, сколько всего (τὸ σύνταμ ἐν ταύτῳ) набралось черепков: если их было меньше шести тысяч (ἑξακισχίλων ἐλάττωες), остракизм признавали несостоявшимся (ἀτέλης). Затем все имена раскладывались порознь (ἰδίᾳ), и тот, чье имя повторялось наибольшее число раз (τὸν ἴπὸ τῶν πλείστων γεγραμμένον), объявлялся изгнанным на десять лет» (перевод С.П. Маркиша).

²⁶ Попытка А. Раубичека доказать, что на деле у Филохора речь также идет о кворуме (Raubitschek A.E. Philochoros frag. 30 (Jacoby) // Hermes. 1955. 83. 1. S. 119–120), не кажется нам убедительной. Поскольку Филохор – автор значительно менее известный, чем Плутарх, его текст представляется необходимым полностью привести в оригинале: διαριθμηθέντων δὲ ὅτῳ πλείοστα γένοιτο (sc. ὄστρακα) καὶ μὴ ἐλάττω ἑξακισχίλων, τοῦτον ἔδει... μεταστῆναι τῆς πόλεως ἕτη δέκα – «после подсчета черепков тот, кому выпало наибольшее их число, причем не менее шести тысяч, должен был... удалиться из города на десять лет».

²⁷ Keaney, Raubitschek. Op. cit. P. 91. Если это действительно так, то у Плутарха, отделенного от описываемых событий временной дистанцией в полтысячелетия и к тому же не указывающего здесь свой источник, оказываются весьма мощные «противники»: Феофраст, специально занимавшийся остракизмом (Raubitschek A.E. Theophrastos on Ostracism // Classica et mediaevalia. 1958. 19. P. 73–109; Keaney. Op. cit.), и Филохор, который по долгу аттидографа должен был в высшей степени скрупулезно изучить афинскую историю.

²⁸ Ср. Гинзбург. Малоизвестный византийский источник... С. 47.

²⁹ О методах работы таких писцов см. Суриков И.Е. К интерпретации острака с северного склона Акрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск, 1998. 6. С. 30–33.

³⁰ Общее число взрослых граждан мужского пола, имевших право участвовать в остракофориях, составляло в Афинах V в. до н.э. никак не менее 30–40 тысяч, а возможно, доходило и до 60 тысяч. См. Hansen M.H. Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P. 10, 25–27; Медовичев А.Е. Политическая идеология и практика функционирования афинской демократии: факторы стабильности (зарубежная историография) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. РЖ ИНИОН. Сер. 5. История. 1998. № 4. С. 26.

ным соображениям О. Меррея³¹, главной целью политики в полисном мире было единство, а не компромисс; политическая жизнь была основана не на балансе противоборствующих интересов и сил, а на формировании единой, целостной воли к действию. В этих условиях ключевым понятием должен был стать не кворум, а именно степень единства, единомыслия (*ὁμόνοια*), что, видимо, и выражалось в требовании минимума в 6000 голосов, направленных против одного лица.

Как отмечалось выше, внутривнутриполитическая борьба рассматриваемого периода – один из наиболее неясных и дискуссионных моментов всей афинской истории³². Информации, содержащейся в источниках, недостаточно много, чтобы нарисовать однозначную картину, но в то же время недостаточно, чтобы просто отказаться от любых реконструкций. К случайным и разрозненным сообщениям Геродота, Фукидида, спорным и не всегда аутентичным сведениям Диодора, Плутарха, Корнелия Непота и других поздних авторов в конце прошлого века прибавился, пожалуй, наиболее ценный источник – «Афинская полития» Аристотеля (или какого-то автора из его круга³³). Именно на этом трактате в течение долгого времени основывалась реконструкция афинской внутренней политики рассматриваемого периода.

Однако со временем отношение к памятнику стало – и не без основания – значительно более критичным. Естественно, Аристотель, не будучи непосредственным свидетелем описываемых им событий, вынужден был черпать информацию из предшествующей традиции. Несомненна его значительная зависимость от риторической историографии IV в. до н.э. (прежде всего от аттидографов), сложившейся под влиянием политической публицистики конца V – первой половины IV в.³⁴ При этом автор «Афинской политии» дает порой упрощенную и одностороннюю картину событий. Он в определенной степени модернизирует ситуацию, судит о более ранней эпохе с помощью категориального аппарата своего времени (во многом чуждого реалиям ранней классики), сквозь призму дихотомии «демократы – олигархи»³⁵. Есть все основания полагать, что реальная картина политической борьбы была намного сложнее, чем «двухпартийная схема», предлагаемая Стагиритом: политическая жизнь раннеклассических Афин была не биполярной, а полицентричной³⁶.

Уже давно не нуждается в доказательствах то положение, что политические группировки этого периода не были «партиями» в современном смысле слова³⁷. И дело даже не столько в отсутствии формальных признаков партии (программа, устав,

³¹ Murray O. *Cities of Reason // The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 21.

³² Важнейшую зарубежную литературу по этому вопросу см. Суриков. Афинский ареопаг... С. 33. Прим. 51. В отечественной историографии вопрос освещен в значительно меньшей степени (*Строгоцкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 35–44; *Ставнюк В.В.* Особенности политической борьбы в Афинах в начале V в. до н.э. // *Античность и раннее средневековье*. Нижний Новгород, 1991. С. 26–37).

³³ Об авторстве «Афинской политии» см. *Rhodes*. Op. cit. P. 58–63. Широкому кругу источниковедческих проблем, связанных с трактатом, посвящен сборник: *Aristote et Athènes. Études rassemblées par M. Piérart*. P., 1993. См. рец.: Суриков И.Е. // ВДИ. 1995. № 4. С. 209–212.

³⁴ Лучшие работы о складывании аттидографической традиции: *Jacoby F.* *Atthis: The Local Chronicles of Ancient Athens*. Oxf., 1949; *Pearson L.* *The Local Historians of Attica*. Repr. ed. Ann Arbor, 1981.

³⁵ Ср. *Day J., Chambers M.* *Aristotle's History of Athenian Democracy*. Berkeley, 1962; *Schreiner J.H.* *Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo, 1968.

³⁶ Кстати, тот же полицентризм, «сегментация политической жизни» обнаруживается даже в Афинах эпохи самого Аристотеля (*Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56–134).

³⁷ Следует отметить, что применительно к Афинам политические группировки анализировались в литературе преимущественно на материале IV в. до н.э., например: *Strauss B.S.* *Athens after the Peloponnesian War*. Croom Helm, 1986. P. 11–41; *Hansen M.H.* *The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes*. Oxf., 1987. P. 72–86; *Ober J.* *The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 1999. P. 18–31; *Маринович*. Ук. соч. Однако все, что сказано, не в меньшей, если не в большей мере относится к группировкам V в. К характеристике последних см. также Суриков И.Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997. С. 89–99.

фиксированное членство, аппарат и т.п.), сколько в том, что они опирались не на какие-либо принципиальные идейные убеждения, а на личную, семейную, локальную основу, на связи и соперничество отдельных аристократических групп и их окружения³⁸. Однако нельзя отрицать, что все же имело место различие позиций этих группировок, иначе становилось бы бессмысленным само их существование. Но в таком случае это различие должно было лежать в сфере не внутренней, а внешней политики³⁹.

Действительно, отдельные знатные семьи имели тяготения или пристрастия родственного, дружеского и иного (в том числе, возможно, и экономического) характера именно во внешнеполитическом плане. Один аристократический род имел тесные связи со Спартой, другой – с Ионией, третий – скажем, с Аргосом или Фивами. Это и определяло позицию группировки, сложившейся вокруг данного рода. Ключевым вопросом борьбы было отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия), а именно внешняя ориентация, диктуемая как традицией, так и конкретной ситуацией.

Какова могла быть в рассматриваемый период суть разногласий по вопросам этой ориентации? Двумя наиболее важными проблемами в данной сфере являлись, безусловно, отношения с Персией и со Спартой. Персия была сильнейшим и опаснейшим восточным соседом, Спарта – главным конкурентом и партнером Афин в самой Элладе. Позиции, занятые той или иной группировкой относительно этих двух центров, и лежали в основе внешнеполитических расхождений.

При внимательном рассмотрении можно обнаружить в Афинах начала V в. (выберем условной точкой отсчета 490 г. до н.э., год Марафонского сражения) по меньшей мере четыре политических группировки. Относительно слабая группировка «друзей тиранов» (φίλοι τῶν τυράννων) возглавлялась после изгнания Гиппия его родственником Гиппархом, сыном Харма (Arist. Ath. pol. 22.4)⁴⁰. Группировка, вне сомнения, придерживалась выраженной проперсидской ориентации, поскольку бежавший из Афин Гиппий находился в Персии (Thuc. VI. 59.4). Должны были «друзья тиранов» в какой-то степени симпатизировать и Спарте, так как незадолго до того, около 506–504 гг. до н.э. спартанский царь Клеомен I предпринял попытку восстановить тиранию Гиппия в Афинах (Herod. V. 91–94)⁴¹.

Группировка, возглавлявшаяся родом Алкмеонидов, привлекала наибольшее внимание исследователей⁴², поскольку была в это время, судя по всему, наиболее влиятельной. Лидером группировки в начале V в., после Клисфена, был либо племянник реформатора Мегакл, сын Гиппократа, либо, что более вероятно, Ксантипп, тесно породнившийся с Алкмеонидами⁴³. Алкмеониды еще с начала VI в. до н.э. поддерживали контакты с Востоком, с лидийским царством Мермнадов⁴⁴. После превращения Лидии в персидскую сатрапию они были, безусловно, заинтересованы в сохранении этих налаженных и выгодных связей. Именно этой цели, в числе прочих, должно было

³⁸ Нередко исследователи применяют к этому окружению римский термин «клиентела»: *Mossé C. De l'ostracisme aux procès politiques // Instituto universitario orientale (Napoli). Annali. Sezione di archeologia e storia antica. 1985. 7. P. 17–18.*

³⁹ Ср. *McGregor M.F. The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson. Camb. Mass., 1940. P. 71–95; Thomsen. Op. cit. P. 123; Littman. Op. cit. P. 155 ff.*

⁴⁰ Выказывалось предположение, что в Афинах в начале V в. находился Писистрат Младший, сын тирана Гиппия (*Meritt. Op. cit.; Arnush. Op. cit.*), но оно представляется совершенно фантастическим.

⁴¹ *Cawkwell G.L. Sparta and her Allies in the Sixth Century // CQ. 1993. 43. 2. P. 364 ff.*

⁴² *Cloché P. La politique des Alcmaeonides de 507 à 482 av. J.-C. // REA. 1928. 30. 4. P. 269–279; Gillis D. Marathon and the Alcmaeonids // GRBS. 1969. 10. 2. P. 133–145; Williams G.M.E. The Image of the Alcmaeonidae between 490 B.C. and 487/6 B.C. // Historia. 1980. 29. 1. S. 106–110; Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids. Stuttgart, 1993. P. 27–42.*

⁴³ *Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 18–19.*

⁴⁴ Подробнее см. *он же. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 66–70.*

послужить афинское посольство 506 г. ко двору персидского сатрапа в Сардах (Herod. V. 73)⁴⁵. Клисфен, глава рода, простать демоса и наиболее влиятельное лицо в тогдашних Афинах, никак не мог быть непричастен к этому посольству. Можно с уверенностью утверждать, что именно он явился его инициатором⁴⁶. Впрочем, на том этапе, еще до начала Греко-персидских войн, в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного.

И впоследствии Алкмеониды стремились до последней возможности избежать полного разрыва отношений с Персией и начала прямых военных действий. Их отношение к этому государству в начале V в. диктовалось рядом факторов. Помимо нежелания окончательного прекращения восточных контактов, Алкмеониды должны были рассматривать державу Ахеменидов как своего рода противовес Спарте, стремившейся вернуть Афины в сферу своего влияния. Но в то же время их вряд ли устраивала ориентация персов на реставрацию тирании Гиппия (Herod. V. 96). Таким образом, позиция Алкмеонидов была умеренно персофильской, причем с возрастающим отталкиванием от Персии.

В достаточной мере дружественные отношения Алкмеонидов со Спартой существовали на рубеже 520–510-х годов, хотя и в опосредованной форме, через Дельфы. Именно они повели к изгнанию из Афин Гиппия и возвращению Алкмеонидов (Herod. V. 63–65). Но эти контакты были весьма кратковременными: уже в 507 г. поход Клеомена I на Афины (Herod. V. 72) засвидетельствовал полный разрыв⁴⁷. На протяжении всего V века до н.э. Алкмеониды занимают однозначно антиспартанскую позицию, более традиционную для них.

Сильная политическая группировка создалась вокруг рода Филаидов, главой которого в этот период был Мильтиад Младший. Этот политик, безусловно, придерживался выраженной антиперсидской ориентации, поскольку имел к персам личные счеты: во время карательных экспедиций персидского флота в Эгеиде в 493 г. он был вынужден бежать с Херсонеса Фракийского в Афины⁴⁸. К Спарте же Мильтиад, насколько можно судить, питал симпатии. Его сын Кимон впоследствии снискал репутацию едва ли не самого знаменитого афинского лаконофила (Plut. Cim. 16). Такая позиция Кимона не могла, разумеется, возникнуть спонтанно; она должна была быть унаследована им от отца.

Остается охарактеризовать группировку Фемистокла, в начале рассматриваемого периода незначительную, но крайне быстро набирающую силы. В историографии ее было принято обозначать как радикально-демократическую⁴⁹. Для определения ее реальной внешнеполитической ориентации этот вопрос не имеет существенного значения, поскольку само понятие «радикально-демократический» для начала V в. не наполняется определенным содержанием. Задача заключается скорее в том, чтобы, абстрагировавшись от общих дефиниций, по возможности конкретно очертить место данной группировки в заданной выше системе координат.

Антиперсидская направленность деятельности Фемистокла с полной ясностью прослеживается на протяжении двух первых десятилетий V в. до н.э. Но и ориентации на Спарту в его мероприятиях мы не находим, а на основании косвенных данных можно предположить прямое отсутствие таковой. Морская программа Фемистокла⁵⁰ –

⁴⁵ См. Berve H. Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Die Antike. 1936. 12. S. 20.

⁴⁶ Thomsen. Op. cit. P. 109 ff.

⁴⁷ О походе Клеомена см. Picard Ch. Le «présage» de Cléoménès (507 av. J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes // REG. 1930. 43. P. 262–278; Lenschau Th. König Kleomenes I. von Sparta // Klio. 1938. 31. S. 412–429; Tritle L.A. Kleomenes at Eleusis // Historia. 1988. 37. 4. S. 457–460.

⁴⁸ Herod. VI. 41. Marcellin. Vita Thuc. 18–19.

⁴⁹ Строецкий. Полис... С. 36.

⁵⁰ О ней см. Labarbe J. La loi navale de Thémistocle. P., 1957. Из работ о Фемистокле см. также Frost F.J. Themistocles' Place in Athenian Politics // California Studies in Classical Antiquity. 1968. 1. P. 73–104; Podlecki A.J. The Life of Themistocles. Montreal, 1975; Lenardon R.J. The Saga of Themistocles. L., 1978; Piccirilli L. Themistocle, Aristide, Cimone, Tucidide di Melesia fra politica e propaganda. Genova, 1987.

нечто совершенно не спартанское, в корне противоречащее установкам Лакедемона на приоритет сухопутной мощи, не говоря уже о том, что для чуть более позднего времени враждебность Фемистокла к Спарте зафиксирована вполне определенно (Plut. Them. 20).

Таким образом, позицию Фемистокла во внешнеполитических вопросах можно обозначить как «опору на собственные силы». Следует сразу оговорить, что это отнюдь не какая-то принципиальная идеологическая установка. Причина подобной ориентации – проще и прозаичнее. Еще А. Гомм заметил, что Фемистокл – единственный афинский политик вплоть до эпохи Пелопоннесской войны, происходивший не из городского, а из сельского дема (Фреарры)⁵¹. Очевидно, этим и объясняется его положение как homo novus в кругу афинской знати, а не его часто постулируемым «неполноценным» происхождением. Отец Фемистокла был аристократом, видимо, из боковой ветви рода Ликоимидов⁵², а статус матери до 451 г. до н.э., до закона Перикла о гражданстве не принимался во внимание, чего не учитывает Плутарх⁵³. Итак, Фемистокл – представитель сельской, неафинской аристократии, которая, в отличие от блестящей городской знати, не имела связей за пределами Аттики. У этого политика не было каких-то традиционных интересов или пристрастий во внешнеполитической сфере, отсюда – его «изоляционистская» позиция.

Ни одна из перечисленных четырех группировок не могла претендовать на безусловное лидерство. Для борьбы за власть приходилось создавать коалиции. Есть основания полагать, что вся политическая борьба рассматриваемого периода есть цепь таких коалиций, порой на наш современный взгляд достаточно «беспринципных». Предлагаемая далее реконструкция, безусловно, в значительной мере гипотетична. Но, возможно, она поможет объяснить ряд событий этого времени, в том числе связанных с применением закона об остракизме.

После 507 г. до н.э. Алкмеониды, всецело завладевшие симпатиями демоса, были сильнейшей группировкой⁵⁴. Судя по всему, поначалу к ним примыкал и Фемистокл. Характерно, что в его родном деме, Фреаррах, находились родовые поместья Алкмеонидов⁵⁵. Жена Фемистокла Архиппа происходила из дема Алопека (Plut. Them. 32), где располагалась главная резиденция Алкмеонидов. Позже Фемистокл, воспользовавшись, вероятно, непопулярностью проперсидской позиции Алкмеонидов, отколол от них значительную часть их сторонников, образовав собственную группировку⁵⁶. Первым значительным успехом этой группировки стало избрание ее лидера архонтом-эпонимом на 493/2 г.⁵⁷

Алкмеониды, видимо, еще несколько раньше были вынуждены вступить в союз с «друзьями тиранов», воспользовавшись общим тяготением к Персии. Результатами союза стали избрание Гиппарха, сына Харма, архонтом-эпонимом на 496/5 г. (Dion. Hal. Antiq. V. 77. 6; VI. 1. 1), отзыв военной помощи восставшим ионийцам (Herod. V. 103), наказание трагического поэта Фриниха за поставленную им в год архонтства

⁵¹ Gomme A.W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37–39.

⁵² Plut. Them. 1. Ср. Harvey F.D. Neokles, Father of Themistokles // Historia. 1980. 29. 2. S. 110–111.

⁵³ Кстати, П. Бикнелл пытался путем сложных и, на наш взгляд, не очень убедительных эмендаций текста Плутарха доказать, что мать Фемистокла была не фракийкой и не карянской, а гречанкой из Кардии на Херсонесе Фракийском (Bicknell P.J. Themistokles' Father and Mother // Historia. 1982. 31. 2. P. 161–173).

⁵⁴ Thomsen. Op. cit. P. 129.

⁵⁵ Eliot C.W. Where did the Alkmaionidai Live? // Historia. 1967. 16. 3. S. 279–286; Bicknell. Studies... P. 1–53, 74; Littman. Op. cit. P. 81–106.

⁵⁶ Примерно так же несколькими десятилетиями раньше поступил Писистрат: Herod. I. 59; ср. Кыйв М. Три «партии» в Аттике в VI в. до н.э. в контексте социально-политической истории архаических Афин // Античный полис. СПб., 1995. С. 64–66; Lavelle. Op. cit. P. 90–91.

⁵⁷ Thuc. I. 93. 3; Dion. Hal. Antiq. VI. 34. 1.

Фемистокла (и, очевидно, не без его содействия⁵⁸) антиперсидскую трагедию «Взятие Милета» (Herod. VI. 21).

В том же 493 г. в Афины прибывает такая мощная политическая фигура, как бывший тиран Херсонеса Фракийского Мильтиад Младший, вокруг которого не могла не сформироваться группировка антиперсидской направленности. Весьма значительное состояние Мильтиада, его авторитет, богатый опыт – все это естественно выдвигало его в лидеры борьбы с «персидской угрозой». Это предвидели Алкмеониды; наиболее вероятно, что именно они сразу по прибытии Мильтиада возбудили против него судебный процесс (Herod. VI. 104), впрочем, без всякого успеха. Фемистокл в новой ситуации был вынужден на время отойти в тень и стать союзником Мильтиада.

В 489 г. до н.э., воспользовавшись охлаждением демоса к чрезмерно «возгордившемуся» Мильтиаду, Алкмеониды добились временного успеха и избавились от опасного соперника: Мильтиад был осужден по обвинению Ксантиппа⁵⁹. Фемистокл, судя по всему, не препятствовал процессу, ибо не мог не видеть в Мильтиаде заслоняющего его конкурента; к тому же ему не должны были импонировать проспартанская позиция последнего и его опора на сухопутное войско.

Приверженцы Мильтиада, лишившись лидера, автоматически оказывались в лагере Фемистокла как наиболее близкого по ориентации. Тогда же присутствие Гиппия в персидском войске при Марафоне (Herod. VI. 107–109) совершенно скомпрометировало группировку «друзей тиранов». Таким образом, в начале 480-х годов до н.э. в Афинах оказались две крупные, противостоящие друг другу группировки: Алкмеониды и сторонники Фемистокла. На какое-то время политическая борьба действительно приобрела биполярный характер.

Теперь-то и была впервые подготовлена почва для успешного применения закона об остракизме. Теперь была надежда на то, что кто-либо из «кандидатов» на изгнание наберет необходимое число голосов – 6000. Если ранее остракофории и проводились (пока мы не имеем данных для однозначного решения этого вопроса⁶⁰), то они в принципе не могли увенчаться успехом ввиду разброса голосов граждан как минимум по четырем группировкам. Так, в современных демократиях при отсутствии устоявшейся двухпартийной системы практически невозможна победа одного из кандидатов в первом туре. После вышеописанных событий вопрос в Афинах фактически стоял в следующей форме: либо Фемистокл, либо кто-то из Алкмеонидов или их сторонников.

Поэтому 480-е годы – время наиболее острого дуального противостояния – и ознаменовались крупнейшей в афинской истории серией остракизмов, в ходе которых Алкмеониды потерпели сокрушительное поражение. Если изгнание Гиппарха, сына Харма, в 487 г. до н.э. было во многом предрешиено неким *consensus omnium* (даже Алкмеониды, видимо, пытались отстраниться от столь скомпрометированного союзника), то дальнейшие остракофории продемонстрировали незаурядные тактические способности Фемистокла. Он и вышел из борьбы безусловным победителем⁶¹.

Становится понятным, почему столь велика доля Алкмеонидов среди изгнанных и подвергавшихся опасности изгнания в эти годы. Помимо бесспорно изгнанных Мегакла

⁵⁸ О связях Фемистокла и Фриниха см. *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P. Mythe et tragédie en Grèce ancienne. T. 2. P., 1986. P. 97.*

⁵⁹ *Herod. VI. 136.* О суде над Мильтиадом см. *Carawan E.M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. 28. 2. P. 192–196; Суриков. Перикл... С. 19.*

⁶⁰ Однозначно отрицательный ответ на него Р. Томсена основывается на том факте, что среди тысяч найденных острака нет ни одного, хотя бы с малой долей уверенности относимого к периоду до 487 г. (Op. cit. P. 61–108, с подробным анализом острака). С самим этим наблюдением мы в целом согласны, но не стали бы делать далеко идущих выводов *e silentio*. Учтем, что на сегодняшний день найдена лишь малая доля существовавших острака, а эти черепки практически неуничтожимы, да, следует думать, никто их и не уничтожал. Иными словами, археологи просто обречены на новые крупные находки острака. А какие сюрпризы преподнесет каждая из подобных находок – об этом можно только гадать.

⁶¹ См. *Суриков. Афинский ареопаг... С. 34–35.*

и Ксантиппа, возможно, подверглись остракизму, как отмечалось выше, Каллий и Калликсен; высказывалось предположение, что к тому же периоду относится гипотетический первый остракизм близкого к Алкмеонидам Алквиада Старшего⁶². Подвергался угрозе остракизма еще целый ряд Алкмеонидов (в письменных источниках они не упоминаются, но стали известны из надписей на острака): Гиппократ, сын Алкмеонида; Гиппократ, сын Анаксилая; Ксантипп, сын Гиппократа; Алкмеон, сын Аристонида; Менон, сын Мегакла; Мегакл, сын Каллисфена; Мегакл из Анагирунта; Мегакл из Анафлиста; Мегакл из Ахарн; Арифрон, сын Ксантиппа⁶³ и др.⁶⁴

Переломный 480 год принес досрочное возвращение всех изгнанников ввиду персидской опасности⁶⁵. Приблизительно к тому же году относится, пожалуй, самый удачный из политических союзов, заключенных Алкмеонидами. Им удалось породниться со своими старыми соперниками Филаидами; подтверждением союза стал брак Кимона и Исодики из рода Алкмеонидов. К альянсу был подключен и еще один влиятельный афинский род – Керики: его представитель Каллий, сын Гиппоника (будущий знаменитый дипломат), женился на сестре Кимона Эльпинике⁶⁶.

Новая коалиция, направленная, несомненно, против Фемистокла, сразу приступила к действиям. Уже в 479/8 г. архонтом-эпонимом стал Ксантипп, сын Гиппократа (Marr. Par. A52; Diod. XI. 27. 1), а другой Ксантипп – отец Перикла – в качестве стратега (Diod. XI. 27. 3) одержал победу при Микале. Интересно рассмотреть состав афинского посольства в Спарту перед Платейской битвой (Plut. Aristid. 10). В его состав вошли Филаид Кимон и глава группировки Алкмеонидов Ксантипп. Третий член посольства Миронид вполне мог быть выходцем из рода Кериков⁶⁷, о чем говорит его патронимик – сын Каллия (Diod. XI. 81. 4; имя Каллий в Афинах чаще всего встречается именно у Кериков). Характерно, что Фемистокл в это крайне важное посольство не вошел. Инициатором посольства был Аристид. Нет достаточных оснований утверждать, как иногда делается⁶⁸, что этот политик примыкал к Алкмеонидам, но тот факт, что он был убежденным противником Фемистокла, не подлежит никакому

⁶² Лисий (XIV. 39) утверждает, что Мегакла (сына Гиппократа) и Алквиада Старшего изгоняли остракизмом по два раза (δύο ἀφοτέρως ἐξωστράκισαν). До недавнего времени к этому сообщению относились к недоверию; признавали единственный остракизм Алквиада, который датировали 485 годом (Carcopino J. L'ostracisme athénien. 2 ed. P., 1935. P. 111–112; Calderini A. L'ostracismo. Como, 1945. P. 46–48). Позже на основании начертаний букв на острака с именем Алквиада датировку его остракизма сместили к 460 г. (Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alkibiades // Hesperia. 1952. 21. 1. P. 1–8). В настоящее время, однако, некоторые исследователи начинают больше доверять Лисию и соответственно постулировать два остракизма Алквиада, первый из которых падает на начало 470-х годов (Bicknell P.J. Was Megakles Hippokratous Alopekethen Ostracized Twice? // L'Antiquité classique. 1975. 44. 1. P. 172–175). Что же касается вышеупомянутого Мегакла, то и его второй остракизм, если он действительно имел место, должен относиться к тому же времени (Rhodes. Op. cit. P. 274; Willemsen. Ostraka einer Meisterschale...).

⁶³ Высказывалось мнение (Lewis D.M. Megakles and Eretria // ZPE. 1993. 96. S. 51–52), что это сын Ксантиппа, старший брат Перикла. На наш взгляд, данного Арифрона резоннее отождествить с отцом Ксантиппа, дедом Перикла. См. Суриков И.Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. № 4. С. 73 слл.

⁶⁴ Имена всех этих персонажей убедительно говорят об их происхождении из рода Алкмеонидов или, по меньшей мере, об их родстве с ним (Bicknell. Studies... P. 64–76).

⁶⁵ Figueira T.J. Residential Restrictions on the Athenian Ostracized // GRBS. 1987. 28. 3. P. 281–305.

⁶⁶ Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 305; Bicknell. Studies... P. 89–95; Littman. Op. cit. P. 190. Об Эльпинике см. Суриков И.Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. М., 1996. С. 46–47.

⁶⁷ Ср. Строгоцкий В.М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 48. Ср. Berti M. Note storiche e prosopografiche agli ostraka di Μυρωίδης Φλυεύς dal Kerameikós di Atene // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. 2. P. 77–109, где высказывается мысль, что Миронид состоял в родстве с Кериками и Ликомидами (с последним мы не можем согласиться).

⁶⁸ Bicknell P.J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. 23. 2. S. 146–163.

сомнению. Очевидно, Аристид также был привлечен к вновь созданному альянсу. Этому способствовало и его родство с Кериками (Plut. Aristid. 25)⁶⁹.

В дальнейшем, уже в конце 470-х годов до н.э., борьба объединившихся аристократов против ослабленной группировки Фемистокла привела к его остракизму, а затем – к обвинению в измене и заочному осуждению⁷⁰. Но этот сюжет уже выходит за рамки данной статьи.

Впрочем, в целом альянс давних соперников, созданный для конкретной цели, не мог оказаться достаточно долговечным. Выиграл от него в первую очередь Кимон; этот молодой, но уже широко известный благодаря славе отца политик и военачальник в скором времени стал наиболее влиятельной фигурой в Афинах. Алкмеониды же после 480–470-х годов фактически сошли с политической сцены: их репутация была все же значительно подорвана серией остракизов и дискредитирующей пропагандой. В ходе борьбы группировок противники предъявляли представителям этого рода самые различные обвинения: в родовом проклятии полуторавековой давности⁷¹, в помощи изгнанным тиранам и особенно часто – в персидской измене. Собственно, слово «мидизм» (μιδισμός) имело широкое значение и могло обозначать не только измену как таковую, сотрудничество с «мидянами», но и, скажем, просто приверженность персидскому образу жизни. Обвинение в мидизме было одним из наиболее популярных пропагандистских ходов в политической борьбе начала V в. до н.э. (да и позже⁷²), применявшимся против разных политиков и по разным поводам⁷³. Однако именно Алкмеониды подвергались наиболее интенсивным нападкам, что, кстати, и побудило впоследствии Геродота (VI. 121–131) выступить с аргументированной апологией-отповедью.

Конкретным деянием, инкриминировавшимся роду, был якобы данный сигнал персам во время Марафонского сражения⁷⁴. Независимо от обоснованности этого обвинения⁷⁵ оно сыграло серьезную роль в изгнании остракизмом ряда представителей рода. Да и позже отпечаток подобных обвинений на Алкмеонидах, видимо, все же лежал, хотя последствий этого не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Известны по меньшей мере два афинских посла в Персию из рода Алкмеонидов, оба – в период Пелопоннесской войны⁷⁶. Трудно представить в роли послов лиц, подозреваемых в склонности к измене и не пользующихся доверием граждан. Но, с другой стороны, примерно в те же годы вышла «История» Геродота с ее апологетическим

⁶⁹ Как считается, его отец Лисимах взял в жены одну из трех дочерей Каллия, сына Фениппа, знаменитого врага Писистрата (Shapiro. Op. cit.).

⁷⁰ Строгоцкий. Полис... С. 42–43; Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C. Oxf., 1952. P. 190; Bengtson H. Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. 3 Aufl. München, 1974. S. 148; Podlecki. Op. cit. P. 131.

⁷¹ Подробнее см. Суриков. По поводу новой публикации острака. С. 143–144.

⁷² Полвека спустя Анаксагора судили не только за нечестие, но вменяли ему в вину еще и «мидизм» (Diog. Laert. II. 12). О суде над Анаксагором см. Schachermeyr F. Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 71 ff.; Prandi L. I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum. 1977. 51. 1/2. P. 10–26; Залюбовина Г.Т. Борьба за сохранение полисной религии в период кризиса гражданской общины // Традиционная культура народов Западной Европы. Благовещенск, 1996. С. 23–42; Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н.э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 122 слл.

⁷³ О мидизме см. Wolski J. Μιδισμός et son importance en Grèce à l'époque des guerres médiques // Historia. 1973. 22. 1. S. 3–15; Gillis D. Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P. 39–81.

⁷⁴ Herod. VI. 115; подробнее о событии см. Hudson H.G. The Shield Signal at Marathon // American Historical Review. 1937. 42. 3. P. 443–459.

⁷⁵ Современные исследователи в основном не склонны считать его обоснованным: Cloché. Op. cit. P. 279; McGregor. Op. cit; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 203; Holladay J. Medism at Athens, 508–480 B.C. // Greece and Rome. 1978. 25. 2. P. 174–191; Williams. The Image of the Alkmeonidai... Значительно реже факт измены признается: Gillis. Collaboration... P. 45–58.

⁷⁶ Мегакл (сын упоминавшегося выше Мегакла) около 430 г. (Aristoph. Ach. 613 sqq. cum schol.) и Евриптолем в начале 400-х годов. (Xen. Hell. I. 3. 12–13).

пассажем об Алкмеонидах, имевшим смысл только в том случае, если старые обвинения были еще злободневны⁷⁷.

В «закате» Алкмеонидов сыграло свою роль и то обстоятельство, что род в течение определенного времени не мог выдвинуть сильного лидера, достойного соперника Кимона. Когда же такой лидер появился в лице Перикла⁷⁸, расклад политических сил был уже совершенно иным. Былые противоречия, характерные для начала V в. до н.э., остались в прошлом; не в последнюю очередь это было связано с тем, что полностью изменились внешнеполитические условия, расстановка сил на «международной» арене. Соответственно претерпели перемены и позиции политических групп.

В данной статье была предпринята возможная на достигнутом к текущему моменту уroveň освоения материала попытка реконструкции одного из сложнейших периодов политической истории Афин, попытка разрешения затруднений, которые возникают при исследовании свидетельств источников о введении и применении процедуры остракизма. Безусловно, многое в предложенных интерпретациях гипотетично, ряд вопросов еще ждет окончательного ответа. Но об одном, думается, можно уже судить с достаточной долей уверенности. Политическая жизнь рассматриваемой эпохи была значительно сложнее, неоднозначнее, нежели это обычно представляется. Она не укладывается в рамки зачастую прилагаемых к ней упрощенных и модернизирующих схем. Многие ее особенности обусловлены общими параметрами самого феномена полиса, ко все более всестороннему, многогранному пониманию которого движется наука об античности⁷⁹.

И.Е. Суриков

POLITICAL STRUGGLE IN ATHENS IN EARLY 5th C. BC AND THE FIRST OSTRAKOPHORIES

I. Ye. Surikov

The article is devoted to an important and not quite solved problem of the political life in early Classic Athens: the first ostrakophories in the context of the struggle of political factions. In addition to the narrative sources, the author turns to the ostraka found at the Athenian Agora and Ceramicus. The question that has not been solved so far is why the law of ostracism adopted not later than in late 6th c. BC, was not applied till about twenty years later, i.e. in 487. Proceeding from the premise that to ostracize a person 6000 votes were needed (according to Philochorus and, quite possibly, Theophrastus), one can reconstruct the events of that time as follows. At least four political factions existed in early 4th c. Athens, their differences concerning foreign policy, i.e. their attitude towards Persia and Sparta. The sources make it possible to speak of a pro-Persian faction, a pro-Spartan one («friends of the tyrants»), a moderate pro-Persian and anti-Spartan Alcmaeonid faction, Philaid faction led by Miltiades who was Laconophile and hostile to Persia, and, finally, Themistocles faction, which was, to some extent, an isolationist one. After the battle of Marathon, two events (full discreditation of Pisistratidae who stayed in Athens and the condemnation of Miltiades) changed the situation: two large factions, Alcmaeonidae and Themistocles' supporters came into conflict with each other, thus making political life bipolar. It was at this very moment that the ground was prepared for a successful ostracism, for it could now be expected that a «candidate» for ostracism would have 6000 votes against him, while earlier the citizens' votes were dispersed among the four factions at least. This is why 480es were characterized by the greatest series of ostracisms in the history of Athens, and as a result of it, Alcmaeonidae were decisively defeated. In early 470es, though, having entered into alliance with Philaidae and Ceryces, they managed to take revenge to some extent. But soon after that they left the political scene for long. Their reputation was undermined seriously by several cases of banishment and discrediting propaganda; besides, for some time this family could not produce a strong leader. When such a leader appeared in the person of Pericles, political constellations had already become quite different, which was connected with a new situation in «world» politics.

⁷⁷ Ср. *How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. V. 2. Oxf., 1912. P. 115 ff.*

⁷⁸ О связях Перикла с Алкмеонидами см. *Sealey R. The Entry of Pericles into History // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 144–161; Суриков. Перикл... Passim.*

⁷⁹ О возрастающем значении исследований политической жизни в современных антиковедческих штудиях см. *Mossé C. Dictionnaire de la civilisation grecque. Bruxelles, 1992. P. 52.*

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В КРЫМУ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Современные представления об этнической ситуации в Крыму в первые века нашей эры сводятся к следующему. Предгорья Крыма до середины III в. н.э. были заселены поздними скифами, оставившими десятки поселений и могильников. Искусственный этноним "поздние скифы" (и производные от него) введен для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть преемственность этого населения от классических скифов-кочевников, а с другой – указать на существенные иноэтничные, особенно сарматские, воздействия¹. В середине III в. н.э. все позднескифские поселения были уничтожены готским племенным союзом, который, наряду с германцами, включал и аланов². После этого появляются две группы могильников: с кремациями (Харакс, Чатыр-Даг, участок Чернореченского) и с труположениями в склепах особой конструкции (Инкерман, Чернореченский, Озерное III, Дружное, Нейзац и др.). Кремировали умерших германцев, в склепах хоронили аланы³.

За последние годы раскопано несколько могильников позднеримского времени. Накопленный в результате этих исследований материал значительно превосходит полученный за предшествующие десятилетия, что позволяет уточнить некоторые представления об этнических процессах, происходивших в Крыму.

В конце II – начале III в. в Крыму проживали различные племена, оставившие памятники, которые можно разделить на несколько групп. В первую из них входят многочисленные позднескифские поселения и относящиеся к некоторым из них могильники. Среди последних выделяются крупнейшие, лучше других исследованные и опубликованные Неапольский и Усть-Альминский некрополи. Они включали погребальные сооружения различных типов, но большая часть захоронений совершалась в склепах. Позднескифский склеп состоял из прямоугольной короткой входной ямы, почти всегда забитой камнями, и овальной или округлой погребальной камеры, содержащей многократные погребения, расположенные в несколько ярусов⁴.

Вторая группа памятников включает в себя могильники Юго-Западного Крыма: Скалистое II, III, Бельбек I, II, III, IV, Танковое. Эти некрополи состояли из плитовых, грунтовых, подбойных могил и "могил с заплечиками"⁵. Все исследователи признают сарматский характер могильников второй группы, но в то же время неизменно включают их в сводные работы о позднескифских древностях⁶. Между тем от позднескифских они отличаются рядом существенных характеристик. Во-первых, эти могильники не связаны с поселениями. Во-вторых, на них нет склепов – наиболее характер-

¹ Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. III. С. 213 сл.

² Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 204; Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995. С. 72.

³ Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. I. С. 66.

⁴ Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. С. 28–58; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 50–55.

⁵ Богданова Н.А., Гуцина И.И. Новые могильники II–III вв. н.э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 1967. 112. С. 132 сл.; Богданова Н.А., Гуцина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. 1976. № 4; Гуцина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // АИЮВЕ. 1974; Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994 (далее – ПИАК).

⁶ Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 72–76, 78 сл.; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. С. 26.

ных погребальных сооружений поздних скифов. В-третьих, очень редки, но зафиксированы в Танковом, Бельбеке I, Скалистом III неизвестные поздним скифам захоронения кремированных останков.

Третья группа, так же как и вторая, объединяет только могильники Нейзац, Дружное, Озерное III, Суворово, Инкерман, Чернореченский⁷. Вероятно, в нее можно было бы включить могильники Перевальное, Совхоз № 10, Красная Заря, Красный Мак, но результаты их раскопок опубликованы пока столь фрагментарно, что нельзя составить целостное представление об этих памятниках⁸.

Исследования могильников Суворово⁹ и Нейзац (наши раскопки 1995–1997 гг.) показали, что возникли они в конце II или начале III в. и первоначально состояли из грунтовых и подбойных могил. Обнаруженный в погребениях инвентарь в целом может быть охарактеризован как позднесарматский. Он ничем не отличается от погребального инвентаря из синхронных степных подкурганых сарматских захоронений. Возможно, так же дело обстояло и в Дружном. Во всяком случае, на территории могильника, интенсивно использовавшегося во второй половине III–IV в., нашими раскопками открыта подбойная могила № 67 с выразительным инвентарем второй четверти III в., еще одна ранняя полуразрушенная подбойная могила исследована А.И. Айбабиным¹⁰. Топография памятника свидетельствует об уничтожении его наиболее древней части современными земляными работами. Учитывая, что в Инкермане большая часть могильника не сохранилась, а в Озерном III и вовсе расплано лишь несколько погребений, допустимо осторожное предположение о разрушении современными работами ранних участков некрополей.

Таким образом, могильники третьей группы на первом этапе своего существования не отличались от памятников второй группы. И те и другие, по-видимому, оставлены различными сарматскими племенами, оседавшими в Крымских предгорьях. Процесс седентаризации сармат в пределах позднескифского государства в первые века нашей эры носил, вероятно, перманентный характер. Его начало относится к первой половине I в. н.э. или даже к концу I в. до н.э. и фиксируется результатами раскопок могильников Бельбек IV¹¹ и Кольчугино¹². Причем в первом случае сарматы заняли ранее незаселенное место, а во втором – стали жителями уже существовавшего позднескифского поселения. Приток сарматов в позднескифские поселения археологически ощущается непрерывно на протяжении I – первой половины III в. н.э. Новые места они интенсивно заселяли во II – начале III в., когда возникли почти все не связанные с позднескифскими поселениями могильники второй и третьей групп.

Судя по результатам раскопок некрополя столицы позднескифского государства и входящего в третью группу могильника Нейзац, в первой половине III в. н.э. в Крыму

⁷ *Высотская Т.Н., Махнева О.А.* Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // *Население и культура Крыма в первые века н.э.* Киев, 1983; *Khrapounov I.N.* Population des montagnes et piémonts de Crimée à l'époque romaine tardive (d'après le matériel de la nécropole de Droujnoe) // *L'identité des populations archéologiques. Sophia Antipolis.* 1996; *Лобода И.И.* Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // *СА.* 1977. № 4; *Зайцев Ю.П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // *Археологические исследования в Крыму.* 1994 год. Симферополь, 1997. С. 102–114; *Веймарн Е.В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // *АП.* XIII. 1963; *Бабенчиков В.П.* Чернореченський могильник // Там же.

⁸ *Пуздровский А.Е.* Могильник III–IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)". Симферополь, 1994; *Стржелецкий С.Ф.* Позднеантичный могильник в Инкерманской долине // *КСИА АН УССР.* 1959. 8; *Бельй О.Б., Неневоля И.И.* Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г. // *ПИАК; Лобода И.И.* Исследования могильника IV–V вв. в с. Красный Мак // *Проблемы истории пещерных городов в Крыму.* Симферополь, 1992.

⁹ *Зайцев.* Охранные исследования... С. 102–114.

¹⁰ *Айбабин А.И.* Раскопки могильника близ с. Дружное в 1984 г. // *МАИЭТ.* 1994. IV. С. 92 сл., 97 сл.

¹¹ *Гущина.* Население... С. 33 сл., 55–64.

¹² *Храпунов И.Н., Мяскин В.В., Мульд С.А.* Позднескифский могильник у с. Кольчугино // *Бахчисарайский историко-археологический сборник.* 1997. Вып. 1. С. 125.

появляется, на первых порах малочисленное, население с погребальными традициями, отличными как от позднескифских, так и собственно сарматских. Вероятно, это были северокавказские аланы, принесшие с собой склепы новой для Крыма конструкции. Начало массового переселения алан в Крым относится к рубежу III–IV вв., поэтому подробнее скажем об оставленных ими погребальными сооружениями ниже. Пока отметим, что наиболее ранние их памятники в Крыму – это, по-видимому, склеп в некрополе позднескифской столицы¹³ (раскопки 1949 г.) и склеп № 17 в Нейзаце (наши раскопки 1996 г.).

Серьезные этнические трансформации произошли в Крыму около середины III в. н.э. В это время гибнут позднескифские поселения и перестают использоваться могильники второй группы, за исключением Бельбека I. (Впрочем, относительно верхней даты могильников, расположенных в долинах рек Альма и Бельбек, остаются некоторые сомнения, так как не всегда легко дифференцировать погребальный инвентарь первой и второй половины III в. н.э.¹⁴) Могильники третьей группы продолжают функционировать. На южном берегу Крыма появляются некрополи с кремациями Харакс и Чатыр-Даг, а также участок Чернореченского могильника в Юго-Западном Крыму. Гибель позднескифских поселений и возникновение могильников с кремациями современные исследователи единогласно объясняют проникновением в Крым готского племенного союза¹⁵. Таким образом, судя по территориальному расположению памятников, складывается впечатление, что во второй половине III в. н.э. южный берег Крыма заселили германцы, а в предгорьях жили уцелевшие после готских походов сарматы.

Вероятно, готская экспансия на Боспор, способствовавшая ослаблению этого государства, открыла путь через его территорию северокавказским аланам. Возможно, массы аланов прошли через Боспор после того, как завершился первый, наиболее активный этап готской агрессии, знаменовавшийся заморскими походами, которые германцы осуществляли на боспорских кораблях¹⁶. О том, что аланы в значительном количестве жили на территории азиатского Боспора или у ее границ в начале III в. н.э., свидетельствует надпись "главного переводчика аланов" из Гермонассы (КБН. 1053).

Проникновение и оседание значительного контингента алан в Предгорном Крыму датируются появлением с конца III в. н.э. большого количества склепов особой конструкции, которые составляют главную особенность могильников третьей группы. Эти склепы отличаются от позднескифских более длинной, не заполняемой камнями входной ямой, прямоугольной или трапециевидной в плане погребальной камерой, наличием короткого дромоса и одноярусностью погребений¹⁷. Прототипы, а в позднеримское время и почти полные аналоги таких конструкций обнаружены на Северном Кавказе в этнической среде, из которой сформировались средневековые аланы, что, собственно, и является наиболее серьезным основанием для определения этноса погребенных в крымских могильниках¹⁸.

Другой признак, позволяющий судить о присутствии алан, – это очень специфический обычай, зафиксированный только в Крыму и на Северном Кавказе. Все мечи, обнаруженные в могильниках *in situ*, лежали на головах или плечах погребенных¹⁹.

¹³ Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного Крыма в первые века н.э. // ПИАК. С. 121.

¹⁴ Ср. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. 1996. V. С. 294.

¹⁵ Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 27; Айбабин. Население... С. 295–297; Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи "готских походов" (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. С. 34.

¹⁶ Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. 1994. IV.

¹⁷ Мульд С.А. Могильники варварского населения Крыма I–V вв. // МАИЭТ. 1996. V. С. 284.

¹⁸ Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV первой половины VII в. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма IV–VII в. н.э. Киев, 1987; Пиоро. Крымская Готия. С. 139.

¹⁹ Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 116 сл.

Кроме того, лепная керамика из крымских склепов, вероятно, генетически совсем не связана с сарматской степной и весьма слабо – с позднескифской. В целом керамический комплекс позднеримского времени из Крыма очень своеобразен и не сводим ни к одной из известных керамических традиций, но все же наибольшую близость, особенно структурно, он обнаруживает с посудой северокавказских могильников.

IV век н.э. – время наиболее интенсивного использования могильников третьей группы. Большинство погребений совершалось в склепах, но продолжали сооружать подбойные и грунтовые могилы. Разнообразие типов погребальных сооружений объясняется, очевидно, тем, что аланы селились вместе с сарматами и составляли с ними единые коллективы. Такая этническая консолидация облегчалась, вероятно, присутствием среди сарматов еще с первой половины III в. н.э. немногочисленных переселенцев с Северного Кавказа. Могильники третьей группы, за исключением расположенных в Инкерманской долине, перестали использоваться в конце IV в., что синхронизируется с появлением в Северном Причерноморье гуннов.

Итак, этнические процессы, происходившие в римское время в Крыму, можно реконструировать следующим образом. Начиная с III–II вв. до н.э. предгорья были заселены потомками кочевых скифов, оставивших многочисленные поселения и могильники. В I – первой половине III в. н.э. на территорию, входившую в состав позднескифского государства, постоянно проникали сарматские племена. Часть из них вливалась в число жителей позднескифских поселений, другие занимали незаселенные места. В первой половине III в. н.э. в Крыму появляется небольшое количество алан – переселенцев с Северного Кавказа, которые не образовали самостоятельного анклава, но присоединились как к поздним скифам, так и к сарматам. В период около середины III в. н.э. племена готского союза, разгромив поздних скифов и частично предгорных сарматов, заняли южную часть полуострова. Аланы, пришедшие вслед за готами с Северного Кавказа, интегрировали в свою среду сарматов. В IV в. н.э. они составляли основное население крымских предгорий. В конце столетия, вероятно в связи с нашествием гуннов или его угрозой, аланы оставили обжитые места и переселились в горы, где позднее они стали известны авторам многих средневековых письменных источников.

И.Н. Храпунов

ETHNIC PROCESSES IN THE CRIMEA OF THE ROMAN TIME

I.N. Khrapunov

The author tries to prove that in the 3–1 c. BC the Scythians inhabited foothill areas of the Crimea. In the 1st c. – 2nd half of the 3rd c. AD Sarmatian tribes moved here. Some of them mixed with the population of Scythian settlements, others occupied uninhabited areas. In the 1st half of the 3rd c. a small number of Alans coming from Caucasus appears in the Crimea. About mid-3rd c. the Gothians, having defeated the Scythians and partly the Sarmatians, occupied the Southern part of the peninsula. After that a considerable mass of Alans migrated to the Crimea and absorbed the Sarmatian population. In the 4th c. AD Alans constituted the greatest part of the population in the foothill areas. At the close of that century they move to the mountains because of a Hunnian invasion or a threat of it.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2001 г.

КУЛЬТУРА САБИР И КРАСНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ ЙЕМЕНА ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Одна из самых важных, но все еще малоисследованных проблем аравийской археологии – генезис древнейеменской цивилизации, созданной в конце II тыс. до н.э. в юго-западной части Аравийского полуострова племенами, говорившими на семитских языках южнопериферийной группы, так называемых сайхадских языках¹. На протяжении всего нескольких поколений в этом отдаленном регионе Ближнего Востока возникает высокоразвитая культура с многочисленными городами, великолепными храмами, мощными ирригационными сооружениями, монументальными памятниками письменности и предметами искусства. Основами ее экономики являлись ирригационное земледелие и международная торговля благовониями. Считается, что основную роль в генезисе этой цивилизации, или «культуры Сайхад», как ее принято называть вслед за выдающимся британским исследователем А.Ф.Л. Бистоном, сыграли пришлые племена из севера-западных областей Аравийского полуострова и Южной Палестины, принесшие с собой устойчивые культурные традиции, обогащенные достижениями египетской и месопотамской цивилизаций. В этой ситуации вполне естественно, что традиционно археологические исследования в Юго-Западной Аравии концентрировались на изучении памятников именно «культуры Сайхад», тогда как работам по поиску и раскопкам памятников предшествующих эпох уделялось значительно меньше внимания. Между тем принципиальным является вопрос: каким был уровень культурного развития того субстратного населения, с которым столкнулись пришедшие на территорию современного Йемена племена-носители «культуры Сайхад»?

Широко известен тот факт, что отнюдь не на всей территории Йемена удается археологически заполнить временной промежуток между памятниками неолита и периода бронзы и археологическими комплексами, относящимися к «культуре Сайхад». Археологические культуры эпохи бронзы открыты на Йеменском нагорье², в вади ал-Джоуф³, в окрестностях вади Байхан и в районе аль-Абр⁴ на Хадрамаутском плоскогорье-джоле⁵. Относящиеся к ним памятники датируются IV–II тыс. до н.э., и пока не удастся ни проследить их дальнейшую эволюцию на указанных территориях, ни

¹ О языках этой группы см. *Бауэр Г.М.* Древний южноаравийский язык (эпиграфический) // *Языки Азии и Африки. IV. Африка*. М., 1991. С. 168–193; *Kogan L.E., Korotayev A.V.* Sayhadic (Epigraphic South Arabian) // *The Semitic Languages* / Ed. R. Hetzron. Routledge, 1997. S. 220–241.

² *Maigret A. de.* The Bronze Age Culture of Ḥawlān at-Ṭiyāl and al-Ḥadā (Republic of Yemen). A First General Report. Rome, 1990.

³ *Cleuziou S., Inizan M.-L., Robin Ch.* Premier rapport préliminaire sur la prospection des vallées nord du wādī al-Jawf (wādī Hirāb wādī Sadba, Jabal al-Lawdh). République Arabe du Yémen // Sanaa. 1988.

⁴ Устное сообщение Ж.-Ф. Бретона и М. Мутона.

⁵ *Vogt B.* Der Hadramawt während der späten Vorgeschichte // *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba* / Hrsg. von W. Seipel. Wien, 1998. S. 111–115.

установить какие-либо черты сходства их материальной культуры с материальной культурой памятников, относимых к сабейскому, катабанскому, хадрамаутскому или какому-либо иному из вариантов древнейшей цивилизации, которые позволили бы говорить о преемственности культуры⁶.

Одной из наименее археологически изученных зон Йемена является его Красноморское побережье, хотя уже в 1923 г. в северной части Тихамы были открыты первые мегалитические сооружения, относящиеся к «доисторическому времени»⁷. В 1943 г. Р.А.Б. Гамильтон опубликовал краткую сводку археологических памятников Западного Аденского протектората, указав в том числе и на поселения, городища и отдельные древние постройки, располагавшиеся между Аденом и Лахеджом⁸. В 60-е годы побережье вокруг Адена и оазис Абйан, расположенный в устье вади Бана, обследовались Б. Доу, Г.Л. Хардингом и Ф. Кембриджем⁹, причем последний впервые зафиксировал на побережье такие специфические памятники древности, как раковинные кучи. В 1970 г. итальянские ученые Г. Бернаделли и А. Паринелло, опубликовали первый предварительный отчет об исследованиях «доисторического» памятника Хаджар ал-Гайма в окрестностях Хайса в йеменской Тихаме (этот весьма своеобразный комплекс мегалитических сооружений датируется IV—III тыс. до н.э.)¹⁰. Позднее исследования на нем были продолжены французскими археологами, опубликовавшими, помимо других находок, несколько фрагментов керамики, относящихся, по-видимому, к эпохе ранней бронзы¹¹. Зимой 1976—1977 гг. прибрежную зону между Аденом и проливом Баб эль-Мандеб, а также район провинции Лахеджа к северу от Адена исследовал египетский археолог З. Хавасс. В общей сложности им было зафиксировано около 70 памятников и некоторые из них могут быть датированы неолитическим временем и/или периодом бронзы¹².

Как видно из перечисленного выше, интерес к археологическим памятникам Тихамы был sporadическим, и они явно оставались на периферии изучения памятников древнего Йемена. Ситуация существенно изменилась в начале 80-х годов, когда в этом районе стали работать крупные канадские, американские и итальянские археологические миссии. Так, археологическая экспедиция Королевского музея провинции Онтарио (Канада), начавшая в 1980 г. работы по обследованию и раскопкам в районе Забида памятников преимущественно исламского времени, уделила внимание и значительно более ранним памятникам¹³. Итальянская археологическая миссия сосредоточила свои исследования в прибрежной зоне между Ходейдой и ал-Мохой, где были открыты памятники неолитического и раннебронзового времени¹⁴.

⁶ *Megre A. de*. Работы Итальянской археологической миссии в Северном Йемене // ВДИ. 1989. № 3. С. 158.

⁷ *Forbes R.* A Visit to the Idrisi Territory in 'Asir and Yemen // GJ. 1923. 62. P. 271–278.

⁸ *Hamilton R.A.B.* Archaeological Sites in the Western Aden Protectorate // GJ. 1943. 101. P. 110–117.

⁹ *Doe B.* Notes on Pottery Found in the Vicinity of Aden // Appendix to the Department of Antiquities Annual Report 1960–61. Aden, 1961. P. 3–41; *idem*. Pottery Sites near Aden // Department of Antiquities Publication Bulletin Number 5. Aden, 1965; *idem*. Southern Arabia. L., 1971. P. 123–142; *Harding G.L.* Archaeology in the Aden Protectorates. L., 1964. P. 17–22; *Cambridge Ph.* The Shell Eaters: a Preliminary Study of a Midden Site at Little Aden // Aden Magazine. 1966. 12. P. 22–24.

¹⁰ *Bernadelli G., Parinello A.E.* Note su alcune localita archeologiche del Yémen // AION. 1970. 20/1. P. 117–120.

¹¹ *Hermes R., Bayle de des.* Première mission de recherches préhistoriques en République Arabe du Yémen // L'Anthropologie. 1976. 80. P. 5–38.

¹² *Hawass Z.* New Archaeological Sites in South Yemen // Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. T. LXXI. Cairo, 1987. P. 107–117.

¹³ *См. Ciuk Chr., Keall E.* Zabid Project Pottery Manual 1995. Pre-Islamic and Islamic Ceramics from the Zabid Area, North Yemen. Oxf., 1996 (BAR International Series 655).

¹⁴ *Tosi M.* Tihāmah Coastal Archaeology Survey // EW. 1985. 35/4. P. 363–369; *idem*. Survey and Excavations on the Coastal Plain (Tihāmah) // EW. 1986. 36/4. P. 400–414; *Marcolongo B., Palmieri A.M.* Paleoenvironment and Settlement Pattern of the Tihāmah Coastal Plain (Republic of Yemen) // Yemen. Studi archeologici, storici e filologici sull'Arabia meridionale. I. Roma, 1992. P. 117–123.

В 80-х годах широкие археологические изыскания проводились и в той части красноморского побережья Юго-Западной Аравии, которое входит в состав соответствующей провинции Саудовской Аравии (саудовская Тихама). Здесь, к югу от современного Джизана американским исследователем Ю. Заринсом и его коллегами было раскопано местонахождение Сихи, а также обследованы еще несколько памятников с неолитическим инвентарем и керамикой периода бронзы¹⁵.

В настоящее время реализуются несколько проектов по раскопкам археологических памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа на красноморском побережье Йемена: Британская археологическая миссия работает на городище ал-Хамид¹⁶, Канадская экспедиция исследует мегалитический памятник в районе ал-Фазза¹⁷. Однако наиболее крупным предприятием является Российско-германский археологический проект по раскопкам городища Сабир. Эти совместные раскопки, впервые проведенные в 1994 г., были организованы Германским археологическим институтом и Институтом востоковедения РАН (со-руководители проекта: директор Санского отделения Восточного департамента Германского археологического института д-р Б. Фогт и начальник комплексной экспедиции Института востоковедения РАН в Республике Йемен д.и.н. А.В. Седов). Полноценно проведенные четыре полевых сезона предоставили в наше распоряжение поистине уникальный для аравийской археологии материал¹⁸.

Городище Сабир. Четыре сезона раскопок. Открытое еще в 1932 г. городище до недавнего времени не привлекало внимания археологов, хотя сразу было отмечено необычайное своеобразие краснолощенной керамики, буквально устилавшей всю его поверхность. Подобное невнимание объяснялось прежде всего отсутствием на городище видимых архитектурных остатков, а также довольно «поздней» датой материала, предложенной исследователями. Первые очень небольшие по масштабу раскопки на городище были проведены Б. Доу, директором Департамента древностей британской колониальной администрации Адена. Он же впервые опубликовал небольшую коллекцию керамики, собранную с поверхности городища. Для обоснования датировки керамики и в целом городища Сабир серединой I тыс. до н.э. исследователь привел палестинские параллели¹⁹. Однако, как мы увидим ниже, эти заключения оказались ошибочными.

Городище Сабир расположено в низовьях вади Тубан, примерно в 25 км к северу от Адена и в 4 км к югу от современного центра оазиса г. аль-Хаута/Лахедж, являющегося и административным центром провинции Лахедж Республики Йемен. По-

¹⁵ Zarins J., Murad F., Al-Yaish Kh. The Second Preliminary Report on the Southwestern Province // *Atlat*. 1981. 5. P. 9–42; Zarins J., Zahrani A. Recent Archaeological Investigations in the Southern Tihamah Plain // *Atlat*. 1985. 9. P. 65–107; Zarins J., Al-Badr H. Archaeological Investigations in the Southern Tihamah Plain. II // *Atlat*. 1986. 10. P. 36–57.

¹⁶ Первую итоговую информацию об этих работах см. Phillips C. Al-Hamid: a Route to the Red Sea? // *Profumi d'Arabia. Atti del convegno / A cura di A. Avanzini*. Roma, 1997. P. 287–295.

¹⁷ См. Keall E. «Do You Want to See the Stones?» // *Rotunda – the Magazine of the Royal Ontario Museum*. 1997. 30/2. P. 12–19.

¹⁸ В 1994–1997 гг. полевые работы продолжались по 6 недель ежегодно (октябрь–ноябрь); в них принимали участие российские (А.В. Седов, Ю.А. Виноградов), немецкие (Б. Фогт, Я. Фишер, Н. Шлотер), итальянские (В. Буффа), йеменские (П.ал-Доайс, М.аль-Кубаты) археологи, российские (Е.А. Куркина) и немецкие (Х. Бирк, М. Кёнгсен) архитекторы, художники и фотографы, швейцарские (П.Им Оберстер, Б. Мюллер) реставраторы. В коротком сезоне 1998 г. (4 недели) проводились работы по консолидации построек из сырцового кирпича, открытых в предыдущие годы. Первые предварительные результаты работ на памятнике опубликованы в статьях: [Vogt B.] Jahresbericht 1994: Station Sanaa – Ausgrabungen und Forschungen // *AA*. 1995. 4. S. 863–867; [Vogt B.] Jahresbericht 1995: Station Sanaa – Ausgrabungen und Forschungen // *AA*. 1996. 4. S. 632–640; Vogt B., Sedov A.V. Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr. // *Jemen... Wien*, 1998. S. 129–133. Керамические сосуды и другие предметы, найденные при раскопках на городище, были показаны в 1997–1998 гг. на выставках в Париже («Yémen – au pays de la reine de Saba») и Вене («Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba»).

¹⁹ Doe. Pottery Sites... P. 31–32. Fig. 2–4; ср. также мнение Г.Л. Хардинга (со ссылкой на точку зрения В.Ф. Олбрайта): «...about the fifth or sixth century B.C.» (*Harding. Archaeology... P. 20*).

добное местоположение гарантировало древним обитателям долины прямой доступ как на Йеменское нагорье в район Таизза и Ибба (на север, вверх по вади Тубан и вади Бана), так и в Хадрамаут (на восток, вдоль побережья Аденского залива). Современный ландшафт вокруг Сабира характеризуется оазисным расположением возделываемых участков земли, орошаемых каналами, которые отводят селевые потоки из различных рукавов вади Тубан, а также песчаными днами, достигающими иногда нескольких метров высоты и выходящими на поверхность гравийными линзами, оставленными меняющимся руслом вади. Имеются определенные основания полагать, что сходный характер ландшафта наблюдался и в древности.

Современная поверхность городища малорельефна, с некоторым количеством всхолмлений, достигающих в ряде случаев трехметровой высоты. Если считать территорией городища всю площадь, на которой распространена керамика, то его размеры довольно внушительны: примерно 2 км на более чем 1 км (вытянуто по линии север-юг)²⁰. Однако, как показали раскопки, застройка древнего поселения не была сплошной.

В шурфах, заложенных на различных участках городища, культурный слой выявлен на глубину от 4 до 5 м. Три из них, располагающиеся на участках Сабир 8А, Сабир 8С и Сабир 2В, предоставили в наше распоряжение достаточно материала для суждения о вертикальной стратиграфии городища. В нижних частях указанных шурфов выявлены слои, обильно насыщенные органическими остатками и фрагментами керамики. Они отделены друг от друга почти стерильными слоями аллювиального песка и гравия. Подобное чередование слоев недвусмысленно свидетельствует о том, что определенные части городища периодически затапливались селевыми потоками из близлежащих рукавов вади и оказывались временно покинутыми. К сожалению, ни в одном из шурфов не удалось выявить остатки архитектурных сооружений. Как кажется, постоянные постройки, соорудившиеся из сырцового кирпича, характерны только для верхних слоев городища.

Наши исследования позволили сделать определенные выводы и о внутренней организации древнего поселения. По его периферии располагались некие легкие постройки типа хижин, соорудившиеся, вероятно, из таких недолговечных материалов, как деревянные шесты, прутья и пальмовые листья. Так, на участке Сабир 14А в нескольких последовательных слоях были расчищены утрамбованные площадки, окруженные углублениями для шестов, врывающихся по периметру этих овальных или круглых в плане сооружений. Как внутри, так и снаружи этих легких построек были обнаружены остатки открытых очагов, врытые сосуды для хранения продуктов, иногда в больших количествах: на участке Сабир 14В, например, найдено свыше 30 углубленных в грунт тарных сосудов. Из характерных находок отметим большое количество продолговатых каменных зернотерок и круглых терочников, обломков разнообразных костяных орудий. Остатки построек, стены которых были сооружены из пальмовых листьев, покрытых снаружи глиняной обмазкой, открыты также на участках Сабир 1 и Сабир 2А.

Вероятно, ядром древнего поселения являлась его северо-восточная часть, где были обнаружены руины монументальных зданий из сырцового кирпича. Одна из построек, раскопанная на участке Сабир 25, представляла собой обширный жилой дом, центральную часть которого составляли несколько внутренних дворов, а небольшие смежные помещения располагались вокруг. Дома иной планировки, состоящие из нескольких смежных помещений и лишённые внутренних дворов, раскопаны на участках Сабир 12 и Сабир 7.

²⁰ Р.А.Б. Гамильтон считал, что находки керамики прослежены на расстоянии не менее 6 км (Archaeological Sites... Р. 114). К сожалению, данное утверждение не может быть проверено, так как в настоящее время большая часть городища оказалась под постройками современного селения Сабир. Проведению обследований в окрестностях городища не способствует и наличие до сих пор не уничтоженных минных полей, оставшихся после гражданской войны 1994 г., когда этот район на подступах к Адену был ареной ожесточенных боев.

Рис. 1. Городище Сабир, участок Сабир 14В. Керамические сосуды

Часть постройки, планировочно сходная со зданием, раскопанным на участке Сабир 25, открыта и на территории так называемого «производственного квартала» (участок Сабир 2). Первоначально, вероятно, это было жилое здание, ядро которого составлял внутренний двор в обводе небольших помещений. К югу от него располагались гончарные печи открытого типа и интенсивно накапливались остатки производственной деятельности, поглотившие в конце концов руины здания. Еще один «производственный квартал» существовал, возможно, на северо-восточном краю поселения: именно здесь на одном из всхолмлений обнаружены остатки меднолитейного производства (древесный уголь, кусочки шлаков, корольки меди).

В течение всех четырех сезонов работ на городище основное внимание было уделено раскопкам на участке Сабир 5 (рис. 1, 2). Здесь был открыт обширный комплекс монументальных зданий, окруженных общей обводной стеной из сырцового кирпича. Общие размеры раскопанного пространства, разделенного еще одной, центральной, стеной из сырцового кирпича на две части, составляет $40 \times 55 \text{ м}^2$. В середине северо-западной стороны располагался широкий проход внутрь огороженного пространства, оформленный в виде вестибюля с вымосткой пола сырцовым кирпичем. Северо-западный угол комплекса занимала жилая постройка, состоявшая из двух смежных зданий с одинаковой планировкой – внутренние дворы в обводе небольших помещений (помещения располагались вдоль коротких сторон дворов). В северо-восточном углу одного из зданий выделяется комплекс помещений кухни.

Второе монументальное здание комплекса было открыто в северо-восточной части огороженного пространства (объект Сабир 5С). Оно было сооружено на высокой платформе из сырцового кирпича. Широкий ступенчатый вход, располагавшийся в западной стене постройки, вел в небольшое помещение, перекрытие которого поддерживала центральная колонна²². Проход в противоположной стенке вел в П-образный обводной

²¹ В процессе небольших по масштабу работ в сезоне 1998 г. удалось выяснить, что общей стеной из сырцового кирпича было окружено довольно обширное пространство размером примерно $55 \times 80 \text{ м}$.

²² Нельзя исключить вероятность того, что открытая под центральной частью помещения поперечная стенка из сырцового кирпича служила основанием не для центральной колонны, но для алтарного поста-мента.

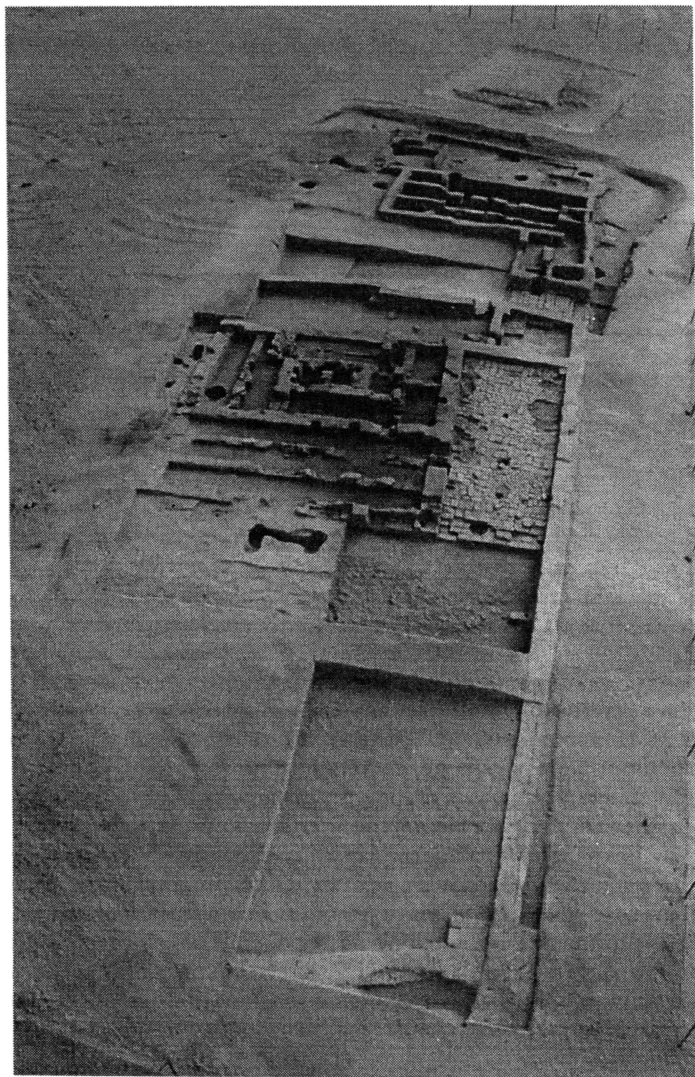

Рис. 2. Городище Сабир, участок Сабир 5. Раскопанная часть комплекса

коридор – перекрытие боковых частей его также поддерживалось колоннами. Проходом в центре восточной стены коридор был связан с узким залом, его внутреннее пространство двумя рядами колонн делилось на три равных по площади нефа. К северу от входа в здание было открыто небольшое помещение, в одном из углов которого располагалась лежанка – *суфа*, а северную часть постройки занимало трапециевидное в плане помещение, использовавшееся в качестве хранилища припасов – оно было буквально забито целыми сосудами, как тарными, так и столовыми, установленными вплотную друг к другу на полу помещения, либо поставленными один в другой. Ярко выраженная симметрия здания, его пропорции и монументальность, планировка, а также характер находок – все это черты, присущие южноаравийским храмовым зданиям более позднего периода (времени древнейеменской цивилизации). Есть все основания полагать, что и данная постройка была культовым зданием, разрушенным в результате мощного пожара, в огне которого погиб и один из его последних оби-

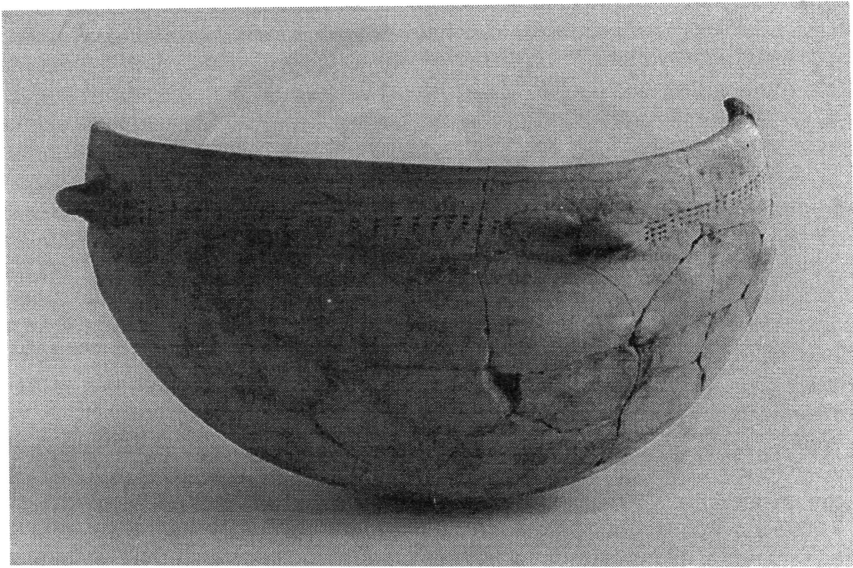

Рис. 3. Городище Сабир. Керамический сосуд

тателей: останки молодого мужчины, погребенного под обломками обгоревших сырцовых кирпичей от верха стен, найдены на вымостке в восточной части обводного коридора.

Находки. Количество находок, обнаруженных на городище Сабир, поистине поражает. Подавляющее большинство из них составляют целые либо археологически целые керамические сосуды в основном местного производства (рис. 3, 4). Так, например, только в помещении-хранилище при храме Сабир 5С было обнаружено свыше 150 археологически целых сосудов, многие из которых содержали остатки когда-то хранившихся в них припасов. На площади к югу от храмового здания открыты несколько неглубоких ям, их стенки были укреплены обмазанными глиной камышовыми циновками (?). По периметру ям были расчищены углубления для деревянных шестов – на них, вероятно, когда-то покоилась кровля этих легких сооружений. Ямы оказались заполненными целыми керамическими сосудами, – возможно, что нам удалось расчистить остатки лавок. В таком случае пространство к югу от храма могло являться торговой площадью – рынком.

Керамика, найденная на городище Сабир, изготовлена из хорошо отмученной глины красного, красно-коричневого и коричневого цветов. В ней содержится большое количество песка и мелко толченой слюды. В качестве связующего компонента иногда применялась и мелконарубленная солома. Определенный тип сосудов, кухонные котлы, изготовлены из теста с большим содержанием мелко толченого камня – стеатита. Обращают на себя внимание как крупные размеры найденных в Сабире сосудов, так и мастерство их изготовления. Стенки сосудов довольно тонкие и тщательно обработанные как снаружи, так и изнутри. Часто фиксируется комбинированная техника изготовления, когда к корпусу сосуда, изготовленному в технике ручной лепки, присоединялись его верхняя часть и высокий кольцевой поддон, изготовленные на гончарном круге медленного вращения. За исключением крупных чаш на высоком поддоне с конической формой резервуара, курильниц и небольших плоскодонных чаш все остальные типы сосудов имеют округлое основание. Вероятно, для установки этих сосудов на горизонтальные поверхности применялись различные по размерам цилиндрические подставки, правда, крупные тарные сосуды фиксировались по полу помещений с помощью двух-трех специально изготовленных продолговатых камней. Репертуар форм

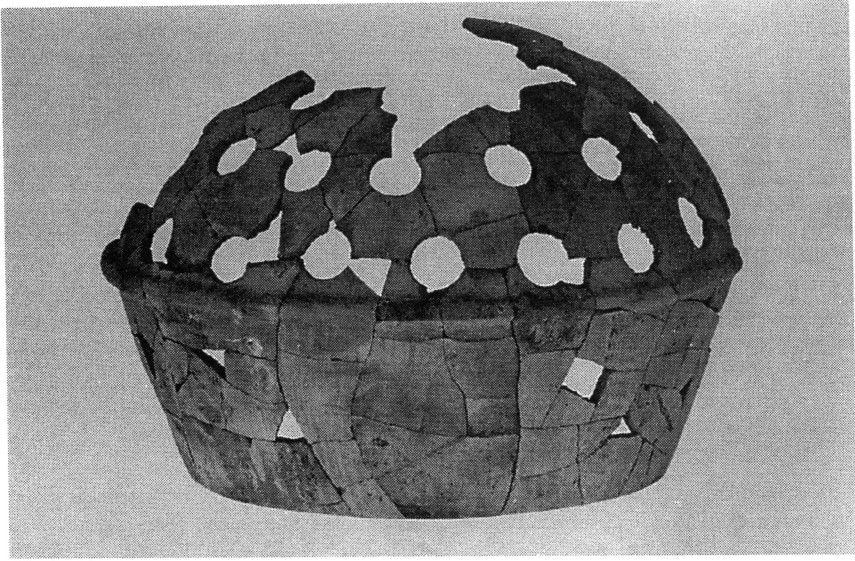

Рис. 4. Городище Сабир. Керамический сосуд

керамики довольно значителен и включает в себя как закрытые, так и открытые формы: амфоровидные сосуды, сосуды с шаровидным туловом, гигантские тарные сосуды, чаши, миски, вазы, курильницы, упомянутые выше подставки, а также специфические перфорированные сосуды без дна, которыми, вероятно, закрывались приспособления для воскурения благовоний.

Следует отметить большое разнообразие орнамента сабирской керамики. Помимо функциональных украшений, каковыми являлись наклепные ручки (иногда их число доходило до четырех пар), ножки, различные типы отверстий в перфорированных сосудах, поддонах курильниц и подставах, разнообразные носилки и сливы, зафиксированы и всевозможные типы наклепного орнамента: валики, жгуты, подтреугольные выступы, змеевидный орнамент и пр. Внешняя поверхность сосудов обычно тщательно обрабатывалась – затиралась мокрой тряпкой пучком травы, покрывалась ангобом красных и коричневых оттенков, горизонтальным, и вертикальным и наклонным полосчатым лощением. Верхняя часть сосудов часто покрывалась разнообразным резным и штампованным орнаментом. Встречается, хотя и редко, геометрическая роспись белой краской по красному фону. Изнутри поверхность сосудов тщательно выскабливалась орудиями, изготовленными из широких ребер крупного рогатого скота, и раковинами морских моллюсков, и также покрывалась ангобом и лощением (как правило, в верхней части резервуара).

Помимо судов из керамики изготавливались зооморфные (преимущественно быки и верблюды, редко – козы или овцы) и антропоморфные фигурки (рис. 5), а также некие подтреугольные предметы, которые можно интерпретировать как гири или фишки для игры (?). Антропоморфные фигурки обычно изображают обнаженных матрон с пышными формами в сидячей позе, часто на их головах довольно сложные прически (или головные уборы?), а бедра и живот украшены насечками, в которых можно распознать татуировку.

Найденные при раскопках орудия труда обычно изготовлены из обсидиана и кремния (скребки и вкладышевые орудия), а также из кости (упоминавшиеся выше скребковидные орудия из ребер животных, проколки). Металлические предметы весьма редки и представлены единичными экземплярами коротких бронзовых кинжалов, бронзовым теслом, бронзовыми или медными булавками и проколкой.

Фаунистические остатки, а также находки при раскопках зерен злаковых культур позволяют предполагать, что основой хозяйства древних обитателей Сабира были ирригационное земледелие и скотоводство. Находки большого количества раковин морских моллюсков и рыб свидетельствуют о том, что значительная роль в экономике поселения отводилась рыболовству (это же подтверждают и находки довольно большого количества каменных грузил для рыболовных сетей; рис. 4, 5). О развитом ремесле свидетельствуют остатки мастерской по производству каменных бус и бус из раковин, открытые в здании на участке Сабир 5А, а также уже упоминавшиеся остатки меднолитейного производства (Сабир 6). Более того, судя по колоссальному количеству происходящей с поселения керамики и весьма впечатляющим размерам «производственного квартала» с остатками гончарных печей, совершенно особое место занимало в древнем Сабире изготовление глиняной посуды. Видимо, не лишенным основания будет предположение об экспортной ориентации данного производства. Присутствие среди остатков фауны с древнего поселения костей осла и домашнего верблюда, т.е. вьючных животных, может являться дополнительным свидетельством в пользу существования развитой торговли. Добавим, что в Сабире обнаружены семена растений, произраставших на высоте не менее 1500 м над уровнем моря – это также свидетельство существования товарообмена между жителями прибрежных равнин Йемена и обитателей Йеменского нагорья.

Датировка. При раскопках городища из его различных слоев получено всего свыше 25 радиоуглеродных дат (в качестве образцов брался в основном древесный уголь), покрывающих промежуток времени между XIV и IX вв. до н.э.²³ Именно в этих пределах и следует, вероятно, датировать верхние слои городища, тогда как нижние горизонты относятся ко времени по крайней мере на несколько столетий ранее²⁴.

Верхние слои городища содержат весьма многочисленные свидетельства того, что его постройки погибли в огне и разрушениях: слои пожаров прослежены практически на всех исследованных участках. Было бы весьма соблазнительно связывать эту гибель с широко известными военными кампаниями Кариб'ила Ватара, сына Замар' алая, *мукарриба Саба'*. Судя по надписи RES 3945/7, его третий поход был направлен против Дахасам (*Dhs^m*) Тубанай (*Tbny*) и Датинат (*Dtnt*). Почти все исследователи указанные топонимы уверенно отождествляют с областями вдоль побережья Аденского залива, когда-то подчинявшимися Аусану, против которого и была направлена в основном экспансия сабейцев²⁵. Для области Тубанай (или Тубанав) возможна и более точная локализация – в современном вади Тубан к северу от Адена, т.е. именно в том районе, где расположено городище Сабир. Отметим, что исследуемое городище – наиболее крупный памятник второй половины II – начала I тыс. до н.э. в указанном районе и вполне мог бы считаться «столицей» «страны Тубанай», разрушенной Кариб'илом Ватаром. Однако в подобном случае возникают труднопреодолимые временные несоответствия между предполагаемой датой гибели городища (IX в. до н.э.) и принятой в настоящее время в научной литературе датировкой времени правления сабейского мукарриба (начало VII в. до н.э.)²⁶. Скорее всего все же древнее поселение, располагавшееся на месте современного городища Сабир, было разрушено во время одного из предшествующих вооруженных конфликтов на территории Юго-Западной Аравии. Отметим, что, судя по данным раскопок, на городище имеются следы более позднего обживания, когда в руинах разрушенных зданий

²³ Все даты калиброванные. Анализы проводились в лаборатории Германского археологического института (Берлин).

²⁴ Глубина культурного слоя от самого нижнего горизонта, для которого были получены наиболее ранние радиоуглеродные даты, составляет 3 м. К сожалению, эти напластования не предоставили в наше распоряжение образцов, позволяющих провести радиоуглеродную датировку.

²⁵ См., например, *Robin Chr.J. Sheba dans les inscriptions d'Arabie du Sud // Supplément au dictionnaire de la Bible.* P., 1996. Col. 1121–1124; *Бауэр Г.М., Лундин А.Г.* Саба'. Эпоха мукаррибов // *Красноморские заметки.* I / Под ред. Э.Е. Кормышевой и А.В. Седова. М., 1994. С. 143.

²⁶ См. *Robin. Sheba...* Col. 1111–1114; *Бауэр, Лундин.* Саба'... С. 126.

устраивались временные легкие жилища и ямы для хранения (?) припасов. Вероятно, что этот горизонт должен быть датирован первой половиной VIII в. до н.э.

Происхождение культуры Сабир и ее место в системе культур периода поздней бронзы Красноморского региона. Как уже было отмечено в самом начале статьи, городище Сабир – не единственный памятник с вышеописанным характерным материалом. Сходные, а порой и идентичные артефакты были опубликованы более 30 лет назад Б. Доу, Г.Л. Хардингом и Ф. Кембриджем как происходящие с поверхности ряда памятников в провинции Лахедж, в оазисе Абйан и из района Малого Адена²⁷. В 80-е годы территория этой, как поначалу казалось, локальной культуры, была существенно расширена благодаря находкам американского исследователя Ю. Заринса и его коллег из Саудовской Аравии, открывших пять памятников с керамикой, типологически идентичной сабирской, в южной части саудовской Тихамы²⁸. В последующие годы итальянские исследователи на красноморском побережье Йемена между Ходейдой и Хохой обнаружили еще ряд памятников, керамический материал с поверхности которых сопоставим с керамикой Сабира и Сихи и датирован второй половиной II тыс. до н.э.²⁹ Из открытий последних лет отметим находку керамики типа сабир на памятниках в районе Забида и на крупном поселении ал-Хамид неподалеку от г. Баджил³⁰.

Представляется, что имеющийся в нашем распоряжении материал вполне позволяет говорить об открытии в юго-западной части Аравийского полуострова единой в археологическом отношении культуры, относящейся к периоду поздней бронзы. Отметим два существенных обстоятельства: ярко выраженную прибрежную ориентацию выделенной культуры, а также тот факт, что ее памятники распространены на весьма обширной территории протяженностью не менее 600 км (рис. 5). Предлагаемое нами название «культура Сабир», на наш взгляд, – наиболее подходящее и обусловлено как названием памятника, впервые послужившего основой для ее выделения, так и тем обстоятельством, что данное городище является наиболее крупным и на данный момент наиболее полно исследованным объектом³¹.

Предварительный анализ имеющегося материала позволяет, как будто бы, различать два типа открытых памятников: 1) небольшие прибрежные селища и раковинные кучи, в которых можно видеть временные места обитания, связанные в основном с морским промыслом, и 2) более крупные стационарные поселения, основу хозяйства которых составляли ирригационное земледелие и ремесло. Памятники первого типа открыты в большинстве своем непосредственно вдоль древней береговой линии, тогда как земледельческие поселения – в руслах сухих долин-*вади*, иногда на достаточно большом расстоянии от побережья.

Наиболее хорошо изучено из памятников первого типа селище Сихи, расположенное на территории саудовской Тихамы. Культурные напластования здесь были зафиксированы поверх песчаных дюн и составляют слой мощностью всего около 0,6 м. В нем найдено большое количество раковин морских моллюсков вперемешку с фрагментами керамики и целыми сосудами. Калиброванные радиоуглеродные даты, полученные из слоя, позволили исследователям, участвовавшим в раскопках, первоначально предложить датировку памятника в пределах второй половины III – первой

²⁷ См. Doe. Notes on Pottery... P. 3–41; *idem*. Pottery Sites...; *idem*. Southern Arabia. P. 123–142; Harding. Archaeology... P. 17–22; Cambridge. The Shell Eaters... P. 22–24.

²⁸ Zarins, Murad, Al-Yaish. The Second Preliminary Report... P. 9–42.

²⁹ Tosi. Tiḥamah Coastal Archaeological Survey. P. 363–369; *idem*. Survey... P. 400–414.

³⁰ См. Ciuk, Keall. Zabid Project Pottery Manual... Pl. 95, 3; Keall. «Do You Want to See the Stones?». P. 12–19; Phillips. Al-Hamid... P. 287–295.

³¹ Имеются все основания считать, что городище ал-Карав, расположенное в устье вади Бана в оазисе Абйан, по размерам не уступало Сабиру, если не превосходило его. Однако слой эпохи бронзы на нем оказались перекрыты многометровой толщей напластований последующих эпох, что делает пока невозможным определение действительных размеров «раннего» поселения.

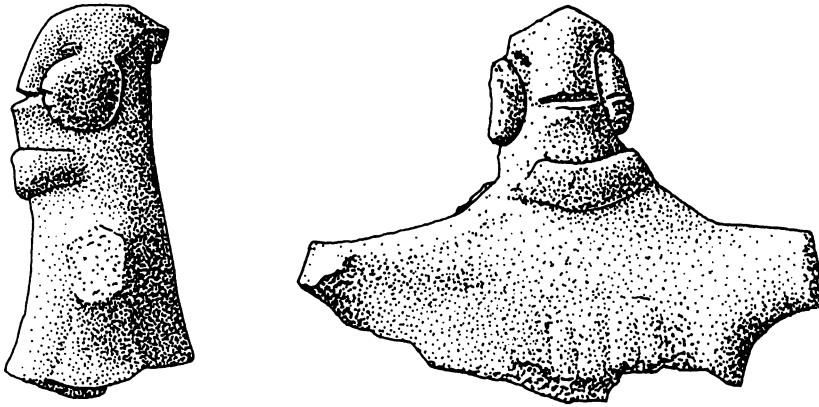

Рис. 5. Городище Сабир. Фрагмент женской терракотовой фигурки

половины II тыс. до н.э. (2400–1300 гг. до н.э.)³². Однако совсем недавно даты образцов были пересчитаны и существенно омоложены: теперь датировка памятника оказалась в пределах второй половины II – начала I тыс. до н.э.³³ Как видим, это вполне совпадает с датами существования памятников второго типа, т.е. земледельческих поселений. Мало того, материалы, полученные при раскопках поселений ал-Хамид, свидетельствуют о том, что по крайней мере некоторые из памятников культуры Сабир безусловно доживают до времени начала сабейской экспансии в Тихаме в архаический период, т.е. до начала VII–VI в. до н.э.³⁴

Значительно сложнее обстоит дело с датировкой начального этапа культуры. Как мы отмечали выше, радиоуглеродных дат для «ранних» слоев памятников пока не имеется, и все заключения о возможных хронологических рамках их существования базируются на чисто спекулятивных рассуждениях.

Один из ключевых вопросов – соотношение и «взаимодействие» прибрежной культуры Сабир с синхронными культурами высокогорной части Йемена и Хадрамаута. Так, на настоящий момент известны находки только двух единичных фрагментов керамики типа Сабир за пределами ареала культуры. Один из них был подобран на поверхности некрополя у марибского храма Аввам, а второй найден в верхнем слое при раскопках храма *intra muros* на городище Хаджар Йахир в вади Марха, древней столицы Аусана, разрушенной во время похода сабейского *мукарриба* Кариб'ила Ватара, сына Замар'алайа³⁵. Несмотря на малочисленность, эти находки весьма важны как свидетельства существования связей с указанными территориями. Как будто бы чуть больше данных имеется о связи с памятниками Хадрамаута: помимо типологически идентичных круглодонных кухонных котлов с четырьмя ручками-ушками, изготовленных из глины с большой примесью толченого стеатита, следует отметить находку фрагмента расписной керамики типа «Ранний Райбун» на поверхности городища Сабир³⁶. Бронзовое тесло, найденное на участке Сабир 5С, абсолютно аналогично

³² См. *Zarins, Al-Badr. Archaeological Investigations...* P. 50.

³³ См. *Edens Chr., Wilkinson T.J. Southwest Arabia During the Holocene: Recent Archaeological Developments // Journal of World Prehistory. 1998. V. 12. № 1. P. 102. Tabl. XI.*

³⁴ См. *Robin Chr.J. La Tihāma Yéménite avant l'Islam: notes d'histoire et de géographie historique // AAE. November 1995. V. 6. № 4. P. 223–224; однако ср. Beeston A.F.L. Sabaeans in Tihāma // Ibid. P. 241–242.*

³⁵ Неопубликованный материал экспедиции Германского археологического института.

³⁶ Об этой категории керамики и предполагаемых временных рамках ее существования см. *Sedov A.V. On the Origin of the Agricultural Settlements in Ḥadramawt // Arabia Antiqua. Early Origins of South Arabian States / Ed. Chr. J. Robin. Rome, 1996. P. 67–86.*

орудию, опубликованному в 1944 г. Г. Кэтон Томпсон (случайная находка из вадии Амд во Внутреннем Хадрамауте)³⁷.

Безусловно, ключ к решению проблемы о месте культуры Сабир среди синхронных культур Йемена лежит в исследованиях памятников Йеменского нагорья. В результате работ Итальянской археологической миссии в Хаулане и Американской – в регионе Замара и Йарима, памятники эпохи бронзы этой части Йемена исследованы достаточно полно. Они представлены довольно крупными по площади поселениями, иногда укрепленными, и обширными могильниками, состоящими из наземных погребальных сооружений башенного типа (*turret graves*). Радиоуглеродное датирование позволило отнести обе группы памятников к периоду между III и первой половиной II тыс. до н.э.³⁸ Массовый керамический материал, который можно сопоставить с керамикой культуры Сабир, и имеющий, кроме того, достаточно уверенные радиоуглеродные датировки в пределах второй и третьей четверти II тыс. до н.э., получен недавно при обследовании крупного, площадью 5–7 га городища ал-Сибал (DS 66 или Тахт ал-Мабвала), расположенного к юго-юго-востоку от Замара³⁹. Отметим, что даже беглый анализ опубликованной коллекции позволяет говорить о полном отсутствии каких-либо точек соприкосновения в почти синхронных керамических комплексах указанных регионов.

Считается, что памятники бронзового века Йеменского нагорья прекращают свое существование в середине или второй половине II тыс. до н.э. Им на смену, после нескольких столетий как будто бы фиксируемого перерыва, в конце II тыс. до н.э. приходят памятники так называемой «культуры Сайхад», которые и следует связывать с семитскими племенами, создавшими широкоизвестную южноаравийскую цивилизацию, – сабейцами, катанцами, маинцами, хадрамаутцами и др.⁴⁰ Именно эти племена, расселившиеся в оазисах вдоль западного и южного края пустыни Рамлат ас-Сабатейн (пустыни Сайхад средневековых йеменских авторов), а также на Йеменском нагорье, принесли в регион традиции монументальной архитектуры, строительства сложных ирригационных систем, основанных на использовании паводковых вод – *селей*, дальней караванной торговли, создания монументальных памятников письменности. Наиболее ранние этапы этой культуры выявлены на таких памятниках, как Хаджар Бин Хумейд в вадии Байхан, ад-Дурайб/Йала в Хаулане, Шабва и Райбун в Хадрамауте и некоторых других⁴¹. Существенно важно, что материальная культура памятников «культуры Сайхад» не может рассматриваться как результат развития материальной культуры памятников периода бронзы Йеменского нагорья или Хадрамаута⁴². Да и памятники периода бронзы, выявленные в сухих долинах-вадях по периметру западной и южной частей Рамлат ас-Сабатейн, отнюдь не являются, исходя из анализа предметов материальной культуры на них найденных, той основой, из которой развилась южноаравийская цивилизация. Не была этой основой, как мы отмечали

³⁷ *Caton Thompson G.* The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhramaut). Oxf., 1944. Tabl. LXI, 9.

³⁸ См. *Maigret A. de.* The Bronze Age Culture of Hawlan al-Tiyal and al-Hada. Rome, 1990; *Wilkinson T.J., Edens Chr., Gibson M.* The Archaeology of the Yemen High Plains: A Preliminary Chronology // *AAE*. 8/1. May 1997. P. 99–142; *Edens, Wilkinson.* Southwest Arabia... P. 72–92; *Maigret A. de.* New Evidence from the Yemenite «Turret Graves» for the Problem of the Emergence of the South Arabian States // *The Indian Ocean in Antiquity / Ed. J. Reade.* L., 1996. P. 321–337.

³⁹ См. *Wilkinson, Edens, Gibson.* The Archaeology... P. 119–122. Fig. 13.

⁴⁰ *Maigret A. de.* A Bronze Age for Southern Arabia // *EW*. 1984. 34. P. 75–106; *idem.* I dati degli scavi yemeniti per un'ipotesi sull'origine della «cultura sudarabica» // *Arabia Antiqua*... Rome, 1996. P. 111–120.

⁴¹ *Van Beek G.W.* Hajar Bin Humeid: Investigations at a Pre-Islamic Site in South Arabia. Baltimore, 1969; *Maigret A. de, Robin Chr.* Lew fouilles italiennes de Yalā (Yémen du Nord): nouvelles donnes sur la chronologie de Arabie du sud préislamique // *CRAIBL*. 1989. P. 255–291; *Breton J.-F.* Quelques dates pour l'archéologie sudarabique // *Arabia Antiqua*... Rome, 1996. P. 87–95; *Sedov.* On the Origin... P. 67–86; см. также *Van Beek G.W.* South Arabian History and Archaeology // *The Bible and the Ancient Near East*. N.Y., 1961. P. 124–146; *idem.* The Rise and Fall of Arabia Felix // *Scientific American*. December. 1969. P. 14–26.

⁴² *Mezre de.* Работы Итальянской археологической миссии... С. 158.

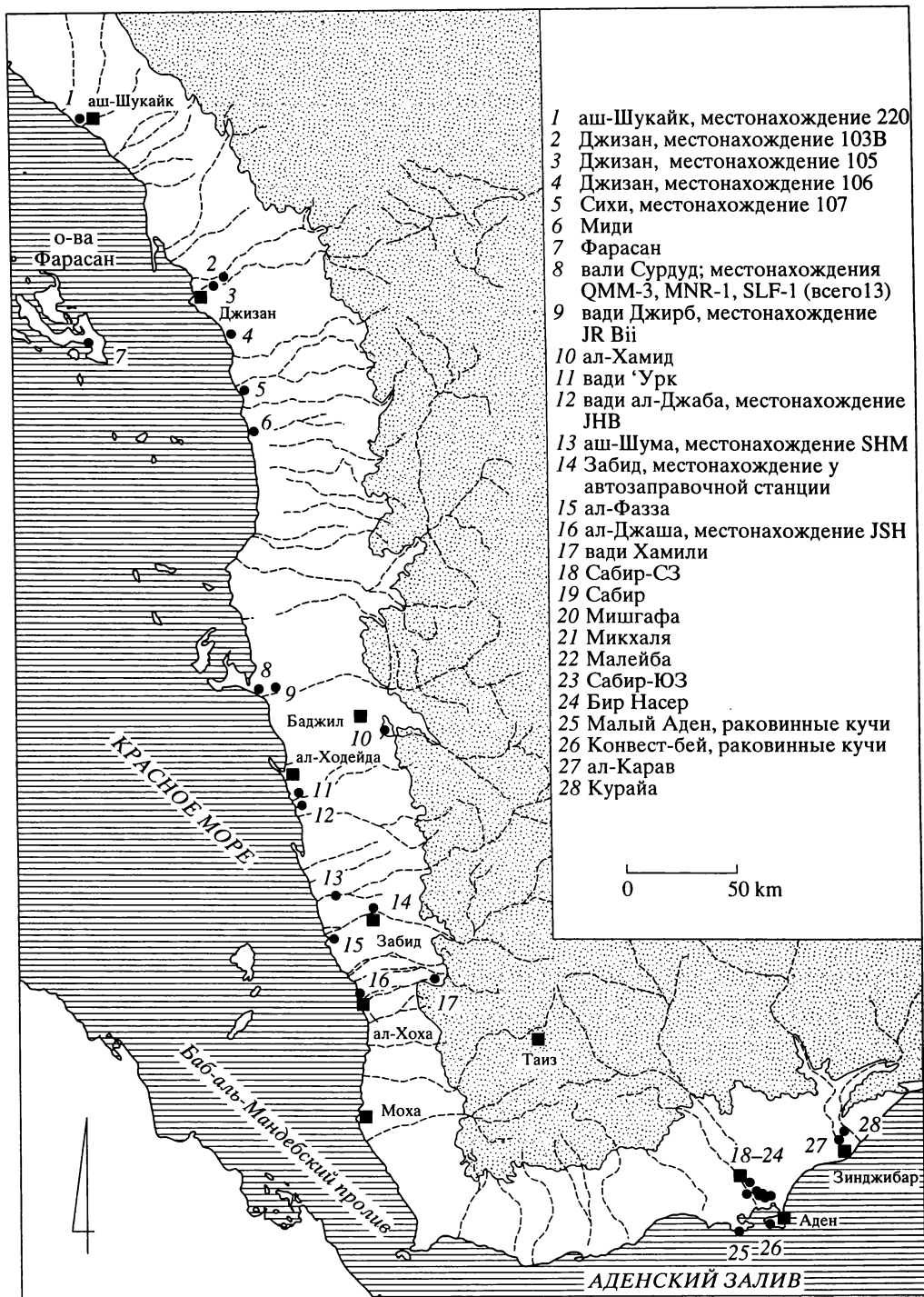

Рис. 6. Карта-схема расположения памятников бронзового века и памятников "культуры Сабир" в прибрежной зоне Юго-Западной Аравии

выше, и культура Сабир, для которой существенно важно прослеживаемое сходство с культурами по другую сторону Красного моря.

В керамическом комплексе Сихи имеется характерная группа сосудов с резным и штампованным орнаментом. Именно эта керамика была сопоставлена авторами публикации материалов Сихи с керамикой одной из культур Кермы (1700–1500 гг. до н.э.) и керамикой так называемой культуры C-Group (2300–1600 гг. до н.э.) из раскопок в суданской Нубии⁴³. При работах на городище Сабир был найден только один фрагмент подобной керамики со сходным резным и штампованным геометрическим орнаментом, инкрустированным белой пастой. По нашему мнению, имеется гораздо больше оснований связывать происхождение этих сосудов с продукцией так называемой культуры Pan-Grave (ок. 1700–1520 гг. до н.э.), также распространенной в Нубии⁴⁴. Итальянский исследователь Р. Фаттович сопоставил керамический комплекс из Сихи с материалом доаксумских слоев на памятниках Эфиопии и Эритреи и пришел к заключению, правда на наш взгляд скоропалительному, об их безусловной близости⁴⁵. Отметим, кроме того, чрезвычайную расплывчатость термина «доаксумский» как с точки зрения хронологии, так и культурной принадлежности. Упомянутые выше аналогии могут быть дополнены рядом стилистических сопоставлений с материалом «ранних» (досабейских?) слоев из Матары и Йехи⁴⁶. В архаических слоях раскопок Адулиса, а также на памятниках так называемой «культуры Она» на Эритрейском плато найдена весьма характерная сероглиняная керамика, украшенная резным и штампованным орнаментом, которая также может быть сопоставлена с сосудами из Сихи и Сабира⁴⁷.

В целом надо признать, что керамика культуры Сабир находит значительно больше параллелей в комплексах синхронных культур Северо-Восточной Африки, нежели иных каких-либо территорий, включая и юго-западные районы Аравийского полуострова. Более того, в ряде своих статей Р. Фаттович, базируясь на этих параллелях, пишет о некоем «культурном единстве» («cultural unity»), существовавшем во II тыс. до н.э. на африканском и аравийском побережьях южной части Красного моря. Наиболее ярко и концентрированно его точка зрения была представлена в докладе на конференции Profumi d'Arabia, состоявшейся в октябре 1995 г. в г. Пизе (Италия) и в конце 1997 г. опубликованном в трудах этой конференции⁴⁸. Согласно точке зрения Р. Фаттовича, уже в III тыс. до н.э. «пастушеские племена со сходными традициями в наскальном искусстве занимали Центральную и Южную Аравию, а также восточную часть Африканского Рога». Сходство отдельных элементов в орнаментации и технике изготовления керамических сосудов так называемой Gash Group (ок. 2700–1500/1400 гг. до н.э.) и керамики культур периода бронзы Йеменского нагорья, позволили ему постулировать устойчивые контакты между населением обоих регионов, начавшиеся уже в III–II тыс. до н.э., и более того – говорить о возможных переселениях части аравийских племен в это время сначала в Восточную Эфиопию, а затем и в Эритрею. Отмеченные для более поздних, «доаксумских» памятников аналогии в керамическом комплексе культуры Сабир предполагают, по мнению Р. Фат-

⁴³ См. *Zarins, Zahrani. Recent Archaeological Investigations...* P. 49; *Zarins, Al-Badr. Archaeological Investigations...* P. 51.

⁴⁴ Ср. *Bonnet Ch. Le Groupe C. // Soudan. Royaumes sur le Nil. P., 1996. P. 51–70.*

⁴⁵ *Fattovich R. Remarks on the Pre-Aksumite Period in Northern Ethiopia // Journal of Ethiopian Studies. 1990. 23. P. 1–33.*

⁴⁶ См. *Anfray F. La poterie de Matará // Rassegna di Studi Etiopici. 1966. 22. P. 5–29; Fattovich R. Materiali per lo studio della ceramica pre-aksumita etiopica. Napoli, 1980; Fattovich R. Sondaggi stratigrafici – Yeha 1971 // Annales d'Ethiopie. 1972. 9. P. 65–84.*

⁴⁷ См., например, *Paribeni P. Ricerche nel luogo dell'antica Adulis // Monumenti antichi. Roma, 1907. P. 145 ff.; Tringali G. Necropoli di Curbacaiehat (Asmara) // Journal of Ethiopian Studies. 1967. 5. P. 109; idem. Necropoli di Cascassè e oggetti sudarabici (?) dalla regione di Asmara (Eritrea) // Rassegna di Studi Etiopici. 1978. 26. P. 47–66.*

⁴⁸ *Fattovich R. The Contacts between Southern Arabia and the Horn of Africa in Late Prehistoric and Early Historical Times: A View from Africa // Profumi d'Arabia. Atti del convegno / A cura di A. Avanzini. Roma, 1997. P. 273–286.*

товича, и более тесные связи между указанными регионами: период середины II тыс. до н.э. он считает временем возникновения прибрежного «Афро-Аравийского культурного комплекса», причем с ярко выраженной африканской основой («African cultural background»). Помимо керамических аналогий в пользу своей гипотезы исследователь привлекает мнение Ю. Заринса о сходстве каменных орудий из местонахождений периода бронзы в саудовской Тихаме и памятников Gash Group в районе Кассале, а также археологические свидетельства о проникновении domesticiрованного верблюда из Аравии в район Африканского Рога в период между 2500 и 1500 гг. до н.э.

Представляется, что приведенные выше заключения излишне категоричны и базируются на явно недостаточной фактологической основе⁴⁹. Так, мнение о сходстве каменных орудий указанных африканских и аравийских памятников основывается на общих заключениях о сходстве южноаравийского неолитического и постнеолитической индустрии с разновидностями североафриканского неолита, конкретно – с памятниками долины Нила, Ливийской пустыни и Восточной Сахары⁵⁰. Такие же весьма широкие, территориальные аналогии, вплоть до алжирской Сахары, могут быть приведены и для петроглифов Аравии и Северо-Восточной Африки, относимых к эпохе бронзы⁵¹. Факт находки костей, вероятно, domesticiрованного дромадера в достаточно «ранних» слоях памятников на Африканском континенте, сам по себе проблематичный⁵², свидетельствует лишь о наличии возможных связей, торговых и/или культурных, через Красное море, существование которых, по крайней мере со времен верхнего палеолита, если не ранее, отрицать трудно. Собственно, именно о подобных контактах, постоянных или, более вероятно, спорадических свидетельствуют и упомянутые выше находки аравийской керамики на памятниках Эфиопии и Эритреи, либо африканской керамики на памятниках аравийского побережья. Несмотря на обилие обычно цитируемых аналогий, речь, отметим, идет об одних и тех же единичных фрагментах, не позволяющих, по нашему мнению, делать вывод о наличии африканской основы (African cultural background) в постулируемом культурном единстве. Да и само «культурное единство» весьма и весьма гипотетично. Параллельно с отмеченными выше культурными связями существовали, вероятно, и связи торговые. В их основе лежал обмен такими материалами и продуктами ремесла, как обсидиан, слоновая кость, глиняная и каменная посуда, металл, а также, возможно, некоторыми видами домашних животных и культурных растений.

Каков же возможный генезис культуры Сабир в свете изложенных выше замечаний? Можем ли мы говорить о местной, аравийской ее происхождении? К сожалению, для определенного ответа на этот вопрос данных явно недостаточно. Памятники периода ранней бронзы в южной части красноморского побережья Аравии и на побережье Аденского залива практически неизвестны. Весьма мало информации и о неолитических памятниках этого региона, хотя само их наличие и было зафиксировано работами Итальянской археологической миссии (раковинные кучи на побережье к югу от Ходейды)⁵³. Как будто бы больше материала для суждений о ранних этапах культуры Сабир предоставляют наши раскопки на памятниках в районе Адена.

Стратиграфические шурфы, заложенные на городище Сабир (участки Сабир 8А и Сабир 2В), предоставили в наше распоряжение первые материалы для построения непрерывной стратиграфической шкалы керамики этой культуры. По мнению В. Буффы, занимающейся данной проблемой, имеются все основания говорить о характер-

⁴⁹ Приводимые ниже аргументы в более развернутом виде были представлены в докладе А.В. Седова «The Late Bronze Age on the Red Sea Coast: View from Sabir», прочитанном на IV Международной конференции по древней цивилизации Йемена, состоявшейся в марте 1998 г. в Сане (Республика Йемен).

⁵⁰ См. *Амирханов Х.А.* Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М., 1997. С. 199–209.

⁵¹ См., например, недавно опубликованную работу о наскальном искусстве Йемена: *Garcia M.-A., Rachad M. L'Art des origines au Yémen.* P., 1997.

⁵² См. *Bulliet R.W.* The Camel and the Wheel. *Cambr.*, 1975. P. 28–86; *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980. С. 232–233.

⁵³ *Tosi.* Tihāmah Coastal Archaeological Survey. P. 363–369; *idem.* Survey... P. 400–414.

ных признаках типологического развития сабирской керамики. Она выделяет следующие черты, присущие сосудам из более ранних слоев городища: значительно более плотное лощение внешней и внутренней поверхности сосудов, иногда приобретающее характер полировки стенок; наличие так называемых «фальшивых носиков» (т.е. носиков, лишенных сквозных отверстий в стенке сосудов) у сосудов со сферическим туловом и сосудов, относящихся к типу Sabir jar; косой скос верхней площадки венчика сосудов типа Sabir jar; широкое использование наклепного орнамента.

Благодаря нашим недавним исследованиям в окрестностях Сабира были открыты еще пять *теллей* этой же культуры, доселе неизвестных. Три наиболее крупных из них имеют названия Мишгафа, Малейба и Микхаля. Керамический материал с поверхности этих поселений демонстрирует сочетание как «поздних» типов сосудов, характерных для кроющего слоя городища Сабир, так и фрагментов керамики с отмеченными выше «ранними» признаками. Обратимся к одной интересной особенности – возрастанию процента керамики с «ранними» признаками среди подъемного материала с памятников, расположенных южнее Сабира, т.е. ближе к морю. Не указывает ли отмеченная тенденция, связанная скорее всего с относительной датировкой памятников, на направление, в котором происходило распространение и развитие культуры Сабир в прибрежной зоне Аравии: от приморских поселений с преимущественной ориентацией на морской промысел к поселениям, расположенным достаточно далеко в глубине материка, основу хозяйства которых составляло ирригационное земледелие? На наш взгляд, имеются все основания искать истоки культуры Сабир в пока еще малоисследованных памятниках южноаравийского прибрежного неолита и периода ранней бронзы.

Итак, новые археологические открытия, сделанные на юго-западе Аравийского полуострова в последние несколько лет, и в первую очередь – выделение культуры Сабир в прибрежной зоне и синхронных культур в других частях Йемена, позволяют сделать некоторые важные заключения об основных тенденциях развития региона во II тыс. до н.э. Африканские параллели в материальной культуре памятников йеменской и саудовской Тихамы недвусмысленно свидетельствуют об установлении постоянных связей между населением по обоим берегам Красного моря задолго до сабейской колонизации территории будущего Аксумского царства⁵⁴. Отсутствие надежных археологических свидетельств, в первую очередь с территории Эритреи и Эфиопии, не позволяет как будто бы говорить о существовании в указанное время в регионе единой культурной общности, однако контакты, обусловленные, скорее всего экономическими потребностями, не вызывают сомнений. Высокий уровень развития культуры времени поздней бронзы, открытых на территории Йемена, свидетельствует о том, что появившиеся здесь в конце II тыс. до н.э. южносемитские племена, говорившие на языках сайхадской группы, оказались не в культурном вакууме. Безусловно, что в генезисе созданной ими древнейеменской цивилизации существенную роль, хотя до сих пор и слабо выявленную, сыграл тот субстратный слой населения, культура которого своими корнями уходит в локальные культуры доисторической эпохи.

Б. Фогт, А.В. Седов

⁵⁴ О сабейском проникновении в Северо-Восточную Африку см., например, *Munro-Hay St. Aksum. An African Civilisation of Late Antiquity*. Edinburgh, 1991. P. 61–66; *Phillipson D.W. Ancient Ethiopia. Aksum: Its Antecedents and Successors*. L., 1998. P. 41–49.

SABIR CULTURE AND YEMENI RED SEA
COAST IN THE 2ND MILLENIUM BC:
THE PRESENT STATE OF DISCUSSION

B. Vogt, A.V. Sedov

It is generally assumed that during the second half of the 2nd millennium BC a South Semitic or Sayhadic population immigrated probably from the north to the south-west of the Arabian Peninsula. Within a few generations fully developed political powers emerged, their culture displaying all manifestations of a high civilization, such as writing, sophisticated political organization, elaborate irrigation system, monumental architecture etc. Traditionally focusing on the literate pre-Islamic periods of Yemen history, archaeological field-work has contributed so far relatively little data to the late prehistory and the formation of the ancient South Arabian states in particular. Hence one may ask: did the new population infiltrate into a cultural vacuum and, if not, what was the local substratum before the arrival of these immigrants?

According to the most recent archaeological discoveries it can now be assumed that the Sayhadic speaking tribes encountered in Yemen culturally and politically highly developed societies. Especially from the coastal plain of the Tihama quite a number of archaeological sites came to our knowledge sharing a common material tradition that occupied a catchment area of at least 500 km in length. It extends roughly from the shell middens of Sihi, a tested site near the Yemen–Saudi Arabian border at Jizan in the north, past Bab al-Mandab, as far as the Abyan oasis to the east. The largest concentration of sites is known from the Aden hinterland. Since 1994 a joint expedition of the German Archaeological Institute, Sanaa Branch, and the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences) has been excavating at Sabir, the key and type site of the coastal Late Bronze Age Culture (Sabir Culture) situated in the mouth of Wadi Tuban. Several seasons of field work – carried out in collaboration with the General Organization of Antiquities, Manuscripts and Museums (Republic of Yemen) – have produced very important research results which offer new and exciting insights into the proto-history of Yemen. A preliminary summary is here presented for the first time to the scholars.

Field work has so far focussed mainly on the top layers of the settlement, mostly in the areas with substantial architectural remains. These upper cultural deposits can be dated back to the period between the 14th and the early 9th centuries BC – a time-span that is suggested by a range of more than 25 radiocarbon calibrated datings. Judging by the depth of the cultural deposits which have been accumulated to a height of about 5 m in average, the site was settled for a long period, and its foundation, as well as the beginning of the Sabir Culture in general, may be dated close to the late 3rd – early 2nd mill. BC. It may have evolved from a local Neolithic and Early Bronze Age cultures that are represented by a large number of men-made shell-middens, although that cultural continuity is still unproved. Despite its long duration the Sabir Culture is basically a culture anchored in a Bronze Age tradition.

According to our present knowledge, the Sabir Culture seems to have been confined to the coastal Thama. No objects related to its later phases have been clearly identified on contemporary, respectively Late Bronze Age or/and Early South Arabian sites from Yemen Highlands, the desert fringes or from the eastern part of Yemen (Hadramawt). On the other hand certain traits, such as distinct pottery shapes and techniques, can be traced, indicating contacts of a very general nature. It is, however, evident, that the Sabir Culture is less oriented towards interior Yemen, but, interestingly enough, is much closer to the opposite site of the Red Sea. Cultural contacts manifested by stylistic, typological and technological parallelism in the manufacture of pottery and terracotta figurines can be traced to very distant regions such as Nubia, Eastern Sudan, and especially Ethiopia and Eritrean coast. Unfortunately, relatively few chronologically safely dated find assemblages are known particularly from the so-called pre-Axumite period in Ethiopia and Eritrea. Notwithstandingly, we may tentatively suggest during the 2nd mill. BC closely related cultures prevailed along both the Arabian and the African coast of the southern Red Sea basin. In addition, the new discoveries provide strong clues for two observations: (1) cultural and commercial relations from Southwest Arabia towards Africa had been well established at least half millennium before the appearance of the Sabaeans in Ethiopia which dates now not later than the 6th–5th c. BC, and (2) Southwest Arabia was not at all a void before the arrival of the Sayhadic speaking population but a region with highly developed cultures at least in some places. A possible mutual influence and stimulation is, at present, difficult to argue for, but may be highlighted by further excavations.

«Круглый стол» «Геммы древнего Востока»

© 2001 г.

СТЕКЛО И ЦВЕТНОЙ КАМЕНЬ В АНТИЧНОСТИ

Еще во II тыс. до н.э. мастера-стеклоделы, создавая разнообразные изделия из стекла, ставили себе цель имитировать более дорогой материал – цветной камень. В Месопотамии и Египте чаще всего подражали излюбленным поделочным камням – лазуриту и бирюзе. Чтобы получить точный оттенок цвета, при варке стекла добавляли окись или закись меди.

Вот что пишет Феофраст о «кюаносе» (лазурите): «Так же, равно и *кюанос*, один сорт которого естественный, а другой – искусственный, например, приготовленный в Египте. На самом деле есть три сорта кюаноса: египетский, скифский, третий – кипрский. Египетский – искусственный, и те, кто написал «Анналы царей» упоминают и первого царя, сделавшего искусственный кюанос, имитирующий естественный. Им (т.е. *кюаносом*) платят налоги, и Финикия платит один натуральным кюаносом, а другой – плавленным»¹. Помимо лазурита и бирюзы древние стеклоделы имитировали зеленый полевоы шпат, красные и желто-красные камни (красную кварцевую яшму, сердолик, порфир), желтые камни. Варили и сиреневые и пурпурно-фиолетовые стекла, подражающие камням этих цветов.

Древнейшими изделиями, имитирующими цветной камень в стекле, были бусы, сделанные в Месопотамии и Египте. Их экспортировали из этих стран, и находки таких бус известны в Европе². Бусы из «бирюзового» и «лазуритового» стекла есть в музеях и частных коллекциях в разных странах. Один из примеров – ожерелье из 22 «бирюзовых» и 2 «лазуритовых» бус (коллекция Е. Вольфа, Штутгарт)³.

Подражая камню, мастера порою достигали поразительных результатов, создавая в стекле скульптурные произведения, хотя для этого приходилось применять сложную технику отливки в форме с утратой восковой модели. Одной из древнейших, а может быть, и самой древней стеклянной скульптурой является замечательный миниатюрный портрет фараона XVIII династии Аменхотепа II (1436–1411 гг. до н.э.). Эта головка высотой 4 см, выполненная из синего «лазуритового» стекла, покрытого теперь золотистой корочкой иризации, хранится в Музее стекла в Корнинге (США)⁴ (рис. 1). Детали скульптуры после остывания отливки доработаны резцом подобно тому, как это делали в камне. Это заметно в резной линии, разделяющей губы фараона, и в трактовке складок его головного убора. В такой же технике были выполнены миниатюрная фигурка (выс. 5,9 см) сидящего на корточках Тутанхамона из фиолетово-синего стекла (Национальный археологический музей в Каире)⁵ и головка с частью

¹ *Theophr.* De lapid. 55, § 63. Перевод О.Я. Неверова.

² *Forbes R.J.* Studies in Ancient Technology. V. V. Leiden, 1966. P. 121.

³ *Stern E.M., Schlick-Nolte B.* Frühes Glas der alten Welt. 1600 v. Chr. – 50 n. Chr. Sammlung Ernesto Wolf. Stuttgart, 1994 (далее – Sammlung Wolf). S. 122. № 2.

⁴ JGS. 1980. 22. Фронтиспис.

⁵ *Cooney J.D.* Glass Sculpture in Ancient Egypt // JGS. 1960. 2. P. 16. Fig. 5.

Рис. 1. Скульптурный портрет Аменхотепа II. Синее стекло. Музей стекла в Корнинге. США

плеч фараона в образе сфинкса (выс. 3 см) из «бирюзового» стекла (Британский музей)⁶, также доработанные резцом.

В период XVIII династии в Египте изготавливали также скульптурные головки из стекла, подражающего цвету камня, у которых были специальные выемки для вставных частей (из стекла другого цвета или из другого материала): короны или головного убора, бровей, глаз, бороды. Такие головки (выс. от 2,1 до 5 см) имеются в Музее Метрополитен⁷, Музее Виктории и Альберта⁸, Каирском Музее⁹, Коллекции изящных искусств Смитсоновского Института (Вашингтон)¹⁰, Лувре¹¹, Музее Бруклина¹². В Каирском музее хранятся три стеклянных ушебти: два из них (выс. 38 см и 17,5 см), отлитые из стекла бирюзового цвета, относятся ко времени правления Аменхотепа II¹³, третье (выс. 7,8 см) из фиолетово-синего стекла, вероятно, ко времени XIX династии¹⁴.

В XIV–XIII вв. до н.э. в Египте использовались рельефные цветные стеклянные вставки в виде профильного изображения лица, которые служили амулетами и инкрустациями, украшавшими мебель и саркофаги. Одна из них (выс. 4,4 см), отлитая

⁶ Ibid. P. 17. Fig. 6–7.

⁷ Ibid. P. 23. Fig. 14.

⁸ Ibid. P. 22. Fig. 12–13.

⁹ Ibid. P. 24. Fig. 15.

¹⁰ Ibid. P. 24. Fig. 16.

¹¹ Ibid. P. 25. Fig. 17.

¹² Ibid. P. 26. Fig. 18.

¹³ Ibid. P. 12. Fig. 2; P. 13. Fig. 3–4.

¹⁴ Ibid. P. 15.

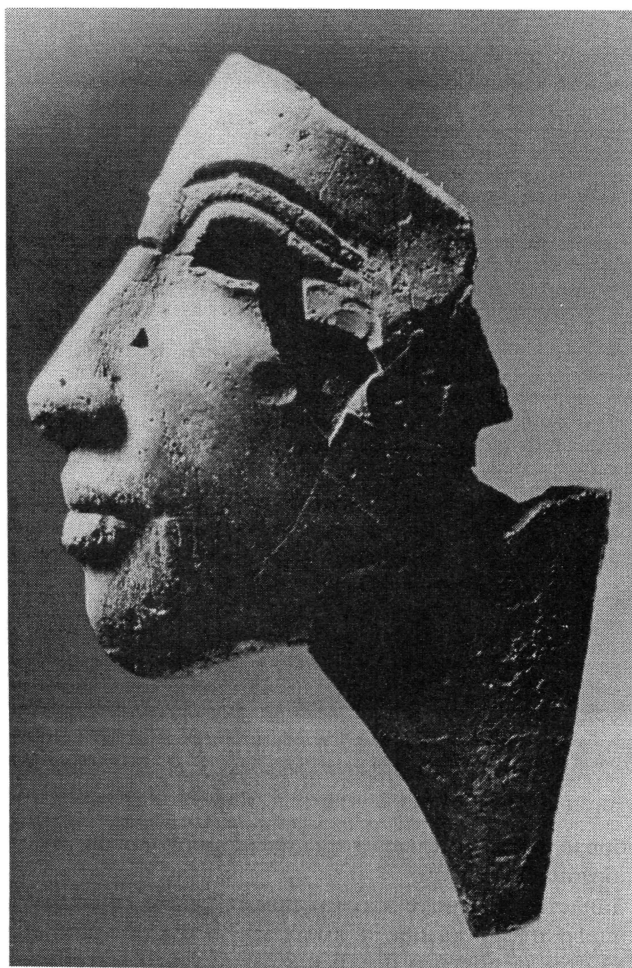

Рис. 2. Рельефная вставка: лицо в профиль (Эхнатон?). Красное стекло. Коллекция Е. Вольфа. Штутгарт

в открытой форме из глушеного красно-коричневого стекла, возможно, изображает лицо фараона Эхнатона¹⁵ (рис. 2). Другая – из синего, почти черного стекла (выс. 3,8 см) – также изображает мужское лицо¹⁶. Детали вставок проработаны резцом.

В I тыс. до н.э. (вплоть до римского времени) в Египте были широко распространены отлитые в открытой форме вставки из цветного стекла в виде глаза. Они украшали саркофаги, вставлялись в маски мумий, статуи, статуэтки. В связи с египетскими культами животных употреблялись вставки в виде глаза животного. Одна из подобных вставок, довольно крупная (5,2 × 7,5 × 2,3 см), сделана из глушеного стекла разных цветов: черного (обвод глаза), белого (глазное яблоко) и синего (зрачок), имитирующего обсидиан, кальцит и лазурит¹⁷.

¹⁵ Sammlung Wolf. S. 142–143. № 11.

¹⁶ Ibid. S. 156–147. № 13.

¹⁷ Ibid. S. 174–175. № 27.

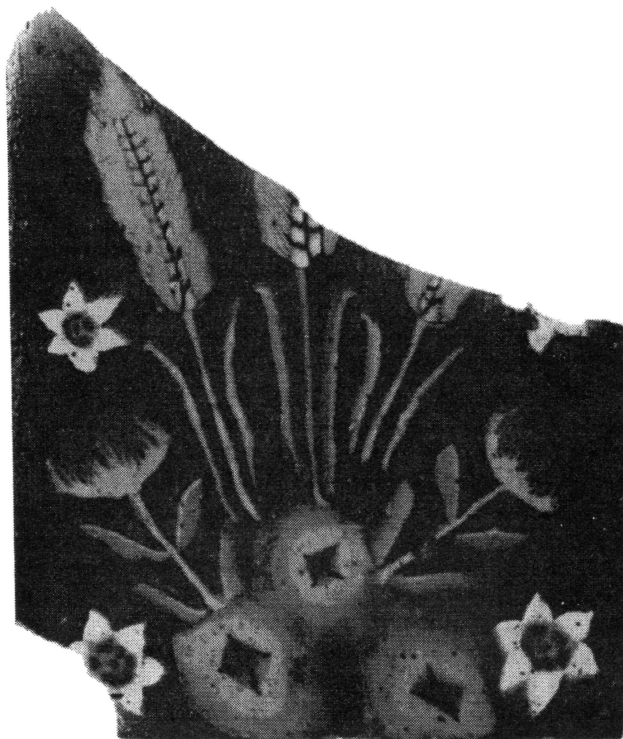

Рис. 3. Плакетка мозаичного стекла с цветочным узором. Коллекция Е. Вольфа

В птолемеевское время из цветного стекла в Египте создавали инкрустации в виде сидящих профильных фигурок, которые напоминали подобные фигурки из камня. Один из примеров – фигурка (выс. 10,8 см) божественного младенца Хора, отлитая в открытой форме из глушеного красного стекла, IV в. до н.э.¹⁸ К этому же периоду относится и созданный в Египте уникальный образец стеклянной скульптуры: голова царя в головном уборе с шеей с частью левого плеча (сохр. выс. 14 см), являющийся фрагментом статуи стоящего царя (Каирский музей)¹⁹. Скульптура отлита из винно-красного стекла, пронизанного многочисленными вставными секциями глушеного белого стекла. Налицо явное подражание так называемому «императорскому порфиру». Матовая поверхность стекла (результат обработки пемзой) усиливает впечатление поверхности камня.

В эллинистическое и раннеримское время (III в. до н.э. – I в. н.э.) в Египте и других регионах античного мира были распространены многоцветные плакетки из стеклянной мозаики с цветочным узором²⁰ (рис. 3), а иногда и со стилизованным изображением нильского ландшафта²¹ или изображением священного быка Аписа²². Множество отдельных элементов из стекла разного цвета («ломтиков», нарезанных из сплав-

¹⁸ Ibid. S. 346–347. № 109; см. также *Saldern A. von. Gläser der Antike. Sammlung Erwin Oppenländer. Hamburg, 1974. S. 30. № 34.*

¹⁹ *Cooney. Op. cit. P. 31. Fig. 23.*

²⁰ *Sammlung Wolf. S. 386–392. № 133–136; S. 404–407. № 146, 147; Grose D.Fr. The Toledo Museum of Art. Early Ancient Glass. N.Y., 1989. P. 365. № 646–651 (Col. ill. – p. 347).*

²¹ *Sammlung Wolf. S. 375. № 125.*

²² *Zerwick Ch. A Short History of Glass. Coming. N.Y., 1990. P. 21.*

ленных стеклянных стерженьков) соединялись, составляя заданный узор, – порою заключавшийся в рамку из цветной стеклянной полосы. Эти маленькие стеклянные панно (размеры, например, 5 × 4,5 см; 2,6 × 4 см; 6,4 × 6,4 см толщиной 0,5 см) не только напоминали мозаики из цветных камешков, но и превосходили их по богатству и разнообразию цветовых оттенков. Чаще всего эти плакетки служили украшением мебели.

В I в. до н.э. – I в. н.э. в Египте из стеклянной мозаики делали плакетки с изображениями театральных масок Диониса, Изиды, персонажей Новой Комедии²³. Это небольшие пластинки высотой 2,5–3,5 см, шириной 1,5–2 см, толщиной 3,5–4 мм. Такие изображения составляли из двух половинок, поэтому находят отдельные половинки. Это связано с техникой изготовления пластинок с изображением лица. Изготавливали пластинку с половиной лица, но двойной толщины. В размягченном состоянии ее разрезали по толщине на два ломтика с одинаковым изображением. Затем одну из них переворачивали зеркально, соединяя со второй, и получали целое лицо с абсолютно симметричным зеркальным повторением обеих сторон.

Мозаичные плакетки с театральными масками связаны с театральными представлениями и мистериальными играми эллинистического Египта, распространенными и в августовское время. В различных регионах античного мира найдены маленькие мозаичные стеклянные плакетки I в. до н.э. – I в. н.э. с изображением женских головок²⁴ и мозаичные бусы, где эти головки являются одним из элементов мозаики²⁵. Мозаичные бусы I в. до н.э. – I в. н.э. с женскими головками есть и в собрании Эрмитажа²⁶. Одна из них (диам. 2,7 см) включает в свой сложный многоцветный узор 5 женских ликов²⁷ (рис. 4).

Порою изображение женской головки включали в чашки мозаичного стекла. Редким образцом таких чашек обладает Музей стекла в Корнинге²⁸. Создание сосудов мозаичного стекла – особый вид виртуозного искусства древних стеклоделов, связанный со стремлением подражать изделиям из цветного камня. Эти сосуды создавались в Сирии, Александрии Египетской и Риме в период II в. до н.э. – I в. н.э. Большая их часть имела форму чаши. Одни чаши, в подражание каменной мозаике, сделаны из множества разноцветных стеклянных «кубиков», другие поражают удивительным сходством своего узора с рисунком камня (агата, яшмы, оникса). Суть мозаичной техники состояла в следующем: стволы стекла разных цветов собирали в пучок, дающий в сечении заданный узор, и сплавляли. Полученную монолитную заготовку разогревали и растягивали в длину. При этом узор уменьшался до нужных размеров. Получившийся длинный стержень рассекали на «ломтики», в каждом из которых повторялся задуманный рисунок. Различные способы изготовления и расщепления стержня давали разные варианты орнаментов. Например, рассекать стержень можно было по диагонали. Один из способов изготовления стержня-заготовки (поочередное «окунание» стержня одноцветного стекла в стекло других цветов или спиральное «обматывание» стержня одного цвета в слой стекла другого цвета с повторением этой манипуляции) давал ломтики в виде «рулетиков», иногда спирально закрученных. Ломтики укладывали в форму (вероятнее всего, керамическую), промежутки между ними заполняли порошковидным стеклом нужного цвета (будущего фона) и с помощью нагрева и прессовки получали литой полихромный сосуд, который после остывания полировали. Многоцветные чаши и другие сосуды мозаичного стекла, имеющиеся в разных музеях мира и частных коллекциях (а часто и прелестные обломки их), представляют множество вариантов орнамента. Среди них многие

²³ Sammlung Wolf. S. 378. № 127 (маска Диониса); S. 379–381. № 128–130 (маски Изиды); S. 382–383. № 131 (комическая маска); S. 385. № 132 (маска старого слуги из комедии Менандра).

²⁴ Ibid. S. 397. № 141.

²⁵ Ibid. S. 410–412. № 149–151; S. 415. Nr. 154.

²⁶ Кунина Н. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. Кат. № 103–106 (цв. илл. 66).

²⁷ Там же. Кат. № 108 (цв. илл. 67).

²⁸ Harden D.B. Glass of the Caesars. Milan, 1987. P. 43. № 19.

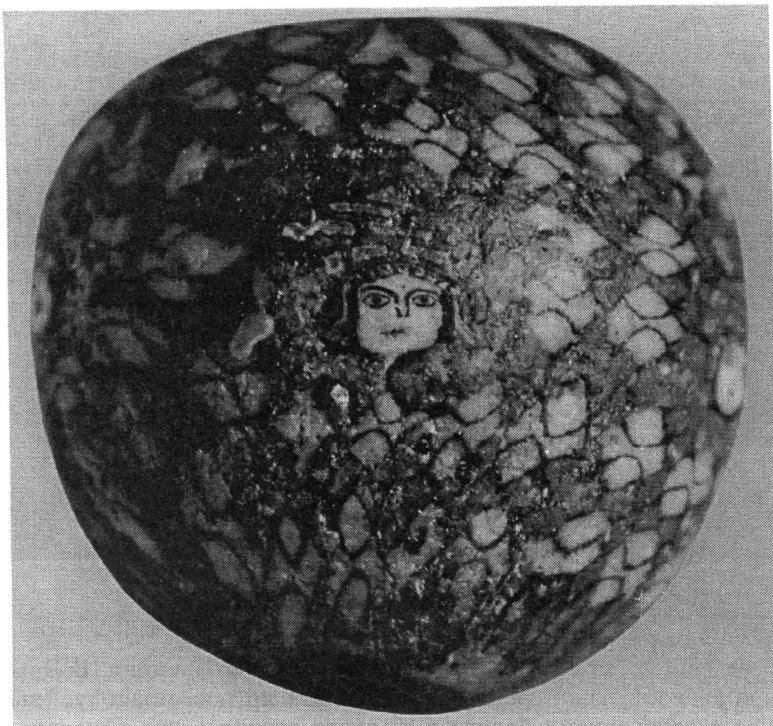

Рис. 4. Бусина мозаичного стекла с женскими головками. Эрмитаж

являются прекрасными имитациями изделий из цветных камней. В Эрмитаже хранится стеклянная чаша I в. н.э., спиралевидный узор которой имитирует поверхность агата, но при этом белые «рулетки» включены в необычный для агата пурпурно-фиолетовый фон²⁹ (рис. 5). В этом музее есть и другие сосуды мозаичного стекла, имитирующие оникс³⁰, яшму³¹ и другие камни.

В I в. до н.э., после изобретения выдувания стекла, мастера, соединяя мозаичную технику (заготовка из полос разноцветного стекла) и дутье, изготавливали изящные флаконы, имитирующие полосатую яшму³² и просвечивающий оникс³³. Образцы этих изделий также находятся в Эрмитаже. Для имитации в стекле поверхности пестрой пятнистой яшмы стеклодувы применяли особый способ: пузырь стекла необходимого (для фона) цвета «обваливали» в заранее заготовленной цветной стеклянной «крошке» (из мелко нарезанных разноцветных стерженьков). При дальнейшем разогреве и раздувании в процессе формовки сосуда разноцветные комочки на внешней поверхности превращались в пятнышки, сплошь покрывающие сосуд. Сам сосуд делали из прозрачного окрашенного или бесцветного стекла, а пятнистый декор – из глушеного стекла. Для фона часто использовали синее и сиренево-фиолетовое, иногда – желтое и коричневое, для пятнышек – белое, желтое, красное, зеленое (в разных сочетаниях). На изготовлении сосудов с пестро-пятнистой поверхностью специализировались в I в. н.э. мастерские Северной Италии.

²⁹ Кунина. Ук. соч. Кат. № 93 (цв. илл. 60, 62). Инв. № П. 1852.1.

³⁰ Там же. Кат. № 94 (цв. илл. 52).

³¹ Там же. Кат. № 88 (цв. илл. 57).

³² Там же. Кат. № 101, 102 (цв. илл. 59, 58).

³³ Там же. Кат. № 100 (цв. илл. 63).

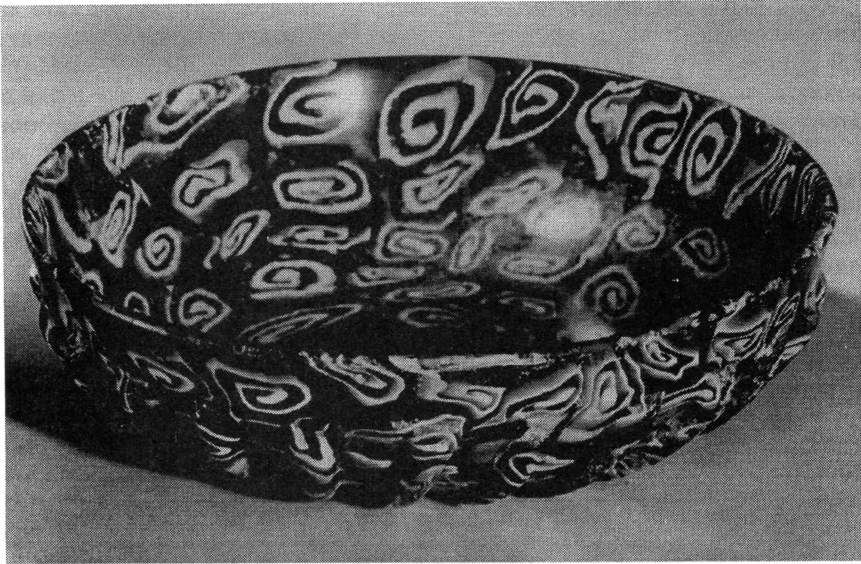

Рис. 5. Чаша мозаичного стекла. Эрмитаж

Такие сосуды имеются в составе многих музейных коллекций. В Эрмитаже они представлены разнообразно: среди них – большая кружка-модиолус (выс. 12,1 см) синего стекла с пятнышками белого и желтого цветов³⁴, две ойнохой, выдутые в одной форме (в мастерской Энниона) – обе из синего стекла, одна декорированная белыми и желтыми, другая – белыми пятнышками³⁵; несколько амфорисков из синего, фиолетового и коричневого стекла с пятнистой поверхностью³⁶; маленькие флаконы с таким же декором³⁷; изысканный кубок-кратериск (выс. 14,6 см) из синего стекла, украшенный пятнышками белого, красного и желтого стекла³⁸.

В I в. н.э. в Римской империи возрождается искусство создания стеклянной скульптуры. Из цветного стекла, имитирующего лазурит, бирюзу, аметист и другие поделочные камни, отливали миниатюрные скульптурные бюсты римских императоров и членов их семей³⁹ и рельефные медальоны-фалеры (служившие воинскими наградами) с портретами императоров и их наследников⁴⁰, а также мифологических персонажей⁴¹.

Среди образцов миниатюрной стеклянной скульптуры выделяются портрет императора Августа (выс. 4,9 см) из Римско-Германского Музея в Кельне⁴² и портрет жены Августа – императрицы Ливии (выс. 3,5 см) из Эрмитажа, найденный при раскопках боспорского города Нимфея в 1983 г.⁴³ (рис. 6). Оба портрета отлиты с применением

³⁴ Там же. Кат. № 185 (цв. илл. 115).

³⁵ Там же. Кат. № 111, 112 (цв. илл. 72, 70).

³⁶ Там же. Кат. № 187–191 (цв. илл. 117, 118).

³⁷ Там же. Кат. № 193, 194 (цв. илл. 120).

³⁸ Там же. Кат. № 184 (цв. илл. 116).

³⁹ *Harden*. *Glass of the Caesars*. P. 23. Cat. № 3; P. 24. Cat. № 4.

⁴⁰ *Ibid.* P. 22. № 2; *Кунина*. Ук. соч. Кат. № 73 (цв. илл. 50).

⁴¹ *Кунина*. Ук. соч. Кат. № 74 (цв. илл. 48).

⁴² *Döppelfeld O.* Das neue Augustus-Porträt aus Glas im Kölner Museum // *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*. 8. Bd. 1965/1966. S. 7–12. Taf. 1–5; Выставка Римско-Германского музея города Кёльна в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва) и Государственном Эрмитаже (Ленинград). Кёльн, 1984. С. 107. Кат. № 1; *Harden*. *Op. cit.* P. 21. Cat. № 1.

⁴³ *Иньв.* № НФ.83.235. Издан: *Tesori d'Eurasia. 2000 anni di storia in 70 anni di archeologia sovjetica*. A cura di V.V. Piotrovsky. Milano, 1987. Cat. № 180 (аннотация Н.Л. Грач); *Кунина*. Ук. соч. Кат. № 78 (цв. илл. 93); *Кунина N.Z.* A Glass Portrait from Nymphaion // *Archeologia*. 1997. XLVIII. Pl. XVI.

a

б

в

Рис. 6. Скульптурный портрет императрицы Ливии. Аквамариновое стекло. Эрмитаж

техники утраты восковой модели. Кельнский портрет Августа сделан из темно-синего, почти черного стекла, покрытого теперь слоем бирюзового цвета (результат разложения поверхности стекла). Поясок более светлого тона в нижней части шеи показывает, что головка вставлялась в бюст или стоящую фигурку, которая вместе с головой, вероятно, была бы высотой примерно 30 см. Нимфейский портрет Ливии, отлитый из прозрачного аквамаринного стекла, фрагментирован, и поэтому не ясно, была ли головка частью бюста или целой фигурки. Детали обоих портретов доработаны резцом, подобно скульптуре из камня.

В I в. до н.э. – I в. н.э. в Римской империи была развита еще одна область прикладного искусства, в которой стеклоделы имитировали изделия из цветного камня. Это – изготовление из многослойного разноцветного стекла литых камей, которые по цветовой гамме, порою, не отличишь от камей из агата и сардоникса. Иногда же, точно копируя размеры и сюжетную композицию камей из камня, мастер-стеклодел использовал другой цвет для фона, тогда как само рельефное изображение чаще всего выполнял из белого глушеного стекла, отчетливо выделявшегося на цветном фоне. Камей отливались в открытой форме, а после остывания детали изображения дорабатывались резцом.

Эрмитажная камея с изображением головы Афины сделана из трехцветного стекла, имитирующего трехцветный сардоникс: фон темнокоричневый, шлем и эгида Афины – коричневые, лицо, шея, плечо и оперение шлема – белые⁴⁴. Стекланные камей, воспроизводящие оригинал из камня, находятся в разных музеях и частных коллекциях. Стекланная камея с изображением богини Хатор из Художественно-исторического Музея в Вене⁴⁵ копирует камею из сардоникса с таким же изображением из Эрмитажа⁴⁶. Две стекланные камей, изображающие Викторию на колеснице, – одна из Вены⁴⁷, другая – из Эрмитажа⁴⁸, подобны эрмитажной камее из двухслойного оникса с таким же сюжетом⁴⁹. Стекланная венская камея с «Гераклом, укротившим Цербера»⁵⁰ (рис. 7) воспроизводит эрмитажную камею из сардоникса с той же сценой⁵¹ (рис. 8). Стекланная камея из Эрмитажа с изображением Гермафродита⁵² является копией камей из сардоникса с тем же сюжетом из коллекции Ионидес (Лондон)⁵³. Таких примеров можно привести еще немало.

«Камейное» стекло в Римской империи употреблялось не только для изготовления камей, но и для создания крупных и даже монументальных произведений искусства: сосудов и стеновых панно. Создавать подобные предметы в камейной технике было намного труднее. Эти прекрасные произведения не случайно создавались в I в. н.э., когда благодаря «Миру Августа» в Римской империи расцвели все виды искусств и ремесел. Исследователи предполагают, что главным (а может быть, и единственным) центром этого вида стеклоделия был Рим. Как сосуды, так и панно с сюжетными и орнаментальными композициями делали из двухслойного стекла: на синем фоне белые рельефные изображения. Эти трудоемкие и дорогостоящие изделия были предметами роскоши. Самая знаменитая из них – «ваза Портланд»⁵⁴, получившая свое название по

⁴⁴ *Неверов О.Я.* Античные камей в собрании Эрмитажа. Каталог. Л., 1988. С. 156. Кат. № 415; *Кунина*. Ук. соч. Кат. № 72 (цв. илл. 41).

⁴⁵ *Die antiken Gemmen des Kunsthistorisches Museums in Wien. Bd. II. München, 1979. Taf. 68. № 1024.*

⁴⁶ *Неверов*. Ук. соч. С. 45. Кат. № 26.

⁴⁷ *Die antiken Gemmen...* Taf. 67. № 1019.

⁴⁸ *Неверов*. Ук. соч. С. 163. Кат. № 441.

⁴⁹ Там же. С. 88. Кат. № 154.

⁵⁰ *Die antiken Gemmen...* Taf. 69. № 1026.

⁵¹ *Неверов*. Ук. соч. С. 91. Кат. № 163.

⁵² Там же. С. 164–165. Кат. № 445.

⁵³ *Boardman J.* Engraved Gems. The Ionides Collection. L., 1968. № 62.

⁵⁴ *Simon E.* Die Portlandvase. Römisch-Germanisches Zentralmuseums. Mainz, 1957; *Harden D.B., Painter K.S., Pinder-Wildon R.H.* Tait Hugh. Masterpieces of Glass. L., 1968. P. 46. № 54; P. 49–51. № 57; *Harden D.B.* New Light on the History and Technique of the Portland and Auldjo Cameo Vessels // *JGS.* 1983. 25. P. 45–54; *Harden.* Glass of the Caesars. P. 58–67. Cat. № 22, 30.

Рис. 7

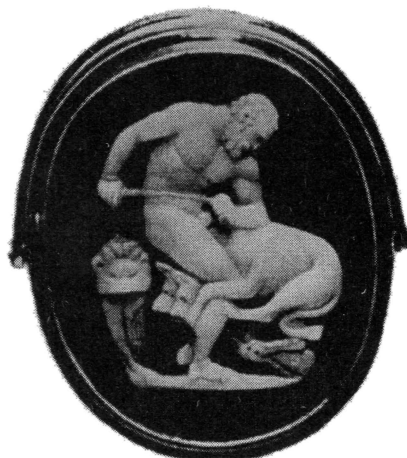

Рис. 8

Рис. 7. Каменя: Геракл, укротивший Цербера. Коричнево-фиолетовое и белое стекло. Художественно-исторический музей. Вена

Рис. 8. Каменя: Геракл, укротивший Цербера. Сардоникс. Эрмитаж

фамилии семьи герцогов Портланд, долгое время владевших вазой, пока ее не приобрел в 1945 г. Британский Музей. Высота вазы ок. 25 см. Она найдена в окрестностях Рима около 1582 г. Ваза украшена многофигурной композицией, трактованной по-разному в течение этих 400 лет. Одна из основных версий сюжета – «Свадьба Пелея и Фетиды». Другая версия – это «совокупление Атии, матери императора Августа, с Аполлоном, который под видом змея посетил ее во сне». Для создания сосуда в чашевидную заготовку белого глушеного стекла вдували пузырь синего и затем выдували их вместе, придавая вазе заданную форму амфоры, затем в горячем состоянии прикрепляли ручки, формовали венчик. После осыхания резчик создавал рельефный декор вазы, вырезая фигуры сюжетной композиции из белого стекла верхнего слоя и удаляя все белое стекло там, где надо было оставить синий фон.

С помощью такой же техники создавали и другие немногочисленные сосуды камейного стекла. Среди них – ойнохоя (выс. 22,8 см), найденная в Помпеях в доме Фавна, украшенная рельефной виноградной лозой (Британский музей)⁵⁵, большая амфора-урна (выс. 31,7 см), обнаруженная в Помпеях в погребальном сооружении, относящемся к «дому Мозаичных колонн», сплошь покрытая рельефами – виноградными побегими, фигурками Эротов, собирающих виноград и играющих на лире, масками Силена, фризом с пасущимися козами и другими изображениями (Национальный Археологический музей в Неаполе)⁵⁶, изящный грушевидный флакончик (выс. 7,6 см) с египетским сюжетом, найденный в Турции (Музей Пола Гетти в Малибу)⁵⁷, и некоторые другие сосуды. Двуручный канфар (выс. 10,5 см) с вакхической сценой, найденный в Иране в одной из парфянских могил (Музей Пола Гетти)⁵⁸, вероятно, сделан по-другому: он, скорее всего, не выдут, а отлит из синего стекла, потом покрыт

⁵⁵ *Harden*. Glass of the Caesars. P. 79. Cat. № 34.

⁵⁶ *Ibid*. P. 74–78. Cat. № 33.

⁵⁷ *Ibid*. P. 83–84. Cat. № 36.

⁵⁸ *Ibid*. P. 68–69. Cat. № 31.

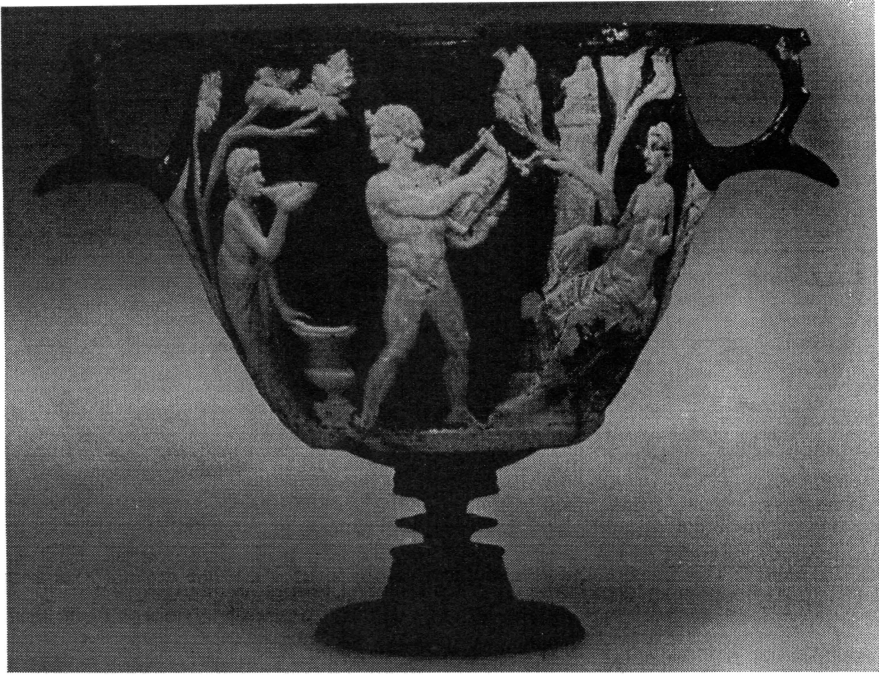

Рис. 9. Канфар «камейного» стекла. Вакхическая сцена. Музей Пола Гетти. Малибу. США

слоем белого и затем подвергнут резьбе (рис. 9). Маленький обломок сине-белого камейного стекла был найден в 1996 г. при раскопках Нимфея⁵⁹.

Камейное стекло с белыми рельефными изображениями на синем фоне применялось, как уже отмечено, и для создания настенных панно. Они украшали дома богатых жителей Римской империи в I в. н.э. Два таких панно (размерами 40 × 25 см) с многофигурными вакхическими сценами найдены в Доме Фабия Руфа в Помпеях. Они являлись частью декора столовой, богато обставленной и украшенной художественной бронзой (Национальный Археологический музей в Неаполе)⁶⁰. Эти стеклянные «камейные» панно-панели можно сравнить с расписными стенными панелями других помпейских домов. С ними же можно сравнить и настенные панели, сделанные тоже из стекла, но в мозаичной технике. Настенные многоцветные панно из стеклянной мозаики, как и «камейные», украшали богатые дома.

Замечательная панель мозаичного стекла «Птицы в кустарнике» (размеры: 26,5 × 26,1 см) хранится в Музее стекла в Корнинге⁶¹ (рис. 10). Эту панель исследователи сравнивают с настенной живописью «Комнаты-сада» в Доме Ливии в Прима Порто, близ Рима, изображающей сад с птицами на ветвях фруктовых деревьев, и приводят отрывок из письма Плиния Младшего к другу (между 104 и 108 гг. н.э.), в котором автор письма описывает живопись в Тусканской вилле: «... стены покрыты мрамором до карниза, на фризе выше изображена листва с птицами среди ветвей» («Письма». 5, 6)⁶².

⁵⁹ Раскопки проводились Нимфейской археологической экспедицией Гос. Эрмитажа. Обломок камейного стекла хранится в Керченском историко-культурном заповеднике.

⁶⁰ Harden. Glass of the Caesars. P. 70–73. Cat. № 32.

⁶¹ Ibid. P. 32–33. Cat. № 10.

⁶² Ibid. P. 33.

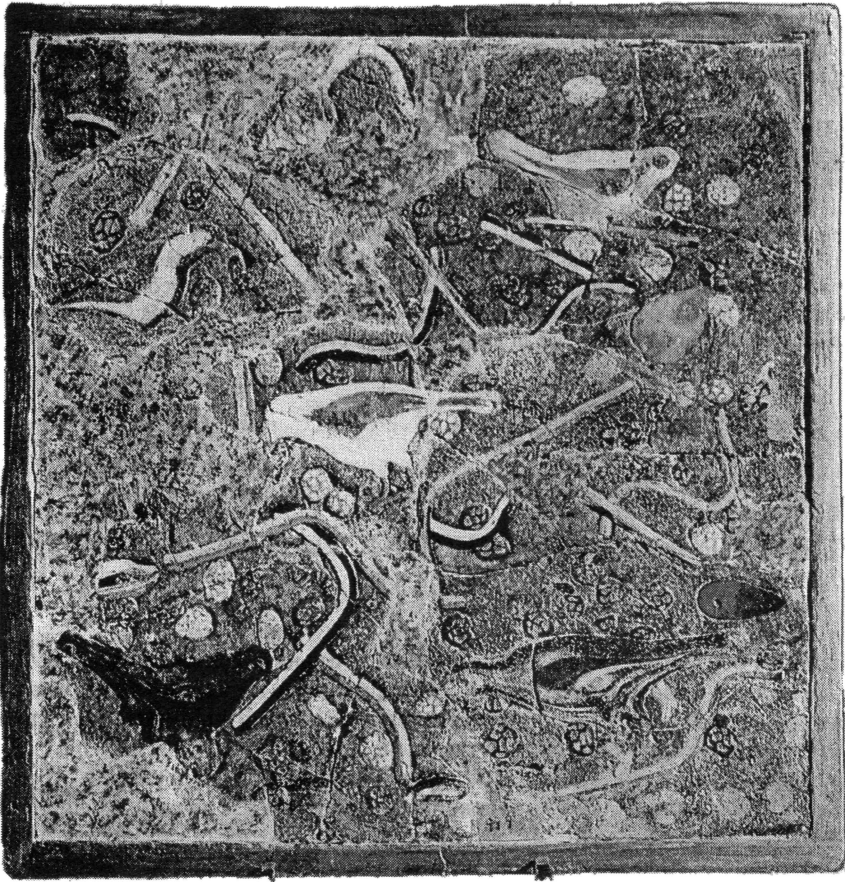

Рис. 10. Настенное панно мозаичного стекла. Птицы в кустарнике. Музей стекла в Корнинге

Итак, обзор известных изделий из цветного стекла показывает, что в течение более 2000 лет мастера-стеклодувы стремились в стекле имитировать цветной поделочный камень как более дорогой материал. При этом они достигали поразительных результатов, создавая самые разнообразные изделия: бусы и инкрустации, камеи и миниатюрную скульптуру, роскошные вазы и настенные панно, демонстрирующие техническое совершенство и художественное мастерство. Традиция имитации цветного камня в стекле продолжалась и в последующие за античным периоды.

Н.З. Кунина

GLASS AND COLOURED STONE IN THE ANCIENT WORLD

N.Z. Kunina

For more than two thousand years (IInd mill. BC – first centuries AD) glassmakers used to imitate coloured stones as a more precious material. The art of imitating semi-precious stones in glass originated from Mesopotamia and Egypt (beads). In the 16th–1st c. BC in Egypt many kinds of glass articles imitating stone ones were manufactured: incrustations (eyes, human figures in profile etc.), ushabti figures, miniature sculpture (e.g. a small head of Amenhotep II), mosaic plaques and beads.

This art was adopted and developed in the Roman Empire. In the 1–4 th c. AD in Rome and in different regions of the empire glass imitating precious stones was used to manufacture miniature sculptural heads of the emperors and members of their families (e.g. the portrait of Augustus Caesar from Romisch–Germanisches Museum, Köln; the portrait of his wife Livia, the Hermitage).

In the 1st c. BC – 1st c. AD in Rome flakes and bowls were sometimes made of mosaic glass imitating jasper, agate or onyx with great verisimilitude. At the same period Italy became the centre of manufacturing glass cameos imitating with great precision both colours and images of sardonyx cameos. In the 1st c. AD «cameo» glass was used in Rome for producing big luxurious vases and wall panels designed to decorate rich houses. Such articles were decorated with relief compositions of many figures and ornaments made of white glass against a blue background. The best known example of «cameo» glass vases is the Portland Vase (the British Museum). Cameo panels (now in Museo Archeologico Nazionale a Napoli) decorated walls of Fabius Rufus' house in Pompeii. Multicoloured panels of mosaic glass were also used for the same purposes (e.g. panel «Birds in Bushes», Corning Glass Museum, USA).

The tradition of imitating colour stone in glass continued in later epochs.

© 2001 г.

ГРУППА БРОНЗОВЫХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПЕРСТНЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА

В собрании Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина имеется несколько бронзовых перстней, объединенных не только техническими особенностями, формой, временем их изготовления, но и в большинстве случаев сюжетами. Для них характерна плоская внутри и слегка выпуклая снаружи шинка, сильно расширяющаяся к щитку, и большой округлый или слегка овальный щиток с врезанным или, что реже, рельефным изображением. Среди сюжетов преобладают мужские и женские погрудные изображения, которые исследователями обычно определяются как портретные воспроизведения представителей династии Птолемеев. Портреты прекрасно атрибуируются благодаря изображениям на монетах птолемеевского Египта.

Публикации и анализ перстней, относящихся к этой группе, не раз предпринимались исследователями¹. Задачей моей статьи является ознакомление с небольшой коллекцией, которая хранится в ГМИИ им. А.С. Пушкина, и по возможности в отдельных случаях – дать новую интерпретацию представленным на перстнях сюжетам.

Бронзовый перстень, найденный в некрополе Фанагории, имеет на щитке погрудное мужское изображение, данное в профиль влево (инв. № ГМИИ, Ф-1091) (рис. 1). Мы видим коротко остриженные волосы, трактованные мелкими штрихами, выходящие небольшие бакенбарды, крупный нос, речительный массивный подбородок – черты, характерные для иконографии Птолемея II Филадельфа, известные по монетам III в. до н.э. Перстни с его изображением найдены в Херсонесе² и Пантикапее³ и определены О.Я. Неверовым⁴, а вслед за ним и А.К. Коровиной⁵, как портреты Птолемея II.

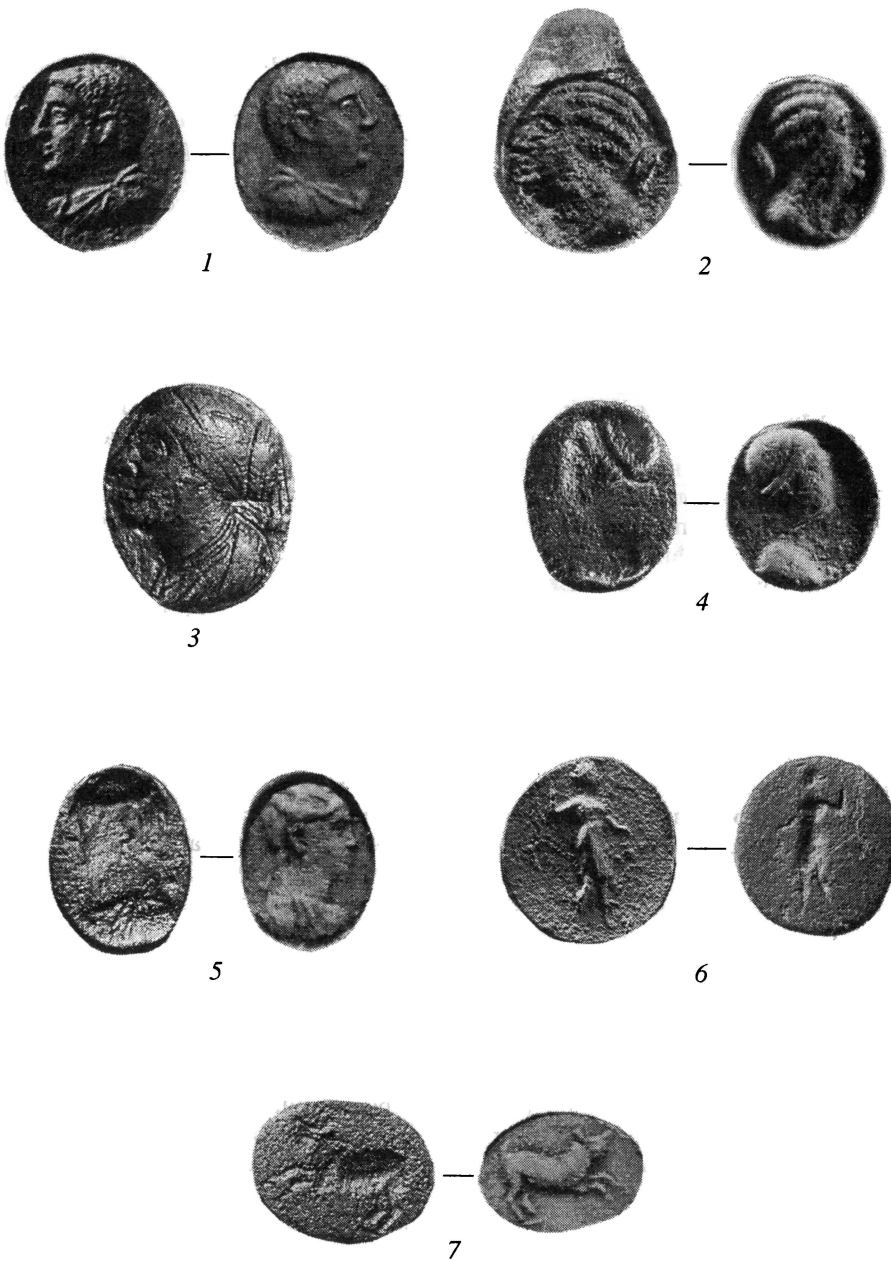
¹ Захаров А.А. Геммы и античные перстни Государственного Исторического музея // РАНИОН. Труды секции археологии. Т. III. М., 1928; Неверов О.Я. Античная художественная бронза // Каталог выставки. Л., 1973. № 99, 100; он же. Группа эллинистических перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1. С. 106–115; он же. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // Тр. Гос. Эрмитажа. 1976. XVII (Культура и искусство античного мира. 5). С. 166–182; Коровина А.К. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. Вып. 8 (Культура и искусство Боспора) М., 1987. С. 137–146.

² Неверов. Портретные геммы... Табл. I, 5. С. 167.

³ Там же. Табл. I, 3. С. 167.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Коровина. Ук. соч. С. 142.

Группа бронзовых эллинистических перстней: 1 – портрет Птолея II Филадельфа; 2–3 – портрет Береники II; 4 – Арсиноя III; 5–6 – изображение богини (Артемиды?); 7 – изображение бегущей собаки

Сбоку на шинке имеется еще одно небольшое изображение мужской головы в профиль влево, которое, как нам кажется, в миниатюре повторяет голову на щитке. Однако сильная потертость не позволяет делать окончательные заключения.

На бронзовом перстне, найденном в Пантикапее в районе дворца (почти полностью открытого за последние годы экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина), изображена женская голова в профиль влево (М-1987. Центральный раскоп, пл. 100, шт. 12) (рис. 2). Лицо женщины немолодое, с крупными чертами. Волосы оформлены при-

ческой «*melonen frisur*» и собраны сзади на затылке в большой тяжелый пучок, перевязанный лентой (возможно, это двойной ряд косы, уложенной на затылке и перевязанной лентой). Интерпретация этого образа вызывает некоторые колебания. Монетные изображения, позволяющие связать портрет с конкретным персонажем, имеют определенные иконографические особенности. Иконография изображений Арсинои II и Береники II очень близка: та же прическа, те же черты лица и постановка головы. Попытки сделать акцент на отдельных деталях (например, на монетных портретах Береники II локоны уложены четырьмя рядами и прикрывают ухо, а на портретах Арсинои II их больше и ухо остается открытым) не дают точной уверенности в правильной интерпретации. В Государственном Эрмитаже хранится бронзовый перстень из Ольвии – изображение на нем О.Я. Неверов считает портретом Арсинои II, отмечая характерную для иконографии этой царицы деталь, а именно – небольшой завиток над ухом. Но именно эта деталь присутствует на мраморном портрете Береники II из Кирены⁶, и это, скорее, указывает на то, что на ольвийском перстне представлена не Арсиноа II, а Береника II. Ольвийский же перстень для нас особенно важен, так как портретные черты на нем и на пантикапейском перстне очень схожи. Близкой аналогией изображению на пантикапейском перстне являются женский портрет на бронзовом перстне из Британского музея⁷, который Ф. Маршалл определяет как портрет Береники II, а также портрет на перстне из Лувра⁸, который Ж. Шарбонно тоже связывает с Береникой II. По-видимому, именно эта царица, обожествленная ее сыном Птолемеем V в 210 г. до н.э., изображена и на пантикапейском перстне.

Образ Береники II представлен еще на одном перстне, найденном в некрополе Фанагории (инв. № ГМИИ, Ф-1193) (рис. 3). Его особенностью является то, что портрет выполнен в технике рельефа. Как и на предыдущем перстне, на щитке изображена женская голова в профиль влево с прической «*melonen frisur*» в четыре ряда локонов, собранных на затылке в объемный тяжелый пучок, перевязанный лентами, концы которых спускаются вниз. Ухо прикрыто волосами. С точки зрения иконографии данный образ близок предыдущему. Но здесь на голове видна узкая диадема, а черты лица передают облик немолодой женщины. Опираясь также на доводы, приводившиеся по поводу предыдущего перстня, можно связать этот портрет с Береникой II. Рельефные изображения на перстнях этой группы встречаются редко. Аналогичный перстень с изображением, имеющим явное сходство с портретом на фанагорийском перстне, хранится в Эрмитаже. По мнению О.Я. Неверова, на нем помещен портрет Арсинои II⁹.

Из некрополя Фанагории происходит еще один бронзовый перстень. На овальном щитке представлен женский профиль влево (инв. № ГМИИ, Ф-1190) (рис. 4). Изображение сильно потерто, и черты лица почти не просматриваются. Но отчетливо видна одна деталь, позволяющая связать изображение с конкретным историческим лицом. Это прическа в виде валика закрученных волос, обрамляющего лицо и собранного сзади в небольшой пучок, характерна для всех изображений Арсинои III, которые имеются на эллинистических монетах. Особенно близкое сходство изображение на этом перстне имеет со скульптурным бронзовым портретом царицы из Мантуи¹⁰. Есть аналогии и в изображениях на перстнях. Наиболее близок портрет царицы на перстне из Пантикапея, хранящемся в Эрмитаже¹¹. В той же могиле был найден еще один бронзовый перстень с женской головой в профиль влево (инв. № ГМИИ, Ф-1191)

⁶ *Anti C.* Un ritratto di Berenice di Cirene // *Africa Italiana*. 1927. I. P. 167.

⁷ *Marschall F.H.* Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. L., 1907. № 1267 F.

⁸ *Charbonneau J.* Sur la signification et la date de la tasse Farnese // *Monuments et Mémoires*. Fondation E. Piot, 1958. № 50. P. 95. Fig. 8.

⁹ *Неверов.* Портретные геммы... С. 168. Табл. II, 6.

¹⁰ *Levi A.* Un ritratto di Arsinoe III // *Bolletino d'Arte*. 1927. VI. P. 48.

¹¹ *Неверов.* Портретные геммы... Табл. II, 9, 10.

(рис. 5). Это изображение несколько отличается от всех предыдущих и не фиксируется его сходство ни с одним из женских портретов царствовавшей династии в Египте. Но своеобразная прическа в виде высоко зачесанных на затылке волос и обруч (или диадема) на голове придают этому портрету индивидуальность. Близкие аналогии удалось найти на фанагорийских монетах, где с таким же головным убором и колчаном за спиной представлена Артемида¹². Какой-то неясный предмет (может быть, колчан?), просматривается и на фанагорийском перстне. Похожие изображения имеются на ряде гемм, хранящихся в собраниях немецких музеев, которые также определяются как изображения Артемиды¹³.

Образ этой богини представлен еще на одном перстне из некрополя Тирамбы (инв. № ГМИИ, Ф-1227) (рис. 6). Легкая и стройная женская фигура облачена в короткий хитон, оставляющий открытыми стройные ноги. Левая рука согнута в локте и слегка отведена назад, как если бы в ней были копье или дротик для нанесения удара. Правая рука слегка вытянута вперед перед фигурой. И одежда, и поза характерны для охотящейся Артемиды. В таком образе она представлена и на посвянительной плите из Касселя¹⁴.

На эллинистических бронзовых перстнях изображения богов встречались неоднократно. Особенно популярен был образ Афины-Промачос с занесенным копьем. Постановка фигуры и поза очень напоминают изображение Артемиды на перстне из Тирамбы. Но само изображение Артемиды на перстне встречено в Северном Причерноморье впервые.

С кругом Артемиды, по-видимому, связано и изображение собаки, согласно мифам сопровождающей богиню на охоте. На перстне из фанагорийского некрополя собака показана бегущей влево (инв. № ГМИИ, Ф-1101) (рис. 7). Сопутствующий погребальный инвентарь позволяет отнести его ко времени не позднее II в. до н.э.¹⁵

Бронзовых перстней с сюжетами, близкими вышеописанным, найденных в Северном Причерноморье, насчитывается около 30 экземпляров. Подавляющее их большинство обнаружено на Боспоре, что объясняется, вероятно, активизацией связей между Боспором и Египтом в III – II вв. до н.э. Изображенные на них обожествленные царицы птолемеевской династии отождествлялись с Афродитой, и, вероятно, перстни эти служили своего рода оберегами на морских дорогах: известно, что Афродита покровительствовала морякам. И пока не ясно, какую роль в этом контексте играл культ Артемиды, изображения которой также имеются на эллинистических перстнях этой группы.

С.И. Финогорова

A GROUP OF HELLENISTIC BRONZE SEAL-RINGS
FROM THE COLLECTION OF THE STATE MUSEUM OF FINE
ARTS (THE PUSHKIN MUSEUM)

S.I. Finogenova

In the State Museum of Fine Arts there is a group of bronze seal-rings having a similar form, dated back to the same period and bearing images closely connected with each other. Having a specific form with strongly broadening bezels, they are decorated with cut in images, which the majority of scholars connect with portrait representations of Egyptian rulers of the Ptolemaic dynasty. The Museum's excavations in Panticapaeum, Phanagoria and Tyramba have enriched the world collection of ancient seal-rings with new finds.

¹² Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 7, 194.

¹³ Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd I. Teil 2. München, 1970. № 1311; Furtwängler A. Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium, B. 1896, № 4903 F; Lexicon iconographicum mythologiae classicae. II, 2. 1984 (далее – LIMC). № 164, 165, 168, 183.

¹⁴ LIMC. II, 2; № 397.

¹⁵ Неверов. Портретные геммы... С. 168.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ГЛИПТИКА В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА (IV–VII вв.)

Собрание ранневизантийской глиптики Эрмитажа невелико. Оно насчитывает не более 25 экземпляров резных камней и включает две группы памятников. Одни из них бытовали и, возможно, изготавливались в восточных провинциях Римской империи, но не имели локальной специфики, другие же представляют собой более или менее характерные образцы камнерезного искусства Египта и Сиро-палестинского региона.

Рис. 1. Инталия с изображением мужской головы. Сердолик. Восточное Средиземноморье, IV в. Государственный Эрмитаж

Среди памятников, следующих общеимперским традициям, выделяется группа перстней с портретами владельцев. Из собрания Г.Г. Лемлейна происходит служившая вставкой для перстня овальная сердоликовая инталия (инв. № ω 1212) с исполненным в штриховой манере врезанным изображением мужской головы в схематично трактованной диадеме (рис. 1). Сходное по типу профильное изображение наличествует и на серебряном перстне (инв. № ω 1346) с сердоликовой вставкой¹. Подобные инталии принято относить к позднеантичным образцам IV в.² Тем же периодом Р.В. Кинжалов³ датировал приобретенную в 1888 г. у В.М. Ширвашидзе резанную на карнеоле инталию (инв. № ω 1170) в золотой оправе с гранатами и стеклянной пастой, с портретными изображениями трех бюстов: слева и в центре мужских, справа – женского (рис. 2 а–б). По

краям греческими буквами переданы имена изображенных: ΟΥΝΖ, ΑΝΗΣ, ΝΙΝΑΣ, ΟΥΛΡΗΟΥΗΣ. Р.В. Кинжалов полагал, что юношу слева звали Виз, мужчину в центре – Анис, а женщину – Нина; родовое же имя «Улривис» относилось ко всем троице. Портреты жениха и невесты встречаются на каменных вставках обручальных колец. Таковы, например, гранатовая гемма из собрания гофмаршала двора Г.П. Алексеева (инв. № 2109/14) и резная яшма (инв. № ω 1213) из собрания Г.Г. Лемлейна (рис. 3). На последнем представлены персонажи названы по имени: мужчину звали Анасирис, а женщину – Ефесия. На гемме из собрания Г.П. Алексеева имеется важная в хронологическом отношении деталь: форма луковичной фибулы на плече у мужчины датирует это обручальное кольцо второй половиной IV в.⁴ Вставленная в золотой перстень инталия с *dextragum iunctio* (инв. № 1808/172) – разновидность обручального кольца, распространенного в римское время, была найдена на Мангупе в 1913 г. и поступила в Эрмитаж в 1926 г. из ГАИМК'а. Сходные образцы, имеющиеся в различных музейных собраниях, принято относить к IV в.⁵

К образцам глиптики с христианскими сюжетами без ярко выраженной местной специфики может быть причислена халцедоновая шарообразная гемма (инв. № ω 1211) из собрания Г.Г. Лемлейна (рис. 4)⁶. В правой части овальной поверхности камня помещено врезанное изображение голубя; под лапами птицы – пальмовая ветвь, а слева от нее – хризма. Эта гемма иллюстрирует высказывание Климента Александрийского о том, что христианам следует помещать на своих печатях изображение голубя⁷. Дву-

¹ Залесская В.Н. Коллекция византийских и поствизантийских перстней // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. Р. 91. Рис. 1, 4.

² Неверов О.Я. Античные перстни (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог временной выставки. Л., 1978. С. 16.

³ Кинжалов Р.В. Резной сердолик Государственного Эрмитажа (К вопросу об ономастике Закавказья III–IV вв. н.э.) // Исследования по истории культуры народов Востока. М.–Л., 1960. С. 98–104.

⁴ Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture / Ed. D. Buckton. L., 1994. P. 47, № 27.

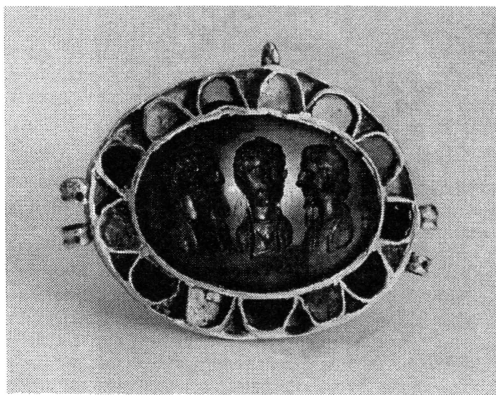
⁵ Художественное ремесло эпохи Римской империи. Каталог выставки. Л., 1980. С. 53, № 175.

⁶ Банк А.В. Раннехристианская инталия из собрания Г.Г. Лемлейна // СГЭ. 1978. XLIII. С. 43–44.

⁷ Cabrol F., Leclercq H. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. T. I. P., 1908. Col. 2192.

а

б

Рис. 2. а–б. Инталия с портретными изображениями трехчленов семьи Улривис. Карнеол. Восточное Средиземноморье, IV в.; б – гипсовый слепок с инталии с тремя портретами

Рис. 3

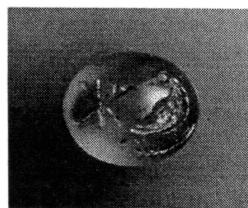

Рис. 4

Рис. 3. Инталия с портретами супругов Анасируса и Ефесии. Яшма. Восточное Средиземноморье. Вторая половина IV в.

Рис. 4. Инталия с изображением голубя и хризмы. Халцедон. Восточное Средиземноморье, IV в.

сторонняя инталия из яшмы (из бывшего собрания Г.С. Строганова) с изображением на лицевой стороне Даниила во рву львином (инв. № И 11542), а на обороте – хризмы (рис. 5 а–б), относится по своим стилистическим признакам к характерным памятникам римского камнерезного искусства с его свободной постановкой фигуры в пространстве, скульптурной вылепленностью и статуарностью персонажей.

К собственно византийским памятникам VI в. без выраженной локальной специфики относятся четыре предмета: две однотипные резанные по сардониксу камеи со сценами Благовещения из собрания герцога Орлеанского, приобретенного Екатериной II, и две инталии с монограммами. Одну из камей (инв. № ω 355) предположительно связывают с именем Анны Комнины⁸ (рис. 6). Однако особенности иконографии Благовещения, а

⁸ Wintzel H. Die Kamee der Kaiserin Anne. Zur Datierung byzantinisierenden Intaglien // Festschrift U. Middeldorf. В., 1968. S. 1, 8. Abb. 3.

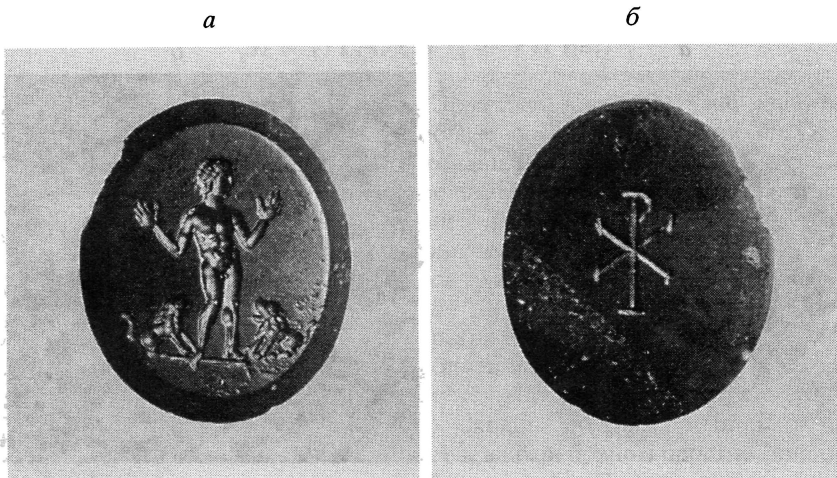

Рис. 5. а-б. Инталия с изображением Даниила во рту львином и хризмы: а – лицевая сторона. Яшма. Рим, IV в.; б – оборотная сторона инталии с изображением хризмы

именно – расположение фигур и трона Богоматери указывают на доиконоборческое время⁹. По аналогии с камнями, хранящимися в Лувре¹⁰, эрмитажный памятник должен быть отнесен к VI в. В собрании византийского отделения Эрмитажа имеются две монограмматические инталии. Обе происходят из собрания Н.П. Лихачева¹¹. На гранатовой вставке для перстня (инв. № ω 1090), помимо собственно монограммы, в основе которой лежит греческая буква Η, выгравированы крестик и звезда (рис. 7), а в щиток бронзового перстня (инв. № ω 1066) вставлена яшмовая пластинка с монограммой, образованной приращением литер вокруг греческой буквы Π (рис. 8). Такой тип монограмм характерен для первой половины VI в., позднее его сменяет монограмма крестообразная¹².

К глиптике византийского Египта в собрании Эрмитажа относятся два предмета: нефритовая тарелочка (инв. № ω 1296) из собрания Н.П. Лихачева с бюстом Ники в коринфском шлеме (рис. 9 а-б) и сердоликовая инталия с изображением ангела (инв. № ω 1400). На ранневизантийских памятниках Ника как прообраз христианского ангела выступает не только как символ победы, но и как Тюхе-Фортуна и как олицетворение бессмертия¹³. На монетах до Юстина I (518–527), на императорских и консульских диптихах, на блюдах-миссориях Ника означает только победу. Ника-Тюхе, понимаемая как Фортуна Христа, упоминается в ряде посвячительных надписей VI–VII вв. Начинаясь словами «Фортуна Христа, помоги», эти надписи предшествовали формуле «Иисус Христос Ника», ставшей с начала VIII в. обычной на византийских памятниках. Наконец, Ника могла выполнять функции святых-драконоборцев и ангелов, победителей зла и болезни. Тарелочек, подобных эрмитажной, известно более двух десятков, и все они происходят из находок в Гермополе, Фаюме, Луксоре, Ахмиме, Навкратисе и Александрии. Чаще всего на них представлены орел с распрос-

⁹ Bank A. *Byzantine Art in the Collections of Soviet Museums*. Leningrad, 1985. P. 289. Pl. 108.

¹⁰ Byzance. *L'art byzantin dans les collections publiques françaises*. P., 1992. P. 89–90, № 40–41.

¹¹ Из коллекций академика Н.П. Лихачева. Каталог выставки. 1993. С. 68–69, № 164–165.

¹² Weigand E. *Zur Monogrammschrift der Theotokos (Koimesis) Kirche von Nicaea* // *Byzantion*. T. VI. Bruxelles, 1931. S. 412.

¹³ Залеская В.Н. Образ Ники в раннесредневековой пластике из Александрии // СГЭ. 1991. LV. С. 42–44.

Рис. 6

Рис. 7

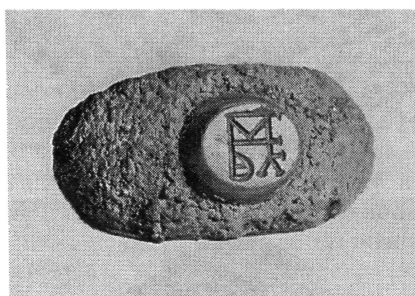

Рис. 8

Рис. 6. Камень с изображением сцены Благовещения. Сардоникс, золото. Византия, VI в.; оправы второй половины XVIII в.

Рис. 7. Вставка для перстня с монограммой. Гранат. Византия, VI в.

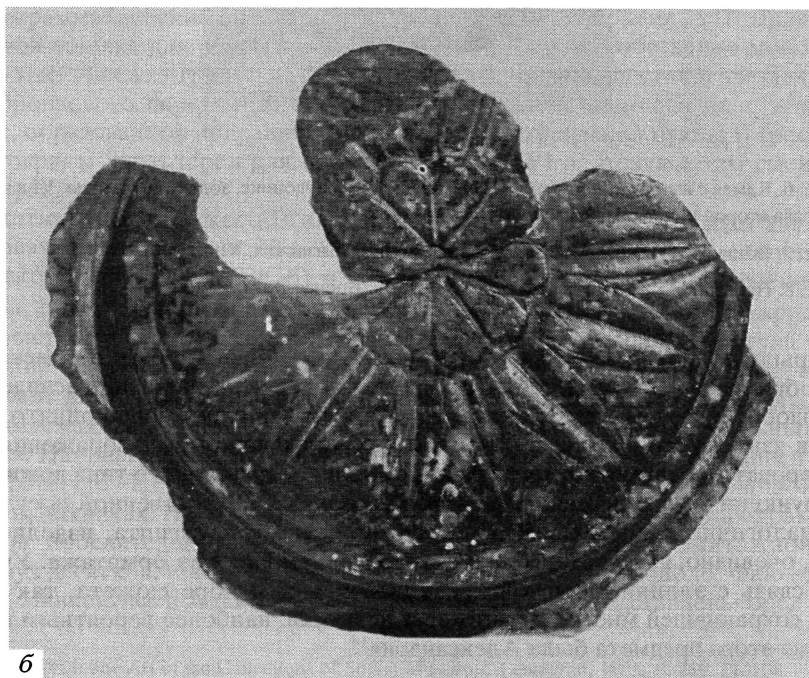
Рис. 8. Перстень с монограмматической вставкой. Бронза, яшма. Византия, VI в.

тертыми крыльями или свернувшаяся пантера, реже – божество греко-римского пантеона. Изображение Ники на публиковавшихся предметах пока не засвидетельствовано. Подобные сосуды, датируемые первыми веками нашей эры, принято считать атрибутами языческого культа, в основном культа Сераписа, а изображения на них интерпретировать в религиозно-магическом смысле. Сосуды такого типа доживают до IV в., но функции их видоизменяются – они становятся лекарственной посудой. Поскольку аналогичные каменные тарелочки происходят из Египта, изделием этой провинции, очевидно, является и сосуд с изображением Ники из Эрмитажа. Учитывая же явную связь с эллинистической традицией как в выборе сюжета, так и в его трактовке, сохранившей многое от античной пластики, наиболее вероятным центром производства этого предмета была Александрия¹⁴.

¹⁴ *Zalesskaya V.* The Imagery of Heavenly Messengers in Some Monuments of Byzantine Applied Arts // Acts of XVIII-th. Intern. Congress of Byzantine Studies. Selected Papers. V. III: Art History, Architecture, Music. Shepherdstown, 1996. P. 382–385; на русском языке – *Залеская В.Н.* Образы небесных вестников на нескольких памятниках прикладного искусства Византии // *Античная древность и средние века.* Екатеринбург, 1998. С. 245–247.

a

б

Рис. 9 *a–б*. Фрагмент тарелочки с изображением Ники. Нефрит: *a* – лицевая сторона. Византийский Египет, IV в.; *б* – оборотная сторона тарелочки с изображением Ники

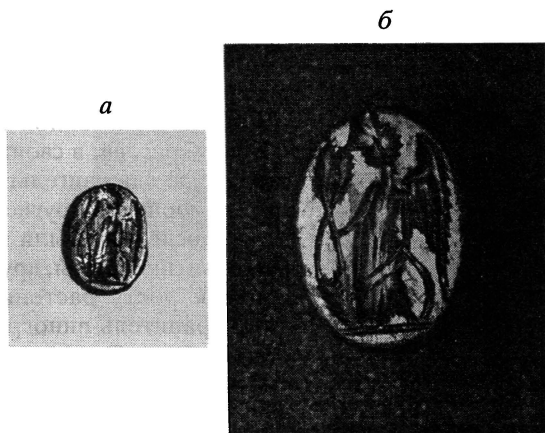

Рис. 10. *а-б*. Инталия с изображением ангела «наращения плодов». Сердолик. Византийский Египет, V в.; *б* – та же инталия с увеличением

В 1992 г. собрание ранневизантийской глиптики Эрмитажа пополнилось еще одним предметом (дар Б.Н. Дудочкина, Москва), на котором изображен ангел неизвестного до сих пор иконографического типа (рис. 10 *а-б*)¹⁵. На овальной сердоликовой инталии представленный в профиль ангел имеет на голове повязку, нимб отсутствует, одежды ниспадают до земли, условно обозначенной горизонтальной линией, отсекающей сегмент внизу овала. Правую часть поля занимают сложенные вместе крылья, левую – два переплетающихся растительных побега, подобно деревьям, вырастающие из земли; одного из них ангел касается правой рукой. Обработка краев геммы указывает на то, что некогда она имела оправу, т.е. могла служить подвеской или вставлялась в щиток перстня. Размеры инталии, организации пространства, трактовка фигуры ангела, иконография самого персонажа, но не его растительного окружения, имеют аналогии. Изображение подобного ангела можно видеть на двух резных камнях (горный хрусталь) из Лувра, на целой серии гематитовых инталий из Британского музея, на выполненной из того же материала и имеющей греческую надпись «Михаил» гемме из собрания Думбартон Оакс в Вашингтоне и на щитке перстня из музея П. Канеллопулосса в Афинах¹⁶. Перечисленные геммы принято относить к Восточному Средиземноморью и более конкретно – к византийскому Египту и считать наиболее вероятным временем их изготовления и бытования V–VI века. Атрибуция эрмитажной геммы, на которой крест отсутствует, а его место занимают два древовидных побега, зависит от ответа на вопрос, какие функции должен был выполнять изображенный на ней ангел. Этот небесный вестник с его растительным окружением не может считаться символом победы или символом бессмертия, не олицетворяет он ни Тюхе-Фортуны, ни ангела-хранителя церкви, не относится он и к тем непременно персонажам, которые присутствуют в основных праздничных сценах Нового Завета и

¹⁵ Новые поступления. Памятники культуры и искусства, приобретенные Эрмитажем в 1992–1996 годах. Каталог. СПб., 1997. № 532.

¹⁶ Залеская В.Н. Дополнение к восточной ангелологии: ангел «наращения плодов» // Византия и христианский Восток. Научн. конф. памяти А.В. Банк. Тез. докл. СПб., 1999. С. 19–22.

Рис. 11. Инталия с изображением синкретической богини Деметры–Ники–Афины–Исиды. Горный хрусталь. Египет, II–III вв. Государственный музей искусства народов Востока, Москва

триумфального цикла, прославляющего деяния византийского василевса. Не является он и изображением Христа-вестника, т.е. ангела Великого Совета, составной части Софии Премудрости Божьей¹⁷. Некоторое объяснение описанной композиции можно найти у Оригена: в своих сочинениях он поясняет, что одни ангелы принимали участие в делах горных, а другие – в делах дольных. Среди последних были те, кто способствовал развитию фауны, другие же имели отношение к росту растений, как, например, ангел-хранитель виноградников, носивший имя Полутос. Епифанию Кипрскому были известны ангелы времени года и явлений природу¹⁸.

Объяснить изображение на эрмитажной гемме может одна из миниатюр так называемой Коттоновой Библии. Этот манускрипт происходит из Египта и датируется концом V в.¹⁹ На привлекаемой для сопоставления с инталией миниатюре запечатлен третий день Творения, когда Бог создал растительный мир. Композиция состоит из благословляющего Христа-Логоса и трех идущих вправо ангелов в диадемах без нимбов, из которых крайний касается рукой растущего рядом с ним дерева с пышной кроной. Иконографическое сходство край-

него справа ангела на миниатюре и на нашей гемме, одинаковый принцип построения композиции, естественно редуцированной на крохотном овале резного камня, дают основания полагать, что на гемме из Эрмитажа воспроизведен ангел из третьего дня Творения. Этот ветхозаветный персонаж – один из покровителей растительного царства – у Епифания Кипрского, а затем у Космы Индикоплова в его «Топографии» фигурирует среди ангелов стихий²⁰. У комментатора XVI в. Космы Индикоплова старца Псковского Елиазарова монастыря Филофея этот служивший людям ангел «землю напоет влагой и наращение плодам производит»²¹. Сопоставление с миниатюрой из Коттоновой Библии дает основание датировать инталию тем же временем, т.е. V в., и отнести к изделиям эллинистического Египта.

У изображения на этой инталией имеются античные прототипы. В 1995 г. в московский музей Востока из собрания В.В. Павлова поступила гемма овальной формы из горного хрустала (инв. № 46865 КП) с изображением, по определению С.Я. Берзиной, синкретического божества, сочетающего черты Деметры (колосья пшеницы), Ники (крылья), Афины (шлем) и Исиды (якорь) (рис. 11)²². Несколько подобных гемм, датированных II–III вв. н.э. и относимых к Египту, хранятся в королевском Кабинете ме-

¹⁷ Глаголев А. Ветхозаветное библейское учение об ангелах. Киев, 1900. С. 257, 316, 361–365.

¹⁸ Leclercq H. «Anges» // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. T. I. Pt. 2. P., 1907. Col. 2078–2090.

¹⁹ Byzance... P. 142. Fig. 96.

²⁰ Anastos M. The Alexandrian Origin of the Christian Topography of Cosmas Indicopleustes // *Dumbarton Oaks Papers*. T. 3. Washington, 1946. P. 76–80.

²¹ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877. С. 22–28.

²² Приношу благодарность С.Я. Берзиной за предоставленную возможность опубликовать эту гемму и за библиографическую справку.

Рис. 12

Рис. 13

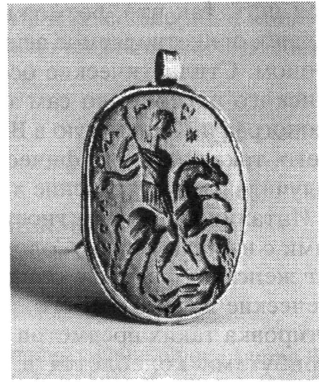

Рис. 14

Рис. 12. Инталия с изображением сцены Благовещения. Горный хрусталь. Сиро-палестинский круг, VI в.

Рис. 13. Литик с изображением Христа на троне. Сиро-палестинский круг, VI в.

Рис. 14. Инталия с изображением Соломона на коне. Гематит, золото. Сиро-палестинский круг, IV в., оправа позднейшая

далее в Гааге²³. Таким образом, можно утверждать, что растительные побеги в руке ангела на эрмитажной гемме – это колосья, повязка на его голове – часть шлема Афины, а закругленные линии в правой части инталии, напоминающие складки туники, – это все, что осталось от якоря Исида, непонятого византийским резчиком. Последний придал ангелу некоторое сходство с вестником триумфа и с ангелом из «Поклонения Кресту». Действительно, ангел держит в руке колосья как пальмовые ветви, которые, перекрещиваясь, образуют крест. Итак, есть достаточно оснований полагать, что на поступившей в Эрмитаж инталии представлен ангел – покровитель и хранитель растительного царства. Подобное изображение на резном камне византийского времени встречено впервые.

Глиптика Сиро-палестинского региона в собрании Эрмитажа представлена прежде всего геммами, изображения на некоторых выполнены с применением особых стилистических приемов, носящих название «штриховой манеры». Характерным примером такой трактовки может служить поступившая из собрания Н.П. Лихачева пирамидальная печать из горного хрусталя (инв. № ω 1091) со сценой Благовещения на штампующей поверхности (рис. 12). Ряд подобных экземпляров имеется в частном собрании в Нью-Йорке²⁴. При всей спорности датировок ранневизантийских изделий из горного хрусталя²⁵ эту категорию памятников принято относить к концу VI – началу VII в. К рубежу VI–VII вв. относится и купленная в 1910 г. у Магомеда Мургузи рубиновая инталия (инв. № ω 197) с поколенным изображением Христа Вседержителя²⁶. В том же стиле выполнено изображение на литике из собрания Н.П. Лихачева (инв. № ω 1329), где представлен сидящий на троне Христос Эммануил, держащий в правой руке увенчанную крестом сферу, а в левой – жезл (рис. 13). За тронем поме-

²³ Catalogue of the Engraved Gems in the Royal Coin Cabinet. The Greek, Etruscan and Roman Collections. The Hague, 1978. P. 292, № 837; 298, № 859 a–b; 256, № 675.

²⁴ Catalogue of the Gems and Ring of the Middle Byzantine Period. March 1 through March 29. N.Y., 1997. № 4, 9–10, 14.

²⁵ Kornbluth G. «Early Byzantine» Crystals of the 6–7 th., 11–12 th. and 20 th. Centuries // Fourteenth Annual Byzantine Studies Conference. Houston, Texas. November 10–13, 1988. P. 15.

²⁶ Банк А.В. Об одном византийском резном камне // СГЭ. 1985. Л. С. 42. Рис. 1 а–б.

щен щит, так что, возможно, здесь изображен Христос-воитель, победивший злое начало, олицетворяемое аспидом и василиском. Некая змееподобная фигура видна под тронном. Стилистические особенности этого памятника характерны для Сиро-палестинского региона, но сам тип изображения имеет в своих истоках императорскую иконографию, принятую в Византии для изображения Христа-триумфатора. Вероятнее всего, такая иконографическая схема была создана в Константинополе, а уже затем получила распространение в других провинциях империи²⁷.

Инталии из разряда гностико-христианских амулетов IV–VI вв. представлены геммами с изображением Соломона на коне, поражающего копьём распростёртую у его ног женскую фигуру – олицетворение зла. На образцах хорошей сохранности видны греческие надписи: «Беги, презренная, тебя преследует Соломон» и «Печать Бога»; датировка таких предметов в зависимости от насыщенности композиции различными атрибутами колеблется в пределах IV–VII вв.²⁸ В собрании Эрмитажа имеется несколько фрагментов таких гемм. Приобретенная у частного лица в 1949 г. гемматитовая инталия (инв. № 1145) хорошей сохранности с изображением всадника, поражающего зло, имеет греческие надписи: на лицевой стороне «Соломон», а на обороте: «Печать Бога» (рис. 14). Она принадлежит к образцам IV в.²⁹ Между головой всадника и коня выгравирована звездочка, придающая композиции астральный характер, что характерно для сасанидских, для так называемых «гностических» и раннехристианских гемм³⁰. Многочисленные находки на Ближнем Востоке гемм, подвесок, браслетов и перстней с описанным сюжетом подтверждают предложенную выше локализацию³¹.

К предтечам христианской сасанидской глиптики относится сердоликовая инталия с изображением Даниила во рву львином (инв. № 381), определяемая как памятник IV в. Сиро-палестинского региона³². Из образцов христианской сасанидской глиптики следует выделить как сиро-палестинский резной камень, поступивший из коллекции Л.А. Перовского, с изображением крылатого персонажа, держащего в руке оканчивающийся крестом посох (инв. № Гл. 193). Одни исследователи полагали, что здесь представлен ангел³³, другие – епископ³⁴. В этих разных интерпретациях нет противоречия, ибо одни авторы акцентировали внимание только на крыльях, другие же – только на посохе, считая крылья частью условно переданного одеяния. На наш взгляд, на таких несторианских геммах запечатлен образ ангела-епископа, духовного хранителя церкви, соответствующего тому описанию, которое имеет место в «Откровении» Иоанна Богослова, обращающегося к семи церквям Азии: Ангелу церкви Ефесской, Ангелу церкви Смирнской и т.д. (Откровение. II. 1.8.12). Несторианские резные камни сохранили этот древний образ, в то время как на собственно византийских памятниках он не употреблялся.

Образцом антиохийской пластики может считаться поступивший из собрания Екатерины II халцедоновый бюст (инв. № 80) императора Юлиана Отступника (361–363)³⁵. Структурные особенности предмета предполагают использование этого скульп-

²⁷ *Zallesskaya V.* Entre l'Orient chrétien et Rom – A propos de quelques intailles paléochrétiennes inédites de l'Ermitage // *Frühes Christentum zwischen Rom und Konstantinopel. Weltkongress für Christliche Archäologie. Resumées.* Wien, 19–26 September 1999. S. 146–147.

²⁸ *Objects with Semitic Inscriptions 1100 B.C. – A.D. 700. Jewish, Early Christian and Byzantine Antiquities.* Auction XXIII, Monday 20 – November 1989 in Zurich. Jerusalem–Zurich, 1989. № 175–199.

²⁹ *Банк А.В.* Гемма с изображением Соломона // *Византийский временник.* 1955. VII. С. 331–338.

³⁰ *Чернецов А.В.* Два перстня-печати из Старой Рязани // *Памятники культуры. Новые открытия,* 1980 г. М., 1981. С. 545–553.

³¹ *Rahmani L.Y.* On some Byzantine Brass Rings in the Collections // *Átiqot,* XVII. Jerusalem, 1985. P. 168–181.

³² *Хвольсон Д.А., Покровский Н.В., Смирнов Я.И.* Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. СПб., 1899. С. 39. Рис. 13.

³³ *Борисов А.Я., Лукошин В.Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 102, № 161.

³⁴ *Никитин А.Б.* Сасанидские христианские геммы // *Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан.* СПб., 1998. С. 184, № 243.

³⁵ *Bank.* Op. cit. P. 271–272. Pl. 6–7.

турного портрета, выполненного в римских традициях, в качестве навершия консульского жезла. Известно, что консульство Юлиана совпало по времени с его пребыванием в Антиохии.

В.Н. Залесская

EARLY BYZANTINE GLYPTIC ART IN THE HERMITAGE
COLLECTION

V.N. Zalesskaya

There are about 25 items of early Byzantine glyptic art in the Hermitage. Quite unique among them are: an AD 4th c. gem with a portrait of the Ulravis family, a chalcedony bust of emperor Julian the Apostate (361–363) and two objects from Egypt: a small nephrite bowl for medicine with a bust of Nike upon it (4th c.) and a cornelian intaglio (5th c.) depicting the patron angel of the vegetable kingdom. Of special artistic value are two Byzantine sardonyx cameos featuring the Annunciation. An intaglio showing the same episode is made of rock crystal, which is quite rare in Byzantine art.

© 2001 г.

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ М.И. РОСТОВЦЕВА О ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Наряду с С. Рейнаком и Э. Миннзом М.И. Ростовцев был одним из тех, кто первым в мировой науке детально разрабатывал проблему скифо-сарматского звериного стиля. Эта тематика привлекала его пристальное внимание при изучении истории и археологии Причерноморской Скифии, хотя, возможно, с декоративно-прикладным искусством кочевников Юга России и Сибири Ростовцев познакомился еще в студенческие годы, занимаясь в семинаре известного историка искусства Н.П. Кондакова – автора капитального труда «Русские древности»¹. Постепенно расширяя хронологические и географические рамки изучаемой проблемы, Ростовцев стал широко привлекать материал Переднего Востока, Сибири и Китая. В рецензии на книгу Э. Миннза «Скифы и греки»² он выступил против точки зрения английского ученого о связи скифского звериного стиля с Сибирью³. «Само происхождение звериного стиля ни в коем случае не может быть связано с Сибирью, – писал Ростовцев, – основные элементы его почти целиком наблюдаются в малоазийском и персидском искусстве эпохи персидской и доперсидской; стиль степей юга России связан отнюдь не с урало-алтайским Севером, а с общим культурным развитием побережья Черного моря, где восточные элементы, переработанные греческой культурой, сохранились в своем архаическом аспекте и получили дальнейшее развитие в духе, свойственном всякой варваризации»⁴.

К проблеме звериного стиля Ростовцев обращается и в своих книгах, написанных до отъезда в научную командировку в июне 1918 г.: «Эллиństwo и иранство на юге России» (Петроград, 1918) и «Скифия и Боспор» (рукопись была закончена в начале 1918 г., издана в Ленинграде в 1925 г.).

Но особенно подробно эта проблема стала разрабатываться Михаилом Ивановичем в первый период его пребывания за границей, хотя, по его собственному признанию, он не имел возможности видеть новые археологические материалы из музеев России и лично ознакомиться с находками русских археологов⁵.

В написанной в Англии и во Франции (частично по-английски и по-французски) и изданной в Оксфорде в 1922 г.⁶ книге «Иранцы и греки в Южной России», где тематика, связанная со звериным стилем, изложена весьма обстоятельно, автор специально отмечал: «Готовя книгу, я не мог постоянно обращаться к оригинальным объектам русских музеев, как это я должен был бы делать, если бы был в России. Я не мог также консультироваться с русскими коллегами по многим вопросам, когда была необхо-

¹ Кондаков Н.П., Толстой И.И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1–6. СПб., 1889–1897.

² Minns E.H. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Camb., 1913.

³ Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Октябрь – ноябрь. Отд. 2. С. 173–194.

⁴ Там же. С. 178.

⁵ См. Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 312 слл.

⁶ Судя по переписке с Э. Миннзом, Ростовцев завершил написание книги в конце 1919 г., будучи еще в Англии (см. Скифский роман. С. 312–313).

димось получить их помощь. К сожалению, Россия закрыта для меня на долгое время. Это объясняет, почему я был вынужден по памяти цитировать многие книги и статьи, которые остались в моей личной библиотеке в Петрограде»⁷.

Но с помощью Э. Миннза и своих друзей, работающих в России, Ростовцев старается получать новые русские издания, специальное внимание все больше уделяет китайско-скифским параллелям, знакомится с китайскими коллекциями в музеях Европы, пишет серию статей по этой тематике, изучает частную коллекцию китайских вещей антиквара С.Т. Лоо.

В статье «Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль», опубликованной в Праге в 1929 г., Ростовцев, высоко оценивая значимость этой частной коллекции, писал: «Я много раз собирался опубликовать имеющийся в моих руках материал, опубликовать и сопоставить его со «скифскими» и «сарматскими» вещами юга России и Средней Азии. В 1922 г. по предложению Лукомского⁸ я написал об этом большую статью для журнала "L'Art Russe", о чем и оповестил ученый мир в одном примечании своей книги "Iranians and Greeks in South Russia", Oxf., 1922⁹. Журнал, как известно, не родился, и статья и по сей день лежит в моем столе»¹⁰.

В фонде Ростовцева в архиве Йельского университета мне посчастливилось обнаружить текст этой статьи¹¹ (напечатан на машинке, к тесту приложен список иллюстраций, однако в настоящем номере ВДИ они не публикуются и указания на них сняты). В архивном деле проставлена дата – «1922», но сам Ростовцев называл другую дату написания статьи – 1921¹². В это время он находился в Мэдисоне, где с осени 1920 г. преподавал в Висконсинском университете; на последнем листе текста напечатано Madison (Wis). На основании этой статьи Ростовцев подготовил курс лекций, которые он прочитал в августе 1925 г. в Принстонском университете под патронажем «Гарвардско-Принстонского клуба изящных искусств» (Harvard-Princeton Fine Arts Club). Вот как сам Ростовцев соотносит текст статьи с лекциями и книгой на английском языке, увидевшей свет лишь в 1929 г.: «Статья эта была переработана мною для курса лекций в Princeton в 1925 году, и переработанная рукопись, а также материал для 35 таблиц сданы в печать в начале 1926 года»¹³.

Ростовцев также писал об этом и в предисловии к книге на английском языке: «Концепция, изложенная в этих лекциях, была сформулирована и подготовлена к публикации (по-русски) еще в 1921 г. На это предполагаемое издание я сослался в библиографии к моей книге *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, но статья так и не была напечатана: журнал, для которого она была подготовлена, не появился»¹⁴. Издание книги задерживалось, и для сборника «ΣΚΥΘΙΚΑ», печатавшегося в Праге, Ростовцев написал специальную статью «Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль» (статья была издана в 1929 г. с параллельным французским текстом). Ученый сам объяснил причины написания статьи для *Seminarium Kondakovianum*: «Так как я надеюсь, что книга эта (речь идет о книге "The Animal Style in South Russia and China". – Г.Б.-Л.) все-таки когда-нибудь появится, я в этой статье не буду производить там воспроизведенный материал. За три года, однако, набралось столько нового и чрезвычайно важного материала, который должен был бы войти в книгу, что я счел полезным поговорить о нем теперь же, отсылая читателя к вышеупомянутой книге за

⁷ *Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia*. Oxf., 1922. P. IX.

⁸ Г.К. Лукомский (1884–1953) – художник, деятель культуры, в Париже организовывались выставки его картин и рисунков.

⁹ *Rostovtzeff. Iranians and Greeks...* P. 237. Not. 16.

¹⁰ См. *Ростовцев М.И. Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль // ΣΚΥΘΙΚΑ. Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1929. Статья была перепечатана в 1993 г. в сборнике под тем же названием – ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. СПб., 1993. С. 57–75.

¹¹ M.I. Rostovtzeff's Papers. Manuscripts and Archives. Yale University Library. № 1113, Series 13, Box 13, Folder 135. Текст напечатан по правилам старой орфографии.

¹² См. *Rostovtzeff M. The Animal Style in South Russia and China*. Princeton, 1929. P. IX.

¹³ См. *Ростовцев. Средняя Азия...* С. 9.

¹⁴ См. *Rostovtzeff. The Animal Style...* P. IX.

библиографией и научным аппаратом. Эта статья – как бы “Supplementum prodromi corporis monumentorum Asiae Mediae”»¹⁵.

Итак, обнаруженная мною в архиве Йельского университета статья Ростовцева нигде раньше не публиковалась. Более того, на основных ее идеях базировалась книга ученого, изданная в Принстоне в 1929 г. По словам Ростовцева, «эта русская работа появляется теперь по-английски в расширенном и переделанном виде, поскольку со времени написания этой первоначальной статьи я имел возможность ознакомиться с многочисленным новым материалом, что изменило некоторые из моих взглядов на эволюцию звериного стиля»¹⁶.

Сопоставление статьи 1921 г. с английской книгой, сданной в печать в 1926 г., показывает, что при содержательной преемственности оба текста весьма разнятся друг от друга: значительно увеличен объем (почти в три раза) и количество иллюстраций, введен новый археологический материал, в том числе и из музеев Западной Европы и США, уточнены и более аргументированно доказаны концепции 1921 г., упорядочена и изменена структура книги (вместо 3 глав в книге 4 главы). Однако значимость публикации обнаруженной в архиве статьи безусловно сохраняется – русский текст никогда не был издан, и именно теперь можно проследить эволюцию взглядов Ростовцева на происхождение и развитие звериного стиля¹⁷.

Г.М. Бонгард-Левин

ЮГ РОССИИ И КИТАЙ – ДВА ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

1. ЮГ РОССИИ

Одной из самых характерных особенностей или, лучше, господствующей особенностью развития орнаментального искусства на юге России среди населявших ее сначала скифских, а затем сарматских племен является звериный стиль в орнаментике, имевший здесь свои законы и свою эволюцию.

На юг России звериный стиль пришел окончательно сформированным, с большинством своих отличительных особенностей. Насколько можно судить по предметам, добытым более чем вековыми раскопками в курганах юга России, прецедентов звериного стиля в том виде, в каком мы его застаем на юге России, надо искать не в степях юга России, а где-то вне их. Где – это вопрос до сих пор не разрешенный, ответ на который я попытаюсь дать в этой статье.

Установим сначала хронологию. Древнейшие памятники звериного стиля на юге России, если отвлечься от находок Кубанской области медного века, от которых нет эволюционного перехода к памятникам эпохи господства скифов на юге России, относятся к VI веку до Р. Хр. Найдены они в царских гробницах этого времени, сосредоточенных, главным образом, в долине реки Кубани, но разбросанных также по всему пространству степей юга России. Отдельные находки заходят и дальше на запад, вплоть до Лужицкой области и степей Венгрии. Инвентарь этих гробниц сложный и богатый. Он состоит преимущественно из различного рода сосудов, предметов мужского, женского и конского убора, оружия и некоторых предметов обихода. Среди вещей этого инвентаря легко выделить предметы, ввезенные из греко-восточной М[алой] Азии, и предметы, сработанные в господствовавшем тогда на Ближнем Востоке позднеассирийском стиле. Но рядом с этими предметами, особенно в составе

¹⁵ См. *Ростовцев. Средняя Азия...* С. 9.

¹⁶ *Rostovtzeff. The Animal Style...* P. IX.

¹⁷ Пользуясь случаем, хочу выразить признательность за помощь в подготовке публикации Д.С. Раевскому, В.Ю. Зуеву и А.А. Немировскому. В статье сохранены по возможности авторские стиль, орфография и пунктуация.

металлических частей конского убора и среди богато украшенных золотом и серебром предметов вооружения, имеются вещи, орнаментированные в ином стиле и по иным декоративным принципам, по большей части чуждым как позднеассирийскому, так и греко-малоазийскому искусству. Стиль этот давно уже наблюден и давно уже назван звериным, так как основным элементом, можно сказать единственным, являются фигуры зверей, частью изображенных натуралистически, частью в большей или меньшей мере стилизованных. Наряду с целыми фигурами зверей элементами орнаментации являются и части их: головы и ноги, но чаще всего головы(?). Стилизация иногда заходит так далеко, что головы зверей сводятся к наиболее основным их частям, наиболее характерным и бросающимся в глаза. У птиц – к клюву и глазу, у хищников – к глазам, ушам и зубам и т.п.

Существование этого стиля, как я уже сказал, давно уже замечено, но анализа его и его истории на юге России до сих пор никто не дал. Остановимся на древнейшем периоде этого стиля, на его памятниках, относящихся к VI веку до Р. Хр. Главные находки этого времени сделаны в курганах Кубанской области, а именно в станице Келермешской, Ульском ауле, Костромской станице и др. Почти все открытия сделаны покойным Н.И. Веселовским, знания которого в истории русской археологии далеко еще не оценены по заслугам. Тому же времени принадлежат также некоторые находки в западной части степей юга России; я имею в виду находку ген[ерала] Мельгунова в 18 вер[стах] около Елизаветграда (Литой Курган), дающую поразительные аналогии Келермешским вещам; инвентарь погребения Золотого Кургана около Симферополя в Крыму (раскопка Н.И. Веселовского 1896 г.); вещи, найденные в курганах около хутора Шумейко Полтавской губ[ернии] (около Ромен). Несколько более позднему времени принадлежит находка в Феттерсфельде в Лужицкой области (восточ[ная] Пруссия) и несколько одновременных этой находке находок на Кубани и в днепровских степях (глав[ным] обр[азом] в Семибратних курганах на Кубани и в курганах около древнего Нимфея – Эль-Теген в Крыму).

Основными элементами звериного стиля этой эпохи являются: 1) придание известному предмету формы зверя или части зверя; 2) украшение предмета фигурами зверей почти сплошь; 3) группировка этих зверей примитивным способом – рядами, не группами; 4) стремление заполнить фигурой или фигурами зверя все орнаментируемое пространство; 5) придание для этой цели зверям положений, хотя в основе своей и наблюденных, т.е. натуралистических, но утрированных; таково, например, антиномическое положение зверя: голова в одну сторону, тело в другую, или даже передняя часть тела в одном направлении, задняя в другом, вплоть до придания передней половине естественного положения, задней обратного; к той же области относится изображение животных в позе прыжка с подогнутыми ногами или свернувшимися клубком, когда надо заполнить круглое пространство, причем зверю придается положение как бы кусающего свой собственный хвост; звери в этом положении часто удваиваются; 6) стремление заполнить фигурами или частями фигур зверей не только орнаментируемый предмет, но и сами фигуры зверей, т.е. изображение зверей или частей их на зверях или частях зверей; 7) трактовка оконечностей зверей – лап, хвостов, ушей, как целых зверей или как частей зверей, причем особо любимыми мотивами являются клюв и глаз грифона или птицы и фигура льва.

Сочетание всех этих особенностей и дает специальный звериный стиль. Из этих особенностей некоторые мы находим и в позднеассирийском искусстве, например, особенности 3–5. Но от этого искусства древнейшее скифское отличается тем, что оно все свои мотивы развивает до крайних пределов, удерживает в группировке зверей древний доисторический принцип несочетания зверей в группы, не воспринимает, например, геральдической группировки зверей или групп зверей борющихся, не сочетает, наконец, зверей с людьми и, главное, орнаментирует зверей до последних пределов. Особо любимым орнаментом являются клюв и глаз птицы, из которых создаются целые орнаментальные симфонии, чрезвычайно причудливого характера, а также свернувшаяся клубком фигура хищника. Наиболее благородным орнаменталь-

ным мотивом этого периода являются клюв и глаз птицы; этот мотив сильно геометризируется и имеет тенденцию превратиться в спираль: тот же процесс, который мы наблюдаем в наиболее ранних памятниках орнаментального искусства – керамике некрополя Сус в Персии, принадлежащей еще неолитическому периоду (около 4000 лет до Р. Хр.), где ту же роль играют рога козла.

Типичными примерами развитого звериного стиля VI века до Р. Хр. могут служить следующие предметы (выбираю наиболее характерные; число их можно было бы увеличить до бесконечности).

1. Бронзовое навершие шеста из Ульского аула в Кубанской области (два экземпляра). Шесты с такими навершиями обычно служили подпорками рамы погребального балдахина. Навершия этих шестов почти всегда имеют либо форму огромного бубенчика, увенчанного головой зверя, либо форму головы зверя или целого зверя. Они были в ходу в Скифии вплоть до последних времен скифского государства. Бронзовое навершие из Ульского аула имеет форму огромной головы хищной птицы, сведенной до большого глаза, имеющего форму человеческого глаза, и до клюва, завитого в спираль. Борт этой головы украшен рядом постепенно уменьшающихся таких же глаз и клювов (несколько концентрических кругов – глаз и ряд линий, сгруппированных по принципу среднего между меандром и спиралью). Центр занят таким же сочетанием глаза и клюва, но с присоединением уха, что указывает на голову грифона как на прототип этого орнамента. Наконец, нижняя часть площади предмета занята фигурой лежащего горного козла: туловище влево, голова вправо, с огромными рогами.

2. Железная боевая секира, обложенная золотым листом (за исключением лезвия) из Келермеша. Этот предмет интересен и как типичный образчик скифского звериного стиля, и как один из примеров сочетания этого стиля с мотивами несомненно ассирийского происхождения. Ручка секиры украшена в чистом скифском зверином стиле, обух и нож ручки – ассирийскими мотивами. Это указывает на то, что скифский звериный стиль в III и VI вв. до Р. Хр. пришел в тесное соприкосновение с неоассирийским искусством, но не слился с ним, а только механически сочетался. Вся ручка секиры украшена длинными рядами зверей, частью лежащих, частью стоящих. Эти звери трех типов: олени и антилопы разных пород, дикие кабаны и какие-то хищники, больше всего напоминающие медведей. В трактовке этих зверей мы наблюдаем интересное, уже знакомое нам сочетание натурализма и орнаментализма. Тип зверей превосходно наблюден, но тела и головы их трактованы чисто орнаментально, например рога оленей и антилоп, сочленения, копыта, грива и мех кабанов и т.д. Обращу особое внимание на двух зверей – кабана и медведя. Копытам кабана придана форма двух орлиных клювов с одним глазом или головы грифона (ухо, глаз, клюв). Лапы медведя трактованы как орлиные головы. В Келермешской секире интересно то, что выбор зверей иной, чем в остальных памятниках того же стиля. Нет того ограничения, которое мы наблюдаем обычно. Львы, орлы, грифоны, козлы. Фауна богата и типична; я бы сказал – фауна южных частей Средней Азии или Персии. Но принципы орнаментации те же, что и везде.

3. Опишу еще один характерный предмет, типичный для западной части архаической Скифии. Это наконечник ремня из бронзы, покрытый золотым листом, найденный в с. Деревки на р. Ворскле (Харьковской губ.). Подобные наконечники ремней обычны в бассейне Днепра и степях между Доном и Днепром. Отсюда они распространились и по средней и восточной России (могильники Ананьевский и Зуевский), на которые скифский звериный стиль имел огромное влияние, идя туда и по Дону из Кубанской области, и по Днепру и Бугу из западной Скифии. Наконечники эти имеют крестообразную форму. Концы креста обычно имеют форму кружков. На экземпляре из с. Деревки все кружки заполнены свернувшейся фигурой льва, держащего в лапах и в пасти другое животное, вероятно дикого осла или онагра, очень популярного зверя в скифской звериной архаике. Прямая ручка креста заполнена четырьмя фигурами лежащих стилизованных львов.

В более позднее время – в V, IV и III вв. до Р. Хр. принципы звериного стиля на юге

России остаются те же и отдельные его мотивы повторяются в разнообразных сочетаниях. Но замечаются и новшества. Принципы остаются теми же, но часто звери изображаются не в восточном стиле, а в стиле ионийских греков: явный признак того, что на скифов начали работать ионийские греки. Они же и рядом с ними другие более или менее эллинизованные малоазийские мастера вводят и другие новшества. Появляется и завоевывает все большую и большую популярность геральдическая группа зверей, изобретенная шумерско-вавилонской Месопотамией и нашедшая себе широкое распространение в М[алой] Азии, Эгейском мире и Греции. Звери сочетаются в группы двух или трех борющихся зверей разных пород. Из этих групп подчас создается пышная звериная вязь: также изобретение шумерско-вавилонской Месопотамии. Огромной популярностью начинают пользоваться вышперечисленные фантастические звери – грифоны и дракон. Успехом пользуется и восточный мотив развернутого зверя: с одной головой и двумя туловищами в геральдической группировке. Звериный орнамент начинает соединяться с растительным – восточногреческим и чисто греческим, причем создаются причудливые сочетания. В духе растительного орнамента перерабатывается и звериный: из зверей создаются пальметки; птичьи головы превращаются в завитки; хвосты зверей – в побеги. Наблюдается тенденция и к геометризации звериного орнамента. Наконец, создаются и новые причудливые звери-драконы с оленьими рогами, причудливые сочетания птичьих голов и т.п. Но человеческая фигура из всей этой богатейшей гаммы новых мотивов исключена совершенно. Единственным исключением является фигура полужвериной богини – матери зверей.

Количество памятников этой эпохи, хранящихся в русских и иностранных музеях, огромно. Погребения, в которых находятся подобного рода памятники, надо считать сотнями. Они рассеяны по всему югу России и северной части Балканского полуострова, покрывая собой пространство могучего скифского царства V и IV вв. до Р. Хр. Перечислять отдельные погребения было бы долго и бесполезно. Наиболее важные из них описаны в моей печатающейся книге: "Исследования по истории Скифии и Боспора", т. I.

Характерно, однако, что ионийское влияние, как раньше ассирийское, проникает преимущественно в вещи, изготовленные из драгоценных металлов – золота и серебра. Но на подделках из бронзы, преимущественно на украшениях конских уздечек, это влияние сказывается мало или, во всяком случае, перерабатывается и стилистически в духе южно-русского звериного стиля, в духе основных его принципов. Таковы, например, богатейшие бронзовые украшения уздечек из Семибратних курганов (V и IV вв. до Р. Хр.) и особенно разнообразнейшие украшения уздечек из курганов Елизаветинской станицы IV в. до Р. Хр., добытые раскопками Н.И. Веселовского во время войны (1915 и 1916 гг.). В них мы имеем необычайно разнообразную симфонию мотивов звериного стиля, частью заимствованных у ассирийско-иранского искусства, но переработанных в совершенно новом не ионийском и не ассирийском духе, очевидно местными, а не греческими и даже не персидскими мастерами. Я обращаю особое внимание читателя на некоторые части конского убора из уже упомянутых Семибратних, Нимфейских и Елизаветинских курганов, частью опубликованных мною в моей английской книге, частью публикуемых здесь впервые. Интересны оригинальное сочетание пальметки с головою лося; пальметки – навершия псалиев, составленные из двух геральдически сопоставленных оленей, львов или драконов; пальметки-псалии, развивающиеся то из рогов лося, то из рогов северного оленя; такие же пальметки из трех голов львов на длинных шеях; причудливое сочетание в солнечный круг голов козлов и других животных; фантастический, чисто орнаментальный грифон, иногда с вывернутым туловищем и с рогами оленя.

Все эти мотивы – прямой дериват скифского звериного стиля VI в. до Р. Хр.; они, конечно, могли быть созданы только теми, кто чувствовал оригинальность и своеобразную прелесть этого стиля, т.е. ни в коем случае не греческими мастерами. В этих вещах слишком много своей, не греческой и не ассирийско-малоазийской концепции,

какая-то своя особая сила в сочетании и трактовке отдельных мотивов, свой уже утонченный вкус, свой оригинальный и рафинированный ритм, свои особенные взгляды на красоту. Не забудем и то, что и фауна этого звериного стиля своя, не классическая: наряду с фантастическими животными мы видим таких специфических зверей севера, как лось и северный олень, кабан, волк.

Этот звериный стиль распространился на широком пространстве. Мы застаем его не только на Кубани и в Крыму, но и во всех степях юга России между Уралом и Бугом или даже Днестром и далее на запад на Дунае – в Румынии и Болгарии. Но надо заметить, что чем далее на запад и чем ближе к III в. до Р. Хр., чем дальше от животворящей силы Центральной Азии, тем мотивы этого стиля делаются все более и более трафаретными, сухими, безжизненными, простыми повторениями того, что живет и очевидно создается дольше на Востоке. Интересно сравнить вышеразобранные конские украшения Кубани с уздечными металлическими наборами курганов Приднепровья IV и III вв. до Р. Хр. Мы их имеем бесконечное количество. В них нет ни выдумки, ни стиля: это повторение, а не творчество.

И интересно, что памятники этого района и этого времени повторяются в деталях во всех подробностях и в последних находках, сделанных на Дунае.

Ясно, что на Днепре и еще больше на Дунае стиль оторвался от своей базы, попал в чужую среду племен иного происхождения, последовал за немногими завоевателями и постепенно выродился. Не понимаю, как можно говорить о вещах звериного стиля, найденных на Дунае, как о памятниках фракийского искусства. С фракийцами они не имеют ничего общего и принесены к ним скифскими завоевателями с Востока. Здесь, как и на Днепре, в чужой среде населения, не знавшего и не чувствовавшего этого стиля, звериный стиль захирел. Не забудем, что на Днепре и на Дунае скифы были горстью завоевателей в море чуждого им населения, и там и здесь, может быть, фракийского происхождения. Этой одинаковой базой, вероятно, объясняется и одинаковый ход вырождения звериного стиля и на Днепре, и на Дунае. Ту же судьбу испытало в тех же местностях и греческое ионийское искусство, выродившееся в руках местных мастеров.

Не таков настоящий восточный звериный стиль. Он груб и резок, но в нем есть сила, и сила заражающая. В истории орнаментального искусства это новое слово, иное, чем то, которое было сказано греками с их нежным и тонким растительным орнаментом, резко отклоняющим всякие орнаментальные звериные мотивы, во всяком случае для развития орнамента как такового. На юге России в зверином стиле этой части культурного мира задача художника – именно создать орнамент или систему орнамента из звериных мотивов, из целых зверей или частей зверей и именно этим звериный стиль юга России разнится от обычая пользоваться более или менее натуралистическими фигурами зверей для украшения того или другого предмета, обычая, бывшего в ходу и в архаической Греции, в ее ориентализирующем искусстве, и позднее в Греции классической и эллинистической, и в греко-римском мире. Прошу помнить, что, когда я говорю о зверином стиле, я говорю именно о художественной попытке использовать зверя так же, как египетское искусство использовало лотос и папирус, а греческий аканф – каллу, плющ, виноградные ветви и т.п.

Отмечу еще один характерный для скифского звериного стиля факт. В раннем развитии скифский звериный стиль не чужд тенденции к полихромии, но позднее он о полихромии забывает и разрешает исключительно ритмические задачи. Его, как и современное ему греческое искусство, интересуют, главным образом, вопросы формы, органического сочетания мотивов, а не богатство и разнообразие тонов и красок. Некоторый намек на полихромную тенденцию можно видеть только в ажурной технике, преобладающей в предметах конского убора. С постоянным вытеснением скифов из степей южной России в Крым и Добруджу начиная с III в. до Р. Хр. звериный стиль не перестал быть господствующим в памятниках искусства, изготовленных на юге России и для юга России. Преемники скифов сарматы, занявшие южнорусские степи в IV, III и II вв. до Р. Хр., несомненно принадлежали, как, вероятно, и скифы, к

иранскому племени. Они усиленно культивировали и распространяли звериный стиль во всех тех местностях, которые они занимали: от границ Китая через Сибирь и Среднюю Азию до берегов Евфрата на юге и до берегов Дуная на севере. Особенно пышно развился звериный стиль в северной части этой огромной области: в Западной Сибири, на Алтае, вероятно в Туркестане и вплоть до Дона. На юге искусство и художественное ремесло парфян и индо-скифов поддались сильному влиянию греческого эллинистического искусства, а также пережитков древнего ассиро-персидского искусства и создали особую ветвь восточно-греческого искусства – парфянскую и североиндийскую, где звериный стиль не играл главной роли и появляется только на втором плане, субсидиарно. Отдельную область иранского сарматского искусства составляет и долина реки Кубани, заселенная аланами. Она стояла в теснейшей связи с полугреческим Боспорским Царством, издавна бывшим проводником эллинизма среди североиранских племен и сильно влиявшим в течение веков на Скифию. В этой области звериный стиль почти всецело вытеснен был в торевтике и ювелирном деле стилем полихромным. Этот стиль поставил себе задачи преимущественно колористические, разрешение которых достигалось при помощи сочетания золота и серебра с разнообразными цветными драгоценными и полудрагоценными камнями в технике позднейшей перегородчатой эмали. Вместо эмали стиль этот пользуется разноцветными камнями и отчасти стеклом. Эта полихромная тенденция, эта любовь к колористическим эффектам исконна в восточном искусстве вообще и в североиранском в частности, как раз в этой ее специфической форме. Об этом так ярко свидетельствуют вышеуказанные памятники II и I вв. до Р. Хр., найденные на юге России. Полихромный стиль торевтики и ювелирного дела на юге России имеет огромное значение для средневековой Европы, так как он именно через посредство аланов, заразивших им готов и гуннов, сделался господствующим стилем в ювелирном искусстве Западной Европы эпохи так называемого Переселения народов и раннего средневековья.

Но полихромный геометрический и геометризующий стиль аланов и Боспорского Царства не убил звериного стиля в степях юга России. Сарматские племена, в противоположность скифским, никогда не представляли из себя ни политического, ни культурного, ни художественного единства. Их разбросанные группы, часть которых уже во II в. до Р. Хр., дошла до границ Римской империи и заняла часть придунайских областей, часть же составляла господствующий класс населения в Средней Азии, Туркестане и Зап[адной] Сибири, имели каждая свою историю, подверглись каждая влиянию соседей и создали каждая свою вариацию основных элементов среднеазиатской культуры эпохи эллинизма и Ранней Римской империи.

Ряд памятников, найденных в степях между Доном и Днепром и далее на запад, в бассейне Дуная, в Румынии и Болгарии, памятников, относящихся к III–I вв. до Р. Хр., характеризует одну из ветвей этой культуры первых сарматских племен, пришедших на юг России, – языгов и роксоланов. Этим памятникам, до сих пор не выделенным в особую группу и не исследованным, я посвящаю особую статью. Основную особенность искусства этой группы сарматских племен является, прежде всего, унаследование наиболее поздней фазы скифского искусства, той фазы, в которой мы застаем это искусство в III в. до Р. Хр. на Днепре и на Дунае. Но рядом с этим мы имеем и новшества, о некоторых из которых, ближайшим образом связанных с темой этой статьи, я скажу несколько слов. Характерными образчиками этих новшеств являются некоторые предметы, найденные в богатых погребениях Александропольского кургана.

Обращу особое внимание на четыре золотые круглые бляхи из Александропольского кургана, дату которого я установил, надеюсь, окончательно. Это III в. до Р. Хр., вероятно, самое его начало. Все четыре бляхи украшены фигурами зверей: одна – фигурой орла, другая – льва со змеей в пасти и птицей перед ним, третья – Пегаса с рыбым хвостом, крылатого гиппокампа и рыбы, четвертая – быка. Помимо негреческого стиля трактовки всех этих животных, хотя и не чуждого влияния ионийской, т.е.

малоазиатской архаики, негреческая отделка оперения орла [sic!], в этих бляхах особенно интересен орнамент, окружающий зверей. Это либо спирали в виде восьмерки, либо сочетание спиралей этого же типа с так называемым киматием, или волнами и пальметками, образующими род сплошного фона, напоминающими облака.

Мы увидим ниже, как прочно привились эти орнаментальные мотивы в искусстве сарматских племен, но особенно важно и интересно, что как раз эту спираль – облако мы найдем, как одну из наиболее характерных особенностей китайского искусства эпохи династии Хан. Вещи Александропольского кургана составляют мост между скифскими и сарматскими периодами в жизни юга России. В них мы замечаем уже и свойственную более поздним западносарматским вещам тенденцию, наряду со звериным стилем, широко пользоваться достижениями неоиранского искусства Парфии, о котором уже была речь, искусства, стоящего под сильнейшим влиянием греко-восточного искусства Понта, Армении и Месопотамии эпохи эллинизма.

Это сказывается и в оживлении стремления пользоваться для орнаментальных целей натуралистическими фигурами зверей, и в создании антропоморфических фигур для богов позднеиранского Пантеона, и, наконец, в попытках изобразить в живописи и в скульптуре сцены из военно-политической и религиозной жизни позднескифских, раннесарматских и фракийских племен. Наряду с ирано-греческим и греческим влиянием это искусство испытало и влияние кельтских племен М[алой] Азии и Дуная, с которыми скифы и позднее сарматы пришли в тесное соприкосновение.

В результате создался своеобразный, очень грубый и примитивный стиль, представляемый которого для сарматской эпохи более поздней, чем время Александропольского кургана, являются многочисленные предметы конского убранства, преимущественно из серебра, найденные и на юге России (Ахтанизовский, Сиверский, Таганрогский и Федуловский клады), и в Понте (бляхи Cabinet des Medailles в Париже), и в Болгарии (несколько недавних находок, о которых я буду говорить в особой статье), и в Румынии (находка в Пароине и часть знаменитого клада из Петроасы), и даже в Германии (знаменитый котел из Гундеструпа). Эта ветвь скифо-сарматского искусства нуждается, однако, в специальном и подробном исследовании, которого я здесь дать не могу. Она влияла и влияла сильно, наряду с полихромным стилем аланов и Боспора того же времени, на позднеантичное и раннесредневековое искусство Европы.

Иной была судьба звериного стиля в восточных и северных областях сарматской культуры, где он остался господствующим и имел свою органическую эволюцию. Наиболее ранние находки этого стиля сделаны на Кубани (великолепный пояс, найденный в Майкопе, о котором речь будет идти ниже) и на Дону (знаменитый Новочеркасский клад). Но главный центр его не здесь, а в Зап[адной] Сибири, может быть на Алтае, и в восточной России – на Урале и по течению р. Камы. Что он развился из тех же основ, из которых развился и полихромный аланский стиль, ясно из того, что и он в ранних своих стадиях имеет определенный вкус к полихромии. Но на Кубани и в Керчи полихромия убила звериный стиль, здесь же она с ним органически слилась и постепенно была им вытеснена почти совершенно.

Этот северо- и восточносарматский стиль немногим разнится от скифского и, очевидно, покоится на тех же основаниях. Главная его отличительная черта та, что он оперирует почти исключительно с группами животных, причем нередко оживляет эти группы и пейзажными элементами. Мы видели, что это, за исключением нейтральных элементов, уже было характерной особенностью и позднейшего скифского звериного стиля. Другой его особенностью является внесение пафоса в группы борющихся животных. Блестящим образцом этого реалистического пафоса с чисто орнаментальными заданиями является недавно найденный в Майкопе серебряный золоченый и украшенный разноцветными камнями пояс с пряжкой, изображающей грифона, убивающего лошадь. Pendant к этой группе составляет такая же золотая пряжка, найденная в XVIII в. в Зап[адной] Сибири, где грифон-орел заменен грифоном-львом. Сила пафоса этих вещей поразительна. Смерть лошади изображена с таким потрясающим реализмом, до которого даже не дошли великие анималисты нового Ассирий-

ского Царства. Не менее экспрессивны и фигуры хищников с их могучим напряжением всех мускулов тела, настоящие шедевры в области изображения могучего хищничества. Не может быть сомнения, что перед нами последние произведения той школы реалистических анималистов, художников пафоса и движения, которые играют такую видную роль в истории новоассирийского искусства. Но при том оба памятника чисто декоративны и трактованы всецело в орнаментальном духе скифо-сарматского звериного стиля. Художник не постеснялся подчинить фигуру лошади орнаментальному заданию, вывернув наизнанку задние ноги лошади. Он, не колеблясь, посадил всюду, где только можно было, самоцветные камни в технике перегородчатой эмали. Он, наконец, в Майкопском поясе умело соединил центральную реалистическую группу с серией крыльев, составляющих оправу пояса. В сибирской пряжке он присоединил ряд стилизованных деревьев – дань увлечения художников его школы пейзажными элементами.

Майкопский пояс – настоящий шедевр и, притом, уник среди предметов древнего искусства. Датировать мне его пришлось гадательно, так как параллелей ему, кроме сибирских блях и китайских вещей (о которых ниже), я не знал; сибирские и китайские бляхи сами должны еще были быть датированы (мнения о их дате различных ученых расходятся). Тем более приятно мне было найти в Британском музее почти двойник Майкопского пояса, купленный Британским музеем в 1910 г. и найденный, по словам продавца, в Болгарии, что я считаю весьма вероятным. Вместе с поясом (бронзовым) найдена была типичная (также бронзовая) бляшка конского убора звериного стиля, предоставленная и в других находках Болгарии позднескифского периода, о которых речь была выше. Ее особенностью, однако, является то, что и она, как и пояс, полихромна. Как и пояс, она украшена вставками из красного стекла (?) в технике перегородчатой эмали. И на поясе из Болгарии мы имеем пряжку, составленную из группы ажурных зверей, стилизованных в духе скифского звериного стиля. Сопоставление здесь орнаментальное и механическое, а не художественное и эстетическое, как на Майкопском поясе. Аграфу пряжки придана форма орла, клюв которого входит в паз пряжки, которым служит голова большого дикого кабана, движущегося влево. Над задней частью тела кабана видна голова оленя с ветвистыми рогами.

Вся площадь самого пояса покрыта, как и на Майкопском поясе, орнаментом из области мотивов звериного стиля. Вместо крыльев – это на поясе из Болгарии головы орла, расположенные так же, как крылья Майкопского пояса (веером). Базой им служит полихромная геометрическая фигура в технике перегородчатой эмали.

В художественном отношении Болгарский пояс, хотя и восходит к тому же прототипу, что и Майкопский, стоит, однако, гораздо ниже его. Я уже говорил о зверях пряжки. Орнаментальный мотив голов орлов также значительно менее удачен и красив, чем мотив крыльев Майкопского пояса. Но Болгарский пояс драгоценен тем, что позволяет нам удачно датировать всю ту серию предметов, которой мы занимаемся. Фигуры зверей пряжки являются как бы сколком с фигур зверей Александропольского кургана. Найденная с поясом бляшка конского убора встречается бесконечное число раз в Приднестровье и Придунайских странах в III в. до Р. Хр. Наконец, фигура орла почти повторяет знаменитую фигуру орла Сибирских находок, хорошо известную всем, интересующимся историей искусства. Не может быть, таким образом, сомнений, что пояса Майкопский и Болгарский тесно примыкают по времени своему к позднескифскому звериному стилю, открывая, однако, собой новую эпоху в развитии звериного стиля вообще. Это последние звенья старой и первые новой цепи памятников.

Восточный и северный сарматский звериный стиль в ранней его стадии нам известен, главным образом, по находкам, сделанным на Дону (Новочеркасский клад), в Зап[адной] Сибири (упомянутые находки XVIII в., ныне в Эрмитаже, часть где-то в Голландии), на Алтае (находки В. Радлова) и в Сибири же около Минусинска (основа в музее г. Минусинска, часть в Гельсингфорсе). Принципы звериного стиля во всех этих вещах, как уже сказано, те же, что и в позднем скифском зверином стиле. Повторяют эти принципы, конечно, излишне.

Излишне также приводить и изображать здесь отдельные памятники большой Сибирской находки: лучшие представители северо-восточной ветви сарматского звериного стиля. Они достаточно хорошо известны по «Русским древностям» Толстого и Кондакова, по публикациям Радлова в «Материалах по археологии России» и по книге De Linas о перегородчатой эмали. Кое-что из этой находки переиздано и в книге Миннза. Новое издание всех этих памятников действительно необходимо.

Считаю, однако, необходимым указать на то, что, как в свое время звериный стиль VI и V вв. до Р. Хр., сарматский звериный стиль III и последующих веков до и после Р. Хр. имел огромное влияние на развитие орнаментального искусства доисторической России, а через нее и северной Европы эпохи Римской Империи и раннего средневековья. Одна ветвь сибирского сарматского звериного стиля прочно укрепилась на берегах Камы, средней и верхней Волги и имела там свое богатое развитие. Через финнов и скандинавских моряков эта ветвь дошла до берегов Белого и Понтийского морей, с берегов Балтики попала и в Скандинавию, где несомненно повлияла на развитие хорошо известного, особенно по поделкам из дерева, скандинавского звериного стиля, в свою очередь, так сильно отразившегося на стиле и орнаментах искусства остальной Зап[адной] Европы. Надо, однако, помнить, что одновременно на искусство Зап[адной] Европы эпохи переселения народов и раннего средневековья влияла и другая, южная волна того же сарматского звериного стиля, вошедшая в состав Парфянского и Сасанидского, а через них и Византийского искусства. Кое-какие элементы звериного стиля попали, наконец, в Зап[адную] Европу и с аланами и готами, носителями того великого полихромного стиля, который сделался стилем ювелирного дела раннесредневековой Европы на многие столетия.

Такова история звериного стиля в южной России и Сибири. Возникает вопрос, где его родина, т.е. родина того звериного стиля, который типичен для юга России? Мы видели, что многие, часто основные элементы его свойственны уже шумерийско-вавилонскому и ассирийскому искусству. Мы видели, что на юг России влияла и М[алая] Азия, и Ионийская Греция. Но нигде мы не находили самого звериного стиля, не элементов его, а звериного стиля со всеми его специфическими особенностями. Ясно, что происхождение этого стиля в пределах Месопотамии искать не приходится. Только элементы его, правда в большем количестве, имеются и в персидском искусстве. К сожалению, это искусство известно нам, главным образом, по памятникам V–IV вв. до Р. Хр., когда это искусство почти всецело подчинилось общевосточному искусству Передней Азии этого времени с сильным влиянием М[алой] Азии и Ионии. Но, судя по памятникам юга России, по предметам, найденным в России в скифских гробницах VI в., персидское искусство когда-то стояло гораздо ближе к источникам скифского звериного стиля. На это указывают памятники вроде мечей Келермеша и Мельгуновской находки, вроде топора Келермешской находки и подобных вещей, где элементы звериного стиля скифского типа сочетаются с элементами позднеассирийского искусства. Иранские памятники даже более позднего времени, IV в. до Р. Хр., найденные не в Персии, а на периферии Персидского государства в Туркестане (клад, найденный в Аму-Дарье, ныне в Британском музее), в Белуджистане и Бактрии (несколько топоров Британского музея), также сохраняют элементы скифского звериного стиля в большей мере, чем памятники чисто персидского искусства. Это особенно ясно в вещах Аму-Дарьинского клада. Важно, что в пределах Персидского Царства огромную роль в фундаментальном искусстве играют грифоны: так называемый персидский грифон с головою льва и рогами и обычный грифон с головою орла, ушами и султаном. Насколько я могу судить, популярны были в персидском искусстве и фигуры драконов.

Уже эти наблюдения позволяют думать, что звериный стиль близок был художественным вкусам иранцев. Не забудем, что носителями этого стиля в Европе были две ветви иранского племени – скифы и сарматы. Не забудем также, что многие элементы этого стиля сохранились и продолжают культивироваться как в Парфии, об искусстве которой мы так мало знаем, так и в Сасанидской Персии. Из Парфии,

вероятно, эти элементы проникли и в Сев[ерную] Индию, в Бактрию и в царство Ашоки. Наконец, характерно, что звериный стиль находим мы и в Зап[адной] Сибири не в таком богатом разнообразии, как у скифов и сарматов, но все же в основных и главных его чертах.

Не надо, однако, предаваться иллюзиям, что в Зап[адной] Сибири мы нашли родину звериного стиля. Мы не знаем, какова дата господства бронзовых вещей в Зап[адной] Сибири, в орнаментации которых имеются элементы звериного стиля. Я бы очень предостерегал от слишком ранней датировки этих вещей. В восточной России бронзовый век существовал до VI–V вв. до Р. Хр. Несмотря на то, что на Урале имеются богатейшие залежи железа. То же надо предполагать и для Зап[адной] Сибири. Ряд мотивов звериного стиля здесь заимствован с месопотамского Востока. Таковы фигура орлиного грифона, таков эфес меча лунообразной формы, концы которого имеют форму птичьих или грифонных голов, обычный и для мечей гольштадского периода в Европе как Западной, так и особенно Восточной, но отличающийся от европейских образцов своими звериными навершиями, одним из любимых мотивов ассирийской орнаментики; такова фигура дракона, таковы, наконец, фигуры козлов на навершиях в форме полуяйца, в характерной позе горных козлов, стоящих на скале и готовых к прыжку; такие же фигуры, например, украшают верх столбов палатки Ашшурбанипала; отсюда эти фигуры попали и в М[алую] Азию на навершия бубенчиков-знамен, типичных для древностей Каппадокии, их прототип скорее надо искать в подобных же фигурах бронзового века на Кавказе (Кубань) и в Закавказии; одновременность бронзового века здесь с бронзовым веком в Месопотамии не подлежит сомнению. Из этого следует то, что и Зап[адную] Сибирь нельзя считать родиной и центром развития звериного стиля. Сибирь есть одна из периферий звериного стиля, причем звериный стиль, может быть, и возник здесь самостоятельно, но развивался под постоянными влияниями с юга, где сильны были месопотамские влияния, такая же периферия, которою была и восточная Россия, зависимость которой именно от скифского звериного стиля Приднепровья, Придонья и Прикубанья так ярко бросается в глаза.

II. КИТАЙ. АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

До сих пор мало обращено внимания на один интереснейший факт в древнейшей истории китайского искусства. Я имею в виду тот факт, что в истории этого искусства, особенно в период династии Чу (1122–250 гг. до Р. Хр.) и Хан (206 г. до Р. Хр. – 220 г. по Р. Хр.) звериный стиль играл решающую, господствующую роль и, притом, звериный стиль, в мотивах и основах своих чрезвычайно близкий к звериному стилю иранского мира.

Мы очень мало знаем о ранней истории китайского искусства. Работа китайских археологов, чрезвычайно почтенная сама по себе, редко выходит за пределы комментирования вещей текстами без должной критической переработки как первых, так и вторых. Современные работы по истории китайского искусства, за очень немногими исключениями (например, работы Chavannes и Lauher'a), основаны всецело на работах китайских археологов и принимают на веру и их датировки, и их толкование предметов. Результатом этого являются такие произвольные конструкции, как история китайского орнамента Гершельмана и Мута.

Для разрешения вопроса о происхождении и раннем развитии китайского искусства сделано очень мало. Научных и систематических раскопок в Китае не производится; доисторическое прошлое Китая нам поэтому почти совершенно не известно. Датировки вещей династиями более ранними, чем династия Чу, произвольны и вряд ли могут [быть] приняты на веру. Остается группа памятников, которая легко выделяется как архаическая по сравнению с памятниками эпохи династии Хан и относится в большинстве, несомненно, к эпохе династии Чу, хотя как возможность изготовления вещей этого стиля по старым моделям в эпоху династии Хан, так и возможность

изготовления некоторых аналогичных по стилю, но более примитивных вещей ранее эпохи династии Чу не исключена.

Но даже принимая за доказанное существование ряда предметов более ранних, чем династия Чу, мы в орнаментике этих предметов не замечаем никакого принципиального различия от более поздних вещей. Система не слагается на наших глазах, как, например, в неолитической керамике Сус, впервые открытой de Morgan и его сотрудниками, где на наших глазах из орнаментации сосуда рядами козлов, птиц и т.п., типичной для наиболее древнего звериного стиля, развивается интересная, хотя и не очень сложная геометрическая орнаментика. В Китае сочетание геометрического орнамента со звериным мы застаем совершенно готовым уже в наиболее ранних вещах, и поэтому вопрос о приоритете того или другого приходится оставить открытым. Но важно отметить тут же, что звериные мотивы, хотя и не господствуют количественно, но в огромной массе вещей составляют базу орнаментики, между тем как геометрические только составляют фон, служат для заполнения свободного пространства и для связывания отдельных звериных мотивов между собою и почти всегда подчинены, если не развиваются из мотивов звериного происхождения. Но я должен сознаться, что эволюция всех геометрических орнаментов из звериных доказана быть не может. Напрашивается мысль об их совместном существовании искони и о постепенном, все более и более художественном примирении и сочетании их между собой. Но тут я забегая вперед.

Наш материал по истории раннего китайского искусства (я говорю сейчас исключительно об архаическом, дохановском периоде) нельзя назвать малочисленным по количеству вещей, но он очень однообразен как по формам вещей, так и по мотивам и системе орнаментации. Мне много пришлось видеть коллекций китайских вещей, особенно в Америке. В каждом имеется большее или меньшее количество архаических вещей. Это, по преимуществу, различного типа бронзовые сосуды, отчасти бронзовые колокола. Сосудов каменных из жадеита (jade) в европейских музеях вообще нет. Редкие экземпляры имеются в коллекциях китайских. Это наш главный материал. Оружия, предметов обихода и украшения, бронзовых амулетов эта эпоха оставила нам очень мало.

Принцип орнаментации везде один и тот же. Это, как я уже сказал, сочетание животного и геометрического орнамента, причем животный орнамент является базой. Геометрический орнамент рельефный, как и животный, состоит из лент, скрещивающихся и переплетающихся, обычно дающий либо очень примитивный меандр или очень мало развитую спираль. Очень часто концам лент придана форма головы зверя. Но базу орнамента составляют, как я уже сказал, звериные мотивы. Тщательное изучение доступного мне материала показало мне: 1) что зверей натуралистических китайская архаическая орнаментика почти не знает; редко попадаются целые фигуры полустилизованных тигров и еще реже рыб, главным образом, для заполнения пустых пространств; 2) что целые фигуры зверей употребляются реже, чем части их, главным образом – головы; 3) что в общем употреблении только очень небольшое количество мотивов звериной орнаментики, включая и отдельных зверей, причем звери, за исключением тигра, все фантастические, а именно: а) грифон с львиной головой и рогами; б) грифон с птичьей (орлиной) головой, ушами и султаном-завитком между ушами и вдоль шеи; в) дракон или грифон – змея с рогами (козла или антилопы, как и лев) и г) дракон без рог. Все эти четыре типа, как известно, не китайского происхождения. Все они принадлежат к сфере месопотамского искусства и перешли оттуда в иранское, между прочим и в скифо-сарматский звериный стиль. Вряд ли можно серьезно думать о том, что образы этих фантастических зверей, таких причудливых и необычных, могли возникнуть в одинаковом во всех деталях виде одновременно и в Месопотамии, и в Китае. Между тем характерно, и до сих пор, как мне кажется, никем не отмечено, что только эти звери и наряду с ними только тигр употребляются древними китайскими художниками для целей орнаментации целиком или только в виде головы.

Характерно, что головы и целые фигуры упомянутых зверей уже в очень ранних памятниках употребляются одинаково часто и в натуралистическом изображении, со всеми деталями, и в схематизованном виде, сведенном только до основных, наиболее характерных частей. Голова рогатого льва сводится до рогов, бровей, глаз и носа, причем особенно подчеркиваются глаза и рога; голова орлиного грифона сводится к глазу и клюву, причем клюв постепенно приобретает, как и глаз, форму спирали. Типично, что мотив клюва и глаза особенно охотно употребляется как завершение какой-нибудь конечности зверя. Все эти особенности, как читатель помнит, мы нашли и в скифском зверином стиле (сравнить особенно навершие из Ульского аула в форме клюва и глаза орла). Позволю себе для подкрепления моей схемы доказательствами описать несколько наиболее характерных и типичных китайских сосудов эпохи династии Чу с особенно богатой орнаментикой.

1. В Art Gallery Чикаго выставлены два превосходных бронзовых сосуда, пожертвованных Miss Buckingham, несомненно принадлежащих еще эпохе династии Чу. Я обязан любезности дирекции музея и Miss Buckingham позволением опубликовать здесь один из сосудов этой поры. Сосуд формы кувшина на высокой ножке и с длинной шейкой. К шейке прикреплены два кольца в скобах, имеющих форму головы льва с витыми рогами. Орнаментация туловища сосуда очень проста, гармонична и ясна. В центре каждой из четырех сторон на широких сторонах посередине, на узких внизу имеется голова или шкура головы рогатого льва. Из этой головы вырастают на широких сторонах два туловища дракона, геометризванные, как две ленты; они загibaются вниз и вверх и кончаются очень схематизованными головами, поставленными друг против друга антитетично и образующими треугольник. Верх туловищ этих драконов перекрещивается короткими лентами-туловищами еще двух драконов, поставленных вертикально и кончающихся такими же головами. Почти та же орнаментация на узких сторонах. Головы драконов стилизованы. Уши некоторых из них имеют форму геометризванного клюва и глаза орла – орнамент, постоянно применяемый на описываемом сосуде. Низ сосуда охвачен тоже туловищем дракона, кончающимся на двух сторонах такими же головами. Почти тождественный сосуд имеется в Париже в музее Cernuschi (издан Münsterberg, *Geschichte der chinesischen Kunst* II, 129, fig. 192).

2. Более богата орнаментация одного великолепного сосуда из частной коллекции Mrs. Eugene Meyer в Нью-Йорке, выставленного в Metropolitan Museum. Я обязан любезности владелицы позволением опубликовать этот сосуд. Сосуд имеет форму стилизованного сочетания четырех или шести фантастических животных. Верхняя передняя часть сосуда имеет форму головы и шеи рогатого льва; рога завитые, как у баранов; нижняя часть фасада сосуда дает стилизованное изображение головы, груди и передних лап грифона-орла с огромными круглыми стилизованными глазами, принявшими уже форму спирали; большие уши не оставляют места сомнению, что мы имеем дело не с орлом, а с грифоном, птичьи лапы грифона изображены в низком рельефе на передних ножках сосуда. Не забыт и султан или гребень над клювом грифона. Брюшко сосуда покрыто изображениями трех драконов с большими ушами и с телом в виде ленты, образующей род примитивного меандра. Под клювом на груди грифона мы находим изображение стилизованного крыла и одной лапы грифона, – мотив, к которому мы еще вернемся. Свободное пространство крышки сосуда, т.е. спины рогатого льва, сплошь заполнено изображением тигра в профиль, тело влево, голова вправо, рыбы и змеи, по одному экземпляру на каждой стороне. Задняя сторона сосуда также состоит из двух фантастических нагроможденных одно на другое животных. Верхняя часть – есть голова рогатого льва, но рога его имеют форму двух геральдически сопоставленных рыб с поднятыми симметрично туловищами. Под этой головой вторая такая же, но более стилизованная с двумя огромными глазами, рогами и мордой, подвергшимися почти полной геометрической стилизации. Задние ножки сосуда покрыты изображениями человеческой как бы сидящей на корточках фигуры с руками, сложенными накрест на животе. Верхняя голова рогатого льва держит в пасти верх ручки сосуда, прикрепленной к сосуду сзади. Ручка эта имеет форму головы

тигра с огромными ушами. В пасти у этой головы – нижняя половина ручки в виде головки и туловища дракона, покоящегося на двух ножках, имеющих вид человеческих ног и над ними – огромных круглых глаз с человеческой маской в центре. Это составное чудовище – поистине странная и богатейшая симфония мотивов звериного стиля. Прибавлю, что все поле сосуда между изображениями, описанными выше и сделанными рельефом, покрыто пунцовыми или нарезными геометрическими орнаментами, повторяющими все тот же мотив меандра-спирали.

Почти полный pendant к этому сосуду находится в одной частной коллекции в Японии. Аналогичный, необычайно эффектный, составляет украшение коллекции *Cernuschi* в Париже и был неоднократно издан.

3. По идее к этим сосудам чрезвычайно близки сосуды в форме дракона с орлиной головой, обычные и для эпохи династии Чу, и переходящие затем в эпоху династии Хан. Не стану их описывать и удовольствуюсь изображением одного из них. Эти сосуды особенно важны для нас потому, что из них легко вывести орнамент крыльев в сочетании или без сочетания с головой орла, который играет видную роль в орнаментике поясных пряжек династии Хан и который мы нашли на юге России на великолепном поясе из Майкопа, описанном выше.

Приведенных примеров, количество которых можно было бы увеличить по желанию, достаточно, чтобы уловить основные принципы китайского звериного стиля и понять его генезис. Стиль этот неместного происхождения. Его мотивы все заимствованы, заимствованы откуда-то, где искусство находилось в тесной связи с вавилоно-ассирийским искусством. Оттуда же пришли в Китай и основные принципы звериного стиля: 1) тенденция трактовать зверей как чисто орнаментальный мотив; 2) стремление заполнить все орнаментируемое пространство целыми животными и частями их, особенно головами; 3) сведение голов животных к наиболее бросающимся в глаза частям – глазам, клюву, рогам, усам, при особом подчеркивании глаз; 4) придание животным разнообразных поз с целью заполнить фигурой животного орнаментируемое пространство; 5) трактование конечностей как клювов и глаз птицы или грифона; 6) стремление геометризовать и флораризировать тело животного и комбинировать животных в группы, но чисто орнаментально, а не реалистически; геральдические группы обычны, но не изображение борющихся животных; 7) придание сосуду, части сосуда (ручке) или другим предметам формы животного или головы животного и орнаментация этих вещей по телу животного другими мотивами звериного стиля.

Принципы эти как раз те, которые характеризуют звериный стиль на юге России, за немногими исключениями. Имеется тождество принципов, но отнюдь не тождество всех деталей и особенно форм. Так, например, Китай не знает рядов натуралистических или полунатуралистических животных. Он в большей мере геометризует звериную орнаментацию, хотя и выводит из звериных мотивов только самые примитивные орнаменты: спираль и меандр. Но, за этими исключениями, сходство поразительное, которое не может быть случайным. Для этого сходства я имею только одно объяснение. Мы видели, что и на юге России, и в Китае звериный стиль орнаментации пришел извне. Мы видели, что родиной этого стиля не были ни Месопотамия, ни Сибирь, а какая-то местность, которая находилась под сильным влиянием Месопотамии, но имела свое искусство и свою культуру. Единственной местностью, которая удовлетворяет этим условиям, является Центральная Азия, которая, как известно, в значительной степени заселена была племенами великой иранской расы.

Я не колеблюсь поэтому признать звериный стиль особенностью архаического искусства Центральной Азии и, может быть, иранской расы. От иранцев, соседей и Китая, и юга России, и Индии, и Сибири этот стиль попал во все упомянутые местности и в каждой из них имел свое местное, своеобразное развитие, особенно богатое и своеобразное в Китае и на юге России, в последней – среди иранских племен, удержавших свое архаическое искусство более цепко, несмотря на сильное греческое и малоазийское влияние, чем их южные сородичи – персы. Эти последние, наложив свою государственность на старую государственность Месопотамии, усвоили себе и эту

государственность, и всю высокую месопотамскую культуру, которая издавна влияла на них еще задолго до завоевания иранцами Месопотамии; усвоили себе южные иранцы и месопотамское искусство, которое почти окончательно поглотило здесь и местный иранский звериный стиль. Но скифы этот звериный стиль сохранили, и надо думать, что сохранился он и на родине иранцев, в Центральной Азии, среди скифских и сарматских племен, где он продолжал развиваться, конечно, не без сильного влияния со стороны высококультурной Персии. Этим объясняется тот факт, что сарматы явились в Скифию все с тем же старым звериным стилем, но обогащенным новыми мотивами, специально мотивом группы борющихся животных, иногда на пейзажном фоне.

В Китае иранский звериный стиль попал в специальную среду и подвергся особой переработке в духе всей китайской культуры архаического периода, проявляющего так мало индивидуализма, знающего и любящего только орнамент, воспроизводящего не индивидуальную, а этническую массовую психологию, полного, прежде всего, чувства ритма и чуждого почти всякой эмоции.

III. КИТАЙ. ИСКУССТВО ЭПОХИ ДИНАСТИИ ХАН

Китайское искусство за все время правления династии Чу почти не подвергалось влиянию извне и только варьировало мотивы, раз им воспринятые и усвоенные. В своем развитии оно совершенно самостоятельно, и его достижения, во всяком случае, не ниже тех достижений, которыми гордятся Ближний Восток и Греция архаического периода, по крайней мере в области орнаментального, прикладного искусства. Памятники большого искусства от этого периода до нас не дошли.

Совершенно иное направление господствовало в Китае в эпоху династии Хан. Не забудем, что время династии Чу совпадает с эпохой создания Персидского и Скифского Царства в иранском мире, когда все азиатское иранство было поглощено Персидской монархией, а значительная часть североиранских, скифских элементов твердо обосновалась в Европейской России и, насколько можно судить, потеряла политические и культурные связи (за исключением торговых) с Центральной Азией. Экспансивность обоих государств была направлена на запад не только в эпоху Персидских войн, но и раньше, и позже. Скифы и в VI, и в V, и в IV вв. стремились утвердиться на Балканском полуострове; Персия никогда не теряла надежды тем или иным путем восстановить свой престиж в Малой Азии, вернуть себе выход в Эгейское море через греческие колонии и распространить если не свое владычество, то свое влияние на греческие острова и греческий материк. Как известно, на некоторое время, как раз в IV в. до Р. Хр., когда Греция была в апогее своей культуры, но в состоянии почти полной политической анархии, иранскому миру вновь удалось стать руководящей силой на греческом и полугреческом западе: скифам – во Фракии и персам – в М[алой] Азии и Греции по Анталкидову миру 386 г. Известно, что решительный удар иранству нанесен был Македонией на севере и на юге. Филипп подорвал власть скифов во Фракии и оттеснил их за Дунай; Александр разрушил Персидское Царство и наложил свою руку на великую Иранскую Империю вплоть до Туркестана и Индии.

Ориентация иранских держав на запад в IV в. и удары, нанесенные им во второй половине того же века македонцами, изменили соотношение сил в Центральной Азии. Крупные иранские государства разложились. Отдельные иранские племена вновь стали самостоятельными политическими единицами. Но и они проявляют сильную тенденцию к завоеваниям, ориентированным и на Запад, и на Восток. Рядом с ними, заразившись их культурой, племена монгольские и тюркские также стремятся к политическим объединениям и завоеваниям и направляют свои усилия, главным образом, на Китай. Конечно, наиболее легка была для иранских племен не дорога на юго-запад к Евфрату и Тигру, где на их пути стояло сильное царство Селевкидов, а дорога на юг к Индии и особенно на север – в Западную Сибирь и степи юга России, откуда им нетрудно было вытеснить ослабевших в борьбе с Западом – македонцами, кельтами, фракийцами, германцами – скифов и занять их место. На юге России греки стали

называть эти новые, вливавшиеся [в] степи юга России племена общим именем сарматов, может быть, по имени первого из этих племен, появившегося на Дону в IV в., может быть, также не без влияния привычки называть соседей скифов на берегах Азовского моря савроматами.

В данной связи нам важно установить сам факт движения среди иранских племен, движения, направленного во все стороны, но остановленного на юго-западе сначала Селевкидами, а затем их преемниками римлянами, а на востоке не столько китайцами, сколько воспринявшими военную технику, культуру и привычку к государственному существованию иранцев монголами и турками, специально гуннами, ближайшей целью которых сделалось не движение на Запад, где твердой стеной стояли иранцы, а на Восток, в богатый и культурный Китай.

Иранцы основали в Азии за это время, насколько нам известно, два крупных государства: Парфянское – в западной части и Индо-Скифское – на развалинах полугреческого Бактрийского царства. Каковы были формы их политического объединения в Центральной Азии и Зап[адной] Сибири, мы не знаем. На юге России они не составляли, как прежде скифы, одного государства.

Важно, однако, отметить, что все новые иранские государственные образования ни в коем случае не были варварскими. Племена, бывшие их носителями, жили далеко не примитивным социальным и политическим укладом. Они обладали своими собственными культурными навыками, были носителями своей собственной своеобразной культуры. Их многовековая связь с Персидским царством с его богатой культурой, их постоянные сношения с греками и полугреками различных частей монархии Александра, их контакт с теми же греками и скифами на юге России создали среди иранских племен высокую культуру, постоянно пополняемую и изменяемую культурными влияниями, шедшими с Запада. Правда, большинство иранских племен были кочевниками, но этот их образ жизни обусловлен был географическими и экономическими условиями тех стран, где они жили, и не препятствовал им, как, например, парфянам и индоскифам, быстро усваивать нормы оседлого существования.

С культурой иранцев этого времени мы довольно плохо знакомы. В самой Парфии она была затем заслонена от нашего внимания блестящей культурой Новоперсидского царства Сасанидов, оставшейся на поверхности. Раскопки, производившиеся в Персии за последнее время, этим периодом мало интересовались, отдав все свое внимание архаическому доперсидскому периоду, с одной стороны, и великой Персидской державе Кира, Дария и Ксеркса – с другой. В последнее время раскопки в Месопотамии и северной Индии (Таксила) стали с большим вниманием относиться и к парфянскому периоду, но до сих пор сделано все-таки очень мало.

Во всяком случае, уже теперь можно сказать, что парфяне, сохраняя основы иранской культуры, подверглись сильнейшему влиянию греко-восточной культуры, культуры Селевкидского царства и отчасти культуры Птолемеевского Египта, а затем культуры сирийских провинций Римской империи. В свою очередь, как я показал в своей книге об античной декоративной живописи на юге России, эта смешанная греко-иранская культура нашла себе широкий доступ в пределы сильно иранизованного Боспорского царства и отразилась на искусстве Боспорского царства I и особенно II в. по Р. Хр.

Эти краткие замечания об иранской культуре были необходимы для понимания истории звериного стиля в Китае в эпоху ранней и поздней династии Хан, время которой как раз совпадает с эпохой позднего эллинизма и Ранней Римской империи на Западе и с наибольшим расцветом Парфянского царства. В достаточной мере известно, что деятельность династии Хан в Китае была направлена, между прочим, если не главным образом, на защиту Китая от вторжений иранцев и монголов, главным образом гуннов, и что для этой цели китайцы совершенно реформировали свой военный строй и свое вооружение, введя в свою армию тяжело- и легковооруженную кавалерию. В Лаухер в своей работе о китайских глиняных статуэтках показал, как велика была предпринятая реформа и в какой мере она проведена была под сильнейшим

иранским влиянием. К сожалению, Лаухер не мог собрать всего относящегося к этому вопросу материала и, главным образом, материала южнорусского сарматского периода. Если бы он заглянул в мою книгу о декоративной живописи на юге России, то он увидел бы, что параллели идут дальше и глубже и что почти все подробности китайского вооружения и костюма эпохи династии Хан находят себе параллели в сарматских древностях юга России.

Вообще Китай эпохи династии Хан иногда в своей богатой индивидуалистической культуре, столь отличной от строго ритуальной, тяжелой и однообразной культуры архаической эпохи, обаян разнообразной и живой, не умиравшей и не застаивавшейся культуре иранских племен. Скрывается это и в искусстве эпохи династии Хан в Китае.

Я не могу здесь дать исчерпывающей характеристики искусства эпохи династии Хан, создавшего столько поразительных шедевров. Мы имеем их и в области монументальной скульптуры, украшавшей стены погребений этой эпохи и составляющей отражение большого искусства, главным образом живописи, этого периода. Находятся они и среди поделок из бронзы, и среди продуктов богатейшей и разнообразной керамики, и, наконец, особенно среди различных поделок из жадеита (jade). В художественной промышленности эпохи династии Хан жизнь бьет ключом. Вкус художников достигает поразительной утонченности как в области формы, так и в области колорита, что особенно ярко сказывается на поделках из жадеита: религиозных символах, подвесках на поясах, обделках мечей и ножен мечей, предметах женского туалета, вазах и т.д.

При всем колоссальном подъеме творчества этой эпохи нельзя сказать, чтобы китайское искусство этого времени было вполне самостоятельно. Я не вижу в нем никаких заметных следов влияния греческого и тем менее римского искусства, как не вижу я его и для последующего периода раннего китайского средневековья; но тем сильнее влияние иранского искусства, сказывающееся везде и повсюду и принесшее с собой и те явления, которые обычно считались указанием на классическое греко-римское влияние. Искусство династии Хан, как и одновременное искусство юга России, есть одна из ветвей великого иранского искусства эпохи позднего эллинизма и Ранней Римской империи. Чтобы понять и оценить это искусство, надо внимательно и подробно изучить как принципы искусства китайского во II в. до Р. Хр. – до II в. по Р. Хр., так и основные тенденции искусства того же времени на юге России.

Я не хочу этим сказать, что Китай был рабски зависим от иранского мира. Бесконечные возможности художественного развития, таившиеся в гении китайских художников, показали себя уже в это время. Но импульс их свободному развитию дан был Ираном. Этот факт не может быть подвергнут ни малейшему сомнению. Стоит только взглянуть на фризы, украшающие глиняные поливные сосуды эпохи династии Хан. Я не говорю о заимствовании самой техники производства поливных сосудов. Не могу, однако, не отметить того факта, что как раз в эпоху эллинизма и в эпоху Ранней Римской империи и в Китае, и в греко-римском мире начинают воспроизводить металлические сосуды с рельефами в глине и впервые и там, и здесь покрывают их поливой желтоватого, зеленоватого и голубоватого тонов. Но вопрос о поливной посуде – вопрос столько же технический, сколько художественно-исторический, и я лично этим вопросом с технической точки зрения не занимался.

Достаточно, однако, одного взгляда на распределение орнаментики на поливных сосудах, на эти фризы с изображением охот и боев, достаточно присмотреться к сюжетам и к их трактовке, к обилию в них пейзажных элементов, к иллюзионистическому стилю трактовки, чтобы сказать, что перед нами не э в о л ю ц и я искусства династии Чу, а настоящая революция. Новые сюжеты и новая манера трактовки были внесены извне. Откуда – это ясно и из сопоставлений Лаухер'а, указывающего на иранскую манеру сражаться и охотиться, на иранское вооружение, на среднеазиатский мотив galor volant, и из стиля изображений, так живо напоминающего не памятники юга России IV–III вв. до Р. Хр., которые делались греческими мастерами по афинским, а затем малоазийским образцам, а некоторые предметы из Аму-Дарьинского клада

(особенно ножны меча и блюда со сценами охоты), парфянский рельеф царя Готарза, некоторые фрески гробниц Пантикапея I и II вв. по Р. Хр. со сценами боев, некоторые золотые бляхи Западной Сибири и особенно рельефы и блюда Сасанидской Персии, особенно наиболее ранние. То же надо сказать и о скульптуре гробниц династии Хан, столь превосходно объясненных покойным Chavannes.

В области чисто орнаментального искусства мы замечаем в эпоху династии Хан две основные тенденции. Одна – архаическая, подражательная. Художники этого времени бесконечное количество раз повторяют формы и орнаментальные мотивы предметов предыдущей эпохи. Но новый дух сказывается и здесь. Рядом с архаизмом растет и развивается новаторство, новые, современные [*sic!*] тенденции – частью результат влияния иранского искусства, частью самостоятельное творение художественного гения артистов эпохи династии Хан.

Позволю себе иллюстрировать эти две тенденции, постоянно наблюдаемые в одних и тех же предметах, несколькими примерами. Возьмем диск из жадеита (Kra pi) с круглым отверстием посередине, изданный Лауфером. Диск этот весь покрыт зерновым орнаментом. По окружности он охвачен сплошной ажурной рамкой, изображающей трех животных. В центре – орлиный грифон с крыльями, ушами, султаном и телом льва влево, голова повернута вправо. Хвост этого фантастического зверя разработан как побег растения, то же и продолжение султана вниз; орнаментальная идея – дать центральный треугольник декорации, выдвинуть фигуру грифона как центр композиции; идея, чуждая художественному восприятию китайского архаизма. Вряд ли, однако, побеги, кажущиеся растительным орнаментом, таковы на самом деле. Тот факт, что концы части этих побегов трактованы как птичьи клювы и глаза, говорит за то, что здесь мы имеем эволюцию, родственную скифо-сарматскому стилю, где в том же духе с приближением к растительному орнаменту трактованы рога оленей, с той же стилизацией оконечностей в виде голов птиц, т.е. вернее клювов и глаз. Этот последний мотив не чужд, мы знаем, и архаическому китайско-иранскому искусству. Но в нашем памятнике он трактован иначе, вероятно не без повторного влияния со стороны иранского искусства. К грифону с двух сторон подползают рогатые драконы, части туловищ которых обломаны. Они парны и во всех деталях одинаковы. Оба – несомненно, как показывает их львиное тело, их рога и уши, дериваты льва-грифона, столь обычного в искусстве династии Чу. Но и здесь новшество: и голова, и тело трактованы условно, в применении к орнаментальному заданию – украшать край диска. Размеры головы увеличены; верхней части морды придана спиральная форма и, может быть, сознательно – форма клюва птицы. Тело сужено до гибкой ленты, но массивные лапы льва остались. Все тело производит впечатление растительного побега и трактовано как таковое с тем же превращением конечностей в клювы и глаза птиц, причем глаз птицы – уже просто конец спирали. Концы тел обоих грифонов-львов связаны низким орнаментальным мотивом того же типа побега. Вся композиция художественна и жизненна, несмотря на исключительную орнаментальность. Но сама идея скомпоновать трех зверей в одну сцену нова и чужда китайскому архаизму. Мы увидим, что и она навеяна иранским искусством в его позднейшей эволюции.

Мы видели, что основные орнаментальные мотивы описанного диска, как ни много имеется нового в их трактовке, принадлежат еще к репертуару искусства династии Чу. То же надо сказать и о ряде других подобных предметов. Но в искусстве эпохи династии Хан мотивы и композиция, взятые из старого запаса династии Чу, постепенно вымирают. На первый план выдвигается совершенно новый мотив, мотив целого животного, брошенного на декоративный предмет в одиночку или в группе и декоративно подчеркивающего назначение предмета. Я имею в виду художественный мотив и, конечно, не касаюсь религиозной символики, так мастерски в некоторых случаях выясненной Лаухер'ом.

Животные, украшающие самые разнообразные предметы, принадлежат, правда, все к тем же условным типам, вошедшим в обиход орнаментики в эпоху династии Чу: это либо фигура тигра, постепенно вытесняющего фигуру рогатого льва, либо фигура

грифона с головой орла, превращающаяся постепенно в сказочную птицу феникс, но сохраняющая типичные особенности грифона – уши и султан. Наряду с этими основными типами популярны и фигуры драконов, о которых речь шла выше. Напомню, что в археологической литературе принято фигуру тигра называть почему-то гидрой, хотя никакого отношения к водяным существам эта фигура не имеет и явно удерживает и тип головы тигра, и тип его гибкого тела, и характерные лапы этого хищника.

Новым с художественной точки зрения является, однако, не выбор типов зверей и их эволюция, а их орнаментальное использование и их орнаментальная трактовка. Фигура зверя не механически сочетается, а органически сливается с декорируемым предметом. Она и декорируемый предмет составляют одно целое, воспроизводят одну художественную идею. То же, что мы видели во многих предметах декоративного искусства юга России сарматской эпохи. Орнаментальная трактовка зверей поразительна в своем сочетании реализма и орнаментализма. Тело тигра является послушным инструментом в руках художника, не забывающего, однако, что он имеет дело с животным и притом с определенным животным. Гибкость тела тигра используется до последних пределов, и тигру придаются позы, хотя и наблюдаемые, но сближающие его тело с телом змеи. Для орнаментации круглых предметов тело тигра свертывается в кольцо. Зверь изображается как бы кусающим или ловающим свой собственный хвост.

Фигура животного сближается с растительным побегом, причем для этой цели используется стилизация конечностей, где мотив побега сочетается с мотивом спирали и особенно часто – с мотивом головы птицы, сведенной к клюву и глазу, образуемому завитком спирали. Все указанные приемы нам так хорошо знакомы в сарматском искусстве, хотя там приемы художников менее изысканны и утонченны, чем в Китае. Наконец, любимым мотивом китайских художников этого времени является сочетание упомянутых животных в декоративные группы без слияния их, однако, в одно целое, как это было в обычае в сарматском зверином стиле, где для этой цели охотно пользовались мотивом борьбы двух или трех животных. Вполне обычно также пользоваться фигурой животного как навершием того или иного предмета – мотив, столь обычный в скифо-сарматском зверином стиле.

Позволю себе и здесь привести и воспроизвести один образчик описанной орнаментальной системы эпохи династии Хан. Великолепная поясная подвеска из Естественно-Исторического музея в Чикаго охвачена сверху и снизу двумя фигурами грифонов, как бы сражающихся один с другим. Верхняя фигура крупнее; ее тело обращено вправо, голова – влево, крылья распушены; тело кончается как бы растительным мотивом, но конец этого побега стилизован в виде клюва и глаза птицы.

Стилизованы в виде такого же побега для орнаментальных целей и передние ноги грифона. Второй грифон – нижний – изображен вправо, голова в профиль, тело видно со спины, хвост стилизован в виде побега; одна из задних лап кончается головою птицы. Фон подвески покрыт нацарапанными спиралями; то же – на обороте подвески. Аналогичных подвесок имеется немало в богатых коллекциях Китая, Японии, Зап[адной] Европы и Америки.

Те же типичные фигуры грифонов и тигров и их всегда одинаковую трактовку мы находим везде и всюду и на туалетных принадлежностях, и на украшениях мечей, и на вазах. В монументальной скульптуре преобладают, конечно, другие, по большей части реалистические мотивы. Но кое-где имеются и мотивы чисто орнаментальные. И в этих случаях принципы их трактовки те же, что и в чисто декоративном искусстве.

Все эти особенности так близки скифо-сарматскому звериному стилю, что трудно было бы предположить совершенно независимое их возникновение в обеих областях художественного развития. Но еще интереснее особенности пластической трактовки тел и голов животных династии Хан, столь отличные от схематизма и геометризма династии Чу. Экспрессия хищных голов и извивающихся напряженных тел находит себе аналогии только в лучших образцах сарматского звериного стиля. Не забудем, что именно эта особенность отличает древнейшие памятники сарматского звериного

стиля от засыхающего орнаментализма скифского периода. В теле грифона Майкопского пояса мы находим ту же силу экспрессии, в голове – ту же энергию и кровожадность хищника, что и в хановских фигурах грифонов и декоративных тигров. Надо отметить, что согласно мирному темпераменту китайцев в их декоративных фигурах больше изящества, но меньше силы.

Несомненно, связь между Китаем и иранцами юга России подмечена была уже давно. Первый обратил на нее внимание Reineske. Его сближения повторяются затем регулярно в работах о Скифии и в книгах о Китае. Уже Lauxer указал на поверхностный и неубедительный характер большинства этих сближений.

Тем не менее, идея Рейнеке была правильна. Связь между Китаем и иранским югом России имеется и в области чистой археологии, и в области истории искусства. Но надо различать эпохи. Эпоха династии Чу связана со Скифией развитием того же звериного стиля, заимствованного из того же источника, откуда он, может быть, пришел и в Вавилонию. Быт династии Чу ничем не связан с иранством; он самобытен и глубоко оригинален. Иначе в эпоху династии Хан. Здесь и в быте, и в искусстве мы имеем прямое и сильное влияние иранства. Для быта – это вне сомнения.

Но более, чем эти аналогии в быте, говорят аналогии в области художественного развития, особенно в области развития звериного стиля. Уже указанные совпадения в области выбора животных, их орнаментальной трактовки (сближение с растениями, оконечности в виде голов птиц и т.п.), стиля трактовки фигур, перехода от одиночной фигуры к группе достаточно показательны. Их можно было бы считать случайностью, если бы не было прямых указаний на проникновение мотивов сарматского стиля в Китай и на воспроизведение их там вместе с теми предметами, которые они украшали. Уже давно было указано, что китайские археологи воспроизводят в своих атласах бронзовые пластинки, которые можно было бы считать репродукцией тех сибирских и алтайских частей конской сбруи и поясов, которые являются одним из наиболее характерных памятников сарматского звериного стиля. Мне удалось недавно сопоставить серию памятников, которые иллюстрируют не только самый факт популярности сарматских пластинок в Китае, но освещают и самый характер художественного влияния иранцев эпохи эллинизма на Китай.

Я уже говорил в первой главе о великолепном серебряном с позолотой и с самоцветными камнями поясе из Майкопа, который я не могу датировать более поздним временем, чем II и I вв. до Р. Хр. Его пряжку составляет группа грифона, убивающего лошадь. Там же я указал на то, что эта группа в несколько измененном виде репродуцирована была в золоте для конской сбруи одного из сибирских сарматов. Дата этой пластинки I в. до Р. Хр. – I в. по Р. Хр. В Metropolitan Museum в Нью-Йорке имеется три пластинки: одна из серебра, две другие из меди; все три – из погребений эпохи династии Хан. Первая из этих пластинок репродуцирует умирающую лошадь Майкопской поясной пряжки и сибирской пластинки со всеми особенностями ее позы, т.е. с антиномическим положением передней и задней части тела. Как на многих сибирских бляхах, для заполнения пространства над головой лошади разворачивается ряд спиралей, может быть, стилизация рогов оленя, которыми художник так же, как и его сибирские собратья, украсил голову лошади. Такие же спирали совершенно так же, как на декоративных скульптурах династии Хан, заполняют свободное пространство между и под задними ногами лошади. В пластинке эпохи Хан лошадь потеряла свой *raison d'être*, утратила пафос и служит исключительно декоративным мотивом.

Еще интереснее две бронзовые пластинки, на каждой из которых изображена та же сцена, но на одной ориентировка сцены вправо, на другой влево. Приставшие к пластинкам куски материи и скобы на задней стороне свидетельствуют о том, что мы имеем дело с поясной пряжкой, как и в Майкопе. Вся пластинка заполнена изображением умирающей лошади, во всех деталях аналогичной вышеописанным из Майкопа, Сибири и Китая. Эту лошадь терзают два хищника: по всей вероятности тигр и тигрица, хотя последняя очень похожа на медведя. Тигр впился в загривок, второй зверь – в круп лошади. Свободные углы и свободное пространство на краю пластинки

заполнены рядами голов грифонов-орлов, причем в углах с ними скомбинированы спирали, имеющие характер листового орнамента, совершенно как на вышеописанной вазе из жадеита. В группе еще много пафоса и силы, особенно в головах зверей, но вся трактовка чисто орнаментальна и значительно ниже по художественной экспрессии, чем упомянутые памятники Кавказа и Сибири.

К этой же группе примыкает великолепная бронзовая пластинка из Китая, ныне в Стокгольмском Национальном музее. Два грифона-орла с распущенными крыльями и поднятым хвостом – абсолютно того же характера, что грифон на вышеописанной поясной подвеске из нефрита – в геральдической позе терзают горного козла с головою впрямь и собранным в комок корпусом. Лапами грифоны впились в двух умирающих упавших на колени зверей, порода которых неясна. Звери сопоставлены гербообразно, задами. Видно, что пластинка скопирована была с оригинала, украшенного самоцветными камнями. Гнезда на крыльях, на рогах козла, на сочленениях, на нижней части рамки остались, но камней в них, конечно, никогда не было.

Что все эти пластинки – произведения китайской, а не сарматской торевтики, это несомненно. За это говорит, прежде всего, то, что в гробнице, где найдены были пластинки Метрополитанского музея, остальные предметы типичны для Китая и не находят себе аналогии вне его. Кроме того, не надо забывать, что мотивы указанных пластинок – далеко не редкость на предметах эпохи династии Хан. Мы их видим везде и повсюду: на круглых бронзовых массивных дисках, и на бронзовых пуговицах, украшавших пояса, и на медных и бронзовых пряжках. И характерно то, что мотив хищника, убивающего другого зверя, не воспроизводится механически, сокращается, сводится до основных элементов, орнаментируется до последних пределов.

Прихожу к концу своего длинного и подчас сухого и скучного изложения. Жалею, что не имею возможности быть еще более длинным и скучным. Только таким путем, путем строгого анализа деталей двигается вперед история искусства. Результатом этой моей статьи я считаю то, что в ней я дал первое научное доказательство тесной связи китайского и иранского искусства в древнейшей стадии их развития. Обе эти ветви художественного творчества питались из общего источника, который предстоит еще установить, но который, несомненно, связан был с древнейшим искусством Месопотамии. Каждая из них разработала это наследие по-своему: Китай – чисто схематически и с геометрическими тенденциями, Иран – более натуралистически, более живо, но и более грубо, под постоянным влиянием вавилоно-ассирийского, малоазийского и греческого искусства. Развитие это шло параллельно и в области северных иранцев – скифов, и в Персии. В IV–III вв. до Р. Хр. иранцы вторично понесли свой звериный стиль и на Запад, и на Восток. Западная ветвь укрепилась надолго на юге России и оттуда прошла в Центральную Европу и в Северную Европу, в Скандинавию. Восточная пришла вторично в тесное соприкосновение с Китаем эпохи династии Хан. Она воспринята была здесь старой художественной школой с вековыми навыками и высоким уровнем художественного вкуса. Новые мотивы использованы были китайскими художниками, освободившимися от гнета традиции и искавшими новых путей проявления своей художественной индивидуальности, переработаны были ими, облагорожены, утончены и создали в их руках новый пышный расцвет звериного стиля, аналогичный, но не тождественный европейскому расцвету. Стоит сравнить поздние дериваты этого художественного течения в Европе и в Азии, чтобы в этом убедиться. Скандинавские симфонии звериных мотивов, как мы их знаем по деревянной резьбе Норвегии эпохи викингов, скандинавская звериная вязь Узебергского погребального корабля восточна во всех своих элементах, но как глубоко она отлична от таких же симфоний эпохи династии Хан и Tiang в Китае! Не надо, однако, забывать, что источники и здесь, и там одни и что они созданы были иранским художественным гением.

AN UNPUBLISHED ARTICLE BY M.I. ROSTOVITZEFF ON THE ANIMAL
STYLE

G.M. Bongard-Levin

One more Russian article written by Rostovtzeff has been discovered in Rostovtzeff Collection of Yale University Archive. The article, entitled *South Russia and China, Two Centres of Development of the Animal Style*, was written in 1921 for *L'Art russe*, a journal prepared to be issued in Paris. The journal was not issued and the article remained unpublished. It is of obvious importance and is published here for the first time.

© 2001 г.

КОЛЛЕКЦИЯ АНТИЧНОЙ РАСПИСНОЙ И ЧЕРНОЛАКОВОЙ КЕРАМИКИ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В фондах Государственного объединенного музея Республики Татарстан (ГОМ РТ) хранится 538 предметов различного происхождения, традиционно составляющих так называемую «Античную коллекцию». Помимо действительно античных сосудов, терракотовых статуэток, изделий из стекла, камня и бронзы коллекция включает и предметы из раннесредневековых памятников Крыма. Хронологически «Античная коллекция», таким образом, условно укладывается в рамки второй половины VI в. до н.э. – IX в. н.э.

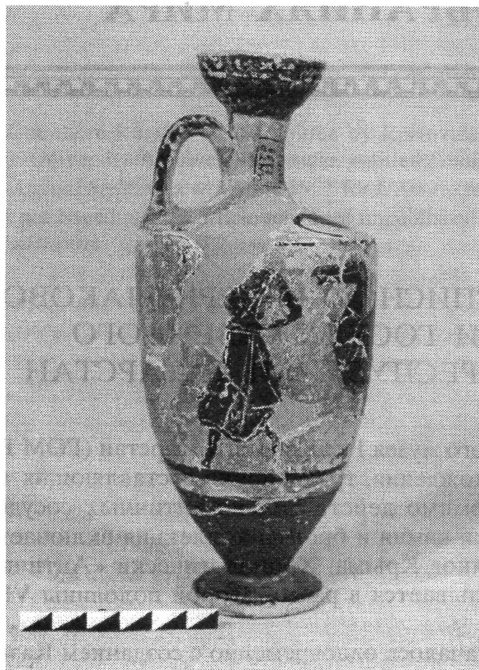
Формирование «Античной коллекции» началось одновременно с созданием Казанского городского музея в 1895 г.: коллекция казанского помещика – археолога, нумизмата, собирателя А.Ф. Лихачева, составившая основу музейного собрания, содержала восемь античных предметов. Позднее, в 1903 г. член попечительского совета музея и известный коллекционер купец I гильдии В.И. Заусайлов приобрел для историко-этнографического отдела музея 478 предметов, происходящих из Темрюка, Херсонеса и Симферополя, большая часть которых относилась к эпохе античности. Последним крупным поступлением антики была археологическая коллекция А.Ф. Лихачева, переданная в дар музею в 1912 г. и включавшая среди прочих 53 античных предмета из Керчи. Из Казанского музейного фонда в 1920 г. в дар музею были переданы 10 чернолаковых и 3 стеклянных сосуда, а также 4 привески, происходящие из Керчи, из коллекции А.В. Новикова. Поступившая в музей в 1923 г. коллекция профессора медицины Н.Ф. Высоцкого содержала почти исключительно раннесредневековые вещи из сборов 1902 г. в Севастополе. Наконец, отдельные античные предметы, принадлежавшие ранее Музею древностей Казанского университета, поступили в 1928 г. с коллекцией кабинета истории материальной культуры Восточного педагогического института. В архивах музея имеется расписка о даре профессором Казанского университета В.Ф. Смолиным чернофигурного лекифа и четырех амфорных ручек с клеймами из Керчи.

К сожалению, книги музейных поступлений дважды переписывались в период 1936–1941 гг., а в инвентарных книгах «Античной коллекции» 1942 г. под одним номером часто записывалось несколько предметов из разных памятников, что привело к утрате и без того скудной информации о происхождении части экспонатов.

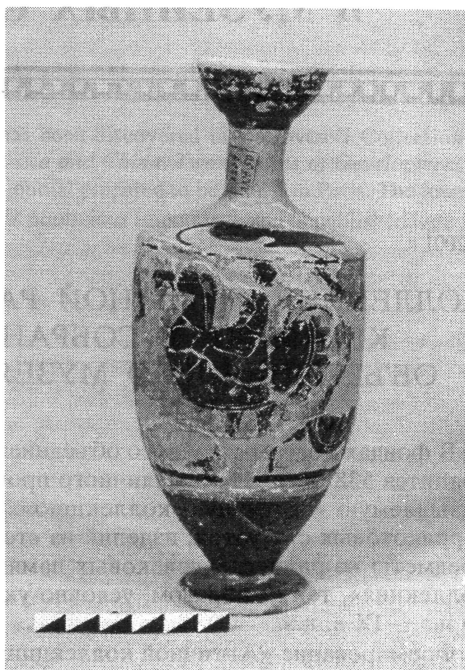
В данной статье рассматривается расписная и чернолаковая античная керамика из собрания ГОМ РТ. Поскольку авторы не являются специалистами в античной археологии и изучение фондовых материалов проводилось с чисто прикладной целью использования их на выставках, работа носит предварительный характер и имеет целью познакомить заинтересованные научные круги с малоизвестными памятниками древнегреческого керамического искусства, хранящимися в фондах музея.

Самым ранним образцом расписной посуды в собрании ГОМ РТ является чернофигурный лекиф из Керчи. На его цилиндрическом, сужающемся к ножке тулове изображены: в центре – мальчик верхом на фантастической птице (петух с лошадиной

а

б

Рис. 1. Лекиф чернофигурный: *а* – вид сбоку; *б* – вид спереди

головой), по бокам от него – два человека в длинных хитонах, которые расходятся в разные стороны (рис. 1). Проработка деталей обильной гравировкой, использование пурпурной краски для подчеркивания складок одежд и перьев птицы, а также изображение петуха на плечиках позволяют считать лекиф образцом аттической чернофигурной вазописи и датировать его третьей четвертью – концом VI в. до н.э.

Из собрания А.Ф. Лихачева происходят два прекрасных образца апулийской краснофигурной вазописи – кратер (рис. 2) и тарелка (рис. 3), приобретенные коллекционером, вероятнее всего, во время его поездки по Европе. Кратер типа «*cratère à colonnettes*» имеет широкое сужающееся книзу тулово, высокую цилиндрическую шейку, ручки в виде двух округлых столбиков, соединенных сверху прямоугольными площадками, и широкий отогнутый наружу и вниз венчик. На тулове с лицевой стороны (рис. 2*а*) изображены сидящий на камне Эрот с перевитым тенией венком в руке и стоящая перед ним женщина в длинном хитоне и перекинутом через локти плаще. В правой руке женщина держит опахало, в левой – шкатулку (?). Головные уборы (саккосы?) и серьги женщины и Эрота практически одинаковы. Позади женщины – растительный побег, между фигурами женщины и Эрота сверху – тения, внизу – подушка или тимпан. Земля обозначена белыми точками. На оборотной стороне тулова (рис. 2*б*) – двое мужчин, опирающихся на посохи, в гиматиях, между ними сверху горизонтально расположенный прямоугольник; позади правого мужчины сверху – вертикальный прямоугольник. На горле кратера широкий фриз (выполнен в цвете глины) с цветущей веткой плюща. Несмотря на различие сюжетов лицевой стороны и некоторую разницу в оформлении венчика (двойная полоса с рядами точек вместо волны), верхнего края ручек (пальметки вместо ромбов с точкой) и горла (цветки вместо ягод плюща), во всем остальном «лихачевский кратер» практически идентичен кратеру с изображением юноши и женщины из собрания ГМИИ

a

b

Рис. 2. Кратер краснофигурный; *a* – лицевая сторона; *b* – оборотная сторона

Рис. 3. Тарелка краснофигурная с изображением женской головы

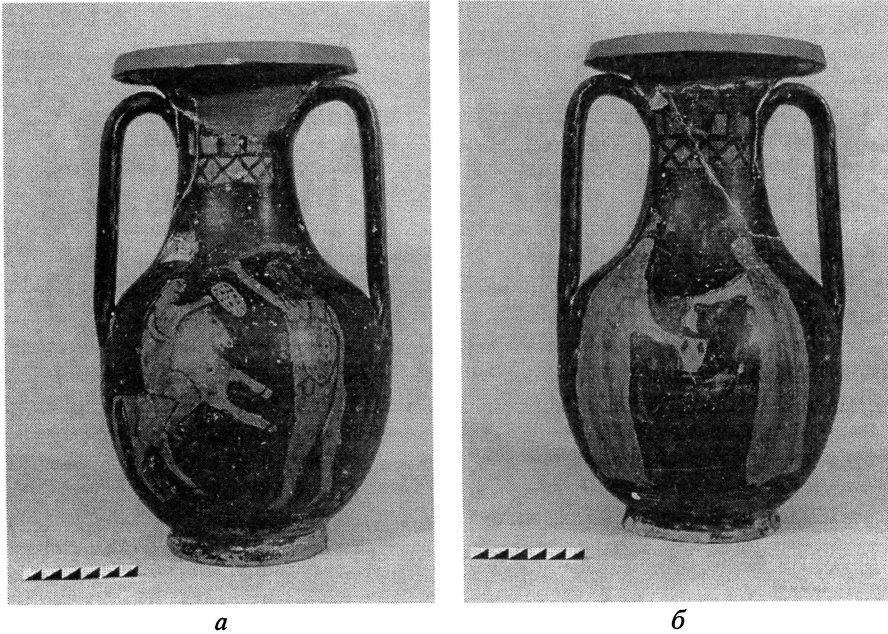

Рис. 4. Пелика краснофигурная с поздней записью; а – лицевая сторона; б – оборотная сторона

им. А.С. Пушкина¹. Это подтверждается и стилистикой рисунка, и сходством обрамления изобразительного фриза, а главное – наличием трехлепесткового цветка на камне позади Эроta. Таким образом, кратер из коллекции А.Ф. Лихачева может быть отнесен к одной группе с апулийскими кратерами из коллекций Москвы, Брауншвейга и Варшавы и приписан к произведениям так называемого «мастера Трилистника»². Датируется эта группа сосудов серединой IV в. до н.э.

Краснофигурная тарелка (рис. 3) с изображением женской головы в профиль влево также близка тарелке из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина³. Однако у тарелки, хранящейся в ГОМ РТ, более грубая прорисовка декора, к тому же имеются различия в деталях изображения: головной убор саккос вместо кекрифалоса, наличие только одной полупальметки с завитком и размещение вверху слева не тени, а растительного побега, кстатi, очень близкого изображенному на «лихачевском кратере», – все это не позволяет отнести ее к одному с тарелкой из ГМИИ типу «Тарент 9243». Тем не менее тарелка из коллекции А.Ф. Лихачева несомненно относится к апулийской школе вазописи и может быть датирована серединой IV в. до н.э.

Весьма оригинальным предметом коллекции является пелика из Темрюка, приобретенная В.И. Заусайловым (рис. 4). По форме и качеству глины, вероятнее всего, античная, пелика имеет очень своеобразную роспись, имитирующую краснофигурную. Фон закрашен черным составом. На лицевой стороне изображены сражающиеся всадник со щитом и обнаженный пехотинец, вооруженный щитом и дубиной (?) (Геракл?) (рис. 4а). На оборотной стороне – две женские фигуры в длинных хитонах (?) с покрывалами (?) на голове (рис. 4б). Женщина слева держит сосуд, напоминающий пелику, женщина справа опускает в него некий предмет, возможно виноградную

¹ Сидорова Н.А., Тузушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985. С. 59. Илл. 115, 116.

² Там же. С. 59.

³ Там же. Илл. 124.

Рис. 5. Лекифы арибаллические с изображением женских голов

гроздь. Детали фигур проработаны грубыми мазками кисти и графитовым карандашом (?). Рисунок чрезвычайно примитивен. На горле с обеих сторон – фриз из четырех квадратиков (цвета глины) и косой решетки, в основании ручек – пальметки. По всей видимости, данная роспись была нанесена в позднейшее время (конец XIX в.?) поверх еще различной оригинальной росписи. В пользу этого говорит совпадение сюжета лицевой стороны с распространенным на так называемых «боспорских пеликах» середины IV в. до н.э. сюжетом амазономахии⁴. Сходны не только общая канва изображения, но и отдельные детали – характерная поза вздыбленной лошади, отделка вооружения черными точками⁵.

В коллекции имеется ряд фрагментов расписных сосудов, среди которых обращают на себя внимание качеством лака и исполнением рисунка обломок венчика кратера с колоколовидным туловом (bell-crater)⁶ и фрагмент нижней части килика с глубоким туловом⁷.

Широко распространенные в конце V–IV в. до н.э. арибаллические лекифы представлены целой серией изделий различных типов. Более ранние (конец V – начало IV в. до н.э.) лекифы с поиском цвета глины⁸ и, возможно, лекифы с изображением женской головки (рис. 5) покрыты лаком от руки. Иначе – путем обмакивания в лак⁹ – окрашивались лекифы с пальметкой. Таким же способом окрашивались горлышки и ручки так называемых «сетчатых» лекифов и лекифа с туловом, украшенным белыми точками. Все эти сосуды датируются IV веком до н.э.¹⁰

⁴ Сидорова и др. Ук. соч. № 51; Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–III вв. до н.э. // САИ. 1970. Вып. Д1–27. С. 58.

⁵ Сидорова и др. Ук. соч. Илл. 100.

⁶ Ср. там же. № 53, 54.

⁷ Ср. Античные города Северного Причерноморья. М., 1984. С. 334. Табл. CXLIII, 5.

⁸ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. С. 124. № 148.

⁹ Блаватский В.Д. О технике росписи арибаллических лекифов // КСИИМК. 1947. XV.

¹⁰ Брашинский. Ук. соч. 124, № 150; Онайко. Ук. соч. С. 15.

Рис. 6. Канфар

Шире всего в коллекции ГОМ РТ представлена чернолаковая посуда для питья вина: кружка, целый и фрагментарные канфары, килики разных типов и их фрагменты, различные чаши. Чернолаковая кружка с широким устьем и двустольной ручкой, происходящая предположительно из керченского собрания А.Ф. Лихачева, обращает на себя внимание достаточно необычной отделкой тулова. Вместо распространенных каннелюр оно оформлено выдавленными с внутренней стороны каплевидными ложками. Наиболее ранний образец чернолакового канфара представляет собой сосуд на рис. 6. Приземистая форма канфара, валикообразный венчик, оформленные шипами ручки и штампованный орнамент на дне в виде крестообразно расположенных пальметок и пояса насечек позволяют датировать его второй – третьей четвертью IV в. до н.э.¹¹ Второй половиной IV в. датируются фрагментарные канфары с более вытянутым гладким или каннелированным туловом¹². Один из этих канфаров, как и пелика, происходящий из Темрюка, подвергся позднейшей обработке. У него удалены остатки ручек, тщательно заглажены места их крепления, а край горла горизонтально срезан и подкрашен черной краской. Наиболее поздним можно считать фрагментарный канфар, близкий сосудам, относимым И.Б. Брашинским на основании более грубой «псевдоканнелировки» тулова к продукции малоазийских мастерских начала – первой четверти III в. до н.э.¹³ Массивный килик с высоким венчиком на низкой кольцевой подставке, со штампованным орнаментом на дне в виде розетки, обрамленной concentрическими кругами, датируется серединой V в. до н.э.¹⁴ Остальные килики относятся к группе киликов с глубоким туловом (*cup-kotyles*). На основании особенностей формы и штампованного орнамента дна два из них могут быть датированы первой полови-

¹¹ Брашинский. Ук. соч. С. 61; Онайко. Ук. соч. С. 16, 58.

¹² Онайко. Ук. соч. С. 58.

¹³ Брашинский. Ук. соч. С. 65.

¹⁴ Там же. С. 126. № 158–160; Онайко. Ук. соч. С. 28. Табл. IX, 9.

ной IV в. до н.э.¹⁵ Третий килик, имеющий массивный валикообразный венчик и поясик насечек в штампованном орнаменте дна, может быть отнесен к более позднему типу данной формы, датируемому второй – третьей четвертью IV в. до н.э.¹⁶ Среди имеющихся в коллекции фрагментов киликов привлекает внимание обломок массивного «литого» венчика канфаровидного килика (cup-kantharos)¹⁷, покрытый очень качественным черным лаком. Коллекция включает, кроме того, три экземпляра чаш на высоких ножках, датируемых первой половиной V в. до н.э.¹⁸, и низкую чашку с двумя горизонтальными петлевидными ручками.

Столовая посуда представлена фрагментарной глубокой чашей-блюдом, двумя небольшими чашечками-«солонками», фрагментом маленькой плоскодонной чашечки, покрытой жидким лаком только изнутри, и крупной чашей-блюдом. Последняя выделяется наличием на донце с внутренней стороны штампованного орнамента из беспорядочно расположенных между двумя концентрическими кругами ов в обрамлении пересекающихся дуг, оканчивающихся шестью пальметками, и тройного пояса насечек. С внешней стороны на донце – граффити, в котором можно видеть греческие буквы Λ и Θ.

Столовой либо парфюмерной посудой И.Б. Брашинский считает и чернолаковые гуттусы¹⁹, два фрагментарных экземпляра которых имеются в коллекции. К этой же категории сосудов можно отнести фрагмент горлышка аска (?)²⁰ с граффито Π под венчиком и амфориск из керченской коллекции А.Ф. Лихачева. Изготовленный из крошащейся оранжевой глины и покрытый неровным слоем жидкого тусклого лака, амфориск скорее всего может рассматриваться как изделие какого-либо северо-причерноморского центра.

Таким образом, даже предварительное ознакомление с одной только категорией вещей из «Античной коллекции» ГОМ РТ показывает, что музей обладает интересными памятниками материальной культуры эпохи античности, которые нужно ввести в научный оборот. Для этого необходимо издание каталога или серии каталогов по различным категориям предметов античного собрания нашего музея.

Д.Г. Бугров, Н.А. Бугрова

ANCIENT PAINTED AND BLACK VARNISH CERAMICS IN THE COLLECTION OF THE STATE UNITED MUSEUM OF TATARSTAN

D.G. Bugrov, N.A. Bugrova

The article gives a short review of the so-called «Ancient collection» of the Museum of Kazan. This collection includes 538 ceramic, glass and stone objects. It began to be formed, as well as the museum itself, in 1895, its core being the private collection of Kazan archaeologist and antiquarian A.F. Likhachev. The authors give a more detailed description of black varnish and painted ceramics of this museum collection, dated back to the 4th–3rd cc. BC. In the authors' view, the collection deserves closer attention of experts and must be published in a special catalogue.

¹⁵ *Онайко*. Ук. соч. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 15, 59.

¹⁷ *Брашинский*. Ук. соч. С. 60.

¹⁸ *Онайко*. Ук. соч. С. 61. № 162, 163. Табл. IX, 4,5.

¹⁹ *Брашинский*. Ук. соч. С. 62.

²⁰ Ср. *Сидорова и др.* Ук. соч. № 62. Илл. 122, 123.

КОЛЛЕКЦИЯ СТАТУЭТОК БОГА БЕСА В СОБРАНИИ ГМИИ им. А.С. ПУШКИНА

В 1877 г. в Лейпциге выдающийся русский египтолог Владимир Семенович Голенищев впервые опубликовал стелу Меттерниха с изображением бога Хора. Хор изображен на ней с локоном юности и царским уреем. Стоя на двух крокодилах, бог держит в руках двух скорпионов, двух змей, над его головой изображена голова другого бога – карлика-уродца Беса. Статуэтка предназначалась для магической охраны человека от укусов змей, скорпионов, крокодилов и прочих гадов¹. Меттерних получил эту стелу в дар от Мехмеда-Али в 1828 г. В настоящее время этот памятник хранится в Нью-Йорке в Музее Метрополитен. В.С. Голенищев заказал со стелы форму и по ней изготовил слепок из папье-маше, который находится в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

После публикации стелы Меттерниха В.С. Голенищев никогда больше не возвращался к исследованиям о боге Бесе и магической защите, но в течение всей жизни собирал памятники, связанные с этими темами. Им была приобретена метровая гранитная целительная статуя (ГМИИ I, 1a 5319). Владелец статуи изображен в типичной для египетской скульптуры позе – сидящим на земле с поджатыми ногами. Спереди изображен стоящий на двух крокодилах бог Хор, над которым помещена голова бога Беса. Вся поверхность статуи покрыта иероглифической надписью. Среди немногих известных в мире целительных статуй текст московского памятника наиболее полный и хорошо сохранившийся. По своему содержанию надпись связана с текстом стелы Меттерниха. Впервые текст статуи был полностью переведен и прокомментирован Олегом Дмитриевичем Берлевым² и вошел в «Каталог древнеегипетской скульптуры Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина», который, к сожалению, остается неизданным.

Наряду с целительной статуей Голенищев приобрел и близкие к ней по назначению памятники, призванные оберегать человека от укуса скорпионов и змей. Это так называемые «хоровские» стелы. Всего их было куплено В.С. Голенищевым шестнадцать³, семнадцатая стела (I, 1a 6038) поступила в Музей в 1925 г. из коллекции Лодыженского.

Хоровские стелы различаются по материалу, размерам, пространности начертанного на них текста, но идентичны по содержанию и композиции: на всех помещено изображение бога Хора, стоящего на двух крокодилах, и головы бога Беса над ним. Эти стелы ведут свое происхождение от распространенных в период Среднего царства полукруглых плоских, вырезанных из слоновой кости предметов – так называемых магических жезлов с выгравированными на их поверхности фигурами богов и гениев – покровителей человека, в числе которых обязательно присутствует бог Бес. Если не

¹ Golénisheff W.S. Die Metternichstele in der Originalgröße. Zum ersten Mal herausgegeben. Lpz, 1877.

² Краткое изложение текста имеется в кн.: Тураев Б.А., Мальмберг В.К. Описание египетского собрания. Т.1. Статуи и статуэтки Голенищевского собрания. СПб., 1917.

³ Hodjash S., Berlev O. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow – Leningrad, 1982. № 181 – I, 1a 4468; № 182 – I, 1a 4467; № 183 – I, 1a 4469; № 184 – I, 1a 4963; № 186 – I, 1a 4474; № 187 – I, 1a 4466; № 188 – I, 1a 4960; № 189 – I, 1a 4971; № 190 – I, 1a 4483; № 191 – I, 1a 5415; № 192 – I, 1a 4491; № 193 – I, 1a 4962; № 194 – I, 1a 4494; № 195 – I, 1a 4490; № 196 – I, 1a 4261; № 197 – I, 1a 4492.

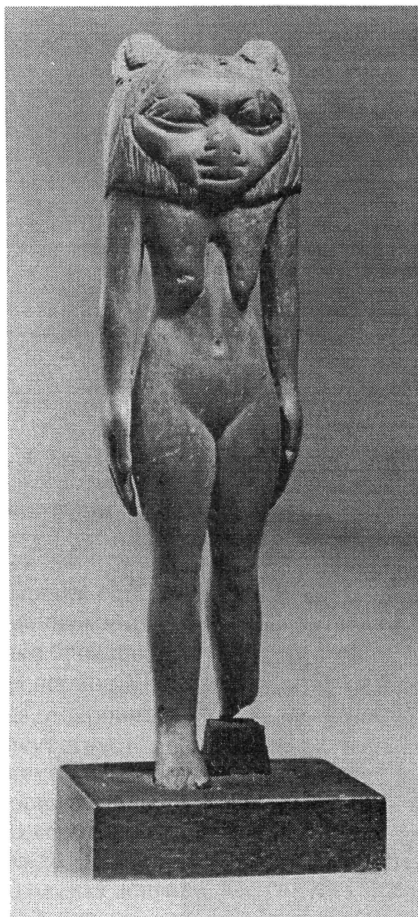

Рис. 1. Статуэтка жены Беса – Бесит. I, 1a 5669. Дерево. Выс. 10 см. Среднее царство

Рис. 2. Бес с сосудом. I, 1a 4215. Диорит. Выс. 6,9 см. Новое царство, XVIII династия

считать карликообразных существ на додинастических сосудах и карликов эпохи Древнего царства изображениями Беса, то фигурки этого бога на магических жезлах будут наиболее ранними его изображениями (I, 1a 4860)⁴.

Необычная иконография Беса, изображаемого не только в профиль, но и анфас – в отличие от всех прочих египетских богов (за исключением Хатхор), всегда изображавшихся на рельефах и росписях в профиль, – породила многочисленные гипотезы о его происхождении. Одни считают его выходцем из Аравии⁵, другие – из Экваториальной Африки, третьи – из Передней Азии. В свое время английский египтолог Бадж настаивал на египетском происхождении Беса⁶. Спор этот не утихает до сих пор.

Среди коллекции Бесов ГМИИ наиболее ранней является деревянная статуэтка жены бога – Бесит (I, 1a 5669) (рис. 1). Она датируется Средним царством. Бесит изображена идущей, с плотно прижатыми к телу руками. На ее лице маска льва, на голове львиная шкура. Шерсть животного обозначена прямыми врезанными линиями.

⁴ Ходжаи С.И. Жезл и туалетный сосуд с изображением сцены магической защиты // Древний Египет. Сб. ст. М., 1960. С. 240–260.

⁵ Hommel Fr. Die Federkrone und die Götter Bes wird Anuket. München, 1900.

⁶ Budge E.A.W. The Egyptian Sudan. L., 1907.

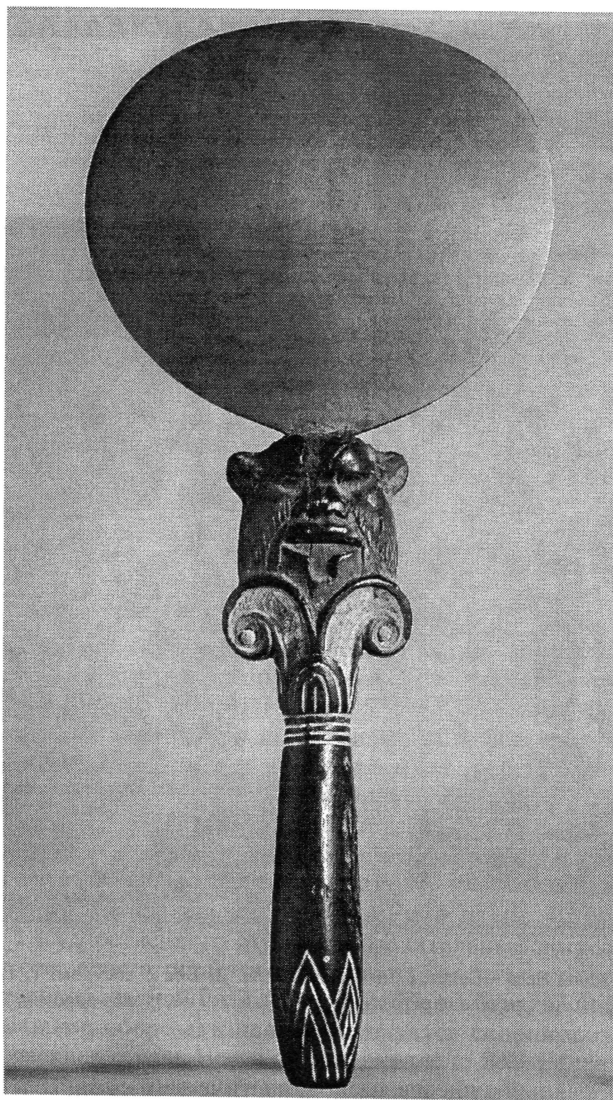

Рис. 3. Зеркало с ручкой в форме колонны с головой Беса. I, 1a 1735. Бронза, дерево. Выс. 28 см. Новое царство, XVIII династия

Статуэтки Бесит периода Среднего царства встречаются очень редко. Московская статуэтка имеет всего одну аналогию – костяную статуэтку Бесит из Дейр эль-Медина⁷.

К началу XVIII династии иконография Бесит и Беса меняется: львиная маска сливается с лицом божеств, а накинутая на плечи шкура превращается в покров. На каменной статуэтке Беса (I, 1a 4215)⁸ бог изображен в широком препоясании, из-под которого свисает львиный хвост. Волосы на голове бога обозначены прямыми пересекающимися линиями, борода и усы, переданные прямыми параллельными линиями,

⁷ Bruyere B. Le culte de Bes, de Taurt et d'Hathor dans les atelies de nécropoles // Rapport sur les fouilles de Deir el Medinach (1934–1935). Le Caire, 1939. P. 94.

⁸ Павлов В.В., Ходжаш С.И. Египетская пластика малых форм. М., 1985. С. 85.

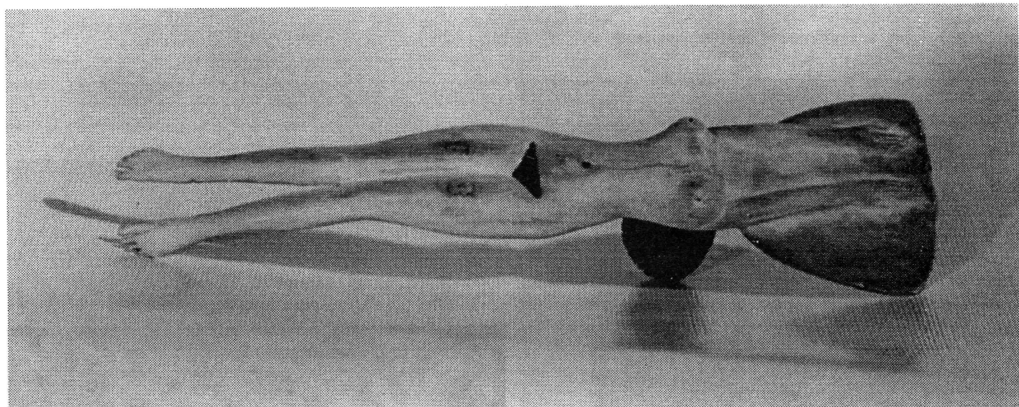

Рис. 4. Туалетная ложечка в форме плывущей девушки с цветком лотоса в руках. I, 1a 3627. На обеих голених вытатуированы фигурки Бесов. Слоновая кость, эбеновое дерево. Дл. 16,5 см. Новое царство, XVIII династия

выглядят естественно и просто. Руки Беса лежат на большом сосуде, украшенном гирляндами из лепестков лотоса (рис. 2). Аналогично трактована и голова Беса на ручке бронзового зеркала (I, 1a 1735)⁹ (рис. 3).

В период XVIII династии особенно проявилась апотрофическая роль Беса – защитника, покровителя домашнего очага, женщин и детей. На храме в Дейр эль-Бахри Бес присутствует при рождении царицы Хатшепсут¹⁰. На спинке кровати Юи и Туи, родителей¹¹ царицы Тии, Бес оберегает спящих. У бога всегда приветливое улыбающееся лицо, своим присутствием он приносит радость и благополучие.

В середине XVIII династии была создана туалетная ложечка в форме цветка розового лотоса, ручка которой выполнена в виде плывущей девушки (I, 1a 3627) (рис. 4). На голених девушки выгравированы изображения бога Беса. Долгое время наличие на теле девушки татуировки считалось признаком незнатного происхождения пловчихи¹², но недавно в Каталоге выставки, проходившей в Музее г. Кливленда и посвященной искусству времени фараона Аменхотепа III, американский египтолог А. Козлоф выдвинула теорию божественной сущности девушки, держащей лотос. По ее мнению, закрытый лотос в руках девушки символизирует ночь, поглощающую солнце. Открытая крышка ложечки олицетворяет восход солнца и освобождение от тьмы¹³. Изображения Бесов времени правления сына Аменхотепа III – Аменхотепа IV по своим функциям и иконографии близки предшествующему периоду. От этого времени дошло много изображений Беса, так как среди немногих богов, почитаемых после реформы Эхнатона, он не только занял важное место, но и приобрел большую популярность¹⁴. Его изображениями украшали мебель и утварь, сосуды, серьги, кольца, подвески. Бог-страж обычно весел, доброжелателен, улыбчив. Он часто изображался музицирующим – бьющим в бубен, ударяющим в барабан, играющим на флейте.

⁹ Они же. Художественное ремесло древнего Египта. М., 1959. С. 109.

¹⁰ Naville E. The Temple of Deir el Bahri. L., 1905. Pl. LI.

¹¹ Quibell J.E. The Tomb of Juua and Thuiu. Catalogue Général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Le Caire, 1908. Pl. XXIX, XXX.

¹² Павлов В.В. Туалетная ложечка № 3627 из собрания ГМИИ // ВДИ. 1950. № 1.

¹³ См. Amenophis III. Le Pharaon-Soleil. P., 1993. P. 303–304. № 74.

¹⁴ Bissing F., Block H. Eine Weihnung sieben Hathor // ZÄS. 1926. 61. S. 83–93.

Рис. 5. Статуэтка Беса. I, 1а 4274. Глина. Выс. 9,5 см. XXVI династия

Рис. 6. Статуэтка Беса. I, 1а 4214. Фаянс. Выс. 6,2 см. XXVI династия

Бесы периода Рамессидов менее дружелюбны. Улыбка исчезла с их лица. Изображения стали схематичнее и условнее. Грива обозначается мелкими, помещенными один в другой прямоугольниками с закругленными краями, борода рисуется волнистыми линиями, условными линиями передаются морщины на лбу и щеках (I, 1а 5016).

Значительная часть статуэток Беса ГМИИ датируется правлением XXVI Саисской династии. Саисские статуэтки разнообразны не только по своей иконографии, но и по материалу: Бесы изготовлены из пестрого диорита (I, 1а 4223), красного сердолика (I, 1а 4226), из глины (I, 1а 4274) (рис. 5), фаянса (I, 1а 4214) (рис. 6), (I, 1а 4205) (рис. 7), бронзы (I, 1а 4252).

Для статуэток Бесов Саисской династии характерна условная передача черт лица, обозначение волос бороды и усов параллельными линиями с закругленными концами. В Саисский период была изготовлена статуэтка Беса, у ног которого помещена газель, которая в данном случае означает побежденное богом зло (I, 1а 4230). Но на другой статуэтке (I, 1а 4294) (рис. 7) Бес показан «под покровительством» газели. Но особенно часто Бес выступает в своей главной роли – змееборца (I, 1а 4265). Бронзовая статуэтка, изображающая Беса, стоящего на четырех львах, раскрывает

Рис. 7. Статуэтка Беса. I, 1a 4205. Фаянс. Выс. 6,5 см. XXVI династия

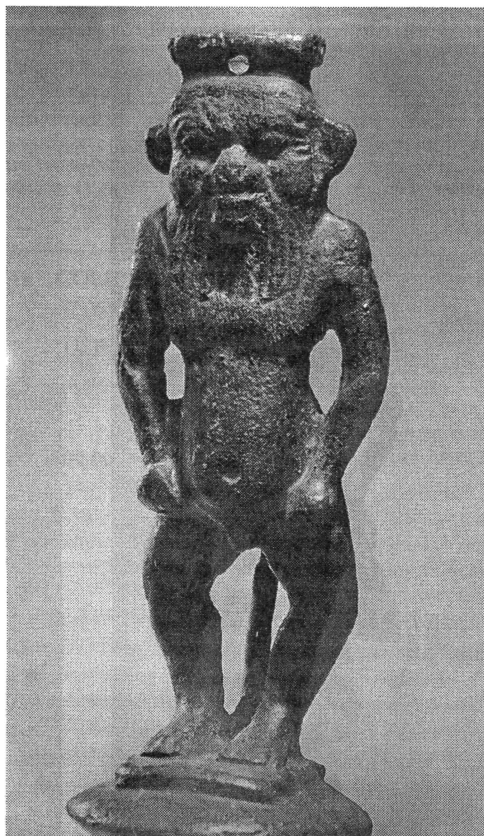

Рис. 8. Статуэтка Беса на папирусообразной колонне. I, 1a 4277. Бронза. Выс. 20,5 см. XXVI династия

связь бога с солнечными культами, одним из символов которого был лев (I, 1a 4201). На еще одной бронзовой статуэтке Беса времени XXVI династии на его руке сидит бог Хор в образе сокола (I, 1a 4264). Согласно мифу Бес являлся воспитателем солнечного бога Хора.

Наряду с изображениями Беса В.С. Голенищев собирал и изображения теснейшим образом связанного с ним бога Пта-Сокара. На статуэтке I, 1a 4230 Бес показан под покровительством последнего. К Саисскому периоду относится статуэтка Беса, стоящего на папирусообразной колонне (I, 1a 4277) (рис. 8), и ручка от систра в виде стоящего бога Беса, над которым помещена голова богини-коровы Хатхор (I, 1a 5444). Связь Беса и Хатхор не случайна. В знаменитом мифе о возвращении Хатхор-Тэфнут из Нубии в качестве спутников опьяневшей львицы упоминаются и Бесы¹⁵.

Также к саисскому периоду относятся и статуэтки крылатых Бесов. Впервые подобное изображение бога встречается на кровати родителей царицы Тии. В отличие от веселых, улыбающихся Бесов XVIII династии, крылатые Бесы XXVI династии выглядят более суровыми (I, 1a 4241).

В собрании Музея имеется несколько совместных изображений Беса и Бесит. На одном мощная широкобедрая Бесит несет на плечах своего маленького, карликообраз-

¹⁵ Ballod F. Prolegomena zur Geschichte der zwerghaften Götter in Ägypten. Moskau, 1913. S. 65–69.

Рис. 9. Статуэтка жены Беса – Бесит с Бесом на плечах. I, 1а 4275. Дерево. Выс. 15 см. Период эллинизма.

Рис. 10. Статуэтка Беса, держащего наос с Харпократом. I, 1а 4269. Глина. Выс. 10,5 см. Римский период

ного мужа (I, 1а 4275) (рис. 9), на другом – нежные супруги, обнявшись, стоят на папирусообразной колонне (I, 1а 4225) или веселятся под удары бубна (I, 1а 4254).

В эллинистический и римский периоды культ Беса органически вошел в культ античных богов: Диониса, Гермеса, Геракла. К примеру, на одном из изображений Бес несет на плечах наос с изображением маленького Харпократа (I, 1а 4269) (рис. 10). В период эллинизма изготовлены также полихромные глиняные статуэтки (I, 1а 4260; I, 1а 6748; I, 1а 4248). Синкретический характер бога сказался в его иконографии. Необычный головной убор с пальмовидной колонной с двумя волютами украшает тиару глиняной статуэтки Беса эллинистического времени (I, 1а 2955). В римский период усилились воинственные черты Беса, появившиеся уже при Рамессадах: многие статуэтки изображают бога, вооруженного мечом (I, 1а 4243; I, 1а 4244; I, 1а 4279). Бес также показан в одежде римского воина со всеми доспехами (I, 1а 4268).

Собрание статуэток бога Беса в коллекции В.С. Голенищева – одно из самых богатых из мировых собраний изображений этого божества. Оно дает представление не только об эволюции культа Беса, но и отражает все иконографические и стилистические особенности его изображений на протяжении более двух тысячелетий¹⁶.

С.И. Ходжаиш

FIGURINES OF GOD BES FROM THE COLLECTION OF THE STATE
MUSEUM OF FINE ARTS
(THE PUSHKIN MUSEUM)

S.I. Hodjash

This is a publication of ten figurines of god Bes from the collection of the State Museum of Fine Arts (the Pushkin Museum).

---

¹⁶ Кроме коллекции Бесов из собрания В.С. Голенищева, в ГМИИ им. А.С. Пушкина также хранится несколько изображений бога Беса из Музея-Института классического Востока, поступивших в ГМИИ в 1924 г., и несколько бронзовых статуэток этого бога из коллекции бывшего сотрудника Отдела Востока ГМИИ А.В. Живаго, переданные по его завещанию в 1940 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2001 г.

JURGEN VON BECKERATH. Chronologie des pharaonischen Ägypten: Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. München–Berlin: Verlag Philipp von Zabern, 1998. 244 S. (Münchener ägyptologische Studien, Band 46)

Имя немецкого исследователя Ю. фон Бекерата хорошо известно среди египтологов, в первую очередь благодаря его монографическим работам, посвященным трудным вопросам древнеегипетской истории и хронологии II переходного периода и Нового царства¹. Вместе с тем он видит свою задачу в создании, помимо чисто исследовательских трудов, также и обобщающих компендиумов на основе материала, как собранного им в ходе собственных изысканий, так и известного ему как египтологу широкой эрудиции; их справочный характер предопределяет существенно сокращенное изложение аргументации, что не снижает широты их охвата и научной ценности. К подобным работам, вошедшим в серию «Мюнхенских египтологических исследований», относятся изданный в 1984 г. свод египетских царских имен² и рассматриваемая в нашей рецензии «Хронология Египта эпохи фараонов», увидевшая свет в 1998 г. И по замыслу, и по исполнению этот труд является итогом продолжительного этапа развития исследований по египетской хронологии. Начало этого этапа было определено тремя новыми факторами: адекватной и полной реконструкцией египетского календаря и астрономическими расчетами Р. Паркера³, сводной реинтерпретацией манефоновской традиции, предпринятой В. Хельком⁴ и, наконец, построением М. Роутоном и Э. Хорнунгом разветвленной системы египетско-переднеазиатских синхронизмов⁵, которая с осуществлением сводной реконструкции ассирийского царского списка (оказавшейся возможной после открытий 40-х годов) превратилась в важную опору абсолютной хронологии Египта. На всех этих направлениях в последующем были достигнуты новые успехи (упомянем исследования В. Барты и Р. Краусса в области древнеегипетского календаря⁶, споры вокруг возможной коррекции астрономических расчетов А. Паркера⁷, существенное уточнение среднеассирийской хронологии Й. Бёзе и Г. Вильгельмом⁸, множество хронологических исследований по отдельным правлениям, династиям и целым эпохам, особенно Новому царству и III Переходному периоду).

В 80-е годы это бурное развитие оказалось в значительной мере исчерпано: по ряду вопросов было достигнуто почти полное согласие, по другим – окончательно кристаллизовались различные точки зрения, каждая со своим устоявшимся набором аргументов⁹. Это

¹ *Beckerath J. von. Untersuchungen zur politischen Geschichte der Zweiten Zwischenzeit in Ägypten. Glückstadt – Hamburg – New York, 1964; idem. Chronologie der ägyptischen Neuen Reiches. Hildesheim, 1994.*

² *Idem. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. München, 1984.*

³ *Parker R.A. The Calendars of Ancient Egypt. Chicago, 1950; idem. The Lunar Dates of Thutmose III and Ramesses II // JNES. 1957. 16.*

⁴ *Helck W. Untersuchungen zu Manetho und den ägyptischen Königslisten. B., 1956.*

⁵ *Rowton M.B. Comparative Chronology at the Time of Dynasty XIX // JNES. 1960. 19.1; Hornung E. Untersuchungen zur Chronologie und Geschichte des Neuen Reiches. Wiesbaden, 1964.*

⁶ *Barta W. Zur Entwicklung des ägyptischen Kalenderwesens // ZÄS. 1983. 110; Krauss R. Sothis und Monddaten. Hildesheim, 1985.*

⁷ *Casperson L.W. The Lunar Dates of Thutmose III // JNES. 1986. 45. 2; idem. The Lunar Dates of Ramesses II // JNES. 1988. 47. 3; Wells R.A. Some Astronomical Reflections on Parker's Contributions to Egyptian Chronology // Egyptological Studies in Honor of Richard A. Parker. Hanover, 1986.*

⁸ *Boese J., Wilhelm G. Aššur-dan I, Ninurta-apil-Ekur und die mittelassyrische Chronologie // WZKM. 1979. 71.*

⁹ Прежде всего это касается «краткой», «средней» и «долгой» хронологий Нового царства (соот-

положение дел было подтверждено на авторитетном международном форуме 1987 г.¹⁰, несколько лет спустя У. Уорд составил краткий перечень вопросов, решенных или поставленных предыдущими десятилетиями¹¹. Успешной попыткой подробно осветить и разрешить, насколько возможно, эти вопросы, и является рецензируемый труд Ю. фон Бекерата. Обобщение результатов, достигнутых несколькими десятками ученых за полвека, беспрецедентное построение сводной непрерывной хронологии всей древнеегипетской истории и компактная сводка основных источников по теме составляют основные преимущества данного труда. Обратной стороной избранного автором жанра, как представляется, стало повторение некоторых общих мест египтологической литературы, которые, будучи взяты сами по себе, внушают куда больше сомнений, чем при восприятии в потоке почти безоговорочно воспроизводящей их историографии.

Во вступлении к своему труду (с. IX) Ю. фон Бекерат указывает, что сама подготовка издания такого рода встала на повестку дня египтологии по причине морального старения большинства существующих обобщающих исследований по хронологии древнего Египта. Определяя возможный круг своих читателей, он надеется, что в их числе, помимо египтологов, окажутся специалисты по истории других регионов древнего Востока и классической античности: в связи с этим Ю. фон Бекерат счел возможным отказаться в данной работе не только от подробного обоснования ряда выводов (в частности, проблемы датировки восшествия на престол ряда фараонов Нового царства, которая обсуждается в его специальной монографии по данному периоду), но и от использования научной транслитерации при передаче египетских слов и имен.

Структурно «Хронология Египта эпохи фараонов» состоит из трех больших частей. В первой из них («Средства к установлению дат древнеегипетской истории» – с. 3–76) Ю. фон Бекерат дает исключительно подробный обзор тех источников и содержащихся в них опорных пунктов, на основе которых оказывается возможным воссоздать целостную картину древнеегипетской хронологии. Во второй части («Хронология древнеегипетской истории до 332 г. до н.э.» – с. 79–183) дается концентрированный, но все же достаточно подробный анализ материала, относящегося к различным этапам истории древнего Египта, и предлагаются решения основных проблем, связанных с установлением их хронологии. Наконец, третья часть представляет собой свод приложений (с. 187–231). В этот свод вошли: хронологическая таблица истории Египта, таблицы для перевода дат юлианского календаря в григорианские и определения начала египетского года на протяжении всей истории древнего Египта, а также ряд важнейших источников, прежде всего манефоновский и древнеегипетские царские списки. Работа снабжена индексом имен египетских фараонов с указанием продолжительности их пребывания на престоле (с. 232–242) и правителей Передней Азии (с. 243–244). Появление такого индекса совершенно закономерно, учитывая, что основой для реконструкции хронологии древнего Египта служат именно его династическая история и синхронизмы между деяниями фараонов и их переднеазиатских современников.

В начале своей работы Ю. фон Бекерат приводит периодизацию древнеегипетской истории (с. 6), которая несколько отличается от принятой в отечественной литературе. В частности, XIII династия (XVIII в. до н.э.) относится им не к Среднему царству, а ко II Переходному периоду, что, учитывая калейдоскопическую смену ее царей, свидетельствующую, по мнению автора, о начале внутренних неурядиц, оказывается оправданным. К Позднему времени египетской истории отнесено правление XXVI–XXXI царских династий; иными словами, Ю. фон Бекерат включает в это понятие эпоху относительной стабильности египетского государства в VII–IV вв. до н.э. под властью как местных, так и персидских династий, не прерываемой периодами его распада. Что касается понятия III Переходного периода, то оно, в соответствии со сложившейся в западной египтологии традицией¹², соотносится со временем правления XXI–XXV династий (XI–VII вв. до н.э.). Как представляется, само употребление понятия «переходный период» в отечественной и зарубежной египтологии характеризуется существенными отличиями: отечественные исследовате-

---

ответственно 1479: 1279/76, 1490: 1290 и 1504: 1304 для дат воцарения Тутмоса III и Рамсеса II – единственных новоегипетских дат воцарения, которые можно вычислить астрономически, причем с этой точки зрения все приведенные даты оказываются одинаково или почти одинаково возможны).

¹⁰ High, Middle or Low? Acts of an International Colloquium in Absolute Chronology held at University of Rothenburg 20–22.08. Göteborg, 1987.

¹¹ Ward W.A. The Present Status of Egyptian Chronology // BASOR. 1992. 288.

¹² См. Kitchen K.A. The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B.C.). Warminster, 1986.

ли, возможно по причине семантических особенностей данного термина в русском языке, склонны обозначать им периоды не просто распада египетского государства, но также качественных изменений в общественной и политической структуре Египта, служащих закономерной подготовкой нового этапа его объединения. В то же время при употреблении аналогичных терминов в работах зарубежных авторов имеется в виду только то, что обозначаемые ими эпохи представляют собой некие разрывы, промежутки в существовании единого египетского государства. Промежуток египетской истории от падения Нового царства и до объединения Египта саисской династией, строго говоря, не обладает внутренним единством с точки зрения протекавших на его протяжении объективных процессов. В то же время принципиальной чертой, свойственной всему этому промежутку времени, была существенная политическая децентрализация Египта. Этой общей черты, при той трактовке термина «переходный период», которая свойственна зарубежной египтологии и, в частности, работе Ю. фон Бекерата, окажется вполне достаточно, чтобы выделить указанный исторический промежуток в единый хронологический этап и тем самым серьезно упорядочить периодизацию египетской истории I тыс. до н.э.

В первой части своей работы Ю. фон Бекерат подробно останавливается на принципах египетского времяисчисления, прослеживая вероятную эволюцию египетского календаря от счета времени по сельскохозяйственным сезонам до введения «переменного года», состоящего из 12 «стандартных» 30-дневных месяцев и 5 дней эпагомен при отсутствии високоса (с. 7–9). Вслед за большинством современных авторов он полагает, что традиционная «привязка» введения «плавающего года» к очередному апокатастасису¹³ скорее всего неверна. По его мнению, введение «переменного года» в один из таких моментов (по различным астрономическим подсчетам это были 2781, 2767, 2738 годы до н.э.) скорее должно было бы сразу подчеркнуть несовершенство такой системы летосчисления и сразу привести к ее модификации, так как однодневное расхождение между календарным и астрономическим новым годом было бы обнаружено в течение первых же четырех лет ее существования (с. 9). Очевидно, как и у большинства календарей, точка отсчета времени не совпадает с датой введения самого календаря, а предшествует ей. В настоящее время эту точку зрения Ю. фон Бекерата можно признать устаревшей. В одной из последних своих работ (на которую нам еще не раз предстоит ссылаться) О.Д. Берлев твердо доказал, что эра Сотис была введена Джосером в связи с реальным наблюдением гелиакального восхода Сириуса¹⁴ (по всей вероятности, совпавшего с началом календарного года). Учитывая независимую датировку правления Джосера именно XXVIII веком, отрывать это наблюдение от соответствующего апокатастасиса оказывается практически невозможным. Это ключевое открытие впервые позволяет поставить на относительно твердую астрономическую базу абсолютную хронологию Древнего царства.

В работе Ю. фон Бекерата представлен практически исчерпывающий, хотя в силу необходимости и компактный обзор источников по египетской хронологии, включающий разделы по летописи «Палермского камня» (с. 13–18), египетским царским спискам (с. 19–27) и труду Манефона (с. 35–40). Не были оставлены в стороне данные автобиографий и генеалогий частных лиц, представляющие интерес в связи с египетской хронологией (с. 28–31). Обращение к этим просопографическим материалам в поисках любых данных, которые могли бы хоть как-то дополнить известные факты и помочь в разрешении ряда «вечных» проблем египетской хронологии, стало одним из наиболее важных новшеств в литературе 70-х–90-х годов (особенно французской), и Ю. фон Бекерат взял на себя роль подытожить их данные (не преувеличивая, однако, их значения вслед за слишком оптимистически настроенными зачинателями этих исследований). Обзору подверглись даже дающие в хронологическом смысле довольно мало материалы античных авторов (с. 32–35).

Специальный раздел посвящен астрономическим и иным естественнонаучным данным (с. 41–56). Принципиальные, давно сформулированные проблемы астрономической хронологии Египта получают у автора следующие решения. Относительно так называемых Сотис-дат (даты гелиакального восхода Сотиса, получающие абсолютную датировку в рамках Большого года Сотис) он считает по общим соображениям, что день гелиакального восхода Сотиса определялся наблюдениями, а не механическим отсчитыванием тетраэте-

¹³ Моменту первого совпадения дня календарного начала египетского года (I Тота) с гелиакальным восходом Сириуса (егип. Сопдет, греч. Сотис; такое совпадение повторяется по четыре года подряд каждые 1450–1460 лет), т.е. началу очередного Большого «1460-летнего» года эры Сотис.

¹⁴ Берлев О.Д. Два периода Сотис между Годом 18 царя Сену или Тосортроса и Годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет. Язык, культура, сознание. М., 1999. С. 42–62.

рид. При использовании Сотис-даты, т.е. при переводе ее в абсолютную, конечная датировка может колебаться примерно на два десятилетия в зависимости от того, в каком месте Египта проводилось соответствующее наблюдение гелиакального восхода Сириуса, и еще на одно-два – в зависимости от того, какой угол наблюдения, т.е. какую наблюдательную способность мы признаем за древними египтянами. Ю. фон Бекерат полагает, что дата Цензорина¹⁵, как и Иллахунская дата¹⁶ (устанавливающая хронологию Среднего царства), определялись наблюдениями в Мемфисе, а Эберс-дата¹⁷ – либо в Мемфисе, либо в Фивах. Нашумевшее недавно предположение Р. Краусса о том, что все наблюдения проводились в Элефантине, на крайнем южном рубеже Египта, полностью отвергается Ю. фон Бекератом, справедливо увязывающим места наблюдений с центральными (хотя бы в прошлом) районами. Аргументы, приведенные в упоминавшейся работе О.Д. Берлева, позволяют уточнить этот вывод и с высокой степенью вероятности принять, что все наблюдения, связанные с эрой Сотис, считались делом сугубо мемфисским и проводились именно в этом городе.

Ю. фон Бекерат приводит описание всех Сотис-дат, даже практически не подлежащих использованию в силу своей неопределенности, но при этом отказывает в ценности знаменитой «Менофрес-дате». Как известно, по сообщению Теона Александрийского (IV в. н.э.) предыдущий Большой год Сотиса начался в 1322/1321 г. до н.э. (как это было бы, если бы его наблюдали в Мемфисе; при других местах наблюдения дата могла бы, учитывая все неизвестные, выпасть на различные моменты в промежутке от 1322 до 1270-х гг.), в некоей связи с правлением царя по имени «Менофрес», и сама эра Сотиса определяется как эра «от Менофреса».

Идентификация этого царя стала настоящей головоломкой для поколений египтологов, так как в нужный период вполне подходящих царских имен нет вообще, а относительно подходящие цари (Рамсес I Менпехтира и Сети I Менмаатра) по своим ожидаемым датировкам не очень подходят для синхронизации с вероятными датами нужного апокатастасиса. В этих условиях многие авторы, к которым присоединяется и Ю. фон Бекерат, нашли выход в том, чтобы считать «Менофрес-дату» и саму эру Сотиса плодами ни к чему нас не обязывающих искусственных построений александрийских ученых, а не элементами аутентичной древнеегипетской хронографии. Однако характер сообщений об эре «от Менофреса» – эре Сотиса побуждает считать, что она принадлежала исконной аутентичной египетской традиции. И в этот вопрос ясность вносит упоминавшаяся работа О.Д. Берлева, продемонстрировавшего, что «Менофрес», т.е. «Мемфисец», было стандартным египетским прозвищем Джосера, действительно введенной эру Сотис, которая заслуженно получила имя «эры Менофреса»; этот термин и это имя в свою очередь закономерно сопоставлялись с каждым очередным апокатастасисом как началом нового цикла «эры Менофреса». Таким образом, сообщение Теона действительно достоверно и имеет египетское происхождение, но не влияет на хронологию – ни ново-, ни староегипетскую, так как реальный «Менофрес» – это Джосер, а единовременность Джосера очередному апокатастасису доказывается и без того.

При использовании второго крупнейшего блока древнеегипетских астрономических дат – «лунных» дат *песеджентию* (первый день предрассветной невидимости старой луны) – основной вопрос состоит в том, отсчитывались ли эти дни по жесткой схеме, как это во всяком случае делали во второй половине I тыс., или определялись наблюдениями. Во втором случае ошибка самих египтян в определении дня *песеджентию* по сравнению с астрономическим новолунием оставалась бы в пределах +/- 1 дня, в первом могла достигать +/- 2 (из-за дополнительного отставания календарной схемы от течения времени). Соответствующие поправки при переводе египетских *песеджентию* в абсолютные даты оказались бы довольно существенны. Ю. фон Бекерат решительно склоняется ко второму варианту (наблюдения и возможная ошибка на один день), минимизируя поправку. Обращаясь к радиоуглеродным датам (играющим важнейшую роль при датировке начальных этапов египетской истории), Ю. фон Бекерат дает их очень ценную сводку (с. 56); при этом он принимает бесспорное повышение «старых» радиоуглеродных дат по Либби, связанное с уточнением периода полураспада углерода с 5568 до 5730 лет, но отказывается применять дискуссионную дендрохронологическую поправку, еще более повышающую эти даты.

¹⁵ 139 г. н.э. – начало очередного Большого года Сотис.

¹⁶ Гелиакальный восход Сириуса 16.4.II. 7-го года Сенусерта III.

¹⁷ Гелиакальный восход Сириуса 9.3.III. 9-го года Аменхотепа I.

Огромное внимание уделено Ю. фон Бекератом синхронизмам египетской, переднеазиатской и греческой истории (с. 57–72), используемым при реконструкции древнеегипетской хронологии. Поскольку вся переднеазиатская хронология позднебронзового века привязывается наполовину к египетской, наполовину к ассирийской хронологии, соответствующий раздел имеет большую ценность для всех специалистов по истории Ближнего Востока. Надо отметить, что автор – один из немногих египтологов, учитывающих сравнительно недавно (в 1979 г.) доказанное Г. Вильгельмом и В. Бёзе понижение среднеассирийских дат на 10 лет; это понижение делает, учитывая всю сетку синхронизмов, крайне маловероятной «высокую» хронологию Нового царства. Две другие ключевые проблемы в этой области – это идентификация египетского царя «Нибхурурияса» хеттских источников (из которых можно вывести, что «Нибхурурияс» умер за 5–10 лет до хеттского Суппилулиумаса) и хронологическая интерпретация КВо I 10 – письма Хаттусилиса III вавилонскому царю Кадашман-Эллилю II.

Имя Нибхурурияса можно сопоставлять с солнечными именами как Аменхотепа IV, так и Тутанхамона; от выбора в этой области зависит реконструкция как амарнской, так и хеттской хронологии. Ю. фон Бекерат решительно принимает отождествление с Тутанхамоном, неоднократно и надежно доказанное в целом ряде работ, хотя некоторые видные египтологи до сих пор его игнорируют.

При изучении письма КВо I 10 основная проблема сводится к тому, чтобы определить по его содержанию, когда воцарился Кадашман-Эллиль II – до знаменитого хетто-египетского мира 21-го года Рамсеса II или после? Не вдаваясь в детали, отметим, что в свете коррекции ассирийских (а тем самым и вавилонских) дат, проведенной Й. Бёзе и Г. Вильгельмом, первый выбор фактически потребует «короткой» новоегипетской хронологии, а второй – «средней» (или, что гораздо менее вероятно, «высокой»). Поскольку письмо Хаттусилиса III содержит пространные воспоминания о его ссорах с Египтом при отце адресата, Кадашман-Тургу, и в то же время заканчивается изъявлением готовности примириться с только что состоявшимся установлением египетско-вавилонской дружбы при самом Кадашман-Эллиле, Ю. фон Бекерат заключает, что КВо I 10 написано «по горячим следам» войны, практически одновременно с заключением хетто-египетского мира 21-го года, и является последней точкой в скоротечном конфликте между Хаттусилисом III и Кадашман-Эллилем, который был затеян хеттским царем из-за того самого установления египто-вавилонской дружбы при Кадашман-Эллиле. Подобный конфликт, по мнению Ю. фон Бекерата, мог начаться только в условиях еще идущей хетто-египетской войны. Соответственно Кадашман-Эллиль воцаряется до мира 21-го года Рамсеса, и Ю. фон Бекерат приходит к «короткой» (практически общепринятой сейчас) хронологии Нового царства (с. 67)¹⁸.

С нашей точки зрения вся эта сложная конструкция неприемлема. Во-первых, КВо I 10 не содержит даже намека на какое-то предшествующее (да еще непосредственно предшествующее) выяснение отношений с Кадашман-Эллилем по поводу Египта, что было бы практически необъяснимо, если бы такое выяснение имело место в действительности. Во-вторых, последняя из ссор, которые разгорелись у Хаттусилиса III с Египтом еще при жизни Кадашман-Тургу, началась, по изложению КВо I 10: 66–71, из-за того, что Рамсес не выполнил требования Хаттусилиса вернуть ему некоего «врага» – перебежчика из Хатти в Египет. Такое требование, а соответственно и вся ссора мыслимы только в период *после* заключения мирного договора 21-го года (по которому, в частности, полагалось выдавать друг другу перебежчиков)¹⁹. Таким образом, договор 21-го года был заключен еще при Кадашман-Тургу, до воцарения Кадашман-Эллиля, что говорит против принятой Ю. фон Бекератом «короткой» хронологии.

Наконец, автор уделил внимание существенным для его темы сведениям о праздновании юбилеев царствования и институте соправительства в Египте, а также хронологическим данным стел о погребении священных быков Аписов (с. 73–76).

Вторая часть работы Ю. фон Бекерата, представляющая собой систематический очерк древнеегипетской хронологии, построена по несколько необычному, но оправдавшему себя принципу: автор начинает свои хронологические выкладки с самых поздних этапов истории

¹⁸ С отсылкой к кн.: *Beckerath. Chronologie der ägyptischen Neuen Reiches. S. 24–29.*

¹⁹ На фоне уже идущей войны сама просьба выдать перебежчика, обращенная к врагу, выглядела бы совершенно нелепо (а отказ в ней ни к какой дополнительной ссоре, достойной специального обоснования и описания в КВо I 10, привести бы не мог: война уже сама по себе является наивысшим проявлением враждебности).

древнего Египта, события которых датируются с наибольшей уверенностью, и далее продвигается «вглубь нее», как бы отталкиваясь от этих датировок. Во вступительном разделе к данной части своей работы Ю. фон Бекерат перечисляет основные абсолютные датировки, служащие «опорными точками» для реконструкции древнеегипетской хронологии в целом²⁰. Заметим, что их оказывается не так уж много: это достоверно известные по античным источникам даты завоевания Египта Александром Великим и Камбисом, синхронизм событий царствований Шешонка I и Ровоама Иудейского, позволяющий определить начало правления XXII ливийской династии, датировки новолуний в годы правления Рамсеса II и Тутмоса III и «киллахунская дата» наблюдения Сириуса при Сенусерте III, на основе которых устанавливаются точные даты начальных лет соответствующих царствований (с. 79). Именно комбинирование данных об этих «опорных точках» с данными источников о продолжительности правлений египетских фараонов и их династий позволяет определить их абсолютные датировки и воссоздать единую картину древнеегипетской хронологии. Подобный метод, впервые четко определенный Л. Борхардтом в 30-х годах XX в., быстро стал классическим в немецкой египтологии.

Важнейшим промежуточным этапом этой работы оказывается возможно более точное воссоздание последовательности и продолжительности отдельных царствований, которое проводится Ю. фон Бекератом путем критического анализа всего спектра относящихся к ним источников. О тщательности этого анализа можно судить хотя бы на примере небольшого раздела, посвященного одному из самых запутанных периодов египетской истории – эпохе второго персидского владычества в Египте (с. 81–83). В нем Ю. фон Бекерат сопоставляет данные хронологического «Канона» Клавдия Птолемея и эпитомы Манефона в изложении армянской версии Евсевия и «Хроники» Иеронима, обращая, кстати, внимание на то, что сведения о XXXI персидской династии царей Египта оказываются сравнительно поздней вставкой, отсутствовавшей в первоначальной версии труда Манефона²¹. Указание эпитомы на то, что завоевание Египта Артаксерксом III последовало на 20-м году его правления в Персии, противоречит сведениям античных авторов, согласно которым оно произошло в 343/342 гг. до н.э. (к этому времени пошел лишь 17-й год пребывания Артаксеркса у власти). Ю. фон Бекерат находит весьма остроумный выход из данного противоречия, предположив, что составитель эпитомы при определении продолжительности правления Артаксеркса ориентировался на некий персидский или восходящий к персидскому источник, согласно которому завоевание этим царем Египта приходилось на 16-й год его царствования в вавилонской календарной системе. Виной дальнейшего искажения этих сведений стала их греческая передача: легко представить, как означавшее «16» сочетание *iota* и *sigmy* в рукописном написании могло быть принято за *kanu* с числовым значением «20». Именно это ошибочное чтение и закрепилось в окончательном варианте эпитомы Манефона в передаче Африкана. Ю. фон Бекерат тщательно определяет реальные и календарные²² даты начала царствований последних Ахеменидов в Египте: в известном смысле эта тщательность оказывается даже чрезмерной, так как соответствующая умозрительная датировка выведена исследователем даже для Арсеса, не упоминающегося ни на одном египетском памятнике и скорее всего не признававшегося легитимным фараоном. Вместе с тем Ю. фон Бекерат отмечает такой малоизвестный, но существенный эпизод второго персидского владычества в Египте, как признание фараоном некоего Хаббаша, правление которого он вполне справедливо относит к 337/336–336/335 гг. до н.э.²³

Обращаясь к правлению последних собственно египетских династий в IV в. до н.э., исследователь отмечает, что включаемый Манефоном в XXIX династию Псамуф был не единоличным правителем, а «антицарем», устранившим от власти царя Акориса на один год

²⁰ Впервые совокупность этих «опорных точек» была детально исследована в кн.: *Borchardt L. Die Mittel zur zeitlichen Festlegung von Punkten der ägyptische Geschichte und ihre Anwendung.* Vienna, 1935.

²¹ См. *Manetho / With an English Translation by W.G. Waddell. L., 1940. P. 183–184. Not. 1; 184–185. Not. 1; Spalinger A. The Reign of King Chabash: An Interpretation // ZÄS. 1978. 105. P. 143–144.*

²² Согласно египетской традиции I тыс. до н.э., к царствованию фараона причислялся целиком весь год, в который это царствование началось; соответственно, календарное начало царствования сплошь и рядом предшествовало реальному вступлению правителя на престол на несколько недель или месяцев; см. рецензируемое издание, с. 10; *Gardiner A.H. Regnal Years and Civil Calendar in Pharaonic Egypt // JEA. 1945. 31. P. 16, 19.*

²³ Ср. *Goedicke H. Comments on the Satrap Stela // BES. 1985. 6. P. 54* (датировка правления Хаббаша – едва ли не единственный вывод этой работы Х. Гёдике, не вызывающий возражений).

в начале его царствования (с. 83–84)²⁴. Царствование же единственного представителя XXVIII династии Амиртея может насчитывать пять лет лишь при фиктивном причислении к нему времени правления не признававшегося легитимным фараоном Артаксеркса II (с 404 г. до н.э.; реальной царской власти над Египтом Амиртей не мог добиться раньше переброски ахеменидских констангентов из Египта в Малую Азию для борьбы с Киром Младшим летом 401 г., с. 84). Сопоставление египетских текстов саисского времени с античными источниками в целом подтверждает данные античных авторов о продолжительности правления фараонов XXVI династии, с поправкой на совпадение последнего года правления каждого из них с первым годом его преемника (с. 85–88); при этом египетские источники подтверждают продолжительность правления Априя, указанную Манефоном (19 лет, соответственно 589–570 гг. до н.э.), а не Геродотом (25 лет). Датировка полнолуния в 12-й год царствования Амасиса позволяет отнести его начало к 570, а не 569 г. до н.э. (с. 87). В целом в работе Ю. фон Бекерата находят подтверждение и некоторую дополнительную аргументацию установленная ранее хронология XXVI династии²⁵.

Значительно сложнее, в силу отсутствия возможностей для установления относительных датировок, оказывается ситуация с хронологией III Переходного периода (XI–VII вв. до н.э.). Важнейшей «опорной точкой» для этого времени Ю. фон Бекерат считает известный синхронизм между событиями царствований Шешонка I и Ровоама, позволяющий с достаточной твердостью отнести начало правления XXI ливийской династии к 946/945 г. до н.э. (с. 79, 94). Благодаря соотношению стелы Серапеума № 192 с известной датировкой царствования Псамметиха I, удается установить соответствие 26-го года правления Тахарки – его предшественника в ряду легитимных фараонов – 665/664 г. и тем самым определить начало правления последнего как 690 г. (с. 91). Не вполне четкий синхронизм, восходящий к анналам ассирийского царя Саргона II, позволяет датировать завоевание Нижнего Египта Шабакой в пределах 715–712 гг. до н.э.; в то же время Ю. фон Бекерат отвергает достоверность упоминания Тахарки в библейском описании похода Синаххериба в Палестину в 701 г. до н.э. (4 Цар. 19:9), объясняя его ошибкой ветхозаветного хрониста (с. 92). Начало правления XXIV династии, еще в качестве местного правящего дома в Саисе, датируется в пределах 740–735 гг. до н.э., а его конец совпадает с завоеванием всего Египта Шабакой. В связи с историей XXII–XXIII ливийских династий Ю. фон Бекерат вступает в полемику с К. Китченом, отвергая его тезис о параллельном существовании этих царских домов соответственно в Бубастисе/Танисе и Леонтополе с 818 г. до н.э.²⁶ Согласно его мнению, XXII династия с резиденцией в Танисе правила вплоть до 736 г.; в то же время приблизительно с 841 г. до н.э. существовала не учтенная списком Манефона ливийская «верхнеегипетская династия», к которой и относится ряд правителей, включенных К. Китченом в XXIII династию. Правление XXIII династии начинается ок. 756 г. до н.э., причем ее представители Петубастис II и Осоркон IV, сидящие в Танисе, правят параллельно с Апутом II в Леонтополе (об этом свидетельствует, в частности, одновременное упоминание последних двух правителей в стеле Пианхи; см. с. 94 сл., таблицу на с. 98–99). Отождествляя 19-й год правления царя XXII династии Рудамуна и 12-й год Пианхи (в монографии – Пийе), Ю. фон Бекерат относит вторжение последнего в Египет ко времени между 730 и 725 гг. до н.э., с наибольшей вероятностью – к 726 г. (с. 98). Определяя продолжительность царствований представителей XXI династии по Манефону с учетом соправления ряда из них и исходя из признания конечным рубежом этой династии 946/945 г., Ю. фон Бекерат считает началом ее правления 1070/1069 г. до н.э. (с. 101–102).

Что касается ключевых проблем средне- и новоегипетского периодов, то они представлены у автора следующим образом (с. 103–139). Для Нового царства он принимает, как мы помним, «короткую» абсолютную хронологию (начало XVIII династии ок. 1550 г., воцарение Тутмоса III – 1479 г., воцарение Рамсеса II – 1279 г., воцарение Рамсеса III – 1183 г.). С нашей точки зрения, это весьма уязвимый выбор. Одна из его причин – восприимчивый Ю. фон Бекератом вывод Л. Касперсона о необходимости исключить 1490 г. (т.е. «среднюю» датировку) из числа считавшихся со времен Р. Паркера астрономически возможными дат воцарения Тутмоса III²⁷. Однако эта корректировка выводов Р. Паркера основана

²⁴ Ср. Ray J. Psammuthis and Hakoris // JEA. 1986. 72. P. 149–158.

²⁵ Ср. Kitchen. The Third Intermediate Period...

²⁶ Ibid. P. 335–337. См. критику этой точки зрения: Leahy A. Lybia and Egypt. L., 1990. P. 155–200, ср. рецензии на эту работу К. Китчена: Aston D.A. // JEA. 1989. 75. P. 139–153; Beckerath J. von // GM. 1995. 144. S. 7–13; 147. S. 9–13.

²⁷ Caspersen. The lunar dates of Thutmose III...

на весьма гипотетическом предложении Л. Касперсона об изменениях в оценке египетских наблюдательных способностей (т.е. в данном случае – угла наблюдения луны), что и повлияло на его новые астрономические расчеты. Поскольку действительные возможности египетской астрономии в интересующем нас отношении определить надежно нельзя, такого рода уточнения остаются весьма спорными. Осторожнее было бы не основывать на них выбор той или иной хронологической системы и, таким образом, сохранить за «средней» датировкой 1490 г. право на существование. Эберс-дату (см. выше) Ю. фон Бекерат определяет (опять-таки при своей гипотетически уточненной оценке наблюдательных способностей египтян, в данном случае применительно к гелиакальному восходу Сириуса) как 1517 г. и местом наблюдения соответственно считает Фивы. Эта дата укладывается в систему «коротких» датировок. Однако, как следует из упоминавшихся выше соображений О.Д. Берлева, «датирующие» наблюдения гелиакального восхода Сириуса должны были скорее всего производиться в Мемфисе. Это помещало бы Эберс-дату на исход 1540-х – середину 1530-х годов, что согласуется со «средней» хронологией, преимущества которой мы стремились показать и ранее.

Наконец, нельзя не отметить переходящий из одной египтологической работы в другую мелкий недочет. В свое время Р. Паркер, определявший возможные астрономические датировки «лунной даты» Тутмоса III (*песеджентию* в день битвы при Мегиддо)²⁸, исходил из мнения Р. Фолкнера о том, что приведенная в «Анналах» дата этой битвы – 21-й день 1-го месяца III сезона – ошибочна на один день, и битва состоялась 20-го. Абсолютные датировки рассчитывались Р. Паркером только для наблюдаемого *песеджентию* 20-го числа, т.е. – с учетом возможной египетской ошибки наблюдения в один день – для астрономических *песеджентию* (первых дней истинной невидимости луны) 19, 20 и 21 числа. Между тем в 70-х годах остроумная аргументация Дж. Лелло окончательно показала, что эмendaция Р. Фолкнера была беспочвенна и битва действительно состоялась 21-го²⁹. Однако даже и после этого все египтологи (в том числе принимающие выводы Дж. Лелло и отрицающие эмendaцию Р. Фолкнера, как и сам Ю. фон Бекерат) по инерции исходят только из датировок, разработанных Р. Паркером, игнорируя открывающуюся дополнительную возможность (наблюдаемое *песеджентию* 21 числа, астрономическое *песеджентию* 22 числа, что по общим правилам даст сдвиг некоторых из астрономически возможных абсолютных датировок на 3 года назад, т.е., в частности, для «средних» дат воцарения Тутмоса получится, наряду с 1490 годом, 1493 год и т.д.).

Относительная хронология Нового царства у Ю. фон Бекерата имеет, с нашей точки зрения, значительно большую ценность. Продолжительность правления Тутмоса II он определяет в 13 лет (а не в 3 года, как это теперь часто делается). Как важный промежуточный момент следует отметить принятие «классического» 200-летнего промежутка между воцарениями Тутмоса III и Рамсеса II и категорическое отрицание гипотезы Э. Венте и С. Ван-Сиклена, увеличивающей его до 225 лет³⁰. Можно надеяться, что эта гипотеза, сыгравшая, без преувеличения, роковую роль в египтологических дискуссиях последних 20 лет, теперь окончательно отойдет в прошлое историографии. Соправительство Тутмоса III / Аменхотепа II признается, но считается коротким (около 2,5 лет), что наилучшим образом согласуется с памятниками; соправительство Аменхотепа III и Аменхотепа IV отрицается, что надо оценить как одно из важных достижений германских египтологов, учитывая, что англоязычные исследователи, вопреки вполне ясным показаниям источников (в частности, EA 26), вновь и вновь возвращаются к тезису о продолжительном соправлении этих фараонов. Смутный промежуток между XIX и XX династиями (правление Ирсу и т.д.) хронологически приравнен к нулю лет в соответствии с распространенной сейчас (но, кажется, недостаточно обоснованной) точкой зрения, согласно которой «Большой папирус Харрис», подчеркнуто предпосылая воцарению XX династии некий период безвластия и анархии, подразумевает тем самым вовсе не реальный интеррегnum, а последние правления самой XIX династии, стремясь представить их как нелегитимные.

Что касается II Переходного периода (принятые Ю. фон Бекератом абсолютные даты: XIII династия – 1794–1648/45 гг., XVII династия – ок. 1645–1550 гг., XV династия – 1648/45–1539/36 гг.) то изобилие царей XIII династии (около 50 правителей на самое большее

²⁸ По этой дате определяется абсолютная дата воцарения самого Тутмоса.

²⁹ Lello G. Thutmose III's First Lunar Date // JNES. 1978. 37.

³⁰ Wente E.F., Van Siclen C. A Chronology of the New Kingdom // Studies in Honor of George H. Hughes. Chicago, 1976.

150 лет) по-прежнему считается у Ю. фон Бекерата проявлением политической нестабильности, повлекшей кратковременность соответствующих правлений. Более перспективной представлялась бы, однако, гипотеза о мирном (и едва ли не взаимно-санкционированном, аналогично периоду «додекархии») сосуществовании разных правителей в разных частях страны³¹, не желая задним числом разбираться в том, кто из них был законным царем, а кто нет, позднейшие составители царских списков вполне могли вписать их в состав XIII династии оптом.

Далее, в XV династию так называемых «великих гиксосов» из шести царей (один из них – Апопи), как она приведена у Манефона и в Туринском списке, с общей продолжительностью правления в 108 лет, Ю. фон Бекерат вслед за другими авторами включает известного Апопи Ааусерра, врага XVII/XVIII династии, с его 33-х-летним правлением. Это решение кажется нам единственным существенным недочетом работы Ю. фон Бекерата. Дело в том, что у Манефона (Josephus. Contr. Ap. I. 14, 79–86) этап правления XV династии совершенно четко охарактеризован как период гиксосского безраздельного владычества и ясно предпослан следующему особому этапу, когда другие гиксосские фараоны боролись с фиванцами. Апопи Ааусерра, насмерть бившийся с Камосом (именующим его «мерзким азиатом» и не признающим его фараоном), должен быть соотнесен с этим вторым этапом и тем самым не имеет отношения к XV династии. Точно так же и составители Туринского канона (время Рамсеса II) не могли бы включать «мерзкого азиата» Апопи Ааусерра в список фараонов: как известно, составители рамессидских списков (например, Абидосского и Саккарского) крайне ревностно относятся к легитимности царя и, в частности, исключают из них еретиков Амарны, ставя после Аменхотепа III сразу Хоремхеба. Могли ли такие списки, в которых Камес и Яхмос, конечно же, фигурировали как законные правители, окруженные величайшим пиететом, включать их врага-современника Апопи Ааусерра (одновременно считаться законными фараонами, учитывая их общеизвестное отношение друг к другу и общее отношение новоегипетской традиции к гиксосам, они, разумеется, не могли³²)? Шесть царей Манефона/Туринского списка тем самым предшествуют Апопи Ааусерра, а общая продолжительность правления гиксосов в Аварисе (считая с ним) тем самым должна быть примерно в полтора раза увеличена сравнительно с представленной у Ю. фон Бекерата. Далее, из трех гиксосских Апопи, известных по памятникам, Апопи Ааусерра и Апопи Аакененра отождествляются Ю. фон Бекератом, по давней традиции, друг с другом и с манефоновым Апофисом из XV династии, а третий – Апопи Небхепешра – вообще выводится из состава великих гиксосских царей. Вся эта схема представляется неприемлемой: цари с разными солнечными именами ни в коем случае не могут отождествляться друг с другом без категорических доказательств (в данном случае отсутствующих), Апопи Ааусерра не принадлежит к XV династии, а Аакененра, как кажется, и без того представлен у Манефона под прозрачным именем Апахнан³³. Тем самым на долю манефонового Апофиса выпадает как раз отождествление с Апопи Небхепешра.

Среднеегипетские даты откорректированы Ю. фон Бекератом по сравнению с Манефоном и Туринским канонам в соответствии с данными памятников (расхождения здесь были выявлены и суммированы сравнительно недавно³⁴); в итоге начало XII династии понизилось примерно на 25 лет. «Иллахун-дата» определена как 1866 г. Конечные главные даты XI–XII династий: XI династия – 2119–1976 гг. (Ментухотеп III – 1995–1983 гг.), XII династия – 1976–1794 гг. (Аменхет I – 1976–1947 гг., Сенусерт III – 1872–1853/52 гг., Аменхет III – 1853–1806/05 гг.).

³¹ Дело в том, что при XIII династии Египет продолжает сохранять свои внешние владения в Финикии и Нубии, что едва ли совместимо с непрерывной «фараонской чехардой», вызванной смутами и переворотами.

³² Это значит, в частности, что Апопи из «Сказки о царе Секененра», признающийся в ее тексте законным фараоном, скорее всего не Апопи Ааусерра, а Апопи Аакененра (см. о нем ниже), как и предполагал в свое время Б.А. Тураев (История древнего Востока. I. М.–Л., 1935. С. 258).

³³ Т.е. Ап(опи) Аакенен(ра); напомним, что имя «Апопи» по-египетски пишется *ʿPpwi* и может по-гречески, с естественной ошибкой, читаться как «Ар(р)и-» (не говоря о вполне возможных искажениях такого рода при переписке, ср. Мисфрагмутосис из Минхупру(риа)-Тутмос-), а конечное «-ра» (-риа) в греческой передаче нередко опускается (тот же Мисфрагмутосис с одним-единственным, т.е. первым «ра» из содержащего два слога с таким консонантом подлинного имени Мин-хупру-риа/Мен-хепер-ра, аналогично Хеброн из Охеперенра, Озимандия из Усермаат-ра). Ю. фон Бекерат условно отождествляет Апахнана с Якоб-эле́м, хотя никаких специальных оснований для соотнесения этих имен с одним и тем же лицом нет.

³⁴ См. Kitchen. The Basics of Egyptian Chronology // High, Middle or Low... P. 43–44.

Как можно было бы ожидать априори, наибольшие трудности возникают в связи с установлением хронологии IV–III тыс. до н.э.: в распоряжении у Ю. фон Бекерата не было каких бы то ни было «опорных точек» (с. 79); датировка событий того времени осуществлялась по годам очередного общеегипетского счисления скота при том или ином царе и отражает продолжительность его правления лишь косвенным образом (идеальная двухгодичная регулярность этой процедуры выдерживалась не всегда; с. 10, 147). С серьезными проблемами сопряжено уже определение хронологической границы между Древним царством и I Переходным периодом (с. 143–145), который, по мнению Ю. фон Бекерата, начинается вслед за низложением VIII династии – последнего царского дома Древнего царства, признававшегося общеегипетским. Общую продолжительность правления гераклеопольской IX/X династии, на основании ее памятников, можно определить только приблизительно как 100–150 лет. Туринский царский папирус содержит имена местных и общеегипетских правителей фиванской XI династии, начиная с Ментухотепа (I), который находился у власти, как можно установить исходя из известных датировок Среднего царства, с 2119 г. до н.э. Между тем не ясно, какой отрезок времени отделял последнюю дату от распада единого Египта Древнего царства; по мнению Ю. фон Бекерата, этот отрезок не мог превышать время жизни одного поколения и должен был примерно совпадать со временем жизни родоначальника XI династии Антефа (I), по-видимому, начавшего свою карьеру еще при последних общеегипетских царях. Таким образом, начало I Переходного периода (падение VIII династии, начало правления гераклеопольской IX/X династии и обособление фиванского государства) должно падать на промежуток между 2170 и 2120 гг. до н.э. Соответственно точность датировок, устанавливаемых Ю. фон Бекератом для правлений египетских царей и династий III тыс. до н.э. оказывается колеблющейся в таком же диапазоне 50-ти лет.

Основой для установления хронологии Древнего царства Ю. фон Бекерату служат сплошь и рядом не совпадающие данные Манефона и египетских царских списков, дополняемых как источниками III тыс., так и собственной «экспертной оценкой» исследователя; в силу последнего момента в его выводах при установлении наиболее правдоподобной продолжительности ряда царствований довольно велика доля субъективности. Основываясь на упоминаниях самых поздних известных случаев счисления скота на протяжении царствования, Ю. фон Бекерат определяет вероятную продолжительность пребывания у власти Пепи I как ок. 49–50 лет (с. 150), Джедкара – ок. 40 лет (с. 155), Снофру – ок. 34–35 лет (с. 158). В ряде случаев основой для выкладок исследователя становятся поврежденные данные о продолжительности царствований в Туринском папирусе, дополняемые им по соображениям наибольшей вероятности: таким образом он делает вывод о 31-летнем правлении Ниусерра (из возможных вариантов в 11, 21 и 31 год – с. 155) и 28-летнем – Менкаура (из возможных вариантов в 18, 28 и 38 лет – с. 158). В ряде случаев Ю. фон Бекерат корректирует Манефона, указывая на возможные палеографические ошибки в его вероятном иератическом первоисточнике. Так, он полагает неправдоподобным знаменитое 90-летнее царствование Пепи II (Фиопса), объясняя упоминание о нем искажением или неверным чтением иератического знака «60» (с. 151); равным образом искажение знака «30» могло, по мнению исследователя, привести к представлению о 20-летнем правлении Снофру (Сориса; с. 158). VII династию Ю. фон Бекерат считает «кратким междоцарствием», которое можно даже не учитывать при хронологических построениях; VIII династия в его схеме непосредственно примыкает к VI и включает 17 царей, правивших 46 лет (2216/2166–2170/2120 гг. до н.э.; искажением этих цифр можно считать сообщение Манефона о 27 царях, правивших 146 лет, с. 151–152). Любопытно предложенное Ю. фон Бекератом объяснение указания Манефона о происхождении V династии из Элефантины: вероятно, в источнике Манефона этот топоним был приведен по-египетски (Абу), что в данном случае могло быть искажением египетского названия городка Сахебу, фигурирующего в сказках Весткар в качестве родины первых представителей этого царского дома (с. 153). Исследователь считает завышенной сообщаемую Манефоном продолжительность правлений Хуфу и Хафра, понижая ее с 63 и 66 соответственно до 23 и 26 лет, однако принимает сведения этого же источника о преемнике Хафра Бикерисе и последнем царе IV династии Тамфтисе (с. 157–159); при этом, если историчность первого из них находит подтверждение в египетских памятниках (остатки начатой пирамиды в Завье эль-Арьяне с сохранившимся царским именем «Би-ка», сопоставимым с переданным Манефоном вариантом греческого чтения, с. 158), то реальное существование последнего не имеет независимого подтверждения. В целом, согласно построениям Ю. фон Бекерата, правление VI династии начинается в 2347/2297 г. (с. 152), V – в 2504/2454 г. (с. 155), IV – в 2639/2589 г.

(с. 159). Трудной и не получившей окончательного решения проблемой оказывается согласование последовательности царей III династии, известной по царским спискам, с ее же собственными памятниками (с. 162–163); значительно лучше эта проблема решается применительно к I–II династиям. Среди связанных с хронологией этого периода наблюдений Ю. фон Бекерата особенно интересным представляется предположение о том, что власть принявших имена в честь Сета царей II династии Перибсена и Хасехема/Хасехемуи по крайней мере до определенного момента царствования последнего из них распространялась лишь на Верхний Египет, в то время как в дельте Нила правили упоминаемые только в Абидосском царском списке «антицари» Неферкара, Неферкасокар и Худжефа (с. 171–172). На основании сопоставления данных царских списков и предложенной Ю. фон Бекератом реконструкции летописи Палермского камня (с. 174–179; суммирована графически на схеме в прил. Е, с. 203–205), он считает возможным отнести начало I династии к 3032/2982 г., II – к 2853/2803 г. и III – к 2707/2657 г. (с. 178). Объединение Египта при «нулевой династии», в соответствии с относительно-хронологическими и радиоуглеродными датами, выпадает на XXXII/XXXI вв. до н.э. При этом Ю. фон Бекерат связывает этот этап, как и развитие египетского государства в додинастический период в целом, с эволюцией общности археологической культуры Нагада. Именно на позднем этапе существования этой общности (культура Нагада Ша, b, cl-Семайна, в общем, 3200–3000 гг. до н.э.) ее ареалом становится вся долина и Дельта Нила, что, по сути дела, совпадает с политическим объединением Египта (с. 182–183).

Выводы Ю. фон Бекерата, сделанные на основе его хронологических выкладок по всем этапам египетской истории, суммированы в первом из приложений к его работе – подробной хронологической таблице (с. 187–192), включающей всю последовательность египетских царских династий и значительную часть царствований; все вошедшие в таблицу данные приведены с точными вплоть до года датировками. Несомненно, что именно установление столь последовательной и точной хронологии является целью любой работы, аналогичной предпринятой Ю. фон Бекератом, в то же время уязвимость такой хронологии в ее древнейшей части достаточно очевидна. Эта уязвимость хорошо осознается самим автором работы; характерно, что для всех царствований III тыс. до н.э. он приводит двойные датировки, отражающие возможное колебание их пограничных точек в диапазоне 50 лет. Между тем и этот диапазон не может учитывать всех неизбежных искажений, вытекающих из несовершенства хронологических источников по III тыс. и невозможности их корреляции с абсолютными датировками. Соответственно любой опыт воссоздания полной хронологии этого раннего этапа египетской истории неизбежно окажется лишь неким приближением к исторической реальности, но не точным ее отражением. Среди других приложений к работе Ю. фон Бекерата обращает на себя внимание сводное помещение основных источников по хронологии древнего Египта. Царский список Манефона (прил. К, с. 218–226) приводится в немецком переводе и из-за своей объемности в сокращении; в то же время в данном приложении учтены обе его основные версии в хрониках Евсевия и Африкана и параллели отдельным его фрагментам из произведений Иосифа Флавия и Геродота. В немецком же переводе, но с большей подробностью приводится текст Туринского царского списка (прил. F, с. 207–213); что касается царских списков из Абидоса (прил. H, с. 215) и Саккара (прил. I, с. 216), а также некоторых менее известных египетских источников (изображения царей из Мединет-Абу – прил. G, с. 214; каирский остракон CG 25646 – прил. J, с. 217), то они приведены в иероглифической прорисовке. В связи с этим стоит упомянуть и вошедшую в иллюстративное оформление основной части работы Ю. фон Бекерата прорисовку лицевой стороны «Палермского камня» (рис. 5, с. 18), в принципе позволяющую работать с его иероглифическим текстом.

Пожелания, которые могут быть высказаны по поводу работы Ю. фон Бекерата (помимо вышеуказанных), весьма немногочисленны. Наиболее серьезное из них относится к «критерию правдоподобия», фактически выдвигаемому исследователем при уточнении датировок тех царствований III тыс. до н.э., продолжительность которых в традиции Манефона кажется ему завышенной (см. выше). Даже достоверность сведений о знаменитом 90-летнем царствовании Пепи II хотя и вызывает определенные сомнения, но, строго говоря, не исключена, особенно учитывая столь же хорошо известные данные надписи Хуэфхора о вступлении этого царя на престол малолетним ребенком; это тем более справедливо в отношении кажущихся несравненно менее баснословными 60-летним царствованиям Хуфу и Хафра или вполне возможного 12-летнего царствования Нейтикетрт. Легко представить себе, как при худшей сохранности источников недоверие могли бы вызвать сведения о 72-летнем царствовании Людовика XIV либо, в еще большей степени, о почти 100-летней

жизни Катона Старшего или соратника Людовика Святого сенешаля де Жуанвилля. Как правило, Ю. фон Бекерат дополняет сомнения в «правдоподобию» продолжительности того или иного царствования в передаче Манефона ссылкой либо на возможную ошибку или неправильное прочтение его вероятного иератического прототипа, либо на отсутствие согласующихся со сведениями Манефона египетских источников (к примеру, на то, что количество упоминаний общеегипетского счисления скота в то или иное царствование ниже ожидаемого при его продолжительности по Манефону). В то же время уязвимость обоих названных вариантов обоснования корректив к хронологии Манефона достаточно очевидна и высока: в первом случае таким обоснованием служит, по сути дела, произвольное умозрение Ю. фон Бекерата, во втором – *argumentum ex silentio*, при том что *silentium* египетских источников соответствующих эпох может объясняться элементарно их плохой сохранностью, для источников III тыс. до н.э. вполне вероятной. На наш взгляд, сведения Манефона, относящиеся к данному периоду, заслуживают если не большего, чем у Ю. фон Бекерата, доверия а priori, то, во всяком случае, большей мотивированности в их отклонении. Трудно согласиться с характерным не только для Ю. фон Бекерата, но и ряда других авторов³⁵ мнением о том, что зафиксированный в египетской политической терминологии дуализм Общих Земель – Верхнего и Нижнего Египта – восходит не к реальному существованию двух независимых царств в додинастическую эпоху, а к чисто религиозным соображениям (с. 5). Как кажется, опровергающий этот тезис материал можно найти в самой работе Ю. фон Бекерата в той ее части, где речь заходит о фигурирующих в летописи «Палермского камня» именах ниже- и верхнеегипетских царей (с. 14–15). Несколько непонятно расходящееся с мнением других исследователей³⁶ утверждение Ю. фон Бекерата о том, что события периодов сопращения датировались по годам царствования младшего, а не старшего из соправителей (с. 75).

Вместе с тем критические соображения не могут уменьшить капитальное значение рассмотренной работы Ю. фон Бекерата. Несомненно, она представляет собой чрезвычайно успешный опыт обобщающего труда по источникам и основным проблемам древнеегипетской хронологии, предназначенного для значительно более широкой, чем собственно египтологическая, научной аудитории. Работа Ю. фон Бекерата носит исследовательский характер прежде всего в разделах, касающихся тех периодов египетской истории, которые интересовали его специально (Нового царства, II Переходного периода, в известной степени III тыс. до н.э.); в тех случаях, когда ее автор опирается на научные результаты, полученные другими исследователями, это делается с максимальным учетом присутствующего в историографии спектра их мнений. По-видимому, как и подготовленному Ю. фон Бекератом в свое время своду египетских царских имен, настоящей его работе предстоит на длительное время стать основным пособием по хронологии древнего Египта.

И.А. Ладынин, А.А. Немировский

© 2001 г.

ABRAHAMSEN V.A. Women and Worship at Philippi. Diana/Artemis and Other Cults in the Early Christian Era. Portland: Astarte Shell Press, 1995. 256 p.

Книга Валери Эйбрахамсен «Женщины и богослужение в Филиппах. Культ Дианы/Артемиды и другие культы в раннехристианскую эпоху» написана в русле популярного и активно разрабатываемого в западной историографии нового направления исследований – гендерной истории, основной задачей которой является изучение и новая оценка роли женщин в прошлом. Однако воссоздание «женской истории» в полном объеме, к сожалению, наталкивается на объективную проблему, связанную с отсутствием или крайней недостаточностью источников. В тех же случаях, когда они имеются, по мнению адептов гендерного направления, требуется их истолкование в духе исторической реабилитации

³⁵ Ср. *Otto E. Die Gebrauch des Königstitels bitj // ZÄS. 1960. 85.*

³⁶ *Redford D. B. History and Chronology of the Eighteenth Dynasty in Egypt. Toronto, 1967. P. 50–51.*

женщин, поэтому и главными идеологами подобных исследований становятся или феминистки, или женщины, явно сочувствующие феминизму. К последним можно отнести и Валери Эйбрахамсен (род. в 1952 г.), которая получила степень доктора богословия по специальности «Новый Завет и раннее христианство» в Гарвардской богословской школе. Как видно из названия монографии, В. Эйбрахамсен ставит перед собой задачу изучить роль женских языческих культов в Филиппах и их связь с ранним христианством. Свою задачу она стремится выполнить, включив проблему в общеисторический контекст, поэтому в книге содержится ряд экскурсов в разные области, связанные с историей христианского богослужения, значением религиозной символики в античности и т.п.

Исследование начинается с краткого очерка истории и описания важности местоположения Филипп в античности (с. 7–15), хронология истории города представлена в конце книги в виде таблицы (с. 209–210). Автор дает общую характеристику религиозного синкретизма в императорскую эпоху и сводит данные о соответствующих филиппийских божествах в таблицу (с. 16–18) с указанием археологических данных, подтверждающих наличие того или иного культа. В Филиппах зафиксированы следующие культы: Геры-Юноны, Марса-Юпитера, Ареса, Афины-Минервы, Нике-Виктории, Диониса-Вакха, Мена, Либера-Отца, Либеры (иногда с Геркулесом), Немесиды, Сабасия, Исиды (с Сераписом, Телефором и Гором), Кибелы, а также культы императора и императрицы. Параллельно с этими культурами уже с середины I в. н.э. в Филиппах существовала христианская община, основанная апостолом Павлом. Далее В. Эйбрахамсен описывает святилища, располагавшиеся в центре города на местном акрополе (с. 25–44). В III в. здесь находилось по крайней мере два храмовых комплекса: святилище Сильвана и Исиды и храм Дианы под открытым небом. Последний факт исследовательница объясняет отсутствием денег у храмовой общины на построение крыши. Культы Дианы и Сильвана переживали расцвет в городе во второй половине II в., тогда как святилище Исиды, просуществовавшее до V в., было воздвигнуто в самом начале III в. Анализ археологического и эпиграфического материала показывает, что культ Сильвана, предназначенный для мужчин, осуществлялся только мужчинами, а культ Дианы с участием женщин отправлялся (хотя и не исключительно) женщинами. В отличие от вышеописанных, культ Исиды не был чисто мужским или женским, поэтому привлекал к себе почитателей и Дианы и Диониса. В. Эйбрахамсен более подробно останавливается на описании культа Дианы/Артемиды (фракийской Бендиды) в античной истории (с. 45–52) и не исключает того, что святилища Дианы и Исиды использовались как храмы, в которых больные искали исцеления посредством известной в античности инкубации, что связано с наличием на самом акрополе и вокруг него минеральных источников. Затем исследовательница характеризует и классифицирует рельефы с изображениями богини, найденные археологами в святилище Дианы (с. 53–59). Она разделяет их на три группы: подаренные святилищу, переданные в виде наследства и изначально бывшие частью храмового комплекса. На некоторых рельефах были обнаружены астральные символы (звезда и полумесяц), указывающие, по ее мнению, на связь культа Дианы с ночью, месячными циклами или символизирующие надежду, начало новой жизни и бессмертие. В. Эйбрахамсен пытается провести параллель между культом Дианы и жизнью местной христианской общины, сопоставляя явления, которые могли быть связаны с символикой Дианы (рождение ребенка и исцеление), с христианскими понятиями личного спасения, прощения грехов и целомудрия (с. 59–62). Предлагаемая реконструкция истории храмовых сооружений акрополя, автор высказывает предположение, что культы Сильвана и Дианы стали смешиваться с местными после расселения с 42 г. до н.э. в городе римских колонистов. Не исключено, что в культе Сильвана участвовали и рабы. Святилище Дианы первоначально не было включено в строительный план акрополя, и его возведение началось лишь ок. 185–190 гг. н.э. по инициативе женщин Филипп после завершения строительства храма Сильвана (175 г.). В период примерно между 180 и 225 гг. оба культа мирно сосуществовали, а с III в. доминирующим на акрополе становится культ Исиды (с. 63–66).

Следующий раздел книги посвящен роли женщин в язычестве и раннем христианстве. В. Эйбрахамсен открывает его общим описанием местных языческих культов, главным образом культа фракийского всадника-героя (с. 69–74); затем она указывает на функции женщин в языческих культах: родовспоможение, подготовка девочек, достигших зрелости, к обряду посвящения, участие в обрядах, связанных с исцелением больных и погребением умерших, а также непосредственное исполнение жреческих обязанностей (с. 74–79). Затем автор переходит к анализу деятельности женщин в раннехристианской Церкви, она разбирает деятельность Еводии и Синтихии, упомянутых в Послании апостола Павла к филиппийцам (Флп. 4: 2–3), и фрагмент из Деяний апостолов, посвященный обращению близ

Филипп женщины Лидии (Деян. 16: 14–15) (с. 82–84). Далее автор упоминает о служении в Церкви диаконисс и утверждает, что их функции совпадали с деятельностью диаконов-мужчин (с. 87), кроме того, в Филиппах был зафиксирован и иной термин применительно к служительницам Церкви – канонисса, который истолковывается ею как специфическое обозначение незамужней женщины, возможно, вдовы или девы с не установленными точно церковными функциями (с. 88–89). Отдельная глава монографии посвящена женщинам как изготовительницам каменных рельефов на акрополе (с. 103–127), и здесь В. Эйбрахамсен развивает идеи, уже высказанные ею ранее в отдельных публикациях, о том, что женщины наряду с мужчинами занимались в античности многими ремеслами (известны женщины-скульпторы, резчики по дереву и т.д.). Особое внимание автор уделяет роли женщин в обрядах, связанных с водой (с. 129–150), более подробно останавливаясь на символическом значении воды в античности и раннем христианстве. Она проводит параллели между женскими языческими образами и символической раннехристианских баптистериев. Затем В. Эйбрахамсен переходит к анализу материала раскопанных в Филиппах шести христианских базилик, включив общие сведения о них в таблицу (с. 152–153). Особое внимание она обращает на эпитафии, в которых упоминаются совместные погребения двух женщин или двух мужчин.

В следующем разделе монографии автор исследует особенности богослужения византийской церкви (с. 161–172) и утверждает, что женщины принимали активное участие в церковной жизни как иллюстраторы книг, жертвователи, иконописцы и т.д. Подводя итог обзору филиппийских базилик, она приходит к такому выводу: храм Петра и Павла мог использоваться как усыпальница и как место совершения обрядов исцеления. В конце книги автор анализирует фрагмент апокрифической переписки осроенского царя Авгара и Христа, обнаруженный в Филиппах вблизи алтаря Исиды (с. 179–191), и справедливо определяет его как использовавшийся в магических целях апотропеический текст. Кроме того, возможно, как полагает исследовательница, христиане наряду с почитанием Христа и Богородицы считали реальной и действенной властью Исиды.

В конце монографии помещено приложение «Фракийские и македонские источники по изучению Нового Завета» (с. 199–208) – очерк географических условий и информация об основных городах и музеях данного региона (Болгария, Македония, Северная Греция) и отдельных музейных собраниях Западной Европы, связанных с названной проблематикой.

К положительным сторонам книги В. Эйбрахамсен следует отнести наличие солидного научного аппарата в конце каждого раздела, достаточно полную библиографию и подробный словарь упоминаемых в исследовании терминов. Справедливо намерение исследовательницы поместить изучаемую проблему в общеисторический контекст и проследить пережитки язычества в раннехристианскую эпоху. Однако при кажущейся внешней научности книга производит впечатление поверхностного обзора ряда общих проблем, не связанных с заявленной в названии темой. Экскурсы автора в историю культа Дианы в античности, историю магии, символизма, восточных литургий и служения женщин в древности основаны главным образом на статьях из научных энциклопедий, а не на серьезной источниковой базе или являются некритическим пересказом чужих исследований. Данный факт резко снижает уровень проделанной работы и, по сути, превращает ее в популярный обзор общеизвестных сюжетов. Другой серьезный недостаток монографии – изначальная заданность основных выводов В. Эйбрахамсен. Желание доказать тезис о том, что женщины в античности и раннем христианстве играли важную роль, подменяет научную работу отвлеченными рассуждениями, совершенно не основанными на материале источников. Более того, в отдельных случаях автор допускает грубые ошибки, связанные либо с незнанием, либо с непониманием исследуемой проблемы. В частности, это относится к неоднократно высказываемому положению о том, что раннехристианская Церковь могла благословлять однополые браки между людьми, занимающимися миссионерством (с. 83, 155, 195). Это утверждение основано лишь на упоминании в Новом Завете женских пар (например, Еводии и Синтихии) и на сомнительном эпиграфическом материале – в нескольких надписях, по ее мнению, идет речь о совместном погребении двух женщин и двух мужчин. При этом в нескольких случаях на самом деле непонятно, идет ли речь об именах людей одного пола. Подобные утверждения в корне опровергаются словами того же апостола Павла (1 Кор. 6: 9–10; ср. Рим. 1: 26–27; 1 Тим. 1: 10), что «мужеложники... Царства Божия не наследуют». Вызывают крайнее недоумение сомнения доктора богословия в историчности Деяний апостолов (с. 7, 84). Ссылки в тексте показывают, что автор по этому вопросу серьезно изучил лишь устаревшую гиперкритическую литературу 60-х годов (с. 97, прим. 76). Действительно, среди ученых дискутировался вопрос об авторстве и датировке Деяний, но в

последнее время их историчность никто сомнениям не подвергал¹. Несправедливо предположение В. Эйбрахамсен о том, что функции диаконов и диаконисс были сходны или идентичны (с. 87), а также о том, что существовали замужние диакониссы (с. 89). Первый тезис опровергается двумя источниками, в которых подробно описаны функции диаконисс (среди них нет литургических обязанностей): «Дидакалия» (III в.) и «Постановления апостольские» (IV в.), а второй не подтверждается ни одним церковным канонам, где упоминаются диакониссы. Более того, нарушение безбрачия диакониссой серьезно каралось Церковью (см., например: Василий Великий. Письмо 199; *Iust. Nov.* СХХIII. 30). В случае же с эпитафией, которую разбирает В. Эйбрахамсен, делая вывод о замужних диакониссах, речь, скорее всего, идет или о диакониссе-вдове, или о жене диакона.

В монографии содержится много тезисов, не подтверждаемых источниками, например, что филиппийская Церковь возглавлялась пресвитером и что женское влияние на церковную администрацию здесь было очевидным (с. 91), культы Исида, Диониса, фракийского всадника и Диониса оказывали влияние на христианскую общину (с. 91), Исида могла быть прототипом Богоматери, которую почитали более, чем Троицу (с. 187), и т.д. Имеются в работе и серьезные богословские ошибки, – например, когда автор называет Троицу «тремя мужскими богами» (с. 187).

Подводя итог краткой рецензии на книгу В. Эйбрахамсен, следует сказать, что исследование о роли женщин в античности и раннем христианстве на основе широкого спектра литературных, эпиграфических и археологических источников необходимы и полезны, так как данное направление в науке еще не разработано должным образом. Однако научная работа не должна подменяться предвзятыми идеями о том, что некогда был «золотой век» свободы женщин, а последующая мировая история была историей их последовательного порабощения. Апология феминизма всегда требовала и будет требовать субъективной интерпретации или подтасовки фактов, а не восстановления объективной исторической картины, превращая научное исследование лишь в популярное издание и препятствуя серьезному изучению действительно сложных проблем.

А.В. Постернак

© 2001 г.

PAGAN MONOTHEISM IN LATE ANTIQUITY / ED. P. ATHANASSIADI, M. FREDE.
New York–Oxford, University Press: 1999

Исторические взаимоотношения так называемого языческого политеизма и христианского монотеизма были, как известно, достаточно остры. Рецензируемый сборник интересен тем, что возвращает научной дискуссии давний полемический пыл, обращаясь в качестве актуальных оппонентов в том числе и к раннехристианской апологетической традиции.

Данная работа, состоящая из шести глав, введения, индекса, снабженная картами и иллюстрациями, подводит итоги семинара «Языческие формы монотеизма в поздней античности», состоявшегося в Оксфорде в зимний триместр 1996 г. Во введении Полимния Атанассиади (профессор Афинского университета, специалист в области истории поздней античности) и Майкл Фрид (профессор Оксфордского университета, его специальность – история философии) указывают, что сам семинар возник вследствие неудовлетворенности его участников расхожей концепцией, согласно которой христианство (в традиции иудейского монотеизма) заменило однозначно политеистические религиозные системы монотеистической (с. 1). В противоположность этому авторы считают, что монотеизм был широко распространен в поздней античности среди образованных слоев, в особенности на

---

¹ Об итоге дискуссии см., например: Новая женеvская учебная Библия. Hänssler-Verlag, 1998. С. 1452–1453.

греческом Востоке, и победу христианства следует приписать тому, что оно отстаивало способ религиозного восприятия, мышления и действия, который разделяло с растущим числом язычников. Не устраивает авторов и общепринятое мнение о том, что, обратившись в христианство, язычники были вынуждены отказаться от политеизма в пользу монотеистической религии, – мнение, восходящее к христианским апологетам поздней античности и упускающее из вида существенное сходство между христианством и язычеством, и то, насколько христианство обязано последнему. Таким образом, сборник посвящен восстановлению исторической и научной справедливости.

Определяя хронологические рамки работы, авторы указывают на два рубежа в истории религии и философии в Восточном Средиземноморье: первый – это конец II в. до н.э., когда угасание традиционных эллинистических школ, пифагорейское возрождение и оживление «восточных культов» ознаменовали разрыв с эллинистическим прошлым. Второй рубеж совпадает с подъемом ислама, что можно рассматривать как последнее следствие «эллинистического брожения». Этот долгий период времени представляет собой качественную однородность. Но основной материал сборника относится к первым четырем векам нашей эры.

В методологическом плане авторы стремились приблизиться к поздней античности через источники, избегая в попытке понять веру другой эпохи как применения культурных критериев и пристрастий христианина, а также образов и моделей современных дисциплин, так и апологии языческого монотеизма (с. 4). Авторы специально останавливаются на проблеме употребления терминов «язычество», «язычники». Вследствие того, что изучение позднеантичного «язычества» рассматривалось долгое время как дополнение к изучению иудео-христианского монотеизма, сохраняется терминология, созданная позднеантичными христианами. Латинский термин «*paganus*», первоначальные значения которого – «деревенский, крестьянский, невежественный» с коннотациями идолопоклонства и отсталости, вряд ли можно, по мнению редакторов, прилагать к таким выдающимся мыслителям, как Плотин или Прокл. Впрочем, на наш взгляд, этот термин может и не оказаться «историческим заблуждением и теологической нелепостью», если обратиться к иному его толкованию, предлагаемому, например, П. Шювенем вслед за Жаком Годфруа (XVII в.): *paganus* – это просто местный житель в противоположении *alieni* (т.е. христианин)¹.

Авторы справедливо замечают, что те, кто был объединен христианскими апологетами под названием «язычники», не образовывали религиозного единства. Еще менее подходят термины *ἔθνικός* / *gentilis* или «элины», которые имеют у христианских апологетов пейоративные коннотации. По этой причине, несмотря на сделанные оговорки, авторы предпочли использовать общеупотребительный термин «язычник». В сборнике собраны статьи на разные темы, объединенные общей концепцией.

Первая – вводная по смыслу – глава «По направлению к монотеизму» написана М.Д. Уэстом. Автор прослеживает первые шаги, сделанные античной культурой в период от Гомера до Сократа к догматическому монотеизму. Особо подчеркиваются политеистичность древних культур с самых ранних времен и отсутствие причин предполагать некую более древнюю эпоху человеческой истории, в которой преобладал бы монотеизм (с. 39). Это замечание содержит очевидный намек на старую теорию прамонотеизма, не перерастая, впрочем, в теоретическое рассуждение.

Выбор материала (эпос, трагика, философы) для доказательства монотеистической концепции не оригинален – он применялся еще в очень давних работах². Новизну представляет сравнительный анализ, проводимый автором, указывающим, что первые элементы монотеизма, проявившиеся в иерархичности отношений между богами, в которой особая роль придавалась верховному божеству, возникают в античности не в религиозной практике (где боги выступают индивидуально, не коллективно), а в различных видах рефлексии – литературе, философии – и обязаны своим появлением ближневосточному влиянию. В ближневосточной литературе именно с начала II тыс. до н.э. (как и в произведениях Гомера) встречается мотив собрания богов и тенденция изображать богов как подателей советов, находившихся под властью их главного исполнителя. Таким образом, восточную монархию можно считать по крайней мере одним из исторических факторов, предрасполагающих к

¹ *Chuvin P. Chronique des derniers païens. P. 1991. P. 7.*

² *Zeller E. Die Entwicklung des Monotheismus bei den Griechen. Stuttgart, 1862; Haas H. Der Zug zum Monotheismus in den homerischen Epen und in den Dichtungen des Hesiod, Pindar und Aeschylus // Archiv für Religionswissenschaft. 1900. 3; Murray G. Four Stages of Greek Religion. N. Y., 1912.*

монотеизму. У Гомера наблюдаются столкновения и конфликты между отдельными богами, разрешение которых происходит монархическим или демократическим путем, – так мы получаем идею множественного пантеона с единой политикой («коллективность богов отрицает принцип политеизма» – с. 23). Зевс уже у Гомера не просто автократор, но интеллектуальный лидер (*master mind* – с. 24) (*Διὸς νοῦς*, *Διὸς βούλη*), что получит развитие в «Теогонии» Гесиода и трагедиях Эсхила («Просительницы», «Агамемнон»), где разнообразие божества выступают единым организмом, исполняющим законы Зевса.

Затем автор переходит к греческим философам VI и V веков. Несмотря на то что в некоторых случаях отдельные обожествленные элементы или существа признавались ответственными за формирование, общую структуру и направленность мира, вряд ли можно безоговорочно считать кого-либо из досократиков монотеистом. Первый философ, ясно утверждавший контролирующую роль Разума в материальной вселенной – это Анаксагор. Однако *νοῦς* Анаксагора, с одной стороны, наделен некоторыми божественными атрибутами, с другой – является, очевидно, материальной субстанцией. В заключение М. Уэст отмечает, что писатели-нефилософы V в. (Геродот, Ксенофонт, гиппократовский корпус, трагики) продолжали традицию говорить о «богах», все более имея в виду единую божественную волю и даже разумно спланированный космос (автор повторяет известный аргумент об употреблении слов *θεός* – в единственном числе или *τὸ θεῶν* без их идентификации с каким-либо конкретным богом).

Во второй главе «Монотеизм и языческая философия в поздней античности», написанной М. Фридом, показано, что в вопросе, существует ли один бог или несколько, крайне трудно, если вообще возможно, провести различие между позицией христиан и позицией Платона, Аристотеля, Зенона и их последователей в поздней античности (с. 41). Язычник Цециний из диалога Минуция Феликса «Октавий», придерживающийся умеренного скептицизма и практикующий поклонение богам традиционных культов, – это единственный позднеантичный представитель позиции, которая прямо соответствует христианской концепции политеизма (с. 43). Единый бог платоников, перипатетиков и стоиков был в их глазах уникален, и другие субстанции считались ими «божественными» только в ограничительном, нестрогом и неполном смысле. В свою очередь христиане говорили не только об одном истинном боге, но и множестве существ, которых можно назвать «божественными»: это падавшие ангелы или спасенные человеческие души. Автор критикует точку зрения И. Дюринга³, согласно которой *ὁ θεός* Аристотеля обозначает не единственного бога, но целый класс божественных сущностей, а первое толкование обязано своим возникновением «средневековой христианской интерпретации». Однако эта интерпретация была свойственна и ученым античным язычникам. И анализируя текст «Метафизики», М. Фрид доказывает, что Аристотель имеет в виду особое существо, управляющее миром. Отношения первопринципа с другими божественными существами в корне отличны от отношений между Зевсом и другими олимпийскими богами и подразумевают гораздо более жесткую субординацию, чем иерархия богов с одним из них во главе (с. 49).

Стоики не только считали, что существуют два начала – активное (Бог) и пассивное (материя), но и идентифицировали Бога или Зевса с определенным родом огня – разумным, активным и творческим, в который периодически обращается весь мир. Абстрагируясь от сложных сопутствующих проблем, можно сказать, что с точки зрения стоиков есть единое разумное существо, которое управляет миром и переживает все его перемены, включая воспламенение. Только оно удовлетворяет критерию быть в полной степени Богом, в то время как остальные обладают лишь слабой формой бессмертия. Что касается платоников, то они в основном выражают то же отношение к первопринципу, что и Аристотель и стоики.

В конце II в. н.э. большинство философов верило в единого Бога, управляющего миром, в его божественный промысел. Кроме того, и стоики, и платоники допускали, что мир полон демонов, хотя не все из них были божествами. Возникает вопрос, почему христиане пытались представить положение иным образом. По мнению автора, ведя дискуссию, христиане скрывали ее действительную тему – является ли богом Иисус Христос. Если язычники не желают допустить даже возможность этого, то почему христиане должны принимать всерьез утверждение, что традиционные боги суть действительные отражения единого Бога?

Третья глава «Монотеизм в гностической традиции» принадлежит перу Джона Диллона и посвящена доказательству того, что, несмотря на бесчисленное умножение нематериальных

³ *Duering I. Aristotle. Heidelberg, 1966.*

и квази-божественных сущностей в различных гностических системах и их сильные дуалистические тенденции, эта традиция не является несовместимой с монотеизмом. Автор различает «жесткий» монотеизм, характерный для иудаизма и ислама и «мягкий», свойственный интеллектуализированной версии традиционной греческой религии, дальнейшей рационализацией которой стали религиозные философии стоицизма и платонизма. Христианство же включает в себя искусное сочетание монизма и плюрализма, в чем и состоит секрет его успеха.

Независимо от проблемы – является ли гностицизм в основном христианским феноменом или нет, – он определенно основывается на допущении одного первопринципа; гностический дуализм не включает двух противоположных начал, как в зороастризме: зло возникает не из окружения верховного положительного первопринципа и находится на более низкой позиции. В одном отношении гностицизм даже более монистичен, чем христианство или платонизм: он не постулирует независимого материального принципа; в гностицизме сама материя порождается в конечном счете злым Демиургом. Первопринцип гностицизма гораздо более имперсонален, чем иудео-христианское божество и гораздо ближе к Единому или Блугу позднего платонизма. Для его характеристики автор обращается к источникам и заключает, что гностицизм представляет собой отчетливо монистическую систему, не заимствованную из христианства, происхождение которой затруднительно определить.

Четвертая глава «Культ Высочайшего бога среди язычников, иудеев и христиан» С. Митчелла начинается с анализа оракула из Эноанды (Северная Ликия), опубликованного в 1971 г., который занимает важное место в дискуссиях о позднем римском язычестве, и первые три строчки которого процитированы в еще двух позднеантичных источниках – Тюбингенской теософии (конец V в.) и «Божественных установлениях» Лактанция (320 г.). Согласно оракулу, его божество известно под многими именами и по статусу выше других языческих божеств. Рассмотрение археологического контекста местонахождения надписи приводит автора к идентификации божества оракула с θεός ὕψιστος, Высочайшим богом (с. 92). Анализируя письменные источники: Григория Назианзина, Кирилла Александрийского, Григория Нисского, в особенности «Панарион» Епифания Саламинского, где говорится о религиозной группе мессалии или евфемитов, С. Митчелл идентифицирует последних с приверженцами Высочайшего бога и заключает, что сведения христианских авторов о верованиях и практике ипсистериев и их положении по отношению к христианам и иудеям точны и правдоподобны. Далее он рассматривает археологические и эпиграфические свидетельства почитания Высочайшего бога. Число надписей, относящихся к культу Зевса Высочайшего и Высочайшего бога, велико и охватывает большую территорию: от Ахайи и Македонии до восточных районов Малой Азии и Сирийской пустыни; от Ростова-на-Дону до дельты Нила. Не желая продолжать традиционные попытки отделить языческие примеры почитания θεός ὕψιστος от иудейских, автор предлагает рассматривать надписи, посвященные θεός ὕψιστος, как единый корпус источников. Происхождение культа относится, по меньшей мере, ко II в. до н.э., и уже в это время почитание этого бога можно обнаружить не только среди евреев Израиля, но и в Египте, и Эгейском регионе. Культ Зевса Высочайшего в Греции и Македонии имел местные корни, хотя очевидно, впитал и иудейское влияние, на что указывает терминология; что касается Северного Причерноморья, то здесь могли сказаться абстрактные иранские представления о божестве, оказавшие влияние на сарматское население Южной России. Почитатели θεός ὕψιστος – «благочестивые» приобрели много иудейских черт, но не претерпели полного обращения; для них важно было оставаться частью неиудейского мира. Квази-монотеистический культ Высочайшего Бога имел особое преимущество благодаря тому, что не был связан с гражданскими и императорскими институтами, а также со спортивными или музыкальными состязаниями и, таким образом, мог идеально выдерживать экономические кризисы, социальные перемены и милитаризацию римского мира в III и IV вв. Кроме того, представление о высшем абстрактном божестве, поддерживаемом меньшими божественными сущностями, получившее развитие в иудейской теологии, нашло подобие в неоплатонической философии. Культ θεός ὕψιστος и монотеистические представления народной религиозной культуры стали почвой, в которой могли легко укорениться иудейская и христианская теология.

В приложении к статье даются документальные (эпиграфические) свидетельства о культе Высочайшего бога и Зевса Высочайшего (293 пункта) II в. до н.э. – IV в. н.э. (в основном I–III вв. н.э.).

Автор пятой главы «Халдейские оракулы: теология и теургия» П. Атанасиади вначале рассматривает обстоятельства возникновения и кодификации Халдейских оракулов. Осно-

выявляясь на сообщениях Михаила Пселла, Прокла, Ямвлиха, Суды, он приписывает составление Оракулов эпохе Марка Аврелия, жреческой касте восточной части Римской империи. Первыми, кто начал объяснять и пропагандировать эту оккультную мудрость, были Порфирий, Амелий и Ямвлих, сделавший Халдейские оракулы священной книги язычества. Одним из наиболее дискутируемых в науке вопросов является вопрос о связи философской системы, изложенной в Оракулах, с системой Нумения из Апамеи. Решая его, автор связывает Оракулы с Апамейским храмом Бела, приводя в качестве косвенного доказательства надпись (IG XIV. 2482) с упоминанием τῶν ἐν Ἀπαμείᾳ μισησάμενος λογίων.

П. Атанасиади указывает, что любая попытка анализа Халдейских оракулов начинается с вопроса о способе их передачи. Фрагменты, которыми мы располагаем, попали в коллекцию по двум каналам: Прокл (примерно четыре пятых всего материала) и Дамаский. Комментируя Оракул, Прокл при рассмотрении иератического и иерархического космоса делает акцент на тричной природе всего в мире, в то время как Дамаский подчеркивает единый характер этой тричности. Наиболее важный аспект Оракулов для Прокла – сотериологический, который он понимал в свете собственного жесткого аскетизма и ритуализма, хотя эти черты, возможно, играли менее заметную роль в первоначальном халдейском учении. Кроме того, Прокл был занят и приспособлением Оракулов для магических целей. Главная же забота Дамаския как комментатора Оракулов – это проповедь того, что даже в материальном мире преобладающей тенденцией является монистическая (с. 170). Анализ точки зрения Дамаския приводит к ослаблению подробной иерархической теологии и ритуалистического метода восхождения к первопринципам, которые стали почти синонимами Халдейских оракулов. П. Атанасиади подчеркивает, что в целом для оракульной литературы II и III вв. (времени возрождения роли оракулов) характерно провозглашение недвусмысленного монотеизма; с ее помощью происходила реформа культа для приведения его в соответствие с более духовными представлениями о божестве.

Тяготая, как всегда, к широким обобщениям, П. Атанасиади предлагает концепцию «позднеантичного духовного содружества» (с. 178), простиравшегося во время Дамаския от Южной Аравии до черноморского побережья и от Карфагена до Харрана. Формирование ортодоксии, основанной на правильной интерпретации канонических текстов, доминирует не только над христианством, но и над язычеством, что доказывают Халдейские оракулы.

Последняя, шестая глава «Значение речи Претекстата», написанная В. Либешутцем, посвящена сочинению Макробия «Сатурналии» (ок. 430 г. н.э.). Речь Претекстата – один из важных источников для поздней стадии римского язычества. Расходясь в деталях, современные исследователи согласны в том, что эта речь демонстрирует склонность римской сенаторской аристократии в конце IV в. к монотеизму (с. 185). Согласно Претекстату, боги политеизма являются фундаментальными аспектами одного высшего божества и этот высший бог – солнце. В. Либешутц, рассмотрев историю солярной теологии от Платона до императора Юлиана, переходит к аргументации Претекстата, который не рассуждает с точки зрения неоплатонической или какой-то другой философской теории, но исследует имена, иконографию, ритуал и мифологию каждого божества. Попытавшись выявить возможные источники Макробия для речи Претекстата, автор заключает, что Макробий не следовал ни Порфирию, ни Юлиану («К Царю-Солнцу»), но, предположительно, был автором сам, а также мог использовать сочинения Претекстата – жреца солнечного бога, введенного в пантеон Аврелианом. В. Либешутц соглашается с мнением Э. Кэмерона (JRS. 1966. 56), не обнаружившего в «Сатурналиях» и следа антихристианской полемики; нежелание Макробия вводить понятия, связанные с темой творения: Благо, Первоначальное Единство, Первая Ипостась, означает то, что он избегал неоплатонической метафизики. Другими словами, Макробий, опуская неоплатоническую космологию, избегал столкновения с христианской теологией. В целом Макробий не был чужд неоплатонизму, как показывает его «Комментарий на Сон Сципиона», где он трактует происхождение души в терминах неоплатонической космогонии (с. 202). Таким образом, цель речи Претекстата – это не языческая пропаганда, и не антихристианская полемика. Мысль о том, что религия предков была в крайнем выражении монотеистической, должна была облегчить для сенаторов – современников Макробия примирение языческого прошлого с недавно принятой христианской религией.

Заметим, что, собственно, тема поиска монотеистических мотивов в язычестве не так нова (см., например, Н. Haas, E. Zeller, G. Murtagy). Нельзя назвать новой и идею о том, что монотеистические тенденции поздней античности подготовили почву для восприятия

христианства⁴. Да и современные авторы указывают как на широко известный факт, что христианство свободно заимствовало из языка и иконографии язычества⁵, что вера в верховного бога была общим основанием для христиан и многих язычников⁶ и что возможно говорить о нейтральном монотеизме, засвидетельствованном, в частности, в панегириках (ibid., p. 300–302). Кроме того, выявление в «язычестве» черт, обеспечивших триумф христианства, проводилось и по другим направлениям, в частности, в рамках Religionsgeschichtliche Schule, указывавшей на связь христианской литературы с эллинистическими аретологиями и значение фигуры странствующего чудотворца и философа как в языческой, так и в христианской пропаганде.

Отличие идеи сборника от предшествующих поисков монотеизма в язычестве состоит в привлечении более широкого круга традиций и источников и демонстрации того, что не только философы, но и очень существенная часть позднеантичных язычников была осознанно монотеистической (с. 20). Это актуально в связи с тем, что многие крупнейшие специалисты в области позднеантичной религии как будто вовсе не замечают подобных тенденций: так, Р. Макмаллен считал и продолжает считать⁷ основной характеристикой религии империи веру в существование множества божеств.

Терминологически сборник довольно резко порывает с традицией обозначать подобные явления позднеантичной религии как синкретизм или энотеизм. Это можно признать характерным для П. Атанассиади, в свое время утверждавшей⁸, например, что в планы Юлиана входило основание универсальной монотеистической языческой религии и церкви, основанной на принципах ямвлихианского неоплатонизма. Это мнение получило возражение, в частности, со стороны Р. Смита, который увидел в этом преувеличение степени, в какой теургический неоплатонизм, практикуемый частным лицом, соответствовал общественной религиозной программе⁹. В случае с Юлианом Смит вообще предлагает говорить не о «монотеизме», а об универсализме, коренящемся в энотеизме и митраизирующей теологии, подчеркивающей связь между земной и небесной монархиями (ibid., p. 220).

По моему мнению, авторам следовало бы обратить больше внимания на обоснование своего понятийного аппарата в соотношении именно с традиционными научными терминами. Странно, что полемика ведется преимущественно с христианскими апологетами и общепринятым мнением. Тем не менее сборник представляет собой интересное исследование, заставляющее по-новому посмотреть на многие известные факты позднеантичной религиозной истории и скорректировать уже устоявшиеся оценки и определения.

О.П. Смирнова

© 2001 г.

A. PANAINO. *La novella degli scacchi e della tavola reale. Un'antica fonte orientale sui due giochi da tavoliere più diffusi nel mondo eurasiatico tra Tardoantico e Medioevo e sulla loro simbologia militare e astrale*. Testo pahlavi, traduzione e commento al *Wizarišn ī čatrang ud nihišn ī nēw-ardaxšīr* «La spiegazione degli scacchi e la disposizione della tavola reale». Milano: Mimesis, 1999. 268 p. (А. Панаино. Новелла о шахматах и о нардах. Древний восточный источник о двух наиболее распространенных в поздней античности и средневековье евроазиатских настольных играх и об их военной и астральной символике. Текст пехлеви, перевод и комментарии к «Визаришн и чатранг уд нишишн и невардахшир» – «Объяснение шахмат и расположение нардов»).

⁴ Murray. Op. cit. P. 157.

⁵ Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990. P. 44.

⁶ Liebeschuetz J.H.W.G. Continuity and Change in Roman Religion. Oxf., 1979. P. 281.

⁷ MacMullen R. Paganism in the Roman Empire. New Haven, 1981; *idem*. Christianity and Paganism in the Fourth to Eighth Centuries. New Haven–London, 1997. P. 32.

⁸ Athanassiadi-Fowden P. Julian and Hellenism. Oxf., 1981; Athanassiadi P. Julian: An Intellectual Biography. L., 1992.

⁹ Smith R. Julian' Gods. Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate. L.–N.Y., 1995. P. 165.

Это новое издание пехлевийского сочинения, уже известного в нескольких печатных изданиях и в частности в итальянском переводе А. Пальяро (1951 г.), может показаться малоинтересным русскому читателю, имеющему в своем распоряжении его русский перевод под редакцией И.А. Орбели и К.В. Тревер (Л., 1936). На самом же деле междисциплинарный подход Антонио Панаино и его широкая образованность, которая простирается от филологии до истории научного знания, делают его книгу произведением крупного масштаба, захватывающе интересно освещающим связи между миром классической древности и Востоком в период между поздней античностью и ранним средневековьем.

Книга, которой предпослано предисловие автора, разделена на две части и открывается длинным списком библиографии, широта которого дает точное представление о богатстве работ, изученных автором; затем следует список сокращений.

Часть I содержит транслитерацию, транскрипцию и комментированный перевод пехлевийского текста, которые предваряют глава «Пролегомены» и глава, посвященная рукописной традиции и предшествующим изданиям. В «Пролегоменах» всегда к стати выделены аллегорические развороты произведения, которое ведет свое происхождение из придворной куртуазной среды сасанидской эпохи, но затрагивает в целом также и темы религиозного и философского характера. Богатый комментарий к этому сочинению, помещенный в части II, состоит из семи глав, которые посвящены различным проблемам, связанным с интерпретацией текста и вообще с историей двух настольных игр, рассматриваемых в техническом и культурном аспектах, а также с точки зрения символики.

К заслугам Антонио Панаино необходимо отнести то, что он сумел прочитать текст во всей его глубине, выходя за рамки возникающей на первый взгляд литературной фикции, а также то, что ему удалось подчеркнуть важность этого произведения для истории культуры сасанидского мира (главы I–IV). Рассматривая различные предлагаемые датировки текста, выделяя объективно существующие сомнения, автор тем не менее относит первоначальную редакцию текста к позднесасанидской (между VI и VII вв.), а не к исламской эпохе. Подобным же образом автор, с одной стороны, считает затруднительным дать точную историческую идентификацию персонажей, задействованных в событиях, с другой стороны, определяет некоторые черты, которые кажутся отражением реальных фактов, таких как идеологическое обоснование иранского превосходства и существование интенсивных связей между сасанидским Ираном и северной Индией. Решающими являются доводы, опровергающие выдвинутые в прошлом тезисы об отождествлении персидского героя соревнования, мудреца Вузургмихра, с одноименным астрологом сасанидской эпохи, которому приписывается пехлевийский перевод 'Αυβολού(αι Веттия Валента, а также с придворным врачом Хосрова I Бурзой, тоже вошедшим в легенду.

Сопоставление повествования «Визаришн и чатранг» и двух эпизодов, содержащихся в «Шах-наме» Фирдоуси и в «Гулар ас-сияр» Таалиби, трактующих это же событие и зависящих, без сомнения, от одной и той же традиции, хотя и не непосредственно от пехлевийского текста, выявляет отличия композиционного и литературного порядка, которые можно оправдать только различной датировкой, что, следовательно, подтверждает старшинство пехлевийского текста.

Главы VI и VII, посвященные соответственно шахматам и нардам, включают в себя реальную историю настольных игр: в них анализируются все имеющиеся исторические, филологические и археологические свидетельства от Индии до Средиземноморья, с бронзового века до средневековья. Особенно интересен в работе Панаино тонкий анализ процесса трансформации фигур, описанных в сасанидском тексте, в фигуры актуальной шахматной игры: например, колесница превращается в ладью. Сложный, астрологический по своей природе символизм, связанный с настольными играми, в особенности с нардами, также проиллюстрирован богатой документацией, которая показывает теснейшие связи, которые в период между поздней античностью и средневековьем соединяли Восток и Запад.

Книгу дополняют различные полезные приложения. Первое из них составляет пехлевийская лексика, которая может послужить в том числе и отличным дидактическим материалом. Во втором приложении представлен в четко выполненной репродукции пехлевийский текст, опубликованный в 1897 г. в Бомбее Дж.М. Джамаси-Асана. В третьем приводится итальянский перевод с непрерывным текстом. Далее следует краткое содержание книги на английском языке и английский перевод «Визаришн и чатранга». Завершают труд объемные указатели: знаменательных слов, цитируемых античных произведений, имен и основных понятий, античных авторов, главных исторических персонажей и всех относящихся к названным играм терминов.

Книга Антонио Панаино далеко выходит за рамки обычного филологического издания

текста: в ней методологическая безупречность и глубокая эрудиция выливаются в ясную и живую картину особо важного для истории человеческой культуры периода, т.е. поздней античности, когда Восток и Запад были очень тесно связаны. Поэтому этот труд может заинтересовать даже читателя, не входящего в круг востоковедов.

Пьерфранческо Кальери

© 2001 г.

M. GANDINI. Raffaele Pettazoni. Materiali per una biografia. «Strada Maestra». San Giovanni in Persiceto. 1989. № 27. 2. P. 1–165; 1992. № 32. 1. P. 119–247; 1992. № 33. 2. P. 129–223; 1993. № 34. 1. P. 95–227; 1994. № 36–37. P. 177–298; 1996. № 40. 1. P. 63–205; 1997. № 43. 2. P. 65–173; 1998. № 44. 1. P. 97–214; 1998. № 45. 2. P. 157–241; 1999. № 46. 1. P. 77–223; 1999. № 47. 2. P. 95–226.

С 1989 г. в журнале городской библиотеки «Дж.Ч. Кроче» г. Сан-Джованни-ин-Персичето «Страда Маэстра» публикуются «сериями», как любит говорить проф. Гандини, «Материалы по биографии Раффаэле Петтацони». Это труд крупного масштаба, и на настоящий момент он охватывает период с 1883 г. (года рождения Петтацони) до 1927 г. включительно. Выделим некоторые общие характеристики работы. Независимо от уровня осведомленности читателя о жизни и творчестве Петтацони, М. Гандини удается восстановить, на мой взгляд, очень удачно, дух эпохи, события и атмосферу, в которой жил, учился, творил великий ученый, профессор истории религий. Все это находит конкретное выражение в значительном объеме работы: свыше 1300 страниц для описанного на сегодня периода. Если размеры работы, с одной стороны, могут испугать того, кто приступает к ее чтению, то, с другой стороны, они гарантируют читателю точность, в большинстве случаев доходящую до малейших деталей. Труд сопровождается многочисленными фотографиями, репродукциями страниц рукописей и писем Петтацони, титульными листами и оглавлениями его работ и, кроме того, в нем наличествует множество сносок, относящихся не только к фигуре Петтацони, но также и к людям и событиям, которые были связаны с жизнью этого ученого.

Безусловно оцененная по достоинству читателями, интересующимися местной историей, глубоким знатоком которой является проф. Гандини, первая часть труда – «Раффаэле Петтацони от рождения до окончания университета: 1883–1905 гг.» – имеет фундаментальное значение для понимания многих последующих событий его жизни. Первые занятия, городское и семейное окружение, пробуждение интереса к политике, первые учителя... 160 страниц интересного и доставляющего истинное удовольствие чтения пробегаешь на одном дыхании и сам того не замечая доходишь до момента окончания молодым ученым университета. В текст также включены выдержки из первой статьи историко-религиозного характера «Религии Японии» (*Le religioni del Giappone*), опубликованной Петтацони в газете «Ресто дель Карлино» в 1904 г., и краткое содержание его дипломной работы «*Le origini dei Kabiri nelle isole del mar Tiraso*», посвященной происхождению кабиров на островах Фракийского моря и представленной факультету профессором Пунтони (рукописная копия этой работы находится в библиотеке г. Сан-Джованни-ин-Персичето). Дипломная работа Петтацони, впоследствии изданная Академией деи Линчеи, – труд совсем немаловажный, ее ценил Гемберг, писавший о кабирах спустя несколько десятилетий (*Die Kabiren*).

Вторая часть «Материалов», посвященная времени, когда Петтацони самостоятельно изучал историю религий и одновременно посещал Итальянскую археологическую школу, также располагает к легкому чтению. М. Гандини, не утомляя читателя, знакомит его с послеуниверситетской деятельностью Петтацони. Горизонт, открывающийся перед нами, значительно расширяется: небольшие местные персичетские события встречаются в тексте все реже, уступая место значительно более масштабным и важным. Этот «археологический» период жизни Петтацони, может быть, менее известен, чем последующие, но он не прошел бесследно: к этому времени относятся работы «О клазоменских саркофагах» (*Intorno ai sarcofagi di Klazomene*; рукопись, в которой недостает 16 страниц, хранится в библиотеке г. Сан-Джованни-ин-Персичето) и «О святилищах Беотии» (*Sui santuari della Beozia*).

Данный период жизни ученого рассматривается также и в следующей «серии» «Материалов»: «Раффаэле Петтацони от ученика Итальянской археологической школы до временного преподавателя в школе Мингетти в Болонье (1907–1909)». В эти годы ученый пишет небольшую интересную работу об Амеша Спента (Amešaspentas e Ādityās) – это первое конкретное свидетельство интереса к иранскому миру: позже, в 1920 г., появится книга «Религия Заратуштры в религиозной истории Ирана» (La religione di Zarathustra nella storia religiosa dell'Iran), ставшая результатом первого лекционного курса, читанного им в Болонском университете. Рассуждения Петтацони оказались важными для скандинавской школы Х. Ниберга и его последователей Г. Виденгрена и С. Викандера, которым исследователи по иранистике многим обязаны.

Рассматриваемый в «Материалах» переход от археологии к этнологии датируется 1909–1911 гг. Это важный для формирования Петтацони период, не особенно богатый в плане творчества, но несмотря на это подробно описанный М. Гандини, который с достойными похвалы точностью и умением (это относится также и к предыдущим и последующим периодам) реконструирует все отношения и контакты Петтацони с учеными-современниками. Например, на основе скрупулезной работы Гандини можно исключить наличие контактов с другим выдающимся ученым – Франческо Адольфо Канинциаро, учеником Де Губернатиса и автором перевода «Видевдата» на итальянский язык.

В 1912 г. выходит в свет «Первобытная религия на Сардинии» (La religione primitiva in Sardegna), которая, по словам Гандини, «открывает Петтацони путь к званию приват-доцента». Не случайно М. Элиаде характеризует эту книгу как одну из самых значительных работ года, ставшего плодотворным как для изучения истории религий, так и для других смежных дисциплин (достаточно вспомнить «Astrology and Religion among the Greeks and Romans» Франца Кюмона и «Översikt av allmänna religionshistorien» Натана Седерблума).

В последующие годы Италия вместе с другими странами Европы погружается в бездну Первой мировой войны. Петтацони также был мобилизован в 1916 г. Понадобилось несколько лет ожидания, чтобы увидеть появление новых его значительных работ (20-е годы). Им посвящена часть «Раффаэле Петтацони в первые послевоенные годы», где анализируется процесс подготовки к созданию уже упомянутой «Религии Заратуштры», а также работ «Религия древней Греции» (La Religione della Grecia Antica), «Небесное существо» (L'Essere celeste) и «Таинства» (I Misteri).

В 1924 г. появляется еще одно произведение, внесшее вклад в иранистику – статья «Ahura Mazda, the Knowing Lord», и с этого же года начинается многолетнее (до 1936 г.) систематическое исследование темы «исповедание грехов» (La confessione dei peccati), составляющее предмет двух последних – из вышедших на сегодня – частей биографии.

Возможно, русский читатель спросит: есть ли смысл представлять труд, написанный на итальянском языке (который явно не входит в число самых широко используемых) и печатающийся в журнале, который не так-то легко найти в библиотеках России. Ответ прост. В эпоху интернета попробуйте просмотреть web-страницы, стараясь отыскать сведения о Раффаэле Петтацони, и вы найдете не более 131 страницы (word count 428): слишком мало для ученого, который внес огромный вклад в изучение истории религий (ср. с гораздо большим количеством web-страниц, отведенных Мирче Элиаде: свыше 4000 на нынешний день). Труд М. Гандини – ценнейшая возможность приблизиться к жизни этого человека, которого конечно же можно не принимать, но никак нельзя игнорировать. И потому с убежденностью, что сообщаю о *хорошей* работе, выполненной серьезно и точно, я и написал эти краткие заметки, обращенные к русской публике в надежде, что языковые и прочие трудности смогут быть преодолены если не всеми, то хотя бы некоторыми, для кого эта работа окажется полезной и не оставит их разочарованными.

Паоло Оньибене

© 2001 г.

СЕМИНАР В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН, ПОСВЯЩЕННЫЙ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА М.А. КОРОСТОВЦЕВА

(Москва, 24 апреля 2000 г.)

24 апреля 2000 г. в Институте востоковедения РАН на очередном заседании семинара «Древний Восток и мировая культура» отмечалось 100-летие со дня рождения выдающегося русского египтолога академика М.А. Коростовцева (23.04.1900–23.10.1980). Этот семинар был организован отделом истории и культуры ИВ РАН в 1997 г. и объединил в своей работе известных специалистов, а также аспирантов и студентов, занимающихся проблемами цивилизаций древнего мира. На заседании, приуроченном к юбилею М.А. Коростовцева, присутствовали сотрудники и аспиранты ИВ РАН, МГУ и РУДН.

Семинар открыл зам. директора ИВ РАН *В.М. Аллатов*, который сосредоточил внимание на характеристике М.А. Коростовцева как ученого, всецело принадлежавшего советской эпохе и разделявшего ее идеологию. Ученый секретарь семинара, зав. сектором Ближнего Востока ИВ РАН *О.И. Павлова* особо подчеркнула вклад академика Коростовцева в область египетской филологии. И хотя диапазон его интересов включал также историю, общество и культуру древнего Египта и отчасти других регионов древнего Востока, все же основные достижения его, по мнению *О.И. Павловой*, проявились в наименее идеологизированных сферах египтологии. Его перу принадлежат такие известные среди специалистов труды, как: «Египетский язык», «Введение в египетскую филологию» и «Писцы Древнего Египта». М.А. Коростовцев является создателем фундаментальной грамматики новоегипетского языка «Grammaire du neo-égyptien», издателем, переводчиком и интерпретатором целого ряда литературных памятников древнего Египта, среди которых ранее не издававшиеся иератические папирусы № 127 и № 167, знаменитый иератический папирус № 120 («Путешествие Ун-Амуна в Библ») из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Ведущий научный сотрудник ИВ РАН *Т.В. Степугина*, долгие годы работавшая с М.А. Коростовцевым, когда он с 1965 г. возглавил отдел древнего Востока ИВ РАН, особенно отметила своеобразие личности юбиляра, его неистощимую энергию, жизнерадостность, готовность прийти на помощь. Происходивший по материнской линии из старинного рода грузинских князей Герсевановых, человек сложной судьбы, штурман дальнего плавания, сравнительно поздно пришедший в академическую науку, переживший арест и семилетнее заключение в лагере, М.А. Коростовцев никогда не терял присутствия духа и благородно относился к тем, кто был виновником его злоключений.

Доцент кафедры всеобщей истории РУДН к. и. н. *А.И. Кардаш*, работавшая в 1969–1976 годах с М.А. Коростовцевым в качестве его ассистента, особое внимание уделила его педагогической деятельности, отметив, что его лекции неизменно привлекали молодежь своей экспрессией и яркостью. В память М.А. Коростовцева в РУДН ежегодно проводятся Коростовцевские чтения с участием студентов и аспирантов.

После торжественной части на семинаре были зачитаны доклады сотрудников отдела истории и культуры древнего Востока ИВ РАН *Д.Б. Прусакова* и *А.К. Виноградова*. В докладе *Д.Б. Прусакова* «К проблеме раннего политогенеза в Египте» на основании археологических и палеоэкологических данных была выдвинута принципиально новая гипотеза формирования древнеегипетского государства, согласно которой Египет эпохи I–III династий

тый еще не был централизованным государством и представлял собой не сплошную территориальную, а дискретную анклавную систему с двумя важнейшими центрами кристаллизации: Тином и Мемфисом, а также рядом тяготевших к ним протономов южного Верхоя и Дельты.

Доклад *А.К. Виноградова* был посвящен анализу весьма распространенной в официальном искусстве Египта и Куша композиции, в которой фараон показан коленопреклоненным у ног восседающего на троне бога (чаще всего Амона-Ра) так, что оба развернуты в одном направлении (изображения на обелиске царицы Хатшепсут, на «Стеле избрания» Аспелты и т.д.). По господствующему мнению, данная сцена представляет кульминационный момент интронизационного ритуала: коронацию правителя главным богом египетско-кушитского пантеона. Автор оспаривает эту точку зрения и выдвигает гипотезу, согласно которой данная композиция имеет гораздо более широкое аллегорическое значение. Существование в египетском языке целого ряда близких по семантике фразеологизмов позволяет заключить, что эта сцена выражает, – как бы в виде ребуса («фараон сидит в тени руки бога Амона»), сразу несколько распространенных египетских идиом, передающих идею покровительства царю со стороны его божественного отца.

В заключение после обсуждения докладов *О.И. Павлова* отметила их особое значение в связи с тем, что они посвящены памяти М.А. Коростовцева, всегда с интересом относившегося к новым оригинальным идеям, посягавшим на привычные стереотипы, какими бы неизбежными они ни казались. *Т.В. Степугина* предложила опубликовать сборник статей в память столетнего юбилея М.А. Коростовцева.

О.И. Павлова

© 2001 г.

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ФРАКОЛОГИИ «ФРАКИЯ И ЭГЕИДА»

(София, 25–28 сентября 2000 г.)

С 25 по 28 сентября в городах София и Ямбол (Болгария) состоялся VIII международный конгресс по фракологии под названием «Фракия и Эгеида».

Конгресс был проведен по предложению Международного совета по индоевропейским и фракологическим исследованиям, в состав которого входят 40 ученых из 15 европейских стран, США и Японии. Предложение болгарской научной общественности организовать и провести конгресс было сделано на очередном заседании Совета во время VII Международного конгресса в 1996 г. в Констанце – Мангалии (Румыния). Эту идею приняли и одобрили болгарские члены Совета во главе с его Генеральным секретарем профессором Александром Фолом.

Подготовка конгресса началась в 1997–1998 годах с учреждения Почетного комитета, в который были приглашены председатели парламентских комиссий по культуре и средствам массовой информации, образованию и науке, президент Болгарской академии наук, мэр Софии, дуайен фракологов проф. Христо Данов, ныне покойный, а также члены Организационного комитета под руководством проф. А. Фола. Начинание получило поддержку Президента Республики Болгарии Петра Стоянова, который направил письмо-обращение к

будущим участникам конгресса. Соорганизаторами конгресса стали Международный фонд «Античная Европа», Институт фракологии при Болгарской академии наук, Софийский университет им. св. Климента Охридского, Новый болгарский университет и Исторический музей (Ямбол). Организация и проведение конгресса полностью финансировались спонсорами – юридическими лицами: Международный фонд «Античная Европа», фонд «Открытое общество», компания «Аргус Компьютри» (София), частный античный музей «Арес» (София), Центр содействия по поиску и сохранению культурно-исторического наследия (София), Объединенный болгарский банк, издательский дом «Демакс» (София), Австрийско-болгарское общество (Вена), типография «Светлина» (Ямбол), «Вини» (Сливен), «Ройял Кейк» (София), «Ситалк» (Пловдив), общины городов Ямбол, Тунджа, Брезово, общинный совет с. Кабиле, а также Центральное управление Болгарской академии наук. В организации некоторых мероприятий конгресса оказало содействие Министерство культуры.

В работе конгресса приняли участие более 140 известных болгарских и зарубежных ученых из Европы и США. Торжественное открытие этого научного форума состоялось в актовом зале Софийского университета им. св. Климента Охридского в присутствии многих гостей, среди которых были проректор Софийского университета проф. Ангел Попов, главный научный секретарь Болгарской академии наук проф. Наум Якимов, председатель Софийского народного совета г-н Стефан Софьянски, председатель Комиссии по культуре и средствам массовой информации Народного собрания г-н Стефан Райчевски. Приветствуя участников конгресса, выступающие остановились на роли и значении фракологии, подчеркнули достижения болгарских специалистов и зарубежных коллег, пожелали всем плодотворной работы и новых научных открытий. В зале присутствовали министр культуры г-жа Емма Москова и представители дипломатических кругов.

После официальной церемонии открытия участники приступили к чтению докладов по секциям. Доклад проф. Яна Лихардуса (Германия) был сделан на тему «Юго-Восточная Болгария между Понтикой и Эгейдой в период ранней праистории», проф. Хайдо Кукули-Хризантаки (Греция) остановился на проблемах развития городов в долине р. Струмы, а проф. Грегорю Лури Медрано (Испания) представил доклад на тему «Опыт орфического прочтения "Республики" Платона». Заседания проводились по четырем отдельным секциям.

Первая секция объединяла доклады, посвященные проблемам ранней Фракии (IV тыс. до Р.Х. – первая половина II тыс. до Р.Х.). Это взаимоотношения с Эгейдой и Малой Азией, связи и контакты с припонтийскими степями и среднедунайским регионом, а также первые политические структуры.

Вторая секция охватывала результаты исследования Фракии в микенскую и гомеровскую эпохи (XVII/XVI–IX/VIII вв. до Р.Х.), включая этно-культурные и культурно-лингвистические общности и связи в Юго-Восточной Европе и Малой Азии, пути проникновения металлов, мегалитическую культуру, Фракию и линейное письмо *A* и *B*.

Третья секция объединяла доклады по проблеме участия фракийских царей в политической жизни Юго-Восточной Европы в I тыс. до Р.Х. Обсуждались вопросы, связанные с Фракией Понтикой и эллинской колонизацией, фракийско-эллинские и фракийско-македонские связи, Фракия и Афины, малоазийская Фракия.

Четвертая секция была посвящена исследованиям фракийской культуры и фракийского орфизма в период с середины II тыс. до Р.Х. до поздней античности. Были рассмотрены проблемы устной исторической памяти, фракийского языка, организации полисов и этносов в Юго-Восточной Европе, мифов, веры, священных текстов и ритуалов, устного и письменного орфизма, фракийско-фригийской культурной зоны, традиций и континуитета.

Во время конгресса были организованы фотовыставки, представляющие результаты новейших и наиболее интересных археологических открытий в области фракологии: это фракийский культовый центр около с. Старосел близ Пловдива и фракийская царская резиденция Перперек близ г. Кырджали. На выставке, посвященной открытию культового комплекса в с. Старосел, была показана часть уникальных находок, сделанных на объекте, которые только теперь предстоит анализировать и интерпретировать. По случаю VIII Международного конгресса по фракологии, при содействии Министерства культуры, была открыта новая экспозиция фракийских золотых и серебряных сокровищ в залах Национального исторического музея, резиденция Бояна, где участники и гости конгресса имели возможность впервые увидеть некоторые из богатых находок во фракийских землях. Выставка была организована в соответствии с абсолютно новой концепцией экспонирования, предлагающей рассказ о функционировании власти – религии в культурной среде этносов и полисов.

В Ямбол делегаты выехали 28 сентября, где состоялась заключительная часть работы конгресса. Во время поездки было организовано посещение некоторых наиболее интересных подкурганых могильных сооружений, раскопанных сотрудниками д-ра Георгия Китова в «Долине фракийских царей» близ Казанлыка, а также ознакомление на месте с результатами археологических исследований кургана близ с. Караново. Гости получили возможность посетить самые новые участки раскопок кургана и экспозицию в Музее комплекса.

На следующий день в Ямболе открылась выставка «Драма – 7000 лет истории между Понтикой и Эгейдой», специально подготовленная к конгрессу. Она включала в себя результаты болгаро-германских раскопок с 1983 по 1999 годы в регионе с. Драма, община Тунджа. Исследования позволили сделать реконструкцию заселения микрорегиона от среднего неолита до раннего Средневековья, а также документировать культурное взаимовлияние эгейских и северопонтийских культур. Особый интерес вызвал первый письменный документ с текстом линейного письма А, открытый севернее Греции.

Позднее в Археологическом парке Кабиле состоялась заключительная сессия конгресса. Гости с интересом ознакомились с музейной экспозицией и выслушали обзорный доклад проф. Людмила Гетова, который был посвящен результатам многолетних археологических исследований в Кабиле. Директор Института фракологии проф. Кирил Йорданов выступил с заключительным словом, а официально закрыл конгресс проф. Александр Фол, генеральный секретарь Международного совета по индоевропейским и фракологическим исследованиям.

Перед возвращением в Софию участники конгресса осмотрели раскопки и открытые в Кабиле объекты. Унося с собой радость приятных мгновений, гости попрощались до новых встреч в 2004 г., на следующем IX Международном конгрессе по фракологии.

И. Шопова

© 2001 г.

КЛАРА ПЕТРОВНА ПОЛОНСКАЯ

(1913–2000)

9 ноября 2000 г. скончалась Клара Петровна Полонская. Большая утрата постигла не только ее родных, близких, многочисленных друзей и учеников, но и весь Московский университет и отечественную классическую филологию. Отпевание Клары Петровны совершили протоиерей Валентин Асмус и иеромонах Тихон Зимин, оба – выпускники кафедры классической филологии и ученики Клары Петровны.

Клара Петровна – ученица С.И. Соболевского; у него она начала заниматься в ИФЛИ как студентка первой группы вновь восстановленного классического отделения. Занятия с Сергеем Ивановичем продолжились в аспирантуре с 1943 г., после завершения высшего образования, трех лет эвакуации и работы учительницей русского языка в селе Терпенье Омской области. Ко времени аспирантуры относится начало преподавания Клары Петровны в высшей школе: традиционные курсы элементарной латыни на общих отделениях, дневном и вечернем. В 1946 г. ею была защищена кандидатская диссертация: «Историко-литературный анализ трагедии Софокла "Трахинянки"».

С 1949 г. Клара Петровна читает курсы истории античной литературы и ведет семинары по греческой трагедии, которые для многих слушателей того времени до сих пор остаются одним из самых ярких университетских впечатлений; с 1957 г. ведет спецкурсы и спецсеминары по римской литературе на классическом отделении, которые оказались одним из самых значительных достижений в ее педагогической работе, в силу чего у студентов-классиков, посещавших эти занятия, образ Клары Петровны остается прежде всего связан с историей римской литературы, с Плавтом и Теренцием, Лукрецием, Катуллом, Тибуллом, Проперцием, Вергилием, Овидием и Горацием, но также, безусловно, и с Цицероном,

Титом Ливием, Тацитом. Однако помимо этого большое внимание на занятиях по истории римской литературы Клара Петровна уделяла авторам доклассического периода, дошедшим до нас во фрагментах. Работа с фрагментами – очень специфический и важный для филолога-классика аспект его образования, и именно здесь занятия Клары Петровны играли большую роль.

Результатом работы Клары Петровны над учебными курсами были научные статьи и книги: «Римские поэты эпохи принципата Августа» (М., 1963), «Античная лирика» (М., 1967, совместно с В.Н. Ярхо), «Античная комедия» (М., 1970, совместно с В.Н. Ярхо). Особо хочется отметить уникальное в отечественной научно-педагогической литературе пособие – составленную совместно с Л.П. Поняевой «Хрестоматию по ранней римской литературе» (М., 1984), которая является прямым результатом работы со студентами над фрагментами авторов доклассического периода. Второе издание этой книги (2000), переработанное и дополненное, вышло за несколько месяцев до смерти Клары Петровны.

У Клары Петровны было свое особенное место на кафедре классической филологии МГУ, с которой связана практически вся ее педагогическая и научная работа. Когда в связи с возрастом и болезнью Клара Петровна прекратила преподавание, постепенно стало все больше осознаваться, до какой степени ее роль на кафедре и на факультете была важной. Именно Клара Петровна своей педагогической и научной работой, а также благодаря своим исключительным человеческим качествам умела хранить и продолжала традицию московской школы филологов-классиков, представленную ее учителем С.И. Соболевским.

К этим драгоценным человеческим качествам Клары Петровны относится прежде всего редкая преданность преподаванию и науке именно ради них самих, но притом и ради тех, кому Клара Петровна преподавала и кого учила. Отсюда – удивительная способность собирать вокруг себя людей и дарить им радость полноценного общения: в студенческом кружке, в образовательной поездке, у себя дома – ради дружеской доверительной беседы, что было так важно в те годы, когда искренность и доверительность могли оказаться опасными. Учитель и верный друг очень многих, Клара Петровна продолжает объединять нас и теперь.

Е.Ф. Шичалина, Ю.А. Шичалин

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2001 г.

Sancti Aurelii Augustini episcopi Hipponensis
SERMO DE EXCIDIO URBS ROMAE

Святого Аврелия Августина, епископа Гиппонского
СЛОВО О РАЗОРЕНИИ ГОРОДА РИМА

Предисловие и перевод с латинского *С.А. Степанцова*

Проповедь блаженного Августина, названная позже «Слово о разорении города Рима», была произнесена им вскоре после взятия Рима Аларихом в 410 г., как явствует из его слов о «недавнем разорении столь великого города». Главный вопрос, который Августин решает перед слушателями: за что Рим постигла такая страшная кара? Означает ли это, что великий город погряз в беспросветной греховности? Кажется, что в обществе распространено было именно такое суждение. Ведь согласно библейскому повествованию, которое вспоминает Августин, Бог сказал Аврааму, что пощадил бы даже Содом, если бы в нем нашлось хотя бы десять праведников. Августин дает более сложное объяснение происшедшему: хотя по божественной мере в мире нет вообще ни одного праведного человека, однако Рим все-таки не был разрушен полностью (в отличие от Содома), а если при его разорении и погибли невинные и праведные люди – для них это скорее освобождение от мук временной земной жизни. Стало быть, все происшедшее надо воспринимать не как наказание, а как увещание. Проповедник не использует бедствие для устрашения паствы, но утверждает независимость от земных невзгод и сосредоточенность на внутренней жизни как христианский идеал. Некоторые темы «Слова» предвосхищают трактат «О Граде Божием», что без труда увидит читатель.

Проповедь интересна еще и тем, что для сопоставления с плачевными событиями в Риме довольно подробно описывается бедствие (*calamitas*) в Константинополе «при императоре Аркадии». Об этом бедствии Хроники Проспера и Марцеллина упоминают как о землетрясении, в описании же Августина оно выглядит как ряд атмосферных явлений неясной природы¹. Беглое упоминание Августином того, что среди слушателей могут находиться

¹ См. об этом: *Cameron A. Earthquake 400 // Chiron. 1987. № 17. P. 351–354. Специально об особенностях описания этого события у Августина см. Woods D.C. An Earthquake at Constantinople: Augustine's «De excidio Urbis» VI.7 // Augustiniana. 1992. № 42. 331–337.*

свидетели событий в Константинополе, породило предположение о том, что проповедь могла быть произнесена в Константинополе, однако подтвердить эту догадку нечем.

Лучшим изданием текста «Слова» является издание М.В. О'Рейли в его диссертации: *Sancti Augustini De Excidio Urbis Romae Sermo: A Critical Text and Translation with Introduction and Commentary* (Patristic Studies. № 89) Washington, 1955 = *Corpus Christianorum. Series Latina. V. 46*. Turnhout, 1969. Перевод, выполненный по бенедиктинскому изданию, воспроизведенному в Латинской патрологии Миня, сверен с критическим текстом. В квадратные скобки заключены позднейшие заголовки смысловых разделов проповеди.

Новейшую литературу по вопросам, связанным со «Словом», см. в статье: *Fitzgerald A.D. De Excidio urbis Romae sermo // Augustine through the Ages / Gen. Ed. A.D. Fitzgerald. Grand Rapids (Michigan) – Cambridge, 1999. P. 344.*

1.1. [Прибегая к примеру Даниила, исповедавшего свои грехи, опровергает тех, кто из-за разорения Рима ропщет на Бога. Кого знаменуют собою Ной, Даниил и Иов.] Рассмотрим первое зачало из книги святого пророка Даниила, где, как мы слышим, пророк молится и, к нашему удивлению, исповедует не только грехи своего народа, но и свои собственные. После самой молитвы, слова которой являют его не только просителем, но и исповедником, после этой самой молитвы он говорит: *Когда молился я и исповедовал грехи мои и грехи народа моего Господу Богу моему* (Дан. 9:20²). Кто же может объявлять себя безгрешным, если Даниил исповедует собственные грехи. Вот и некоему гордецу сказано было через пророка Иезекииля: *Разве ты мудрее Даниила?* (Иез. 28:3) Кроме того, этого Даниила Бог поставил в числе трех святых мужей, которыми ознаменовал три рода людей, коих хочет избавить, когда великая скорбь постигнет род человеческий, и сказал, что никто от нее не избавится, кроме Ноя, Даниила и Иова (Иез. 14:14). Притом ясно, что этими тремя именами Бог знаменует, как я уже сказал, некие три рода людей. Ибо почил эти три мужа, и души их у Бога, а тела их сгнули в земле; они ожидают воскресения и поставления одесную и уже не боятся никакой скорби в этом мире, от которой они желали бы избавиться. Как же будут избавлены от скорби Ной, Даниил и Иов? Когда Иезекииль говорил об этом, пожалуй, только Даниил был в теле. Ибо Ной и Иов уже давно к тому времени почил и в смертном сне приложились к отцам. Как же могли быть избавлены от надвигающейся скорби те, кто уже давно освободился от плоти? Однако Ной знаменует собою добрых предстоятелей, которые правят и окормляют Церковь, подобно тому как Ной во время потопа окормлял ковчег. Даниил знаменует собой всех святых воздержников, Иов – всех, праведно и добродетельно живущих в супружестве. Эти-то три рода людей освободит Бог от скорби. Сколь достохвально оказался Даниил, ясно из того, что он удостоился быть названным в числе этих трех, и, однако же, он исповедует грехи свои. А если Даниил исповедует грехи свои, чья гордыня не содрогнется? Чье надмение не будет подавлено? Чья спесь, чье превозношение не будет обуздано? Кто похвалится, что сердце его чисто, и кто похвалится, что он чист от греха? (Притч. 20:9).

II. [Почему Бог не пощадил великий город ради праведников. «Праведный» по двум мерам.] Люди дивятся – о, если бы они только дивились и не доходили до богохульства – когда Бог наказует род человеческий и ударами отеческого исправления взыскивает, до суда подавая научение, и часто бичует без разбора, чтобы избавить от осуждения. Ибо он бичует вместе праведных и неправедных; впрочем, кто праведен, если даже Даниил исповедует собственные грехи?

2. Несколько дней назад читалось зачало из книги Бытия, которое, если я не ошибаюсь, привлекло внимание многих. Там Авраам говорит Господу: если бы тот нашел в городе пятьдесят праведников, пощадил бы он город ради них или вместе с ними погубил бы город? И ответил ему Господь, что если бы нашел в городе пятьдесят праведников, то пощадил бы город. Тогда Авраам продолжил испытывать и спросил, пощадит ли он город, если будет на пять меньше и останется сорок пять. Отвечал Господь, что пощадит и ради сорока пяти. Стоит ли долго говорить? Мало-помалу, расспрашивая и отнимая от первоначального числа, дошел он до десяти и спросил у Бога: если он найдет десять праведников, погубит ли их вместе с остальными бесчисленными дурными людьми или же скорее ради десяти праведников пощадит город? Ответил Бог, что и ради десяти праведников не погубит города (Быт. 18:23–32). К чему мы об этом говорим, братья? Перед нами встает важный и настойчивый

² Библийские цитаты приводятся не по Синодальному переводу, а в переводе с латинского текста италийского перевода (*Vetus Italica*) в том виде, в котором его цитирует Августин.

вопрос, и более всего его предлагают те люди, которые по нечестию строят козни против наших Писаний, а не исследуют их во благочестии. Они говорят, особенно по поводу недавнего разорения столь великого города: «Разве не было в Риме пятидесяти праведников? Среди такого числа верных, среди такого числа монашествующих, воздержников, среди такого числа рабов и рабынь Божиих ни пятидесяти праведников не нашлось, ни сорока, ни тридцати, ни двадцати, ни десяти? А если это невероятно, то почему ради пятидесяти или хоть ради десяти праведников Бог не пощадил этого города?». Писание не обманывает, если человек сам не обманывается. Когда вопрошают о праведности и когда Бог отвечает о праведности, он ищет праведных по божественной мере, не по мере человеческой. Поэтому я без промедления отвечаю: либо он нашел там стольких праведников и пощадил город, или, если он не пощадил города, то и праведников там не нашел. Но мне ответят: ясно, что Бог не пощадил города. Ответу: а мне совсем не ясно. Этот город не был погублен, как был погублен Содом. (Речь ведь шла о Содоме, когда Авраам вопрошал Бога.) И Господь сказал: Не погублю города, но не сказал: «Не накажу города». Содом он не пощадил, Содом он до основания уничтожил огнем, не откладывая его до суда, но совершил с Содомом то, что для прочих грешников сберег на суд. Решительно никто из Содомы не избежал гибели, не осталось там ни одного человека, ни скота, ни дома, все совершенно поглотил огонь. Вот как Господь погубил город! А из города Рима сколь многие вышли и вернутся, сколь многие остались там и избежали гибели, сколь многих в священных местах даже тронуть не посмели! «Но многих, – скажут мне, – увели в плен». – Так и Даниила, и не в наказание ему, а в утешение другим. «Но многих, – скажут, – убили». – Так и многих праведников и пророков от Авелевой крови до крови Захарии (Мф. 23:35), так и многих апостолов, так и самого Господа пророков и апостолов. «Но многие, – скажут, – подвергнуты были разным мучениям». – Что же, неужели кто-нибудь пострадал больше Иова?

3. Страшные вести дошли до нас: учинена резня, поджоги, грабеж, убийства, истязания людей. Это правда, многое нам пришлось услышать, обо всем мы сокрушались, часто оплакивали, едва ли утешились – не отказываюсь, не отрицаю, что много страшного мы слышали, много страшного произошло в этом городе.

III. [При разорении Города не случилось ничего более тяжкого, чем беда Иова.] И все же, братья мои – слушайте внимательно, возлюбленные, что я вам скажу – мы слышали из книги святого Иова, что, потеряв имущество, потеряв сыновей, он и плоть свою, которая одна только у него и оставалась, не смог сохранить безболезненной, но, пораженный тяжким недугом от головы до ног, сидел он на гноище, истлевая от язв, истекая гноем, киша червями, истерзанный острейшими муками боли. Если бы нам сообщили, что весь город сидит, сидит, говорю я, весь город без единого здорового в тягчайшей болезни и что живые так растлеваются червями, как растлевались мертвые, – что было бы тягостнее: это или та война? Думаю, железо меньше наносит ран человеческой плоти, чем черви; легче стерпеть, как из ран струится кровь, чем как из тлеющей плоти сочится гной. Ты видишь, как разлагается труп, и содрогаешься, но здесь меньше боли, потому что отсутствует душа. Что же чувствовала душа, присутствовавшая в Иове, связанная, чтобы не могла убежать, обреченная болезнованию, подстрекаемая к богохульству? Однако Иов вынес эту скорбь, и вменилось ему это в великую праведность. Значит, смотреть надо не на то, что человек претерпевает, но на то, что он при этом делает. Человек, в том, что ты претерпеваешь, нет твоей власти; в том, что ты делаешь, – воля твоя показывает себя виновной или невиновной. Иов страдал, а не тронутая страданиями жена стояла, не в утешение, а во искушение, не цельбу предлагая, а хуле научая: *Скажи нечто на Бога и умри*. Посмотрите, каким благодеянием была бы для него смерть, и этого благодеяния никто ему не давал. Во всем этом, что выносила святая душа, упражнялось терпение, испытывалась вера, побеждался диавол. Великое зрелище, и в мерзости тления славная краса добродетели. В тайне разоряет враг, открыто увещевает ко злу врагиня, помощница диаволу, а не мужу, новая Ева; но он не новый Адам. *Скажи нечто на Бога и умри*. Хулой исторгни то, чего не можешь выпросить молением. *Ты сказала, – говорит Иов, – как одна из безумных женщин. Если блага принимаем мы из руки Божией, неужели беды не понесем?* (Иов. 2:10) Он отец, неужели нам любить его, когда он ласкает, и отвергать, когда исправляет? Разве не отец он и когда обещает жизнь, и когда налагает наказание? Не забыла ли ты слова: *Сын мой, приступая к служению Богу, стань в правде и страхе, и уготовь душу твою к испытаниям. Все, что тебе выпадет, принимай, и печали выноси, и в смиреннии твоём имей терпение, ибо серебро и золото искушаются в огне, люди же испытываются в горниле смирения*

(Сир. 2:1–5). Не забыла ли ты: *Кого любит Господь, наказует, и бичует всякого сына, которого принимает* (Притч. 3:12; Евр. 12:6).

IV.4. [Сколь легки мучения временные по сравнению с геенной]. Помысли любые истязания, прости воображение к любым мукам человеческим в этой жизни, сравни их с геенной – и все, что ты помыслишь, окажется легким. Здесь истязатель и истязуемый временные, там – вечные. Разве до сих пор страдают те, кто пострадал во время разорения Рима? А богат тот до сих пор страдает в преисподней (Лк. 16:19–26). Он горел, горит и будет гореть, будет жить вплоть до суда, примет плоть, но не во благо себе, а в наказание. Убоимся этих мук, если мы боимся Бога. Что бы человек ни претерпел здесь, если он исправляется, это к улучшению, если и тем не исправляется, то к двойному осуждению. Ибо здесь он отбывает временное наказание, а там примет вечное наказание. Говорю вам, возлюбленные братья: конечно, мы восхваляем святых мучеников, прославляем их, дивимся им, дни их празднуем с благочестивой торжественностью, пред заслугами их благоговеем и, если можем, подражаем им. Велика поистине, велика слава мучеников, но не знаю, меньше ли была слава Иова; хоть ему и не говорили: «Возложи ладан идолам, принеси жертву чуждым богам, отрицай Христа», но говорили: «Похули Бога». И не говорили ему с таким смыслом: если похулишь – вся зараза отступит и вернется здоровье; но бессмысленная и бестолковая женщина говорила: «Если похулишь, умрешь и, умерев, избавишься от мук». Как будто умерший богохульник не наследует вечной муки! Глупая женщина боялась тяготы теперешней язвы, а о вечном огне она нисколько не думала. Он же переносил настоящую беду, чтобы не впасть в будущую. Удерживал он сердце от злого помышления, язык от злого слова, при телесной язве сохранял здоровье души. Он видел, чего избегает в будущем, и поэтому сносил то, чем страдал. Так же пусть всякий христианин, когда придется ему страдать от телесного уязвления, помышляет о геенне и увидит, как легко то, что он претерпевает. Пусть не ропщет он на Бога, пусть не говорит: «Боже, что я тебе сделал? За что терплю такое?». Но пусть скажет то, что сказал Иов, хотя и был святым: *Ты исследовал все грехи мои, и как бы в мешке запечатал их* (Иов. 24:16–17³). Не посмел сказать о себе, что он без греха, человек, который страдал не в наказание, но во оправдание. Так пусть и говорит всякий, когда страдает.

V.5. [Не было ли в Риме праведников, ради которых стоило пощадить город? У всех есть грехи, которые можно непритворно исповедовать.] Было в Риме пятьдесят праведников, и даже, если смотреть по человеческой мере, тысячи праведников; если по мерилу совершенства, – то ни одного там не было праведного. Кто в Риме осмеливается называть себя праведным, тот не от меня слышит: *Разве ты мудрее Даниила?* (Иез. 28:3) А потому слушай, как тот исповедует грехи свои (Дан. 9:20). Или, может быть, он лгал, когда исповедовал? Значит в том и был грех, что он лгал Богу о своих грехах. Но иногда люди вступают в спор и говорят: «И праведный человек должен говорить Богу, что он грешен, хотя бы он и знал, что у него нет никакого греха, пусть все равно говорит Богу: *Есть у меня грех*». Удивляюсь: можно ли назвать это здравым рассуждением? Кто дает тебе возможность быть без греха? Разве не Бог, который исцеляет душу твою? Но это если у тебя нет греха. Ибо, поразмыслив, найдешь, и не грех, а грехи. Однако если и вовсе нет у тебя греха, разве это не благодеяние того, кому ты сказал: *Господи, помилуй меня, исцели душу мою, ибо я согрешил пред тобою* (Пс. 40:5)? Стало быть, если твоя душа без греха, то твоя душа всячески исцелена, если же исцелена всячески душа твоя, почему ты не благодарен своему врачу и говоришь, что до сих пор еще есть рана там, где уже восстановлено полное здоровье? Если бы ты показал врачу свое чахлое и израненное тело, и попросил излечить его, и он бы сделал так и вернул бы тебе здоровье и невредимость, а ты все еще говорил бы: «Я не здоров», – разве не оказался бы ты неблагоприятным врачу? Разве не оскорбил бы ты тем самым врача? А если Бог исцелил тебя, ты смеешь говорить: «У меня до сих пор еще есть рана». Не боишься ли ты, что он ответит тебе: «Так значит, я ничего не сделал? Или все, что я сделал, я зря расточил, нет мне награды? Не заслуживаю даже похвалы?». Да отвратит Господь такое неразумие и столь пустое пререкание! Пусть человек говорит: «Я грешник» потому, что он грешник; пусть говорит: «Есть у меня грех» потому, что есть у него грех. Ибо если у него и нет греха, он не мудрее Даниила.

Этот вопрос, братья, я когда-нибудь разрешу до конца. Если праведными названы те, кто называется так по некоей человеческой мере, из-за того общения, в котором они безропотно живут среди людей – то таких в Риме много, и ради них Бог пощадил город, и

³ Нумерация по Септуагинте. См. также прим. 2.

многим удалось спастись; но и тех, кто умер, Бог пощадил. Ибо те, кто умер в добром житии и истинной праведности, во благой вере – разве не избавились от тяжести человеческих дел и не пришли к божественным прохладным обителям? Они умерли после скорбей, как тот бедняк при дверях богача. «Но они голодали!». И он голодал. «Они страдали от ран!». И он страдал, и даже, может быть, их меньше лизали собаки. «Они умерли!». И он умер, но послушай, что его ожидало в конце: *Случилось умереть*, – говорит Евангелие, – *тому бедняку, и отнесли его ангелы на лоно Авраамово* (Лк. 16:20–22).

VI.6. [Как Бог пощадил город ради праведников. С приближением бедствия Константинополь исправился и был спасен свыше.] О, если бы мы могли увидеть глазами души святых, погибших в этой войне! Тогда вы увидели бы, как Бог пощадил Город. Ибо тысячи святых находятся теперь в прохладных обителях, радуются и говорят Богу: «Благодарим тебя за то, что ты вырвал нас из плотских тягот и мук. Благодарим тебя, ибо теперь мы не страшимся ни варваров, ни диавола, не боимся голода на земле, не боимся града, не боимся врага, не боимся ликтора, не боимся притеснителя, но, умерев на земле, мы не умрем у тебя, Боже, спасенные в Царстве твоём, по дару твоему, не по заслугам нашим». Сколь велик город смиренных, который говорит это Богу! Или вы думаете, что город состоит из стен? Город состоит из граждан, а не из стен. Словом, если бы Бог сказал содомлянам: «Бегите, ибо я сожгу место сие», – разве не сочли бы мы большим благом для них, если бы они бежали и шедшее с небес пламя опустошило бы укрепления и стены? Разве не пощадил бы Бог город, если бы город (*civitas*) переселился и избежал гибели в этом огне?

7. Помните ли, как несколько лет назад при константинопольском императоре Аркадии (то, о чем я говорю, слышат, быть может, те, кто знает об этом, и есть среди стоящего здесь народа такие, кто там присутствовал) Бог, желая устроить город и устрашением исправить, устрашением очистить, своему верному рабу, как говорят, человеку военному, пришел в видении и сказал ему, что город погибнет от сошедшего с небес огня, и велел ему сказать об этом епископу? Тот сказал, и епископ не пренебрег сказанным, но держал слово к народу; обратился тогда город к покаянию, как некогда древняя Ниневия (Иона 3:5). Однако чтобы люди не думали, что сказавший им о предстоящем или обманулся по заблуждению, или обманул их по лживости, пришел тот день, которым грозил Бог; все внимали и с великим страхом ожидали кончины. В начале ночи, когда мир уже погружался во тьму, показалось на востоке огненное облако, сперва небольшое, но потом, мало-помалу надвигаясь на город, оно выросло до того, что надо всем городом страшно навис огонь. Было видно, как нависает ужасное пламя, не отсутствовал и запах серы. Все сбегались в церковь, уже не доставало здесь места для множества людей; каждый от кого мог исторгал крещение. Не только в церкви, но и по домам, по кварталам и улицам совершалось спасительное таинство во избежание гнева, пусть не настоящего, но будущего. Но после этого великого испытания, когда Бог подтвердил уже слово свое и видение раба своего, облако, как оно росло, стало так же и уменьшаться и мало-помалу исчезло. Немного успокоившись, народ снова услышал, что ему подобает полностью изойти из города, так как в будущую субботу городу предстояла гибель. Изошел весь город с императором; никто не остался дома, никто не запер дома; далеко отойдя от городских стен и озираясь на милые кровы, он попросался плачевным гласом с покинутыми дражайшими обителями.

И пройдя несколько миль, все это огромное множество, собравшись в одном месте для излияния молитв к Богу, внезапно увидало сильный дым и испустило к Богу великий вопль, но заметив, наконец, установившуюся тишину и послав на разведку, когда миновал предсказанный тревожный час, а разведчики объявили, что все стены и кровы стоят невредимые, все с безмерным ликованием вернулись. Никто ничего не потерял из своего дома, всякий нашел его открытым, как оставил.

VII.8. [Как и Константинополь, Рим скорее получил увещание, нежели был погублен.] Что скажем мы? Был это гнев Божий или скорее милость? Кто усомнится, что так милосерднейший Отец хотел исправить и, устрашая, но не губя, наказать, раз никого из людей, ни один из домов, ни одну из стен столь великая нависшая над ними опасность не поразила? Точно так, как иногда поднимают руку для удара, и когда тот, кого надо было ударить, замирает в ожидании, смилостивившись, убирают – так и случилось с этим городом.

Впрочем, если бы в то время, как, оставив город, весь народ удалился, напало на город опустошение и погубило бы его весь, как Содом, не оставив даже развалин, – кто бы и тогда усомнился, что Бог пощадил город, ибо место его было бы уничтожено уже после того как он, предупрежденный и уstraшенный, ушел и переселился. Точно так же не следует ни в

малой степени сомневаться, что Бог пощадил и город римлян, который прежде вражеского поджога большею частью своих жителей переселился. Переселились те, кто бежал, переселились и те, кто исшел из тела; многие оставшиеся так или иначе смогли укрыться, многие спаслись в священных местах и остались целыми и невредимыми. Итак, рукою исправляющего Бога Город скорее был наказан, нежели погублен, подобно тому как *раб, знающий волю господина своего, бит будет много* (Лк. 18:47).

VIII.9. [Польза временной скорби.] О, если бы все это послужило примером во утрашение, и злое похотение, жадное до мира сего и стремящееся к наслаждению пагубнейшими удовольствиями, получило бы скорее обуздание, чем под заслуженнейшими ударами возропало на Бога, когда он показывает, как неустойчива и зыбка вся суета века сего и все лживые безумства. Но ток получает удары одного молотила, чтобы отделилась мякина и очистилось зерно; и в горниле златокузнеца полыхает один огонь, чтобы шлак обратился в золу, а золото освободилось от загрязнений. Так и Рим претерпел одну скорбь, в которой праведник либо исправился, либо освободился, нечестивец же получил осуждение, был ли он вырван из этой жизни туда, где понесет еще большее заслуженное наказание, остался ли здесь, где к еще большему осуждению он богохульствует, или, пожалуй, где Бог по неизреченной своей милости сохранил для покаяния тех, чье спасение предвидит.

Итак, пусть не волнуют нас страдания праведных: это испытание, а не осуждение. Или, может быть, мы ужасаемся, видя, как некий праведник на этой земле незаслуженно и тяжело страдает, и забываем, что вынес праведник из праведников и святой из святых? Что вынес тут весь город, претерпел он один. Но посмотрите, кто этот один! Царь царей и Господь господствующих (Откр. 19:16) был схвачен, связан, бит, запятнан всяческими оскорблениями, на древе повешен и пригвожден, убит. Сравни с Христом Рим, сравни с Христом всю землю, сравни с Христом небо и землю – ничто сотворенное не сопоставимо с Творцом, ни одно произведение не сравнимо с Создателем. *Все через него было сотворено, и без него не было сотворено ничего* (Ин. 1:3), и, однако, преследовавшие вменили его в ничто. Так понесем же то, что Бог велел нам понести; он, как врач, знает, какая – для лечения и исцеления – нам нужна, возможно, и боль. Ясно сказано в Писании: *Терпение соделывает совершенным труд* (Иак. 1:3) – в чем же будет труд терпения, если мы не потерпим ничего неприятного? Отчего мы отказываемся претерпеть временные беды? Может быть, боимся стать совершеннее? Право же, давайте будем молить, и стенать, и плакать пред Богом, чтобы сбылось над нами сказанное апостолом: *Верен Бог, который не позволит вам искушаться сверх того, что вы можете вынести, но с искушением даст и избавление, чтобы вы могли вынести* (1 Кор. 10:13).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	– Археологические открытия. Москва
Бюлл. МАИКЦА	– Бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Москва
КСИА АН СССР	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
СА	– Советская археология. Москва
СГМИИ	– Сообщения Государственного Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград (СПб.)
АА	– <i>Archäologischer Anzeiger. Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts.</i> Berlin
ААЕ	– <i>Arabian Archaeology and Epigraphy.</i> Copenhagen
АфО	– <i>Archiv für Orientforschung.</i> Wien
АЖА	– <i>American Journal of Archaeology, Archaeological Institute of America.</i> New York
АЖPh	– <i>American Journal of Philology.</i> Baltimore
АнОр	– <i>Analecta Orientalia</i>
АоF	– <i>Altorientalische Forschungen.</i> Berlin
АтIal	– <i>AtIal. The Journal of Saudi Arabian Archeology.</i> Er-Ryadh
АuОr	– <i>Aula Orientalis. Revista de estudios del Próximo Oriente Antiguo</i>
ВА	– <i>Beiträge zur Assyriologie</i>
ВАR	– <i>Breasted J.H. Ancient Records of Egypt. I–V.</i> Chicago, 1906
ВАСOR	– <i>Bulletin of the American Schools of Oriental Research.</i> Atlanta
ВСН	– <i>Bullétin de Correspondance Hellénique.</i> Paris
ВЕС	– <i>Bulletin of the Egyptological Seminar.</i> New York
ВIСS	– <i>Bulletin of the Institute of Classical Studies of London.</i> London
СQ	– <i>Classical Quarterly.</i> Oxford
СТ	– <i>Buck A.de. The Egyptian Coffin Texts. V. I–VII.</i> Chicago, 1935–1961
EW	– <i>East and West. Quarterly Journal of the Instituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente.</i> Roma
GJ	– <i>Geographical Journal.</i> London
GM	– <i>Göttinger Miscellen.</i> Göttingen
GRBS	– <i>Greek, Roman and Byzantine Studies.</i> Duke University. Atlanta
Hermes	– <i>Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie.</i> Wiesbaden
JAOS	– <i>Journal of the American Oriental Society.</i> New York – New Haven
JARCE	– <i>Journal of the American Research Center in Egypt</i>
JCS	– <i>Journal of Cuneiform Studies.</i> Philadelphia (New Haven)
JEA	– <i>Journal of Egyptian Archaeology.</i> London
JHS	– <i>The Journal of Hellenic Studies.</i> London
JGS	– <i>Journal of Glass Studies</i>
JJP	– <i>Journal of Juristic Papyrology.</i> Warszawa
JNES	– <i>Journal of Near Eastern Studies.</i> Chicago
JRS	– <i>Journal of Roman Studies.</i> London
LIMC	– <i>Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae</i>
LÄ	– <i>Lexikon der Ägyptologie. Bd. I–VI.</i> Wiesbaden, 1975–1986
MDAI(A)	– <i>Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.</i> Berlin
MDAI(K)	– <i>Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo.</i> Mainz
NABU	– <i>Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires.</i> Louvain
PLRE	– <i>The Prosopography of the Later Roman Empire. Ed. by A.H.M. Jones.</i> Cambridge, 1971–
REA	– <i>Revue des Études anciennes.</i> Bordeaux
REG	– <i>Revue des Études grecques.</i> Paris
RH	– <i>Revue historique.</i> Paris
RHD	– <i>Revue historique de droit français et étranger.</i> Paris
RT	– <i>Recueil de Travaux Relatifs a la Philologie Egyptienne.</i> Paris
SÄK	– <i>Studien zum altägyptischen Kultur</i>

- SDHI – *Studia et documenta historiae et iuris*. Roma
- SP – *Select Papyri. Literary papyri...* by *D.L. Page*. London–Cambridge
- Urk. – *Sethe K. Urkunden des Alten Reiches*. 2. Aufl. Leipzig, 1933
- Wb. – *Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. 2. Aufl. Leipzig, 1957
- WS – *Wiener Studien*. Wien
- WZKM – *Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes*. Wien
- ZDS – *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. Leipzig – Berlin
- ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn
- ZSS – *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, romanistische Abteilung*. Weimar

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Дандамаев М.А.</i> (Санкт-Петербург) – Семейный архив Иддин-Набу из Вавилона (570–485 гг. до н.э.).....	3
<i>Ярхо В.Н.</i> (Бордо) – Какую речь произнес бы Гесиод... (<i>Оксиринхский папирус 3537 в его соотношении с античной риторической традицией</i>).....	17
<i>Сильвестрова Е.В.</i> (Москва) – Муниципальное право в системе Кодекса Феодосия.....	38

К 2000-ЛЕТИЮ ХРИСТИАНСТВА

<i>Афиногенов Д.Е.</i> (Москва) – Церковнославянский перевод жития св. Порфирия Газского Марка Диакона и его текстологическое значение.....	46
<i>Серегин А.В.</i> (Москва) – Ориген и стоическая концепция «вечного возвращения» (по <i>De princ.</i> 2. 3. 4. и <i>C. Cels.</i> 4. 67–68; 5. 20–21).....	52

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.</i> (Москва) – Буллы из раскопок Гебеклы-депе (Туркменистан).....	71
--	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Демидчик А.Е.</i> (Новосибирск) – Староегипетская печать «правителя Нагорья» и письмо Синухета царю.....	79
<i>Куликов Ф.И.</i> (Горно-Алтайск) – Проблема канона пропорций в древнеегипетском настенном рельефе Старого царства.....	89
<i>Осипова О.В.</i> (Москва) – Фукидидовский «некролог» Никия (7.86.5) и греческие эпиграфии.....	113
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории.....	118
<i>Храпунов И.Н.</i> (Симферополь) – Об этнических процессах в Крыму в римское время.....	131

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Фогт Б.</i> (Бонн), <i>Седов А.В.</i> (Москва) – Культура Сабир и красноморское побережье Йемена во II тысячелетии до н.э.: современное состояние проблемы.....	135
--	-----

«Круглый стол» «Геммы древнего Востока»

<i>Кунина Н.З.</i> (Москва) – Стекло и цветной камень в античности.....	152
<i>Финогенова С.И.</i> (Москва) – Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина.....	164
<i>Залесская В.Н.</i> (Санкт-Петербург) – Ранневизантийская глиптика в собрании Эрмитажа (IV–VII вв.).....	168

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Бонгард-Левин Г.М.</i> (Москва) – Неопубликованная статья М.И. Ростовцева о зверином стиле.....	178
<i>М. Ростовцев</i> – Юг России и Китай – два центра развития звериного стиля.....	180

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Бугров Д.Г., Бугрова Н.А.</i> (Казань) – Коллекция античной расписной и чернолаковой керамики в собрании Государственного объединенного музея Республики Татарстан.....	201
<i>Ходжаи С.И.</i> (Москва) – Коллекция статуэток бога Беса в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина.....	208
	253

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Ладынин И.А., Немировский А.А.</i> (Москва) – J urgen von B e s k e r a t h. Chronologie des pharaonischen Ägypten: Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. München – Berlin, 1998	216
<i>Постернак А.В.</i> (Москва) – A b r a h a m s e n V.A. Women and Worship at Philippi. Diana/Artemis and Other Cults in the Early Christian Era. Portland, 1995	227
<i>Смирнова О.П.</i> (Москва) – Pagan Monotheism in Late Antiquity / Ed. P. Athanassiadi, M. Frede. New York – Oxford, 1999.....	230
<i>Кальери П.</i> (Болонья) – P a n a i n o A. La novella degli scacchi e della tavola reale. Milano, 1999.....	235
<i>Онъибене П.</i> (Болонья) – G a n d i n i M. Raffaele Pettazzoni. Materiali per una biografia. «Strada Maestra». San Giovanni in Persiceto, 1989–1999.....	237

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Павлова О.И.</i> (Москва) – Семинар в Институте востоковедения РАН, посвященный 100-летию со дня рождения академика М.А. Коростовцева (Москва, 24 апреля 2000 г.).....	239
<i>Шопова И.</i> (София) – VIII Международный конгресс по фракологии «Фракия и Эгеида» (София, 25–28 сентября 2000 г.).....	240
_____	
Клара Петровна Полонская (1913–2000).....	243

ПРИЛОЖЕНИЕ

А в р е л и й А в г у с т и н. Слово о разорении города Рима. Предисловие и перевод с латинского <i>С.А. Степанцова</i> (Москва).....	245
---	-----

C O N T E N T S

<i>M.A. Dandamayev</i> (St.-Petersburg) – The Family Archive of Iddin–Nabû from Babylon (570–485 BC)	3
<i>V.N. Yarkho</i> (Bordeaux) – «What Oration Hesiod Would Have Delivered...» (<i>P. Oxy. 50. 3537 in Its Relation to the Ancient Rhetoric Tradition</i>)	17
<i>Ye.V. Silvestrova</i> (Moscow) – Municipal Law in the System of the Theodosian Code.....	38

TOWARDS THE BIMILLENARY OF CHRISTIANITY

<i>D.Ye. Afinogenov</i> (Moscow) – Church Slavonic Translation of the Life of St. Porphyrius of Gaza by Marcus Diaconus and Its Value for Textual Criticism.....	46
<i>A.V. Seryogin</i> (Moscow) – Origen and the Stoic Concept of Eternal Recurrence (<i>De princ. 2. 3. 4. u C. Cels. 4. 67–68; 5. 20–21</i>)	52

PUBLICATIONS

<i>V.A. Gaibov, G.A. Koshelenko</i> (Moscow) – Bullae from the Excavations at Göbekly-Depe (Turkmenistan).....	71
--	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>A.Ye. Demidchik</i> (Novosibirsk) – The Old Kingdom Seal of the «Ruler of Desert» and Sinuhe's Letter to the King	79
<i>F.I. Kulikov</i> (Gorno-Altai) – The Canon of Proportions in Egyptian Old Kingdom Wall Reliefs..	89
<i>O.V. Ossipova</i> (Moscow) – Nikias' «Eulogy» in Thucydides (7. 86. 5) and Greek Epitaphs	113
<i>I.Ye. Surikov</i> (Moscow) – Political Struggle in Athens in Early 5th C. BC and the First Ostrakophories.....	118
<i>I.N. Khrapunov</i> (Simferopol) – Ethnic Processes in the Crimea of the Roman Time.....	131

ANCIENT CIVILIZATIONS: NEW DISCOVERIES

<i>B. Vogt</i> (Bonn), <i>A.V. Sedov</i> (Moscow) – Sabir Culture and Yemeni Red Sea Coast in the 2nd Millennium BC: Present State of Discussion.....	135
---	-----

«Round Table» «Gems of Ancient Near East»

<i>N.Z. Kunina</i> (Moscow) – Glass and Coloured Stone in the Ancient World.....	152
<i>S.I. Finogenova</i> (Moscow) – A Group of Hellenistic Bronze Seal-Rings from the Collection of the State Museum of Fine Arts (The Pushkin Museum).....	164
<i>V.N. Zaleskaya</i> (St.-Petersburg) – Early Byzantine Glyptic Art in the Hermitage Collection	168

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>G.M. Bongard-Levin</i> (Moscow) – An Unpublished Article by M.I. Rostovtzeff on the Anymal Style.....	178
<i>M. Rostovtzeff</i> – South Russia and China, Two Centres of Development of the Animal Style.....	180

IN WORLD MUSEUMS

<i>D.G. Bugrov, N.A. Bugrova</i> (Kazan) – Ancient Painted and Black Varnish Ceramics in the Collection of the State United Museum of Tatarstan.....	201
<i>S.I. Hodjash</i> (Moscow) – Figurines of God Bes from the Collection of the State Museum of Fine Arts (The Pushkin Museum).....	208

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

<i>I.A. Ladynin, A.A. Nemirovsky</i> (Moscow) – Jurgen von Beckerath. Chronologie des	
---	--

pharaonischen Ägypten: Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. München–Berlin, 1998	216
A.V. Posternak (Moscow) – A b r a h a m s e n V.A. Women and Worship at Philippi. Diana/Artemis and Other Cults in the Early Christian Era. Portland, 1995	227
O.P. Smirnova (Moscow) – Pagan Monotheism in Late Antiquity / Ed. P. Athanassiadi, M. Frede. New York–Oxford, 1999.....	230
P. Callieri (Bologna) – P a n a i n o A. La novella degli scacchi e della tavola reale. Milano, 1999	235
P. Ognibene (Bologna) – G a n d i n i M. Raffaele Pettazoni. Materiali per una biografia. «Strada Maestra». San Giovanni in Persiceto, 1989–1999.....	237

SCIENTIFIC EVENTS

O.I. Pavlova (Moscow) – The 100th Anniversary of M.A. Korostovtsev. A Conference Held in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, April 24, 2000).....	239
I. Shopova (Sofia) – The VIIIth International Congress of Thracian Studies «Thrace and Aegeis» (Sofia, 25–28 September 2000).....	240

Klara Petrovna Polonskaya (1913–2000).....	243
---	-----

SUPPLEMENT

<i>Sanci Aurelii Augustini episcopi Hipponensis. Sermo de excidio urbis Romae.</i> Introduction and Translation by S.A. Stepanov (Moscow).....	245
--	-----

Технический редактор *Н.Н. Беляева*

Сдано в набор 20.02.2001	Подписано к печати 03.04.2001	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Печать офсетная	Усл.-печ.л. 20,8	Усл. кр.-отг. 24,7 тыс.
	Тираж 1172 экз.	Уч.-изд.л. 25,4
		Бум.л. 8,0
		Зак. 2076

Свидетельство о регистрации № 0110170 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации

Учредители: Российская академия наук, Отделение истории РАН, Институт всеобщей истории РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А

Институт всеобщей истории РАН. Тел.: 938-56-28; 938-19-12

Отпечатано в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2001
ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 ТОМ Российские и зарубежные газеты и журналы

2 ТОМ Книги и учебники

1 ТОМ ПРЕС
РОС
И З
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

«НАУКА»